

A detailed illustration of a woman with long, dark, wavy hair, looking intensely at the viewer. She has a serious expression and a small, dark mark on her cheek. She is wearing a green tunic with a dark green scarf. A sword with a wooden hilt and a long, straight blade is positioned diagonally across her chest. The background is a dark, textured green.

Елена Нисель

Путь варга

Пастыри чудовищ

Книга 2

Я Лайл Гроски, наёмник Гильдии Чистых Рук. И, Боженьки, как мне не повезло оказаться в королевском питомнике с этим чёртовым заданием! Потому что заказчик, кажется, обо мне забыл. Потому что мысленно я пообещал, что одна помешанная на спасении всех и каждого варгиня с кнутом останется невредимой. Потому что прошлое идёт по пятам...

А пьющие вепри, твари-людоеды, магические перерожденцы и отбитый на голову напарничек — всё это мелочи в сравнении с тем, что мне, кажется, начинает тут нравиться.

«...в особенности же берегитесь выходить в леса по ночам, когда хищные бестии алчут особенно сильно. Ибо ночное время в лесу — суть время опасностей и загадок, и не угадаешь — кого встретишь на лесных тропах: демона ли, пророка ли или посланника судьбы...»

Имменей Варс. Наставления юному магу

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Я-то думал, варги — олицетворения милосердия.

Дежурная сторожка отнеслась к моему заявлению с умеренным вниманием. Капканы в углу не возражали. Засаленные карты на столе одобряли. Потертые куртки на вешалке, прочий хлам и пауки под потолком молчаливо сочувствовали.

— Добрые, заботящиеся о живых существах... Благородные и жалостливые... ну, по крайней мере, они не склонны к таким вот подлым финтам в духе Шеннета-Хромца.

На сей раз пространство отозвалось тихим смешком.

— Мне кажется, ты драматизируешь, Лайл. Ты против моего общества?

Нет, у меня просто крысиная истерика средней величины. Потому что свой второй штрафной патруль я должен был отрабатывать в компании Арделл. Только вот у той нашлась какая-то дополнительная тысяча дел, из-за чего Гриз приволоклась в питомник поздно вечером и не соизволила меня уведомить о смене планов.

Так что в сторожке я застал празднично улыбающегося Нэйша. И, повинувшись воплю инстинкта, сперва чуть было не выскочил обратно на улицу.

— Ты о том, что мне придется ночь разгуливать с тобой по лесу, полному опасных и диких тварей? Просто считаю, что Арделл могла бы и предупредить. Чтобы я подготовился — скажем, сломал себе ногу или еще какую конечность... Почему вообще она не пошла сама?!

Не спрашиваю, почему не Мел и не Хаата. Терраант и так ошивается по питомнику чуть ли не круглые сутки, надо же и ей хоть изредка, но спать. Мел в последнюю девятницу — ни на шаг от миляг-тхиоров и даже добилась с ними определённых успехов. Тхиоры безоговорочно почуяли старшую по кровожадности. Скоро они будут ей тапочки приносить.

— Произошло что-то подобное тому, что мы видели в зверинце Гэтланда. Только на востоке, в Дамате. Меньшие масштабы, впрочем. Зверинец какой-то знатной особы. Бешенство зверей.

Нужно будет забежать к Аманде, осведомиться о подробностях за чаем со сладостями. Ну, а вчера у Гриз было ночное патрулирование открытой части, а позавчера они с Мел ночь возились с захворавшим грифоном...

— Думаю, она просто решила позволить себе маленький отдых. А поскольку остальные заняты... можешь считать — это её маленькая просьба.

И я не буду комментировать, с чего бы Нэйш явился от начальства в приподнятом настроении и с сытой улыбкой. Фреза до меня в подробностях донесла, что у устранителя с главой ковчежников... многогранные отношения.

— Просьба, ага ж. Влепила тебе парочку внеочередных, а?

Свою куртку я скинул, нацепил плотную служебную — из дубленой кожи яприля. Великовата, но моего размера пока не пошили — приходится выбирать, из чего есть. Перебрал маск-плащи в коробке у двери. Почти все изодраны или в пятнах... ну вот, есть попримечнее.

— Хотя тебе же нет нужды, да? Сколько у тебя вообще штрафных дежурств?

Нэйшу снаряжаться было не нужно: при нём был неизменный белый костюм из таллеи, плюс маск-плащ. Плюс тревожно хорошее настроение. Так что он сидел на крае стола, подкидывал на ладони дарт и поддразнивал меня взглядом.

— Несколько здесь... несколько там... я не считаю. Своего рода коллекция, не так ли? В любом случае, у меня пока что нет штрафных дежурств из-за того, что я не смог разгадать козни маленькой девочки.

Так и знал, что мы к этому придём. Мало мне Аманды с участливым: «Как заживают укусы, золотенький? А как тебе бальзам, который я приготовила для маленькой Мариэль, ай-яй, так и знала, что понадобится...» И презрительных пофыркиваний Мел. И приглашений Лортена на выпивку.

— Если тебе завидно, что прозевал такой редкий экземпляр — так и скажи. У тебя-то, само собой, всё с пометочками «За устранение кого не следовало»? К слову, есть у меня теория, почему Арделл решила послать нас в дежурство двоих. Думаю, боится оставлять тебя с питомником наедине — это же у тебя там дарт? Ты, случайно, не собираешься кого-нибудь грохнуть во время нашей маленькой прогулки?

Выбрал три бирюзовые бутылочки снотворного из коробки — не помутневшие и с хорошими пробками. Забросил в карман. Проверил фонарь из желчи мантикоры: сдвинул заслонку наполовину, потом на полную. Сквозник в нагрудном кармане для связи — есть. Фляга с водой — во внутреннем. Эссенцию альфина на ворот, чтобы хищники не лезли — и всё, можно идти.

— Мало ли, что может случиться, Лайл, — издевательски обозначил Нэйш, пропуская меня на выход. — Может попасться кто-нибудь особенно раздражающий.

Ночка выдалась прохладной для второй девятницы месяца. Луна Глубинницы принимала ванну где-то в небесах — плавала в розовой пене облаков. Питомник дневной засыпал: сонно похлопывали крыльями грифоны, погромыхивала хвостом стимфа, единороги фыркали — готовились отойти ко сну. Зато просыпался ночной питомник, и всё чаще раздавалось настойчивое «урлюлолюлю» гарпий-бескрылок, порывкивание драккайн, бурчание уже почти что выздоровевшей мантикоры... а вот алапард выдал ленивое, растянутое «аррррау».

В первый день здесь я полагал, что ночью в питомнике будет потише. И уснул исключительно из-за жизненного опыта, в котором значились учебка законников, Рифы и гостиницы вейгордского побережья.

А ещё в воздухе застоялся пронзительный яблочный дух.

Яблонь в питомнике и возле него было предостаточно. От мелкой, корявой, усыпанной алыми плодами — под окном «Ковчежца», до дуплистай, раскидистой и огромной — уже за оградой. А теперь вот настала пора основного урожая — и Фреза сутками пропадала за варкой повидла, а Аманда постигла новые вершины выпекания яблочных пирожков на меду. У вольерных и Изы добавилось работы — обтрясать ветки и собирать паданцы. Зверушки вроде яприлей, единорогов и лайлов grosки от такой пищи были в бурном восторге.

Впрочем, себя вольерные и Иза тоже не забывали, так что вся округа который день благоухала сидром.

— Мне нужно рассказывать тебе о правилах поведения, Лайл? — справился Нэйш, который шаг в шаг следовал за мной по тропочке.

— Думаю, я как-нибудь да обойдусь без подробных инструкций.

Что-что — а это Арделл донесла до меня в подробностях. От «Находиться в прямой видимости с напарником» до «Постоянно держать при себе снотворное» и «Ни в коем случае не лезть на рожон». В свой первый ночной патруль я ходил вместе с ней же, пару девятниц назад, второй был вместе с Мел. И оба раза прошло сносно — помимо того, что Мел то и дело сигала в кусты обниматься со знакомыми зверушками.

Четвертый раз — та грань, когда к работенке пора бы привыкнуть. Только вот перед тобой неотвратимо вырастает тёмная стена деревьев — и на лесную тропу вступаешь с трепетом, как в первый раз.

Питомник остаётся за спиной — малость чокнутый, но, в общем, довольно уютный питомник, где звери отделены от тебя клетками и досками загонов. Само-то собой, приходится заходить в клетки по работе. Но это... не то. Особенно ночью.

Днём тоже приходилось прогуливаться по заповедной части — проверял вместе с вольерными кормушки, наполнял зельями поилки, Арделл учила читать следы и показывала тропы перед ночными патрулями. Дубы, ясени, кустарники, дикий виноград, дальше вглубь — ели и сосны, ничего, словом, особенного. Животные большей частью отсыпались где-то на полянах и за кустами.

А ночью вот питомник менялся. словно сдёргивал с себя бархатно-зеленую шкурку притворства — и становился опасным и... чуждым.

Тени съели последние закатные лучи, перемигнулись и надвинулись, извиваясь от предвкушения. Деревья потянули лапы — с тихим, насмешливым шелестом приглашая покружиться с ними в ночном хороводе. И начали один за другим зажигаться огни, будто в ответ звездам на небесах. Желто-зелёные и ярко-зеленые точки, переползающие с места на место — сперва одиночные, а чем дальше в лес, тем гуще, больше, чаще... Праздничная иллюминация — светляки-гроздевики, которые встречаются там, где много магических животинки. Облегчает патрулирование: не нужно постоянно держать фонарь. Если бы только это сборище гроздевиков не превращало ещё лес во что-то призрачное — словно из страшных сказок. Не ходите, деточки, в лес за огоньками — не вернётесь...

— Нервничаешь, Лайл.

Шёпот напарничка над ухом заставил меня взлететь на фут вверх.

— Подсказать — почему?!

Свет гроздевиков обратил физиономию устранителя в что-то потустороннее и злое — ещё и глаза стали совсем зелёными.

— Смотри на это как на небольшую прогулку. Отличная ночь, чтобы подышать свежим воздухом.

Из глубины питомника донёсся неопознанный, но злое вой. Нэйш не повел бровью — что взять с человека, который в заповедной части пропадает не только ночами. Он ещё и на рассвете тут пробежки устраивает: это я узнал от трепетливой Уны. Славные такие тренировочки по утрам в любую погоду, по принципу: «Если во время пробежки на меня нападёт хищник — это проблемы хищника».

Судя по излияниям Уны, хищники передавали информацию об отморозенности

устранителя из уст в уста. Иначе как объяснить то, что, никто пока не запал на движущуюся мишень. С фатальными последствиями для себя.

— Мы даже можем встретить браконьеров, — кажется, это была сомнительная попытка меня подбодрить.

Я молча отвернулся и затопал по тропе. Нэйш тихо хмыкнул за спиной и — лёгкий шорох кустов — соскочил с тропы вбок, скользнул между деревьями. Шаг у устранителя переменялся, стал текучим и бесшумным, и его стало чертовски сложно различать в темноте. Впрочем, как и Мел и Арделл — эти вообще сливались с лесом, но верный инстинкт предупреждал: где-то тут, идут рядом со мной, время от времени находят меня взглядом...

Тропа источалась, ветвилась под ногами, приходилось сличать направление по меткам светящейся краской на стволах деревьев. Работа вольерных — едва заметные стрелки с пометками буквами: юго-восток, северо-запад, к гарпиям.

Сперва на юг, оттуда браконьеры являются чаще всего. Зверушки-то между собой разберутся сами. А вот от любителей поживиться в заповедной части питомника приходится отбиваться, потому как — лезут не переставая. Группами и по одному (да, бывают и такие идиоты). С ловушками, с артефактами, с ядами, с опасными капканами, а то и просто с магией. Деревенские храбрецы, решившие поживиться редкими зверушками. Контрабандисты, которым нужны животные на продажу в зверинцы. Аристократы, которым не указ законы Илая Вейгордского.

— Приходят они обычно от ближайших виров и со стороны реки, — поясняла Арделл еще в мою первую девятницу на новом месте. Черкая при этом карандашом по карте питомника и окрестностей. — Смотри, вот наша заповедная часть. Она простирается от «Ковчежца» вдоль на десять миль. Это и есть питомник, а дальше идут заповедные земли миль на двадцать, потом начинают тянуться леса, плавно переходящие в тильвийские болота. Теперь взгляни. Наш питомник зажат между рекой, полями и прочими преградами. Там, где лес примыкает к территории зверинца, — узкий клин лесной территории. Потом он постепенно расширяется. Сюда мы выпускаем зверей, которые выздоровели и которым можно дать свободу. Иногда помогаем освоиться...

— Добычей им, что ли, служите?

— Возвращаем охотничьи навыки. И стараемся отучить от доверия людям. Так вот, звери какое-то время остаются на узкой части, ближе к нам, а потом продвигаются всё дальше вглубь территории. Осваиваются, начинают охотиться — и уходят в тильвийские леса, а там уж — мигрируют, куда захотят.

Я уже знал, что бестии не жрут друг друга. Так что не задал постыдный вопрос: а не может ли вылеченный и отпущенный алапард сожрать вылеченного и отпущенного единорога. Зато спросил другое:

— А как обстоит дело с теми животинками, которые у нас обычно не водятся? Скажем, йоссы — они же в основном живут на севере? Или вот даматский подвид гарпии — восточные зверушки?

— Возвращаем в места обитания, тут без вариантов, — отозвалась Арделл, поглаживая наглого котяру, который вспрыгнул прямо на карту. — Так вот. Браконьеры повадились прогуливаться где-то на этом уровне. Видишь? Где лесная полоса еще довольно узкая, а территория питомника подходит к концу. Животных здесь очень легко найти, они не успели еще уйти вглубь и попадают часто. Так что наша задача...

Наша задача — сделать так, чтобы браконьеры не повредили зверушкам. И чтобы зверушки не внесли себе приятное разнообразие в ежедневный рацион. Словом, патруль обычно выглядит как прочёсывание леса на всю ночь (ноги болят после жутко, но спасибо мажам Аманды). Один патрульный просматривает округу на предмет ловушек и капканов. Второй страхует и, если что, вытаскивает товарища из ловушек и капканов.

Аманда как-то обмолвилась, что одного из «кльков» — тех, что были до Нэйша — они на патруле и потеряли. Так что ночной патруль — счастливая обязанность не вольерных, а исключительно членов ковчежного «тела».

И, к слову, я тут чувствую себя... хвостом, а не панцирем. Поджатым длинным, голым хвостом. Потому что ночная песнь уже началась — и летит со всех сторон. Истериически хохочут вездесущие пересмешники-скрогги. И нежно позванивают на ветках золотистые тенны, и высвистывают что-то непристойное шнырки... древесные, что ли?

И в кустах, и между деревьями вспыхивают точки — провожают с пристальным, целенаправленным интересом. Непохожие на светляков точки — плывут и стелются: зелёные и оранжевые огоньки. Вой игольчатника за тридцать шагов, гулкие, хрусткие, тяжёлые шаги позади, мурлыканье алапарда у ручья, далёкие, хриплые крики гарпий — это всё почти привычно и не вызывает страха. Страшнее всего — эти, которые молчат и крадутся в темноте, так что я вижу только тени.

Вздор, на тропы они не сунутся, тропы ограждены отпугивающими артефактами, обработаны зельями... тропы — привилегия персонала. Только вот в этой привилегии есть пара интересных оговорок. Первая из них — кровь.

— Если животное ранено или учуяло кровь — оно не реагирует на отпугивающие зелья и артефакты, — это Арделл повторяла до одури. — Как и при болезни или бешенстве. Если животное вышло на тропу — сразу же применяй снотворное. Без раздумий. Даже если оно целенаправленно движется к тропе — не рискуй. Даже если оно слишком близко подошло к тропе.

Интересно бы знать — вот эти... которые, я почти уверен, слушают мои шаги и крадутся там, за древесными стволами — насколько близко они? Настолько, чтобы запустить в кусты флакончиком быстродействующего снотворного? Вздор, конечно, «Бирюзовый сон» — штука мощная, быстро испаряется, но зато и действует точно, швырять нужно в зверя или прямо перед ним... Остаётся утешать себя тем, что зверушек отпугнет секрет альфина у меня на воротнике. Или артефакты по краям тропы.

Или аура опасности вокруг нашего «клька». Кстати, где это он?

Я посветил фонариком на стволы, удостоверившись, что иду верно. Из кустов донеслось недовольное ворчанье, и фонарик я притушил. Развернулся, чтобы идти, и обнаружил, что Нэйш стоит в двух шагах от меня, задумчиво пялясь куда-то поверх моей головы.

— Песнь Охоты, Лайл.

Пора бы уже перестать так подскакивать, наверно.

— Черти водные — ты хочешь меня зайкой сделать? Я же мог бы и врезать, не разобравшись.

Нэйш мимоходом качнул головой — мол, сомневаюсь. Вынул из кармана и подкинул на ладони два зеленоватых камушка — манящий артефакт.

— Повезло с уловом?

— Не в том дело. Это Песнь Охоты. Слышишь? Гарпии напали на след добычи.

Всё равно что сказать уличному торговцу: «Эй, ты же слышишь вон ту арфу в этом

оркестре на сто разных инструментов?»

— Ну, если ты так говоришь...

— Две мили, может, полторы, — Нэйш повел пальцем, намечая линию движения. — Это если напрямик, по лесу. Что бы их могло так взбудоражить? Пожалуй, я взгляну.

Я подумал было возразить, но обнаружил полное отсутствие звуков в организме.

— Ты меня замедлишь, да и не думаю, что ты горишь желанием покинуть тропу. И тебе же не нравилось моё общество, а, Лайл?

Он от души наслаждался моим оцепенением. Молчанием. И ужасом, который потихоньку начинал сочиться из всей моей натуры. Но успешно скрывал это — за маской чуть издевательской заботы.

— Справишься? Конечно, справишься, ты специалист по выживанию. Закутайся как следует в маск-плащ и продолжай движение. Не сходи с тропы... и кричи, если что.

Высверк прощальной улыбки и заботливое похлопывание по плечу на прощание — и всё, «клык» пропал между деревьями раньше, чем я успел вцепиться ему в маск-плащ и заорать: «Ты что, совсем поехал кукушечкой — оставлять меня здесь одного?! Наедине с теньями, звуками и взглядами? Да Арделл же повторяла — нельзя расходиться! Да ведь я же...»

— Да, Лайл, — полетело из темноты. — И не суйся на территорию гарпий.

Лёгкий шорох удаляющихся шагов после этого оказался громче визгливого хохота скроггов.

Я оперся на шершавую кору сосны на развилке. Глотнул прохладного воздуха с нотками неизменных яблок, опадающей листвы, и грибов, и чего-то неуловимо звериного. Нужно было непременно справиться с обезумевшим грызуном внутри — иначе я сотворю что-нибудь бездумно-трусливое. Попытаюсь догнать Нэйша, например. Или брошусь обратно в питомник. Собьюсь с тропы.

Потому что крысиный инстинкт — конечно, хорошо, но только не когда крыса полностью выключает разум.

Придавленный грызун корчился и бился, а я давил его, давил и шептал словечки: это просто шуточки Нэйша, ничего больше. Решил малость развлечься за счет своей любимой игрушки. Посмотреть, как я буду вздрагивать от каждого шороха. Небось, на самом деле будет где-то поблизости, наблюдать, будто за бабочкой в агонии... а я...

Ну, веду себя гораздо менее достойно, чем бабочки в агонии.

Выудил из внутреннего кармана фляжку — жаль, с водой. От воды полегчало, и я смог сдвинуть ногу вперед по тропе. Умница, Гроски. Шажочек-другой. И впрямь, просто прогулка лесная, ну а что ночью... так и это бывало, да? Вот еще с часик погуляем, послушаем (и ничего, что вокруг плавают какие-то там огни. Это светляки — и заткнулись там, не рычать, насекомые!). А дальше, если Нэйш не вернется, можно будет вызывать по сквознику Гриз — ручьев-то вокруг достаточно. Всё, если пораздумать, очень даже неплохо.

Только, разве что, скрогги над головами, да голодные тени за кустами. И еще ветерок порывами доносит вонь от логова гарпий. А у этих тварей ко мне великая гастрономическая любовь, вне зависимости от подвигов. Так что надо бы быть поосторожнее.

Мел как-то бросила под хорошее настроение, что здесь красиво. Наверное, если присмотреться — все эти ручьи, светляки и кружева теней — и впрямь симпатичны. Для Мел. Скверно другое: невозможно так и гулять по тропе в полной боевой готовности. Расслабляешься и отвлекаешься, и в голову начинают лезть мыслишки наподобие: как-то там

мое задание, интересно?

В прошлый визит в Вейгорд-тен меня даже не пропустили к Стольфси. В «Честной вдовушке» ко мне спустился в зал связной Гильдии. И обозначил коротко: новости будут, когда будут. Заклад и контракт не отменяются, жди сколько нужно. И не смей появляться в этой таверне.

Пришлось проститься с Милкой и ее превосходным пивом. Хотелось бы — чтобы ненадолго... Но всё-таки — у заказчиков что, что-то не ладится, а? Или меня нарочно посылали настолько заранее, чтобы я полностью втерся в доверие («Делаешь это шикарно, Гроски», — хмыкнул внутренний голос). Но тогда что может быть?

Крик.

Прорезал ночь — где-то на востоке, куда ушел Нэйш. И это не крик животного: я много раз слышал, как кричат люди, и на Рифах, и до них.

А потом я наконец-то услышал Песнь Охоты гарпий-бескрылок — она разрослась и заплескалась между деревьями. Отдаленное, но ясное «Урлюлюлюлю!», пронзительные, игривые, хищные взвизги...

Питомник вокруг заинтересованно примолк. Я затормозил посреди тропы и пялил глаза в подсвеченную гроздевиками тьму — а где-то в глубине, между деревьями звенело и перекатывалось бесконечное «Урлюлюлюлю!» Отдавалось эхом, раскатывалось и разливалось, и ширилось, и металось в разные стороны...

Гарпии любят поиграть. Погонять добычу туда-сюда. Развлечься с ней, будто кошка — с мышкой. Но это...

Криков больше не слышалось, только ликующие вопли гарпий — то дальше, то ближе, то влево, то вправо... где ж там Нэйш, вир его побери. И что делать — стоять на месте и молчать или орать, просто для разнообразия?

Крики гарпий как будто начали отдаляться и глохнуть — а потом «Урлюлюлюлю» опять резануло слух — теперь куда ближе. Остальные гарпии гнали кого-то на восток, а одна, особенно упорная, неслась прямо ко мне... неужто учуяла новую добычу?

Нет, просто нарушители разделились, и один браконьер отстал или заплутал — я его уже слышал, под шагами трещали ветки, пару раз он влетел в кусты и вскрикнул. И вокруг него — сужая круги — носилась торжествующая бескрылка, и «Урлюлюлюлюлю» не смолкало ни на миг.

Гонит в логово. Это где-то впереди по тропе, так что надо бы сместиться...

Сто ярдов я отмахал единым мигом и крикнул потом:

— Эй, кто там есть, бегите сюда, на тропу! Здесь она не тронет! Эй! Сюда!

Браконьер, видно, услышал мой крик, потому что теперь держал курс по лесу точно на меня. Только вот я его всё равно не видел из-за зарослей, и, как назло, здесь был темный участок тропы, без гроздевиков. Так что я достал фонарь и теперь светил им в чащу, покрикивая:

— Сюда, сюда, на меня, быстрее!

Вокруг смыкалась тьма, скользили тени, и я слышал, как скользит и падает браконьер, пытаюсь до меня добраться (мать-Аканта, да он, никак, уже в самое логово влез).

— Давайте сюда! Бегите что есть мочи! Давайте, уже близко!

«Покидать тропу, конечно, можно, — говорила Арделл, когда давала инструкции. — Особенно если худо-бедно ориентируешься, а тебя еще и прикрывают. Но желательно не лезть к животным прямо в логово: все виды защищают свою территорию, и тут струя

альфина их уже не собьёт».

Дальше припомнить инструкции я не успел, потому что развесёлое «Урлюлюлю» сменилось всплеском и коротким воплем ужаса.

Инстинкт законника, — сказал я себе, пока проламывал кусты и несся между деревьями в направлении звуков. «Твоя дурасть», — не согласился внутренний голос.

Вечный серый компаньон прибавил что-то неопределенно-тревожное.

Последний полог из ивовых веток поддался, и я рассмотрел трагедию, которая скрывалась за этим занавесом.

Вместо подмостков театра выступала небольшая полянка, служившая спальней для бескрылок. Декорации в стиле «гарпианский исконный»: трава вытоптана и изгажена, всюду кости, перья, оторванные комки и прочие неароматные отходы. А ещё — куча раздобытого барахла наподобие старых сапог, кружек черепов, до чего так охочи гарпии.

Жертва (рыжий и молодой браконьер) настроилась на героическую смерть, прижавшись к дереву и выставив перед собой ладонь с Печатью.

Гарпия-бескрылка наступала на жертву по всем правилам театрального искусства: прыжок туда, прыжок сюда, встопорщивание серо-бурых перьев (почему-то мокрых). Угрожающее помахивание крыльевыми отростками и пощёлкивание зубастым клювом. Блеск чешуи и роскошь длинных игристых воплей «урлюлюлюлю!»

— Боженьки, — выдал я вместо законных аплодисментов.

Крупная тварь, ирмелейский подвид, ростом повыше своей жертвы, если шею вытянет. И настроена сперва поразвлечься, а потом и пообедать, стало быть — нужно доказать ей, что ночной сон полезнее, чем ночная обжираловка, вот только... только вот...

Только вот это было бы легче сделать, если бы в кармане у меня было снотворное.

Флаконов в кармане не оказалось. Ни в одном. Зато правый порадовал меня дырой, в которую можно было запихнуть бюджет Вейгорда. Водные черти, и кто ж её проковырял-то такую...

И было как-то слегка самоуверенно вламываться на полянку, не достав снотворное. Всё равно что вылезти на сцену посреди представления и возопить: «Эй, а можно я тут тоже буду жертвой?»

— Уберите эту тварь! — заорал браконьер с какой-то странной уверенностью, что мне такое по плечу.

— Урлюлюлюлю! — с радостным предвкушением выдала бескрылка, у которой сработал естественный для этих тварей переключатель на «Сожрать Лайла Гроски».

— Ма-а-а-а-ать! — переорал я гарпию, оценив первый прыжок в мою сторону.

«Бежим!» — взвизгнул внутренний грызун, привычно принимая на себя руководство моей тушкой.

Сзади были ветви и кусты, инстинкт дёрнул вбок — туда, где поляна расширялась и тёк загаженный ручей. Гарпия развернулась следом, сделала пару боковых коротких прыжков, следя немигающими жёлтыми глазками.

— Йихахахахаха! — то ли призыв своим, то ли радость оттого, что можно позабавиться.

И альфинные метки не действуют, потому что она меня видит. Это я соображал пока нырял за ствол дерева. Бескрылка подросла следом, и мы пошли по кругу, играя в «а куда ты побежишь теперь».

— Легче, красотка, легче, — шипел я, пытаюсь нащупать в кармане снотворное, но

проклятая штука провалилась в дыру основательно. Флаконы перекатывались где-то внизу, внутри полы. Да ещё мне приходилось отвлекаться на тварь, игривую как котенок. Как огромный, чешуйчатый, с перьями котенок, который хочет вам выпустить кишки.

— Урлюлю? — спросила гарпия, склоняя набок голову и кокетливо лупя хвостом по земле.

— Да, умница, умница... — и как только Мел находит общий язык с этими мерзавками. Вроде как, голос нужно поспокойнее, никакого страха, забота и любовь. — Спокойнее, дорогуша, спокойнее. Мы с тобой найдем общий язык, просто нужно немного... а-а-а, черти водные!

Бросок был таким мгновенным, что опять спасло только чутьё. Гарпия наскочила на ствол дерева слева, вытянула шею, щёлкнула зубами — и я выдернул руку из кармана, влупил лёгкий холодовой с Печати, сиганул вправо и через ручей, но впереди выросла стена кустов, в которых что-то подозрительно копошилось, так что я перепрыгнул обратно, едва не свалившись в воду.

Бескрылка обиженно мотала хищной башкой, стряхивая льдинки. Я провалил переговоры на предварительном этапе.

— Отвлеки её! — рявкнул, сдирая с тебя куртку. Куртку выставил перед собой, заодно потряс кверху тормашками. Из карманов посыпались сквозник, бутерброд, фляга, ножичек и прочая мелочь, флаконы упорно не желали появляться.

— Чем?! — отозвался позади рыжий браконьер. Который на удивление не сделал ноги.

— Собой! Магией! Можешь сплясать ей ракконтскую народную-у-у-у-у!

Может, я мог бы породить что-то более остроумное. Только это сложновато сделать, когда изображаешь с гарпией-бескрылкой представление в духе аренных боёв. Разве что вместо красного полотнища в руках — служебная куртка. За взмахами которой приплясывающая гарпия наблюдает с полным одобрением: отлично, теперь тебя и свежевать не придется!

Флакон упал на землю как-то вдруг. Я его скорее почувствовал, чем увидел: он блеснул при свете гроздевиков совсем слабо, и почти сразу же гарпия шастнула ко мне навстречу. Так что я отправил куртку прямо в оскаленную, ухмыляющуюся морду, следом добавил бутерброд с ноги. И быстро нагнулся, схватил драгоценное снотворное, и теперь остался уже только бросок.

— Увлужлу, — невнятно донеслось из пасти бескрылки. В пасти теперь была куртка, но клятая тварь всё равно рванула ко мне навстречу, и я поднял руку в коротком замахе...

В эту секунду нас окатило водой. Сплошным потоком — и меня, и гарпию, так что мы разом поскользнулись и наткнулись друг на друга в месиве, в которое обратилась поляна. Запоздало я успел понять, что это браконьер так вовремя выполнил мое распоряжение насчёт «отвлечь». У парня Дар Воды... чтоб его гарпии жрали.

Потому что снотворного больше нет. Флакон выскользнул из мокрых пальцев, весело подмигнул бирюзовым бочком и канул в ручей, и при неверном свете гроздевиков его теперь не найти.

А меня сейчас сожрут, потому что упавшая было гарпия подхватила на ноги.

Я отскочил в сторону, почти сразу повалился в вонючую грязь, которой теперь полно было на поляне. Гарпия нырнула следом, мотая головой и не выпуская из пасти куртку. Будто пират, обросший за годы странствий густейшей бородицей.

— Урглип-глип-глллл, на абордаж!

Я выкинул было вперед руку с призывом холода — но тут гарпия в двух шагах от меня рванула в сторону и низко, жутковато зашипела. Вытряхнула куртку из пасти.

Откатился подальше, подскочил — и увидел, что по морде твари проходит алая кровавая полоса.

А рыжий браконьер замер в боевой позиции и ладонь опять выставил. Ту, с которой он только что метнул в бескрылку нож.

— Лучше б ты ей сплясал, — пробормотал я, отступая поближе к парню. Кристально ясно вспомнились наставления Мел и Арделл. Общие в одном: ни за что, никогда не доводить с животным до крови.

Бескрылка больше не собиралась играть — слышно было по гортанному рычанию... показалось даже — такое же откликнулось в кустах. Вариантов оставалось меньше одного.

Пальцы сложили заученный в учебке пасс: «Каток».

И выплеснувшаяся из ручья — спасибо браконьеру — водичка начала застывать, становясь ледком.

По которому на нас и рванула бескрылка — с утробным клочкотанием и с удивительной скоростью. Задорно похрустывая ледком.

Максимальный удар холода я вломил, когда она пробежала две трети пути.

Гарпия подпрыгнула, будто танцорка на льду, издала вопль высочайшей противности, заскользила, рыча и взмахивая хвостом... Морда у неё покрылась изморозью, так что она не слишком-то различала — куда скользит. И с каждым оборотом набирала скорость — как и полагается при танцах на льду.

Пока не наткнулась на торчащую из земли корягу, совершила удивительно изящный пируэт с перелётом и с невнятным «Урблю-блиньк!» отрубилась где-то в зарослях куманики. Судя по звуку — смачно приложившись башкой то ли во вторую корягу, то ли просто в дерево.

На закрытую часть питомника после этого почти что снизошла благословенная тишина. Если не считать последних распевок тенн да зловещего похохатывания скроггов.

Вдалеке слышалось подвывание и треск веток. Будто кто-то исключительно торопливо ломился подальше от этого центра безумия.

В общем-то, я этого кого-то даже вполне понимал.

— Спа... спасибо, — удивленно выдохнул рыжий браконьер. Тут же добавил торопливо: — Не подходите.

Наверное, видок у меня, был чересчур красноречивый. Пока я поднимался на ноги весь в грязи и в помете гарпии, в перьях, листьях и какой-то малоопределимой дряни. Даже не хочу знать, что конкретно сулило моё лицо: недостаток зубов, боль в почках или в каких-нибудь более экзотических местах. Но парень выставил в боевом жесте правую ладонь со Знаком Воды и левую — с тускло блеснувшим артефактом огня. Зачастил скороговоркой:

— Не беспокойтесь, я не причиню вам зла. Если вы будете благоразумны. Мы вполне можем разойтись миром. Просто идите своей дорогой, сделайте вид, что не заметили меня... Я даже могу вам заплатить.

А балбес-то не из браконьеров. Грамотная речь, да и одет не как деревенский. Видно, опять каким-то знатным придуркам пригорело поохотиться на особую дичь.

— И много? — Дел было в избытке: посмотреть, что осталось от куртки... немного, на самом деле. Подобрать сквозник и прочие вещи — рассовать по карманам брюк.

— С собой у меня пятнадцать золотниц, но если мы решим договориться... стойте

смирно, руки на виду! Не пытайтесь заговорить мне зубы. Двинетесь — я ударю. Я наслышан о вашем «Ковчежце» и его обитателях, так что, уж поверьте, не стану медлить.

На густо усыпанной веснушками физиономии была прописана твердокаменная решимость вдарить, как только я рыпнусь или брошу косою взгляд.

Я не стал бросаться взглядами направо-налево. Возвёл очи в небо.

— Боженьки, — выдохнул, разминая шею. — Позволь спросить — тебя-то где носило?

Слабый шорох, легкий вскрик и звук падения позади я принял как должное. И глумливый смешок — оценку моего неотразимого вида.

— Небольшие дела в окрестностях, Лайл. И здесь, вокруг. У ирмелейских бескрылок в привычке стайная охота.

Озноб бахнул за шиворот — будто крыса пробежала по позвоночнику. Я открыл глаза и завертел головой, вглядываясь и вслушиваясь почти с остервенением.

Бедный браконьер сидел, скорчившись и схватившись за бок — и пытался впихнуть в себя хоть крупицу воздуха. Следствие знакомства с одним из обитателей «Ковчега», который стоял тут же, задумчиво разминая кисть и неторопливо оглядывая полянку.

— Так что, — продолжил Нэйш, — мне пришлось сперва заняться теми тремя, которые вышли на след второго нарушителя. Их я убрал усыпляющим, но догнать жертву времени не было: вы подняли шум. Я успел усыпить тех двух, которые были сзади и слева от тебя, так что, Лайл, ты бы мог и поблагодарить.

— Точно. Я бы, наверное, даже сделал это. Если бы ты убрал ещё одну гарпию — ту самую, вир тебя заberi, которая чуть не откусила от меня нехилый такой кусочек!

Нэйш, аккуратненько снимая и складывая маск-плащ, чуть приподнял брови:

— Судя по тому, что *все* твои кусочки на месте — с одной бескрылкой ты справился. У тебя ведь было снотворное?

Оно — и прорехи в куртке, и чересчур шустрый браконьер. В это я вдаваться не стал — махнул рукой в сторону бескрылки. Вернее, когтистой лапы, которая виднелась из зарослей. Лапа слабо подергивалась: я отомстил за куртку сполна.

— Не было времени доставать снотворное, пришлось вырубить так.

Вот и ладненько. Пусть пока устранитель посмотрит — скоро ли эта тварь придёт в себя. Я пока что малость себя приведу в порядок ... и надеюсь, парнишка там может идти после знакомства с Нэйшем.

Говорить браконьер точно мог — потому что через силу выхрипел:

— Это... не сойдет вам с рук. Вы... если думаете, что можете отделаться от меня таким способом...

— Нет уж, куда уж, — отозвался я, засовывая в ручей трясущиеся, перемазанные руки. — Не таким способом, само-то собой. У нас на тебя куда более зловещие планы.

Вонь гарпии забивала дыхание, и даже светляки казались что-то уж слишком зелёными. Попытки отмыть рубашку от следов гарпии — не самое странное, чем я занимался по ночам в лесу. Хотя за предосудительными занятиями меня обычно не пытались прожечь взглядами.

— А мой проводник?

— Судя по тому, что мы его не слышим, он в большем порядке, чем ты.

— Вы не будете его преследовать, чтобы отомстить?

Надо будет спросить — этот парень не перепутал нас с какой-нибудь сектой, вроде Братства Мора?

— Сегодня луна неполная, так что у меня как-то нет настроения свежевать браконьеров.

Позади раздался такой звук, будто парень вознамерился лопнуть от возмущения.

— Я не браконь...

— Отличная работа, Лайл.

Крыса застучалась изнутри о рёбра тревожно. Вид у Нэйша, который теперь прислонился к молодому дубку, был почти умилённый. Будто у разводчика, который видит, как его породистый щенок в первый раз берет след.

— Да... — «клык» обогрел меня улыбкой, от которой бедняга-браконьер застыл с приоткрытым ртом. — Скажи, а ты не хочешь, случайно, стать вторым устраниателем? С таким началом — я бы сказал, что у тебя талант.

Ладони сперва вспотели, а потом покрылись коркой льда, а ночной воздух куда-то подевался из лёгких.

— Погоди... она там что, померла?

— Такое случается, когда ломают шею, Лайл, — участливо сообщил Нэйш. — Знаешь, впечатляюще. Практически никаких следов. Почти мгновенная смерть. Даже не думал, что ты прибежешь к настолько эффективному способу решения проблемы.

Эффективнее некуда. И грызун это хорошо понимает, потому что визжит и носится, носится и визжит, пока я стою, упираясь в колени, и ловлю ртом воздух.

— Я покойник. Твою же мать. Всё, с концами. Покойник...

— Ты это про Арделл? Брось, Лайл, варгам же нельзя убивать.

— Ты прав, — согласился я, тупо глядя перед собой. — Грохнет меня Мел.

— Г-грохнет? — поразился виновник ситуации и попытался подняться.

— Если успеет. Потому что Арделл сделает проще: выкинет меня за ворота питомника, а ты же помнишь, что мне нельзя отсюда уходить по небольшим таким, не зависящим от меня причинам?! Т-твою ж...

Сперва Тербенно, потом провал с Милли, теперь вот это — кажется, судьба окончательно решила стать похожей на ушибленную крысу, которая пытается вылезти у меня из горла, цепляясь при этом за рёбра. И орёт дурниной так, что подкашиваются коленки, и не пытается искать выходы.

«Клык» озирает мою перепуганную физиономию с тщательно отрисованной фальшивой тревогой.

— Ну, знаешь, я на своём примере могу сказать, что Арделл не так уж сурова к... нарушениям такого рода.

— Не так уж сурова к тебе, а? — из горла лезло сплошь крысиное шипение со всписками. — Так может, потому что ты — это ты? Весь питомник в курсе, что ты у нее в любимчиках, гадают только — за какие-такие заслуги, и предположения, знаешь ли... разные. Как насчёт помощи?

К фальшивой тревоге прибавилось такое же наигранное недоумение.

— Помощи, Лайл? Тебе?

— Ага, мне. Ты же, вроде бы, предлагал мне помощь? Тебе же так нравится наблюдать за маленьким представлением, которое тут творится — так вот, хочешь и дальше измываться надо мной — включай мозг и помоги мне остаться в питомнике.

Устранитель сузил глаза. Оттолкнулся плечом от дерева и встал прямо — чтобы разница в росте на голову была как следует заметна. Губа чуть-чуть вздернулась, показывая край белых зубов — будто хищник предупредительно показал клыки.

— Лайл. Ты правда считаешь, что твое присутствие или отсутствие в питомнике значит

для меня вообще хоть что-то?

Ну да, ну да. Я же всего лишь очередной экземпляр. Может, занятый — трясущаяся, трепещущая крыльями крысобабочка. С помётом гарпии на крыльях.

— Я же не идиот. Для тебя, вир побери, ничего не значит вообще ничьё присутствие или отсутствие. Но тебе же любопытно, а? Наблюдать. Ждать, чем кончится.

И видеть, как крыса извивается в попытках отыскать выход. Почти как агония боли. Почти как тогда, на Рифах. Черти водные, я столько раз торговался за свою жизнь, я всегда знаю, кому и что предложить, и ни над одним человеком в питомнике у тебя нет такой власти, как надо мной — ты что, правда готов меня просто отпустить?

— Скрывать улики — вообще-то, не моя специальность. Твоя.

Солёные капли ползли по лицу. Посвистывали древесные шнырки.

— Мы вообще... можем прикинуться, что она это сама? Ты же сам сказал, следов нет.

— Может, тебя это удивит, Лайл, но в дикой природе гарпии обычно не ломают себе шеи, просто прогуливаясь по лесу. Это удел куда более неуклюжих созданий.

— Так. Стало быть, нужно что-то решать с телом.

Нэйш снял с пояса палладарт и задумчиво постукивал лезвием по ладони.

— Тело не проблема. Насколько я успел заметить, бескрылка была ранена. Запах крови вскоре привлечет остальных. Все гарпии каннибалы и падальщики.

Отрадный факт, большое спасибо.

— Стало быть, наша версия — «Её сожрали свои же. По невыясненным причинам».

— Это могло бы сработать, если бы не одно маленькое препятствие.

«Препятствие», о котором я успел позабыть в пылу истерики, открыло рот и вполне связно сообщило:

— Вы ненормальные. И знаете что? Я этого так не оставлю.

Попытка изобразить на физиономии примирительную улыбку не удалась. Пришлось обойтись ощером «средней уголовности».

— Можешь считать, у нас сегодня хорошее настроение. Так что уматывай. Найди своего проводника и ему тоже скажи сюда не соваться. И не думай больше показываться на территории. Понял?

Браконьер сверкнул глазами и не поверил ни на грош. Судя по веснушчатой физиономии — и с планом он расставаться не намерен, обязательно ползет во второй раз. За тем, что ему так нужно на нашей территории. Кстати, что ему так уж нужно? А, наплевать.

— Беспамятники?

— Хм.

Ну да, мало ли на кого можно нарваться ночью в питомнике, пока я понесусь доставать зелье у Аманды.

— Ты, случайно, не знаешь каких-нибудь... точек забвения?

— Боюсь, тебе придется прибегнуть к более очевидным методам устранения препятствий.

— Что... что это вы предлагаете? — осипшим голосом поинтересовался дурашка-браконьер.

— То же, что всегда, — отрезал я, впиваясь в Нэйша средней суровости взглядом.

— Если вы думаете меня отвадить — у меня для вас дурные новости, — прошептал нарушитель, вынуждая меня закрыть глаза по второму разу.

— Как я тебе уже говорил, Лайл, — долетело от устранителя, — мне не слишком-то нравится иметь дело с людьми... в этом смысле. Так что тебе придётся самому. Могу его придержать, если хочешь. Обеспечить молчание и отсутствие сопротивления.

Рыжий парнишка попытался подхватиться на ноги и устоял на нас с ужасом.

По лицу Нэйша понять — всерьез он или нет — было совершенно невозможно.

— Здесь недалеко есть заросший вир. Неработающий, но... тело не найдут. Если обойдешься без следов в процессе — есть даже шанс остаться незамеченным другими обходчиками. А разложение в вирной воде идёт быстро, так что...

— Боженьки, да заткнись уже, — прошипел я сквозь сжатые зубы.

Подошел по влажному мху к незадачливому нарушителю. Молча нырнул под попытку врезать мне по скуле (у него что-то с магией или с мозгами?). Отцепил с пояса тонкую бечевку из арсенала незабвенной Фрезы и принялся вязать браконьеру руки.

— Помоги его поднять, — буркнул в сторону Нэйша. — Надеюсь, он после твоей обработки может ходить?

Стоило устранителю сделать в его сторону шаг — бедный парень подскочил как на пружинках. Вот и ладненько.

Моя физиономия достигла уже такой степени перекошенности, что последнее «Куда мы идем?» — браконьер выдохнул через силу.

— Навстречу жуткой, мучительной участи, — поделился я, — для нас всех.

Даже и не знаю — с чем можно было сравнить наш обратный путь до открытой части питомника. Может быть, с чем-нибудь арестантским, рифно-камерным.

Впереди тащился рыжий нарушитель — с заботливо завязанными руками. Парень наотрез отказался называть своё имя, зато пыхтел, сопел, дергал веревки и всячески на ходу соображал — каким еще изуверским мукам его подвергнут.

Дальше следовал я — то ли второй арестант, но со свободными руками, то ли задержанный, раздраженный конвой. Спотыкающийся обо все корни в округе и шепотом костерящий: корни, идиотов-нарушителей, проклятых гарпий, светляков, скроггов и свою ненастную судьбу.

Нэйш выступал в привычной роли: конвоя настоящего. Шел за три шага позади меня и по временам подбадривал шпилечками.

— Я прямо-таки опасаясь оставлять тебя в питомнике одного, Лайл. С учетом, чем это может кончиться для животных.

Словом, я осознавал, что вывернуться мне не светит, Нэйш развлекался, а пленник строил планы. Он подал голос, когда в осенней ночи уже зачернели строения и вольеры.

— Раз уж вы меня всё равно задержали — я желаю поговорить с вашей главной... с Гризельдой Арделл. Немедленно!

Я испустил тихий вздох умирающего и покосился на Нэйша.

— Обычно ночную добычу мы держим в сторожке до утра, — напомнил тот. — Но раз уж здесь особый случай, смерть животного... думаю, придётся разбудить Гриз.

Он помолчал, приглядываясь к беспокойному ночному питомнику.

— Схожу за Йоллой.

— Я пока что сообщу вольерным, что нужна новая патрульная гру... погоди, что? Йолла?

Показалось, что на идеальном профиле устранителя читается почти что жалость.

— Лайл. Мы собираемся разбудить главу «ковчезников» за два часа до рассвета. После

двух бессонных ночей. С известием о том, что патрулирование провалено, у нас нарушитель, а одна из ирмелейских гарпий мертва по твоей вине. В таких случаях мы *всегда* посылаем Йоллу. Или Аманду. В принципе, могла бы и Уна, но она опасается. И всё-таки Йолла... ну, знаешь... ребёнок.

Похоже, я всё-таки слишком мало пробыл в питомнике.

— Ты что же, не можешь поднять Арделл сам? Я-то думал, вы с ней...

— Лайл, — мягко оборвал Нэйш. — Несмотря на мой Дар... я же не сумасшедший.

И скользнул во тьму.

Мы с браконьером переглянулись молча. У парня на лице было желание принять обет молчания. Или остаться в каком-нибудь заболоченном вире.

Не скажу, чтобы я не разделял его порывов.

* * *

Вообще-то, меня дважды судили, так что происходящее было почти даже и привычно.

Разве что вместо судейского зала со скамьями и высоким потолком выступала щелястая сторожка, насквозь пропитавшаяся запахами пота и алкоголя. Публику и газетчиков заменяли сверчки по углам да порывание ночных хищников. Вместо дознавательного совета была лопающаяся от любопытства Йолла.

Нэйш мог сойти за обвинителя и защитника разом, поскольку с самого начала облюбовал единственное кресло, уселся, заложив ногу за ногу и всем своим видом показывал, что он тут не с подсудимыми.

В смысле, не со мной и не с рыжим браконьером. Мы-то как раз сидели в кругу света от лампы, на виду.

Руки я парню развязал, но мой собрат по преступлению всё равно негодующе пыхтел и прожигал судилище взглядом.

Если на этом действе чего не хватало — так это артефакторной завесы, скрывающей лицо судьи.

Потому что лицо Гриз ничего доброго не сулило. С того самого момента, как она вышибла дверь ногой и влетела внутрь сторожки, гаркнув вместо приветствия:

— Кто мёртв?

— Гарпия-бескрылка, — непринужденно отозвался Нэйш, пока мы с браконьером пытались отползти на стульях от разгневанной Гриз. — Два года, след рассеченной раны на загривке. Кажется, это Кумушка. Припоминаю, что Мел возилась с ней в прошлом месяце.

— Браконьеры? — осведомилась Арделл голосом, который не оставлял сомнений: шкуру спустит за то, что не уберегли.

— Я не браконьер! — возмутился пленник. — И я не имею никакого отношения...

Гриз заткнула его взглядом — так, мимоходом, будто огрела кнутом. Развернулась к углу с креслом и спросила, тщательно отделяя слово от слова:

— Ты что же, убил на территории питомника?

— Госпожа Арделл, — глумливая ухмылочка вслед за шелестом голоса представилась без труда. — Почему вы вообще подумали, что это был я?

— А что, я должна была внезапно подумать иначе? Предположить, что это был браконьер...

— Я не браконьер!!

— ...или несчастный случай?!

— Ну, в определенном смысле — это *был* несчастный случай. Если, конечно, вы считаете, что это обозначение подходит...

Нэйш позволил эффектно упасть окончанию фразы в пропасть. И упёрся взглядом в меня.

Осталось прочистить горло и показать: да-да, я ваш несчастный случай. Местами — так даже по специальности, только вот вы этого не знаете... и не узнаете уже, да.

Арделл прошагала за занозистый, грубый стол, на который я перед этим выгрузил добро, извлеченное из карманов пленника. Уселась и бросила:

— Рассказывайте.

Уж я-то знал, как давать показания — втянув голову в плечи, скорчившись на стуле и всем своим видом источая раскаяние. Нещадно валя на других («Это не я, это рыжий браконьер!» — «Да не браконьер я!!»). Дрожа губами и обращаясь в основном к серым сапогам своих сапог. Взиравшим беспристрастно и равнодушно.

Йолла у двери хваталась за щеки и ахала.

Гриз Арделл прикрыла глаза и терла пальцами виски. Вообще-то, ей полагалось бы выглядеть даже забавно: в косо наброшенной рубашке, с растрепанными по плечам волосами и с припухшими со сна веками. Но вид у Гриз был такой, будто она сейчас попросит Йоллу удалиться, а после в щепки разнесет эту сторожку. Со всеми присутствующими.

Рассказ подошел к концу — и стало невыносимо от любопытствующего «стррррень-стттрень-стррррень» сверчков по углам.

— Я... соберу вещи к утру, если ты хочешь, — выдавилось напоследок. — Я... понимаю, что всё это... одно за другим... в общем, я мог бы остаться хоть вольерным... к черту. Я понимаю. Я соберу вещи.

Вроде бы, Арделл глянула с разочарованием — было не понять из-за общего ее вида. Сравнимого с видом виверния, который сейчас шарахнет пламенем.

— Это уже тянет не просто на ошибку, — заговорила она звенящим голосом. — И не просто на глупость. Ты растерял последние мозги? Забыл о правилах? Или собирался таким вот образом поразвлечься?

Я вжал в голову в плечи и открыл было рот для новой порции покаяния, но Арделл не собиралась делать паузы.

— Мне что — теперь ещё и на патрулировании ходить за тобой вслед, а? Или напоминать очередность работы с атакующими животными? И мне кажется — устранение это по твоей части, Нэйш!

Сверчки дружно поперхнулись и замолкли, а у меня заболела шея от резкого поворота влево.

Лица Рихарда видно не было, но носок ботинка качнулся вопросительно.

— Теперь мне ставят в вину, что я оставил животное в живых?

— Ты не вмешался, — Гриз приложила ладонью по столу. — Успел к моменту атаки и не вмешался. При этом гарпии сзади и сбоку могли подождать. Или вообще не атаковать! Ты это знаешь не хуже меня, вир тебя заberi, это вопиющее наплевательство! — второй удар. — Лайл новичок в питомнике! Ты вообще не имел права так далеко от него отходить во время патрулирования!

— Ну, я предполагал, что три месяца — достаточный срок, чтобы приобрести хотя бы минимальные навыки...

— Не для ночного патруля! Он на ночные дежурства только в этот месяц заступать начал, ты обязан был его страховать на краткой дистанции. А при обнаружении браконьеров...

— Да я не браконь...

— А вами я еще займусь! При обнаружении браконьеров в первую очередь должен был активировать ближайший артефакторный «манок» на дереве. Мы что, зря их конфискуем, что ли?! Увести и отвлечь зверей, найти напарника, а потом уже лупить усыпляющим. И в любом случае — не оставлять новичка наедине с разозленной гарпией, жри тебя мантикора!

Почти что бальзам для моей израненной душеньки. То есть, был бы бальзам — потому что в следующую минуту Арделл обрушилась на меня.

— Лайл... грифона селезенка — это что было вообще? Ты не знал, с кем ты в патруле? Если уж собирался уходить с тропы — почему не достал снотворное? Что куртка? Какая куртка? Вам всем что, мало говорили о том, что снотворное всегда должно быть под рукой?! Зашей карманы! Пришей новые! Держи склянку со снотворным в кулаке и не забывай про перчатку! Я же тебе об этом в твой первый патруль и говорила — что, за две девятницы забылось уже?!

Носки сапог поглядывали уже почти сочувственно. Кстати, ничего сапоги такие — брал крайтосскую кожу, так за два года даже не прохудились...

— Насчет твоего удара...

— Это вышло случайно! — взмолился я. — Как только этот браконь... этот *идиот* влез под руку — все пошло наперекосяк. Я бил-то так, чтобы она просто вырубилась, думал продержат ее до прихода подмоги, а вышло...

— Слишком удачно, — ненавязчиво помог Нэйш.

У Арделл сделался такой вид, будто она сейчас придушит нас обоих.

— Да я в жизни не думал, что эта тварь может сдохнуть, просто стукнувшись головой! Или чем она там стукнулась. И неужели ты думаешь, что я свернул бы с тропы, если бы вот этот остолоп не устроил с гарпией Псовые Бои посереде питомника?

— Я не устраивал бои! — прорезался голос у остолопа. — Ваша гарпия собиралась меня сожрать, что мне, по-вашему, оставалось делать — пригласить ее на ужин? Я вынужден был обороняться. И к слову — я бы справился без вашей помощи...

— Переварился бы в желудке у чертовой твари?

— Кажется, вы ей пришили куда как больше по вкусу!

— Заткнитесь оба! — грянула Арделл, бахнув по столу теперь кулаком. — Нэйш, удар был оправданным?

Мне живо припомнился первый суд, в Аканторе. Когда защитник сделал всё мыслимое и немислимое, чтобы меня закопать.

— Абсолютно.

Воздух в моих легких обратился в студень, так что облегченное «фу-у-у-ух» вместо меня издала Йолла.

Нэйш чуть выдвинулся из полутени — так, чтобы можно было увидеть лицо, полное бесстрашной искренности. Если не считать привычных полукругов у губ.

— Гарпия была ранена, раздражена погоней, сопротивлением и кровью. Она видела цель. В таких условиях не срабатывают ни манки, ни защита эликсирами. Не факт, что ее замедлило бы даже снотворное. Я бы тоже бил на поражение. Эффективнее, конечно, было сперва использовать снотворное, потом пытаться затормозить зверя магией... но в целом —

действия были грамотными. Да и потом, это же было непреднамеренно.

Все, включая сверчков по углам, преисполнились молчаливого недоумения.

— Ты сейчас договоришься до того, что я вам обоим выпишу премию вместо по шее, — угрюмо сообщило начальство. — С чего такое рвение, Нэйш?

— Потому что они в сговоре, — сообщил не-браконьер. — Между прочим, вот этот предлагал вон тому меня убить. И бросить тело в вир.

Я молча воплотил Невинность и Недоумение в едином лице. Устранитель добросил Невозмутимость.

— Просто небольшая шутка.

— О да, это было так забавно, — ядовито процедил рыжий не-браконьер, — как и ваш удар, после которого я едва смог ходить.

— Он мешал, — лаконично ответил Нэйш. По-прежнему на взгляд Гриз. Нашу добычу он взглядом не достаивал.

— И, кстати говоря, он собирался мне врезать, — решил я утопить нарушителя до конца. — Угрожал амулетом. Уже после того, как я спас ему жизнь.

— Вы спасали *свою* жизнь! — взъерепенился рыжий пленник. — И жизнь той проклятой твари, которая на меня навалилась.

Смешок из угла обозначил, что с последней миссией я оплошал.

— А вы, — тут нарушитель ткнул пальцем в Гриз Арделл. — Не могу сказать, что я не ожидал такого от вас, но посылать на перехват это отребье...

Наверное, надо бы обидеться, если бы парню не удалось так феноменально переключить внимание начальства на себя.

— Посылать на перехват? — отдельно переспросила Гриз. — Вы наткнулись в королевском питомнике на патруль против браконьеров...

— Я не браконь...

— Это я уже поняла! — варгиня ткнула в стол. На столе, кроме кошелька, ножика, сквозника и прочей мелочи, красовался амулет огня и отвод от зверей из Мастерграда. — Вы что вообще делали в моем питомнике ночью? С одним проводником? С мастерградским отводом, который рассчитан только на алапардов и проработает часа два? Вы совсем идиот?! Решили обеспечить вашей матушке преждевременный траур?

Нарушитель резко выдохнул через нос. Встал со стула, оправил серую бархатную куртку, расправил плечи (вышло эффектно). Откинул голову, намалевал на молодом лице аристократическое презрение и выговорил:

— Думаю, вы даже слишком хорошо знаете — кто я и что мне нужно в вашем питомнике, госпожа Арделл. Что ж, давайте объяснимся. Я — Янист Олкест.

У него был такой вид, будто это объясняло решительно всё.

Судя по присутствующим — это имя всем сказало ровно нисколько.

— А я Гриз Арделл, — отрубил Гриз Арделл. — Повторяю вопрос — вы за какой надобностью поперлись ночью в питомник?

— Не знаю, кто предупредил вас о моем появлении, — упрямо продолжил говорить рыжий Олкест, — но раз уж вы натравили на меня своих псов — кто-то предупредил. Так вот, что бы вы ни решили насчет меня — это не сойдет вам с рук. Мои товарищи в курсе, куда я направлялся, и если вы только позволите себе...

— Натравила? — тут уже Гриз подорвалась на ноги. — Мантикорья печенка! Да я знать не знаю, кто вы такой!

— О, да, разумеется, вы не знаете! И вы не стали бы препятствовать мне пройти в питомник и увидеться с...

— Пройти в... питомник... — с запинкой повторила Гриз. — Вы что — хотели просто попасть в питомник?! И поэтому влезли в запретную зону? Почему бы в таком случае вам... — это был шепот перед гневным воплем: — не воспользоваться калиткой, на которой большими буквами написано «Вход»?!

Янист Олкест заморгал, но пыла не утратил.

— Чтобы вы сразу же связали меня по рукам и ногам? Ну уж нет, видите ли, у меня были веские причины сомневаться, что вы дадите мне увидеться с невестой!

— С... с кем?

— С моей невестой, которую вы удерживаете в вашем питомнике, которой запорошили голову своими бреднями, и на состояние которой вы наверняка нацелились вместе со своими поделщиками!

Гриз вопросительно оглянулась на поделщиков. Я показал, что в принципе утратил нить беседы.

Нэйш смотрел на горящее лицо Гриз с таким азартом, что это было почти неприлично.

Йолла тихо крутила пальцем у виска.

— Имя, — голос варгини прозвучал как сухой щелчок кнута. — Как имя вашей невесты?

Янист Олкест ухмыльнулся презрительно и сложил руки на груди.

— Вам отлично известно, о ком я говорю. Я явился за Мелони Драккант.

Сверчки подарили нам три секунды полновесной тишины.

— Мелони, — прошелестело из угла с легким смешком. Нэйш явно радовался, что не он один питает пристрастие к этой форме имени.

— Неве-е-е-еста? — выразила свое сомнение Йолла.

— Драккант? — пробормотал я, сообразив, что не слышал раньше фамилию Мел.

— Морковка? — донеслось от Гриз, к которой незамедлительно повернулись вообще все. Потому что мало ли как влияют на хрупкую варжескую психику такие вот заявления.

— Вы — Рыцарь Морковка? — продолжила Гриз тихо, опускаясь на стул.

Рыжий Янист хватанул воздух ртом и создал лучшее в мире доказательство. Сделавшись идеально морковного цвета. И тоже осел обратно, пробормотав едва слышно:

— Она вам... она вам рассказывала.

— Да, кое-что рассказывала... — Гриз устало потерла лицо руками. Покачала головой, как бы отказываясь верить, что такая несусветная дурость вообще могла случиться. — Йолла, сбегай, пожалуйста, за Мел. Скажи — к ней приехали. Про Кумушку пока не говори.

Девочка закивала и упорхнула, подарив мне на прощание умоляющий взгляд: «Ты же расскажешь, что будет?» Я осмелился подмигнуть в ответ. Похоже было, что мне всё-таки светит остаться в питомнике.

— Вы позволите нам увидеться? — спросил Олкест недоуменно.

Арделл оторвалась от ладоней, с трудом спрятав в них зевок. Подтолкнула к неудачливому жениху его вещи.

— Заберите свое добро. С чего вы вообще взяли, что я буду как-то препятствовать вашей встрече? И эту вот всю... чушь про поделщиков и наследство?

— Потому что я прибыл забрать её из питомника, — Сумасшедший, которому пригорело жениться на Мел, пожал плечами, — вернуть в нормальную жизнь. И не намерен позволять таким как вы и дальше забивать голову Мелони... этими вашими бреднями насчет

животных.

— А я забиваю, — уже вполне спокойно уточнила Арделл.

— Во всяком уж случае, мои источники дают мне веские основания усомниться в вашем бескорыстии. С учетом того, что близится двадцатилетие Мелони — ее вступление в Права Рода...

Двадцать лет? Я-то думал, ей лет семнадцать — наверное, это от недокормленности и привычки таскать на себе одежду на пару размеров больше. Стоп, тут же есть вопрос поважнее.

— Я, может быть, что-то упустил... но она что — правда Драккант? Это же аристократы из Крайтоса. Знать первого уровня!

Никогда не интересовался историей знатных родов, но про Драккантов слышал еще в детстве — наша деревенька была возле их угодий. А лет десять назад был слухок, что последние Дракканты канули в Водную Бездонь — то ли отравившись, то ли самоубившись, то ли еще из-за какой-то трагедии.

— Мелони — последняя наследница Драккантов, — с легкой надменностью поведал Янист Олкест. — После гибели своих родителей опеку над ней взяли дядя и тетя. К сожалению, после ее побега след потерялся... но теперь госпожа Венейг послала меня — ее нареченного — отыскать ее и вернуть. Мелони надлежит встать во главе самого славного рода Кайетты, и сколько бы вы ни препятствовали этому, удерживая ее здесь...

— Я? — Гриз показала на себя. — Мел пришла в питомник по своей воле. И остается здесь, потому что хочет этого.

Янист Олкест отозвался высокомерным фырканьем, которое прямо так и гласило: «Ну да, конечно, конечно, я уж ваши козни насквозь вижу».

— А ты, стало быть... её с детства знаешь.

Морковный Олкест покосился с возмущением. Но я-то полагал, что после всего, что между нами было — мы можем быть на ты. Совместный драп от гарпии чрезвычайно сближает.

— Да, мы были друзьями детства. Я воспитывался в поместье после смерти моего отца. Господин Драккант, отец Мел, взял меня под свою опеку. И он же хотел, чтобы мы с Мел поженились. Так что это... понимаете, это священная клятва.

— А-а-а, тогда понятно, — разом отозвались я и Гриз. Но доля понимания на наших лицах явно была слишком ничтожной. Суровый господин Олкест нахмурился опять:

— В чём дело? Считаете, что подобные обязательства — это глупости?

— Я?! Да Аканта меня упаси, — я изобразил благочестивый жест отвода зла: стряхнул невидимую пыль с Печати. — Наоборот — это всё объясняет. А то я, знаешь, было уж решил... ну, что ты в неё безумно влюблён.

Нэйш избрал как раз этот момент для особенно глумливого смешка. Рыцарь Морковка побагровел почти до состояния Барона Свёклы.

— В каком это вы смысле?! Разумеется, я люблю свою наречённую, и если вы видите здесь хоть что-нибудь смешное — я...

— Эй, полегче. С меня на сегодня хватило поединков. Конечно, я не считаю это всё смешным. Какой уж тут смех!

Тут во весь рост трагедия, потому что о, Дикт, и Аканта, и все их Девятеро деточек (нет, десять — вон, вон сидит полномочный представитель Керрента-Первоварга)... у нас же тут тот, кто собрался связать Мел узами брака. И сделать её главой аристократической семьи.

Возможно, Рихард Нэйш, который займется выращиванием петуний, будет являть собой хотя бы вполовину что-то трагическое.

— А Мел вот... — осторожненько начал я. Жених-морковка тут же огрел меня взглядом, и я поправился. — Мелони. Она вот... всегда была такой?

— Какой?! — опять полыхнул Олкест, приподнимаясь. — На что вы намекаете?

— Ну-у-у-у...

Тут дверь удачно растворилась, и нашему взгляду явилась собственной персоной аристократка первого круга Мелони Драккант. Со шрамом на виске, короткими волосами, спросонья торчащими в разные стороны, в растасканной рубаше на два размера больше и в накинутах на плечи куртке. К куртке прилагалось исключительно кровожадное выражение лица. Обозначавшее среднего уровня желание метнуть в каждого встречного нож.

— Что за... — буркнула невеста-мечта, озирая собрание.

Собрание посмотрело в ответ со смешанными эмоциями. Я вежливо помахал ручкой (ибо подобает приветствовать того, кто, возможно, утром отправит тебя в Водную Бездону, узнав о кончине Кумушки). Нэйш благосклонно кивнул, отметив нужный уровень заспанности и хмурости на физиономии аристократки Драккант. Арделл поглядела с сочувствием и показала жестом — мол, глянь, у нас тут оказия.

Оказия встала со стула и распростерла объятия с улыбкой.

— Мелони! Я так... счастлив тебя видеть, мне пришлось так долго тебя искать! Боюсь, у меня горькие новости. Господин Венейг скончался. Но госпожа Венейг хочет повидаться с тобой: она не держит зла на твой побег. Понимаешь, она так тревожилась за тебя... и теперь ведь тебе скоро нужно вступить в Права Рода, так что она просила найти тебя как можно скорее. Как же долго я не видел тебя, о Единый...

Мел молча и не двигаясь выслушивала этот сбивчивый поток счастья. Выражение лица у нее было таким, как если бы кто-то из вольерных сообщил ей, что у вон того раненого кербера опять понос.

— И, как ты понимаешь, я могу тебя защитить от любых выпадов Альбрехта Оттона, да и... слухи улеглись, и твоя тётя хочет лишь повидаться с тобой. Теперь она не видит никаких препятствий для нашего брака. Так что ничто не помешает твоему возвращению: ты можешь ничего не опасаться. Наверняка ты захочешь проститься с... кхм, своей этой жизнью, так что... девятница, или, если хочешь, две... я подожду, сколько скажешь, только дам весточку госпоже Венейг. А Лэйси! Ты помнишь свою кузину Лэйси? Она всё спрашивала о тебе, и ты представляешь... так хотела увидеть...

Жизнерадостность потихоньку начала из него выдыхаться. Мел как-то слишком сосредоточенно смотрела своему женишку в переносицу.

Надо отдать парню должное: руки он опустил, но не сдался.

— Ты можешь наконец занять предназначенное тебе место, — молвил проникновенно и мягко. — Тебе незачем быть здесь, Мелони, с... теми, кто тебя использует. Единый, я искал тебя так долго... Наконец-то увидел, теперь вот сбиваюсь. Так долго мечтал, что скажу тебе это. Мелони... поехали домой.

Последнее вышло пронзительно — даже крыса изнутри грустно облизнула усы. Ай-ай-ай, какой хороший парень. Мне его как-то даже жалко.

Застывшая у двери Йолла вытянула шею. Арделл подперла щеку кулаком.

Сверчки за стенкой опомнились и изобразили что-то вроде свадебного марша в наступившей тишине.

А потом потомственная аристократка первого уровня отмерла и зарядила:

— Шёл бы ты в вир болотный!

И добавила словцо, которое явственно показывало: она и благопристойность — вещи несовместимые.

Развернулась на каблуках и унеслась в сторону вольеров, сопровождаемая тихим «ыхыхых» Йоллы.

Несчастный наречённый тихо хлопал ресницами вслед. Арделл с выражением полнейшего спокойствия любовалась потёками на потолке.

Я почти кожей чувствовал, как по мне прошёлся, в общем, обычный день в «Ковчежце».

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

В карамельно-сиропных книжонках, которые страстно глотает Плакса, юнец-воспитанник знатного аристократа часто влюбляется в дочь этого самого аристократа. Потому как влюбляться ему больше не в кого: только эта девица перед глазами. Родители девицы в книжонках не в восторге от такой неравной любви. Юнец обычно получает здоровенный пинок под седалище и отправляется свершать великие деяния (выручать драконов, побеждать королей или наоборот). А высокородная зазнобушка сидит себе да капает слезами из высокой башни — в ожидании счастливой концовки. Или бежит на поиски любимого, переодевшись в жрицу Целительницы.

По страницам любой такой истории обязательно раскидана куча фраз типа «вечная любовь», «я люблю его с детства», «он всегда был со мною», «он мне ближе, чем брат». Это даже не зависит от количества горячих лобзаний и счастливых соплей в финале.

Из нашей с Его Светлостью Рыцарем Морковкой истории такую книжонку сострять не получится.

Для начала — никакого «он всегда был со мной». Я отлично помню, как папаня приехал в поместье мрачный — весной, у яприлей брачные песни начались. У папиного дружка рыжебородого Олкеста что-то такое тоже брачное началось. Потому как папаня сказал — дядьку Рыжеборода убил какой-то рогоносец.

— Как единороги в поединке за самку? — спросила я у папани, и тот фыркал-фыркал и вытирал красные щёки. И кивал мамане — мол, восемь лет, а смышлёная! А она улыбалась, потому что он улыбался, но шептала, что это неуместно, и мне не надо знать, и траур...

Потом стало понятно, что не было нормального поединка на рогах, а был скучный магический, потому что какой-то там Мечник поймал рыжего Олкеста со своей женой, ну и решил с ним разобраться. У Рыжебородки тоже осталась жена, про которую папаня сказал, что она любит крутить хвостом. И что она молодая и загрызёт пасынка.

— А ты дай ей по носу, чтоб не грызлась, — предложила я папане. — С керберами помогает.

И он зафыркал и согласился:

— Вот уж надо бы! Ну, мальчишку я не брошу. Обещал другу — и не брошу.

Про Рыжебородку-Олкеста слуги всегда шептали, что он был такой себе отец. И муж. И что он первую жену куда-то там свёл в Водную Бездонь. И вечно просил у папани денег. И аристократ он был «захудалый», что ли. Только они с папаней вечно охотились вместе и влезали во всякое. А мне Рыжебородка привозил птенцов скрогга и ещё щенка кербера. И говорил, что ему б такую боевую дочку, а то сын у него...

— Он балбес, — сказала я папане, припомнив, как Олкест хотел с ним поменяться.

Папаня хрюкнул, и у него жалобно затрещали пуговицы на камзоле. А мама зашептала всякое про «Бедный мальчик, мы должны быть добры к нему, он теперь совсем сирота, Мелони, ты должна поступить достойно...»

А через сколько-то дней балбеса-мальчика-сироту привезли, и шепотки слуг говорили странное — что папаня его купил у мачехи за хорошую цену.

Балбес оказался высоченным, костлявым и худющим, будто кто не посмотрел, что ему

одиннадцать, а вытянул на все шестнадцать. Волосы цвета спелой тыквы. И на лицо рыжина тоже затекла — с волос, видать. Сплошная рябь веснушек.

В охалке Олкест-младший держал дюжину рыцарских романов, которые его здорово перевешивали. Он в них вцеплялся, как голодный апрель — в репу. И смотрел поверх книг на весь мир с беспощадной суровостью.

— Я Мел, — начала я довольно-таки светски. — По деревьям лазаешь?

Папаня забухал хохотом, а юнец вцепился в книжки покрепче и замотал головой.

По следу он ходить тоже не умел. И не видал брачных игр единорогов. Это мы выяснили тут же. После чего я подумала, что к нам в поместье появился довольно никчемный тип. И приложила:

— Принцесска.

Повернулась и потопала кормить собак под громовой папашин хохот.

— З-зато хорошо плаваю, — пробубнил бесполезный тип себе под нос почти неслышно.

Но у меня всё ж таки Дар Следопыта.

— Значит, мне можно с ним к озеру, да?

На озере жили две гидры, довольно-таки мирные. Ещё там была целая куча интересных рыбы одна истеричная черепаха Крайя (по имени моей горничной). Я по уши залезала в воду, или обшаривала норки зубастых прибрежников, а Янист сидел на камнях и читал. Иногда оттаскивал от воды. Или без особой симпатии глядел на притащенную к нему краснобрюхую жабень. Или лез по моим наущениям доставать из воды клапан с яйцами озёрной халатеи.

Ещё иногда тренировал Дар Воды — тогда озеро от меня убегало. Или приволакивало мне что-нибудь интересное. В этом смысле полезность Принцесски оказалась исключительной.

Правда, довольно скоро выяснилось, что младший Олкест умеет разговаривать. Вернее, его не заткнуть. Как только начнёт рассказывать о вычитанном в этих его пылесборниках. Будь его воля, он бы не вылезал из библиотеки, в ворохах страниц и обложек, среди унылых личностей — храбрых Мечников, весёлых Стрелков и прекрасных Дам. Мне эти историйки были поперёк горла — потому что альфинов, виверниев и драконов эти храбрые сволочи неизменно убивали.

Так что раз я сказала, что в нормальной сказке обязательно должна быть Усмирительница Животных.

— Это ещё зачем? — опешил Принцесска.

— Потому что дурость — что их там нет, а только рыцари и дамы. И вообще — я хочу быть Следопытом и Усмирительницей.

— Так не получится, ты же знатного рода.

Сам Рыцарь Морковка, конечно, хотел спасти знатных и прекрасных на каждом шагу.

— Ну, и у тебя не получится, — отрезала я. — Потому что ты рыжий.

Принцесска засопел, а потом поделился:

— А я... стану пиратом и отправлюсь в плавание за Рифы, открывать новые земли.

На этом мы и порешили. В историях вместе с рыцарями теперь появлялась Усмирительница, которая укрощала злобных драконов. Дамы как-то спасались при помощи весёлых альфинов. Я учила Рыцаря Морковку лазить по деревьям, дразнила Его Светлость и слушала сказки про море, пиратов и шторма.

Папаня таскал Яниста на охоту, учил фехтованию и всяким там видам оружия и был по

горло доволен воспитанником. Даже заявил, что непременно нас поженит.

— А что? К чёрту предрассудки про неравенство! У Олкестов в роду всего-то колен восемь — так что малыш после свадьбы уйдет в наш род. Драккант из него получится на загляденье. И наша егоза с ним не пропадет — ха! Знаешь, что он мне заявил? Что будет защищать её до конца своих дней ценой жизни!

Не припомню, как такое понравилось моей мамане. Очень может быть, что совсем не понравилось. Только вот ей до меня не было особого дела, а до папани было и еще какое, так что чем там еще могло кончиться, кроме обычного «Если ты так хочешь, дорогой».

Я отнеслась к помолвке равнодушно — меня больше интересовало, можно ли мне взять единорога на конюшне и поскакать в леса имения. В конце концов, почему бы и не замуж? Загрызть Морковку не буду. Питомник заведём для больных животных. Мачехе его pošлем в подарок три сотни пудов навоза яприля — вот она обрадуется!

Рыцарь Морковка — тот малость рехнулся на всём этом, принялся таскаться по пятам и опекать. Но как я ему зарядила в нос — вернулся в разум.

Словом, всё это дело насчёт женитьбы казалось решенным и продуманным. А сорвалось из-за смерти моих.

Когда опекунство надо мной взяла сестра папани — она много от чего пришла в ужас. От моих манер и увлечений, и от дерзости с непочтительностью. От неумения носить платье. Больше всего — от Яниста.

— Он тебе не ровня, дорогая, совсем не ровня, — ворковала, пока пыталась обрызгать меня вонючими духами. И закатывала глаза и начинала нудную песню, что это непристойно, и недостойно, а мне нужно подобрать достойную компанию.

Например, кузину Лэйси — розовощёкую, всю в локончиках, с умильными глазками. Кузина, правда, была не совсем пропащая — я живо научила её ругаться, и тайком сбегать из замка на конюшню, и пачкать платье.

Это она мне передала прощальное послание от Рыцаря Морковки. Которого тётушка всё-таки сбывла с рук то ли в учебку, то ли обратно к мачехе. В письме было три листа излияний в рыцарском духе Его Светлости — обещания вернуться и непременно помнить, и глупые клятвы, что всё точно-точно будет хорошо, и он добьётся.

В книжонке бы написали, что рыцарь отбыл свершать подвиги. Только я как-то не сообразила, что мне надо бы сидеть и истекать по Его Светлости соплями. Переодеться в жрицу я тоже не сообразила. Когда случилась та история из особенно плохого романа: грустнеющую девицу пытаются выдать за немилого, а та от этого грустнеет окончательно.

В моём случае погрустнел немилый.

А я после скандалища с новым женишком решила, что тётка и вообще любые аристократы могут идти себе на все стороны. Драпанула на волю из клетки.

И за четыре с лишним года не особенно вспоминала всю эту дрянь — тётку, аристократов, кузину, фамилию Драккант... Рыцаря Морковку — тоже.

Если уж откидываешь прошлое, будто койна — хвост, то к чему на это дело оглядываться?

Только вот хвосты иногда бывают приставучими на удивление.

* * *

Настрой — как перья у стимфы Шери — какой-то непонятный, растрёпанный,

взьерошенный. Отрос хвост, когда не ждали. Припёрлось давно оторванное.

Хорошо б — чтобы Его Светлость услышал моё пожелание и скоропостижно канул в болотный вир.

Только куда там. Отыскивает в загоне для молодняка, где я попыталась схорониться.

— Мелони... — И тут же летит на подстилку. Поросята яприля трех месяцев от роду — увесистые товарищи. И любят ласку, так что накидываются на Его Светлость с торжественным «уии-и-и-и-и!!». А Клёник удачно подшибает его под колено сзади.

Любуюсь картиной. Рыцарь Морковка — полные волосы соломы. Шесть быстрых пяточков обнюхивают его карманы — не принес ли вкусняшек? Яприлята тычутся в ладони, трутся боками и всячески пытаются утопить Его Светлость в милоте.

Но с пафоса его не сшибают.

— Кхм... Мел... понимаю, ты на меня сердисься. Честное слово, я писал... но госпожа Венейг перехватывала мои письма — она сама мне призналась недавно. Вряд ли я смогу простить себе, что бездействовал — но она убедила меня, что так для тебя будет лучше, что ты среди своих... Уверяла даже, что у меня будет шанс всё же жениться на тебе — когда я выучусь. У меня были друзья среди вхожих в дом, они писали мне кое-что — сообщали, что ты... в общем, прежняя. Потом до меня дошли слухи про ту помолвку с Оттоном, я с пары попыток сбежал из ирмелейского пансиона... и не успел. Уфф, с ними можно что-нибудь сделать?

Ну не знаю, мне вид Рыцаря Морковки в соломе и яприлятах прямо даже нравится.

Посвистываю сквозь зубы, опускаюсь на корточки, руки вытягиваю. Мелкие кидаются восторженно, тоже чуть не сшибают с ног. Тычутся рыльцами в ладони и в карманы, подставляют бока.

— Ирмелей, значит?

— Ага, представь себе. Пансион недалеко от Ирлианского нагорья, с суровыми порядками. Подъём по расписанию, тренировки, этикет... в основном там готовили военных, ну, или стражей закона.

В Союзном Ирмелее надыхаться не могут на Закон. Им этих стражей с каждым годом всё больше надо.

— К счастью, там была богатейшая библиотека, а то бы я пропал. Ладно, я не об этом. Опоздал я на девятницу, не больше, твоя кухня рассказала мне всю ту историю. С Оттоном, его... подарком тебе и твоей реакцией.

— Подонок получил за дело.

С этим Морковка спорить не пытается, надо же.

— Я вызвался помогать в твоих поисках после побега, и Венейги это как-то допустили. Приставили ко мне своих соглядатаев, наёмников, которых наняли для розысков... Ну, и замаялся я их сбивать со следа!

Его Светлость негромко смеётся, потирая лоб. У него на руке ссажена кожа: где-то упал или с кем-то зацепился.

— Ты — что?!

— Хотел тебя найти. Повидать, поговорить... помочь. Только я же понимал, что если тебя отыщут Венейги — я не сумею тебя защитить. Мне было восемнадцать, Дар у меня... сама знаешь, я не Онэр Водный из древних легенд. Средств тоже особенно не было. А Венейги... были на тебя злы.

Ха. Это он мне будет рассказывать. Когда я как следует попортила шкурку Подонку

Оттону — всё поместье пропиталось успокаивающими настойками. А тётушка охала про позор, и про слухи, и про «нельзяжетака». Собиралась даже меня вести в Акантор — то ли исцелять, то ли у Кормчей отмаливать. Дядька был попроще — и намерения у него были попроще.

— ...так что всё, что я мог придумать — сбить погоню со следа, а потом найти тебя самому. Единый... ты не представляешь себе, как я за тебя беспокоился. Понимал, что ты выживешь — это же ты. Но мне каждую ночь снилось, что ты сцепляешься с кем-нибудь — то в таверне, то в каком-нибудь зверинце. И что тебя принимает Вода.

Подходит, протягивает руку, чтобы дотронуться до моего шрама на виске. Уворачиваюсь — нечего лапать. Яприлята решают, что Его Светлость тут ради них и дружно атакуют его ноги. Морковка гладит малышей — как-то неумело. Отвык за годы, так-то я его вечно таскала к молодняку в отцовском зверинце.

— Поначалу я действовать не мог: уж очень плотно ко мне пристали соглядатаи Венейгов. Когда отделался от них — я, наверное, обошел каждый зверинец в Крайтосе. Потом понял, что ты почти сразу покинула Крайтос — на корабле, да? Так что я тебя потерял.

«Влюбленные переживают драматическое расставание», — кажется, это так называется в паскудных книжонках Плаксы. Дальше по сюжету — годы поисков друг друга. И неперменное хранение верности любимым и мечте.

По Рыцарю Морковке сразу видно: он это дело свято соблюдает. Небось, намалевал еще по памяти мой портрет и паялился в него ночами, повторяя: «О-о-о-о, моя невестушка, я тебя найду».

— Гм. А как ты опять снюхался с Венейгами?

Какого вот чёрта у него всё так сложно, а?

Я, конечно, думала насчет Его Светлости после побега. Так и знала, что расстроится и разволнуется. Только я полагала, что ему еще хватит мозгов успокоиться со временем, найти себе какую-нибудь даму сердца и пойти себе просто жить.

— ...наотрез отказался возвращаться в пансион — хватило с меня благодеяний. Помогал устраивать дела в поместье у Драккантов, потом работал у мужа моей мачехи — он был ничего, кстати. Но мне не сиделось на месте. Так что я отправился странствовать, и...

— Плавать хоть начал?

— А? — Янист начинает обращаться в Рыцаря Морковку. Вон уже уши полыхают, сейчас и щёки начнут.

— Ты ж всё мечтал проплыть за Рифы, новые земли открывать.

— О. Ты помнишь... ну, я прошел обучение морскому делу, даже пара небольших рейдов была в прибрежных водах... но понимаешь, ведь отплыть надолго я не мог. Я надеялся, что рано или поздно нападу на твой след. Так что...

Очень легко себе представить сидящей на берегу нашего старого озера. Вечер уже опустился. Переворачиваются старые страницы. И знакомый голос рассказывает нескончаемую историю: жил-был на свете рыцарь, он потерял свою наречённую, с горя пустился странствовать, чтобы обрести себя. Заносило его то в Айлор, то в Мастерград, то в Раккант с его свихнувшейся королевой, а ещё...

Вздрагиваю, оглядываюсь. Вокруг питомник. Дело к рассвету. Рыцарь Морковка присел напротив на корточки и всю повествует, как его разыскало письмо от тётушки. В котором она сообщала, что мой драгоценный дядюшка завалился наконец-то в Водную Бездонь.

Потому как хватил его удар во цвете лет.

— На похороны я не успел, но повидался с госпожой Ималией. Смерть мужа стала для неё тяжелейшим ударом и, боюсь, повредила её разум.

Пф, будто она и так была в разуме. Если учесть, что она несла.

— Но тебя она помнит, Мелони. Во время просветлений... то есть, я тебе потом расскажу, что с ней творится... она вспоминает тебя. Она чувствует себя виноватой в том, что поступила так с тобой: из-за той помолвки и... из-за того, что согласилась с решением мужа — ты ведь знаешь об этом, я верно понял? Мел...

Он встаёт — весь красный, встрёпанный и проникновенный. Смотрит в глаза.

— Я не думаю, что госпоже Венейг осталось долго. Она просила привести тебя, потому что ты — их единственная надежда. Через полгода ты сможешь вступить в Права Рода, и тогда опекунов над родом Венейгов перейдет к тебе — главе рода Драккантов. Твоей кузине Лэйси больше трех лет до вступления в Права, а других наследников у Венейгов и Драккантов нет. Ты понимаешь? Без тебя оба рода будут обезглавлены.

Будто мне есть до этого дело. Хмыкаю и собираюсь выложить это в лицо Рыцарю Морковке, и тут он говорит:

— погоди. Я искал тебя не ради этого. Вернее не только ради этого. Госпожа Венейг... она просила найти тебя, чтобы попросить прощения. Она хочет хоть немного заглазить свою вину и предлагает тебе любую помощь, понимаешь? И... она хочет, чтобы ты была счастлива.

Да она этого всегда хотела. Они этого все хотели. Тетушка, дядюшка, кузина Лэйси. Чтобы я была счастлива. Среди приёмов, салонов и чаепитий. И душевных прогулок в коридорах у замшелого короля Дайрана Восемнадцатого.

Мы тебя переделаем, вывернем твое нутро, а ты потом будешь так благодарна и счастлива по нашим рецептам, деточка.

— Передай ей, что я зла не держу. И что я счастлива.

— Что?

Поднимаюсь, выскакиваю из загона, пока Его Светлость не перебудил своими орами яприлят. И ещё полпитомника. Иду себе по дорожке с прицепившимся хвостом — рыжим и возмущённым.

— Мелони... ты что, всерьёз? Ты не хочешь даже увидеться с ней... поговорить с ней, успокоить её?

— Ты и успокой. У меня это плохо выходит.

— Дом Драккантов...

— В вир болотный. И дом Венейгов туда же.

— Мелони, она больна...

— Она больна, дядька помер, я поняла.

При мысли, что придётся тащиться обратно в поместье Вейгов, слышать бессвязный бред тетки, улыбаться ей и давать обещания на смертном одре — чуть не выворачивает.

— Можешь её в лобик поцеловать. Денег её мне не надо, так и скажи. Слушай, ты вообще долго еще за мной таскаться собираешься, а? Работы куча.

— Мелони...

Торможу у загона серной козы и разворачиваюсь, стиснув кулаки.

— Я должна обрыдаться от счастья и на шею тебе кинуться? Ты приперся от чертовых Венейгов! Я оттуда мечтала убраться — и убралась, а ты припёрся и тащишь меня назад. И

затираешь мне про Права Рода, тётку и всё эту дичь, да мне наплевать на это всё! И на тётку, и на кухню, и особенно — на Права Рода, не собираюсь я туда возвращаться!

Орать не ору, а то звери взволнуются. Шиплю слова в растерянное лицо из прошлого, мантикоры бы его взяли.

— Попробуешь меня туда силком затащить или под снотворным — я тебя...

— Ткнёшь ножом, — подсказывает Морковка. — Я не настолько забыл, какая ты.

Бракованный товар — так, вроде, говорила мамаша Оттона-подонка, когда приходила к тетке обсуждать помолвку.

Только вот Его Светлость таращится в осеннюю темноту с паскудным романтичным обожанием. Всем своим видом говоря: у-у-у-у, я ни за что тебя не оставлю, сколько ни отталкивай, и вообще, ты вся в моем сердце.

От этого прямо жутко.

— И думать забудь насчет свадьбы, ясно? Не собираюсь за тебя... вообще не собираюсь. Наплюй на свой... что у тебя там, обет? Хочешь — можешь жениться хоть на Арианте, понял?

— Н-на королеве Айлора?!

— На нашей серной козе.

Проснувшаяся Арианта требовательно бодает загон изнутри. Я пытаюсь пойти дальше. Принцесска загораживает мне путь. С праведногневым выражением на лице.

— Ты что, меня не слышишь? Сестра твоего отца умирает и хочет только проститься с тобой. Твой род и род Венейгов — два самых знатных рода Крайтоса — могут рассчитывать только на тебя! Я наконец-то нашёл тебя через шесть лет — а ты отсылаешь меня обратно? Что с тобой такое, Мелони?! Это из-за... этой женщины?

Принцесска — знатный чушеносец, только дай ему волю — заговорит меня до смерти. Правда, он малость обалдевает, потому что мимо него неспешно проходит Морвил. Его Светлость провожает его хвост взглядом.

— Это что... алапард? Нет, Мелони, постой. Я шесть лет тебя искал, нахожу в этом ужасном месте... И ты заявляешь мне, что тебе на всё плевать и ты счастлива? И думаешь — я этому поверю? Единый, как ты вообще очутилась в этом месте... и в этом виде?

Это он про причёсочку, видать. Или, может, про шрам. Да не, еще на куртку таращится. И на заляпанную грязью сапоги.

Прекрасную деву, кажись кто-то заколдовал и превратил в чудовище. Срочно требуется расколдовывающий поцелуй. Вон, Рыцарь Морковка уже и вперед подался. Вдруг, если меня чмокнуть, я вся просияю красотой, прозрею, заору «К мантикорам питомник!» и стану настоящим Драккантом.

— Я сюда пришла сама. А теперь отойди с дороги, пока я тебе не прописала как следует.

Протискиваюсь мимо, иду к мантикорьему загону.

Можно было бы ему рассказать, конечно... только вот что он поймёт.

А ещё от этой памяти у меня вечно башка гудит. Потому что и тогда она у меня прямо раскалывалась.

И ноги вязли в грязи, когда я шла от вира с волчонком на руках.

Это тоже была Луна Глубинницы, и Водная Сестра решила показать свою стихию. С неба хлынуло море, и от вира я чуть ли не плыла. Дар ничего подсказать не мог. Во-первых, руки у меня были заняты израненным игольчатником. Во-вторых, башка гудела.

А ещё я в первый раз тогда убила человека. Хотя он не особо был человеком.

Паскудный живодёр-пират решил поразвлечься и показать на привязанном волчонке мастерство клинка. Он пообещал мне голову снести с плеч, когда я помешала. Только вот не смог — то ли потому, что был пьян, то ли мой атархэ оказался быстрее. Всё-таки рассёк висок порезом длиной чуть ли не в пядь. Я в горячке и не заметила. Слишком торопилась перерезать на игольчатнике веревку и смыться. Пока не подвалили дружки живодера и не поняли, что у него дырка в глотке.

Потом оказалось, что пиратская погань чем-то смазывала свой клинок. Так что у волченьки загноились раны и начался жар. У меня, в общем, было то же самое. Да, и ещё я потратила последние гроши на то, чтобы переправиться из Велейсы в соседний Вейгорд.

В приморской деревне мало что знали насчёт ядов да ран. Но одна старушенция перевязала мне голову и дала ткани — промыть раны волченьке. Потом вечером к ней пришли кумушки судачить — так вот, одна из них и припомнила про королевский питомник Вейгорда. Будто бы там помогают животным.

С утра волчонку стало совсем худо, и я сиганула в ближайший вир. И высадилась прямо в дождь. Так что всё, что помню о дороге сюда: горящая, чугунная голова, раскисшая грязь под ногами и тяжесть на руках. Повязка размоталась и мешала, я её скинула, а всё вокруг было в сплошной пелене дождя. Он малость охладил кожу и губы. А волчонка мне пришлось в куртку завернуть, где лежал амулет от воды. Почти разряженный, но на куртку хватило.

После вира всё крутилось перед глазами. Я брела не то чтобы быстро, оскальзываясь, отдыхаясь и останавливаясь, чтобы протошниться. Пока не уперлась носом в надпись «Королевский питомник Вейгорда». А дальше я пнула калитку ногой и брела по запаху, набрела на общую кухню и в неё завалилась.

— У него раны, — сказала, когда ввалилась внутрь. — Отравленные.

Ураган звуков, вихрь действий. Два голоса переплелись и бьются в жаркой кухоньке.

— Ах-х-х ты ж, Морвила Глубинная — да она вся в кровище.

— Волчонка на стол!

— Куды на стол тварь блохастую!

— Убери продукты, зелья есть?

— Соусы есть! погоди, кликну нойя.

— Давай, я пока, чем могу...

Мир плыл вокруг, и запахи наваливались, скручивали желудок спазмами, голова валилась набок, но я старалась — не уплыть совсем. Найти глазами малыша на деревянном столе — над ним склонилась какая-то в клетчатой рубахе. И я успокоилась, потому что увидела, как она бережно его касается, промокает чем-то раны... осторожно вливает в пасть зелье из бутылочки.

Потом прохладная рука оказалась на голове, мне оттянули веко и тоже залили внутрь зелье.

— Воды дать? — спросил голос над ухом. Я помотала было головой, зашипела — это она чем-то по ране мазнула.

Затем в кухню впорхнула Конфетка с кофром, принялась цокать языком и щебетать так омерзительно, что меня всё-таки вывернуло, но хоть голове и полегчало. Ну, а после то ли она, то ли Грызи смазали мне рану и как следует накачали зельями — тут и муть перед глазами малость рассеялась.

Я даже попыталась было даже сразу свалить из лекарской, куда меня отвели. Грызи мой побег пресекла в своей манере.

— Вот это надо будет пить три раза в день, — сказала она, влетая в комнату и не обращая внимания, что я уже поднялась и пытаюсь удрапать. — А то, вполне возможно, голова у тебя раздуется и лопнет. Повязку обновлять раз в сутки, с вот этой мазью. Если не торопиться — этим может заняться Аманда, наш целитель.

Я потрогала забинтованный висок и решила, что, в общем, если башка лопнет — это будет не очень-то приятно. Опустилась на кровать и начала ждать, пока начнётся: «Ой, какая ты юная! А откуда это ты? А где твои родители, ай-яй-яй, неужто умерли, какой кошмар. Как, говоришь, твоё полное имя? А где жила? А откуда взяла волчонка? Ух ты, какой редкий Дар...»

Не началось.

— Как ты его назвала? Волчонка. Ему нужно будет имя, если он останется у нас.

— Омр, — мелкий назвался по имени любимого охотничьего волка Хоррота-Мечника — из легенд. Наверное, потому что мне хотелось — пусть бы вырос таким же непобедимым волчарой.

— Буду знать, — отозвалась Грызи. — Ты молодец. Спасла его. И хорошо, что принесла сюда: яд в ране был опасным... но Омр поправится. После обеда можешь его навестить. Обед на кухне — сама пообедаешь или принести? Сама? Ладно, приходи в питомник, как полегчает. Думаю, тебе-то хватит ума не совать руки в клетки. Так, у меня ещё тысяча дел.

И усвистела в коридор, только по пути обозначила:

— А, да, я Гриз Арделл. Придумай, как мне тебя называть.

В питомник я потащила уже после того, как Фреза закончила пихать в меня еду. Вылитая самка скрогга, которая птенцов кормит. Попутно Пиратка донесла до меня, кто они все тут такие и чем занимаются.

Про Илая Долбанутого я к тому времени уже наслушалась. А ковчезников пока не видала, только слышала о них, как о фанатиках, которых явно бешеные шнырки покусали. Да и слишком это всё миленько звучало: о, привет, мы тут спасаем животных.

Так что была почти уверена, что в питомнике меня ждет то же, что в остальных зверинцах, которых я навидалась за два года после побега.

Свалявшаяся шерсть, тяжкий запах, проступающие рёбра. Потухшие глаза.

Реальность с размаху врезала мне по гудящей башке. Я переходила от клетки к загону, от загона к клетке. А койны веселились и покачивались на хвостах, выкидывали разные трюки, и громадный яприль, весь в шрамах, подошёл, чтобы я поскребла ему бок, и два единорога поинтересовались — а нет ли у меня яблоч. Шнырки плескались в переполненной после дождя поилке, а керберята гонялись друг за другом и пытались куснуть за бока. И Дар Следопыта говорил мне — что скрыто во всём этом. В голосах животных, в рассыпанной по полу чистой соломе, в залеченных ранах, в сытом блеске звериных глаз.

Любовь.

Усилия.

Забота.

Это потом я узнала другую сторону питомника. О том, как приходится крутиться с деньгами. И о браконьерах, промышляющих в заповедной части. О фыркающих благотворительницах, вечно пьяненьком Лортене и олухах-вольерных, и ночных

дежурствах.

А тогда показалось — я померла и попала в место для таких, как я.

Грызи заявила, когда мы ворковали с даматским самцом бескрылки. Красавцу было скучновато из-за дождя. А ещё он линял. Сперва развлекался и хватал зубастым клювом палку, которой я водила по прутьям клетки. Потом начал подставлять мне шею — чтобы поскребла чешуйки.

— Он тебя не укусил.

Почему-то сразу ясно стало: она за моей спиной уже пару минут маячит.

— С чего б, — буркнула я и побарабанила красавцу пальцами между глаз.

— Горги — парень своенравный и не любит чужих, — Гриз сама подошла к клетке и прошла пальцами по шее бескрылки. — Но зато у него очень хорошее чутьё. Тебя ведь не кусают животные, да? Грифоны не пытаются ударить клювом, а вивернии не дышат огнём.

Просто я не причиняю им боли. Не боюсь их и их самих не пугаю. Не отбираю ничего и не посягаю на территорию.

Со зверями в этом смысле куда как легче, чем с людьми. Звери не притворяются и чувствуют, кто им добра хочет.

— Ояканно-мэй, — пробормотала Гриз. — Так даарду зовут тех, кто дружен с животными. Это зависит не от Дара — от человека. Такие люди настолько сильно любят живое, что живое отвечает им взаимностью. Из них выходят лучшие укротители, дрессировщики или звериные доктора... Если ты не устала — могу показать тебе часть питомника, закрытую от посетителей.

Остаток дня был счастьем в чистом виде. Мы с Гриз Арделл обошли все вольеры, от ясельных до «больничных», подкинули еды земляной кошке, поиграли с единорожками, почистили шнырков и перевязали раненого грифона. Завернули к Омру. Грызи рассказывала о всех, кого мы видели. Как они пришли в питомник, какие у них привычки, характер, как за ними ухаживать, что с ними дальше будет...

Я всё больше помалкивала и обдумывала — нужны ли им тут руки. Потому что я отсюда уже с обеда никуда не собиралась. Разве что волоком за ограду вытащат — и то под вопросом.

Обо мне Арделл так ничего и не спросила, потому что по уши ушла в животных. А я вот спросила. Когда увидела, как у неё изменился цвет глаз на единении с вивернием.

— Варги разве не живут в общинах?

— Большинство, — отозвалась Гриз и принялась промокать зельем рану у виверния на шее. — Но я когда-то там и жила. В одной из крупнейших общин варгов, в Вольной Тильвии.

— Выперли? — осведомилась я почти даже с сочувствием.

— Ну-у-у, может, они и не против были от меня избавиться к тому-то времени... Но я бы так сказала, что я сама выперлась. Сбежала, — пояснила, усмехаясь. — Когда мне было семнадцать. Ну как, ты уже определилась с тем, как к тебе можно обращаться?

— Мел. Мел Драккант.

Впервые за два с лишним года я не смогла назваться выдуманном именем.

Дома мы называем себя настоящими.

Что из этого рассказать Рыцарю Морковке, спрашивается?

— И что тебе пообещала эта варг? Защиту? Забвение? Мелони, ты что — правда считаешь, что сможешь спрятаться от собственной природы в клетках у животных? Скрыться

за... выездами, ночными дежурствами, что у вас тут ещё есть? Спрятаться от своих мыслей?

Ага, о выездах он знает. Небось, так меня и отследил. Не стоило мне при Моргойлах называться своим именем — наверняка они растрепали.

— От кого мне прятаться — от тебя, что ли? Я тут на своём месте.

— Здесь? — обводит рукой питомник. — Ты — Драккант... на своём месте?

— Да. Здесь моё место. А не в поместьях, на приёмах, на балах, или что ты там ещё себе вообразил. Меня с души от этого воротит. С детства.

От елейных улыбочек, поклончиков, витиеватых титулов и обязательных чаёв с нужными людьми, и от придворных церемоний, и пыльных свитков с правилами этикета.

— Помню, — Морковка горько ухмыляется и становится похож на себя-прежнего. — Ты всегда была слишком искренней для любых церемоний. И я не отрицаю, что здесь ты можешь быть счастлива: тебе только и нужно было — любить живое и спасать живое. Этим она воспользовалась, да? Сказала, что здесь ты будешь заниматься любимым делом? А она, случайно, не заговаривала с тобой насчет того, что питомнику нужны деньги, не вспоминала состояние Драккантов? Знаешь ли, эта варгиня не так уж и проста. Я навел о ней кое-какие справки...

Никогда не умела быть красноречивой. Но уж если этот болван начнет трепаться о Грызи — я, чего доброго, ему нос сломаю.

— Это потерпит, — говорит себе Рыцарь Морковка под пока еще целый нос. Рассмотрел мое лицо, видимо. — Но ты не думала, что поступаешь попросту эгоистично, запираясь здесь? Ты же не варг, живущий в питомнике. Ты Драккант. У тебя есть обязанности, помимо чистки клеток. Не передо мной, но хотя бы перед твоими родителями, которые тебя любили. И ты ведь можешь сделать для любимого дела куда больше, если вступишь в Права Рода. Единый... да ты можешь вообще всё что угодно! Открыть свой питомник, свою лечебницу для животных, заняться благотворительностью или просвещением, да с состоянием Драккантов ты можешь изменить всё не только для животных... как минимум в Крайтосе! Но сейчас-то я просто прошу тебя повидаться с умирающей теткой. И дать ей попросить у тебя прощения. Неужели эта варг тебя не отпустит? Или что... я прошу слишком многого?

Вечно вот с ним было трудно. Только остановишься — присядет на уши и начнет к совести взывать. Странно, как он не заделался каким-нибудь жрецом.

— Хочешь совет, Принцесска? Плюнь на свое чувство долга. Поступи на корабль, как хотел. И плыви куда подальше, хоть за Рифы. А то еще женись хоть на ком... хоть на Арианте. Не на козе, а на королеве Айлора, хотя... да мне плевать, можешь вон на кухне Лэйси жениться. Я не приму Права Рода. И никуда отсюда не собираюсь. И если ты сейчас за мной пойдешь — Мист тебе башку отгрызет, наша мантикора чужих не любит.

Разворачиваюсь и ныряю в жаркое, болотистое нутро загона, где в грязи тяжело поворачивается мантикора.

Затылком чувствую взгляд Рыцаря Морковки. Прямо-таки орудий «Мы этот разговор с тобой не закончили, и вообще, я не сдамся и буду драться за тебя до конца».

ЛАЙЛ ГРОСКИ

После эффектного старта Мел за дверь её наречённый брякнулся на стул и с минутку посидел, осмысливая то ли неласковый прием, то ли общий вид своей невестушки. Однако

довольно быстро тряхнул головой, вскочил и вперился в Арделл обвиняющим взглядом.

— Что вы... что вы с ней сотворили?

Можно было подумать, что годы назад Мел являла собой нежную девочку в веночке из маргариток и с манерами принцессы.

— Вы, конечно, хотите её догнать? — невозмутимо спросила Арделл. — Тогда поторопитесь, а то Мел успеет уйти в загоны к хищникам, а оттуда вы ее можете ждать долго. О, и не упоминайте о происшествии с Кумушкой. Ради вашей собственной безопасности. Спросит — вы просто прошли через заповедник, нарвались на патруль... а подробности ей объясню я.

— Что бы вы там о себе не думали — я не собираюсь лга...

— А я вас и не прошу. Йолла, проводи господина Олкеста, посмотри, чтобы он нашел Мел. И проследи, чтобы его не съели.

От души веселящаяся Йолла закивала и утащила грозного женишка за руку. Тот, правда, уже из дверей кинул последний привет:

— Я с вами еще разговор не закончил.

— Я тоже вообще-то только начала, — отозвалась Арделл и сделала прощальный жест. Вторым жестом она срезала мою постыдную попытку к бегству.

Молчание, которое вслед за тем обрушилось на сторожку, яснее ясного говорило: мы все находимся в самом начале длинного и мучительного пути.

— Собственно, а когда ты просила проследить, чтобы его не съели — ты имела в виду наших хищников или его милую невестушку?

Мой знаменитый покойнический юморок всё же показал своё.

— Может, нам вообще стоило ему обеспечить... ну, знаешь, сопровождение. Там в конце-то концов Мел. А рядом хищники. И есть куда спрятать тело.

— Например, бросить его в вир? — осведомилась Арделл, метая из глаз зелёную молнию.

Ростки юморка слегка подвяли, но до конца не испепелились.

— Что? Я, может, просто примеряю на себя свою собственную участь. Думаешь, она меня скормит алапардам или лучше гарпиям — для поэтической-то справедливости? Я же верно понял — ты собираешься рассказать ей, что случилось с Кумушкой?

— Стоило бы, — буркнула Гриз. Потерла щёки, плотнула из фляги бодрящего. — Только вот лучше от этого не станет никому... Нэйш, возвращайся в патруль. Прибери там следы. С телом гарпии, конечно, уже сами разобрались... в общем, прибери, если что-то осталось. Заодно посмотри, добрался ли проводник этого Олкеста до нужной границы. За твою сегодняшнюю выходку получаешь еще дюжину ночных дежурств — одиночных, раз уж ты не можешь патрулировать с кем-то в компании. Тридцать золотниц штрафа с ближайшего жалования. Остальное обсудим, как вернёшься с патрулирования.

Носок сапога, попадавший в полосу света, качнулся насмешливо.

— Буду ждать с нетерпением.

— Лайл... ты, я думаю, понимаешь, что совершил пару серьезных ошибок?

Почти мягкий тон стал для нас с крысой немалым шоком. Но покаянный вид я принял исправно.

— Остаток своих ночных дежурств проведешь в паре со мной. Да, и в свободное время я ещё подучу тебя вести себя в заповедной части. Сверху получаешь пять внеочередных вахт у Чаши и по ночному питомнику.

Грызун внутри подавился собственным визгом. Так и замер с подергивающимся глазом, не в силах поверить в такое мягкое наказание. Вахты у Чаши и вахтами-то не были: подремываешь себе или сидишь с книжкой у камина, только время от времени поглядывая в Водную Чашу — нет ли вызова? А ночные обходы в питомнике всегда совершались вместе с вольерными. И тоже не предполагали, что ты влезаеть в клетку.

— Да-а-а, — протянула Арделл задумчиво. — Ты радоваться-то подожди, у меня на тебя малость другие планы... Как у тебя с ценами на корма — не вникал пока?

Цены на корма? Возможность поговорить о звонких монетах? С нашим счастьем — в этом я как раз заверил зевающее начальство. После чего меня начали посвящать в тонкости кормовой темы, и беседа начала становиться вполне даже милой.

До тех пор, пока в дверях опять не возник жених Мел. Выглядающий так, будто ему пришлось не улепётывать от Кумушки, а уговаривать гарпию выйти за него замуж.

В принципе, это было недалеко от истины.

— Она просто слегка нервная по ночам, — попытался я утешить парня от доброты душевной. Парень не утешился, плюхнулся на уже обжитой стул и зарядил в сторону Арделл:

— Сколько вам нужно?

— Сейчас или в принципе? — поинтересовалась варгиня, которая за последние десять минут основательно погрузилась в мир цифр. — Гроски, если учитывать еще расширение вольеров, клетки... сколько у нас там набегит? Сотни три золотниц хорошо бы на первое время. Хотите сделать пожертвование?

— Не прикидывайтесь, что не понимаете, о чём я говорю, — отрубил рыжий женишок. — Сколько вы хотите, чтобы оставить в покое Мелони? Я сильно сомневаюсь в вашем бескорыстии.

— И правильно. Я на самом деле очень корыстный человек — Лайл подтвердит, он со мной только что обсуждал, как мы можем выпить побольше крови из честных торговцев. Но, господин Олкест, — как вы воображаете себе это ваше «оставить в покое Мелони»? Я должна перестать давать ей задания, или я должна снять её с вызовов? Или мне нужно явиться к ней и заявить ей в лоб: «Всё, ты больше тут не нужна, у тебя два часа на сборы»?

— А если бы даже и так?

— То есть вы предлагаете мне ей солгать. И готовы подкупить меня, чтобы я ей солгала за деньги.

Казалось, что бедолагу Олкеста сейчас хватит удар, и он распадётся на сотни маленьких морковок.

— Что? Вы искажаете мои слова! Послушайте... она же к вам прислушивается, по каким-то причинам... не знаю, по каким. И вы могли бы донести до неё... сказать ей о том, что это на самом деле важно. Что она не может оставаться здесь, что её род в опасности, а её умирающая тётушка ждёт. Вы... могли бы её направить на нужный путь.

— И вы собираетесь подкупить меня, чтобы я её туда направила.

Я слегка отодвинулся от Рыцаря Морковки на случай, если у него сейчас взорвётся голова.

Гриз подпёрла щеку ладонью и вздохнула.

— Господин Олкест, вы зря считаете, что я могу переубедить Мел насчёт её Рода. Здесь она для себя давно решила, и я не стану даже пытаться. Я поговорю с ней о тётушке, которая её хочет увидеть, но ничего обещать не могу, честное слово.

— Ну конечно. Не можете.

Судя по усыпанной веснушками физиономии — сбылись, сбылись все мрачные предчувствия. Янист Олкест скрестил руки на груди и отчеканил:

— Хочу, чтобы вы знали — я не собираюсь сдаваться. Понимаю, что вам невыгодно отпускать Мел и вы приложите все усилия, чтобы помешать. Но я не оставлю её здесь. И даже если вы выставите свои патрули по всей территории — я найду способ...

— Лайл, он прилично бегают?

— Отменно — раз уж его не поймала бескрылка. А с чего бы...

— С чего бы вас это интересует? — осведомился прерванный в момент патетики Олкест.

— С того, что я не дам вам шататься по моему питомнику в качестве посетителя. С вашими методами — мы рискуем лишиться половины хищников. Не говоря уж о том, что вас сожрут, Мел расстроится, а про питомник будут говорить, что у нас тут звери-людоеды.

— Как будто они у вас и без того не...

— Поэтому, — Арделл щёлкнула пальцами, чтобы заткнуть женишка Мел, — либо вы поджидаете Мел за воротами, разговариваете с ней только в здании и только когда она не занята... В общем, говорите с ней раз в девятницу... Либо вы поступаете на работу в «Ковчежец» и будете здесь постоянно, но как сотрудник. Проходите обучение, получаете жалование, и да, тогда вы сможете быть рядом с Мел почти постоянно.

Едва ли на Яниста Олкеста сваливались такие блестящие предложения карьеры, так что он малость приоткрыл рот. Откуда полетело только придушенное:

— Вы... позвольте мне работать вместе с ней?

— Не будете мешать работе — пожалуйста. Дар у вас Водный, в нашем «теле» пока что такого нет. Станете нашей «кровью»... я потом вам объясню. Вы даже сможете ходить с ней на вызовы — особенно если они касаются огненных существ. Будете её прикрывать... и переубеждать попутно. Ну как?

— Это какой-то подвох? — Олкест усмехнулся недоверчиво. — Вы что же, решили избавиться от меня таким образом... или напугать? Разумеется, я согласен.

— Отлично, — меланхолично молвила Арделл. — Договор я завтра подготовлю, а вы пока располагайтесь. Познакомьтесь — это Лайл Гроски. Лайл — знакомься, твоё наказание. Жить будете в одной комнате.

— Пхаааа! — никогда бы не подумал, что могу выдать синхронную реакцию с таким вот рыжим несчастьем.

— Других спален нет, — пояснила Арделл, пожимая плечами. — Можете снять комнату в деревне или в трактире у Злобной Берты, но первое — далеко, не успеете на вызовы, второе... хм, в общем, сами увидите. Или можете расположиться в особняке у директора питомника. Если выдержите ежедневные оргии с возлияниями и предложениями присоединиться. Боюсь, что визиты полуголых девиц и... не всегда девиц...

Арделл почесала бровь, явно припомнив что-то забавное.

— Есть ещё мой кабинет, но он крошечный, кровать вряд ли влезет. Лайл, кстати, тоже в питомнике недавно, поэтому у вас неплохой шанс сработаться.

Сверчки за стенкой исполнили «Марш Отчаянного Сомнения».

— А теперь подождите, пожалуйста, за дверью — мне нужно поговорить с моим сотрудником, — добавила Арделл. — Утром после общего сбора я поясню вам детали.

Возражать новый работник питомника не стал. Разве что смерил нас на прощание взглядом, исполненным хмурой подозрительности.

— А Мел тоже чем-нибудь провинилась? — первым делом спросил я, когда дверь за Олкестом захлопнулась. — Из-за чего ты решила приставить к ней вот это чудовище?

Арделл испустила горький вздох о моей недогадливости.

— Ну, мне же надо было ее как-то отвлечь от Кумушки и всей этой истории. И потом, кто там знает, может, ей будет полезно...

— Да, правда. Может, она проникнется своим положением и начнет пырять всех атархэ, одновременно делая книксены. Стало быть, ты считаешь, что друг детства может ей малость вправить мозги...а я должен буду вправлять мозги ему, так?

И не надо делать вид, что я не понял, какой титанический труд на меня возложили. Парень явно предубежден против питомника и того, чем Мел тут занимается. Надо как-то с ним договориться... а я же всегда умел договариваться. Вот только если ты ждёшь каждый день — когда же тебе сообщат твое задание, то у тебя поневоле будет потребность в уединении. А теперь об этом придется забыть.

— Ради Девятерых — вправлять мозги человеку, который выбрал своей парой Мел! Да о каких там мозгах вообще... Могу я поселиться у Лортена? Честное слово, родной печени не пожалею. Обещаю с честью переносить вторжения полуголых девиц и... кто бы там не был. Нет? Ну, я готов спать в «поплавке»...

— Гроски, — тут в голос начальства вплелись благородные нотки стали. — Ты сейчас доведешь меня до того, что я тебя к Нэйшу переселю.

— Буду очень рад, — любезно отозвался из угла устранитель. О нем все успели позабыть — может, потому что он не издавал ни звука и не двигался. — Коврик у двери как раз пустует.

— В лекарской, вроде, две кровати плюс можно третью поставить, — припомнил я сходу. — Клянусь, что не буду мешать Аманде. И никаких нескромностей с моей стороны, если только она сама не...

— Лекарская — только для больных с серьезными ранениями или болезнями.

— Могу обеспечить, — прошуршал Нэйш из угла.

— Порухенная психика считается? — процедил я, покосившись на устранителя.

Ладонь Арделл опять бахнула по столу.

— Хватит уже, вы, оба! Нэйш — почему ты вообще ещё здесь? Остался час до рассвета — марш на патруль! Лайл, покажи новичку «Ковчежец», где кладовка — ты знаешь.

— Мне хотя бы можно будет завтра надраться с Лортенем?

— Нет, — отрубил безжалостное начальство. — Ты всё равно сейчас под бодрящим зельем, и тебя не возьмёт. Только сердце посадишь. Всё, до встречи на утреннем обходе.

Вот так и получилось, что я вымелся из сторожки первым и в довольно своеобразном настроении.

Неподалеку расхаживал женишок Мел. Он же новичок в питомнике. Он же мой внезапный сосед по комнате. Которому я должен вправлять гипотетические мозги.

На меня новая проблема поглядела подозрительно, и я постарался все ожидания оправдать.

— Как ты бегаешь — я видел, — выдохнул тяжело в осеннюю ночь. — Так что мой тебе совет — беги отсюда со всех ног, парень.

Янист Олкест хмыкнул презрительно и всем своим видом выразил, что советам следовать не намерен.

Зря он, конечно. Была бы у меня такая возможность — уж я бы ее не упустил.

ФАМИЛЬНАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ. Ч. 1

«...однако традиции Рода и обычаи Рода для истинно древних Родов Кайетты священны, и священны реликвии и талисманы Рода, подтверждающие его древность и знатность».
«Энциклопедия Кайетты»

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Девочка бежит, утопая в высокой траве. А вечнозелёные косы ложатся ей на плечи, и ветер колышет необъятное травяное море, и кажется — сейчас она споткнётся, полетит в глубину — и не вынырнет.

И я прибавляю шаг, чтобы не потерять её из виду: растрёпанный хохолок черных волос, костюм охотницы, который она уже успела перемазать в серую грязь.

Загорелое личико, склонившееся к травам — пошептаться... Взметнувшаяся ладошка с Печатью Следопыта: догоняй, Рыцарь Морковка! И короткий смешок, когда чёрная макушка совсем ныряет в волны *элейса благословенного*, любимой травы Травницы и любимой пищи единорогов. И я знаю, что должен сделать вид, что заблудился и не знаю, куда идти. Тогда она, царственно фыркнув, появится откуда-то сбоку. Скажет:

— Что, потерялся? Работенка для Следопыта. Идём, провожу, нам еще на единорогов нужно глянуть.

Замедляю шаг и со внутренней тревогой отсчитываю мгновения. Запах элейса — сладковато-горький, по-осеннему дурманящий. Кружит голову. Сейчас, сейчас разомкнётся трава справа или слева и раздастся её голос...

— Принцесса! — долетает раздраженный окрик спереди. — Ты жрёшь элейс или поэму в башке пишешь? Ногами шевели!

Вздрагиваю, откидывая сладкий дурман. Бегу по проложенной Следопытом дорожке, пока не нагоняю Мелони. Совсем чуть-чуть подросшую, безжалостно обкорнанную чьей-то рукой. Потирающую шрам на виске и шипящую сквозь зубы:

— Взяла с собой обузу, тоже... Давай двигай, так до завтра не управимся.

Молча киваю и вновь погружаюсь в бег по бескрайнему травянистому простору Единорожьей Долины. Простирающейся от северной границы Ракканта до южных пределов Акантора.

В преданиях говорится, что некогда Глубинница Морвила начала насмеяться над Травницей Элейсой, говоря, что та никогда не сможет познать ширь и свободу моря. И Травница сотворила своё Море Трав — прямо посреди Кайетты. Вырастив для этого вечнозелёное растение с дивным запахом и длинными тонкими косами, стелящимися по воздуху. Растение, которого нет нигде в Кайетте, кроме Единорожьей Долины — потому что именно единорогов, своих друзей и спутников, Травница пригласила жить в своём Море.

Каждый стебель элейса благословенного — словно тонкая, стройная девушка, волосы которой распущены и летят по ветру. Мелони отмахивает милую за милей — мерной, ровной рысью охотницы. Иногда замедляется, сворачивает или начинает рыскать в траве. Потом непостижимым образом берёт новое направление — и всё начинается сначала.

Нынче с утра невыносимая Арделл бросила коротко:

— Мел, глянь, что там с обожжёнными единорогами в Море Трав, потом вызывай меня. Лайла пока что нет, а там кто-то из огнедышащих. Так что возьми с собой господина Олкеста. Если, конечно, он пожелает.

Силы Единого — как будто я мог бы отказаться. Несмотря на то, что мое обучение еще не закончено: я в питомнике неполные две девятницы.

Но это возможность наконец побыть наедине с Мелони — вдали от постоянных клеток, окриков, смешков, вопросов, шепотков, рыка, воя... от бесконечной суеты обучения, уборки, изматывающих знакомств и чуждых разговоров. Побыть с ней в Море Элейсы, в Единорожьей Долине, той самой, куда мы летом и осенью выезжали из Драккант-касла.

Теперь мне кажется, что невыносимая Арделл усмехалась, когда предлагала мне эту пытку.

Пошёл третий час изматывающего бега в море высокой травы под осенним солнцем. И Мелони не намерена останавливаться. А если всё-таки останавливается, то ведёт себя так, будто не было ничего не было.

Девочки, ныряющей в душистые травы. Упоённо играющей в следопыта. Затаившей дыхание перед табуном пасущихся единорогов. Благоговейно глядящей серебристого самца, которого я подвёл к ней поближе...

Эта оглядывает море трав с сурово поджатыми губами. Обмахивает пот с лица раздражённым жестом. Цедит сквозь зубы короткие, резкие, поясняющие фразы:

— Следы копыт. Драккайны не видно. Ч-чёрт, не по воздуху же она сюда...

— Единороги отсюда держатся подальше. Заходят, но только поодиночке. Испугались.

— Может, вообще не драккайна, а какой-нибудь браконьер-придурок. С амулетом Огня.

Мы выслеживаем драккайну в Единорожьей Долине — звучит как причудливая сказка.

— Это не может быть феникс?

— Пропалины непохожи. И феникс не стал бы убивать единорогов. И нападать на этих... как их назвать.

Отдыхающие семьи. Влюбленные пары. Те, кто всегда приезжает в Травяное Море — насладиться ароматами и полюбоваться на единорогов. Нормальные люди — вот как они называются, Мелони.

Мы такими были не так уж давно.

— И феникса видно, а эта тварь...

Хитрая тварь, которая подкрадывается к единорогам и обжигает их. Распугала табуны и ночью подожгла пару летних шатров отдыхающих. Егеря Единорожьей Долины не видели тварь ни разу и поделились кучей версий: виверний, огненная лисица, кербер...

Но Мел хмыкнула во время одной из остановок:

— *Атархэ* поставлю — это драккайна. Вир её знает, чья это помесь — может, кербер или игольчатник. А то может, алапард. Но драккайны так действуют.

Мы ловим драккайну в одном из величайших заповедников Кайетты — в Великом Море Элейсы. Пробираемся по полузаросшим тропам единорогов. Раздвигаем руками гибкие, податливые стебли. Тонем в терпких волнах ароматов. И я стараюсь держать дыхание, отмахиваюсь от длинных, зелёных кос элейса благословенного, лезущих в лицо.

И от памяти, которая тут, совсем близко — рукой можно дотянуться.

Память о смешной девчонке, играющей с блестящим клинком.

— *Глянь, Морковка, это мой атархэ! Мастер делал, по особому заказу. Да потрогай, красивый? На будущий год уломаем папашу тебе такой же...*

О девчонке с серыми глазами, в которых плещется смех. Будто солнце играет на речных водах.

— Чего? Я — порежусь? Во, смотри! Над ладонью завис! Папаня говорит — через годик будет полный контроль.

И нужно не замедлить шаг. Не крутить мучительно головой по сторонам. В бесплодных поисках: где же, где же эта девочка? Может быть — её поглотило жадное вечнозелёное море? Может — его покровительница, Великая Элейса, сейчас смилуется и отдаст мне ту, которую я любил? Раскроет волны и вернет — сонную, зачарованную...

Только вот сероглазую девочку захлестнуло что-то, что страшнее.

— Пухлик быстрее ползает!

Мелони досадливо топаёт ногой, поджидая меня на небольшой проплешине, где осенняя пожухшая трава коварно вторгается в заросли зеленого велейса. Рядом с травой разрослись кусты и стоит пара звенящих золотом ясеней. Журчит ручеек, спускающийся дальше, к речке.

Мелони сердита не на меня. На отсутствие знаков. Я знаю этот взгляд, которым она сверлит свою Печать. Исподлобья, упрямый: ты что, совсем дурная, да? Ты почему не выполняешь то, что от тебя требуют?

Мне так хочется приободрить её. Вызвать хоть на миг вместо этой незнакомки — прежнюю, настоящую Мелони Драккант. Которая как-то призналась мне: «Если б где жила, так это только тут». И дышала бы благоуханием элейса, и наблюдала бы за единорогами — чистыми, любопытными и прекрасными. Немного капризными, но платящими искренней любовью за добро.

— Эй, Мелони... смотри, единорог.

Единый с небес всегда следит за нашими мыслями. Кто как не он послал этого красавца — высокого и слегка серебрящегося там, у берега реки.

Мелони пренебрежительно фыркает себе под нос и возится с фляжкой. Но я теперь знаю, что делать.

Единорог смотрит, как я подхожу. В этом древнем заповеднике они совсем не боятся людей. Нет безумцев, которые стали бы охотиться в Благословенном Море Элейсы-Травницы.

В спину мне летит пренебрежительное «И куда тебя понесло?» — и по тону ясно, — насколько Мелони расстроена на самом деле. Иначе непременно подошла бы к единорогу: познакомиться, угостить, посмотреть, не болен ли, нет ли шрамов.

И я знаю, что ей станет легче. Когда я подведу его к ней, как в старые времена. Когда она погрузит пальцы в чёрную шелковистую гриву. Огладит рубиново-алый рог. Пройдет по спине, которая отливает почти что каменной зеленью...

Единорог теперь поднялся по берегу и движется ко мне навстречу. Не проявляя ни малейшей опаски. Я иду навстречу восхитительному зверю, протянув ему руку. Словно во сне или в моей памяти, а он всё ближе, и ближе, и движется все стремительнее, будто к кому-то, кого давно узнал.

— Принцесска! Лежать!!!

Вопль Мелони ударяет в спину внезапно. Вздрагиваю и оборачиваюсь — её лицо искажено, она бешено машет руками и выкрикивает: «Лёг и замер! Быстро!»

Потом я слышу рычание. Хриплое и низкое. Вместо ржания. Там, где только что был перестук копыт.

А когда разворачиваюсь — прекрасный серебристый единорог на бегу выпускает в меня длинную струю пламени.

Шипение и жар прямо над головой, трещат волосы: это я валюсь на землю, пропускаю пламя над собой. Потом качусь прочь с дороги, чтобы не попасть под копыта. Успеваю заметить: жёлтые клыки, хлопьями падает с них пена, налитые алым огнём глаза и черно-серебристая чешуя — знак драккайны под гривой, вдоль хребта.

Копыто ударяет туда, где только что была моя голова.

Бешеный храп, и стебли элейса — они мешают катиться и встать, захлестывают, укутывают. Вопль Мелони:

— Эй! На меня смотри, кому сказано!

Яростные копыта ударяют, направляясь туда, дальше, к ней... Единый, помоги мне!

Вскакиваю, отчаянно путаясь в стеблях. И вижу Мелони со снотворным в занесённой руке, а чудовище не собирается останавливаться, идет на нее...

— Не к ней! Ко мне! Ко мне, тварь!

— Морковка, не лезь!

Камней под руками нет, за амулетом далеко тянуться. Под руку попадает слетевший ботинок, в голове ни к селу ни к городу звучит батюшкин голос («Туфлей, как дамочка в мышь? Ты безнадежен»). Потом голос батюшки недовольно умолкает.

Потому я попадаю. С первого раза и твари по голове. Так, что чудовище замирает и оборачивается, полыхая огненным рогом. И тут Мелони делает рывок и метает перед ним пробирку со снотворным.

Голубоватая дымка. Мгновенное замешательство — тварь яростно мотает головой, грива разлетается, будто брызги чернил...

— Мелони, он сейчас...

Хорошо, что чудовище снова целится пламенем в меня. Я стою дальше — и оно не попадает. И что оно начинает движение ко мне — тоже хорошо. Потому что я начинаю отступать и знаю, куда.

Пятиться неудобно: носок намок от сока элейса, каждую секунду могу оступиться. А Мел что-то кричит про Дар, но я её не слышу, просто пчусь, не отводя взгляда от глаз твари, в которых полыхает яростное, веселое пламя.

Понимаю, что не успеваю, когда единорог ускоряется и наклоняет голову, выставляя опасно блеснувший рог.

«Сейчас он меня осалит», — последняя глупая мысль...

В следующую секунду на единорога взлетает Мел — лёгкой пичужкой. Хватает его за уши и выкрикивает:

— Принцесса, воды ему в сопло!

Тварь останавливается, пораженная, потом начинает бешено брыкаться и крутиться — и я наконец делаю три последних прыжка. Теперь скатиться с берега в реку, воззвать к Печати (та откликается с натугой и стоном). И навести плотную водную струю в морду *бестии*.

— Вшшшш, — это погас огненный выдох. Рык, недоуменный храп, даже что-то похожее на ржание... Мел скатывается со спины твари сама — и всаживает в неё две стрелки с усыпляющим из трубки.

Единорог останавливается — высокий, статный, среди примятых ярко-зеленых стеблей. Серебро, опоясанное драконьей чешуёй. Черная развевающаяся грива и драгоценно-рубиновый витой рог.

Только когда он подгибает колени и валится в сон — я вижу у него ещё один признак драккайны.

Чёрный, узкий, шипастый драконий хвост.

Драккайна совсем мокрая. Я тоже: стою по пояс в воде. Кажется, второй ботинок я утопил.

Мелони стряхивает воду с коротких волос и отфыркивается.

— Чем ты уши затыкаешь — книжицами своими? Орала же — чтоб не лез, у меня снотворного хватает.

— Что-то не видно было, что оно на него подействовало.

— С огненными бывает — особенно когда пламени много. Сразу кинуть водой в него не мог? Или поставил бы водный щит — пф, защитничек навязался.

Молча дергаю плечом (главное — не покраснеть!). Не думаю, что Мелони готова сейчас услышать о моих поисках, об Алчнодоле и об учителе Найго. Она... не поймет. Мало из тех, на ком Печать, поймёт.

Со штанов течёт и капает речная вода, а носки сплошь в иле. Мелони шагает к ручью — чтобы вызвать «поплавок», наверное. По пути она разворачивается ко мне и бросает:

— Ну, ты дал.

И это, конечно, она о моей попытке прокатить её на драккайне... Вот только губы всё равно расплзаются в улыбку.

Гроски говорил, что на первом выезде у него был обезумевший зверинец и бешеный виверний. Может, у меня всё не настолько эпично, но всё-таки...

— Что? Да, драккайна-единорог, Фреза, прихвати вольерных — грузить! Ты вряд ли допрёшь. Да знаю я про ту историю с шестью бочками виски! Как-как, Принцесска поморгал единорогу ресничками, тот бахнул в обморок от счастья, сколько нам тут торчать?!

Звонкий голос Мелони разносится над удивлённым, бескрайним морем пряных трав. Серебром отливает река, и серебрится драккайна — едва заметно волнуются во сне бока. И где-то далеко-далеко — в волнах элейса, в серебре вод бежит, отражаясь, далекая девочка из прошлого — и улыбается мне. Шепчет на ходу:

— Для первого раза совсем неплохо, Рыцарь Морковка.

Только ботинок, конечно, жаль.

* * *

Люди подобны книгам. Многообразием, многоцветьем. Тем, насколько обложка иногда не совпадает с содержанием. Бесконечностью смыслов и прочтений.

А ещё ты иногда не представляешь — что встретишь через несколько страниц.

Казалось бы: авантюрный пиратский романчик. Крикливая обложка насквозь пропиталась табаком и морской водой. Откуда там хоть строка о летающих единорогах?

Пиратка Фрезуанда только расфыркалась, когда увидела наш с Мелони трофей. Потерла сухонькие ладошки, напряглась... И вот тебе старушка, которая тащит по воздуху спящую драккайну-единорога.

Когда-то я полагал, что книги интереснее людей. Теперь знаю, что самые интересные книги — люди. Их можно читать, не отрываясь. Не уставая. Всю жизнь открывая новое.

— Ото ж и ничего себе, — сказала Йолла, почтительно заглядывая в клетку. По клетке неспешно трусил хмурый единорог с рубиновым рогом и шипастым хвостом. — Это он

других единорогов убивал, стал быть? И вас сожрать хотел?

Милая летняя книжица песенок и стихов с вечной грустинкой: девочка — «пустой элемент», да ещё вечно пьющая мать, совершенно опустившаяся.

Смотрела она на меня как на героя, и я застеснялся своей обуви: растоптанных восточных туфель, расшитых бусинами. Их мне ещё в «поплавке» всучила Фреза, буркнув что-то вроде «завялялись с поездки в Дамату».

— Едва ли всё-таки он хотел нами полакомиться. Но намерения у него были самые недружелюбные.

— Пф, — отозвалась Мелони, которая прилипла к решётке. — Грызи глянула его сознание, говорит, он просто поиграться хотел.

— Да-а, конечно, было очень похоже.

— Очень и было похоже, иначе от тебя мокрого места не осталось бы! Тут такое дело. Единороги — существа открытые, ласковые, любят всякие игрушки. Драккайны наоборот — агрессивные и кровожадные. Грызи говорит — у Вулкана одно на другое наложилось. Играть хочется, общаться тоже, только он не умеет. И не понимает, что все остальные единороги — не такие, как он... да, Вулкан, огнём никто не умеет, ты у нас один такой? Вот он их и обжигал. А от нас просто территорию оберегал, да и познакомиться хотел. Ну, ничего, мы с тобой малость поработаем, да и поиграем тоже, но сначала — сначала поедим...

Я знаю, на какую книгу она похожа. На историю о Лесной Деве — сбежавшей от гнева отчима и ставшей сестрой для духов леса. Давшей клятву заботиться о живом, созывающей зверей и птиц своим пением. Околдованной... спящей в волшебном гроте и ждущей поцелуя суженого, который пробудит её.

А драгоценная обложка зачем-то завёрнута в грубую, старую ткань.

— А я ж думала, драккайн-единорогов не бывает, — Йолла потеревшила светлую прядку. — Единороги — они ж травоядные, а драконовы гибриды — по хищникам обычно, так? Ну там, керберы-драккайны, гарпии, игольчатники, лисы огненные. Как это оно так...

— Перекрестницы не угадаешь, сладкая.

Аманда подплыла неслышно — окутала запахом ванили и специй. Передала Мелони мясо, приправленное «пламягасилкой». И стала тут же, опершись на растущую возле клетки яблоню в самой соблазнительной позе.

Ало-золотая книга с рецептами всего — зелий, и выпечки... и ядов.

— Происхождение драккайн и без того считают тайной Кайетты, да-да-да? Сколько они появляются? Семь десятков лет? И всё на разных концах страны. И время от времени являются новые, а отчего так...

— Академики постарались, конечно, — буркнула Мелони, которая бросала кусочки мяса единорогу. Плотоядная тварь косилась подозрительно, то и дело показывала страшноватые клыки — но мясо с пола подбирала.

И в общих чертах представлял, о чём речь.

— Это же ты про бегство учёных из Академии Таррахоры? — Я читал достаточно теорий о происхождении драккайн — начиная от «Это всё учёные с Вольных Пустошей», заканчивая «Это тайные происки Эвальда Шеннетского». — В тысяча пятьсот двадцать первом, да? Но ведь это не доказано. Ну да, у главы факультета природной и естественной магии были разногласия с ректором и остальными академиками. И да, Арвин Мантико покинул Академию после той трагедии на научном симпозиуме... и действительно, там

была какая-то тварь, но ведь ни в одном источнике нет...

Мелони фыркнула ещё презрительнее, и я договорил потише:

— ...или у вас свои источники?

— О, просто мы знаем нравы Академии, пряничный, — нараспев проговорила нойя. — Как-никак, мы туда часто наведываемся по вызовам. В древних стенах Академии Таррахоры живёт много слухов и шепотков, медовый, и старых книг. Из них можно сложить хорошую песню — а может, предание о том, как один знаменитый учёный увлёкся идеей вернуть природе её прежний облик, прежнее величие. Возродить истинное пламя, сквозь которое, говорят, когда-то перемещались, как мы сейчас — сквозь воду. Словом, Арвин Мантико захотел возродить драконов.

Пахнуло теплом в лицо. Оранжевыми и малиновыми языками огня: это единорог попытался изрыгнуть пламя, но вышла только короткая вспышка. Пламя взвилось — и пропало, и осталось только — перед глазами, под мерный полураспев нойя. И там был ученый — в кругу своих учеников, за книгами и ретортами, над образцами костей и крови, древними символами, заклинаниями, знаками...

— ...лишь Ходящей по Перекресткам известно — что они призвали тогда к жизни... Они не успели изучить это: тварь сбежала, учинив погром. Погибло несколько учеников Арвина Мантико, а он сам вместе с остальными учениками бесследно пропал в неразберихе — и записи его тоже были преданы огню. Кто знает, кем? Однако с той поры в лесах, рощах, пещерах... они начали являться. Драконовые гибриды, убивающие своих матерей при рождении или просто по неосторожности. Ах, пряничный, они такая же тайна, как пропавший Ребёнок Энкера.

— Тайна, хмф, — огрызнулась Мелони, вытирая руки тряпицей. — У того, что они вывели... переводраккайны — явно аномальная скрещиваемость. Она иногда и у гибридов второго поколения сохраняется. Размножается он, конечно, с такой скоростью, будто они кровь кролика брали для своего обряда. Или Лортена. Первыми были вивернии-драккайны, потом гарпии... похожее искал. А там начал расширять круг того, с чем можно спариться. Морковка, чего опять краснеешь?

Я так и не привык, что тут постоянно рассуждают о спаривании, случаях, течках... упаси Единый — привыкнуть.

— С единорогами раньше не было — это точно. Я слышала насчёт яприля, но это на востоке, на... тебя сюда не звали, Мясник!

Устранитель явился, как всегда, без приглашения. И как всегда — мгновенно и бесшумно, словно скинул маск-плащ.

Анатомический атлас в белой обложке. С небольшим приложением — книжицей по энтомологии. Там и там остались чистые страницы — чтобы вписать новое. Например, главу о строении единорога-драккайны. Которого Нэйш провожает пристальным взглядом — стоя с другой стороны клетки.

— Просто хотел взглянуть на потенциального клиента.

Если бы я не видел щит на его ладони — подумал бы, что у него особый Дар. Выводить людей из равновесия. Всем — взглядом, усмешкой, лёгким наклоном головы. Вкрадчивостью голоса.

— У тебя здесь клиентов нет, — отчеканила Мел. — Так что иди куда шёл, а лучше — иди подальше.

Нэйш хмыкнул. Провёл пальцами по прочной решётке из несгораемой древесины.

— Не этот, Мелони, что ты. Я устранию в питомнике разве что в крайних случаях. Но это первая в своём роде драккайна-единорог. Скоро появятся другие, с игольчатниками и керберами было так же. Просто хочу знать немного больше на случай, ну, скажем, непредвиденных ситуаций с людскими жертвами. Всё же это гибрид. Строение в точности неизвестно... а значит, у него могут быть какие-то особенные уязвимости.

— И ты собираешься определить эти уязвимости на взгляд, золотенький? — осведомилась нойя с обжигающей улыбкой.

— Ну, раз уж нет тела... немного наблюдений...

— Наблюдай за своей рожой в зеркале, раз это тебе так нравится, Мясник!

Обо мне все как-то позабыли, так что я смог обогнуть клетку и оказаться рядом с устраниателем.

— Мне кажется, вас попросили удалиться.

Нэйш не удостоил меня взглядом.

— Как вы оцените его скорость, господин Олкест? Выше, чем у обычного единорога? Удар по подколенным сухожилиям кажется довольно перспективным. Шея крутая, интересно бы узнать, где у него сопло при таком раскладе. Если пониже горла, то один хороший удар... Шея, конечно, всегда довольно уязвима — что у драккайн, что у людей... что у гарпий-бескрылок.

И чуть-чуть приподнял губы, так, что полукруги возле них врезались сильнее. При этом невозмутимо рассматривая единорога.

— И то сказать, уязвимы все. Даже те, у кого щит на ладони. Вот вы, например, можете прожить хоть день, чтобы не развлекаться за счёт других? Или у вас конвульсии к вечеру начнутся?

Нэйш медленно повернул ко мне лицо — до отвращения идеальное, словно лики сказочных статуй Ледяной Девы Дайры. Вписывался даже тусклый, льдистый взгляд.

— Полагаете, стоит проверить? Вписаться, подстроиться, подождать, — голос у него укатился в едва слышный шёпот, взгляд соскользнул с единорога туда, где Мелони хмуро подкидывала нож на ладони. — Побывать рядом, будто верная тень... вы это предпочитаете? У каждого свои коллекции. Мне вот нравится наблюдать реакции. Пограничные и крайние состояния. Вы не можете знать — волнуется ли она сейчас за вас, там, по ту сторону клетки. Но если я, например, причину вам боль — какой будет её реакция? Равнодушие? Злость? Досада? Может, облегчение, как будто я убрал что-то, что ей мешает?

Мелони на той стороне клетки точно слушала разговор, потому что сорвалась с места с явным намерением отворить кровь экспериментатору — вне зависимости от того, предпримет он что-то или нет. Нэйш отметил это удивленным поднятием бровей:

— А вам есть, на что надеяться. Кто бы мог подумать. О, и поздравляю с успешным первым выездом.

Он похлопал меня по плечу прежде, чем я сумел увернуться, бросил взгляд на расшитые туфли и ускользнул с прощальным смешком — а мне пришлось ловить Мелони, которая уже была на подлёте.

— Наш-ш-щёл, с кем разговоры разговаривать, в эту мразь сразу нож метать надо! Чего красный такой?

— Мне... надо с тобой поговорить, — нойя через клетку улыбалась уж очень понимающе, но я решил, что после сегодняшнего утра мне не помеха ни улыбки нойя, ни проклятый устраниатель.

— Опять трепаться, пф. Подходи через пару часов, я Сквором займусь. Но если будешь мне опять мозги конопатить насчёт Венейгов...

— Нет тут... хочу поделиться кое-какими сведениями. Насчёт...

— Аманда, притирка для драконов где? Йолла, тебя Фреза зовёт, ей без тебя никак!

Легка на помине — та самая, ореол святости вокруг которой я собирался нынче развеять. Совершенно лично непонятный для меня ореол святости, потому что Арделл была...

— Мел, у нас вызов на вечер, чёрт знает что, но ты мне точно понадобишься. Что с Вулканом, поел нормально? Господин Олкест, сработали неплохо, только воду нужно было раньше призывать. Вы ж в частном пансионе учились, — что у вас такое с Даром или с реакциями? И кстати, вы как, обсушились?

Совершенно невыносимой.

В трактатах по истории и народах Кайетты обозначалось, что варгов нужно опасаться. Что они себе на уме и склонны заботиться о животных, а не о людях. Филор Крайтонианец проводил последовательное сравнение с терраантами и делал выводы, что варги недалеко ушли от пещерников: проживание в лесах с животными, дикие обряды, отсутствие стыда и хоть каких-нибудь приличий. Даррек Майлотон напрямую уподоблял варгов животным и даже приводил легенду, по которой от животных они и произошли. Моарейна Стилк в двухтомном труде «О благочестии» рассуждала о возможности проживания варгов в обществе, прививания им норм пристойности... хотел бы я поглядеть, как она эти нормы будет прививать Гриз Арделл. Разгуливающей в клетчатой рубашке и штанах, использующей кнут по поводу и без. Сыплющей распоряжениями, копающейся в навозе, лишенной, кажется, всяких понятий о манерах и деликатности... ах да, в придачу шло ещё отсутствие морали, если вспомнить о любовнике-устранителе.

И из рук вот этого человека придётся вырывать Мел. Которая считает Гриз Арделл чем-то вроде (одновременно) своей сестры и Единого на небесах.

— ...подряд, но это же ничего? Я сейчас Гроски вышлю в Морвильское Море, пусть выбивает гонорар, оплату за оба сразу получите.

За раздумьями я пропустил, что Арделл уже успела войти в клетку, о чем-то побеседовать с драккайной, выйти из клетки, перекинуться несколькими словами с Мелони... а теперь вот она обращалась к нам обоим.

— Что?

— Вызов, — повторила Арделл. — На вечер, в Союзный Ирмелей. Что-то не так с королевским геральдионом у Линешентов.

— Снова геральдион, черти водные. С нашими возни... — тут Мелони права, — в питомнике нет геральдионов. Только их дикие разновидности, тхиоры, с которыми полно трудностей при дрессировке.

И тут я осознал.

— Линешент? Но это разве не знать первого уровня? Одна из древнейших семей Ирмелея, род, если я не ошибаюсь, с...

— Точно, — отозвалась Арделл и почесала бровь. — В общем, вы бы там пригодились. А то я не разбираюсь в тонкостях церемоний. Согласны ехать? Да? Тогда будьте готовы к шести. Мел, пошли проверим молодняк. Господин Олкест, а вы... хм, смените обувь, что ли. Попросите у Гроски или у Лортена, Нэйш вряд ли поделится своей.

Если бы она была книгой — страницы в ней были бы разного размера и цвета. А

половина — ещё и с перевёрнутыми буквами. Некоторые — на разных языках... и да, какие-то ещё и написаны справа налево.

В отличие от моего соседа по комнате. Гроски легко вообразить себе в виде толстеного тома баек и застольных историй (собрано по всем кабакам Кайетты). Затрепанного, засаленного, почтенного и подходящего решительно к каждой ситуации, отчего его и хочется постоянно таскать в сумке.

— Боженьки, мне прямо неловко спрашивать — но почему ты у тебя на ногах даматские тапки? Дальше что — напялишь белый охотничий костюм из таллеи?

Я развел руками и упал на свою кровать, стряхивая с ног вышитое недоразумение.

— У тебя не найдется запасной обуви? На день-два, потом я попрошу старого Тодда... это же так зовут типа, который торгует со своей телеги всем на свете?

Гроски тут же нырнул под свою кровать. Даже и не знаю, кого он напоминает мне своей феноменальной хозяйственностью. То ли местного шнырка Щекана, то ли Олли, старого лесничего Драккантов. У того тоже был такой же хитроватый прищур.

— Старина Тодд, конечно, может звезду небесную достать, но обувь — дело серьезное, парень. Так что я посоветовал бы тебе прогуляться в деревню и спросить сапожника. Не спутаешь — Илай, как местного короля, Хромой — ну... как Шеннета-Хромца. Мастер ничего себе — я у него луну назад рабочие сапоги шил, после того как мои гидра прокусила... на-ка, прикинь пока.

Кожа на ботинках была жестковата, да и еще они были малость велики. Но Лайл Гроски, что бы он про себя ни говорил, еще и довольно щедрый человек.

— Лови носки — неношеные. Подарок от Фрезы, ха. И рассказывай уже, каким божествам ты принёс в жертву обувь.

— Ну, один ботинок на дне реки... А одним я дал по голове единорогу-драккайне. И оказывается, ботинок частично попал под огненный залп.

Какое-то время Гроски задумчиво глядел, как я влезаю в его ботинки.

— А ведь луны три назад меня бы это даже и удивило. Но теперь у меня только один вопрос: надеюсь, ты грохнул драккайну своим ботинком?

— Ну, я же не Нэйш.

— Стало быть, вы притащили зверушку сюда. Черти водные. Ещё одна тварь, жрущая как не в себя — кстати, что она там жрёт?

В последнее время сосед стал до неприличия одержим вопросами. Но причитания о том, что «у каждой твари в этом питомнике не иначе как вир в глотке» — можно и потерпеть.

— Мясо точно, а что ещё... Может быть, ты сам у драккайны спросишь? У нас с ней почему-то не вышло нормальной беседы.

— Если бы ты мне дал ботинком по башке — у нас бы тоже с тобой нормальной беседы не вышло. Драккайна-единорог, стало быть. Ну, расскажешь вечером, а пока что я пошёл выжимать из заповедника твоё первое жалование. С первым выездом тебя, к слову, Мел ещё не начала выбирать цвет платья к свадьбе? Голубой, по-моему, вполне бы...

— Я ей передам, — пообещал я со всем доступным чувством юмора. Хотя на душе и скребло не менее дюжины кошек.

За две девятницы меня кто только не спрашивал о свадьбе с Мелони. В основном — о том, как меня угораздило. Да, и ещё мне не удавалось поговорить с ней начистоту, и она не торопилась хотя бы подумать над тем, чтобы съездить к Венейгам.

Может, мне получится донести это до неё в нынешнем разговоре. Я чистил тот свой костюм, который приберегал для выходов в свет, и старался отбросить тяготящие меня мысли. Так, как советовал мне учитель Найго. По крайней мере, я теперь рядом с Мелони, и я буду сопровождать её к Линешентам, кто бы мог в это поверить! А это — настоящая родовая аристократия, одна из древнейших семей Кайетты, ведущая род, по преданию, от самого Стрелка Лина. И это Туманный Замок, затерявшееся среди болотных низин величественное и мрачное строение четвёртого века от Прихода Вод, — я видел его ещё в детстве, в книгах об аристократических родах... Герб — свернувшийся белый геральдион, а над ним золотая стрела...

Может, Мелони убедится, что настоящая аристократия, истинные традиции родов — это не так уж и плохо. Может, удастся донести до неё толику подлинной информации об этой Арделл. Может — со временем, постепенно — мне удастся пробудить мою зачарованную Деву Леса.

«Мечтай, — фыркнул в голове голос Гроски, будто сосед по комнате не вышел четверть часа назад.

Будто отзываясь, со стороны закрытой части долетел торжествующий рёв виверния. Похоже, я завяз в проклятом питомнике сильнее, чем мог себе представить.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Кто помрёт? — спрашиваю я.

Сквор наклоняет голову и изображает на птичьей физиономии недоумение.

— Давай старую песенку, — показываю ему орех. — Я вот кто?

— Мел.

— Пухлый, который только что вышел?

— Гроски.

— Палач в белом?

— Нэйш.

— Нойя, которая тебя утром ягодами кормила?

— Орех! Орех!! Оре-е-е-ех!!!

Этого не проведёшь. Даю горевестнику орех и показываю следующий.

Тренировки идут не так плохо. Сквор — умняшка, уже запомнил всех из «тела», кое-кого из остальных — тоже. Только с предсказаниями не ладится. С утра я к Сквору подходила и интересовалась — есть у кого-нибудь шанс помереть? Горевестник кряхтел, хохлился и отворачивался. А три дня назад орал моё имя, хотя и вызовов-то не было. Теперь и не поймёшь — то ли сегодня не видел единорога-драккайну, то ли три дня назад со временем ошибся.

Потому что, как ни крути, но возможность помереть сегодня была, и нехилая. И у меня, да и у Принцесски.

Этот, лёгок на помине, спускается по лестнице. В таком виде, будто решил тащить меня в храм брачеваться.

— Это чего? — тычу я пальцем в Рыцаря Морковку, омерзительно приличного — в сюртучке, при жилеточке и прочем.

— Янист Олкест, — сообщает мне Сквор и смотрит как на дуру. — Орех?

Принцесска ерошит рыжие вихры и приглаживает манжеты. На физиономии — куча

благоговения, потому как «о-о-о-о, это же Линешенты».

— О чем поговорить хотел?

— Об этой вашей... Арделл.

— Гриз Арделл, — уточняет горевестник важно. — Орех?!

Звучит угрожающе, так что я даю ему орех.

— Понимаю, как звучит, — вы вместе работаете, у вас одно дело, она вроде как заботится о животных...

— Вроде как, ха!

— ...так что ты не думаешь, будто я могу знать о ней что-то, чего не знаешь ты. Но я наводил справки и думаю, что она не показывает тебе некоторые её стороны. Ты, например, знаешь, за что её изгнали из общины? Там явно была какая-то тёмная история, настолько, что глава общины — кстати, её отец — отказывается говорить, едва слышит имя дочери...

Рыцарь Морковка тип основательный. Он, прежде чем в питомник лезть, подготовился как следует. Даже платил кому-то из Гильдии Чистых Рук, а ещё ходил к лучшему сборщику информации во всём Вейгорд-тене — это он сам мне рассказывает.

Моя тётушка и все его подружки могут им прямо-таки гордиться.

— ...наконец, госпожа Сотторн явно считала её виновной в безумии и смерти сына. К сожалению, год назад она скончалась, не перенесла потери, но она обвиняла Арделл во всеуслышание. И это складывается в довольно зловещую картину: аристократ такого уровня и с такой карьерой внезапно заявляет, что женится на безродной, да ещё на варгине, потом внезапно порывает все связи с миром и пропадает, и все провидцы твердят, что его нет среди живых — его даже нельзя отследить по Печати... одновременно Арделл совершает нечто такое, за что её изгоняют из общины и даже сейчас не желают о ней там слышать. Да и её дальнейший путь, поверь мне...

Дальнейший путь Грызи — ужас и мрак. Если глядеть глазами контрабандистов, устроителей боев и прочего отребья. Получается, что Грызи и мамашу Лортена обманом к себе расположила, чтобы рулить в питомнике. И подстроила так, чтобы криворукие ковчезники время от времени помирали. Особенно «кльки» («Обрати внимание на уровень смертности, Мелони, это же ненормально»).

По мне — так у Грызи два минуса: первый — вечное стремление пожалеть всякую погань, второй — чёртов Мясник Нэйш. На которого уже второй год не распространяется эта самая ненормальная смертность. На всё остальное плевать я хотела. Собираюсь как следует это пояснить недоженишку.

Но тут по лестнице сходит Грызи. Грызи на ходу впихивается в голубенькое платье и бубнит себе под нос: «Совсем не влияет на фигуру, как же...»

Морковка, весь багровый, с грохотом вскакивает и отворачивается, чтобы не развратиться по самые уши. Гриз приветственно кивает:

— А, хорошо, что вы тут. Уф-ф, Мелони, помощи-ка завязать эту дрянь, только не туго. Пришлось распускать из-за Фрезы с её обедами. Я так скоро Лайла обставлю...

— Чего это ты так рано? — Берусь за завязки корсета.

— Линешенты торопят с прибытием. Обещают дополнительные деньги за срочность. Их, видно, очень беспокоит этот их геральдион. Вир болотный, не так сильно, мне ж и не почесаться теперь. Вы сами-то готовы?

— Ага.

Принцесска, который сперва хотел задвинуть что-то о приличиях, поворачивается и

таращится с приоткрытым ртом.

— В... в каком смысле, Мелони? Ты что, так и пойдешь?!

— Ну.

Штаны я чистые надела, рубаху перекинуть — пять минут, куртка новая вельветовая — лежит в комнате, вместе с походной сумкой. Нормальный охотничий костюм. Но Морковка выглядит так, будто его удар хватит.

— Но это же...

— Линешент! — подсказывает Сквор, сидящий на своей клетке. — Линешент! Линешент! Линешент!!

Грызи смотрит на него с любопытством.

— Он что, чует опасность?

— Или повторяет словечко, которое ему понравилось. Эй, Сквор... помрет кто-то, а?

— Линешент! Линешент! Линешент! Линешж-ж-ж... жратеньки?

— В каком... в каком смысле, Мелони, ты что — собираешься к одной из древнейших семей... но ведь даже госпожа Арделл на этот раз оделась как дама!

— Даже? — вскидывает брови Грызи.

На лице Морковки можно яприля испечь.

— Я не имел в виду... только хотел сказать, что этот наряд вполне достоин того, чтобы в высшем обществе...

— Ох, ради Аканты, — не выдерживаю я. — Да она в ботинках и без чулок!

— Не в туфлях же мне туда, — удивляется Грызи и приподнимает подол. Демонстрируя облегающие штаны и сапоги. — А вдруг война, а я не в форме.

— Угу, например, через ограду надо сигать, как у Моррейнов...

— В-война?! — кажись, у Морковки сейчас будет какой-то особенный, овощной удар.

— Это метафора, — говорит Грызи мягко. — Ну-у, Лортен говорит, что это метафора, я-то не уверена. Мел, ты куртку-то всё-таки смени. Понятно, что к тебе другие требования, но всё-таки.

— Может хотя бы платье? — выдыхает робко Принцесска.

— К чертям, мне в нём негде прятать ножи.

— Единый, дай мне силы... Мелони, это древняя аристократия, зачем тебе там вообще ножи?!

— Вот потому и ножи.

Несчастный Морковка делает вывод, что лучше всего — поставить мне в пример ту самую Грызи, которую он только что нещадно поливал.

— Но ведь госпожа Арделл — взгляни, выглядит вполне... кхм, вполне женственно. То есть, я хотел сказать, госпожа Арделл, вам идёт этот цвет... и у вас очаровательная сумочка.

— Благодарю, — говорит Грызи. — Это для кнута. Пойду скажу Фрезе, чтобы готовила «поплавок». Отчаливаем через четверть часа.

И исчезает за дверью. Помахивая сумочкой в жемчужинах и пытаюсь почесаться. Сквор хлопает крыльями, косясь то на меня, то на Морковку.

— Вот и что ты в ней нашла, — стонет несчастный недоженишок.

— Ну-у-у, — я скармливаю Сквору последний орех и подталкиваю того в клетку. — Кучу всего. Например, она не врёт.

— Все Девятеро и Единый, — говорит Грызи, хмурясь. — Всё очень серьёзно.

Врёт при этом, как Дрызга, когда уверяет, что последнюю девятницу капли в рот не брала.

С королевским геральдионом всё ещё как в порядке. Покрупнее обычного (порода! — гордо поясняют нам по поводу и без). Белоснежный и пушистый. С огромными фиолетовыми глазами. И розовым влажным носиком, которому хочется сделать «буп».

Орэйг Четырнадцатый созерцает Грызи без особенного интереса. Лежит себе на боку на пышно расшитой подушечке. Лениво поводит лапкой, хвостиком-пуховкой. Позволяет созерцать свою неотразимость.

Линешенты пялятся на Грызи с куда большим интересом. Можно сказать даже — со страстью. Почтительно хранят молчание — будто сошедшие с древних гобеленов в своих старомодных, темных платьях да сюртуках.

В центре — Старикашка, Глава Рода, морщинистый, плюгавый и мелкий, лет семидесяти. Рядом с ним — чопорная женушка, которая нас и встретила. Не погнушалась руку подать Грыз. Со мной раскланялась и выразила сочувствие насчёт моих батюшки-матушки (чутка запоздала). Назову Старухой, будет муженьку в пару.

Дальше идут отпрыски семейства: три сына, две дочки. Старший (вислые усы, опухшие веки, стеклянный взгляд), Средний (весь в помаде, успел подмигнуть мне и Грыз), Младший (мелкий, с лысинкой и какой-то задёрганный, под руку с беременной супругой-наседкой). У остальных сыновей жён не видать, зато у двух сестриц-близнецов (Змеюка Первая и Змеюка Вторая) — по мужу с недовольными рожами. И у каждой по паре своих детей. У Старшего и Среднего тоже то ли три, то ли четыре. Все в аккуратненьких костюмчиках-платьях, все пялятся со вниманием.

Кажись, от этакого сборища даже Янисту не по себе. Рыцарь Морковка, пожившись малость, начинает задавать вопросы. Пока Грызи копается у геральдиона в черепушке.

— А... когда он почувствовал недомогание?

Отвечает обычно Старуха — пока муженёк дремлет в кресле.

— Это началось ещё с Луны Дикта, не меньше. Он просто... занемог.

— Отказывался от еды или от питья?

— О, нет! Он пропускал иногда обед или ужин... однако никогда — более одного раза...

— Может быть, м-м-м, ему не нравился рацион? Он же достаточно разнообразен, да?

Принцесска толкает меня ногой — мол, эдавай уже тоже включайся. В ответ отдавливаю ему ногу совсем. И без того ясно, что Орэйг Четырнадцатый питается получше, чем мы. И вообще, не отвлекай, Морковка. Тут Грызи ходит вокруг совершенно здорового геральдиона. Погружается в соединение, вздрагивает. Качает головой, цокает языком и делает вид, что стоит у постели помирающего.

Врет, короче.

— А-а-а, сколько ему лет?

— Всего лишь четырнадцать, однако для королевских геральдионов это немного. Орэйг Первый прожил до тридцати восьми лет...

Морковка оживает:

— Не тот ли, который стал причиной изменения герба Линешентов? Подарок Наорэйгаха Благочестивого?

Старушенция так и тает, старший Линешент просыпается в кресле. Скрипит смешком.

— Молодой человек хорошо знает историю родов и гербов. Олкест... так?

— Воспитанник Драккантов, — шелестит Старуха. — Вы понимаете, господин Олкест... вы, конечно, понимаете. Род Орэйга никогда ещё не прерывался. Даже трагически погибший Орэйг Восьмой успел оставить потомка — единого потомка, как заведено. Вы понимаете, что это для нас не просто животное, не питомец, но — символ Рода, фамильная драгоценность, оживший герб...

Паучье гнездо. И эти... закутавшиеся то ли в паутину, то ли в туман. Отжившие своё — даже дети. Будто изголодавшиеся или высосанные кем-то досуха. Тонкие лапки, слабые плечи. Пристально следящие из полумрака глаза потомственных Стрелков. У всех одна и та же Печать на ладонях. И лёгкий сквозняковый шелест. Умоляющий:

— Вы должны понимать, что мы не можем потерять его... не можем.

— Но вы же... обращались к другим специалистам?

Линешенты хором кивают, не спуская страшновато-пристальных глаз. Лучшие врачи, да. Лучшие маги. Ничего не обнаружили. Посоветовали варга.

— Вы должны понять... наша фамильная драгоценность... мы не можем потерять его... любые условия, любые деньги...

На «любые деньги» Младший начинает огорчённо кряхтеть и чесать лоб с залысинами. Видать, с деньгами у древнего семейства Линешент как-то не очень.

Грызи тяжко вздыхает.

— Это очень редкое и тяжёлое заболевание, — и делает брови трагическим домиком. — Лечение может потребоваться длительное. Не особенно дорогое, но — долгое. Нужно будет провести кое-какие анализы... может, вызвать сюда ещё кое-кого из моей группы. И, я так понимаю, что лечение возможно только здесь? Вы ведь не рискнёте отдать Орэйга в чужие руки. В таком случае он должен быть под постоянным присмотром кого-то из нашей группы.

Паучье племя раскидывает паутину. Приглашает остаться в холодном и пыльном поместье на сколько угодно.

От вида апартаментов можно провалиться в прошлое веков этак на пять назад. Тяжёлые и пыльные балдахины. Поеденные молью гобелены по стенам. Картины, которые тебе череп проломают — если сваятся. И — сырость и полумрак, и древнющие каминные решетки не разгоняют ни того, ни другого.

Грызи заявляет, что нам надо посоветоваться. Выставляет из своей комнаты служанок в коричневых платьях. Прикрывает дверь. Достает из сумочки «Злое ухо» — артефакт против прослушки. Мастерградская работа, дорогая, усыпанная мелкими рубинчиками бляшка. Явно одолженная у нойя.

Артефакт работает от огня, так что Грызи суёт его в камин. И по комнате начинает гулять лёгкий будто бы шорох. А мой Дар глохнет: артефакт работает в обе стороны.

— И зачем это тебе понадобилось? Видно же, что геральдион в норме. Ещё и в какой.

Шерсть не выпадает, глаза блестят, нос холодный и влажный, с языком, деснами, зубами всё прекрасно, из пасти ничем таким не несет. Реакции не притуплены, боли явно не испытывает, разве что ленивый малость.

— Его тут разве что под хвост ещё не целуют. Он еще нас с тобой переживёт.

— Очень сомневаюсь, — бормочет Грызи, глядя в расплывшееся пламя.

Рыцарь Морковка каким-то чудом еще не орет мне: «Я ж тебе говорил!»

— Но если зверь здоров, то зачем вам понадобилось вводить в заблуждение хозяев...

— Ну, — говорит Гриз, оборачиваясь от камина. — Дело вроде как в моих ощущениях как варга.

— То есть, в том, что вы увидели в сознании животного?

— Скорее уж, в том, что я не увидела в этом животном *сознания*. Понимаете, господин Олкест... По моим ощущениям — этот геральдион мёртв.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

В старинном зеркале — моё лицо. Точь-в-точь — если бы меня бахнули по темечку картиной. Рядом — физиономия Яниста, с недоверчивой, сомневающейся полуулыбкой:

— А вы не могли ошибиться?

— Так уж вышло, что я вполне способна отличить живого зверя от мёртвого.

— Но вы же понимаете, что геральдион выглядит... даже избыточно живым?

— В этом-то вся проблема.

— А вы не думаете, что в таком случае мы немедленно должны сообщить хозяе...

— Морковка, заткнись. — Ага, так и скажем прямо: ваш символ рода сдох, простите-извините. — Грызи, что ты вообще разобрала?

Грыз протягивает пальцы к огню — и отдёргивает. Будто играет с кусачими язычками пламени.

— Базовые инстинкты, на поверхности. Боли нет, хочется пить, спать, испражниться. А сознание будто... Будто его что-то выжрало. Пустота, или скорее, воронка. Ни эмоций, ни понимания, где он и кто вокруг. Это непохоже на спящего или даже на умирающего. Даже на сознания рептилий. Просто чернота, тяга, что-то липкое, будто паутина...

— И что ещё?

Грыз трёт лицо, будто стирая с него остатки липкой гадости. Выдыхает в ладони:

— И голод. Эта штука — что бы оно ни было — голодна. Понимаете теперь, почему я разобраться решила?

У меня-то сомнений нет: Грызи сказала, что онодохлое — значит, онодохлое. Падаю с размаху на кровать с мерзким балдахинном.

— Некромантия?

Есть не так уж и мало способов сделать мёртвое — живым. Вернее, придать ему видимость живого, на время. С какими-нибудь гнусными целями. Все до одного способы — под строгим запретом, так что Линешенты уже увязли, как муха в соку паучьей сливы.

— Некромантия так не работает. Он не должен бы есть, пить... да и выглядеть таким здоровым.

Ага, не говоря уж о том, что темные практики — удел всего-то пара от замороженных сект. С которыми из всех сил борются законники.

— Есть продвинутые некрозелья, Конфетка рассказывала. Позволяют сохранить внешний вид и видимость сознания на пару лет. Или какой-то артефакт? Кто-нибудь из Мастерграда. Из изгнанных Мастеров.

Как бы Его Светлость насмерть не удавился своим возмущением.

— Может, это вообще иллюзия, — хмуро говорит Грызи. — Или они призвали из Запределья какую-то иную сущность...

— Если демон, то не по нашей части. Нужно вызывать ребят из Акантора... или кого-нибудь из этих Орденов, которые умеют с этим справляться.

— Вот только что бы это ни было — оно в оболочке геральдиона. Так что...

— Давайте проясним, — рожает наконец Морковка.

Пыхтит он гневно, но как-то не срывается на вопли про «чушь» и «аристократическое

семейство».

— Вы считаете, что кто-то около полугода назад убил королевского геральдиона семьи Линешент. Это ведь в то время началось ухудшение состояния Орэйга? Потом над... уф-ф, Единый, дай мне сил... над зверем был проведён некий обряд, а может, здесь виновато зелье, или, что вы там еще предполагали, артефакт? В любом случае, вы считаете, что этот геральдион — что-то вроде видимости, магической куклы, или...

— Вы отлично излагаете, господин Олкест.

Он на это мастак. Говорить, краснеть и сверлить глазами Грызи у него отменно выходит.

— При этом вы полагаете, что с этим может быть связан кто-то из самой семьи, я верно понял?

Фыркаю так, что на меня сыплется пыль с балдахина.

— Может, это местный конюх-некромант.

— Но ведь это же абсурд! — возмущается Его Светлость. — Если это кто-то из Линешентов, зачем они тогда позвали вас?

Грызи коротко кивает. Наполовину одетая в пламя камина.

— Хороший вопрос, господин Олкест. А вас, например, не насторожило, что все члены семьи Линешент считают своего питомца больным? Вот уже столько лун — притом, что все врачи твердят им обратное, а симптомов и вовсе нет?

— Что вы хотите этим сказать?

Эта тварь с ними как-то связана — вот что Грызи хочет сказать. Паутина, угу. И взгляды, взгляды семейки, прикованные к семейной реликвии. Жадно подмечающие — чего пушистая реликвия хочет.

Морковка с трудом, но осмысливает.

— Может быть кто-то из входящих в дом или даже слуг — если их снабдили нужными инструкц... — тут он ловит себя на том, что начал развивать версию Грызи. И вянет, как тюльпанчик.

— Что делать будем? — спрашиваю, пока Его Светлость не воспрянул.

Ясное дело — что. Выяснить, что за дрянь тут происходит. У нас всё-таки заказ на больного геральдиона. Геральдиону, конечно, лекарства уже не нужны. Но контракт есть контракт.

— Вызову Хаату, посмотрим, что она почувствует. Мел, геральдион на тебе — всё, что выжмешь по физическому состоянию. Дежури́м возле него по очереди, слушаем-замечаем, расспрашиваем слуг.

— О геральдионе?

Грызи смотрит на Рыцаря Морковку особым взглядом. Как на мелких щеночков кербера, которые, дурашки, норовят за пальцы хватануть.

— Этот зверь явно связан с самими Линешентами. Так что не помешало бы...

— Порыться в их грязном белье.

Жаль, тут Пухлика нет. У меня с чужими тайнами так себе — разве что подслушаю что. Грызи ещё может кого к себе расположить...

А Морковка вообще сейчас взорвётся и нас забрызгает.

— Вы... вы предлагаете мне...

— Принести хоть какую-то пользу, господин Олкест. Не хотите разговаривать с Линешентами — идите в библиотеку, разберитесь с их родовым древом, узнайте, как у них

вообще идут дела, а то, судя по всему...

Поморщившись, оглядывает холодную, древнюю спальню. И продолжает, глядя в лицо багровому Янисту:

— Потому что, если вы ещё не поняли, у нас тут неопознанная сущность с непонятными способностями. Члены семьи явно подвержены влиянию этого существа, а цели у него и того, кто его создал могут быть любыми. Я намерена в этом разобраться, если мои методы стоят поперек ваших нравственных принципов — питомник вас ждет, я никогда не принуждаю работников.

Его Светлость сверкает глазами и пышет жаром. Косится на меня и намеревается вращать в потемневший от времени паркет.

— Я не уйду.

— Надеюсь, вы всё-таки позволите мне остаться одной в моей спальне, — выдыхает Грызи. — Мне надо подумать. Всё, я снимаю заглушку. Мел, если планируете совещаться — можешь взять амулет.

Вот еще, будто не знаю, что Морковка скажет. У него вон всё на физиономии — буквами размером в кулак. И про «эту невыносимую», и про традиции древних родов.

— Лучше подежурю возле этого Орэйга, вдруг чего учую.

Грызи кивает. Щипцами вынимает раскалившийся амулет из огня. Небрежно кидает на подставку для чайника. И скрывается за дверью ванной — или что там за дверь.

Морковка молчит.

Ясное дело, Грызи он не поверил. Решил, что пытается выжать из Линешентов побольше денег. Или лелеет какие-то зловещие планы. Ладно, лишь бы под ногами не путался и нас не сдал местным паукам первого уровня знатности.

Только вот если я что-то и знаю про Его Светлость Рыцаря Морковку — так это то, что он просто не способен кого-то сдать.

Это попросту не в его натуре.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Замок вымерз, пропитался болотной сыростью, объелся туманами. Древнее обомшелое чудовище, воздвигшееся над Ийлинскими болотами — замок источает каждой своей костью промозглый холод. Сквозняки шастают меж камнями и рамами, играют с древними флюгерами и ставнями — подначивают: давай, разведи камин, укутайся в меховые одеяла. И прикрой глаза, спи и прорастай в холодные рёбра замка, влипай в тряскую, раскинутую повсюду паутину, увяжай будто в тине — глубже, глубже...

Крепостям не страшны сквозняки.

Аманда говорит, что Гриз после рождения, должно быть, Даритель Огня поцеловал («Ты когда-нибудь вообще простужаешься?»). Йолла считает, что это всё от варжеских тренировок («Вас же учат переносить и жар, и холод, с детства, да?!»). И есть ещё... один. Которого не удивляет её одновременная любовь к теплу и переносимость холода («Просто огненные крылья, аталия, так?»).

Может, это просто способность разжечь пламя в себе. Жарко натопить внутренние печи в своей крепости. И пройти по местным коридорам — извилистым и пахнущим плесенью. Темным или мертвенно-синим от ракушек флектусов. Проскользить, чуть заметно прикасаясь пальцами. Не замерзая, но вслушиваясь.

В тысячелетний замок, из почерневшего камня, покрытого ослизлой болотной зеленью. Памятник умирающему величию на острове среди голых чёрных стволов, топкой воды и буро-зелёной ряски. Отживающее, умирающее чудовище, полное сквозняков и ознобных тайн... с белым и пушистым сердцем.

Тем, что здесь на каждом вышитом гербе, на гобеленах и щитах. Белый геральдион, символ гордости и благородства, под стать таким же белым буквам — «Неизменны в древности».

Четырнадцать геральдионов, четыре сотни лет. Замок привык, замок ощутил, замок знает: без маленького зверька — не быть Роду... *Почему — не быть Роду?*

Величественное остророгое чудовище замка, не отвечает чужим. Молчит, настороженно вслушиваясь в её шаги: зачем пришла? Чего хочешь? Замок кажется безграничным, пустым, немым, хотя в нём же не меньше семи детей сейчас, а ужин закончился только час назад.

Может, просто все в другом крыле, а она бродит тут, где можно взглянуть в глаза разве что портретам в тяжёлых, потемневших рамах. Все — Линешенты, все — с неизменным геральдионом на руках (это там Орэйг Третий или Пятый?). Жгут взглядами и предлагают убираться подальше — и Гриз поворачивает от неуютной портретной галереи.

Госпожа Изелла Линешент словно выныривает из пустоты — или из прошлого, где носили такие вот старомодные темные платья, все в кружеве и с завышенной талией.

— Простите, что побеспокоила, — оборачивается к ней Гриз. — С Орэйгом сейчас госпожа Драккант, а мне нужно к виру, встретить сотрудницу. Вот, искала боковую дверь и заблудилась.

— Поднимается туман, — говорит хозяйка дома, не глядя в глаза. Старомодный светильник на витой ручке едва теплится: желчь мантикоры выдохлась со временем. Лицо Изеллы Линешент от этого кажется костяным и мёртвым.

— Не беспокойтесь, и она, и я найдём путь в болотах. Простите за то что вот так, ночью... но нужно поскорее определить, что такое с вашим геральдионом. Это ведь важно, так?

— Так. Так. Орэйг болен... Орэйгу плохо, он недоволен, бедняжка, — она чуть покачивается, и искорки света подскакивают и гаснут в бледных глазах. — Вы пойдете на болота? Сейчас?

— Мне сказали, сторож откроет боковую калитку. Простите, я думаю — меня там уже ждут...

— Так. Там... ждут.

Изелла Линешент поднимает слегка дрожащую руку — и кажется в этот момент древней, дряхлой старухой. И Гриз не может сказать — она показала туда, куда нужно идти? Или просто указывала куда-то в сторону болот?

Выход из левого крыла охраняется, как и все выходы. Сами Линешенты не держат много прислуги, а вот приехавшие погостить дочери навезли наёмников. У двери двое магов — Дар Огня, Дар Меча. Вопросов не задают, скользят мимо взглядами.

Внутренний двор замка не такой уж обширный для такого громадного строения. Болота подступали всё ближе, влезли за раскрошившуюся каменную ограду, подтопили крайние конюшни — всё равно те пустыют... И пусты кладовые, ледники, и сторожки, и каменные грубые беседки тонут в болезненной, гнилой растительности... и ползут туманы с болот — тянут бледные, бессильные щупальца в ночи.

По двору разгуливают сторожевые алапарды — встревоженные, со взъерошенной

шерстью. Жмутся ближе к варгу, тенями скользят вслед, и Гриз гладит вздыбленные загривки, нашептывает-успокаивает: тише, тише, славные мои, вас никто не тронет, я здесь...

Потом её встречают вышколенные игольчатники и пара болотных сторожевых. Псы даже провожают к калитке — и ворчат на кашляющего привратника.

— На болота? — удивляется тот. — Ночью?

— Далеко не уходите, — просит Гриз. — Скоро вернусь.

Голубое платье сброшено, будто кокон. И нет давящих, черно-серых стен. Только она — и туман, и болотные запахи осени.

От поместья к реке ведёт широкая дорога — насыпь, на которой могут две кареты разъехаться. По обе стороны — болота. Черные, ослизлые, голые стволы. Будто сотни увязших путников стоят — и в отчаянии размахивают руками, а вокруг их ног оборачиваются белые, призрачные змеи тумана. И подползают к самой насыпи, и жадно впиваются в каждый звук шагов. Скромги здесь не водятся, но где-то в глубине постанывает филин, что-то бурлит в животе у болот — гидры? Еще какая-то живность? И доносится короткая, пронзительная и ждущая трель горевестника.

В небе над головой — бурая трясина, ни звёзд, ни месяца, приходится освещать путь фонарём. Гриз переходит на мерную пробежку — всего-то три мили до перекрестка, от которого — наезженный каретами путь к ближайшему виру.

— Сестра.

Хаата скользит навстречу от реки — лёгкая тень с чуть светящимися в темноте глазами. Гриз прикрывает фонарь ладонью, кивает приветственно. В полном молчании, потому что нет смысла в словах.

Даарду Хаата хорошо знает, зачем её позвали. Из-за того, что она может увидеть. Услышать. Прочувствовать незримой пуповиной, связывающей её с землёй.

Даарду Хаата бывала раньше с Гриз на ночных болотах. Спокойно дышала туманами и различала — шевеление мантикоры внутри трясины, и звуки ночных птиц, и толковала пляски болотных огней...

Никогда даарду Хаата не вела себя так. Будто маленькая девочка из сказки — той, где старшая сестра ведет младшую в лес на съедение. Испуганная, дрожащая маленькая девочка — сутулится, и бросает пугливые взгляды по сторонам, и нащупывает каждый шаг на дороге, и шепчет тихонько под нос: «Я не пойду, не надо, там страшно...»

— Не пойду, сестра... не пойду.

— Что случилось, Хаата? Что не так?

Даарду дергается, пытается спрятать лицо в ладони, отворачивается и крутится на дороге. Будто пытается укрыться от кого-то... чего-то.

— Смотрят. Смотрят. Они смотрят, сестра... глядят из тумана.

И шёпот, и туман пробивают дрожью, и Гриз вглядывается в болота — влево, потому что Хаата жмётся к правой стороне...

Чехарда тёмных стволов, один-два случайных огонька, и белые, влажные изгибы болотных испарений.

— Глядят, — задыхаясь, шепчет Хаата. — Страшно, страшно, страшно... Уйдём быстрее, сестра.

Они не проходят и сотни шагов, как Хаата останавливается, сжавшись. Поднимает дрожащую руку, показывает во тьму, в трясину, над которой прихотливо клубятся белые

завитки.

— Там... они смотрят. Уйдем, сестра, уйдем!

— Я не слышу, — откликается Гриз на наречии даарду. — Я не вижу... Кто на нас смотрит?

— Безглазые... ушедшие... Шесть молодых одного корня глядят оттуда, сестра. Шесть беспокойных... — шепот даарду прерывается, и она всё жмётся, жмётся к другому краю насыпи. — Там... ждут.

— Чего они ждут?

— Седьмого... нет, больше... других, как они. Чтобы глядели с ними... уйдем, сестра!

Туман клубится, и болота спокойны и равнодушны, но Гриз чувствует, как сотрясается худенькое тельце терраанта. Будто раз за разом пронзают беспощадные взгляды — стрелами. И тащит, тащит Хаату вперед, теперь уже почти бегом, надеясь, что страх — как туман — отлипнет, ослабеет...

Но как только из-за деревьев оскаливается древнее чудовище замка, Хаата испускает придушенный вопль, оседая на тропу. Корчится, прикрывая голову:

— Не... пойду, не проси, сестра! Не... туда, нет! Там... страшно, страшно, страшно!

И бьётся в судорогах, выкручиваясь, выламываясь в неестественных позах на дороге, разметывая волосы и прикусывая губы.

Гриз хватает под плечи почти невесомое тельце — тянет по тропе назад, так, чтобы не видно было замковых стен. Опускает на землю, тихонько баюкая и нашептывая на наречии терраантов простые, материнские слова: всё хорошо, тихо, тихо, ты со мной, никто тебя не тронет и не обидит, никто не напугает больше...

Хаата обмякает, всхлипывает.

— Страшно... страшно... Не могу, сестра... прости... не могу.

— Ш-ш-ш, тихонько, — Гриз прижимает к губам Хааты успокаивающее из набора в поясной сумке. — Давай-ка, глоточек... у тебя сердце бьётся как бешеное. Сейчас посидим немножко — и пойдем к реке, ты подышишь хорошим воздухом, почувствуешь крепкие корни... Не думай об этом, Хаата. Не вслушивайся.

Даарду пристыженно шмыгает носом, глядит виновато. Пока они проделывают обратный путь — покачивает головой и мрачно косится на болота, шепчет под нос себе: «Глядят, глядят» — на прежнем месте, примерно на середине пути...

Когда до реки остаётся меньше мили — понуро бормочет: «Сама дойду, сестра». И еще пытается что-то выразить, глядя туда, за спину Гриз, где давно пропал замок, да и тропа теперь скрыта белесой дымкой.

— Большое зло, — говорит наконец, махнув рукой. — В стенах, в крови, в веках. Всё обвилось, проникло...

Изображает руками что-то вроде кокона. Закрывает глаза, вздыхает:

— Пусть Ардаанна-Матэс поможет тебе, сестра.

Гриз ждет, пока стихают шаги — и отправляется обратно. Уже не бегом — медленно, задумчиво, вслушиваясь в Ийлинские болота, но те дышат только холодом да осенью и не желают отдавать свои тайны.

— Вроде, крики слышались, — сипло говорит привратник, впуская её. — Не слышали?

Гриз пожимает плечами:

— Птицы, наверное. Что же ещё?

— Мало ли что, — бормочет привратник и бросает опасливый взгляд ей за спину.

Туда, где из ночи щупальцами тянется туман и ждут — незримые — *шестеро одного корня*.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Вир знает что, — выдыхает Его Светлость.

Мы с ним сидим в комнате Орэйга Четырнадцатого. Комната похожа на бывшую оранжерею: зелень в горшках и подвесных вазонах Журчит вода — два небольших фонтанчика. Рассеянный свет — почти дневной. Тут даже две певчие тенны живут: мелкие, золотистые комочки с крыльями. Порхают с жёрдочки на жёрдочку под потолком.

У дальней стены — огромное подобие дворца из красного дерева. Роскошное, обитое войлоком и закиданное подушечками жильё. Посеребрённые поилки. Лоток за ширмочкой. С серебряным совочком. Гербы на каждом углу.

Тут еще колокольчик есть. В который — мне уже сообщили — геральдион торжественно звонит, после того как изволит присесть.

Орэйгу начхать на мои попытки высмотреть в нём что-нибудь подозрительное. Чешется, зевает. Даёт пощупать нос — влажный и настоящий. Лениво смотрит сиреневыми глазёнками. Демонстрирует пузико. Пахнет, как слишком чистый геральдион.

Пока пытаюсь расшевелить непонятную тварь, Рыцарь Морковка находит дело по себе. Откапывает на ближнем столике здоровенный том — то ли историю всех местных геральдионов, то ли родословную. Тонет в нём с ушами, и пару часов от него слышно пыхтенье да сопенье. А теперь вот...

— Вир знает что. Тут четырнадцать глав, и они расписывают историю каждого! С датами, подробно! Кто сколько прожил, когда и от чего умер, ну и так далее.

Будто неясно было, что тут все свихнулись на гербовой зверушке. У аристократов такое сплошь и рядом — символ рода, ну да, ну да.

Папаша хохотал, что надо бы завести драккайну. Чтобы соответствовать традициям.

— Есть что полезное?

— Разве что история о самом первом Орэйге. Я её в общих чертах знаю, но тут подробно...

В коридоре — знакомые шаги. Грызи вернулась слишком рано. И входит со слишком озадаченным выражением лица — что-то там у них не срослось с Шипелкой. Кидает мрачный взгляд на геральдиона, стекает на мягкое сидение, запрокидывает голову:

— Что там за история с королевским подарком?

Морковка косится подозрительно, но соизволяет просветить:

— В тысяча сто восемьдесят первом году в Ирмелее было первое Выступление Мудрых. Ирмелей тогда представлял... хм, ну, что-то похожее на нынешнюю Вольную Тильвию, чтобы вам было понятно. Раздробленность, аристократические вольности, условная власть короля. К тому же, Наорэйгах Благочестивый был чем-то вроде... ну да, нынешней королевы Ракканта. Он был помешан на правилах и строительстве храмов, раздаивал земли направо-налево... в общем, первая Коалиция Мудрых выступила против монархии. Положение короля стало шатким. Однако во время стычки его спасло вмешательство аристократов во главе с Линешентами. Те привели собственную гвардию, да они и сами были мастерскими Стрелками. Выступление было подавлено, а те, кто состоял в Коалиции — большей частью казнены. Король был растроган поддержкой Линешентов настолько, что совершил

формальный обряд их включения в королевский род. А чтобы скрепить дружбу — подарил им одного из своих геральдионов. У Наорэйгаха на гербе как раз красовался геральдион, это тоже странная история...

Все эти истории одинаковы. Головы с плеч. Предательства. Кровосмешение. Сбрендившие короли. Цвет мира Кайетты во всей красе.

— Так вот, этот подаренный геральдион и был Орэйгом Первым. И именно с той поры на гербе Линешентов появился геральдион: раньше там был Знак Стрелка. А потом... вы знаете, наверное — о Второй Коалиции Мудрых, которая через десять лет сумела всё же захватить власть. Король не удержал власть и сбежал в Акантор... да к тому времени он уже и не хотел править. Прямых наследников не было, а аристократы просто не сумели объединиться. С тех пор в Союзном Ирмелее...

— Правят Мудрость и Закон, — бормочет Гриз под нос. Морковка кивает.

— В общем, да. К родовой аристократии относятся с большим почтением, у них есть влияние в обществе, но несравнимое с вольностями при монархии.

Ну, и кто бы говорил, что это плохо. Ирмелей — самое сытое государство Кайетты. Благополучное, как торговка в годах.

— Для Линешентов это... — Его Светлость взмахивает руками, чтобы подобрать слова. — Это даже не просто гербовое животное. Это связь с традициями, с прошлым... с монархией. Память о величии рода. Величайшая семейная реликвия, понимаете?

Грызи грызёт яблоко — достала из вазы на столике. Вид у неё такой, будто до неё доходит каждое второе слово.

— Там написано, как их размножают? К которому из двух разводчиков обращаются?

Ясно же, что к Коэгу. Не так давно имели дела с геральдионами — как раз к нему и мотались в Ирмелей.

— Разводчик... нет, не указан, — щурится Рыцарь Морковка. — Тут только даты... э-э-э...

— Случек.

Янист порождает новый сорт румянца: малиново-морковный.

— И есть родовое древо... тут указаны имена... ну...

— Самок.

— Это я и собирался сказать, — обижается недоженишок. — Тут ещё описывается, что они каждый раз выбирают, чтобы самка была тоже, знаете, крупной, белой, пушистой, чтобы получился настоящий...

— Орэйг, — подытоживаю я. — Похожий на папочку. Родовые традиции, чистая кровь. Морковка кидает смурной взгляд из-под темно-рыжих бровей.

— Я только не совсем понимаю — что значат эти записи о единственном потомке по традиции.

Грызи задумчиво всматривается в яблоко.

— Это значит, что если после спаривания рождается несколько геральдионов, и один из них подходит по внешнему виду — остальные уничтожаются.

— Как с тхиорами?

— Нет, обязательно под надзором кого-то из семьи или доверенного лица. Чтобы потомство от этого геральдиона никому не могло достаться. Так обычно поступают при королевских дворах, кстати.

Морковка захлопывает книгу.

— Но это же как-то...

Поднимаю ладонь — тихо. Принцесска послушно давится возмущением, Грызи поднимает брови. Геральдион Орэйг почёсывается — ему плевать на шаги, которые доносятся из коридора.

Лёгкие, медленные, неуверенные. Женские.

— Можно?

Жёнушка младшего сыночка Линешент. Закутанная в сизо-серую шаль по самые уши. Круглая и малость одутловатая из-за беременности.

— Я не помешаю, нет? Я иногда прихожу сюда посидеть по ночам. Здесь теплее, чем в спальне, и вода, и зелень.

Голос у неё тихий, воркующий — Голубица. Порхает на пуф с подушечками у фонтана, улыбается виновато:

— Муж часто с отцом и братьями засиживается в кабинетах, решают дела. А мне в замке не по себе одной. Тут... знаете, болота, коридоры эти. И все так смотрят, даже слуги. И совсем не с кем поговорить. А мне про Вейгорд так интересно, там же море... я прям обрадовалась, когда вас увидела. Я, наверное, кажусь вам неотёсанной, да? Ой, и я сама из Айлора, это же ничего?

Кожа у неё смугловатая, глаза и волосы — чёрные. Улыбка мягкая и малость виноватая. Рыцарь Морковка прямо тает.

— Госпожа Линешент...

— Мелейя, — умоляет Голубица. — Тут так много церемоний вокруг. А я к ним не привыкла, я не из аристократии. У папы были свободные взгляды.

— У вашего отца? А как тогда...

Голубица рада рассказать — похоже, ей остро не хватало слушателей. Для истории о том, как это дочка магната выскочила замуж за аристократа первого уровня. Слушаю краем уха про поместье в Айлоре, про папочку, который разбогател ещё до Плесневого Мора на тканях и нарядах, из простого торговца вырос в магната такого уровня, что был на свадьбе Эвальда Шеннетского.

— Во время Плесневого Мора мама умерла, я её почти не помню... а папа всё время проводил со мной, он не торопил меня замуж, говорил: ты выйди за того, кого полюбишь, я только хочу, чтобы моя звездочка счастлива была... он звездочкой меня звал... А потом, когда папа умер, было много предложений. Ну, я уже была перестарок, двадцать семь лет, а внешность, видите, тоже, не очень, зато папа же оставил мне всё состояние. А Джио как-то приехал просто из-за векселей, он хлопотал о делах семьи. И мы... много разговаривали, и потом он сделал мне предложение. Я сначала думала: это же Линешенты, понимаете, герб, дом, кровь... но он был таким усталым, печальным. И я решила быть с ним.

Прямо-таки расцветает, когда говорит о муже. Всё-всё готова описать: и как ухаживал, как готовились к свадьбе, сколько было гостей... Морковка слушает с образцовым вниманием, всем видом гласит: «Гляди, как бывает!»

Угу. Знаю я, как бывает. Когда аристократы в долгах — бывает, женят младших сыновей на богатых, но незнатных девушках. Только вот сыновья быстро вдовеют — ещё до первых наследников.

Грызи, похоже, думает о том же, потому что спрашивает:

— А Линешенты не были против брака?

— Скрепя сердце меня приняли, — вздыхает Голубица, теребя шаль. — Были, конечно,

любезны, но давали понять, что я не одна из них. Особенно сёстры Джо. И жёны его братьев — они-то аристократки, тоже первого круга. Знаете, когда случился скандал? Не после свадьбы, а через год назад, когда мы с Джо... вот...

Кольцо на мизинце — еле заметная вязь символов, распластавшая в центре крылья птица. Тонкий магический узор на коже вырастает из серебряного колечка. Идёт по всей ладони и уходит под рукав.

— Джо мой феникс.

Значит, правда любит. Провести обряд Полного Брачного Единения без чувств — это надо быть совсем отбитым. Брачующиеся с момента обряда всё больше сливаются в единое целое. Чувствуют боль друг друга. Ощущают мысли и эмоции. Делят пополам болезни — один может вытащить другого, если что.

Половинки, словом. Фениксы. В полном соответствии со знаком на кольце.

— Вы, наверное, скажете: это так старомодно. Но я так счастлива, что он всегда со мной, — прижимает руку к сердцу. — И я чувствую его любовь и тепло, постоянно, и вот, мы не могли зачать ребёнка, а теперь... Только, конечно, тяжело разлучаться, и я решила приехать сюда вместе с мужем, а так я не люблю тут бывать. Но Джо нужно поддержать: надо быть рядом, особенно если трудно...

Вздыхает и смотрит на Грызи тошнотно-ласково, влажными глазами. Вся такая доверительная: наизнанку.

— Я ещё в детстве читала, что у каждого человека где-то есть свой феникс. Но понимала это не напрямую — будто, это не птица, а другой человек. Который для тебя как феникс. Твоя пара. Вот... А у вас есть...

— Нет. У меня нет... феникса, — тихо отвечает Грызи. Мне смешно от прищуря Морковки. Небось, думал, что она Нэйша назовёт. — А почему вы сказали «трудно»?

— Что? Джо? Да, ему трудно здесь, я же чувствую, — Голубица стучит по виску. — Он же мой феникс. Вот сейчас он устал, и ему грустно, и он хочет скорее уйти. Они, наверное, опять спорят с братьями, ну или с отцом. Это так несправедливо.

Может, я смогу залезть в домик к геральдиону. И заткнуть уши его подстилкой. Ясно, конечно, почему Голубица это всё вываливает: ей одиноко, а у Грызи лицо понимающее. И слушать она умеет как никто — вот эту Мелейю и развезло.

Но мне-то оно не сдалось совершенно.

— Понимаете, мой Джо... он для семьи как отрезанный ломоть. Паршивая... коза?

— Овца, — поправляет вежливо Принцесска.

— Кто? Ой, точно, это я слова путаю, на последнем сроке что-то началось... — и улыбается жалобно, и гладит живот. — Да, паршивая овца, и это не с женитьбы на мне началось, это ещё раньше. Он не очень ладит со всеми этими их, ну, традициями аристократическими. Знаете, насчет того, что настоящие аристократы не могут быть дельцами, они выше этого. А у моего Джо — такая деловая жилка! И он начал возрождать их земли, выгнал нескольких управляющих, начал в торговлю вникать. А родные его за это презирают. Представляете, он расплатился с их долгами — у них они были огромные. А после нашей свадьбы он совсем преобразил всё в угодах Линешентов, и дела пошли в гору, и все денежные дела на нём, понимаете? Он даёт им деньги, а они их только тратят, ну вот хоть бы поместье это обновили, так нет же, и им всё мало, и всё равно они его почти не приглашают, и смотрят, знаете как...

Орэйг фыркает и идет в дальний угол — чтобы этого не слышать. Размышляю, как бы

дать ему пару проявляющих эликсиров Конфетки. Или взять кровь и шерсть — прогнать через проявилки? Калом и мочой я уже запаслась. Спасибо серебряному лоточку.

— А ещё этот пансион, — вздыхает Голубица. — Мы с мужем, конечно, тоже сиротам помогаем, и в больницы жертвуем, и вообще... Но тратить столько средств, только чтобы воспитать слуг под себя — это как-то...

Грызи настораживается.

— Пансион?

— Да, он к тому же ещё и в Тильвии. Я там не была, Джио тоже, этим его старший брат занимается, Гарлон. То есть, старший из всех братьев. Отбирают сирот... способных, что ли. Знаете, не беспризорников, а осиротевших, или у кого матери овдовели — но из достойных семей. Они там растут, обучаются умению услужения, или как это называется. А потом их пристраивают в разные хорошие дома, ну и в это поместье тоже.

Морковка тоже делает стойку. Да и меня как-то напрягает такая благотворительность.

— А в этом поместье — что, постоянно нужны слуги?

— Наверное... — Голубица кутается в шаль, как крылья. — Тут же болота, ну и нрав Главы Рода — Порэст Линешент, знаете, человек сложный... И бывает, болеют тоже: сырость, сквозняки. Местный доктор-травник такой молчаливый, но он как-то сетовал, что не всем удаётся помочь, хотя это понятно, он такой старенький.

Если у них тут помирают от простуды — у него ещё и руки не оттуда.

— А вы среди слуг встречали тех, кто из того приюта?

От осторожного тона Грызи озноб бежит по хребту.

— Я? Ну, у меня плохая память на лица... Но тут был такой юноша, новенький, год или два назад, я ещё спрашивала — он не из Вейгорда? А он не помнил, где родился. А теперь его, наверное, перевели куда-то в другое поместье, или он сам перевёлся... Ой, кажется, сын Сооры, Соора — это горничная, она давно тут, у неё такой милый сын. Да, мы как раз приехали с моим фениксом после Обряда, и с Соорой мы так славно разговаривали. И она говорила, что её мальчик как раз приехал из пансиона, поступил в штат слуг. А сейчас я её что-то почти не вижу, может, у неё что-то случилось? Надо узнать...

Грызи повторяет одними губами: «Надо узнать, да».

— А вы к нам приезжайте обязательно! Ой, то есть вы же из Вейгорда, Хартия Непримируемости... может, это когда-нибудь закончится, да? Тогда приезжайте.

Айлор и Вейгорд триста с лишним лет как враждуют. Так что погостить у Голубицы нам не удастся ещё лет триста.

— У нас там такой сад красивый, — Голубица наглаживает пузо. — Папа сажал, он любил интересные растения. А тут только болота, туманы... жуть и тоска. Можно я ещё буду приходить, да? Я тут иногда сижу, с Орэйгом. Светло, и хоть кто-то живой. А то когда Джио нет рядом — мне совсем не по себе, и... эти сны...

Голубица пошмыгивает носом, трёт припухшие веки.

— Мой феникс возвращается, устал. Вы извините, я наболтала тут, я просто совсем не в себе бываю, когда приезжаю сюда, и каждый раз себе говорю: не поеду. И будто тянет: все равно же нужно... и надо поддержать Джио. Я не сильно вам помешала, нет?

— Совсем не помешали, — улыбается Грызи. — Мы только рады обществу. Хотите — расскажем про питомник и животных в нём.

Голубица расцветает. Всё, прицепилась. Хорошо, если не в мою смену припрётся.

Гриз окликает её, когда та уже идёт к двери — неуклюже переваливаясь из-за живота.

— Мелейя... а о каких снах вы говорили?

Дочка магната разворачивается и морщит нос.

— Ну, они в последний приезд начались. Такие, знаете, тяжёлые. Коридоры, коридоры, ещё какой-то подвал, и я кого-то жду... кого-то, кого я... вы посчитаете, что это глупо...

— Кого-то, кого вы?..

— Хочу съесть, — говорит Голубица и жалобно моргает. — Мне почему-то хочется его съесть.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Жёлтая страница медленно поднялась. Покачалась издевательски, легла на бок. Показала имена и даты. Славные деяния рода Линешент.

Я сидел в библиотеке поместья — царстве заманчивых томов в потемневших от времени обложках. Тёмное полированное дерево, искусные завитки резьбы — и корешки, полустёртые, золотые, серебристые, позеленевшие, приторно-сладковатый аромат страниц и пыли. Старинные инкунабулы с причудливыми названиями. Оплетенные в кожу древние рукописи. Тома энциклопедий и родовые книги, и летописи, и поэзия, и собрания сочинений старых авторов — знакомые и незнакомые...

Я сидел за столом. Над историей рода Линешент. Скользил безучастным взглядом от лица к лицу.

Всё было отвратительно.

Необходимость врать, и болота с липкими туманами, бледно-синие коридоры, почти вызывающая бедность и древность всего вокруг — и неживые лица детей. И хозяева, с которыми явно что-то не то.

Сегодня утром я вздумал размять ноги, и в портретной галерее на меня налетел старший из сыновей Главы Рода — Гарлон. Он явно был не в себе: брёл, какой-то весь всклокоченный, с дикими глазами в распахнутой рубахе, опирался на портреты и бормотал себе под нос. Я успел разобрать только: «...скоро кончится» — а потом он взглянул на меня.

Не глаза — чёрные провалы. Выпитые — на костистом и жёлтом лице. Возле губ у него проступали зелёные тени, когда он шептал:

— Ты... ты здесь... ты один из них, да? Тебя уже привезли? Он уже умер?

Я не сообразил ему подыграть — только кинулся поднять, когда он начал соскальзывать на пол. Прошептал:

— Кто умер?

А он стиснул мертвой хваткой за плечи, вцепился как умирающий и заорал в лицо:

— Ты мой сын?! Да?! Ты — мой сын?! Прочь отсюда, прочь скорее, прочь...

И визжал, и извивался, и я вспомнил о пояском наборе зелий, который выдала мне нойя. Выбрал универсальный антидот, заставил Линешента сделать глоток...

Зелёные тени опали с лица, и он буркнул:

— Проклятая отравка.

Потом его вывернуло прямо на пол чем-то пронзительно-зелёным. Он всё-таки сполз, откинулся на стену, бессмысленно глядя на меня.

— Ты... кто ты там есть. Слуг позови. Они знают, что делать.

Я осведомился — не нужна ли ему какая-нибудь ещё помощь или зелье. Он только усмехнулся зловеще, глядя куда-то мне за спину:

— Уже ничего не нужно. Уже... всё решено. Давно решено за меня. И скоро мой черед.

Это будто отпечаталось изнутри на сетчатке глаз: длинный мужчина, вислые усы, всклокоченная полуседая шевелюра... Приподнимается и корчится в отвратительной луже, посреди длинной и пустынной портретной галерее. И смеётся в перерывах между позывами рвоты. Грозь кулаком портретам предков с геральдионами на руках.

А смущённые слуги действовали уж очень привычно, когда потащили своего хозяина в комнату. Значит, старший наследник увлекается дурманящими рассудок зельями и в таком состоянии бывает нередко.

Страница под пальцами задрожала, и я её перевернул.

Книги подобны людям. Тоже... временами лгут. Ибо книги — всего лишь отражение людей, которые их пишут. А что некоторые люди могли знать... о варгах, например?

И что Лу, мой безногий информатор из Вейгорда, мог знать об одном варге?

Потому что если Арделл притворяется вот сейчас — или она величайшая актриса... или вообще не играет.

«Мог ли ты ошибиться, ученик?»

Загорелое широкое лицо с голубыми глазами. В густой бороде перевились золото и серебро. Учитель Найго сказал — я всегда могу представить его как собеседника.

— Наверное, мог. Если пытался увидеть что-то своё. Веря при этом книгам, тому, что сказал Лу и другие информаторы.

«Почему же ты не верил своим глазам и ушам, ученик?»

— Потому что думал, что это она забрала у меня Мелони. Что она настроила её против этого мира. Отняла у людей. Потому что представлял другое. Другую.

Аферистку с темным прошлым, которая играет на опасениях людей за животных — и на этом выстраивает свой путь, ведущий... куда?

— Понимаете, учитель. Она невыносимая. Этот кнут, и то, что она постоянно со всеми говорит на бегу... и... да, штаны вот под платье надевает... и она явно издевается, и...

«...из этого разве следует, что она — плохой человек?»

Когда я поднял глаза — лицо учителя совсем расплывалось. И собралось в другое лицо. Сморщенное, меленькое, обросшее клочковатой седой бородкой.

— Ищете что-то, молодой человек?

Лицо Пореста Линешент, Главы Рода.

— Я... а... — как я не услышал, что он вошёл? Он скрюченный, старый, с тростью... может, он вышел из-за какого-нибудь стеллажа? — Я попросил разрешения у госпожи Изеллы Линешент. Понимаете, с детства люблю книги, а тут... это просто...

Обвёл руками библиотеку с правдивым восхищением.

Порест Линешент, шаркая ногами, подошёл к ближайшему стеллажу. Кончиками пальцев погладил корешки книг.

— Собиралась столетиями. Пять залов, редчайшая... в поместье Драккантов такое было?

Когда я покачал головой, из резких морщин его лица по капле просочилась гордость. Собралась в подобие улыбки.

— Да... славный род Драккантов, хоть и на три колена меньше, чем у нас. Но бестолковые: не умели хранить традиции как должно. Я знавал отца этой... вашей невесты, видел его, да... он был ветрогон, как многие Огненные. Пламя на ладони, пепел в голове, так говорят, э? Плевал на традиции, как и его отец... того я знал мало, он всё пропадал в своем имени в Крайтосе, книги вот читал... и к чему это их привело? Эта девочка, Мелони —

ведь единственный наследник Рода?

Я молча кивнул, силясь разобрать — что мне в нём кажется таким неестественным. Голос? Поведение?

— А вы, значит, воспитанник Драккантов и её жених. Но в Род они вас так и не включили?

— Нет, мы не женаты, и... — Мелькнула на краю памяти какая-то формула... обрядовое принятие в род? Он об этом?

Глава Рода, скрипнув костями, сел в мягкое кресло — в профиль ко мне.

— Это славная цель, молодой человек. Что вы стараетесь возродить угасающий род. Не дать наследнице свернуть на кривую дорожку. Что вы там для чтения-то взяли?

Я приподнял книгу по истории рода Драккантов.

— Понимаете, я впервые в этом славном замке, а раньше не имел чести быть знакомым с наследием Линешент. И я просто не мог не ознакомиться целиком...

— Хороший выбор и учтивая речь, — глазки у Пореста Линешента оказались мелкими, стальными буравчиками. — С вами приятно побеседовать, ничего, что вы только во втором круге — вы, с вашими задатками... хорошо возглавили бы Род Драккантов. Скажите, что для вас — аристократия в первую очередь?

— Благородство. Ответственность. Знать первого круга — потомки самих Девятерых, если верить легендам... потомки древних королей, которым доверено беречь Кайетту. А это значит — они и обязаны представлять из себя тех, кто даёт пример остальным, кто безукоризненно почитает закон, несёт просвещение и одновременно блюдет традиции...

Я не успел договорить печальную истину о том, что ныне аристократия — неважно, какой степени древности и знатности — являет собой картину далёкую от совершенства. Линешент торжествующе поднял трость, словно вцепившись в последнее слово.

— Традиции! Это верно, молодой человек, очень верно! Вы осознаете, что сила Рода — в традициях, в связи с прошлым — и потому пришли сюда? Не так ли?

Мой кивок скорее объяснялся тем, что я пытался вспомнить — что же не так в датах, которые видел. Что-то с предками Линешентов за последние две сотни лет... или больше?

— Но истинное сердце Рода — не здесь. Я знаю, что вы думаете — Ритуальный зал, это сердце замка, это всегда. Но идемте, я вам покажу.

Он вскочил на ноги, поманил меня за собой и двинулся вперед, почти бесшумно ступая по алому, полинялому ковру с богатым узором из стрел. Так же бесшумно открыл проход за одним из стеллажей — короткий, в соседний зал.

Реликварий.

Он был огромен — не меньше помпезной приёмной залы, и такой же полутемный. Древние гобелены — от высокого потолка до пола. Выеденные молью, выцветшие, местами прорвавшиеся от старости. В цветах Линешентов — коричневый, зелёный и белый с серебристым.

— Род не там, — махнул рукой назад Линешент. — Здесь. Смотрите — это обломки от лука первого из Линешентов, потомка Лина Стрелка. А это меч времён Пришествия Вод Напитанный драконом пламенем, по легенде — Соалар Линешент не побоялся с ним выйти против дракона. А эта — Чаша Скорби, которую Ианна Линешент приказала осушить предавшим её сыновьям двенадцать веков назад — взгляните на рубины, они впитали кровь этих сыновей, которую влили в чашу, прежде чем отдать тела земле — чтобы Ианна никогда не разлучалась с родной кровью...

Реликвии стояли и лежали на столиках из белого и чёрного мрамора. Слабо посверкивающие или давно потускневшие. Возле каждой — бронзовая табличка с названием и короткой историей.

— Каково, юноша, а? Поражены? Вот, идите сюда, — одна из моих любимых. Этот лук-атархэ был при Молине Линешенте, когда он со своей гвардией выступил на защиту короля от клятой Коалиции. Болотные короли — так тогда нас называли, во время Эпохи Вольностей... Видите, какая тонкая резьба — будто лук оплетают болотные растения, Мастер знал своё дело, тогда при дворе у наших предков были свои Мастера, как у королей, да... Вы думаете — слава Рода в книгах? Нет. Она — здесь. Это — овеществлённая история, запечатанная память, это и только это! Реликвии рода, которые бессмертны, как сам род, — вот это истинное величие и истинная древность, посмотрите, да ведь рядом с эти медальоном всё, что вы слышали об артефактах — это просто чушь, он принадлежал четвёртой Кормчей, которая вышла из нашего рода. А вот...

Стучала палка. Пронзительно и гулко — в полутемном зале, похожем на храмовый — только лишенном стекол. Порест Линешент ковлял от одной тумбы к другому, тукал сухим, желтым пальцем в каждый предмет — и описывал его, с наслаждением и страстью, и всё повторял: «Смотрите, смотрите, юноша, перед вами история!»

Я видел вещи. Проржавевшие, пыльные, сломанные. Неживые.

Лишённые речи — потому что даже таблички рядом с ними начали зарастать зеленью.

А единственный голос, который у них был — голос древнего старика, которому на самом деле шестьдесят четыре года.

Шестьдесят четыре года, да... вот что не так с предками Линешентов. Возраст.

— Это завораживает, так? Завораживает, и притягивает, и позволяет понять суть рода. Хотите совет, юноша? Возьмите эту свою невесту в её родовое поместье, покажите ей реликвии рода, напомните о её истинном предназначении — потому что ничего не может быть ценнее того, что завещали нам предки! Согласны вы с этим?

— Я... да-да, конечно...

— Вы поражены, юноша? Овеществлённая история...

— Поражён. Совершенно поражён...

Совершенно поражён, как мне в голову не пришла эта догадка. Невозможная — раз уж Линешент еще стоит передо мной и еще жив. Абсурдная: это же нужно лезть в такой пепел веков...

— Века! Века и основа рода!..

Он отпустил меня, наверное, через три часа — голодного и измотанного, со вклеившейся в лицо восторженной улыбкой. На прощание осведомился величественно — как продвигаются дела с геральдионом. И я заверил, что мы делаем всё, правда всё.

— Полагаюсь на вас, молодой человек, — взмахнул рукой Порест Линешент. — Хотя род Линешентов куда древнее, чем род Орэйга, он — олицетворение нашего герба, и ничто из этого, — тут он указал на реликварий, — не сравнится с нашим любимцем.

Я молча поклонился и еще раз заверил его в своей преданности. Усталый, вернулся в библиотеку.

Гроски про это чувство говорит: «Будто весь день навоз у яприлей перекидывал!»

Хотя теперь я знал, какую книгу стоит искать. Ту, на корешке которой значится крупное «Ф».

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Входи, медовая.

В «варочной» части лекарской малость дымно. Пованивает тухлыми яйцами. Вместе с мятой и печеньем. Всюду бутылочки, коробочки, мешочки с не пойми чем.

Нойя согнулась над мелким котелком у стены. Возле стола мается Плакса — что-то фиолетовое переливает из колбы в колбу. Пугливо поглядывает сквозь завесу волос.

— Ну?

— Абсолютно здоров.

Фыркаю — спасибо за помощь. И тут нойя уточняет мягонько:

— Слишком здоров, сладенькая. Так не бывает. Особенно если ему четырнадцать лет. Не мне тебе говорить, что, каким бы не был уход — звери хворают. Старееет сердце. Кости начинают ныть на непогоду. Случается изжога. Однако этот геральдион здоров абсолютно. Уна, деточка, подай-ка мне этот твой диагност...

Плакса суёт дрожащими лапками в свою наставницу это самое, тягучее и густо-фиолетовое. В колбе плавают клочки, которые мне удалось отстричь от геральдиона.

— Уна работала над этим, да-да-да. Эта проявилка должна показать, были ли у животного болезни хотя бы в последних пять лет. Мы думали её использовать для животных, у которых рецидивы случаются. Хорошо бы, конечно, до детских болезней...

Время от времени Уну чего-то там осеняет, хоть она и не Травник. И она принимается что-нибудь совершенствовать или изобретать.

Только вот руки у Плаксы отчаянно кривые. Потому жду, пока проявилка взорвётся прямо у нойя в руках.

— Ну?

— Так вот, этот геральдион никогда и ничем не болел. Точно он новорождённый.

Илидохлый. Киваю, отчаливаю.

Успеваю закрыть дверь, прежде чем из-за спины начинает нести тухлятиной сильнее, а нойя взрывается воплем: «Сколько повилики ты туда добавляла?!»

Взрыва нет, только фиолетовый дым сочится в коридор. Ну и ладно. Всё равно Плаксе еще сегодня ночью в поместье разгребаться. Вместо Шипелки.

Эта где-то шастает и не показывается на глаза. Пухлик и Мясник выясняют, что не так с пансионом Линешентов в Тильвии. До моей очереди караулить Орэйга ещё пара часов. Проверяю раненых, кормлю Сквора. Спрашиваю его — кто померёт.

— Линешент, — выдаёт горевестник. — Линешент. Линешент. Линешент.

— А с утра был вызов, — хвалится Йолла, которая составляла Сквору компанию. — Гроски и Нэйш только ушли, а ты не пришла ещё... ну, я принимала, стал быть. Из Крайтоса вызов. Кербер-людоед, ого?

— Сколько там?

— Да они сами и не знают. Вроде, одного пока то ль погрыз, то ль утащил. А мужик этот, который на вызове, странный такой. Сначала: взрослых позови. Потом: чего эта так трясется, это что, издеваетесь? Это я Уну позвала... Потом: там что у вас, нойя? А Аманда ему: так вы скажите, в чём дело-то. А он такой: нет, буду с главным говорить! А тут

принесло Лортена...

— Этому чего тут надо утром?

— Так к Аманде же, за антипохмельным... Лортена принесло, и он в Чашу как засунулся... Эх! В общем, этот дядька, ну, который, староста Белобочья...

— Что?

Свой голос — как из-под покрывала. Мелкая распахнула глазищи — смотрит, удивлённая.

— Деревня так называется. В Крайтосе.

Небольшая такая деревенька. Три десятка домов.

Под боком у имения Драккантов. Напрямик через леса можно за час к имению выйти. И хмурые сосняки со мхами-валунами — как раз как керберы любят.

— Что он сказал?

— Пф, сказал! Заорал! Вы, говорит, все тут твари нехорошие, мне тут устранитель нужен, а вы издеваетесь! Аманда ему: так мы с главой ковчежников свяжемся. Или вы сами её вызовите. А он не слушает и орёт: мне нужен устранитель, вы куда его задевали? Ну, и по матушке нас всех! А Лортен говорит: держите меня все, сейчас я как выдам... И выдал.

Мелкая морщит нос, брезгливо косится на Водную Чашу.

— Мыть потом пришлось.

Приближаться к поместью Драккантов на сто миль не хочется. Но эти олухи могут и напрямик вызвать Нэйша. Или кого-нибудь из Гильдии Охотников. А то ещё поставят капканы, отравы накидают. Может, отпроситься у Грызи? Слетала бы сама в Белобочье, местность-то знакомая. Выследила бы кербера, бахнула б снотворным, потом к Пиратке — и в питомник.

В питомнике осень сухая и многоцветная, возле поместья Линешентов — влажная, снулая. Будто краски высосали. Оставили серый (дорога), бурый (трясина), чёрный (голые стволы и сам замок). Разбавили блекло-слизистой зеленью на камнях да белесым туманом.

Мерзкое место. Сотканное из стрелчатых окон, паутин да шепоточков.

Работать невозможно: в коридоры обитатели местные повыползали.

— У них что-то вроде семейного сбора вечером, — говорит Грызи, когда я её сменяю. — Потому все и приехали. Традиция.

В комнату Орэйга время от времени являются Линешенты. Разных размеров и форм. В древнующих нарядах с пышными воротниками и родовыми узорами-орнаментами.

Засвидетельствовать почтение.

Нам тоже перепадает от всеобщего внимания. Полюбовавшись на белого-пушистого — Линешенты начинают пялиться. И задавать вопросы.

А как он? А скоро ему будет лучше? А лекарство стоит дорого? А болезнь достоверно известна? А мы уверены, что поможем?

Меня топят в сочувствии по поводу моей сиротской доли. И спрашивают, когда свадьба. Одна из Змеюк даже пытается отвести в стороночку и прочитать нотацию о традициях рода. Что род, мол, надо возродить. Потому что нет же ничего ценнее.

— Имейте в виду — мы ждём приглашения, — и выпускает через зубы смешок — мол, честь оказала.

И не сдвинуться с места, как на поганом светском рауте. Можно только наблюдать. Старший сын Линешентов явно сидит на каких-то зельях. Глава Рода успел найти общий язык с Морковкой. Средний сынок подмигивает мне и выдаёт что-то об очаровательном

охотничьем наряде. И тут же стрижет глазами платье Гриз.

Голубица наглаживает живот и воркует с задерганным муженьком. Смотрится как что-то двухголовое. Если бы не оценивающий взгляд красноватых глазок Младшего.

Старуха явно не ладит с зятьями и средним сыном. Мелкие Линешенты — подлые копии взрослых. Вытянутые, поднафталиненные с рождения. С туманно-постными рожами.

И не поговорить. Мы оказываемся свитой дохлого геральдиона. Которого выносят на подушечке на середину комнаты. Умиляются каждому жесту. Прикасаются с бесконечной осторожностью.

Орэйг Четырнадцатый принимает поклонение родовитого семейства с мёртвым достоинством. Лежит. Гладится. Шевелит хвостом. Гадит в лоточек и звонит в колокольчик — вызывая ахи по поводу своей разумности.

Рыцарь Морковка сквозь зубы предполагает, что они оправляют содержимое лотка как минимум в платину. Кажись, он тоже внезапно на взводе.

Даже на время ужина Линешенты требуют перенести геральдическую зверюшку в общую каминную. Чтобы лицезреть геральдиона и за семейными разговорами.

Тут я отправляюсь проветриться подальше от столовой, от каминной и от жилых комнат. Главное — подальше от чёртовой портретной галереи. Хотя в неё, кажись, ведут все коридоры здесь: шаг не туда — и ты в окружении Линешентов в рамах. Темные стены и тёмные лица. Выцветшие одежды. Полинялые улыбки. Пиявчатые взгляды сверху вниз. И белые пятна — геральдионы тут и там. На плече у одного, на руках у другой, все тут, все четырнадцать колен Орэйгов рядом со сколькими-то-там-коленами Линешентов.

Каким-то чудом галерею огибаю, путаюсь в переходах, как в паутине. Соображаю: это коридоры для слуг, узкие, неосвещенные, чтобы проходить по памяти. Но пыль и сквозняки лучше, чем разговорчики и поганые портреты. Всё равно Дар выведет.

Так что иду и пытаюсь надышаться. Пока не понимаю, что камни вокруг меня плачут.

Тихо, со всхлипами, переливаясь и перекликаясь. Будто плач замурован в них много лет. И выходит помалу, как из темницы.

В плаче живёт песня. О том, что скоро всё будет хорошо. И не надо бояться болот. Песня пытается прорваться через плач и камень — но они глушат её.

Приказываю Дару — веди. Иду через полутемные коридоры под стрельчатыми окнами. Какое-то нежилое крыло. В окна видны то ли облака, то ли туман. За деревянными панелями и поеденными плесенью коврами — вечерние гулянки крыс.

Плач — там, где пахнет лекарствами. За дверью, похожей на мою.

Комната тоже похожа, только победнее. Камин прогорел. На кровати лежит парень лет шестнадцати-семнадцати. А эта, которая плакала и пела ему, подскакивает на ноги со стула возле изголовья.

Опухшие глаза, чёрные волосы. Рано постарела, потому выглядит старше сорока.

— Вы... доктор? Вас к нему прислали?

Молча поднимаю ладонь с Даром Следопыта — показываю, не доктор. Шагаю внутрь комнаты.

— Что это с ним?

— Он месяц почти не встаёт, — беззвучно говорит Соора, точно, Соора, Голубица говорила — у служанки болеет сын. — Гарлон... господин Линешент был так добр, освободил меня от работы, разрешил с ним сидеть, сколько надо. И врача, да, позвал к мальчику врача. Врач господ Линешентов сказал — это от нервного расстройства.

Парень открывает глаза, глядит мутно. На шею у него какой-то амулет — отметаю ладонью в сторону, прежде чем положить ладонь с Печатью на грудь.

Использовать Дар для диагностики не всегда выходит, но вдруг да услышу где неправильную пульсацию.

— Врач дал снадобья, — ловлю шепот краем уха. — Ему сперва помогали... а потом гляжу, спать всё больше стал... и не встаёт... Деймок, Деймок... что у тебя болит?

Парень качает головой — ничего... ну да, температура пониженная, пульс слабый. Кожа холодная, бледная... и полнейшее обессиление.

— Он сначала просто уставал малость. Уставал после работы... потом голова болела у него, сны...

— Какие сны?

Волосы у парня тоже тёмные, немного вьются. Разметались по подушке. Вздернутый нос. Скулы кожей обтянуло. Чуть прикусывает губы, бормочет:

— Тону... там... я тону...

— Так что ж, теперь и не сделать ничего? — служанка выглядит не просто горюющей — до смерти перепуганной. И какой-то надломленной. — Это всё проклятое болото. Оно отбирает моего мальчика. Жизнь из него пьёт. Как это было с дру...

И подхватывается, зажимает себе рот, и начинает махать на меня: а ну, пошла вон. Вся трясется. И ясно, что из неё слова не выжать. Так что нечего и спрашивать.

Но я спрашиваю.

— С какими — другими?

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Лайл. Что скажешь?

— У них отменные копчёные рёбрышки в трактире. И отвратительное пиво. В целом, одно нейтрализует другое, но гурман во мне наполовину помирал от блаженства, наполовину рыдал — странное чувство, если хочешь знать.

Нэйш явно не хотел ничего такого знать, поскольку посмотрел на меня взглядом первой степени терпения.

Но во мне плескалось четыре пинты пивка, а отрезвляющее я с собой не взял, потому взгляды напарника мне были по колено.

— О, и вот, лови. Боженьки, хватит так смотреть. Эти пирожки не совершили ничего противоестественного с твоими родичами. Можешь считать — компенсация за твои пробежки по чертовым скалам.

И за то, что по чёртовым скалам не пришлось лазать мне. Меня устранил выпнул разживаться сведениями в ближайшее поселение. Куда лучше, чем ползать вокруг приюта Линешентов, удачно расположившегося в долине под защитой скал.

— Знаешь, из тех, кто пытался найти со мной общий язык, никто пока не додумался меня *прикармливать*. Метод Гильдии или твой собственный?

— Это вековая мудрость: «Вдруг пожрет и подобреет». И кстати, насчёт общего языка: а что — были идиоты... в смысле, *другие* идиоты?

Нэйш повертел сверток с пирожками, положил его на камень и уставился на меня взглядом, выразившим вторую степень терпения.

Смеркалось. Нагорье Трапа в Вольной Тильвии укутывалось в осенние дымки. Но с

наблюдательного поста, который облюбовал «клык», пансион Линешентов всё равно был хорошо виден. Обычное двухэтажное загородное поместье. Деревья, кусты. Прогулочные дорожки. Что-то вроде спортивных площадок, небольшой корт для игр с мячом.

— Маловато времени, чтобы выщедить из деревенских что-нибудь, кроме скверного пива. Их в этот пансион не приглашают, даже для черной работы, вроде уборки. Здесь свой персонал, и детишки отсюда в деревне не бывают. Похоже, заведеннице-то закрытое. Само-то собой, местные интересовались — знаешь, вся эта борзая молодёжь, детишки с их байками, пастухи, рыбаки... эти время от времени натываются на воспитанников пансиона у озера. Вроде бы, их тут немного. Девчонок нет, все парни, разного возраста. Словом, то самое тихое, закрытое место, про которое просто обязаны ходить самые дикие слухи... Боженьки, ты не разогреешь пирожки своим взглядом, просто съешь их уже!

Нэйш неохотно взял свёрток, повертел в пальцах. На месте пирожков — я бы срочно ожил и ретировался под вопрошающим взглядом «клыка».

— Слухи?

— До черта всего, но вряд ли что достоверное, — я присмотрел себе камень посимпатичнее и дал ногам отдых. — Кто-то судачит, что Линешенты прячут тут своих тайных любовниц с детьми. У кого на уме бордель для знатных извращенцев — знаешь, падких на мальчиков. Большинство толкует в духе «И творятся там страшные дела, и доносятся оттуда страшные звуки, и там наверняка жертвы и оргии, и вообще, оттуда же люди пропадают!» Последнее самое смутное: тот пастух уж слишком перебрал. Доказывал мне, что непонятно — куда они отсюда уходят, мол, взрослеть взрослеют, а старших так и не видать. По истории заведения кое-что нарыл: Линешенты объявились здесь с десятков лет назад, откупили полуразвалившееся здание у помещика, который решил переехать. Заметь — у Линешентов нехилые угодья в родном Ирмелее, но приют они основали в Тильвии, где вечный раздрай и можно нарваться на грабителей, поджигателей и прочую братию.

Зато никто не суёт нос в чужие дела.

— Детей было сначала меньше десятка, а в последние годы время малышни прибавилось. Просто на будущее: у тебя какие-то личные неприятности с тестом? Тебя в детстве пытали при помощи пирожков, или...

Нэйш явственно настроился переваривать не еду, а сведения, поскольку пялился в пространство, так и этак поворачивая свёрток на ладони. Потом единым текучим движением послал его в мою сторону — так, что я чуть не свалился с валуна.

— Я не голоден, Лайл, но спасибо за заботу. Приятного аппетита.

Я пожал плечами — мол, многое теряешь.

— Деревенька далековато, так что насчёт посетителей пансиона — по нулям. Кто-то клянется и божится, что Линешенты наезжают каждую девятницу. Кто-то — что не приезжает никто и никогда. Питание и прочие нужности им сюда доставляют по реке — к озерной пристани, которая как раз рядом с выходом из долины. Но что тут за дети, из каких они семей, откуда их берут в приют, куда потом определяют — сам понимаешь, не разведает в местном трактире. Если тебе только не хочется услышать двухчасовой пересказ из местных сплетен.

Развернул холщовый мешок, вдохнул аромат сладковатого теста, курятины и лука. Решительно запустил в первый пирожок зубы, всем своим видом показывая: видишь, я тут пытался позаботиться о напарнике, а ты, сволочь такая, не ценишь.

— А как у тебя? Успел разведать что-нибудь, пока просматривал территорию и пытался

воздухом и чувством долга?

Нэйш побарабанил пальцами по сумке на боку, показывая, что шуточки про питание можно оставить.

— У пансиона серьёзная охрана. Сигналки на проникновение. Магическая артефакторная защита типа «купол». Постоянные часовые на удобных постах. И один сторож у единственной дороги, ведущей из этой низины вовне. Кроме того, к самим детям приставлено не менее пяти воспитателей, две няни. Возможно, это ещё и не весь персонал.

Конечно, в Тильвии надо бы поостеречься, а лучше — заплатить знающим людям за покровительство. Но всё-таки...

— Некисло для пансиона для сиротинушек, которых готовят в слуги.

— Двадцать четыре воспитанника, примерно от пяти лет до шестнадцати. Старших немного, основное количество — до десяти лет. Насколько я мог заметить — «пустых элементов» нет. Физическое состояние отличное.

— Стало быть, они не пытаются детишек и не морят голодом.

— Физическое состояние отличное, — повторил Нэйш. Смерив при этом взглядом меня и пирожки. — Дети с утра на свежем воздухе. Закалка и гимнастика на рассвете. Большое внимание уделяют тренировкам выносливости. Перед обедом все воспитанники под надзором отправляются к озеру — упражнения по плаванию...

— Так ведь осень уже!

— Я же говорил о закалке. На свежем воздухе ведут часть занятий... насколько я понял, по этикету. Прививают образцовые манеры, учат подавать подносы...

— А я-то уж было поверил, что это, насчёт «Мы тут выращиваем наших будущих слуг» — отборный навоз яприля.

«Клык» повернул голову туда, где виднелось белое здание с двумя аккуратненькими колоннами и увитыми зеленью балкончиками. Смерил его не слишком-то приятным взглядом — как людоеда, которого хочется устранить.

— Я не заметил тренировок Дара. Дети пользуются им, но это скорее спонтанные выбросы. Воспитатели не наказывают за это, но и не поощряют. Скорее уж, учат контролировать... но не учат управлять. Не развивают.

— Черти водные, — мы играли в переглядки с третьим пирожком. И партнер по игре пока что проигрывал. — Похоже... не знаю, на приют умалишенных. Ну, знаешь, магические больнички, куда сдают тех, кто не может как следует управляться с Даром. Вроде айлорского Приюта имени Премилосердной Тарры, или лечебки Йеддна в...

Нэйш хмыкнул, посматривая вниз, на утопающее в сумерках поместье. В окнах поместья загорались огоньки.

— Определённое сходство есть. Например, дисциплина. Я не сказал? Они все удивительно послушны. Правда, слегка заторможены при играх и в реакциях. Но выполнение команд просто образцовое. В какую сторону повернуть. Куда пойти. Что делать...

— Подозреваешь зелья или артефакты?

Ну, и чем не лечебница, в таком-то случае? Я потянул из свертка последний пирожок.

— Постоянное пребывание на воздухе не вписывается. Как и походы к озеру. И содержание детей разных возрастов вместе. В лечебнице они были бы разделены на группы, по особенностям поведения или искажения Дара. К каждой группе был бы приставлен медицинский куратор и охранник. Прогулки дважды в день, на пару часов — а остальное время они проводили бы внутри. Не говоря уж о походах к озеру, для купания. И я не заметил

в них ненормальности поведения — кроме послушания.

Бывшему тюремщику-то уж, наверное, виднее. Дружище-пирожок помешал этому моему замечанию, так что Нэйш продолжал говорить, негромко и мерно роняя слова. Будто капли притирки на крылья бабочки.

— Самым интересным мне кажется то, что их постоянно... выгуливают. Питание четырежды в день и в основном подвижные игры. И постоянное физическое развитие. Думаю, они тут все исключительно здоровы.

Я раздумал доедать то, что осталось у меня в руке. А то, что было съедено, грызун незамедлительно постарался вытолкнуть наружу.

— Погоди, ты имеешь в виду, что...

Устранитель медленно повернул ко мне лицо. Вскинул брови с лёгкой сосредоточенностью.

— Тебе ничего это не напоминает, Лайл? Их кормят. За ними присматривают, о них заботятся. А они весь день гуляют на травке, прерываясь на походы к озеру в середине дня. Здоровые физически, послушные... и они не могут отсюда выйти. Где такое ещё можно встретить, по-твоему?

В питомнике, — хотел было сказать я, потом понял, что это-то неверно: в клетках питомника сидят твари, которые тебе голову могут откусить. А те, которые здесь — просто ждут своей участи, будто...

— На ферме.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

— Пожалуйста, впустите нас, — повторяет Гриз в третий раз. — Мы правда хотим помочь.

Служанка Соора не отпирает. Тихо всхлипывает изнутри в ответ на все уговоры. Роняет едва слышно из-за двери: «Пожалуйста, уходите».

— Ведь вы же хотите, чтобы ваш сын был здоров. Мы принесли зелья — может быть, какое-то из них поможет. Пожалуйста, впустите нас — мы правда никому не скажем...

В коридоре пусто и пыльно, через высокое окно прощемился луч месяца, и в нём танцуют пылинки. Попискивают мыши за плинтусами. И всхлипывает служанка по ту сторону двери — явственно разрываясь на части, но не желая открывать. Шепчет боязливо, прижимаясь к двери, что не хочет навредить своим благодетелям, которые взяли её сюда, бедную сироту... не хочет, чтобы про них распускали грязные слухи. Потому что господа Линешенты сделали всё возможное, они позаботились о её мальчике... А если от болот не спастись — то такова уж судьба.

Кто-то запугал её. Запугал, а может, даже и запер.

— О вас спрашивала Мелейя Линешент. И о вашем сыне. Она о вас тоже беспокоится. Может быть, хотя бы ей вы позволите навестить вас?

Тишина. Гриз вздыхает, прислонившись к гладкому дереву лбом.

— Вы можете открыть дверь? Не нам, а вообще? Мы тогда зелья оставим тут, в коридоре. Заберите их и дайте сыну. Дозировку я сейчас расскажу.

За дверью — ни звука, но Гриз чувствует, что там слушают внимательно.

— Пожалуйста, возьмите зелья. Наш Травник — специалист высочайшего уровня.

Из-за двери несётся задавленная, задушенная рыданиями благодарность.

Время искоса взглянуть на Уну, застывшую напротив стены коридора — в голубоватой, сумеречной тени. Ученица Аманды едва-едва касается холодных камней кончиками пальцев, и лицо её совсем затенено волосами. Голова чуть откинута, тело напряжено как струна.

Бледные губы плотно сжаты, на правой ладони едва заметно светится бледно-лунным полумесяц — Печать Сноходца.

— Что-нибудь есть?

Когда девочка использует свой Дар — смотреть сквозь тени и сны — голос у неё меняется. Из боязливого бормотания — становится отдалённым шорохом теней.

— Он спит. И видит, как падает. Будто тонет в огромной воронке или в колодце, откуда нет выхода. Это как падение в вир, только в жадный, чёрный... А теперь его куда-то ведут, что-то обещают, хлопают по плечам... Что-то хорошее, только давнее. Они идут... темные коридоры, коридоры... портреты. Там портреты в длинном коридоре, а потом они спускаются куда-то... Подвал, он видит подвал. Только это не подвал, а зал... какой-то алтарь или знаки, потом голоса, они его зовут... И теперь опять воронка, и он тонет, и тонет...

Голос Уны делается дремотным, ленивым. Тогда она толчком отстраняется от стены. Стряхивает с волос и пальцев приставшие чужие сны. Говорит уже своим, прерывающимся и жалобным голосом. Не глядя на Гриз.

— Вот... я больше ничего не вижу. Ему это снится постоянно. Всё время повторяется.

— Подвал. Подвал в портретной галерее... спасибо, Уна. Тут, пожалуй, всё, пойдём-ка обратно.

Коридоры петляют и лгут. Проклятое платье подолом цепляет ноги, и приходится поправлять под ним пояс: спасибо ещё, подол достаточно пышный. Уна неслышно течёт следом: бессловесная, вся в ночных тенях. Оглядывается, бормочет что-то едва различимое под нос.

— Что?

— Сон. Он тут будто... повсюду, — сжимает-разжимает тоненькие, нервные пальчики. — Как... туман над болотом, или как ветер. Будто бы в самих камнях.

— Что им снится? — тихо спрашивает Гриз.

Уна привычно избегает её взгляда (её нельзя винить — девочка безответно влюблена в Нэйша). Ежится, обхватывает себя руками. Кивает влево — вон туда, в те коридоры.

В коридоры жилого крыла, где расположены спальни хозяев. Гриз в библиотеке ознакомилась с планом замка. В эти коридоры им нет ходу: здесь бесшумно шастают слуги, здесь стоят и охраняют входы-выходы наёмники сестёр Линешент... Но Уна и не стремится туда — просто подходит ближе, приникает к камню и слушает, смешиваясь с тенями.

— Это сны... нет, это сон. Но они видят его все вместе. Один и тот же. И они не хотят его видеть — но видят, вместо ... вместо кого-то, кто не может видеть снов.

Один и тот же сон у всех Линешентов? У Главы Рода, у сыновей, дочерей, внуков — у всех?

— Что там, Уна?

— Подвал. И лицо парня. У него чёрные волосы, нос такой вздёрнутый... И...

Уна осекается, и под волосами можно рассмотреть страх.

— И голод.

Выстывший замок наваливается тишиной. Стремится подмять под себя, задавить величественным молчанием, уютным одиночеством.

— Да, это то, что нужно. Хорошая работа, спасибо. Точно не хочешь дожидаться утра?

Уна отрицательно трясет волосами. Гриз не спорит: не нужно девочке с Даром Сноходца быть здесь — где все видят подвал, и умирающего сына Сооры, и чувствуют чужой голод. Возле геральдиона Уна всё равно побывала — не увидела ничего.

Тварь, которая мертва, — едва ли будет видеть сны... если только за неё их не видит кто-то.

— Хорошо. Рихард тебя проводит до «поплавка».

Благоговейная дрожь и румянец в ответ — Гриз даже не нужно это видеть. Она старается подавить вздох, пока ищет ближайший выход.

Нэйш ждёт под оградой, не проявляя никаких признаков нетерпения. Секретности ради он отчитывался по приюту лично, а не через Водную Чашу. Но внутрь Гриз его приглашать не стала: если кто-то из Линешентов наводил о группе сведения — будет очень сложно объяснить, зачем ты привёл в замок устранителя.

— Вызов, — говорит Рихард вполголоса. В болотной ночи его костюм кажется слишком уж белым. — В той деревне, возле имения Драккантов, всё-таки решились.

— Знаю, Аманда со мной связывалась. У них там жертвы, похоже.

— Кажется, ещё кто-то ночью — раз они повторили вызов, — Нэйш слегка подкидывает на ладони сквозник. Тот при свете месяца рассыпает голубые искры.

— Отправляйся и прихвати с собой Лайла. Расспросы, договор, финансы на нём.

Согласный наклон головы — почти что полупоклон. Едва заметная издевка в этом движении — «Услышал, понял... ещё будут инструкции?»

— Если там раненный зверь или менее пяти жертв...

Нужно связаться со мной. Бесполезное напоминание, Гриз. Тут больше надежды на Лайла.

Нэйш самую малость приподнимает брови — и вечные полукруги у губ становятся глубже тоже на пару миллиметров.

— Разумеется, госпожа Арделл. Но никогда ведь нельзя предсказать, как поведет себя агрессивное животное. А в случае непосредственной опасности для людей — вы же знаете...

Пальцы нежно касаются дарта на поясе: единственного лекарства от агрессивных животных, которое признаёт устранитель.

Знаю, — молчит Гриз, глядя ему в глаза (они серебрятся, как лёд под луной). Знаю, что ты сделаешь. И ты тоже знаешь, что сейчас мне приходится выбирать: поставить под удар людей — или направить туда тебя, зная, чем кончится.

И мы оба знаем — что если бы была возможность не посылать тебя...

Устранитель чуть-чуть улыбается — почти сочувственно. На её глазах переходя в иную сущность: из коллекционера бабочек, исследователя и наблюдателя — в Провожатого.

Это видно по едва изменившейся манере стоять. Чуть-чуть заострившимся чертам лица. И особому, тускло-стальному, ничего не выражающему взгляду.

Смерть в белом плаще улыбается Гриз ещё секунду, будто говоря — «Гляди, что будет!» Потом разворачивается и растворяется в клочках белесого тумана на дороге, в лунном свете и осенней ночи. Будто забыв про Уну, которая тут же семенит вслед, тихонько вздыхая — Нэйш прекрасно знает, как её ранит, когда он смотрит сквозь неё, как на пустое место... поэтому так и поступает.

Гриз давит глупое желание пойти за ними. Накостылять Нэйшу кнутом, самой уйти на вызов в земли Крайтоса, принадлежащие Драккантам. Поболтать с Фрезой в «поплавке».

разобраться с делами питомника. Гриз возвращается через двор, полный настороженных зверей, к костистому замку, укутанному в грязно-серую шаль. Вступает внутрь, уже привычно кивнув наёмникам у входа. И бредёт, не зажигая фонарь, к портретной галерее, которая властвует над замком.

Один вход, один выход — и длинное пространство, заполненное портретами Линешентов. Эпохи и платья — наперечёт. Гордо красуются геральдионы на руках у... скольких там поколений? Почти две дюжины портретов с одной и с другой стороны, а дальше — поздние, без геральдионов, и совсем уже потемневшие... И посреди портретов — дверь. В глубокой нише. Незапертая — Гриз чуть приоткрывает её и видит ступеньки.

— Исследуете замок по ночам, милочка?

Среднего сына Линешентов зовут Этрианом. Ему лет сорок — и на лице у него отчаянная попытка выглядеть на свой возраст. Пудра и грим, помада в волосах и обведённые, чтобы казаться более полными, губы. Дорогая булавка торчит в сюртуке — напоказ.

— Простите. Рассматривала вот портреты. Я не знаток живописи, но они просто... завораживают.

Завораживают — своей непонятностью. Что-то, что не желает оформляться в образы и слова и только настойчиво царапает там, изнутри...

— А там, внизу — продолжение галереи?

— Вы, видно, совсем не знаете, как устроены родовые гнёзда, — на лице у Этриана Линешента — радушная светская улыбочка. Глаза с ней не вяжутся, как и со всем остальным.

Опасные глаза игрока.

— Там внизу — Церемониальный зал. Обрядовый, их всегда делают под дворцами. Чтобы, знаете ли, они были словно фундаментами. Хотите взглянуть? В подвал вход открыт, а сам зал может открыть только Линешент.

В буровато-карих глазах, как в трясине прячется — опасность. И часовые во внутренней крепости привычно бьют тревогу — когда Гриз вежливо качает головой.

— Простите, это было бы уже вторжением в дела Рода. Я и так позволила себе лишнее. Я здесь не гостья — меня наняли для дела.

— Ах да, действительно, бедолага Орэйг. Реликвия нашего рода, во всех поколениях, — и широким жестом обводит картинную галерею. — Но знаете, мне нетрудно проявить особенное гостеприимство... особенно если гостья такая очаровательная.

Он уже подошёл слишком близко для обычного разговора — заслонил галерею своим лицом. Слишком многозубой улыбкой.

— Вам интересны тайны моего рода? Я многое могу о них рассказать. Можем спуститься в Обрядовый зал, милочка. Или пойти к вам в комнату. Или мы можем даже... здесь...

Он тянет её на себя уже решительно, пытается дотянуться губами до шеи, рывком обвивает за талию. И забывает дыхание духами — что-то яркое, цитрусовое, молодое. Дикое здесь, среди болот и туманов.

— Господин Линешент, а вам не кажется, что это как-то недостойно аристократа?

— Ну, вам же платят за услуги — так и оказывайте услуги, — мурлычет Этриан, не теряя гостеприимной, располагающей улыбки. — Я же один из ваших нанимателей, а? Так что в ваших интересах — чтобы я был удовлетворён. А я пока что совсем не удовлетворён тем, как вы тут шастаете... так что будьте попокладистее.

Гриз уворачивается от мокрого поцелуя в шею. Морщится брезгливо, отводит в сторону руку Линешента, которая тянется к груди.

— Что, если нет?

— Не будь же дурочкой, — бормочет Линешент, прижимая её к стене и к одному из портретов — рама больно впечатывается в поясницу. — Ты в моём замке, я — аристократ первого круга, а ты просто грязь, девка-варг из питомника, еще и из Вейгорда, да тебе порадоваться надо, что я...

— Пытаетесь влезть ко мне под юбку? — предполагает Гриз, когда Линешент слегка тонет в её голубом подоле. Аристократ тяжело дышит, замечает, что она больше не сопротивляется, и выдаёт с удовольствием:

— Ну вот, так-то луч... — и тут же: — Это что, штаны?!

Пока средний из наследников Рода Линешент стоит, слегка выпучив глаза, его рука продолжает путешествие вверх. По штанине, то есть от колена по бедру.

Три секунды, невнятный хрип, а потом Этриан шарахается подальше, хватаясь за занемевшую руку.

Гриз чуть наклоняется и интересуется вполне в традициях Лайла Гроски:

— Ой, не обожглись? Подхватила какую-то заразу от мантикоры, знаете ли. Теперь вот по ночам такая дрянь отрастает. Это хорошо, что вы дальше не полезли, господин Линешент, а то бы еще годик лечились.

Не говорить же ему, что кнут из кожи скортокса приходится таскать на поясе, под подолом. С сумочкой ходить неудобно.

— Мразь... варжеская, — шипит аристократ, держась за кисть. — Завтра же вас отсюда, так и знайте...

— Поставите здоровье фамильной драгоценности против вашей руки? — Линешент отступает на шаг. — А как вы объясните, почему с нами надо расторгнуть договор — вот так прямо и расскажете — где получили... кхм... ранение? Да не беспокойтесь, пройдет скоро. Но могут быть последствия для потенции, так что... знаете, вы бы охладилки попили где-то месяцок. В ней как раз нужные компоненты.

Этр выскальзывает из галереи, держа руку наперевес и шипя под нос проклятия варгам, Гриз, мамаше и почему-то — младшему брату. Гриз остаётся отряхиваться от липкой пудры и приставучего цитрусого одеколona.

Линешенты с портретов взирают с величественным отвращением. Сверху вниз. Ты грязь, говорят их взгляды. Девчонка-варг, которая вздумала, что можешь пугаться в наших делах. Взгляни — наша история проросла в Кайетту корнями. Мы — это Кайетта. И у каждого из нас на руках фамильная драгоценность.

Белые, пушистые геральдионы — на двадцати с лишним портретах. Гриз стоит, вглядываясь — а они смотрят на неё. С розовыми носиками, фиолетовыми глазками, аккуратными мордочками. В драгоценных ошейниках, с ленточками, на плечах у хозяев, на руках у хозяев, на подушечке рядом, лежа, сидя, стоя, вытянувшись во весь рост. Она смотрит, уже понимая, уже холодея — а они будто кружат вокруг неё, приплясывая на мягких лапках, взмахивая такими похожими хвостами... Геральдионы, геральдионы...

Геральдион.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Грызи врывается в комнату Орэйга Четырнадцатого. Малость растрепанная, почему-то воняющая померанцевыми мужскими духами. С горящими глазами и указующим на геральдиона перстом.

— Это фамильяр Рода.

Орэйг Четырнадцатый недоуменно гадит в лоток. Глядя невинными фиолетовыми глазками.

— Невозможно, — выдыхает Рыцарь Морковка. Очень ожидаемо.

Грызи растрепывает волосы и запускает в них пальцы.

— На портретах в галерее — один и тот же геральдион. Вот этот. Мы не всматривались раньше, да и разные позы... украшения.

— Но если они потомки одного и того же...

Грызи цыкает на Морковку так, что дохлый геральдион-фамильяр забывает звякнуть возвестить в колокольчик о том, что закончил дело.

— Не бывает полностью одинаковых потомков, уж вы мне поверьте. Либо геральдиона перерисовывали с портрета на портрет. Либо это один и тот же, вот этот. Орэйг Первый.

— Погоди-ка, ему... что же, четыре века?!

Про фамильяров Рода я помню чуть больше, чем ни шнырка. Это было где-то в энциклопедиях и учебниках, на страницах которых я от скуки пыталась вырезать. Надежда на Рыцаря Морковку, но он тарашится на Грызи и объяснять ничего не намерен. Потому объясняет она сама:

— Я мало знаю об этой практике, но слышала о ней. В основном о том, почему эту практику запретили. Древние аристократы рассчитывали, что животное обретет бессмертие, станет хранителем рода, его магической реликвией. И после обряда сотворения фамильяра они делились с ним физической и магической силой. Подкармливали за счет совокупных сил Рода. Причём, этой практике куда больше лет, чем геральдионам, она началась задолго до появления даже тхиоров — короли и аристократы такое практиковали с единорогами, алапардами, марлинами... словом, со всеми геральдическими, кроме фениксов, которые и так живут долго. Только вот с каждым годом на такую подкормку Род начинал тратить всё больше сил. Потому что это противоестественно — поддерживать жизнь или видимость жизни в том, что годы назад должен был умереть. Заканчивалось это плохо, потому лет шестьсот назад создание фамильяров было запрещено.

Грызи задумчиво смотрит на Орэйга Единственного. Тот недоуменно моргает с расшитой подушечки.

— Жаль, не осталось сведений о том, приглашали ли варгов к таким существам. Теперь-то ясно, что животное всё же умирает во время обряда. Остаётся его видимость. Оболочка, которая поддерживает внешнюю иллюзию жизни. Тело ест, спит... потому что в этом его предназначение. А духа нет, вместо него... голод. Постоянное желание подпитки и... Мел, ты понимаешь?! Они связали Орэйга Первого с родом Линешентов столетия назад, когда ему пришел срок умирать. Не смогли отпустить реликвию. Создали фамильяра... и отдали себя ему. Свои силы, свою магию — воображаешь, сколько сил нужно, чтобы поддерживать существо, которому четыре сотни лет как надо умереть?! А с годами это всё только нарастало, и вот теперь... Он будто опутал их, он у них в крови, это поэтому они слышат его желания, недовольство... ловят приказы.

Грызи мечется по комнате, полыхая румянцем и сыпля всё новыми догадками. Я кошусь на фамильяра, который не просто сдох, а сдох четыре века назад.

Кормить собой того, кто должен был умереть... потому что это вроде как реликвия? Гербовое животное? Память о каком-то там величии? Четыре сотни лет?!

Даже для таких чокнутых на своей знатности, как Линешенты, это перебор.

Рыцарь Морковка думает так же, потому что говорит слабо:

— Невозможно... Нет, постойте, я не о том. Версия с фамильяром выглядит правдоподобной, даже... единственно возможной. Я просто... тоже думал об этом.

Грызи застревает посреди комнаты. Моя челюсть сейчас тоже где-нибудь застрянет.

— Вы об этом думали — и не сказали?

— Просто хотел проверить... я тут поговорил с главой Рода, и оказалось, что он помешан на реликвиях. Если у них такая одержимость передаётся из поколения в поколение, как нечто священное — то да, версия со Зверем Рода смотрится правильно. Я думал найти какие-нибудь подробности, но в библиотеке не оказалось книг по фамильярам, Да, Мелони, понимаю, что подозрительно. Сам я читал об этих обрядах ещё в библиотеке Драккантов, годы назад... Но это не может быть четырёхсотлетний фамильяр. Чисто... магически.

Морковка рдеет, но оказывается в своей стихии — книжной. Потому берёт себя в руки и соскальзывает на лекторский тон:

— Дело во влиянии фамилиаров на Род. Ухудшение здоровья, притупление магических способностей, трудности с зачатием детей, высокая смертность после родов... Короли древности были готовы принять даже эти симптомы — лишь бы сохранить свой оживший герб. Но выяснилось, что прежде всего фамильяр берёт силы от Главы Рода. И когда это стало известно — Шестая Кормчая издала эдикт, который поддержали все короли... А теперь вообразите — сколько энергии потребует фамильяр, которому четыреста лет!

Морковка приподнимается со своего места, и они с Грызи становятся прямо-таки похожими. Румянцем и блеском глаз.

— Понимаете?! Я смотрел семейные метрики, родовое древо... да, срок жизни у Глав Рода Линешент сокращался с годами, но ведь в любом случае Порест Линешент должен быть уже мёртв! Если только он каким-то образом не нашёл способ... Единый на небесах...

Морковка застывает с поражённым выражением лица. Мы с Грызи переглядываемся.

Это всё даже слишком ясно. Шестеро в болотах, ферма-приют, умирающий сын служанки — сводится к единому. К единой крови.

— Бастарды, — выплёвываю я. — Как они это проворачивают?

— Формальное включение в Род, он же сам обмолвился, — бормочет Морковка, вцепляясь в волосы. — Это обряд, может проводиться не только при кровном родстве, но тут, видно, нужно кровное... Они... они...

— Готовят пищу для этой твари, — пронзительно-спокойным голосом говорит Грызи. — Заводят любовниц, отнимают у них детей. Может, обещают их обучить в частном пансионе, пристроить... обеспечить будущее. В пансионе заботливо оберегают — им же нужен здоровый человек, чтобы надолго хватило... По достижению... совершеннолетия, да, господин Олкест? Приводят их сюда, проводят этот обряд и каким-то образом переключают геральдиона на новую жертву. Шестеро одной крови в болотах... шесть умерших, почему так много?

Морковка потирает лоб.

— Не знаю... не могу сказать. Возможно, потому что они непризнанные... без вступления в брак, понимаете? Или обряд выполнен неверно. Тут может быть что угодно.

Единый... и получается, что они просто избавляются от тел?!

— Да, шестеро умерших за последние годы слуг могут вызвать вопросы... Если их, конечно, предавать воде в храме, как полагается. А так можно сказать что угодно: уволился, сбежал, не ладили. Искать их всё равно некому. Значит, официальных обрядов Проводов нет, магия не возвращается в землю или в воду... понятно, почему их Хаата почувствовала.

Грызи говорит быстро, глядя перед собой. На лице застыло то же желание, что у меня: как следует отходить эту семейку кнутом.

— Значит, и Деймок, сын служанки, тоже сын кого-то из Линешентов. Едва ли мальчику много осталось, раз эта тварь так голодна.

— Почему тогда они вообще вызвали нас? Если прекрасно знают, какого рода... болезнь у этого существа, они же видят, что он хочет добраться до мальчика... И почему...

— Нет.

Это уже я. Тоже встаю со стула.

— Наплевать на вопросы. Успеем прояснить. Нужно решать.

Грызи и Морковка ловят мой взгляд. Разом кивают.

На уме у нас одно.

Как покончить с этой поганью.

* * *

Ночь, болота, туман. Мы втроём заседаем в белой комнате, сплошь увитой зеленью. Заставленной цветами. Заполонённой робкими переливами тенн.

Четырёхсотлетний фамилляр безмятежно дрыхнет. Развалился на подушке и ухом не ведёт. Выглядит безобиднее Плаксы.

— Как мы эту дрянь убьём?

Морковка пялится на геральдиона с максимальным отвращением.

— Это разве не в компетенции вашего устранителя?

— Мясник занят сейчас. Убивает в других местах.

Грызи возится в камине, поправляя артефакт от прослушки.

— Если бы вызов Нэйша решал проблему... но я подозреваю, что убить фамильяра будет не так-то просто. Мелони, ты что?

Копаясь в сумке в поисках игл.

— Всё равно ж кровь хотела у него брать, если ничего не прояснится.

Орэйг Единственный даже не открывает глаза, когда подхожу к нему с иглой. Вряд ли эта тварь может ощущать угрозу. Раздвигаю шерсть на лапе. Геральдион дрыхнет.

Позади обмениваются колкостями Морковка и Грызи:

— А как насчёт этих ваших правил варгов? Я слышал, что у вас есть запрет на убийства и пролитие крови.

— Жаль, я не спрашивала у наставников общины, входит ли в понятие «не убивать» тварь, которая триста с лишним лет как уже... м-манतिकорья печёнка, так и думала.

Игла проходит через шерсть твари и упирается в кожу. И не движется дальше — её что-то отталкивает... и отталкивает...

Железная штука раскаляется в пальцах — приходится выпустить. Показалось, или кончик иголки фиолетовым засветился?

Дую на пальцы, берусь за метательный нож. Морковка привстаёт и успевает ещё

выдать: «Мелони, не на...»

Короткий тычок в бок твари. Слабый фиолетовый отсвет. Нож вырывается из рук как живой и брякается на пол у ног Его Светлости.

Оплавленный.

Чёртова тварь сонно приоткрывает глазки. И опять закрывает. Умилительно двигая носиком.

Берусь за атархэ.

— Мел, стой! — это уже Грызи. — Мы же не знаем, во что эта тварь переродилась. Похоже, там сгусток энергии под оболочкой. И что-то вроде механизма защиты. Даже если пробьёшь ему шкуру — он может начать тащить из Деймока... из мальчика ещё больше сил. Не навредить бы.

Надо было всё-таки позвать Мясника. Посмотреть, как он вокруг этой погани попрыгает.

— Яд его возьмёт?

— Это же нежить, — отрубает Грыз. — Магический перерожденец. Что его вообще возьмёт? Разве что... не знаю, каким-то способом изнутри взорвать. И то, не уверена, что уничтожение материальной оболочки решит проблему.

— Думаешь, восстановит?

— Или продолжит существовать в другом виде. Господин Олкест... господин Олкест, эй!

Его Светлость было рванулся меня останавливать, пока я тыкала Орэйгу в бок. Но сейчас просто осел и пялится в никуда.

— Господин Олкест, — Грызи щёлкает у него под носом пальцами, и Янист подскакивает на фут. — Как от них вообще избавлялись?

— Ч-что?

— От фамильяров же как-то избавлялись? Шестьсот лет назад их запретили создавать. Но ведь в то время у королевских семей и аристократов первого круга ещё оставались фамильяры? Они что, все вымерли вместе с родами?

— Я... что? Да, частично... — малой запускает пальцы в вихры и наводит на голове полный беспорядок. — После эдикта Кормчей, насколько я могу вспомнить, делалось так: когда Глава Рода умирал — наследник не принимал титул Главы год или два. В обезглавленном роде фамильяры не существуют, так что животное умирало. Но в королевских родах к этому нельзя было прибегнуть, значит... должен быть обряд...

— Что за он?

Морковка судорожно листает в памяти какие-то страницы.

— Если рассуждать логически... ведь фамильяр — просто животное, привязанное к роду обрядом? Значит, обязан быть обряд... кхм... отвязывания его от Рода. Ведь если его перестанут подпитывать силы Рода — он... уничтожится?

Хорошая идея. Если учесть, что Морковка явно помнит об этом обряде столько же, сколько Пухлик — о правильном питании.

— А как его проводить? И кто его проводит?

Его Светлость роется в своей внутренней библиотеке, но только руками разводит:

— Можно предположить, что Глава Рода. И наверняка есть ещё какие-то условия, вроде присутствия одного из наследников...

Ну да, сейчас Старик с его наследничками побегут избавляться от фамильяра. Эти твари

вместо этого завели целый пансион бастардов. На прокорм зверушке.

— Порест Линешент на это не пойдёт, — выдыхает Морковка. И ёжится. — Для него реликвии — высшая ценность.

— Есть способы.

Пара зелий, подчиняющих волю, например. Или просто припугнуть уродов, сказать, что нам всё известно? Да нет, они уже зашли настолько далеко, что попробуют и нас убрать.

Хотя мы же в Ирмелее. Тут же правят сплошные Закон с Мудростью пополам.

— Сдать их законникам, пусть разбираются. Трупы в болотах. Приют бастардов. Эта тварь неубиваемая. Им хватит.

Над этим Грызи задумывается серьёзно. Но тут прилетает со стороны Рыцаря Морковки:

— Нет.

Принцесска уже полыхает нешуточно — под нашими-то изумлёнными взглядами.

— Конечно, нам придётся сообщить во все инстанции. Но Линешенты — крайне уважаемый род. С огромными связями, даже в Ирмелее. А с учётом бюрократии и того, что ирмелейские власти не любят вмешивать Акантор... дело может очень сильно затянуться.

Грызи смотрит на Морковку с любопытством.

— Насколько затянуться?

— Годы. Опрос свидетелей, показания семьи, множество разрешений на обыски... А к знати первого уровня даже эликсиры правды не применяют. Линешенты, конечно, начнут тянуть время. Конечно, рано или поздно — всё выйдет наружу, только...

Только сын служанки Сооры умрёт. Может, и не он один.

— Понятно, — бормочет Грызи. — По возможности — надо бы вывести мальчика из-под удара, мать вот тоже забрать... до того, как привлечь законников. Расстояние может подействовать? Если мы их просто отсюда увезём?

Морковка таращится на Грызи круглыми глазами. Ну да, «эта невыносимая» говорит таким тоном, будто спереть обречённого бастарда из здешнего поместья — это так, легкотня. Из-под носа сородичей, одержимых голодным фамильяром.

Приходится мне подать голос:

— Если там кровный обряд — на любом расстоянии действовать должно. Как Полный Брачный.

Голубица со своим муженьком могли бы рассказать.

Грызи вскидывается, когда я упоминаю насчёт семейки «фениксов». Начинает расхаживать туда-сюда, пока я поглядываю на пушистую неубиваемую тварь. Вот же селезёнка грифонья — у этого Орэйга даже шерсть отросла там, где я её состригала.

У меня есть простое предложение. Как закончить всё это. Грохнуть Пореста Линешента, и дело с концом. Сделать так, чтобы никто из его деточек не принял титул Главы Рода. Как там говорил Морковка? В обезглавленных семьях фамильяр протянет не больше, чем год или два.

Гриз останавливается. Разворачивается к Морковке, который тоскливо листает фальшивую родословную Орэйга.

— Говорите, в местной библиотеке о фамильярах мало?

— Думаю, Линешенты изъяли эти книги, — выдыхает Морковка. — Во всяком случае, я искал несколько часов...

А мог бы — и несколько суток, я-то уж его знаю.

— Значит, не всех в семье посвятили в дела... Вряд ли они опасались гостей, — Грызи щёлкает пальцами. — Так. Информации слишком мало. В идеале надо бы нарыть побольше о самом обряде, о том, почему фамильяр вдруг начал беситься, и о том, как его можно от рода отвязать. Можно было бы, конечно, смотаться в Академию Таррахоры, но там могут быть проблемы с доступом. И я верно понимаю, что книг о таких штуках больше в частных коллекциях?

— Ну, в общем, да...

— И вы о фамильярах читали в имени Драккантов?

Морковка смотрит на меня так, будто сейчас заслонится стулом. Потому же я, вроде как, должна орать. Топать ногами и взрываться на месте.

Но я только с мрачным видом жму плечами.

В конце концов, мне-то это на руку.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Водный портал в поместье Драккантов был соединён только с северными охотничьими угодьями. Пришлось воспользоваться общим — за четверть мили от поместья, на перекрёстке дорог. Дальше к воротам Дракканте-касла можно было пройти по выездной дороге, Мелони решительно нырнула в рощу вековых тополей и зашагала напрямик.

Я шёл чуть позади и пытался отмахнуться от отвратительного образа перед глазами. Согнутый старик с тростью — главный из Линешентов, тот, что скармливает собственных потомков древней реликвии. Хихиканье в ушах.

«Возьмите эту свою невесту в её родовое поместье... покажите ей реликвию рода, напомните о её истинном предназначении — потому что ничего не может быть ценнее того, что завещали нам предки!»

Нет, спорил я с невидимым Линешентом. Есть то, что стократ ценнее. Чистоты крови и реликвий. Памяти и чего угодно.

Жизнь. Свобода. Возможность чувствовать себя счастливым. Цельным.

«Но ты же хотел привести её сюда, — ухмылялся Линешент в моем воображении — и упорно не желал уходить. — Разве не чтобы напомнить ей — вот твоё место? Не чтобы указать — насколько она выше всех, кто её окружает?»

Нет, — мотал я головой. Я хотел напомнить ей о другом. О доме, от которого она отказалась. О прошлом, от которого отвернулась. О части её самой, которую она зачем-то — выбросила и забыла.

«Олкест, воспитанник Драккантов, — щерился жутковатый призрак старика. — А не сам ли ты хочешь вернуться в это самое прошлое и в этот самый дом?»

Может быть — всё вместе, — молчал я, глядя, как впереди за высокой оградой воздвигается замок Драккантов — поросший мхом древний великан, выставивший над землёй исполинские плечи и голову.

Пройти по мрачноватому парку среди седых причудливых изваяний. Разжечь гигантские пасти каминов. Вернуться к чему-то незыблемому, чтобы — оттолкнуться от него как от опоры и принимать потом верные решения.

Мелони остановилась. Подняла ладонь с Печатью, повела головой... прислушиваясь? Принюхиваясь? Она что, использует Дар? Но ведь до замка осталась четверть мили, он уже виден, и...

— Подожди меня там, — Ткнула пальцем в сторону замка Драккантов. — Буду через пару-тройку часов. Дело.

И не взглянув на меня больше, устремилась на северо-запад — так, будто намеревалась обойти поместье слева.

Вот почему она так легко согласилась поехать. У неё здесь какие-то свои планы, и если судить по Печати — она ищет кого-то...

— Мелони? Ты куда? Какое дело? Арделл же сказала... да подожди же ты!

Рукав из моих пальцев она тут же вырвала, развернулась на пятках и ткнула меня пальцем в грудь.

— Тебе вода в уши попала? Дело. Моё. Не твоё. Ты под ногами будешь путаться. Так что давай в поместье. Скоро приду.

И ускорила, и мне тоже пришлось прибавить шаг. Огибать шершавые, седые от мха стволы тополей и изо всех сил стараться не потерять её... опять.

— Арделл об этом не знает? Что ты ищешь? Мелони! — я сделал пару скачков и перегородил ей дорогу. — Я могу хотя бы узнать? Пожалуйста.

Наречённая закатила глаза и бросила сквозь зубы пару слов про гибрид морковки с репьем.

— Тут возле Белобочья керберы повадились нападать на местных. Выводок, скорее всего. Деревенские вызвали Мясника.

И что ей сказать на это? Что это разумно? Я был далёк от симпатии к господину Нэйшу, но ведь это же его работа, устранять опасных зверей.

— Но ведь если там людоеды...

— Да какие людоеды? — это она крикнула в голос. Подлетела ко мне, схватила за отвороты куртки, зашептала яростно: — Да у них тут наверняка логово и детёныши, а эти придурки из деревни или капканов наставили, или всю дичь перебили, или кого из мелкоты обидели. Там жертв-то среди людей пара-тройка. А Мясник, думаешь, будет разбираться? Он их до одного положит, если я не успею раньше!

— Успеешь рань...

Единый и его ангелы... она собирается опередить устранителя. Опередить! Найти кербера... керберов... или логово. Что потом? Наверняка усыпить, вызвать Фрезу.

— Мясник тут с ночи, но они с Пухлым завязнут в деревне. Пока всех опросят... да они о зверях не знают ни шнырка. И местности не знают, а я знаю, и где раньше жили керберы — знаю, а сейчас они точно ещё ближе к замку перебрались — тут вон следы и метки свежие на деревьях. Я найду быстрее, ясно?

— А как же Деймок? Наше задание и наш поиск в библиотеке? Мальчик же может умереть, если мы не...

— Так пойдёшь и постарайся, чтоб не умер.

Мне захотелось тоже схватить её за отвороты куртки. Потрясти как следует, крикнуть в лицо: «А ты? Не хочешь сделать так, чтобы он не умер? Или что — жизни заслуживают только керберы-людоеды?!»

— Ты сама знаешь, что без тебя мне не пройти в библиотеку.

Так же, как в реликварий, ритуальный зал, приёмный зал, сокровищницу и все основные помещения. Я лишь воспитанник Драккантов — не один из Рода. Замок на «магической консервации» — и меня не пропустят внутрь.

— Значит, подожди, я ж сказала. Грызи нам дала весь день на разборки.

Почему-то грудь саднила так, будто Мелони меня всё-таки ударила.

Пропорола чем-то ржавым и тяжким — насквозь.

Она, видно, почувствовала вину или смущение, потому что сердито дёрнула головой, спрятала взгляд. Повторила упрямо:

— Всё, хватит мешаться. Хочешь — вызывай Грызи. Но я найду их быстрее, понятно?

Единый, хоть бы мальчику там не стало хуже. Но ты же знаешь — я всё равно не смог бы её бросить.

— Мы найдём.

— Да на кой чёрт мне там...

— Или можешь меня усыплять. Ты собралась мало того что спасти керберов, так спасти их от...

Две девятницы рядом с Рихардом Нэйшем вполне достаточно для выразительного молчания, за которым бездна эпитетов.

— ...в общем, просто уже скажи, что мне делать.

Мелони бросила на меня хмурый и выразительный взгляд.

— Помимо «заткнуться и держаться с подветренной стороны», — уточнил я.

Наречённая коротко дернула ртом и пробормотала раздражённо:

— Не швырять в керберов ботинки, перешла на лёгкую рысцу — и вслед за ней я тоже отвернулся от поместья Драккантов, глотнул сырой осенний воздух и нырнул в тополиные хоромы.

Холодный воздух обдавал горящие щёки — здесь, в Крайтосе Северном, бывшей вотчине Ледяной Девы и Дарителя Огня, всё же было прохладнее, чем в Ирмелее. Листья похрустывали под ногами — серебро на золоте, утренняя изморозь... изо рта клубами рвался пар, и хорошо ещё, что приходилось бежать — потому что я не успевал замёрзнуть.

Мелони обозначила маршрут на ходу: «Сейчас к речке, потом в лес, пещеры помнишь?» Я помнил: в глубине соснового леса прятались гористые холмы, поросшие кустами и деревьями. И в детстве мы любили влезать на валуны и исследовать пещеры при свете факелов — воображая себя то спасителями животных, то пиратами-разведчиками (смотря во что играли). Но в моей памяти пещеры пустовали. Там можно было встретить разве что ежей да куниц.

— Дохлая магия, — это было второе, что сказала Мел. Ткнула пальцем в сторону поместья Драккантов. — Бести такое любят. Часто селятся у старых родовых гнёзд. Особенно если они на магической сохранке и под куполом. Мясник это вряд ли знает.

Больше она не сказала ни слова до речки — серо-стальной, неширокой и неприветливой Морлы, на берегах которой, словно сторожевые леса стояли когда-то два дуба-близнеца.

Один и теперь стоял — только высох наполовину. Тело второго, разорванное в середине молнией, валялось у подножия его брата.

Здесь были следы. Сожжённые листья и взрытая почва. Ключки шерсти и засохшие капли крови.

Мел закружила, распутывая следы, и то что она видела, — ей очень не нравилось. Между бровей проступила складка, зубы стиснуты... показалось или нет, что она шепнула что-то... «ителла». Махнула — отойди прочь, Рыцарь Морковка, разобраться надо. Вновь закружилась по поляне, держа Печать наготове.

Коротко, резко выдохнула и обронила, пиная что-то в пожухшей траве:

— Уцеп.

Я подошёл. Вместе мы смотрели на магического паразита: мерзкую тварь размером с кулак здорового мужчины, закованную в блекло-розовый панцирь, вооружённую присосками, мощными челюстями, гибким хвостом с жалом...

Тварь была мертва. Раздувшаяся — наверное, пролежала здесь не один день.

— Я-то думал, они не живут на севере.

Мелони смотрела на мерзкую тварь со скорбью и как будто с предчувствием. Пошевелилась и бросила сипло:

— Около старых поместий, бывает, живут. Дохлая магия. Ладно, давай дальше в лес, к пещерам.

В лесу пропалин тоже было полно. Иногда я различал следы — то крупные, то мельче. Временами читал на серебристой коре сосен следы челюстей и когтей... А пару раз в

стороне попадались поляны, по которым как будто кто-то катался — а может, на них кто-то боролся, как на той, возле реки. Мелони не обращала на них внимания.

Суховатый напев высоких сосен. Седые мхи, брусничные поляны. Высохший черничник напололам с давно отцветшим вереском. Осколки валунов и скал, будто раскиданные неведомыми героями. Упрятанные в лишайники ручьи, и возле них — канавы, из которых несётся сытный грибной дух.

Памятные с детства места. Может быть, стоит захотеть — и я вновь увижу её. Девочку, с хохотом швыряющуюся в меня шишками: «Получи, Морковка!» Девочку, вечно убегающую из замка в окрестные леса, чтобы досыта надышаться воздухом и насмотреться на зверей.

Но её нет, правда ведь? Есть эта — спасающая керберов, когда умирают люди. Более одержимая животными, чем варг.

Девочка из памяти просто привиделась мне там, в долине благословенного элейса... а может, той, которую я представлял себе и не было вовсе.

Что оставалось теперь? Всё равно идти за той, с кем нас как-то сковала судьба.

Отбрасывать сомнения, как ветки с пути. Попутно представлять, с чем мы можем столкнуться: керберы живут стаями, но во время размножения — разделяются на пары... У керберов, из зверинца Драккантов, детёныши к осени уже могли сами охотиться, но у огнедышащих же может быть иначе: они крупнее, но осторожнее, дольше выбирают себе пару... Две или три головы, четырехглавые — редки. Мирные, но осторожные. Легко приручаемые, особенно если дрессировать щенков. Первыми не нападают, но если защищают щенят или территорию, особенно если огнедышащие...

За время пребывания в питомнике я не слышал ничего из того, что могло объяснить вот это. Вытопанные грибные поляны. Пламя. Крупные клочья бурой шерсти на кустах.

Мелони постепенно замедляла шаг. Подняла ладонь — внимание, не шуметь. От вира мы прошли миль пять, а от поляны с дубами — около трёх. Но теперь вот не шли — крались, стелились, стараясь почти не дышать. Беззвучно перешагивая поваленные стволы, щемясь сквозь кустарник, обтекая пни...

Мелони совсем остановилась и прижала палец к губам. Сделала шаг влево, приподнимаясь на цыпочки, чтобы что-то рассмотреть. Медленно двигая ноги, словно перетекая с места на место — пошла, огибая что-то невидимое.

Шла к почтенному валуну, ростом едва ли не выше её самой. У валуна огляделась, размяла пальцы и беззвучно взметнулась вверх — будто чёрная пичужка или дух леса. С сомнением взглянула на меня со своего постамента.

К счастью, на валуне было, за что уцепиться — но почтенный старикан оказался слишком влажным, я едва постыдно не сполз на землю, и последний рывок мне помогла сделать Мелони.

— Гляди, — шепнула одними губами, указывая куда-то между туда, где за соснами виднелись невысокие холмики с ходами в них — большими и маленькими.

До пещер было не меньше ста шагов, и из-за водных капель, стволов, клубов собственного дыхания — я едва мог их рассмотреть. И уж совсем не мог понять, на что указывает Мел: вот мелькнуло как будто что-то красное... или бурое?

Наверное, это был кербер — вроде бы, просто лежал. А может, затаился у логова. Ветер донес то ли храп, то ли рычанье. Только вот я думал, что керберы в основном темного окраса, а между деревьями мелькали алые полосы. Может, он в крови? Ранен?

Мелони сделала короткий жест — уходим. Бесшумно соскользнула с валуна — и я

заметил, что лицо у неё бледно, губы сжаты до боли, скулы заострились... Прочитал по лицу — что не следует её спрашивать. Что там, у логова, затаилось что-то страшное, что смог рассмотреть взгляд Следопыта.

Оставалось следовать за ней обратно. Ступать как можно тише да смахивать с волос печальные капли — слёзы Глубинницы Морвилы, падающие с листов.

Море приходит на землю в печальные осенние дни — это та, что так редко покидает свою обитель стремится прийти на встречу к супругу, хотя бы дождем...

Она молчала всё время, пока мы выходили из лесу, только шаркала ногами, распиная опавшие на тропу листья. На опушке медленно осмотрелась, добрела до поваленного дуба-близнеца. Уселась.

Чёрные волосы казались мокрыми перьями — встрёпанными, с такими не полетишь.

— Вызывай.

— Кого?

— Королеву Ракканта, мантикора её жри! — голос у неё сломался в крике. — Вызывай Мясника!

За две девятницы я уже привык к прозвищам, которыми Мелони в изобилии награждала всех вокруг. Но тут решил, что ослышался.

— Нэйша?!

— Не, деревенского, из мясной лавки! Принеси уже пользу. Скажешь — мы у старой пристани. Дальше сам разберётся.

— Но... подожди. Мы же сюда именно за тем... предупредить его, не дать ему... ты же сказала, другой выход...

Мелони отвернулась и принялась водить лезвием ножа по изъеденной коре второго дуба.

— Это «лысое бешенство». *Морровителла* на языке нойя. Уцепы часто переносят, или там при укусе... через кровь ещё вот. И первые признаки — язвы, полосы по шкуре, потом шерсть выпадает. Вылечить нельзя. Вообще нельзя. То, что он нас не услышал и не учуял — это от боли чувства притупились. А так бы кинулся и загрыз: он ещё... долго сможет жить, и хотеть будет только терзать и убивать. Всех вокруг. Ему всё равно — варг, не варг, добра ему мы хотим, нет... Сделать нельзя ничего. Совсем ничего.

— Но разве нельзя как-нибудь более милосерд...

— Это — и есть более! — прошипела она, глубоко вгоняя клинок в древесную плоть. — Его не возьмёт снотворное, его сейчас ничего не берёт, любой, даже мощный яд — только мучительная агония. Будет хотя бы... с одного раза. Зверь пока в логове, уйдёт оттуда — такое начнётся... вызывай, кому сказано!

— Но ведь детёныши...

Мелони хватило одного взгляда — до краёв полным болью и яростью. Я умолк, сообразив, что детёныши наверняка заражены тоже. Отвернулся к речке, доставая из куртки сквозник.

Когда устранитель отозвался — его лица не было в речной воде. Только сама вода медленно наливалась алым — словно по ту сторону сквозника в неё падали капли крови.

— Слушаю.

С моей стороны в воду падали капли слов. Замёрзшие, неуверенные. Я не отрывал взгляда от Мелони, пока сообщал это всё: самец кербера, бешенство, мы на поляне у реки, семь миль от селения, на юго-восток.

Хотелось обнять её. Закрыть и защитить от проклятого чувства поражения... от невозможности помочь. И ответ Нэйша («Буду через час») я выслушал рассеянно и равнодушно — только плеснул ладонью по воде, прерывая связь.

Наверное, мы могли бы уже идти. И уж тем более — нам незачем было общаться с этим типом — но дама моя так и застыла, сторбившись, на бревне, словно полностью от всего отрешившись. Она не отвечала мне и не заговаривала сама — и я сдался, сел рядом и принялся глядеть, как несутся над речной водой сорвавшиеся с веток листья — будто разноцветные мотыльки.

Появление устранителя я отследил по тому, как напряглась Мелони. Выпрямилась и зажала в правой ладони нож.

А через минуту Нэйш вынырнул из-за ближайшего холма в отличном настроении: лёгкая сумка на боку, маск-плащ небрежно наброшен на одно плечо, волосы тщательно зализаны назад. То ли богатый коллекционер, то ли заезжий охотник... только вот плащ и частично — белый костюм под ним были замараны кровью.

— Мелони. Господин Олкест.

— Выглядишь под стать профессии, — выщедила Мелони.

Нэйш коротко оглядел себя и укоризненно вздохнул.

— Ваш вызов сорвал меня с места. Как раз закончил с самкой: она немного покуролесила в деревне к западу. Собирался немного привести костюм в порядок, и тут вдруг сквозник... Думал, ты избегаешь владений Драккантов, Мелони, — неужели мы скоро увидим возрождение древнего рода?

Глумливая улыбочка явно была адресована нам обоим, и мне невольно вспомнились характеристики, которые Гроски давал утром самого первого моего дня: «Этот тип в белом, которого хочется придушить за улыбку — Рихард Нэйш, местный устранитель. Будь уверен, узнаешь его получше — и тебе захочется его не только придушить».

— Господин Нэйш, вы сюда прибыли изощряться в остроумии? Или, может, займётесь делом, ради которого мы вас и вызвали?

Устранитель улыбнулся чуть шире (со светло-голубыми, немигающими глазами — производило на редкость отталкивающее впечатление).

— Какие-нибудь детали?

— Двухголовый, вторая стадия, — монотонно выдала Мелони. — Три с половиной мили на северо-восток по лесу. Найдешь по следам. Сделай быстро.

Нэйш только хмыкнул, как бы говоря, что последняя фраза была лишней.

— Ещё что-то?

— Там логово.

— Можешь не волноваться и о выводке тоже. Или ты имела в виду что-то другое, Мелони? Я должен кого-то оставить? Стоит лишь попросить. Всегда рад исполнить небольшую просьбу коллеги.

— Пошёл ты, — выжала из себя Мелони. Грудь у неё ходила ходуном, а пальцы отпустили рукоять ножа, но стало только хуже: атархэ начал медленно подниматься в воздух.

В желудке сворачивалось что-то огромное и скользкое, а выше, в груди, полыхало, и лицо загорелось тоже (ну вот, опять Рыцарь Морковка!). Нэйш посмотрел и на меня — явно забавляясь моим видом и ожидая, когда я начну защищать наречённую...

Ровный тон был подвигом. Каждое слово — шагом по раскалённому лезвию.

— Господин устраниватель. Вы... всегда рады исполнить просьбу коллеги, да? У меня к вам просьба. Не могли бы вы, *пожалуйста*, приступить к своим обязанностям прямо сейчас? Если, конечно, вы узнали, что хотели. И, *будьте так любезны*... если в логове незаражённые детёныши... *сделайте милость* и оставьте их в живых. *Покорнейше прошу*, не могли бы вы оказать нам такую честь?

Несколько секунд Нэйш смотрел на меня из полуприкрытых век — смакуя то ли моё выражение лица, то ли тон. Потом откликнулся благодушно:

— Сделаю, что смогу.

Кивнул на прощание, накинул маск-плащ и скрылся между деревьями.

Мелони разжала кулак, и атархэ упал на землю.

— «Покорнейше прошу»? Ты б ему ещё ботинок облобызал.

Я спустился к реке — нужно было поплескаться в лицо водой.

Если сплетни вольерных и Изы не врут насчёт отношений Арделл и этого Нэйша... тс это немало говорит о главе питомника. Нужно будет сказать Мелони...

— Зря ты так, — выдохнула она, когда я вернулся. — Мяснику просто куражиться нравится. Проси не проси — всё равно всех выкосит. А потом посмотрит на то, как тебя будет от этого корёжить. «Ах-ах, я сделал что мог», всё в таком духе. Скотина последняя. Вроде Подонка Оттона.

Худшее оскорбление в лице Мелони.

— Не могу не согласиться, — мрачно откликнулся я.

Ясно, почему Мелони так спешила опередить этого типа. Всё равно, что вызволить животное из когтей у смерти. И я понимал — почему она так и продолжает молчать, и ждать, и не двигаться с места.

Это была последняя дань. Прощание и провожание. Скорбь, как над чем-то дорогим. Я так и не решился прервать это молчаливое бдение ещё раз — только разделял, сидя в нескольких шагах от своей наречённой.

До тех пор, пока между деревьев (сколько времени прошло? Ещё час? Чуть больше?) вновь не замелькал белый костюм. Забрызганный кровью чуть более густо.

Плащ Нэйш снял и сложил и теперь выступал неторопливо. С удовлетворённым выражением на лице. Коротко взглянул в нашу сторону и сперва свернул к реке — ополоснуть носовой платок, тоже весь в крови. И замыть пятна с костюма.

— Быстро, безболезненно, — донёсся его голос над водой. — Вчерашней жертве повезло не так. Насколько я понял из расспросов жителей — кербер принялся поедать мужчину живым и не торопился с этим занятием. Дело было под самой оградой, так что крики жертвы слышали чуть ли не все односельчане. В том числе семья... четверо детей, представляешь. Младшему шесть. Час с лишним, пока его отец умер от потери крови...

— Выводок положил весь? — хрипло перебила Мел.

Нэйш обернулся, продолжая неспешно отирать кровь с белой ткани.

— Двух из трёх. У третьей не было признаков заражения. Правда, в логове лежали человеческие кости, так что детёныши едва ли не с рождения — людоеды. «Человек — это еда», очаровательный кодекс для зверя в питомнике. Но это же неважно, да, Мелони?

Моя наречённая подскочила на ноги, покачнувшись от спешки.

— Ты... оставил её там?

— Разумеется. Маленькая просьба коллеги, — он подарил мне белозубую улыбку, отживая и встряхивая носовой платок. — Тебе придётся поторопиться: в лесу немало

падальщиков, да ещё уцепы. Впрочем, если тебе вдруг не хочется возиться с детенышем людоеда — мне несложно вернуться и закончить дело.

Мелони... я даже не смог отследить это взглядом. Потому что мучительно ожидал, когда она метнёт нож в проклятого устранителя — и решал, стоит ли мне её останавливать. Но она рванулась к лесу, послав Нэйша на ходу так... в общем, это я отследить тоже не смог.

Только спохватился запоздало и бросился за ней. Услышав позади негромкое:

— С вашей стороны было так мило помочь мне на охоте.

Учитель Найго говорил, что Единый любит все свои творения — и мы, его последователи, тоже должны обрести себя в любви ко всем. Но как можно любить... ладно, как можно относиться хотя бы без отвращения к этому типу — я не представлял себе. Низменнейший из подонков человеческих — не припоминаю, из какой этой книги, но там об этом говорил встретившийся герою странник. О тех, кто пытается обрести себя в чужой боли. Кто находит в боли и страданиях других удовольствие. Для тех, — говорил странник, — заказан путь в милосердие, и бездна уже стоит за ними...

Как только с устранителем ладит Гроски? Когда я задал Гроски прямой вопрос насчёт напарника, тот выдал:

— В основном пиво. И перед сном я представляю, как душу его подушкой.

Кажется, мне придётся познавать разницу между тёмным выдержанным и светлым лёгким, — подумал я, задыхаясь от темпа, который взяла Мелони. Или же тренировать воображение.

Через мило я пошатнулся и сбавил шаг. Кусты зашуршали, но высунулась из них раздражённая Мелони.

— Что, ножки ослабли?

— Сейчас... фух... ф-ф-фух... — Невыносимая Арделл, оказывается, не зря спрашивала Гроски — как я бегаю. — Почему этот тип выполнил просьбу?

Мелони вскинулась нетерпеливо, потирая шрам на виске.

— А что, непонятно? Кинул детёныша в логове одного. Не успеет — сожрут уцепы, лисы, змеи... скрогги. Шуточка в его духе. Ну, отдышался?

Перед тем, как опять перейти на бег, Мелони выбросила через зубы последнее:

— А если успеет — хочет посмотреть, как я буду мучиться с детёнышем людоеда, — и это вышибло из моих лёгких даже тот воздух, который я успел туда запихнуть. От кого же я успел это услышать? О том, что если животное в детстве успело попробовать мяса человека — оно до конца жизни будет считать человека едой, и даже внушение варга едва ли...

К подножию пологого, заросшего лесом холма мы вылетели как-то вдруг. И первым, что я увидел — был кербер: огромный, двухголовый, лежащий на боку. Когда-то он был серым, а теперь частично — лыс, частично — в странных огненных полосах. Трава вокруг была сожжена, кусты тоже. Почва — разрыта, камни и кости разбросаны и изгрызены: кербер бесился у своего же логова. При нашем приближении с туши вспорхнули два скрогга и одинокий ворон. Мелькнула пыльная шкурка лисицы: та метнулась прочь от широкого лаза пещеры.

Из пещеры нёсся тоненький, жалобный скулёж.

Мелони кинулась внутрь, даже не открывая фонарь. Я замешкался, пока доставал фонарь из сумки, сдвигал заслонку... И успел осветить логово лишь мельком: резкий запах, груды костей... череп. Два щенка вытянулись, в глубине — наверное, пытались отползти подальше. Третьего Мел сразу же схватила на руки и выпрыгнула на воздух.

— Оставил... среди трупов, скотина, — услышал я шепот. — Тихо, тихо маленькая, хорошо, что ты никуда не ушла, ну, не плачь, не плачь, всё кончилось... Так, кровь надо оттереть, Морковка, ну-ка из фляги мне полей... тише, тише, кусаться не надо, вот мы тебя закутаем сейчас... нет заражения, но надо бы зельями срочно обработать... умница, умница, ну вот, тихонько... Так, мне нужно срочно молоко, мяса бы сырого, вода тёплая, стандартный набор зелий... до вира... нет, долго до вира. Морковка, в поместье это найдётся?

...иногда Единый делает наши пути проще.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

— Я верю вам, — говорит Джиорел Линешент.

Младшему сыну Главы Рода едва ли больше тридцати, но выглядит он старше. Надо лбом — ранние залысины, лицо с мелкими чертами, красноватые от бессонных ночей глаза.

И слишком быстрое «Я верю вам» для того, кому только что рассказали историю о четырехсотлетнем фамильяре, приюте-ферме по выращиванию бастардов рода и шести мёртвых единокровных братьях в трясине.

— Я пытался разобраться сам, — он потирает усталое лицо. — Знаете, мне всегда казалось, что этот замок, болота... пьют жизнь из нас всех. Так что я старался больше времени проводить у бабушки по материнской линии. А в родовой замок навещался редко из-за... назовем это непониманием с родными. Так что я иногда здесь не был годами — но постепенно начал понимать, что не болота выпивают жизнь из нашего рода. Потом... сменяющиеся слуги... один или два так точно были похожи на отца. Конечно, у меня мелькала мысль о фамильяре, просто это всё не связывалось. И я подумал, может, вы разберётесь.

— Вы предложили позвать сюда варга?

— Когда приехал на семейное сборище, — усмехается Джиорел. — Незыблемая традиция общего сбора — во дни Величия Рода. Всех не особенно волновало, когда я раньше пропускал эти дни. Теперь вот настойчиво приглашают, потому что... словом, это касается денег. Так вот, мы приехали с Мелейей — и начались сны, а потом еще отец и старший брат начали твердить, что Орэйг болен. И я предложил это матери, она меня хоть немного слушает. Сказал, что вам можно доверять. Она это просто по-своему поняла. Но я... наводил о вас справки, госпожа Арделл. Я знаю, что вы честный человек. Что в вас нет благоговения перед происхождением. И что вы не остановитесь на полпути, если увидите, что творится неладное.

— Очень лестно, — говорит Гриз осторожно.

Сцепленные пальцы младшего Линешента чуть подрагивают. На правом мизинце — кольцо, такое же, как у жены, с распластавшим крыльями фениксом.

— Мне посоветовал обратиться к вам один друг. Дал вам самые лучшие характеристики. И когда они подтвердились...

— Не припомню, чтобы у меня было много знакомых в Союзном Ирмелее.

— Он не из Ирмелея. Мы с женой живем в...

— В Айлоре у меня знакомых ещё меньше.

Джиорел усмехается мягко, но имя своего друга называть не торопится. Взгляд прикован ко дворцу из красного дерева. И к родовому девизу на гербе.

— «Неизменны в древности», вот уж точно. Я отправлю Мелейю домой — думаете, там он... не достанет её?

— Сложно судить, но кажется, что с расстоянием влияние фамильяра на членов рода слабеет. Если уж у вас сны начались только после приезда. Однако что вы вообще намерены делать, господин Линеш...

— Джиорел, я же просил.

Между ними на полированной столешнице — фальшивая родословная Орэйга Единственного. В камине прогорает последнее полено — подпитывает амулет от прослушки. — Я как раз хотел спросить — что мне делать, госпожа Арделл?

— Гриз.

— Да... эта тварь уже убила шестерых, ведь шестерых же? Шестерых моих братьев... или племянников? Скоро убьёт седьмого. Бедная Соора, я даже помню, как она у нас появилась — еще совсем девочкой была... И эта дрянь пожирает мой род. А мои братья и отец собираются продолжать столько, сколько... им нужно. Убивая других моих братьев, из пансиона. Который, кстати, финансирую я. И мы не можем обратиться к законникам.

На виске младшего Линешента бьется жилка.

— Я знаю ирмелейские службы. Знаю, с каким уважением там относятся к фамилии Линешент. Да, рано или поздно — маховик закона раскрутится... через год, а может, два. Когда они выправят нужные документы, найдут тела, определят Орэйга как фамильяра... А потом они наложат на поместье арест и начнут слать повестки в суды. Замок аристократа — крепость аристократа. Фамильяров запрещено создавать, но никто не знает, что сделать с фамильяром, который уже создан. Заставить отца провести Обряд Исторжения они не смогут. Я... говорю что-то не то?

Гриз качает головой, прикрывает неуместную полуулыбку ладонью.

— Простите, Джиорел. Просто один мой сотрудник сказал почти то же самое — слово в слово. Я хотела спросить — что вам известно об обряде Исторжения из Рода?

— Я не мастер копаться в старых рукописях или тонкостях обрядов. В книгах о фамильярах были упоминания. Косвенные, и только. Ничего основательного ни у нас, ни у своих знакомых я не нашёл, но если надо будет... думаю, я знаю, у кого спросить.

И вновь — ни имени, ни намёка, но Гриз уже включается в эту игру.

— Хорошо. Сможете ещё поговорить с Соорой? Уговорить её открыть дверь, чтобы мы могли осмотреть мальчика.

Джиорел кивает без малейшего промедления. Взгляд у него прикован к фамильяру. Белому, пушистому... кровожадному.

— Если он издохнет — это как-то повлияет на... всех, кто к нему привязан? Понимаете, я бы не хотел причинять вред братьям, матери... И Мелейя, вы же знаете — мы связаны Полным Брачным Обрядом. И если что-то случится со мной — она и мой ребёнок...

— Это неизвестно, — говорит Гриз мягко. — Но постарайтесь всё же отправить их в Айлор поскорее.

— Ясно.

Глаза у Джио Линешента — будто зелёная ряска на поверхности. Отгреби в сторону печаль и усталость — наткнешься на решимость.

— Обряд Исторжения ведь проводит Глава Рода?

— Наверняка.

— Отец не пойдет на это. И никто из братьев не пойдет. Значит, если иного выхода не

будет — я скажу им, что мне всё известно. Скажу, что обращусь к законникам. Пообещаю невмешательство при одном условии — что мы проведем обряд передачи прав Главы Рода.

Туман липнет к стенам. Норовит вползти в белую комнату, где полно зелени, и догорает камин... и в тишине, глядя друг на друга, сидят два человека.

Варг в голубом платье и с кнутом под подолом.

Наследник запятнавшего себя рода — лысоватый и мелкий, похожий на клерка в конторе. Готовый умереть в случае необходимости.

— Джиорел, они могут...

— Могут, да, — он ёжится. — Я мог бы вам порассказать... ладно, не стоит, конечно. Но они и могут посчитать это лучшим выходом, понимаете? Деймок, этот мальчик, сын Сооры — всё равно обречён. А те, которые в пансионе, слишком молоды, их нужно... подрастить. Мерзость какая. Так вот, вскоре этот фамильяр вцепится в нас с прежней силой. И тогда дни моего отца сочтены. А он хочет жить, уверяю вас. Как и мои братья. Они могут на это пойти. С расчётом на то, что я буду умирать медленно и дам им время подготовиться.

Он вздыхает, запрокидывает голову, открывая безвольный, мягкий подбородок.

— Я никогда не желал возглавлять род Линешентов. Сам я далеко не образцовый аристократ, да и не по мне все эти... традиции из древности. Но если выхода не будет — я возглавлю Род. И проведу обряд Исторжения. Чего бы мне это ни стоило.

Он сам понимает, что выглядит нелепо — со своими залысинками и носом картошкой, и непоколебимой решимостью. Потому старается не смотреть в глаза Гриз — словно опять опасается обнаружить на её лице улыбку.

— Я надеюсь, что если... что мой друг сможет защитить Мелейю. И моего ребёнка. Но если даже нет... эту тварь нужно уничтожить. Некоторые вещи... такие вещи не должны происходить.

Вдруг становится горячо, и меркнут — серые стены, и бурая непроглядная тряси́на болот, и паутина коридоров, и бесконечная, тёмная галерея портретов с недобрыми лицами.

— Джиорел. Мы постараемся найти выход.

Теперь всё зависит только от Мел, от её жениха и их поисков в имении Драккантов.

Он кивает коротко и идёт на выход. Слегка сутулый и тонкокостный. В немарком тёмно-сером сюртуке, у которого уже заметны потёртости на локтях.

Младший сын Главы Рода. Феникс своей жены. Тот, кто снабжает родственников деньгами. Кто готов рискнуть жизнью, чтобы кровожадная тварь перестала жрать его родных.

Гриз остаётся в одиночестве — при утреннем догорающем камине. Она смотрит на фамильяра. На ошейник с редкими рубинами. На слегка окровавленную мордочку, ныряющую в золотую мисочку с бриллиантами.

И думает о редких сокровищах, которые иногда встречаются в древних аристократических родах.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Помочь? — лезет Морковка взять из рук Кляксу.

Советую Его Светлости отвалить. Потому что мы уже торчим перед воротами родового поместья. И изнутри поднимается дрянной озноб. А мелкая пригрелась, сопит на руках и пахнет живым. И всё лучше на неё смотреть, чем на гербы Драккантов.

Дракон, жрущий другого дракона. Будь они оба неладны.

Гербы — на здоровенных кованых воротах, возвышаются над головой. Зыркают. Давят. Предупреждают всем своим видом, что нам не пройти.

Но я вскрываю при помощи родового перстня калитку возле парадных врат. Она приоткрывается с низким, зловещим скрипом. Здрасьте, добро пожаловать, вам тут не рады.

Душно, влажно, промозгло. Серые изваяния — следствие безумия прадедушки, который сам это всё ваял и выставлял на видных местах. Причудливые уродцы из гранита и мрамора. Бескрылые драконы. Безголовые всадники. Люди-калеки — без рук, но с крыльями. Звери увечные и от задумки творца, и от времени. Полузасыпанные листьями и загаженные птицами, все в потёках от дождей, и ещё на них расселись вороны.

— Крррра! Крррра!

Они тут повсюду: на крыше замка, на ветвях деревьев. Смотрят злобно и голодно. Настоящие хозяева.

Морковка притих, не заводит это своё насчёт «дом милый, дом родной». Крутит головой и роняет сквозь зубы, что непонятно — с чего бы всё так запущено.

— Кррра-а-а-а!!

На месте бывшего зверинца выросли домики для слуг и сторожей. И домина управляющего. В дверь которой мы и начинаем ломиться. Через четверть часа удаётся добыть пухлого типчика со щетиной и алкогольным духом.

— В вир болотный, — хрипит типчик. — Работники не нужны, тварей не покупаем.

Сую под нос управляющему родовой перстень и дожидаясь чудесной перемены: «Ой-ой, госпожа Драккант, а мы уж не чаяли, радость-то, радость-то какая, ой, что ж вы так, без предупреждения, мы бы встретили как подобает, а так, видите, и не готовы совсем... а я Эмменто Лорк, управляющий здесь, как рад знакомству...»

На красноватой роже так и написано: «Во припёрлась! А если она сюда с делами имения ознакомиться?!»

— Всё, что угодно, конечно, что угодно...

— Молока, зелья, библиотеку.

— Ч-что?!

С молоком, зельями и тёплой водой для Кляксы — просто. Управляющий с выпученными глазами несётся поднимать на ноги слуг и раздавать пинки. Слуги спросонья начинают метаться и галдеть хуже перепуганного воронья.

С библиотекой сложнее. «Магическая консервация» (она же «сохранка», «обряд ожидания», «сон для замка») запускается в случае, если все члены рода покидают родовое поместье надолго. Активируется мощными артефактами в Ритуальном Зале. Обычно такое делают наследники, которым старое поместье — без надобности, а держать кучу обслуги для поддержания его в порядке не хочется.

Каждая комната словно окутывается сном. Сохраняющей магической пеленой, которая не даёт замку стареть и разрушаться. «Уснувшие» поместья могут лет триста простоять без всякой обслуги — и в них разве что мебель какая погниёт да полки запылятся. Ещё туда никому не пролезть. Разве что у тебя при себе перстень Рода.

Управляющий ни черта не знает, можно ли снять «сохранку» только с библиотеки. Мямлит и бегаёт глазками, и у Морковки сдают нервы:

— А снять со всего поместья её можно?!

Боров-Лорк хватается за сердце и начинает трястись. От такого жестокого с ним

обращения.

Надежды, что не придётся заходить в дом, тают на глазах. По всему выходит, что Его Светлость без меня внутрь не пройдёт. А родовой перстень я ему передать не могу: останется или без рук, или без магии.

— ... хотите сказать, что Венейги ни разу не были внутри? — разорвется Морковка. — Ну, а если мы сначала зайдём в Ритуальный зал, снимем защиту, а потом...

В конце концов мне надоедают эти магическо-теоретические диспуты.

— Ты! Берешь с собой слуг, молоко, зелья, воду. Идёте за нами. Я пойду впереди с перстнем. Защита должна пропустить, раз вы со мной.

Полчаса спустя мы тащимся по двору ко второму парадному входу. Я впереди и с перстнем. Морковка позади и с Кляксой на руках. Сзади управляющий и двое из старой прислуги Драккантов. С молоком, водой, зельями. Слуги — с остатками слёз и с пониманием на физиономиях. Вспомнили меня и ничему уже не удивляются.

Парадная дверь покорно скрипит, принимая оттиск перстня. Позади хором начинают чихать и молиться.

«Сон замка» ощущается — плотная волна затхлого воздуха. Словноходишь поутру в спальню, где вповалку спала дюжина человек. Пыль, нечем дышать — и темно в коридорах.

В темноте даже лучше. Не хочется глядеть на это пыльное гнездо. Уснувшее. Давным-давно чужое. Тут давно нет ничего, что моё. Кроме проклятой, ознобной памяти, вылезающей из-за каждого угла.

Следов папашиного смеха и мамашиних духов. Его попоек, охот, дуэлей. Её вышивания, танцев и сожалений о том, что она не смогла подарить ему наследника. И вообще других детей — только меня, такую как есть.

Он, правда, заявлял, что на пять наследников меня не променяет. Но она всё-таки жалела. И ловила каждое его дыхание и каждый взгляд, и заставляла себя смеяться над грубыми шуточками. Она была такой из себя настоящей леди: сплошь книксены да манеры, Линешенты бы обумилялись. А я всегда удивлялась — что она так любила папаню. Плюющего всем своим видом на эти все аристократические штучки. Может, с ним она себя чувствовала менее пустой. Но она заполнила себя им до конца, до края, и хотела того, чего он хотел, думала его мыслями, разрешала мне всё, что он разрешал. Они не надевали друг на друга кольца с фениксами. Не проводили Полного Брачного. Но в красивеньких поэмках такое обычно именуется истинной любовью. До смерти. Угу.

Выдыхаю сквозь сжатые зубы. Стараюсь не глазеть. Всё равно взгляд цепляется за коллекцию папашиного оружия. И мамашин портрет. Мебель вся в пыльных чехлах — Венейги озаботились. После...

Резная дверь библиотеки не скрипит. Тихо впускает в пыльно-тёмное царство. Киваю слугам и управляющему: ставьте, чего принесли, и выметайтесь, потом позову. Морковка, щурясь и кашляя, сдвигает заслонки на светильниках с желчью мантикоры. Грохочет передвижной лесенкой. Становится светлее, потом ещё и теплее: Его Светлость не забыл, где тут согревающие артефакты из Мастерграда. Камин в библиотеках, понятно, не устраивают.

Мы начинаем работу молча. Он таскается от стеллажа к стеллажу, смахивает пыль с корешков, водит носом по строчкам каталога. Хватает книги там и сям, волочёт к центральному столу, который освещён лучше других. Я хлопочу над Кляксой. Купаю её, полусонную и обиженно ворчащую что-то под нос. Протираю шкурку и пою укрепляющим.

Смотрю, нет ли укусов. Тормошу и предлагаю попробовать молока.

Только вот память прилипает, будто уцеп с присоской. Смотрю на щенка кербера — и вижу взрослого кербера, распластавшегося возле пещеры. Папаша с дружками как раз керберов травили. Один оказался огнедышащим, жажнул пламенем. Папаше — плевать, у него самого был Дар Огня. А один из его дружков припёрся на охоту с недообученной лошастью. Которая, понятно, понесла. Ну, и глава рода Драккантов оказался у неё на пути.

Мы поссорились тогда утром. Из-за его охот. Так что я здорово наорала на него, как узнала — куда собирается. Думала наорать ещё через пару дней, как вернётся от дружка.

Через пару дней орать можно было разве что на водный омут.

Вода в тазике закручивается маленьким вихрем. Зеленеет от зелий, которые туда лью. Вихрь, который унёс отца куда-то там в Водную Бездонь — тоже был зелёным в глубине. Да мелькнули в глубине огненные искры. Похожие на те, которыми он меня в детстве смешил. Наверное, магия, отданная Камнем при Посвящении, ушла обратно к Камню. Мне как-то было наплевать. Я стояла рядом с матерью в проклятущем белом платье. И задыхалась от благовоний и запаха зелий.

На боку у Кляксы небольшой укус, почти подживший. Всё равно обрабатываю зельем, которое отдаёт шалфеем. Бинтами разжилась у старой Ламоры. Они тут с мужем — бывшим старшим садовником — так и остались жить. Даже всплакнули, как меня увидели.

Ламора была мамашинной горничной, так что она-то и нашла тогда. И прощальную записку, и её саму. Мать не нарушила ни единого приличия: выдержала все памятные встречи по отцу, приняла все соболезнования от родственничков. Дождалась последнего дня, когда можно снимать белое платье — и отравилась, аккуратноенько при этом улёгшись в собственную постель и обложившись белыми розами из оранжереи. Мне она оставила прощальное письмо, полное соплей, извинений и уверений в том, что она очень меня любит и очень надеется, что я буду счастлива.

Я почему-то не была.

Молоко белое, жирноватое — приходится чуть развести.

Не терплю белый цвет. Белые розы и белый лист бумаги. Её белое лицо и платье. Белый храм и белые одежды всех этих... тётушки, дяденьки, Морковка вот тоже обрядился. Земля и та укуталась в траурный белый.

Я надела чёрный и заявила, что плевать хочу на их правила и приличия. И без того было не продохнуть от белизны. Внутри.

Глажу Кляксу, пока она опять не засыпает. Укутываю потеплее, пристраиваю в кресло. Надеюсь, Морковку ещё там не засыпало книгами.

— Есть что?

Его Светлость поднимает затуманенный взор. Стол перед ним завален томами. Закрытыми и открытыми. Разных эпох и степени пропыленности.

— А? Ну, я выбрал то, что может быть полезно, но ты видишь, тут много. Поможешь?

Ненавижу копаться в книгах, но Морковке одному не справиться. Лезу в тома, пролистываю наугад. Попадается пока что только то, что мы уже знаем: эдикт Кормчей, запрет на создание «Зверей Рода», рассказы о том, почему ожившие гербовые считались такими ценными. Оказывается, что так короли-идиоты пытались приблизиться к королям древности, тем, что были до Прихода Вод. Древним королям якобы служили говорящие животные. И выполняли все их прихоти.

Об обряде Иstorжения — только упоминания. И неутешительные сведения вроде того,

что Обряд проводит именно что Глава Рода. При этом должен присутствовать как минимум один наследник, а лучше — все.

Попутно описывается куча других родовых обрядов. От механизмов защиты родового поместья и замыкания его на себя и наследников до «сна замка». И непременно брачных обрядов: Малый Брачный, Полный Брачный, обручение, сватовство... ну-ну.

Подонка Оттона мне подогнали, когда тётка уже забрала «бедную сиротку» под своё крылышко. Мне на момент сговора за соседа Венейгов стукнуло пятнадцать, но тётка поясняла, что свадьба, конечно, будет не сегодня и не сейчас, но надо бы официальную церемонию обручения провести. Оттоны же тоже из высшей знати, но род у них менее древний, так что «милый Альбрехт» перейдет в род Драккантов и возглавит его наилучшим образом.

«Милый Альбрехт» многозначительно ухмылялся. Блёкло-рыжий, с подвитыми кончиками усов. Рвался целовать кончики пальцев и кидался комплиментами. Всем своим видом изображал предвкушение.

«Он совсем как твой отец, милая, — щебетала тётушка, — тоже Дар Огня, и тоже любит охоту и веселье, но ты не думай — он будет тебе хорошей опорой».

Славная такая опора, любящая капканы и силки. И повыделываться с дружками.

Показать всему миру свою добычу.

— Морковка, глянь, не оно?

— Я что-то не понимаю... постой...

Его Светлость с усилием отрывается от книженции, в которую влип. Всматривается в абракадабру, которую я ему демонстрирую.

— О-о-о, похоже, да... тут, правда, жреческая тайнопись, дай-ка... Да, точно он. Тут даже с указаниями, как и где проводить.

Отлично. То есть, было бы отлично — если бы мы знали, как заставить Старика провести обряд.

У Его Светлости такой вид, будто этот самый Обряд Исторжения его и не интересуется вовсе. Стеклянными глазами пялится на страницы.

— Мелони, я, похоже, нашел, почему так быстро умирали бастарды. При желании можно сконцентрировать воздействие фамильяра на одном из членов семьи. Так сказать, передать ему... гм, основную честь. Но это же, как я понимаю, обряд Главы и наследников... что-то невозможное, они же не могли... хм...

И решительно закапывается в книги опять, бормоча что-то под нос. Что-то насчёт истории какого-то там бастарда, про которого он якобы читал.

— Морковка, Грызи-то сообщаем? Что обряд нашли?

— А? Да, конечно... нашли.

Ясно, спрашивать бесполезно. Неохотно тащусь на поиски Водной Чаши. Папаша на них не скупился: в каждом зале стояли. Даже в Трофейном.

Прошибает дрожь. Может, это от того, что вышла в зябкие коридоры. Может, от воспоминаний о зале, после визита в который в детстве я закатила папаше знатную истерику.

Чучела. Головы. Рога и жала. Хлысты и черепа.

Шкуры и бессмысленные глаза.

— Сюрприз на помолвку, ха!

Это у них долго мелькало в речи. У Подонка-Оттона и его дружков. Сюрприз на

помолвку. Подарочек для невесты. Сколько не прислушивалась — даже со слухом Следопыта не узнала — что это будет.

— *А не передумал? Она у тебя, вроде, малость, на голову...*

— *Ха! Помолвку всё равно не расторгнут, так что пусть привыкает.*

Что-нибудь женскопаkostное, решила я тогда. Вышивка, платья. Из того, что не терплю. А потом стояла на крыльце. Глядела на сюрприз.

Сюрприз глядел в ответ. Стеклянными, мертвыми глазами зверей. Трофеев, которые мне разостлали под ноги слуги женишка.

Огненные лисы, земляная кошка, йосс и кербер, и алапард и яприли... Мех, страдальческие оскалы, пустые глазницы.

Подонок Оттон глядел в глаза и ухмылялся нагло. Всем своим видом сообщая, что я с нынешнего дня — тоже его трофеем.

Наверное, он ждал, что я закричу. Устрою истерику или заплачу. Чтобы поторговаться потом с дядькой и теткой насчет приданого — мол, видите, невестушка совсем не в себе и приличий не блюдет. У нас тут другие условия...

Только вот я шагнула вперед молча и молча вцепилась в его рожу. Врезав перед этим ему кулаком по горлу и коленом — туда, куда меня папаша учил бить, на всякий случай.

А следующих минут я не помню — выдрано. Помню, он вопил. И кожа разъезжалась под когтями, и брызгало алым. Не помню, вцепилась ли я ему во что зубами — в нос или в ухо. Но во рту почему-то стоял вкус крови.

А ещё Подонок от растерянности лупил пламенем во все стороны, так что нас не сразу растащили.

Ещё помню свой подол потом. Сиреневый, расшитый мелким жемчугом. Весь в брызгах крови. Хоровые причитания Венейгов о том, что помолвка-то сорвалась, да и кто вообще теперь... после такого-то... пятно на роде.

Помню, я отплевывалась от успокаивающих зелий. И уже тогда понимала, что сбегу. Сбегу с концами, пока меня не начали пичкать этими зельями до состояния «полной покорности».

И никогда не вернусь ни к Драккантам, ни к Венейгам. Пусть я — пятно на роде. Эти самые роды — одно большое вонючее пятно на мире.

Чашу нахожу только в четвертом зале. Может, до обряда «магической консервации» слуги успели растащить. Чаши были недешёвые, мастерградские, усыпанные то аквамарином, то хризолитами.

Отыскиваю на каминной полке. Огромной, как сам камин, в котором яприля можно зажарить.

Поворачиваюсь, чтобы уходить — и понимаю, что на меня смотрят. Со стены.

Вир болотный, совсем забыла, что здесь их портрет. Писался вскоре после свадьбы, потому папаня вполне себе стройный. Широкоплечий, с нарочито серьезной миной и смешливыми искорками в глазах. Тёмная шевелюра в кои-то веки приглажена. Мать по сравнению с ним — бледная тень, ивовая веточка. Томно прикрыла глаза, выдала виноватую полуулыбку.

Предки с портрета глядят ласково. Будто бы пытаюсь в чем-то там убедить. Что они никого не предавали и не бросали, видимо. Или что мое место здесь, ага, ну да. Чтобы стать чем-то вроде Линешентов. Или Венейгов. Или их.

— Плевать, — говорю им. — Вы мертвы, ясно?

Выхожу, как следует наподдав по двери ногой.

В библиотеке Рыцарь Морковка сидит с таким видом, будто его шандарахнуло по голове. Всеми томами, которые он тут перерыл.

— Мелони, — говорит он обморочным голосом. — Ты пришла.

На тычки не реагирует, как обожравшийся шнырок. Ставлю Чашу на стол, вызываю Грызи.

— Обряд наши, — говорю в воду. — Он, правда, на жреческом языке, но Морковка его читает. По проведению — как мы и думали, нужен Глава Рода и наследник. Морковка нашел что-то, не колетса.

Грызи минутку молчит, переваривая. Потом из Чаши вылетает начальственное: «Господин Олкест!»

Его Светлость вздрагивает, мотает головой, как пришпоренный конь, и выпаливает панически:

— Они не просто включали бастардов в Род! Они запускали церемонию передачи титула Главы!

Подскакивает и вздымает перед собой какую-то книжку.

— Вот... всё сходится! Иначе у них просто не получилось бы! Если бы они просто ввели бастарда в Род — фамильяр начал бы действовать на него так же, как на любого из Рода. Но не больше. Значит, они делали его формальным Главой Рода — и это позволяло провести дополнительную церемонию, сделать бастарда основным «кормом» для фамильяра. Понимаете? Я совершенно уверен, что они проводили не один обряд, а два! Или даже три! Формальное включение в род. Частичная инициация как Главы. И потом — вот это... вот то, что мы наши с Мел, то, что позволяет Главе Рода — действующему или формальному — связать себя с фамильяром ещё плотнее!

Грызи ухитряется заговорить первой.

— Зачем вообще был введен этот обряд связи с фамильяром?

— Кхм, — Его Светлость малость успокаивается. — Дело в том, что еще восемьсот лет назад во многих аристократических семьях первого круга Главой избирался самый мощный маг из прямой линии наследования. Что, в общем, логично, если учесть обязанности Главы, но вот эти их поединки за главенство...

— Они что, идиоты? — это уже спрашиваю я. Морковка моргает. В руках — книга. — Хочешь сказать, Линешенты каждый раз главенство рода бастардам сдавали?

— Сдавали не до конца, в том-то и дело. Этот обряд... церемония передачи титула — достаточно хитроумный. Насколько я понял, он был введен на случай, если действующий Глава Рода тяжело болен и хочет назначить преемника уже сейчас. Проводится он в два этапа. Как же вам объяснить? Вот представьте: вы опасаетесь, что придется надолго уехать или там... заболеть... и решили назначить того, кто вас заменит...

— Страшноватые картины рисуете, — долетает хмурая реплика Грыз. У неё точно нет кучи претендентов на роль «сердца» ковчежников.

— Так вот, сперва вы выберете заместителя, так? Поделитесь с ним полномочиями, он как это? Разделит с вами тяготы. Обязанности.

— Хм. Мечта. Ладно, это первая часть обряда. Что со второй?

— И если вдруг вы после этого внезапно отбудете... кхм...

— В Водную Бездонь, — помогаю я.

— Да... так вот, вашему преемнику просто вручат символ власти. Что у вас там, кнут?

— И пряник, — невозмутимо добавляет Грызи.

— И после этого свидетелям только остаётся подтвердить, что всё сделано по закону, а ваш заместитель обретёт...

— Здоровую головную боль. Я поняла вас, господин Олкест. Значит, вы полагаете, что они проводили только первую часть обряда.

— Уверен в этом. Это как... разделить Главу Рода надвое, но у бастарда главенство — непризнанное, — Его Светлость шелестит страницами. — Вот... Условия. Ха! Родовой перстень ему явно не вручали. Наследники... могу поручиться, там есть два подтверждения наследников из трех! Никто из посторонних древних родов не свидетельствовал обряд. А привязать фамильяра уже можно. Возможно, бастарды умирали так быстро еще и поэтому. А потом, когда наступала смерть — Главой Рода начинал считаться Порест Линешент, ведь обряд-то был незавершён! Вы понимаете, насколько они...

Кашляю, пока Морковка не лопнул от возмущения. Янист малость стряхивает с себя воинственный пыл. Бережно возносит на руках книжищу и вещает:

— Есть и хорошие новости. Поскольку это формальное включение в Род и формальное признание Главой — мы легко можем, так сказать... Расторгнуть эти узы. Достаточно отречения мальчика, оформленного в обрядовой форме. Правда придется как-то пройти в Ритуальный Зал...

Вода в Чаше расходится малыми кругами. Грызи о чём-то думает и не торопится отвечать, хотя Морковка теперь прямо сияет.

Меня всё еще не отпускает этот вопрос, насчёт Главы-на-полставки.

— А если бы бастард... ну, не знаю, заявил бы права? Формальный Глава ведь что-то да может поиметь из своего титула?

— Я как раз читал про такой случай. Но без родового перстня и хотя бы одного дополнительного свидетеля... Да и бастарды, скорее всего, даже не представляли, что за обряд над ними проводится. Он же на древнеаканторском. Сомневаюсь, что в пансионе им преподавали жреческий язык.

— Господин Олкест, а как с ним у вас? — доносится из Чаши.

— Ну-у-у, э-э-э, — Морковка начинает стремительно алеть. — В общем, подзабыл, но... на уровне. А что?

— Постарайтесь накопать детали всех обрядов. И прихватите нужные книжки с собой. И возвращайтесь до вечера.

— Что вы задумали? — недоумевает Морковка. — Вы всё-таки хотите расторгнуть родовой обряд?

Лицо у Грызи в Чаше — вдохновенное. На губах — упрямая улыбка.

— Наоборот. Хочу его завершить.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

— Он меня принцессой звал, — всхлипывает Соора.

Неизвестно, что ей сказал Джиорел Линешент. Но гувернантку не остановить. Пока они забирают мальчика из спальни, пока ведут его, осторожно придерживая под руки, по тёмным коридорам — Соора выплёскивает из себя историю своих отношений с Гарлоном.

Впрочем, может, её пугает ночь, которая липнет к стенам замка: безлунная, наполненная белесой мглой, пришедшей с болот. Или безмолвные, пыльные коридоры, которые надвигаются и душат — портретами, погрызенными мышами гобеленами, доспехами, источёнными ржой. По которым они пробираются окольными путями. Вслушиваясь в прерывистое дыхание Деймока, и в собственные шаги, и в зловеще примолкший замок — древнее чудовище.

Соора шепчет о том, как её взяли сюда, служить добрым господам Линешентам, совсем без гроша за душой, бедную сиротку из деревни. А потом на неё обратил внимание господин Гарлон («Нет, тогда он еще не травил себя этой отравой, это он уж в последние лет пять так, а был такой обходительный, да пригожий, да ласковый...»).

— Принцессой меня своей звал...

Когда они выходят в галерею — Соора приглушенно охает и замолкает. Портреты со стен пронзают взглядами. Тёмные лики. Лунно-белые геральдионы на руках, на плечах, в корзиночках — будто ключья туманной завесы.

Молчаливый спуск по лестнице — в подвальный коридор, ещё одну галерею, полутёмную и призрачно-голубую в свете раковин флектусов. Этот коридор короче того, верхнего. И в нём нет портретов — девять древних гобеленов по левую руку, от потолка до пола. На полотнах — величественные вельможи в магических доспехах, с луками и мечами, с одинаково поднятой ладонью — чтобы можно было видеть Печать. Под их ногами — охотничьи трофеи: головы мифических драконов, или тела виверниев, или трупы врагов.

Болотный вереск змеится по краям гобеленов, и едва заметно золотятся кувшинки на родовых щитах.

Гордость семейства Линешентов — первые поколения. Основатели рода. Глядят в противоположную стену, на которой — ещё четыре гобелена с четырьмя гербами. От самого первого, с луком, стрелой и болотными лилиями, до последнего, с геральдионом.

Болотные лилии и стрелы — на окованных чёрным металлом дверях, которые Джиорел Линешент отмыкает семейным перстнем.

В лицо ударяет запахом нечистой, болотной воды, в слух вплетается печальное водное пение.

Зал небольшой и невысокий, с двумя пузатыми чёрными колоннами. У дальней стены — две белые статуи. Стрелок — покровитель Рода, Перекрестница — покровительница магии. Под ними — семь белых плит, из которых вырастает серый монолитный камень с отпечатком ладони. Магический алтарь, подобие Камня Акантора. Только этот меньше и выполнен руками кого-то из Мастерграда — мощный артефакт для совершения кровных обрядов Рода.

Тихо плачет вода, омывая подножие каменного алтаря: Камень и вода — две основы для

магии в Кайетте. Благословенные Воды, которые позволяют людям ходить и смотреть через себя, пронизывают бывший мифический ковчег — и забирают магов в себя после смерти, отнимают бесполезный теперь Дар и относят обратно к Камню — чтобы можно было отдать другим...

— Дышать нечем, — Мел и морщит нос. Родник, пробивающийся через плиты Ритуального Зала Линешентов, отдаёт гнилостными, болотными испарениями. Вместо того чтобы тихонько журчать в прорезанных канальцах на полу — вода вытекает, как ей вздумается, образует прикрытые ряской лужи в углах. И на чёрных стенах, которые когда-то были пронизаны серебряными прожилками — пятна слизи и плесени.

Грудь давит не только спёртый воздух и запахи испорченной воды. В Ритуальном Зале свилась, скрутилась змеёй недобрая магия. Глядит из стен и из алтаря. Покрывает бурыми пятнами серебряную чашу и нож на белых плитах, возле камня.

— Единый, — бормочет жених Мел. Янист Олкест уже помог Джиорелу Линешенту опустить полусонного мальчика возле алтаря, туда, где посуше. — Вы чувствуете? Печать давит. Тут всё пронизано чарами...

— Великого и древнего рода, — злорадно добивает Мел. На лице у неё так и написано: «И вот в такое ты хотел меня затащить, а?!»

Олкест не краснеет. Он бледен, неразговорчив и прижимает к себе книги едва заметно подрагивающими руками. Он нынче — главный, хотя и убил весь вечер на то, чтобы перевести тексты обрядов на общекайетский.

— Так... нужно зажечь светильники. В Ритуальном Зале Драккантов они загорались при входе, а тут...

Хрустальные светильники-артефакты зажигает Мел. Прижимает к ним пальцы и пробуждает живое оранжевое пламя. Ручьи и лужи на полу тут же окрашиваются то ли огнём, то ли кровью.

«Мы возьмём и тебя, — вышёптывают бурые воды, мутные ручейки с запахом тлена и древности. — Унесём тебя в Водную Бездоль...»

Гриз усмехается коротко, иронически.

Воды не властны надо мной. Воды и камни. Мой Дар — в крови от рождения. Дар землём, и в неё вернётся.

Соора присела над сыном, вытирает ему вспотевший лоб. И шепчет, шепчет, о том, как Гарлон Линешент звал её принцессой, и радовался тому, что у неё мальчик, и обещал ей для сына большое будущее. Мол, после Посвящения у Камня сын не куда-нибудь — в настоящий пансион поедет, будет учиться, как благородные учатся, а потом уж сперва пойдет служить, ну а дальше господин Гарлон своего сыночка не забудет, пристроит...

— С Деймоком возился, когда маленький тот был... Своих-то детей с первой женой у них не было. А тут, когда мальчик мой из пансиона приехал — совсем уже не радовался, да. Хотел даже отправить его куда-то, да господин Порест не дал, что ли.

Джиорел тихо вздыхает от статуи Стрелка. Проводит пальцами по ритуальной чаше, стоящей у подножия. Рядом лежит нож. И древняя книга в серебряном, с рубинами окладу книги. Мел смотрит на книгу с отвращением — наверняка знает, что это такое.

А Соора всё шепчет, и шёпот её перекликается с шёпотом отравленных болотами вод. О том, как тут страшно стало в последние-то годы — то конюх молоденький захворает, то вот один, молодой тоже, в ученики дворецкому взяли, в болоте утонул... И что господин Гарлон теперь совсем уж другой: то угрюмый, а то в буйство впадает, от зелий своих, а заходить

совсем и перестал. А заходит господин Этриан, и о мальчике её он обещал позаботиться, лекаря родового прислал, и она тогда поняла — не к добру...

— Простите, — смущённо прерывает Рыцарь Морковка, подходя поближе. — Я только... что это у вашего сына на шее? Это амулет?

— Мне дедушка дал, — моргает Соора. — Сказал, оберег от хвори всякой. Когда Деймок слабеть начал — я ему надела... я может... я не так сделала?

Олкест наклоняется над юношей и пристально всматривается в подвеску из серебра и белой кости. Искусно вырезанный лучник, нет, не лучник. Белая фигурка зверька, в лапах которого — лук и стрелы.

— Королевский геральдион и знак Стрелка, — бормочет Янист, осторожно касается подвески пальцем и отдёргивает, обжегшись. — Это родовой амулет с гербом королевской династии. Той самой, к которой принадлежал Наорэйгах Благочестивый.

Джиорел Линешент мигом оборачивается к ним.

— У короля ведь не осталось наследников! Его и Благочестивым-то назвали потому, что он стремился соблюдать чистоту... кхм, даже с женщинами.

— Значит, он стремился её соблюдать не всегда. И у него остались бастарды. Не принятые в его Род даже формально, но зато передающие из поколения в поколение родовые амулеты. Теперь понятно, почему фамильяр испытывал недовольство и голод. Линешенты же были формально включены в королевский род. А здесь отдалённое, но прямое наследие этого рода... старшего рода. И фамильный амулет защиты. Конфликт родов, и всего-то. Вот, значит, что Линешенты принимали за болезнь...

— А? — хлопает мокрыми ресницами Соора. — Что? Какой король?

— Мы здесь до утра проторчим? — интересуется Мел.

Пламя дробится и плавится в хрустале. Пляшет на залитом водой полу. Отражается на влажных, испятнанных плесенью стенах. Пламя вызывает к жизни хороводы теней — и они начинают свою вечную пляску. Вздывают руки, скачут по стенам, раскачиваются в дружном негодовании: нет, ну вы видели, с чем они пришли сюда?! Вломились в Ритуальный зал, нечестивцы. Собираются сделать бастарда Главой рода. Истребить местную реликвию.

— Перед тем, как мы начнём. Все понимают, насколько мы рискуем и чем рискуем?

Мел фыркает. Янист Олкест вцепляется в книгу с обрядами. Соора всхлипывает, полубессознательный Деймок мутно смотрит сквозь приоткрытые веки. Повторяет бескровными губами: «Мы... рискуем?»

— Хочу сразу же сказать — я сделаю всё, чтобы для вас... не было никаких последствий, — звенящим шепотом вставляет Джиорел Линешент. — Я принимал решение, и только я несу ответственность за всё, что здесь происходит.

Мел закатывает глаза. Олкест вымученно улыбается.

Джиорел подходит к Гриз и ещё понижает голос:

— Кажется, мы не продумали кое-что. Нет-нет, моя жена уже в поместье, я настоял... Но понимаете — охрана моих сестёр. В самом поместье охраны немного, однако сёстры... из-за пристрастий Гарлона к дурманящим зельям и из-за... кхм, характера Этра... в последнее время посещают нас со свитой из наёмников. И если родные почувствуют обряд Исторжения и решат помешать — они вполне могут... понимаете... обратиться за помощью. Ну, словом, вы уверены, что ваши люди... как бы это сказать...

— Вполне, — заверяет Гриз. — Мы под надёжной защитой.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Боженьки, ну и жуть. Кто разрабатывал интерьеры для этой семейки, ребята с Рифов?

Портреты по стенам семейной галереи сурово поглядывали сверху вниз — порицая за неуместную весёлость в таком месте и в такой момент.

— Чёртов приют, — бубнил я под нос, аккуратно простукивая стеночки под портретами, — после этого клятый бешеный кербер в Крайтосе. И на закуску ещё аристократы первого круга с фамильяром четырёхсотлетней выдержки. Блеск. Одно утешает: если я таки загнусь — не придется думать, чем кормить единорога-драккайну, который лопаёт как четыре виверния, покарай его Мечник в сопло и в остальные места!

— Лайл. Ты разве не вызвался на этот выезд добровольцем?

Нэйш осматривал на предмет тайных ходов противоположную стену. Вплотную прикинув к какому-то из нарисованных геральдионов. Можно сказать, образовав единое целое с интерьером.

— Ты потрясающе прав. Я вызвался добровольцем, и сразу по нескольким причинам: во-первых, я таки «панцирь» нашей группы, если ты ещё не забыл. Во-вторых, мне интересно увидеть, как Арделл станет причиной краха древнего рода, ну и самое главное — я не мог устоять против такой очаровательной компании.

Я выстучал глухое эхо под портретом величественной дамы в грязно-белом платье из таллеи.

— И уж можешь мне поверить — это я не о тебе.

Есть у меня нехорошие подозрения, что после третьего совместного выезда за двое суток утешить меня не смогут все винные запасы Лортена.

— Ночь так хороша.

Аманда выплыла из коридора справа от меня — сразу же наполнив мрачноватую галерею улыбкой и запахом ванили. Бесшумное привидение в темной блузе и юбке, кофром в руке и несравненными ямочками на щеках.

— Замок, полный тайн, и вуаль тумана, и ночной светильник Перекрестницы сегодня не горит в небесах. И я среди древних стен с двумя обворожительными мужчинами...

Задумчиво перебрала бутылочки в моей поясной сумке — стоя так близко, что я смог почувствовать аромат волос. Небрежно поманила Нэйша поближе:

— Не получится, сладенький. Здесь в достатке чар, вплетённых в камни, и амулетов в коридорах. Кое-что Джиорел Линешент смог убрать. Но расставлять мои амулеты, или ставить ловушки, или разливать зелья — риск, да-да-да. Может сработать какой-нибудь артефакт оповещения, донести угрозу, ах, мы же не можем так рисковать?

Мы вообще не очень можем рисковать. Это Гриз Арделл заявила ещё с вечера, явившись в питомник и обрисовав ситуацию:

— Мне не хочется излишнего риска, но мы не знаем — с чем придётся иметь дело. И нужно подстраховаться. Потому идут только добровольцы.

Я готов был побиться об заклад с крысой, что первым в дело влезет устранитель, тут травница, блестя глазами, заявила, что не пропустит такое за все рубины Кайетты. Пока мы с грызуном ошарашенно прикидывали — с чего это она напрашивается на боевые из своей лекарской, — Нэйш заявил, что не прочь составить Аманде компанию.

После этого в дельце влез я — по причинам, которые пытаюсь придумать сейчас.

Получается нечто среднее между «Ну, ты же тут свой в доску парень, кому как не тебе» и «Ну, ты же кажется не оставляешь планы по соблазнению вот этой красотки».

А голохвостый грызун тем временем неистово заходится внутри — потому что ему отчаянно не нравится всё здесь. И тёмные переходы, по которым пришлось плутать, когда Джиорел Линешент тащил нас от входа для прислуги, и запах плесени, камня и полыни, и портреты с глазами-буравчиками.

И четырёхсотлетняя тварь с умильными фиолетовыми глазками. Пустыми, как у одного устраниителя.

— Так что... если вдруг фамильяру или Линешентам, или кому бы то ни было вздумается прогуляться — нам придётся встречать их здесь? Скажем так, в лоб?

Нас трое: травник, «клык» и крыса с Даром холода. Два входа в галерею, посреди — спуск в подвал. Судя по неопределённым звукам — за некоторыми портретами всё же есть то ли слуховые каналы, то ли потайные двери. А нам предстоит это всё защищать от не пойми кого. Возможных Линешентов и их слуг, и вообще любого, кто возжелает помешать обряду.

— Лайл. Тебя что-то не устраивает?

Нэйш был образцово глумливо-внимателен. Даже слегка наклонился вперёд, как бы говоря: о, поведай же, поведай мне ты, ничтожество, своё мнение, на которое мне глубоко наплевать.

— Вообще-то у меня список на пару листов. Но первый пункт такой: разве не проще заблокировать подвал? Скажем, встать снизу, закрыть проход защитной сферой, ну, или тобой, раз уж у тебя Дар Щита! Им придётся спускаться по лестнице, чтобы пройти мимо вас. С чего вы вообще решили оборонять входы в галерею?

— Потому что нужно иметь пути для отступления. Думал, тебе такой вариант нравится.

— И мы не знаем, какие у них амулеты, сладенький, — мягко добавила Аманда. — Может статься, там достаточно, чтобы пробить любой щит. Или они могут сбросить на нас какое-нибудь зелье... привести в действие защиту подвального коридора. Нет-нет, запирать себя изначально — не выход.

Она развернулась опять к Нэйшу и игриво пробежалась пальцами по пузырькам в его поясной сумке.

— Готов потанцевать, сладенький?

Устраниитель хмыкнул и провёл пальцем по поясу нойя — там пузырьков было гораздо, гораздо больше. Подвешенных в петлях. Лежащих в поясной сумке. И ещё три замшевых мешочка сбоку.

— Я наконец-то увижу «Огненный вихрь»?

Аманда в ответ погрозила пальцем, безмятежно улыбаясь:

— Поглядите только, какой быстрый. «Огненный вихрь» не танцуют для кого попало: нужно это заслужить.

— Ну, если у тебя есть какие-то идеи...

Между этими двумя за последние полчаса нарисовалось какое-то уж слишком резкое взаимопонимание. С обменом улыбочками, милым флиртом и лёгким духом предвкушения.

— Ты услышишь мои идеи как-нибудь потом, сахарный. Наверняка там уже всё началось, и нам пора. Ждать того, о чем не ведаёт лишь Перекрестница.

И обронила, уже поворачиваясь к дверному проёму, который выводил в правый, «её» коридор:

— Это звучит почти пугающе... но я же знаю, кто будет защищать наши спины.

После чего неспешно отплыла к своему посту. Подмигнув на прощание.

Нэйш подмигивать не стал, ограничившись миной сомнения пополам с сожалением.

Правда, ничего и не сказал, отправляясь к левому выходу из галереи.

Я остался у двери, за которой скрывался вход в подвал. Обеспечивать крепкий и надежный тыл — то есть делать то, что у меня вообще никогда особенно не получалось.

Грызун визжал и бился внутри и сулил большие неприятности — пока я потирал Печать на ладони и поглядывал, как Аманда тщательно устанавливает рядом с собой открытый кофр, Нэйш выбирает место рядом с первым портретом и проверяет метательные ножи...

У них это не в первый раз, — стукнуло пониманием. Это же сейчас общались не устраниватель и травница. Это два оперативника-боевика, которые уже побывали в похожих ситуациях. И стоят они так, чтобы вырубать возможных нападавших при входе в галерею — вырубать, потому что настоящего боя допустить нельзя.

И все эти разговоры об отступлении, артефактах и прочим — это потому, что эти двое ждут худшего.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Первый обряд проходит скучно.

Сперва Грызи вливает в Бастарда укрепляющие и взбадривающие зелья запредельной мощности. У парнишки малость проясняются глаза, и тогда Гриз излагает ему всё как есть: так и так, Деймок, сейчас мы проведём обряд, который поможет тебе выздороветь. Ты, главное, ничему не удивляйся, не бойся, делай и говори, как скажут. Понял?

Очухавшийся Бастард с недоумением крутит головой, смотрит на заплаканную мать, на Младшего, на Морковку, на меня.

— П-понял, госпожа. А... кто вы все?

— Сразу и не расскажешь, — вздыхает Грызи. — Господин Олкест, мы где должны стоять?

Рыцарь Морковка суетится, посекудно ныряя в книжку. Ставит Бастарда перед подобием аканторской каменюки. Соора и Грызи становятся чуть позади — а вдруг свалится. Мы с Младшим торчим сбоку, под белыми статуями Стрелка и Перекрестницы. Линешент сглатывает и суетливо крутит свой родовой перстень. Я сжимаю в кулаке свой. Мне придётся свидетельствовать обряд. Как члену постороннего древнего рода.

— Какой из меня, к мантикоре, свидетель, я ж в Права не вступила, — попыталась было упереться я.

— А какой из меня, к Водной Бездони, жрец? — зашипел Морковка, и тут-то я поняла, что он на пределе. — Да всё что мы делаем — чистейшей воды авантюра без шансов, что получится!

— Так что ж ты в неё влез?

Его Светлость на это гневно забормотал что-то под нос о невыносимых варгинях.

Под ногами хлюпает, по стенам пляшут огненные тени. Бледный Рыцарь Морковка, пристроившись сбоку от алтаря, бубнит на тайножреческом.

Вир его знает, что он там бубнит. Жрецов Девятерых обучают в Аканторе, граде Кормчей. А само тайное наречие вроде как порождено теми жрецами, которым Камень послал Дар претворять слово в магию. Где Морковка выучил язык тайных знаний и обрядов

— непонятно. Разве что он так отчаялся меня отыскать, что решил податься в жреческое сословие.

Бубнит он, правда, не внушительно: запинаясь и потея под огненно-рыжей шевелюрой. Не торжественно и без выражения. Так, что начинает в сон клонить — а может, это от клятой магии, которая тут сгущена до состояния сливок. Давит на макушку, ввинчивается в виски.

Нормальным языком Морковка даёт команды: «Деймок, теперь руку нужно положить на алтарь, в выемку с ладонью», «Теперь немного крови в чашу пролить. Джиорел, вы лучше ему помогите». «Руку теперь назад, на алтарную выемку. Ага. Так, чтобы остался отгиск Печати». И опять тайножреческая ахиня. Морковка ещё и выдаёт её с самым своим лучшим ошарашенным выражением лица. У него такое было, когда он с лошади в первый раз свалился.

— Свидетельствуют обряд утверждения Деймока Линешента во главе рода Линешентов, славнейшего и древнейшего, — от этих формул можно пронафталиниться даже на расстоянии. — Джиорел Линешент, четвёртый в своём роде по прямой линии...

— Свидетельствую, — отзывается Линешент, делает шаг вперёд и прижимает к алтарному камню одновременно ладонь с Печатью и родовой перстень.

Порепетировать у нас времени не было, но аристократ, хоть малость смыслит в церемониях.

— ...Мелони Драккант — первая в своём роде по прямой линии...

Левой рукой впечатываю в каменюку перстень, правую шлёпаю на холодный гранит. Свидетельствую, как могу.

— Соора Дойн из рода Найорэгаха Благодетивого...

Служанка оглядывается затравленно, но Грызи помогает ей приложить к алтарю ладонь и семейный амулет. Не спрашивая при этом — с чего бы Морковка решил добавить к обряду третьего свидетеля.

Всё. Десяти минут не прошло. Младший передаёт Бастарду реликвии Рода: ритуальную чашу, ритуальный нож. Книгу Ритуалов в руки не суёт — всё равно в ней магии ни на грош, обрядовая вещица. Приносит клятву верности и под конец отдаёт свой перстень.

— Спасибо? — растерянно говорит Деймок, берёт и неловко надевает.

Торжественности в новом Главе Рода ни на грош. Как и во всей ситуации.

Вокруг тихо. Паскудно пахнет болотом, булькает вода. Тени от огня расплясались не на шутку. Мы все стоим посреди Ритуального Зала и разделяем одно чувство.

Полнейшего идиотизма происходящего.

— Ну, э-э, вроде, всё, — шепчет Морковка. — Ведь обряд же был уже проведён, я только его дополнил.

— Думаете, сработало? — интересуется Грызи.

— Он взял чужой родовой перстень и остался с двумя руками. Так что наверняка.

Взять любой перстень любого из членов Рода может только Глава. Так, чтобы ему на месте Печать не выжгло как минимум. Это даже я знаю.

— Зачем это всё? — удивляется Бастард, глядя на свой перстень. — Господин Линешент... зачем это всё было? Меня же уже приводили сюда, только я совсем не помню, чем кончилось. Мама, не плачь, мы сейчас уйдём, правда же?

Неправда. Если мы сразу же не прикончим геральдиона — Линешенты что-нибудь придумают. Отправят Деймока в Водную Бездонь вместе с матушкой. Отправят следом за

ними и Младшего. Опротестуют обряд.

У нас есть только коротенькая передышка. Пока Джиорел Линешент идёт растолковывать новому Главе Рода, что да как. Раскрывать всю гнусность замыслов местных аристократишек.

Рыцарь Морковка тяжело вздыхает, откладывает в сторону одну книгу, раскрывает вторую. Шуршит страницами, достаёт перевод, над которым полночи корпел.

— Мелони, если что-то не заладится, то вот.

И смотрит глазами шнырка, которому прописана лечебная диета.

— А мне-то на что?

— Ну, есть вероятность, что сам обряд Исторжения можно провести на любом языке. — Один мой друг говорил, что язык вообще неважен, важен волевой посыл... ну, и магия. Просто волю легче в слова облечь. Это, конечно, не доказано, и я всё равно буду проводить на тайножреческом, но... но вдруг... на всякий случай...

— Грызи отдай.

У Его Светлости становится такое лицо, будто он проглотил паучью сливу.

— Она видела уже... сказала отдать тебе.

Беру листы и прячу в карман куртки. Морковка пялится с зашкаливающим уровнем проникновенности и что-то хочет говорить. Но тут, разбрызгивая мёртвые воды на полу, подходит Грызи.

— Готовы к основному действию, господин Олкест?

Его Светлость передёргивает плечами раздражённо.

— Вы сами-то хоть понимаете, что то, что мы хотим сделать? Этот обряд куда длиннее. Он более сложный. Его не проводили сотни лет! Не говоря уж о возрасте этого конкретного фамильяра. У нас теперь два действующих Главы Рода, а это значит — обряд может быть нестабильным. И если я что-нибудь неправильно понял... не так истолковал какое-то действие, не так перевёл ...

— Вам успокаивающего дать? — спрашивает Грызи сочувственно. — А то у меня с собой. Господин Олкест, я понимаю ваше волнение. Но всё уже обговорено, в том числе и с Джиорелом. Он тоже считает, что это слегка безумно, но это единственный приемлемый выход. Если же говорить о мальчике... Джиорел, как там у вас дела?

Младший оборачивается и посылает нам приветственный взмах рукой. Бастард, который оказывается на общем перекрестье взглядов, смущается, но кивает.

— Я готов, — а голос-то твёрдый. У пацана есть нехилый стержень внутри. — Я согласен с господи... с дядей. Он мне рассказал.

Парня покачивает: у зелий, которые в него влиты, действие не вечное. Но взгляд решительный:

— Нужно изгнать Орэйга... ну, эту тварь, которая ест людей. К-которая меня чуть не... В общем, я всё сделаю.

Тут на него напрыгивает мамаша. С мокрыми поцелуями и объятиями. И скороговоркой о том, что надо поскорее отсюда уходить, а то господин Порест рассердится, и как бы не было зла их благодетелям, да и что ж такое происходит, какой из него Глава...

Совсем ничего не поняла, курица из королевского рода. Бастард укачивает её в объятиях и уверяет, что «так надо» и что «всё будет хорошо».

Последнее Морковку малость добивает, и он смотрит на Грызи чуть ли не умоляюще.

— Вы правда считаете, что у нас получится?

— Не узнаем, пока не попробуем, — отвечает Гриз.

Его Светлость выдыхает и начинает священнодействовать. Свидетели этому обряду не нужны, так что нас с Соорой он задвигает подальше в угол. Грызи становится у дверей. У алтаря остаются двое Линешентов. Младший сын и старший бастард.

— Будь смелым, — говорит Младший, пожимая племяннику руку на прощание. И окунается в выполнение распоряжений Принцесски: чашу туда, нет, не сюда, левее... обряд идёт на крови, так что лучше сразу сделать порезы на левых ладонях, воды набрать в чашу, туда же кровь... Несколько капель в родник, нет, не вашей, а Главы Рода... оттиск Печати на алтарь, оттиск родового перстня на алтарь, ага, Джиорел, а вы будете держать ритуальную чашу, как скажу — совершите возлияние. Ещё надо будет дать слабый импульс магии с Печати, по команде.

— Деймок... кхм, то есть, господин Линешент. Вам придётся за мной повторять формулу Исторжения в самом конце. Она короткая, но повторять надо громко, решительно. Слово в слово. Хорошо?

Парнишка смотрит, как ритуальный серебряный ножичек взрезает ему левую ладонь. И силится не морщиться.

— Я попытаюсь, господин.

Морковка судорожно кивает и шепчет едва слышно:

— Помоги нам Единый...

Потом утыкается в книгу и вновь начинает выпевать что-то там на тайножреческом.

И тут сверху долетает вопль.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Вой разодрал тишину неожиданно. Пронзительный и надсадный, режущий слух. Идущий, казалось, сразу отовсюду: сверху, справа, слева... Будто он века жил запечатанным в этих камнях и портретах, а теперь вот вырвался наружу.

Не человеческий и не звериный крик пронёсся по коридорам, отдался эхом — и сгинул, размножившись на другие. Крики и голоса. Хлопанье дверей и шаги. Хриплые, однотонные команды: «К галерее! К Ритуальному Залу! Остановить!»

«Вить... бить... убить...» — кровожадно рассказало по коридорам эхо — и я увидел ещё, как Нэйш и Аманда обмениваются короткими кивками. Будто зрители, которые уверены, что сейчас они увидят отличную постановочку.

Потом красавица-ноя послала мне воздушный поцелуй.

До того, как надвинуть на лицо защитную маску и послать в коридорный проём первый пузырёк с серебристым зельем.

Слева раздался шорох — и какой-то из местных сторожей осел на пол, едва шагнув в галерею. Нэйш заботливо уложил парня так, чтобы об него наверняка кто-то да споткнулся. Пригнулся, пропуская над собой кинжальный удар огненной магии. Отступил, увернулся ещё от парочки пламенных сгустков. Нырнул навстречу — на этот раз слуге — и уложил того рядом с первым нападавшим.

Плана у тех, кто лез к галерее из коридора, не было никакого. В переговоры они тоже не собирались вступать: просто неслись себе, повинувшись воплям своих хозяев («Остановить! Остановить!! Остановить!!!»). Слуги с заспанными физиономиями и в пижамах, и местные охраннички с ошарашенным видом, и наёмнички сестёр Линешент: вот с этими было возни

малость побольше, потому что они грамотно двигались и выпрыгивали из коридора сразу парами.

Дар Щита у устранителя стал для них неприятной новостью, и Нэйш присоединил ещё пару тушек к своей баррикаде. Устранитель не доставал пока дарт, работал врукопашную и в той самой манере, которую я успел заметить у него в трактирной драке. Скорость плюс расчёт в движениях. Подождать, пока противник завязнет, увернуться от удара или рассеять Даром Щита, вырубить несколькими тычками в болевые точки, всё, где там следующий.

— Остановить! Останови-ти-и-и-и-ить! — завывали в коридорах голоса Линешентов, мужские и женские, старые и детские. И эхо делало вид, что вместе с теми, в коридорах, вопят и портреты на стенах.

— Защита в коридорах работает, — огорчённо пропела Аманда, — убирает часть воздействия артефактов и зелий.

И отправила в коридор третью склянку — и я залюбовался. Травница и впрямь танцевала, как и было обещано.

Наклон к кофру, и прогиб — уйти от метательного ножа, и лёгкая бирюзовая дымка защиты с амулета укутывает проём, и взлетают на миг с плеч чёрные тугие кудри, летят по воздуху, обращаются в чёрный вихрь юбки, и теперь изящный уклон, и вот уже один пробившийся сквозь защиту наёмник плавно опускается к ногам, а второй хватается за ладонь, дергается и пытается снять с Печати прилипший к ней камушек-артефакт...

— Останови-и-и-и-ить, — визжали в коридорах и внутри стен, и я пропустил момент, когда слева, шагов за десять, повернулся один из портретов. Из тайного прохода вывалился, вроде бы, старший брат: редкие волосы дыбом, пальцы скрючены, глаза остекленели, как от боли. Линешент споткнулся и упал, тут же оказался на ногах и заковылял к лестнице в подвал. Вытянув перед собой ладонь с Печатью-стрелой и явно ни черта не соображая.

У него же даже оружия нет, — успело мелькнуть у меня в голове, прежде чем Нэйш отвлёкся от прохода в коридор, обнаружил новую цель и двумя тычками под дых вернул аристократа на пол.

— Останови-и-и-ить, — хрипел наследничек, корчась от боли и упорно пытаюсь ползти ко мне, то есть к лестнице. Нэйш неодобрительно качнул головой — ай-яй, беспорядок — и врезал аристократу по слева от шеи и пониже затылка. Гарлон Линешент взвыл и затих, уткнувшись носом в ковёр.

— Сзади! — рявкнул я, потому что те, в коридоре, уже отвалили пару тел со своего пути и теперь воспользовались тем, что Нэйш отвлёкся. Устранитель не спеша захлопнул тайный проход и шагнул навстречу новым противникам — тоже в пижамах, слуги, что ли?

В этот момент повернулся портрет, открывая тайный ход за спиной Аманды. Оттуда выползла костистая старуха в кружевной сорочке и с Даром Ветра. И теперь уже нойя пришлось крутнуться на месте, уйти от удара, разбить под ногами противницы — это что, хозяйка поместья? — склянку с усыпляющим... ту, правда, не взяло. Я от щедрот душевных вlepил бабушке слабый холодовой удар, но и это её замедлило ненадолго.

— Останови-и-и-ить, — шипела она и порывалась идти вперёд.

Очередной эликсир нойя просто влила ей за шиворот — и только тогда старуха словно окостенела на полушаге.

— Под магическим воздействием, — хищно выбросила Аманда через зубы. На лице у неё не было даже подобия давешней улыбочки: сосредоточенность, азарт и что-то этакое зловещее. — Они будто под защитой: мало что берёт...

И вновь ушла — в вихрь, в танец, стремительный и страстный: между основным ходом из коридора и тайным проходом за портретом.

Нойя кружилась, щедрой рукой раздавая эликсиры и амулеты всем желающим. Нэйш убирал лезущих из коридора и из тайного хода на свой манер — методично и даже монотонно как-то. С очевидным расчётом: сейчас обработать того, кто прошёл по тайному ходу... развернуться к коридору, распластать по полу ещё одного противника, занять позицию на полпути к портрету...

Я торчал у входа в подвал и делил своё внимание между устранителем и травницей. На случай, если вдруг потребуется помощь.

— Останови-и-и-ить! — завывали Линешенты, выползая из тайных ходов, выскакивая из коридоров (да сколько их тут?!). Глава Рода (получил по челюсти от Нэйша), две сестрицы в кружеве сорочек (достались Аманде), их мужья, средний брат...

Дети. С остекленевшими глазами и оскаленными лицами. Выстанывающие всё то же слово тонкими голосками. Не желающие падать от снотворного, через силу приподнимающиеся — и ползущие. Пара мальчишек-подростков, потом визжащая девчонка, потом совсем маленький мальчик, лет семи...

Ещё один портрет за спиной Аманды треснул и слетел на пол с оплавленной дырой на месте геральдиона. В дыру неспешно проплыл настоящий геральдион. Белый и пушистый, с лёгкой фиолетовой подсветкой вокруг шёрстки.

Орэйг Первый и Единственный, самолично.

Тварь оказалась между Амандой и выходом в коридоры, и травница начала медленно отступать к середине галереи, в мою сторону. Фамильяр плыл следом — футах в четырёх над полом, не перебирая короткими лапками. Фиолетовые глазки сияли мёртво.

Две склянки с зельями, которые нойя послала в его сторону, он проигнорировал. Сферу временной защиты с амулета проплыл насквозь.

Остановился посреди правой части галереи, будто ощутив что-то. И взмахнул лапкой, словно копался в лоточке.

Треск ткани и звук вспарываемого по-живому паркета. Ковёр на полу разошёлся, дубовые плашки вздыбились и раскололись, обнажая каменную основу. Фамильяр взмахнул лапой ещё раз. И ещё раз — и паркет трескался и взламывался, горел и плавился, и по каменному полу пролегли глубокие, взрезанные полосы.

Тварь пыталась пробиться внутрь Ритуального зала напрямик — через потолок. Нетерпеливо визжа, купаясь в фиолетовом сиянии, которое становилось всё ярче и начинало отдавать магическим яростным жаром. Ковёр уже занялся, и начали трескаться и оплавляться портреты по стенам.

— Оста... новить... оста...новить... — твердили слитным хором Линешенты — которые уже лежали, но пока ещё не могли говорить. А тварь всё взмахивала лапами, взрезая камень, прорывалась вперёд нетерпеливо, будто шнырок, который пытается добраться до закопанного лакомства...

Фамильяр остановился. Видно, до него дошло, что через пол не пройти.

Медленно двинулся по галерее. Глазницы, в которых плескалась фиолетовая энергия, были уставлены на травницу... и дальше — на меня.

Тварь явно намеревалась проплыть сквозь нас, как сквозь защитную сферу.

Нэйш бы слишком занят с последней парой наёмников, которые не подпускали близко и лупили магией с дистанции. Из тайного выхода выползал ещё какой-то Линешент —

плевать, какого возраста и какой магии.

Решение пришло мгновенно.

Я прыгнул вперёд, обхватил нойя руками и скатился вместе с ней вниз по ступенькам.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Нестерпимо ломит виски от сгущенной, недоброй магии, ноги в одолженных ботинках промокли — здесь повсюду вода на полу. Но я этого не замечаю, потому что нужно не сбиться, не сбиться, не сбиться, нужно читать, а книга дрожит в пальцах, и голос норовит дать петуха, как же ты жалок, Рыцарь Морковка, давай же, соберись...

Я читаю тягучие, напевные строки на тайножреческом. Выливая через себя их смыслы в комнату, полную тенями и запахом болотной воды. Именуую Орэйга Первого, фамильяра рода сего — и обращаюсь к нему (Единый, как дрожит голос!), и призываю богов, в которых не верю — Стрелка и Перекрестницу — помочь в свершении обряда от имени Деймока, Главы Рода Линешент.

Учитель Найго, который и обучал меня жреческой тайнописи — говорил, что вера важнее всего. А я верю разве что в то, что я непременно прочитаю или сделаю что-то не так.

Когда над нами эхом отдаётся сперва пронзительный крик, а потом полные ненависти и ужаса голоса, во мне что-то обрывается. Горло сжимается, голос гаснет.

Деймок Линешент, новый Глава Рода, вздрагивает, но не убирает ладонь с алтаря. Испуганно поднимает голову, вслушиваясь в крики и топот сверху. Соора громко всхлипывает. Арделл оборачивается от двери.

— Не молчите, у нас мало времени. Господин Олкест! Ведите обряд!

Спохватываюсь и ищу глазами фразу, на которой я прервался — но тут над нами начинает звучать отдалённое «Останови-и-и-и-ить... станови-и-и-ить...»

А потом Джиорел Линешент делает шаг вперёд, и глаза его стекленеют.

— Ос-та-но-вить, — хрипит он с окостеневшим, неподвижным лицом. Вскидывает ладонь — и Печать Ветра оказывается наведённой прямо на меня.

Мелони прыгает на него сзади, обхватывает за шею, и удар магии воздуха раскалывает один из хрустальных светильников по стенам. Джиорел сопротивляется отчаянно, сбрасывает Мелони в воду и поднимает ладонь, чтобы нанести удар магией.

— Оста-но-ви-ть...

Мелони из положения лёжа бьёт аристократа под колено, изворачивается змеёй и придавливает к полу. Они возятся в воде, и я невольно делаю рывок — к ним, помочь...

— Стоять!!! — рык Арделл пригвождает меня к месту. Варгиня захлёстывает кнутом ладонь Джиорела с Печатью. — Мел, не бить! У него жена на Полном Брачном! Лови, вяжи его! — и перекидывает ей кнутовище.

— Он... он кричит... — шепчет Деймок, почти что падая у алтаря. Губы у него совсем белые. — Там, внутри меня. Он хочет, чтобы я остановил... вас остановил...

— Соора! — Арделл хватает за плечи горничную, толкает к алтарю. — Будьте с сыном, поддержите его! Деймок, ты Глава Рода, он не сможет взять тебя под контроль. Не слушай его! Олкест, вы там заснули, что ли? Что надо делать? Ну?

Надо... читать, не отвлекаться, не слушать. Я пытаюсь, правда пытаюсь. Стиснуть пальцы, и уйти в пение древних символов, ощущать сердцем каждую фразу и каждое слово... Хотя в душе я проклинаяю этот обряд за его длину. Проклинаю тех, кто создал его с такими

пышными формулами и записал так, что его едва ли можно произнести (И это как читается: «эннелиол» или «инналиол?»). Вытискиваю, выдавливаю из пересохшего горла не торжественный, не властный напев. И чувствую, что слова не обретают смысла, не достигают разума.

«...а ты, Зверь Рода, да будешь волею Главы славных Линешентов из первого круга из рода исторгнут и извержен, и наша кровь ныне — не твоя кровь, магия же нынче наша — не магия тебе...»

По Ритуальному Залу гуляют волны — это Джиорел Линешент всё бьёт и бьёт магией Ветра, прямо в воду. Мелони сидит на нём верхом, отплёвываясь и держа кнутовище. Кнут обмотан у нашего союзника вокруг шеи — но тот через силу выталкивает из себя магию.

Страницы мокры, лицо всё в брызгах воды. Губы дрожат. Мальчик скорчился над алтарём, его мать обхватывает его за плечи, уговаривает потерпеть...

А там, наверху, творится безумие: шаги, и вопли, и проклятия, и звуки боя, чей-то визг, какие-то удары...

И вот раздаётся скребущий звук сверху: будто гигантские когти прорезают камень над нашими головами.

Арделл подняла ритуальную чашу, выпавшую из рук Джиорела. Теперь держит её в одной руке, а второй прижимает ладонь Деймока к алтарю — чтобы не соскользнула. Варгиня смотрит на меня, и в глазах у неё пляшет оранжевое пламя, причудливо смешиваясь с зеленью. На раскрасневшемся лице — упрямство пополам с решимостью. Она не говорит ничего — но словно бы вздергивает меня с колен на ноги, переливая в меня неведомую, непонятную мне силу — и меня словно укрывает за стенами старой, родной библиотеки Драккантов, огораживает от криков, от жутких скрежещущих звуков сверху...

От сомнений.

Голос крепнет, обретает уверенность:

— Теперь совершайте возлияние из чаши. Выливайте воду с кровью на алтарь! Так! Прижимайте родовой перстень! Воззови к своему Дару, Деймок! Ты готов повторять?

— Я... — мальчик задыхается. — Матушка, уйдите... готов... что надо говорить?

Приковываюсь глазами к нужной строке.

И тут что-то подсекает меня под ногу, словно бы верёвкой. «Паскуда!» — взвизгивает Мелони, и я понимаю, что это Джиорел Линешент дернулся, воззвал к Печати — и всё-таки попал.

Не удержавшись на ногах, ударяюсь головой о колонну, недалеко от которой стою. Книга летит в воду вместе со мной, и хлынувшая из носа кровь заливает окончание обряда.

Потом на дверь вовне обрушивается страшный удар, и она идёт трещинами.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

«Единственный шанс, — нашёптывал изнутри грызун, пока я летел по лестнице, держа в охапке прелестницу-нойя. — Единственный выход, а?»

У меня не было оснований не доверять старому компаньону. Так что, когда мы оказались в подвале, — я предоставил ему полную свободу. И рванул не по коридору с гобеленами и вышитыми гербами, не туда, где была дверь в подвал. А направо от лестницы, в слепой и тёмный закуток. Коротенький, но достаточный, чтобы вдвоём вдавиться в него шагов на пять вглубь. Выставить щит холода с Печати.

И замереть.

Аманда не говорила ничего. Тихонько дышала над ухом. Волосы щекотали мне щёку. Пальцы шевельнулись, выбросив на пол амулет — наверное, тоже защитный.

Потом мы умолкли, потому что фамильяр спустился вслед за нами по лестенке. Проплыл мимо, не обратив ни малейшего внимания ни на наши щиты, ни на нас самих. К двери Ритуального зала.

Под ударом миленькой белой лапки с фиолетовым сиянием дверь застонала.

Ещё тяжкий удар. Треск дерева, всхлипы металла. Боженьки, надеюсь, Арделл знает, что делать с этой дрянью. Если он вдруг окажется внутри...

Ещё удар — уже не лапой, всем телом. Торопливый, но сильный. Слышно, что там, в зале, что-то выкрикивают на несколько голосов. Удар, всхлипывание петель, скрежет отлетевшей железной оковки...

Тварь взвыла и завертелась в воздухе, объята фиолетовым огнём.

Гобелены с древними Линешентами занялись багрово-фиолетовым пламенем, за ним взялись гербы, потом огонь лизнул потолок, а потом пожар разросся на весь коридор. И там, в фиолетовом коконе огня, билась и корчилась жуткая тварь, от геральдиона в которой оставался только силуэт, контур. В конвульсиях, истошно визжа, она разносила всё вокруг себя: падали растерзанные, прогоревшие гобелены, дымно полыхал ковер и раскалялись каменные стены, на которых появлялись глубокие, взрезанные полосы...

Защиту смело, и магическим жаром ударило в лицо. Слишком поздно я сообразил, что наверх нам уже не выбраться: два шага вперёд — и мы с травницей станем живыми факелами. Осталось только держать щит холода — я возобновил его и почувствовал, как запылала от чрезмерных усилий Печать на ладони. Аманда, что-то прошептав, выбросила на пол ещё амулет, последний, и повеяло холодом...

Но тварь, бьющаяся агонии, извивающаяся, изгибающаяся посреди коридора, всё не подыхала. Она визжала и корчилась, выплёскивая из себя накопленную за века дармовую силу. И камни коридора плавилась, защита амулетов истончалась, ладонь опять почувствовала волну магического жара.

Крыса визжала внутри, пока я закрывал Аманду собой, вжимая её в угол. Пока отворачивался от жгущего глаза фиолетового сияния, прятал лицо, выставляя навстречу ему ладонь с Печатью, которая вот-вот обуглится...

Потом меня стиснуло поперек плеч и словно заковало в стальное кольцо, нас с травницей с силой впечатало друг в друга — вмяло и вжало, а фиолетовое сияние билось вокруг — и не доходило, пыталось достать — и не могло.

Вот, значит, как действует Дар Щита.

Знать бы ещё, когда это Нэйш успел спуститься в подвал... впрочем, наплевать.

Колдовской жар ощущался даже и через щит, просто теперь он не мог испепелить. И поперек плеча устранителя я мельком увидел: среди оплавленных, раскалённых камней коридора в ореоле магической энергии визжит и бьётся в судорогах тварь. И ореол погасает, жара становится меньше, а тварь изламывается в воздухе всё причудливее...

Взвизгнула особенно пронзительно.

Выгнулась в последний раз, корчась в агонии.

И истлела в фиолетовом сиянии.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Дверь трескается под мощным ударом, и за ней нарастает требовательный вой. Янист Олкест, полуоглушённый, пытается достать книгу из воды, но текущая из носа кровь заликает страницы. Светильники по стенам, не сговариваясь, вымётывают колдовское фиолетовое пламя. Мел, ругаясь сквозь зубы, вжимает в залитый водой пол Джиорела Линешента. Испуганно визжит Соора, застыл мальчик над алтарём...

Гриз действует, не думая. По наитию.

Прыжком подскакивает к Мел, выхватывая у неё из кармана давешний перевод. Отшвыривает в воду первые страницы, находит глазами последние формулы. В несколько прыжков возвращается к мальчику, подпирает его плечом.

На дверь обрушивается второй тяжкий удар, и слышен хруст петель.

— Повторяй! — кричит Гриз на ухо Деймоку. — Не бойся, повторяй за мной! Я, Деймок Линешент, ныне Глава этого рода, исторгаю из рода фамильяра...

Мальчик задыхается, но повторяет, а на двери обрушиваются удары, вода под ногами начинает нагреваться, и пронзительный визг в коридоре, и Соора сползает под ноги в обмороке, но отвлечься нельзя.

— ...Зверь Рода, геральдион Орэйг, ныне и во все дни, вне рода, вне крови, вне дома Линешентов...

Голос у мальчика — слабый, перепуганный, дрожит и срывается, и Гриз сжимает запястье Деймока — спокойно, я с тобой, мы справимся.

И ведёт за собой — голосом, волей, и верой.

— Здесь не твой дом!

— ... не твой дом...

— Не твоя кровь!

Голос Яниста Олкеста вплетается, вливается — на тайножреческом, и три голоса обретают силу, звенят в стенах холодного, каменного зала, расплёскиваются и властвуют над испуганным журчанием родника, и камень алтаря начинает согреваться под пальцами.

Ударов больше нет, Но в коридоре, что-то с воплями корчится и умирает, и через покалеченные двери видно фиолетовое сияние и ощущается жар...

— Здесь не твой род! — выкрикивает вслед за Гриз новый Глава Дома Линешент. У него дрожат губы, но в глазах теперь — всё та же вера...

В то, что всё кончится правильно.

Буквы на листе, выписанные почерком Яниста Олкеста, расплываются от водных брызг, но они уже не нужны: Гриз читала, она помнит, осталось немного...

— ...и свидетельство этому — алтарь моего рода, и мой перстень, мой Дар и моя Печать.

Два голоса идут за ней — слово в слово. Наперекор возмущённым и жалобным, прощальным воплям в коридоре.

Потом обрушивается тишина. Хрустальные светильники по стенам покрываются сеточкой трещин, но пламя в них возвращает цвет.

Вовне, больше нет ни жара, ни сияния. Ни воплей.

Деймок Линешент убирает руку с алтаря, пошатнувшись. Зелья перестают действовать, а он всё-таки ещё слаб.

— Это... всё теперь уже кончилось, да? Мы его изгнали? Ох, матушка!

Гриз вместе с ним наклоняется над Соорой. Пустяки: обморок от испуга, шишка на

затылке. Где-то в сумке на боку рядом с укрепляющим зельем — флакончик со струей гарпии, сунуть под нос...

— Господин Олкест, как там ваша голова?

— М-м-м, — невнятно доносится от колонны. — Полна... всяких мыслей. О причинах, почему фамильяров всё-таки запретили. Мелони, ты в порядке?

Презрительное фырканье подтверждает, что да.

— Что это со мной, — с трудом выговаривает очнувшийся Джиорел Линешент. — И кто на мне сидит?

Мел подсказывает, осторожно разматывает кнут из кожи скортокса, которым обмотан Джиорел.

— Орэйг, видно, всех Линешентов под контроль загрёб. Эй, Принцесска! Ты такое про фамильяров читал?

— Не довелось, — признаётся Янист и поднимается, опираясь на колонну. Трогает шишку на лбу. — Ой... это, наверное, был какой-то неправильный фамильяр. Впрочем, у магических перерожденцев могут быть... разные возможности защищать себя. Механизмы защиты в таких случаях...

— Я что, пытался на вас напасть? — хрипло недоумевает Джиорел, пока Гриз отпаивает его укрепляющим и бодрящим. — Приношу извинения... Гриз, как по-вашему, что нам теперь следует предпринять?

— По-моему, — весело отвечает Гриз. — Нам надо отсюда убраться как можно скорее. Что-то мне подсказывает, что ваши родственники за такое нам спасибо не скажут.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Очаровательно, — пропел над ухом голос нойя.

Виски и щёки щекотали тугие локоны с ароматом ванили и перца. Нос утыкался во что-то мягкое и тёплое: приоткрыв глаза, я убедился, что это подключичная впадинка травницы.

Губам и подбородку досталось даже более занимательное соседство.

А в коридоре позади стояла жутковатая тишь. Непривычная. Без воплей, взвизгов и скрежета невидимых когтей о камень.

— Это было... так самоотверженно, — невозмутимо журчала Аманда над ухом. — И так волнительно, золотенький.

Она подождала, пока я отклеюсь от неё и попробую соорудить виноватую мину (мечтательность всё отчаянно портила). И добавила, глядя поверх моей головы:

— Ах да, Рихард, и тебе тоже спасибо.

Нэйш едва слышно выдохнул где-то сверху — и стальные обручи с плеч исчезли.

Все шуточки о внезапной тяге Нэйша к обнимашкам и новым уровням отношений разлетелись в панике, стоило мне развернуться и глянуть на устранителя.

Идеальной красоты статуи как не бывало: лицо Нэйша было попросту страшным. Застывшее в маске напряжения, какое-то потемневшее, будто обожженное, со вздувшимися на лбу и висках венами, сжатым в узкую полоску ртом. «Клык» стоял, прислонившись плечом к стене, и взгляд у него был — даже в полутьме различалось — остекленевшим. Настолько, что мне показалось: сейчас он либо упадёт, либо кого-нибудь прикончит.

Да он же того и гляди в судорогах свалится от такого перенапряжения: сперва бой, потом закрыл Даром троих вместо одного...

— Эй? — устранил никак не показал, что слышит, а хватать его за рукав мне казалось крайне нехорошей идеей. — Эй, послушай, ты, кажись, выложился на полную... так что тебе надо бы присесть, а? Дышать можешь? Воды или укрепляющего...

«Клык» моргнул. Лёгким толчком отделился от стены и, пару раз дёрнув углом рта, сумел-таки выжать ухмылку.

— Спасибо за заботу. Лайл. Я в норме.

— А я — королева Ракканта, — грызун внутри с какой-то стати вопил, что нужно бежать, бежать было некуда, так что я частил и частил бешеной скороговоркой. — Слушай, я не умаляю твоей героичности, но если ты ляжешь и помрёшь — Арделл на меня повесит поиск нового устранил, не говоря уж о том, сколько человек в питомнике обрадуются и напьются... Эта тварь только что камни плавила, так что тебе не помешала бы подзарядочка в виде пары-тройки зелий, а?

Нэйш качнулся вперёд — и я попятился. Судорога, пробежавшая по классической физиономии, показалась очень уж пугающей.

— Действительно, — прошелестел устранил. — Небольшая подзарядка не помешала бы.

После чего развернулся и стремительно прошествовал к лестнице. Его качнуло при подъеме, но двигался «клык» очень даже быстро... лихорадочно как-то даже быстро. Как уж точно не ходят после громадного выброса магии с Печати, уж я-то знаю симптомы магического истощения.

— Это вообще нормально? — вполголоса осведомился я, глядя Нэйшу вслед. — В смысле... он разве после такого не должен сползать по стеночке и хлебать укрепляющее пинтами?

Аманда, разглаживающая своё платье, чуть пожала плечами.

— Это Рихард, сладенький. Не пытайся понять. Ох, наверное, нужно узнать, как там Гриз и остальные?

Арделл, Мел, рыжее несчастье Олкест и всякие прочие Линешенты чувствовали себя неплохо: мы удостоверились в это, когда пролезли в выломанные двери. Правда, Джиорелу нужна была помощь после парализации кнутом, но за это тут же взялась Аманда.

— Погляжу, как там наверху, — предложил я, удостоверившись, что помощь не нужна. — Пути отхода... всякое такое.

Очень может быть — я даже хотел бы увидеть Нэйша, отключившегося в портретной галерее. Посреди тех, кого он же сам и вырубил. Несмотря на то, что «клык», вроде как, сегодня самую малость помог нам с травницей выжить.

Но это обозначало бы, что он... не знаю, хоть в чём-то человек. И убавляло бы количество нехороших вопросов.

В галерее Нэйша не оказалось. Линешенты, их слуги и наёмники лежали так, как мы их оставили: кто-то в отключке, кто-то скрюченный от боли, кто под воздействием снотворного или амулетов Аманды... Отдельные личности начинали постанывать и поругиваться сквозь зубы.

Громче всех стонал наёмник, из-под плеча у которого растекалась лужа крови. В плече зияло аккуратненькое отверстие. Сделанное узким клинком — охотничьего ножа или... другого инструмента.

— Ты же не доставал дарт, — пробормотал я, глядя на пол галереи.

Кое-где на ковре можно было рассмотреть кровавые следы человека, который

направлялся к выходу из замка.

Крыса внутри нехорошо оскалила резцы: она не любила тайн и неизвестности.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

— «Досточтимая госпожа Арделл!»

Я не могу сдерживать фырканье. Варгиня, устроившаяся у камина в компании с алапардом, выглядит, уж конечно, не как досточтимая госпожа. Впрочем, как и остальные: Мелони крутит в пальцах метательный нож, нойя перетирает травы в ступке, Гроски сосредоточенно жуёт и одновременно изучает какой-то счёт.

Арделл бросает на меня насмешливый взгляд и начинает сначала:

— «Досточтимая госпожа Арделл! Очень жаль, что мы так и не были представлены друг другу как следует. Однако мы все так стремились скорее отбыть из поместья слишком быстро, что я даже не успел принести вам подобающие благодарности. Но мой дядя Джиорел сказал, чтобы я написал Вам письмо и выразил признательность в нём. А также изложил все последние новости.

Дядя просил передать, что после сам Вам напишет, и ещё он решил, что Вам приятно будет получить весточку от меня. Боюсь только, что мой слог не слишком хорош. Но дядя Джио (он настаивает, чтобы я его так называл!) отказался править моё письмо, поэтому извините, если я буду писать сумбурно или излишне просто.

У меня всё просто замечательно, и за это, конечно, я тоже должен благодарить Вас и ковчезников Вашего питомника. Дядюшка и его супруга Мелейя относятся ко мне как к родному сыну. К матушке они тоже очень добры, а она рада помогать им с их первенцем, который родился на пятый день прошлой девятницы.

Мы с матушкой теперь живём в Айлоре, но иногда приходится приезжать в старое поместье Линешентов. Это связано с расследованием. Дядя Джио просил передать, что, возможно, вы не будете замешаны в это всё...»

Гроски издаёт радостное восклицание: бывшему беглецу с Рифов ни к чему проблемы с законом. Впрочем, поместье Линешентов не из тех мест, куда и мне хотелось бы вернуться. Или о которых бы мне хотелось впредь слышать.

— «...Но, если законникам понадобится, то они попросят вас явиться на допрос. А пока что им и так хватает работы. Это всё из-за смерти Пореста Линешента. Вы, наверное, слышали — он отравился...»

— Туда и дорога, — долетает со стороны Мелони. И у меня не хватает сил на укоризну во взгляде. Может, потому что смерть Главы Рода была предсказуемой. Он всё же любил реликвии слишком сильно.

— «Я пока не знаю, что мне чувствовать по поводу его смерти. Он был моим дедом, но отдал меня как корм фамильяру, чтобы выгадать несколько лет жизни.

Мне приходилось рассказывать законникам много раз про пансион и как я там учился. И как меня забрали к Линешентам, чтобы я мог служить у них в замке. И что со мной все были очень ласковы и добры, особенно Гарлон Линешент — я тогда не знал ещё, что он мой отец. А потом они мне рассказали, кто я, и предложили провести обряд — чтобы формально принять в род. Дали мне вина и отвели вниз, в Ритуальный зал. А сам обряд я плохо помню. И позже мне пояснили, что пока что я буду оставаться слугой, а потом мне подыщут хорошее место, согласно статусу, они говорили.

Потом я начал слабеть и заболел. Матушка говорит, другие мои братья из пансиона тоже болели так. Но она не знала, что с остальными слугами проводили какие-то обряды. А потом догадалась, отчего это может быть, но Линешенты пообещали, что будут ухаживать за мной как следует. И ещё она боялась — и до сих пор ещё боится и жалеет, что так вышло с её благодетелями и моим отцом».

— Курица, — прикладывает Мелони безапелляционно. — Что? Благодетели... мантикоры их жри! Они её и в служанки-то взяли, явно когда пронюхали, что она из рода короля. Ар-ристократы...

И впивается в меня взглядом, как бы говорящим: ну? Видал, куда ты меня тащить собирался?

Я мог бы ответить, что я вообще-то прибыл сюда, чтобы попросить её встретиться с умирающей тётушкой... но едва ли это уместно сейчас. После визита в поместье Драккантов и пережитого в Ритуальном Зале Линешентов Мелони вот уже девятницу не в настроении, и я стараюсь не бередить раны.

— «С Гарлоном Линешентом я пока ещё не говорил: он где-то всё достаёт свои дурманящие зелья. Но я всё равно не знаю, что ему сказать. Сёстры Линешент уехали в свои поместья. А Этриан в бегах. Дядюшка не сомневается, что всё это, с пансионом и другими бастардами задумал именно средний из наследников Линешентов»... Похоже на то, — говорит Арделл, отрываясь от чтения. — Судя по всему, они затеяли всю эту историю с бастардами лет двадцать пять назад — как раз Этриан Линешент приближался годам к семнадцати. Изворотливый ум, да... Так, что там дальше: «Сейчас у дяди Джио много дел не только с законниками и родичами, но и с пансионом Линешентов. Он хочет дать всем моим братьям настоящее образование. Нас учили там, чтобы быть слугами. А теперь мне приходится много чего изучать, и другим в пансионе тоже придётся. А потом дядюшка хочет всех постепенно ввести в Род. Он говорит, для каждого найдется какое-нибудь дело. Ещё дядя попытается найти всех женщин, у которых Линешенты забирали детей. Им лгали, как моей матушке. Обещали, что их дети получают образование, будут определены слугами в хорошую семью. Не знаю, как всё это собирается делать дядя: ведь в пансион нас привозили сразу после Посвящения, так что мальчики плохо помнят — где они раньше жили и кто их матери. А записей в пансионе не нашлось. И ведь ещё где-то есть наши сёстры, которых в пансион не брали, а просто оставляли у матерей. Дядюшка и их хочет найти.

Из-за всего этого он так занят, что я его почти не вижу. И он не хочет брать себе титул Главы Рода. Говорит — может, позже, а может, и ну его. Пока что оставаться Главой для меня вроде как безопаснее. Дядя Джио обещает, что договорится с матерью и сестрами о том, чтобы меня не трогали. Но я почти уверен, что меня и так не тронут, потому что теперь у меня появился Могущественный Покровитель. Пока я не могу написать, кто он. Но он заверил, что я точно в полной безопасности, а дядя говорит, это человек слова».

Здесь Арделл делает паузу. Ещё раз вчитывается в строки со слегка озадаченным видом.

— «Позвольте ещё раз горячо и от всего сердца поблагодарить вас за всё, что вы для нас сделали. Очень жаль, что между Айлором и Вейгордом — Хартия Непримируемости Госпожа Мелейя тоже очень хотела бы видеть вас всех в гостях и как-нибудь помочь питомнику. Но мы что-нибудь придумаем, когда дело с поместьем Линешентов кончится, и можно будет повидаться на землях Ирмелея. Передавайте мои поклоны всем отважным ковчезникам: госпоже Мелони Драккант, и господину Нэйшу, и господину Гроски, и госпоже Аманде (дядя не вспомнил её фамилии, прошу прощения за неучтивость). И всем

другим, которые приходили в поместье.

А особенно передавайте поклоны и приветы господину Янисту Олкесту, госпожа Мелейя ему непременно напишет. Своего первенца они с дядей Джио нарекли Янистом, в его честь. И мы все никогда не забудем его за его отвагу и за то, что он провёл весь этот сложный обряд.

Ещё раз кланяюсь и благодарю вас всех.

Непременно напишу Вам снова.

Всегда Ваш слуга

Деймок Линешент».

Последних слов я почти и не слышу, потому что чувствую, как щёки наливаются жаром.

— Вот так, господин Олкест, — говорит Арделл, складывая письмо. — Приветы вам и поклоны. Кстати, говоря, Джиорел прислал чек — раза в три больше, чем мы ожидали. Можно будет расплатиться с парой долгов. И выписать вам премию.

Я собираюсь возмутиться и высказаться в том духе, что деньги мне не нужны и хватит обычного жалованья... Но тут Арделл как бы мимоходом бросает взгляд на мои ботинки. Пришедшие за последние девятницу в полную негодность.

— И не спорьте. Гроски? Мы выделяем господину Олкесту двадцать золотниц. В каком смысле «всё расписано» — мне что, босиком его на выезды посылать?! Что — корма? Что — поставщик ломит цены? А ну-ка дай глянуть, где и как он ломит цены...

...честное слово, она совершенно невыносима.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ. СЛЕД ПРОШЛОГО

«... что до четвертого чуда Кайетты, коим являются называемые в народе пустошниками «пустые элементы» — единого мнения о происхождении этой тайны нет и быть не может.

Легенд о том, отчего Камень обделяет магией приблизительно одного из сотни, сложено немало. Учёные же сходятся в одном: так или иначе — перед нами некое повреждение человеческой природы, намеренное выделение Камнем тех, кого магией нельзя наделять ни в коем случае...»
Энциклопедия Кайетты

ЙОЛЛА ДОМЕРТ

— Две... нет, три лучше возьми... скажи вот, чтобы дала как в прошлый раз, да...

Пальцы у ма трясутся. Медные рыбёшки распрыгались по ладони.

А я уже знаю, что соглашусь, но всё равно говорю:

— Ты это... лучше, может, зелье выпей, а? Аманда наварила.

Протягиваю бутылочку с успокоилкой, а у ма становится просто дико жалобный вид.

— Худо мне от этого варева нойя. Дрянь она какую-то кидает туда. Зверям только пить.

А меня во — наизнанку выворачивает!

Ма — она упрямая. Особенно когда в плакательном настроении. А она сегодня в очень плакательном настроении. Потому что четвертого дня Мел нашла запасы яблочной бражки, которые ма с вольерными ставили. И всё вылила. Ну, и вчера ма ещё держалась мал-мальски, а сегодня вот совсем ей плохо с утра.

— Тяжко мне на сердце от этой её отравы. Папаша вот твой перед глазами всё стоит, братики стоят, и сил нет никаких... Мне бы только поправиться маленько, пичужка. Поправиться чутка... понимаешь?

Всё я понимаю как следует. Сейчас будет мне говорить, что ей бы только полстаканца — муть перед глазами разогнать. Чтобы кровь бежала, да слезы к горлу не подкатывали. А что просит три кварты да покрепче, так ей это надолго...

А как принесу — всё будет сперва, как ма обещает. Она разулыбается, причешется, пойдет у Лортена прибираться, или Фрезе помогать, или корма зверям готовить, или ещё чего, что надо по питомнику. Будет болтать с вольерными, под нос напевать и шутить — похоже даже на то, какой она была до пожара, хотя я не очень хорошо помню сейчас уже — а какой она была-то. Потом она ещё к бутылки приложится. И ещё. И к вечеру будет шататься по питомнику и заплетаться ногами, о горе своём всем рассказывать, плакать или ссориться с кем. А с утра-то ей самой стыдно станет, будет работать молча и никому на глаза не попадаться, а потом запечалится и опять хлебнёт, и всё сначала.

Только я-то всё равно пойду. Или она плакать начнет, и корить себя, и прощения просить. Ещё потом сама в деревню начнёт собираться. И придется глядеть, как у неё дрожат руки, и слёзы каплют, и какие у неё тусклые глаза, и слушать это всё, так что всё равно ж не выдержу и пойду.

— Ладно, — Сгребаю у ма с ладони монетки. Накидываю куртёху.

Домик у нас прячется за ивняком. Домик небольшой совсем и малость покосившийся,

но это хватит перебараштаться. Как дотяну лет хоть до пятнадцати — поступлю на службу как положено. Буду вольерной, или у Фрезы на посылках, или у Мел в подручных — самое лучшее. И дом поправлю.

Ветрила снаружи — ух-х! Луна Мастера в расцвете, а Ирл Всемастер — мужик непостоянный. В легендах вечно крутит с хорошенькими смертными и дарит свои дивные игрушки направо-налево. На юге-то страны, говорят, теплынь ещё и виноград убирают. А наш уже, было дело, морозцем прихватило — поубирали весь. Зверям ветер не нравится, они в клетках и по загонам зашились и сидят.

Выбегаю за ворота — и меня чуть не сдувает совсем. Фреза б точно набурчала, что мало ем, только куды больше есть, когда у меня «недостаток ёмкости» (Гроски так говорит). Над головой тучи — хорошо, если покапает малость. Тогда рыжий Тейд с шайкой точно на улицу не полезет.

На дороге здоровенные колдобины вымыло: вся прошлая девятница на ливни пошла. Глубинница уходить не хотела, с муженьком здоровалась, видать. А старый Тодд теперь не ездит со своей телегой, на которой всё есть. Интересно, есть у него на телеге лекарство для ма?

Аманда ма вылечить не может. Она ей даёт протрезвляющее, сонное, укрепляющее, антипохмелку ещё таскаю. А от тоски нойя не знают, чего варить. Вернее, Аманда говорит: «Нойя знают, сладенькая. Только вот к таким зельям привыкаешь быстрее, да и стоят они дороже, и организму от них больший урон».

Гриз с ма часто разговаривает. А Мел иногда орет, когда ма чего не так утворит. Ма их слушает, кивает, плачет. Ходит потом тихая, глаза прячет. Раз целый месяц продержалась — полную Луну Дарителя Огня, от первого дня до тридцать третьего. А на первый день Травницы напилась.

Ма никак не может прогнать тоску. Потому что у неё тоска перед глазами крутится. И никак её никуда не выкинешь, потому что куды меня выкинешь, в самом деле?

Иду вдоль размытой дороги. По правую руку — магическая ограда нашего питомника. По левую — луг со свалывшейся травой. Можно малость поиграть в любимую игру — представить, что на правой ладони что-то есть. Сегодня проще всего представить, что там Знак Ветра. Волнистая линия, как у ма. Надо прикрыть глаза, махнуть ладонью, как в приказе — вон туда дуй! Ветер дует, обглаживает ветки от листьев. Волосы в лицо кидает, а потом я делаю ещё как будто бы пас — и утихает, ждёт ещё команд.

Весной и летом здорово себя представлять Травницей и вслушиваться — что травы чего наговаривают и шепчут. Если дождь — то можно в мага Воды перекинуться. Если вдруг морозы — тогда я Маг Холода. И ещё бывает, прикидываюсь Следопытом, как Мел — вот у кого Дар так Дар! Стрелком, Мастером или Мечником я бываю совсем редко.

С Даром Огня не представляю себя никогда.

Хотя я-то готова полжизни прозакладывать за то, чтоб на ладони у меня был хоть какой заваливающий знак. Хотя б полумесяц, как у Уны. Или как у этого вот законника — хотя кому и на что нужен Дар Музыкаки?

А лучше б так. Потому что у меня-то ладонь вовсе чистая.

Я пустошник. Нуль. Пустой элемент.

Выбраковка для Камня, к которому меня водили три раза: в пять лет, в шесть и в семь. И который так и не дал мне магии, хотя спрашивается — чего ему было, жалко, что ли?

Если б я увидела Кормчую, я б спросила: чего это ваш Камень сбоят и мне магии не

даёт? Что я, ущербная какая, а? Вон у нас есть Фил Динь-Дон на деревне, так он всё улыбается и слюни пускает, да играется с колокольцами, хотя по годам он как Гроски уже. И у него на ладони — Знак Воды. Или я что — чем-то хуже рыжего Тейда с его обормотами, чтоб меня вот так, списывать как мусор и выкидывать, а?!

В семь лет, как мы с ма в третий раз в Акантор ездили, я не спросила. И вообще ревела, как не прошла Посвящение в третий раз. Это, сталбыть, с концами уже, всё, пустышка, потому как некоторым Камень даёт магию на второй раз или на третий, а после третьего — нет, не даёт. А сейчас мне десять, и уж я бы спросила как следует — не поглядела бы, что там зал здоровый, жрецов полно и Кормчая вся важная такая, как не отсюда совсем. Глянула бы в лицо и спросила: он у вас чего, барахлит, этот ваш Камень? Так позовите Мастеров из Мастерграда, что ли.

Только Мастера-то, небось, и не скажут ничего. Гляжу на здоровенный валун на перекрёстке и вспоминаю Камень: на трёх плитах-подставках вокруг него, серый такой, посередке как ладошка детская выдавлена. Туда надо положить правую ладонь — и Камень тебя наделит Печатью и магией. Кто говорит — это больно, кому щекотно, кого морозит и жжёт. Мне было никак. Камень как камень, холодный. Все три раза.

Мел говорит — даже академики за века все извилины стесали, чего там в Камне клинит, раз он магии не выдаёт. И почему «пустых» с годами то больше, то меньше. Я у женишка Мел (хотя никакой он не женишок, смех один) поспрашивала — вроде, он учёный малость. Так он говорил: всё, что связано с Магией Камня — для учёных тёмный вир. Есть, говорит, у них всякие догадки — почему Камень одного награждает Даром Огня, а другого — Даром Холода, да и даёт по-разному, то мало, а то и завались. Только вот эти догадки между собой не срастаются, и проверить их не получается — так он и сказал. Потом ещё начал легенду какую-то рассказывать, что, будто бы, Камень магии не даёт самым сильным и стойким, потому как магия — это так себе, штаны поддержать, а вот ежели ты всамделе достойный и сердцем чистый, то её тебе и не надо — так проживёшь. Ну, не знаю, как-то я не сильно утешилась насчёт этого. Какой смысл быть достойным, когда на тебя все как на мусор глядят?

А легенд — как «пустые элементы» появились — их много. Мне больше всего про Тобоса Осквернителя по душе. Мел её рассказывает смешно:

«Давным-давно был один Мастер-идиот... хм, ну-ка, подай-ка мне подкорм для гидр... так вот, он решил натянуть нос самому Ирлу Всемастеру. Шарился по пещерам, собирал всякие там знания. Ну, и склепал себе артефакт, чтобы отбирать у людей магию. Начал ходить и тыкать этой дрянью налево-направо. Ага, воды подлей. В общем, он вроде как стал великим магом. И у него заиграла гордыня в одном месте. Угу, и Тобос Первый Осквернитель решил отобрать у Камня Дар наделять других магией. Всадил Стрелу Жертвы в Камень. Но что-то пошло не так, и Тобос возьми да окаменей. А Бульжник разозлился и теперь вот сбоят на каждом сотом. Иногда реже, иногда чаще. Пошли уже гидрят прикармливать».

А Аманда иногда поёт про это дело, и в песнях у неё мне ещё больше нравится. Будто бы Тобос Осквернитель испугался, как понял, что творит, да забрал стрелку эту самую и попытался, сталбыть, обратно эти силы запихать. А они не запихиваются, не берёт Камень. Ну, он взял, да и ушёл в отшельники. А говорят так-то, что он ещё живой: магии в нём много было! И сидит в лесу, глухом-глухом, и стрелку свою в ларце стережет, а кто смелый к нему придёт, тому он стрелку отдаст и тайное слово скажет. И тогда неси ту стрелку к Камню,

говори заклинание — и тут-то магия ко всем «пустым» и вернётся!

Найти бы. Ежели б там даже испытания — Гриз говорит, что я храбрая, умелая, а Гриз врать не любит. Може, когда вырасту — поднакоплю деньжат, да и поищу малость. Ха, вот Гриз носится со своей идеей найти Дитя Энкера, а мне что — нельзя, что ли?

Вечно как ма пошлёт в деревню — на ум лезет Каменюка (её Мел так называет), тайны все эти с магией. И песни Аманды про Стрелу Жертвы.

Всё думаю да думаю, а сама уже в деревню забегаю. На главную улицу не суюсь, пробегаю переулками-закоулками. Собаки волнуются. Только Гриз меня паре приёмов научила, как с ними себя держать. Она говорит, что я вообще с животинами управляюсь не хуже среднего варга, только... ничего это не меняет, в общем.

Ветер — хорошее дело. Все сидят по домам, носов на улицу не кажут. Вот летом по деревне шастать нехорошо: кто сплюнет, кто поморщится, кто шептаться за спиной начнет: «Это эта, как ее, погорелицы-Изы дочка, из пустышек!» «Ой-ой, мы уж испугались тогда, на наши дома перекинется, как полыхнуло... А мальчишечки-то были оба с Даром, и на заглядение...» — «Да тут не сглаз ли, не порча ли на этой, младшей? Через неё ведь всё началось...»

Будто сама не знаю, что с меня началось.

Если сейчас свернуть налево и пройти шагов сто — там будет заросшее пепелище. Наш дом. Я к нему не хожу, а то еще начну реветь, а мне нельзя это... на сопли исходить, так Фреза говорит. И ба рассказывала, что иногда духи из Водной Бездони возвращаются — виновника, сталбыть, ищут, если кто в их смерти повинен. Так что я на самом деле боюсь, что около бывшего дома будет па, ну или Арбил, или Йерри.

Арбила мне жальче всего. Йерри меня за волосы тягал и лягух в молоко подкидывал, пустышкой дразнил, когда я ещё первый раз Посвящение не прошла. А Арбил был добрый, на шесть лет меня старше, Травник... приносил мне цветочки разные, рассказывал про них. Даже когда я в третий раз Посвящение не прошла — дразниться не стал и сладости для меня припрятывал.

А па — он был суровый. И выпивал — сначала немного, а потом уж после второго раза, как я не прошла, помногу начал. И раньше мог чутка отлупить за проступок, а по пьяни начал здорово драться с ма. И всё выпрашивал — чья это я дочь, потому что ясно же, что от него вот такое порченное родиться не могло.

А пожара я совсем и не помню. Меня тогда ба вытащила, как добежала, у неё был Дар Холода, вот она внутрь и влетела. Ма вытащил кто-то из соседей, а братики и па были в глубине дома, их никто бы уже не вытащил. Потом говорили — там хорошо зажглось. Видать, у па спяну полыхнула Печать — у него был Дар Огня.

Ну вот, а потом ба забрала нас к себе, а ма начала пить с горя. А как ба через год ушла за ягодами и заблудилась с концами — тут уже тётка Тасия нас и выставила. Так и сказала: «Вот что, Иза. Вы мне, знаете ли, не родные, да и братика моего в Водную Бездонь ты свела своими пашнями. А теперь только пьёшь да валяешься, да и твой выродок под ногами пугается, а мне тут пустышки в доме не надо. Так что выметайтесь».

Малость ещё по дальней родне помыкались, только ма всё пила, а я-то еще и из «пустых»... Потом весёлый дядька Джейро (они с его женой малость нас подкармливали, а у самих-то уже тогда пять ребятишек было!) посоветовал ма попроситься в питомник. Мол, другу Джейро там нашлось место, а он же тоже «пустой элемент». И Гриз нас сразу взяла. Даже предлагала поселиться в «Ковчежце», только ма решила быть подальше от нойя и варга

с алапардом.

Добегаю до дома тётки Ровинды, стучу в окно. Тётка выползать не хочет, бубнит чего-то, что вечно, мол, неймётся. Потом окно приоткрывает:

— Сколько надо?

— Три, — Пересыпаю ей монетки в ладонь. Окно закрывается. Тётка теперь бубнит обо всяких там пустышках, которые вечно припрутся в рань безбожную и холоду напустят, и о пьяницах непутевых, о старых долгах и о своих костях, которые ноют. Я разглядываю крыльцо и кидаю кусок хлеба худющему псу на цепи — жалко, чего получше не прихватила. Он так-то не злой, только вид делает.

Окно опять скрипит, тётка пихает в руки три квартовые бутылки.

— Вернуть не забудь. Не напасёшься на вас потом... Шапку чего не надела? Есть хоть не хошь?

Ровинда, в общем, тоже бабка не злая. И цены не ломит, не то что Злобная Берта или Свейлы, которые «Пьяный дракон» держат, деревенскую таверну. Бренди, правда, у неё самопальный и не пойми из чего, зато в долг даёт.

Мотаю головой — не хочу. Ровинда — она так-то не прочь за печеньем языком почесать и всё-всё у меня про питомник выпросить. Так что я говорю, что спешу. Бутылки складываю в матерчатую сумку (специально малость соломы с собой взяла — подложить!). Машу рукой, пускаюсь потихоньку назад.

— Фить! Пустышка! Гляньте, ребята, пустышка бежит!

Вот же водные черти принесли рыжего Тейди с его шайкой! Лучше б уж на девчонок наскочить — эти только дразнятся, щиплются и плюются. А эти придурки вечно норовят или камнями закидать, или в грязи вывалить, или просто так отлупить за всё хорошее.

— Пустышка! Демонское семя!

— Убогая! Неделка! Чего притащилась, а?!

— Сказано ж было — чтоб нос свой поганый сюда не совала!

Сегодня их только четверо — остальных холод пораспугал. Мелкий прыщавый Кай, чёрный как жук Нат, рябой Эсвер с рваной губой. И рыжий Тейди, ему уж тринадцать стукнуло, он их всех на голову выше. И успел аж три года отучиться в прихрамовой школе.

— Эй, пустышка, согреть? — и ухмыляется, и пыхает огоньком на ладони. Обожает меня огнём своим пугать. — А что это у тебя там в сумке, а? Небось, мамаша за выпивкой послала? Давай, выгружай.

— Манतिकору тебе в задницу, — огрызаюсь я и пыхчусь потихоньку. В другое время я б от драки бежать не стала, я им нехило могу напинать. Только вот бутылки же все перебьют.

Ветер шумит и шумит, а Тейди с его шайкой ухмыляются и наступают.

— Чего такая дерзкая, а? Маманька не учит?

— Хы, куда ей учить. Наклюкается с утра, небось, и валяется.

— Кувыркается с вольерными, гах!

— Э, далеко собралась?

— Далеко, как твой папаша! — Нат хмурится, потому как он безотцовщина, батя его в другую деревню от женушки сбежал.

— Надо б нам тебя поучить, — гнусит гадко и начинает идти быстрее. — Чтобы ты сюда забыла, как соваться.

Пф, страшный. Он сам-то Стрелок по Дару, а лука или арбалета при нём нет, так что с ним мы наравне. Другое дело Тейди или прыщавый Кай — у этого Печать Ветра.

Чего там говорил Гроски? Первое дело во всякой заварухе — неожиданность.

— А и давайте, — говорю. И выжимаю себе на лицо ухмылку Нэйша. Я это дело хорошо умею: брови приподнять, взгляд остекленить, раздвинуть губы. Нат аж спотыкается от такой моей рожи.

— Подходите-подходите, — (главное — уверенность, тоже Гроски говорил). — Меня тут как раз наша нойя одной порче научила — вот уж как раз хотела попробовать.

Делаю рожу кровожаднее и зловещее, хотя куда уж. Тейди малость замер, но храбрится, а остальные хвосты уж поподжимали.

— Нойя, ну как же. Брешешь.

— А ты подойди, да и попробуем, — («Если собираешься блефовать, главное — подробности»). Роюсь в кармане свободной рукой. — Видишь эти штуки? Вот я это в вас швырану, потом слово тайное скажу — и чёрная плесень на вас навалится. В глазах будет расти, изо рта и носа ползет.

В горсти у меня — семечки для птиц, только деревенским дуракам этого не видать. Они уже переглядываются, а я продумываю путь отступления. Гроски дурного не посоветует — он же с Рифов бежал. Вольерные говорят — и дюжину охранников при побеге передушил, во как.

— Брешешь, — цедит рыжий Тейд и выставляет ладонь с Печатью. — Только попробуй чего швырануть — я тебя огнём...

Я вытягиваю лицо, закатываю глаза и начинаю раскачиваться и завывать:

— Мэйнхо... мошахи танар... та скрэ-э-э-эрэн! Дэйтем-е-е-е-енен!

Аманда так ругается иногда. Когда кто-то из вольерных сильно поранится. Или когда она совсем не в духе.

— Чего это с ней?! — орёт прыщавый Кай, но я раскачиваюсь и вою себе:

— Калатама-а-а-а-аррэ! — потом выпучиваю глаза и швыряю в них семечками. Придурки вскрикивают и шарахаются в разные стороны.

А я рву когти. На скорости алапардов в Энкеров день. Кидаюсь в левый проулок, стараюсь только сумкой с бутылками сильно не размахивать. Торможу у высокого забора дядьки Клерия, перекидываю петли сумки так, чтобы она на боку висела, карабкаюсь на забор. Спрыгиваю, бутылки позвякивают. Мне навстречу с лаем кидаются пять здоровых псов — болотные сторожевые, они вечно без цепей гуляют. Вытягиваю руки с поднятыми ладонями вперёд.

— Стоять, мальчики! Чего разошлись?

Говорю тоном Гриз — ровным, дружелюбным. Улыбаюсь, спрашиваю — как тут их дела. Псы переглядываются, принимают, поскуливают с удивлением. У меня куртка чем только не пахнет. Вот они и не понимают, чего за диво из питомника к ним свалилось.

— Пошли, проводите меня, а то я уже ухожу.

Главное — чтобы сам дядька Клерий из своего дома не выскочил. Он в деревне из богатых, а меня сильно не любит. И Даром Ветра пользуется отменно.

Так что я тихонько перебегаю его землю, прячась за садовыми деревьями. Говорю спасибо псам. И быстрее-быстрее взлетаю на забор, а там уже опять несусь во весь дух.

Всё-таки не догнали — выбегаю из деревни вполне себе спокойно. Можно отдышаться и глянуть, как там бутылки. Одна, вроде, треснула, но ничего серьёзного.

Это я дешёво отделалась. Обычно пацанов у рыжего в шайке — шесть, а то и восемь, ещё и девчонки, бывает, к компании присоединяются. Вот тогда худо. Налетают со всех

сторон. Бывает трудно прятать синяки от Гриз, Мел и Аманды. А то иногда еще нос разобьют или губу, ну или там магией хлестанут. Тогда врать становится совсем трудно, а жаловаться я не люблю. Мне это ба еще давно говорила: не ной, не жалуйся, приноси пользу — и тебя не за пустое место считать будут.

Понятно, что Мел и Гриз всю душу, бывает, вопросами вывернут. Только их тут самих в деревне не жалуют, так что я молчу. Не хватало им еще из-за меня хлопот лишних. Вот если бы можно было и правда взять у Аманды, ну не знаю, слабительного, что ли... или кнут у Гриз — и ка-а-ак отходить этих всех!

Ясно, чего они ко мне вяжутся. У нас в деревне «пустых» только три человека. Но Дерк — он же здоровый, хоть и безответный. А бабка Амилия — повитуха, и каждой Травнице может форы показать, так что к ней ходят помалу за снадобьями и помощью. А мне вроде как деться некуда.

Янист рассказывал — будто бы в Алчнодоле есть целая община таких, как я. И живут они хорошо и радостно, «под сенью у Единого». Им-то в Алчнодоле бояться нечего, магию долина высосать у них не может... Может, мне туда податься? Так ведь как ма оставить, да и в питомнике ещё тысяча, тысяча дел.

Но лучше туда, чем на Вольные Пустоши. Туда тоже «пустые» стекаются — полвека, что ли, как у них там государство, возле между Крайтосом и Тильвией втиснулось. Гегемония, Союз Равных, называют, в общем, себя по-всякому. Только о них жуткие вещи рассказывают. Совсем жуткие. Что они там, будто бы, над какими-то запретными науками трудятся, ужас что творят, и магов крадут, и детей тоже. И вообще хотят всю Кайетту захватить и у всех магию отобрать, чтобы все равными были. Это уже Лортен рассказывает, а он даже газеты читает.

Обратный путь кажется короче. Бутылки отдаю ма. Согреваюсь на кухне — там плита ещё не успела остыть. Зову вольерных к завтраку: Фрезы нет, но у неё с рассвета всего наготовлено. Потом по-хозяйски обхожу клетки, смотрю поилки, оглядываю раненых зверей. Подкармливаю яприлят сладкой морковкой. Койнам медовых сот даю — веселятся и качаются на хвостах в клетках. Глажу по клюву слабого грифонёнка.

Без Мел или Гриз не так интересно. А они уехали в какой-то питомник, где опять взбесились звери — который раз уже... Основное действие там было ночью, в питомнике сами разобрались, вызвали только — порасследовать, что там такое было. Янист туда же, с ними напросился. Не хочет Мел вместе с Гриз отправлять. И чего он так бросается на Гриз, интересно?

Аманда собирает поздние болотные травы. А Гроски я видала, он в трактир Злобной Берты пошагал. Говорил что про встречу с поставщиками кормов. Может, они уже вернулись? Иду к «Ковчежцу». По пути киваю Морвилу — тот идёт по каким-то своим делам. Морвил на ходу отвечает короткое «мрра» — он алапард вежливый.

Пяток минут болтаю с Сирилом-Сквором. Глажу его по перьям через прутья клетки, даю чутка сахарку — наш маленький секрет. Сквор радуется: «Красава!» У уже получше с речью. И он уже меня с Уной не путает.

Уна сидит в лекарской. Над какой-то книгой.

— А Аманда не приехала ещё? — Мотает головой и отворачивается, чтобы я не увидела, чего она там читает. Будто мне дело есть.

Прохожу мимо двери комнаты, где Гроски и Янист живут... потом возвращаюсь, потому что что-то не так.

Приоткрытая дверь почти напротив лекарской. А это же дверь Нэйша, и она у него обычно закрыта. Да что там — всегда закрыта.

Комната у Нэйша — двойная, её в трактире для «важных особ» держали, которым нужна не только спальня, но и кабинет. У Гриз ещё такая. Две комнатки, между ними дверь. В кабинет к устранителю я заглядывала — ну, когда меня за ним посылали. Только это на пару секунд и было, сколько там успеешь рассмотреть. Стол, инструменты, а самое интересное — бабочки в рамках — и не поглядишь.

В кабинете тихо, и из соседней комнате ничего не доносится. Сама не замечаю, как просачиваюсь в кабинет, на стол и инструменты с книгами совсем не смотрю, потому что стена, вся в рамках, где бабочки... ух. Гляжу и гляжу, а они будто цветы, какие мне брат-Травник приносил. Одни со звёздами на крыльях, а другие как из бархата, а третьи будто радуги облопались.

А эту вот я вообще знаю. Маленькая, вся будто бы то ли в солнечных, то ли в золотых волосках. Это мне про неё Арбил рассказывал — будто бы этих бабочек сама Премилосердная Целительница Тарра вывела, да своими силами благословила. Если опылят какой цветок — тот сразу целебным становится.

— Нравится?

От тихонького голоса Нэйша подскакиваю на месте и чуть ли головой в стену с рамками не влетаю. Боженьки, ну вот и умеет же он шастать! Стоит весь такой у своего стола — в белой рубашке и до неприличия красивый. Чуть-чуть улыбается, и мне очень хочется сделать ноги.

Только у меня ноги в пол вросли, и к двери я ни шагочка не могу сделать.

— А... ага... Я просто... извините, дверь была открыта. Я не хотела лезть, просто... загляделась малость. Мо-можно посмотреть?

— Пожалуйста.

Вот же вляпалась, спаси Перекрестница. Хотя чего бояться? Не прикончит же он меня: Гриз его точно за такое прибьёт. И Мел. И Аманда.

Просто Нэйш такой со своим дартом и белым костюмчиком... Рядом с ним и не только мне не по себе. И вообще, его все кругом недолюбливают и сторонятся, разве вот только Уна всё вздыхает. Ха. Она мне говорила, что его просто никто не понимает, а так-то он совсем не такой...

Ну да, а зверей он разделяет от непонятости, наверное.

— А это латарра золотистая, да? — показываю на бабочку, про которую мне брат рассказывал.

— Верно, — долетает сзади. — Ты разбираешься в насекомых?

— Ну... интересуюсь малость... — угу, уцепя от навозного жука, может, и отличу. — Я только никогда не видела таких разных. А у них у всех есть всякие способности?

— Не у всех, но... у многих.

Моргаю, а когда открываю глаза — Нэйш стоит совсем рядом, рукой потрогать можно. Поглаживает пальцами рамочку мелкой бабочки с жёсткими зелёными крыльями.

— Удивительные создания, да... Это вот погорница самоцветная, живёт обычно там, где минералы или драгоценные металлы выходят наружу или залегают близко к земле. О крылья можно порезаться — они и напоминают-то чем-то камень. Эти шесть внизу — пятнистые обманки. Они очень разные — прихотливая окраска... Меняют её в зависимости от того, в какой местности обитают. И только после смерти перестают меняться — будто бы

сохраняют в себе последнее место, в котором были. А вот голубой флёр. Светится в темноте даже ярче светлячков-фонарников.

— Ой. А я их и не видела как-то.

— Они очень редкие. Обитают в основном в Дамате — на юго-востоке... А это вот ирмелейский меченосец — тоже редкий подвид.

— Это потому, что у него на крыльях будто мечи скрещённые?

— Ещё у них есть жало. Правда, только у самцов. Эта, с тёмно-синими крыльями — королевская бархатница, у неё очень интересный механизм раскрытия дополнительной пары крыльев. От этого кажется, что она будто бы в платье...

Слушать я научилась ещё у ба. Где надо — вопросы вставляю, а где — охаю-ахаю. И как-то пропускаю тот момент, когда меня и впрямь начинает заедать любопытство. Потому что они такие все чудесные, что остолбенеть можно. Стояла бы, смотрела да слушала.

Нэйш поправляет рамку, в которой совсем уж удивительная бабочка. Снизу она будто серенькая, невидная, а сверху — будто пламя из крыльев выросло

— Венец коллекции, — он это прямо с нежностью говорит. — Традиита Фениа, бабочка-феникс. Маленькая и невзрачная, ни за что не рассмотреть. Пока она однажды не проявляет свою настоящую суть. Не становится ярче всех. Здесь она в редкий миг перехода.

Смотрю на фениксовую бабочку, на её несхожие половинки. Моргаю, как от огня.

— Ух. Я даже не знала, что такие бывают.

— Мало кто знает. Госпожа Арделл сетует, что нет даже приличных исследований по бестиям Кайетты. А то, насколько разнообразны насекомые... на самом деле интересует немногих.

Нэйш возвращается за свой стол, а я всё стою — не могу от этого собрания оторваться. Смотрю на них всех. На разноцветного Архонта Веризэлла и маленькую аталию Арнорро — это из известной легенды про бабочку, которая дала свет людям. А эта вот как василёк, Нэйш говорил — на западе её странно называют в народе: «я-тебе-верен» — будто символ верности она, значит.

Жалко, что они все неживые такие. Наверное, в полёте-то они куда красивее.

Так задумываюсь, что даже забываю совсем уж забываю бояться. Спрашиваю тихо:

— Зачем вы их собираете?

— Их любопытно изучать.

Устранитель теперь сидит за столом, а перед ним банка с незнакомой бабочкой. Угольно-черной и как бы шипастой. Наверное, успел достать из сумки, пока я на стенку пялилась.

Бабочка ещё живая: хлопает крыльями и бьётся о стенки банки.

Нэйш склоняет голову, следит за ней задумчиво этак. Водит пальцем по стеклу.

— Они похожи на людей, тебе не кажется? Бесконечное разнообразие внешних признаков и способностей. Разные жизненные циклы, возможности приспособляемости... стремление к теплу или огню — по-разному. И при этом у всех одно и то же. Хрупкость. Слабые точки — не такие уж разные.

Черная бабочка как что-то вдруг понимает — замирает в банке.

— Недолговечность.

Нэйш пару секунд молчит. Я смотрю на бабочку у него на отвороте рубахи — небольшую, чёрно-серебристую.

— А почему вы не хотите их изучать, пока они живые?

Устранитель пожимает плечами.

— Живых я... тоже изучаю. Иногда. Но эти... они разве не кажутся совершенными? Именно сейчас. Пойманные в миг смерти — и при этом она над ними будто бы не властна. Кажутся почти живыми, правда? Ограждёнными от внешнего мира... скованными, зато сохранёнными навеки.

Вот за это Нэйша в питомнике и не любят. За этот его вечный к смерти интерес. Он и на зверей-то смотрит так... «Оно ещё живое, или уже можно тащить в мой сарайчик?».

— Ага, — и потихоньку бочком лезу к двери. — Точно. Ну, спасибо, мне, значит, пора уже...

Устранитель наблюдает за бабочкой в банке. И кивает так, между делом. Вроде, можно спокойно уходить, но совсем расставаться с чудесными бабочками как-то жалко.

— Можно потом ещё прийти? Посмотреть.

Прямо-таки расцветает.

— Конечно.

Выскальзываю за дверь, прикрываю остороженько. Спускаюсь обратно к Сквору.

— Обалдеть, — говорю горевестнику. — Я только что болтала о бабочках с Нэйшем!

— Жестокое сердце, — пронизательно выдаёт Сквор. А меня прямо-таки распирает: с кем бы поделиться? Мел точно не поймёт, ещё и разворчит: «Нашла, с кем разговаривать — с этим чокнутым гадом...» Уна — нет, она так в меня вцепится! Всё будет выпрашивать, что и как он сказал, как смотрел и чего делал... Гриз — вот самое лучшее, только когда она вернётся...

Может, Гроски? Точно, он же как-то ладит с Нэйшем, даже вот на выездах. Надо будет к нему подойти, к Гроски. Рассказать. Ну, когда он вернётся со своей этой, как её, встречи с поставщиком кормов. Сколько там о кормах-то уже можно спорить?

Если, конечно, он не просто пива в трактир попить пошёл.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Торговец мясом Горинг поперхнулся и закашлялся — и я его от души понимал. Во-первых, он только что впервые в жизни попробовал пиво в «Свине и свирели», и оно потихоньку разъедало ему внутренности. Во-вторых, входя в трактир он по недосмыслию высказался в духе, «фу, ну и дыра». Теперь ласковые взгляды Злобной Берты прожигали бедолаге спину.

В-третьих, я ему только что заявил, что питомник с ним расторгает контракт.

— Какого?!.. — просипел Горинг, когда нацелился вежливо похлопать его по спинке. — Я же тебе заплатил! Три процента от суммы в месяц — и ты следишь за тем, чтобы поставки оставались у меня.

Я не стал ему сообщать, что моя честно выстраданная взятка тут же ушла на закупку круп. Вместо этого лихо хватил бертино пиво (торговец содрогнулся) и выдал своё лучшее шипение:

— Думаешь, мне это нравится, а? Терять денежки и с тобой тут посередине дня объясняться? Я всё обделал, как надо, ясно тебе? Уломал Арделл. Она согласилась было, хоть и с неохотой — ты что ей, на кнут наступил в прошлые встречи? И тут этот чёртов поставщик, как его бишь... Москен... Моксен... Припёрся со своим предложением, поволок её глядеть склады и фермы, а что я мог сделать, а?! Что я мог?!

Горинг буравил меня глазками и слизывал горькую пену с огромных, тоже похожих на пену, седых усов.

— Она, понимаешь ли, вернулась сияющей, чтоб её. И такая: о, представляешь, у него товар-то получше будет! Мясо посвежее, да и не такое костистое. Этот, чтоб его, Москен везде подмаслил, да он ей цену выставил ниже на десять процентов!

На самом деле — на восемь процентов. И только после того, как я красочно расписал, какие скидки питомнику даёт Горинг. По крайней мере, торговец не сунется проверять... оба не сунутся проверять. Эрб Горинг с Иртуром Моско лет двадцать уже враждуют.

— Да я, если ты хочешь знать, чуть ли не танцевал вокруг чёртовой варгини. Расписал тебя с ног до головы: мол, постоянный партнёр, понимающий. Но эта стерва, чтоб её, уперлась. В общем, хочешь обойти Моско — дай мне что-то, с чем можно работать. Мне, честно говоря, плевать, кто будет возить мясо в питомник... но денежку терять не хочется.

Горинг гневно пыхтел, поглядывая из-под седых бровей чёрными глазками. Почёсывал подбородок в мелких прыщиках. Подёргивал пуговицу на куртке — пуговица была выполнена под аквамарин, по последней моде.

— Десять процентов, говоришь?

— Десять процентов, — подтвердил я. — И пять мне.

От такой неприкрытой наглости торговец поперхнулся и заколыхал щеками. Я хладнокровно попивал злобнобертское пиво — кусючее, как натура той, кто его варила.

— Или можешь сам разговаривать с этой чокнутой. Меня, знаешь ли, это не радует. Она явно подозревает что-то такое. Не удивлюсь, если приставит ко мне свою Следопытку, или, того хуже, устранителя, а ты его видал?! Так что если ты думаешь, что я за тебя буду рваться, как грифон с привязи, ради трёх процентов...

В трактире было пусто, а Берта плавила взглядом Горинга из-за стойки. При этом взбивая в огромной миске яйца.

Судя по звуку — вместе со скорлупой.

— Четыре процента, — процедил торговец, потянулся за пивом, но тут на него накатили ужасные воспоминания, и он передумал.

— Имел я такое в виду. Не забывай, что у Арделл были к тебе придирки насчёт товара.

— Четыре процента, и скажи этой девке, что я накину ей мелочи. Телят, козлят. Из тех, которые задавлены мамками или не выжили после родов. По хорошему знакомству, за так.

— И пудов пять кишок и всякого там ливера. С таким предложением работать можно. Главное — чтобы этот Моско не подкинул чего покруче.

— Пять процентов, если проследишь и за этим.

Горинг ухмыльнулся, наклонился вперёд. Посмотрел на мою перекошенную от жадности (и пива!) физиономию.

— Ясно? Приглядишь, чтобы поставки были... скажем, на год или на пару лет — будут тебе твои пять процентов. Понял?!

— Вроде как да, — вздохнул я, — ну ты, конечно... хищник. Долгосрочный договор... притом, что цены-то на мясо и упасть могут, а ты дерёшь по фиксированному... Да Арделл вообще уже подумывает напрямик брать у фермеров, а не у торговцев.

Горинг скривился — его такой расклад не устраивал. В питомник он сбывал не самое лучшее мясо и по нехилым таким ценам — пользуясь тем, что немногие хотят иметь дело с королевским питомником, которому вечно не хватает финансов. Так что за этот договор он будет держаться в любом случае. И я получил что хотел — десять процентов скидки плюс

ещё пять моих — в ту же копилку. Неплохо для начала.

Принял вид насквозь прожжённый и деловой, махнул заливчато:

— По рукам. Я с тобой свяжусь — сообщу, как там выйдет с Арделл. А теперь давай-ка прощаться: у меня тут вроде как ещё дельце...

Торговец хмыкнул было — уверенный, что я набиваю себе цену. Но тут судьба в кои-то веки решила порадовать своего невезучего сына.

Дверь трактира бахнула, и за ней предстал Десмонд Тербенно во всём сияющем великолепии: чёрный плащ с искрой, серый форменный костюм законника, перчатки на руках, какие-то папки под мышкой.

— ...нужно подмаслить кой-кого из Корпуса Закона, — уронил я под нос.

Торговец преисполнился немого уважения и освободил место за столиком более чем стремительно. Я ещё малость полицействовал, пока Горинг катился на выход: вскочил и весь расплылся в патоке, уверяя, что как раз господина законника-то я и ждал, и приглашая сей же час присесть и выпить пивка, позавтракать за мой счёт. Так что торговец вымелся в полной уверенности, что у меня беседа с важной персоной.

Тербенно же, кажись, даже и не понял сути спектакля.

— Вольерные сказали, что я найду тебя здесь, Гроски. Но ты что-то чересчур любезен, — выпалил он с истовой подозрительностью. — Думаешь, я закрою глаза на то, как ты обтяпываешь тёмные делишки?

— Где уж нам, маленьким, ускользнуть от вашего бдительного ока. Ты, стало быть, явился разрушать мои коварные замыслы?

— Это само собой, — свысока выдал законник. — Но пока что — я с важными новостями.

Крыса сокрушённо вздохнула изнутри: ничему-то ты, братец не учишься. Не хочешь ли приглядеться к физиономии Крысолова? На ней прямо-таки цветет превосходство и победоносность.

— Клянусь исподним премилосердной Целительницы, — истово высказался я. — Неужто тебя внезапно назначили главой всего Сыскного Корпуса?

Крысолов фыркнул носом — что, мол, с тебя взять, Гроски, кроме тупых шуточек. Вот я — это да. Я, знаешь ли, и солиден, и методичность у меня так и стекает с физиономии, и вот, я еще принес кучу папочек — ну как, нечем крыть, а?

«Сопьюсь я с ним, — обречённо подумал я, припомнил милейшего Лортена, Мел, Нэйша и свое начальство и сделал поправочку: — С ними всеми».

— С утра, — прошипела Берта ядовито, когда я опять попросил пивка. — С утра нажираешься-то. Постыдился бы, у-у-у-у!

Я лихо сгреб со стойки пиво и вернулся к Тербенно за столик.

— Так что за новости? Или старина Холл Аржетт все же сдал тебе свой пост?

Законник глянул на меня, как на муху в супе.

— Мне удалось узнать кое-что о твоём приятеле, Нэйше. Если тебе это интересно, конечно.

— Дай догадаюсь — ты отправил запрос на Рифы?

— Отправился сам на Рифы, — поправил Тербенно сухо. Оглядывая меня с высоты своего профессионального пьедестала.

То-то я гляжу, он бледненький какой-то. Конечно, его не таскали по баракам, разговаривал он там со «скатами», да и то с высшими чинами. Но Рифы — такое местечко,

где и за пару часов невольно успеваешь насмотреться... наглотаться.

Пиво Злобной Берты отчаянно горчило.

— И как тебе увиденное?

— Увиденное идеально подходит для таких, как ты. Не удивлюсь, если ты скоро туда и вернёшься.

Ох, не загоняйте в угол крысу, цапнет ведь от души.

— Готов прогуляться в компании. Из тебя выйдет первостатейный «скат» — мне всегда казалось, что с твоими методами тебя туда рано или поздно разжалуют.

А что ты так дернулся, домашний мальчик Тербенно? Врезать ты мне все равно не можешь: Берта нас обоих своей дубиной тут же и уложит. Дубина возлежит на почётном месте стойки и носит почётное имя: «малая Берта». Ладно, хватит пыхтеть и испепелять меня взглядом, — что ты там нарыл на Нэйша?

— Вообще-то, кандидатов было несколько, — поведал Крысолов, попыхивая остатками гнева. — На Рифах слишком часто сменяется охрана: просто уходят, переводятся или пропадают без вести, или умирают после стычек с заключенными. Мне удалось выделить четверых. Все служили в восточном блоке «смертников», всех потом перевели на Северные Рифы. Возраст — от двадцати до двадцати семи.

Я отхлебнул пивка и углубился в папки. Вообще-то, в них должна была скрываться вся нужная информация по поводу принимаемого охранника: от имени и возраста до описания и указания Дара. Но вышло так, что указано было чуть более, чем ни черта: значки Дара — размазаны, сведения о службе — несколько скупых строчек у каждого.

Терн Вейли — тысяча пятьсот шестьдесят четвёртого года рождения, стало быть, к моему поступлению на Рифы ему как раз двадцать и было. Дар — то ли Вода, то ли Воздух. Успел послужить на Южных и на Северных Рифах, пришел на службу в восемьдесят четвёртом, переведен из восточного блока в северный по собственному желанию в восемьдесят пятом... служил, пропал без вести в восемьдесят седьмом.

Шев Сакрист — шестьдесят второго года рождения, Дар — невнятная закорючка... «пустой элемент», что ли? Пришёл в восемьдесят пятом. В том же году переведен в северный блок, причина — «драка». Выбыл в восемьдесят шестом.

Эльген Коррей — пятьдесят девятого года, Дар — вроде бы, Огонь... или там Щит? Пришёл в восемьдесят пятом, переведён почти сразу, причина — не справляется с обязанностями. Умер в конце восемьдесят пятом.

Арно Дойен...

— Негусто, — пробормотал я, силясь разобрать каракули двенадцатилетней давности. Из каракулей так и не было ясно — помер Арно Дойен, пропал без вести или убыл в закат на розовом единороге.

Крысолов презрительно оттопырил губы, вопрошая всей миной: я что — думаю, что он на этом остановился?

— Информации немного, но есть корпуса, где они служили. И имена начальников. Один из них умер, с остальными мне удалось поговорить. Разумеется, разговорить их было непросто, и не все помнят персонал двенадцатилетней давности...

Чего у Крысолова в достатке — так умения проделывать лишнюю работу. Всего-то требовалось — кинуть на Рифы запрос, выяснить, в каком корпусе был я, и посмотреть списки охранников тех времен, так нет же, поперся круглыми путями. Впрочем, и цепкости не занимать — раз все-таки что-то нарыл.

— ...трое оказались вполне обычными заключенными, а вот четвертый был более интересной фигурой. Кроме всего прочего, у Шева Сакриста была еще одна работа. Он вербовал тех подонков, которые упали ниже некуда — доносили на своих же товарищей.

— Правда, что ли? — удивился я. — Ай-яй, какие ужасные люди.

Пива в кружке было до жалости мало: впиться бы в бочонок зубами, нахлестаться, а то и захлебнуться в горьковатой жидкости. Отогнать ознобную память: пальцы молодого «ската» на плече, вкрадчивый шепот: «Вы же расскажете мне всё, господин Гроски?»

— Вряд ли всё же это его настоящее имя, — разочарованно заметил Тербенно. — Сакрист — распространенная фамилия в Вольной Тильвии, но оттуда не допросишься данных. И, как я понял, на Рифах с непростительным спокойствием относятся к подделанным документам. Я бы сказал — феноменальная расхлябанность, удивительная для места с таким количеством опасных элементов.

— Ужас, что творится, — поддакнул я. — Побегу всякие.

— ...однако кое-что узнать все же удалось. Я говорил с главой восточного блока, господином Джайви — он помнит тот случай и Нэйша... или Сакриста. Говорит, что новичка распределили к ним, потому что в блоке «смертников» всегда недостаток персонала: нет желающих служить. По его словам, он сначала подумал, что новичок попросту растяпа и не успел избежать назначения или хотя бы опротестовать. Говорит, даже сам хотел попросить о переводе этого Сакриста: тот показался ему слишком тихим.

Я безрадостно хрюкнул в пиво. Тербенно покосился хмуро и полез сверяться с какими-то своими записями.

— Да, слишком тихим. Впрочем, с обязанностями он справлялся неплохо, так что заключенные... э, не жаловались? Он выразился именно так. Словом, господин Джайви был достаточно доволен новым подчиненным, но о других охранниках такого сказать нельзя: у новичка с ними, как бы это сказать, возникло непонимание.

Я изобразил глубочайшее потрясение этим невероятным фактом, припоминая — по какой дуге старались обходить Нэйша в северном блоке. Хотел бы я увидеть — с кем у этого-то могло возникнуть понимание.

— Господин Джайви не стал вдаваться в подробности. Впрочем, легко представить — если он вел себя так же, как и сейчас...

— ...то ты зря полагаешь, что Рифы кишат дружелюбными, открытыми охранниками, каждый из которых тебя облобызывать готов. Для «ската» он себя вел еще вменяемо, уж можешь поверить: там через одного были и похуже, а бывало — так и полные психи попадались. Думаю, дело тут было малость в другом.

Злобная Берта завела сладкозвучные рулады, трясая за грудки какого-то мужичка из деревни. Мужичок имел наглость притащиться просить в долг и теперь философски качался в мощных лапищах трактирщицы. Крысолов поглядывал на это с явным намерением вмешаться от имени властей. Я подумывал, как деликатнее донести до законника ту истину, что он еще не все узнал о нравах Рифов.

— В общем, не знаю, заметил ты или нет, но Рифы как-то не изобилуют публичными домами. А женский корпус, конечно, имеется, но уж очень в стороне. Словом, они, как бы это тебе сказать, там все мужики. А «холодилки» на всех не напасешься, да и стоит зелье недешево. Вот и получается, что среди охраны как-то... популярны симпатичные мальчики. Из заключенных не особо заберешь: они внутри бараков тоже довольно быстро расходятся... по рукам.

Судя по всему — я таки обрушил на Тербенно неподъемную истину. Крысолов позеленел так стремительно, что я как-то невольно подвинул к нему свою полупустую кружку.

Тербенно протестующе замычал и с негодованием кружку отверг. Потом что-то вспомнил и кружку торопливо потянул к себе. Видать, кто-то на Рифах все же ляпнул ему, что таких как он тут вечно нехватка. Ну, и смысл дошел только сейчас.

— Ну, а поскольку ни у кого из новичков обычно как-то нет желания делить койку с двумя-тремя старшими коллегами — то тут ты тоже представил правильно. Обычно собирается трое-четверо, новичку как следует дают по почкам, а потом уж... кх... по графику.

«Морских коньков» у нашего корпуса было немного. Я успел увидеть четырех, так, мельком, к заключенным их близко не ставили, гоняли по курьерским поручениям. Да и что на них смотреть — навидался «коньков» барачных. Бледные, с выпитыми взглядами — те, которые не смирились. Бывает, прыгают в море или еще как-то кончают с собой. Могут и покончить с каким-нибудь из своих мучителей. Гибкие, развязные, с улыбкой шлюх — те, которые смирились и научились ценить преимущества.

И зная, что Нэйш не выглядел ни тем, ни другим...

— Скольких он положил?

— Четверых. Господин Джарви сказал, что потом вмешались еще двое... но этим попало, так сказать, от двух сторон, так что они, скорее всего, разнимали. Господин Джарви занимался последствиями драки лично. И решил не докладывать наверх, поскольку повреждений было немного. Строго говоря, повреждения были только у Сакриста: разбит нос, синяки, что-то вроде того. У остальных каких-либо ран не наблюдалось — вот только они не сразу смогли разогнуться от боли. Пришлось привлекать целителей с серьезными зельями. Но самое странное — то, чем кончилось разбирательство. Остальные охранники утверждали, что новенький их спровоцировал и он был зачинщиком драки. Но у господина Джарви явно были сомнения по этому поводу, так что он предложил Сакристу рассказать — что произошло, и по желанию перевестись в другой блок, раз уж возникла такая... м-м, ситуация. На что Шев Сакрист ответил, что все в порядке, и небольшое недоразумение — тут я цитирую — свое небольшое недоразумение они разрешат с другими охранниками сами.

Я не выдержал и загоготал, вызвав в Злобной Берте поток недовольного бухтения из-за стойки. Боженьки — могу себе вообразить, как это прозвучало! И с какой ухмылочкой было сказано.

— Хороший способ сказать «вы все уже завтра перевидитесь с вашими покойными прапра!»

— Если это тебя веселит, — желчно выдал Крысолов, — то вот еще: остальные участники драки настаивали, чтобы его перевели. Господин Джарви удовлетворил эту просьбу — так Шев Сакрист попал на Северные Рифы, прослужил там год с лишним... и, как я понимаю, просто исчез куда-то однажды. Не вернулся из увольнительной на берег — насколько я сумел понять, со «скатами» такое случается.

— Нашел себе другую работёнку или вовсе наплевал, — я всё подносил запись к глазу, так и этак, силился рассмотреть — что же там может быть. — В его стиле. Ты, случайно, не припомнишь — этот господин Джайви не обмолвился насчёт его Дара?

— Шева Сакриста?

— Нет, Эвальда Шеннетского — мне всегда было интересно, что у Хромого Магистра

под перчаткой. Само-то собой, Сакриста. Ты не спрашивал? Тут ни шнырка не разберешь, а начальник мог бы помнить: Дар Щита — редкая штукавина.

С Крысолова слегка облетела торжественная позолота.

— Это разве первостепенно?

— Вроде бы нет.

Только я вот уже больше девятницы пытаюсь вспомнить — и не могу: он носил перчатки? Должна же быть какая-то причина — почему ни я, ни остальные не обратили внимание... такой редкий Дар. Заключение должны бы обсуждать в бараках...

Может, и носил — двенадцать лет прошло, кто теперь разберёт. «Скаты» на Рифах часто перчатки надевают. Магия всё равно используется только при бунтах, а перемазаться о заключённых в кровищу и грязищу — то ещё удовольствие.

А на допросах? Ладно, на допросах я был больше сосредоточен на том, чтобы визжать от боли... да и Нэйш предпочитал оставаться в роли зловещего голоса из-за плеч. Но когда я уже начал доносить на своих — он же то расхаживал по допросной, то присаживался за стол напротив... и почему мне кажется, что я помню пальцы на своём плече?

— Просто странно, что с такими данными его не взяли в охрану дедули Детраска. Слушай, что ты вообще знаешь о Даре Щита и ребятах, которые его получают?

Тербенно оттопырил верхнюю губу с надменно-обиженным выражением. Наверняка решил, что это — здоровая каменюка в его огород. Милое напоминание о его собственном музыкальном Даре.

— Щит считается одним из Даров, которые вложил в Камень Хорот-Мечник. Несмотря на то, что все прочие редкие дарования обычно относятся к Дарам Перекрестницы... — он чуть дернул своей правой ладонью, — это исключение. Дар неуязвимости — один из редчайших: во всей Кайетте сейчас едва ли две дюжины людей с этим видом магии.

Надо признать, что-то в него да вложили в Корпусе. Или Крысолов просто навел сведения о Даре Нэйша.

— Неуязвимость, — пробормотал я, вспоминая стальную хватку на плечах и бьющегося в агонии фамильяра. — Только к магии?

— Во многих случаях — к любому виду оружия, ударам, а также ядам и амулетам, однако это уже реже. В редчайших случаях Дар Щита защищает не только своего обладателя, но и тех, кто стоит с ним рядом, однако это зависит уже от мастерства самого мага. Вопрос мастерства при этом сложен: поскольку количество магов с этим Даром ничтожно мало, они не обучаются в прихрамовых школах. Как и в случае с... кхм... моим Даром, к примеру... есть определённые стандартные методики, но в основном практикуют индивидуальное обуче...

— Ты когда-нибудь видел, как его применяют? — перебил я. — Дар Щита?

Уровень подозрительности на физиономии законника подрост с «обычный высокий» до «башня Кормчей».

— Полагаю, что как обычно. Воззвание к Печати и магические пассы, чтобы отрегулировать воздействие.

— Пассы, — пробормотал я, бессознательно потирая плечо. — Интересно, какие... А когда магия истощается — не знаешь...

Но Тербенно уже нагнулся вперед, пронзая меня взглядом, полным сыщицкого запала:

— Знаешь, что я думаю, Гроски? Весь этот разговор о Даре Щита — обманка. Ты хочешь отвлечь моё внимание от чего-то важного.

— Неужто от новых убийств Душителя, который ещё и предположительно Нэйш? — ахнул я, хватаясь за сердце.

— Представь себе, убийств пока что не было. Что тоже наводит на некоторые размышления. Кажется, Душитель занят...

— ...убивает керберов, препарирует бабочек на досуге...

— ...возможно — по чьей-то указке. Скажем, своего прямого начальства — ты никогда не думал, почему Арделл взяла в питомник явного маньяка?

Я посмотрел в кружку, но не обнаружил в ней подсказок, кои смогли бы удовлетворить господина Великого Сыщика. Который явственно склепал теорию вроде «Гриз Арделл заодно с Душителем Нэйшем, и вообще, у нас тут заговор, и я его раскрою».

— Ну, э-э, ты не рассматривал, просто как возможность... теорию о том, что он вроде как... неплохо устраняет, имеет Дар Щита и разбирается в анатомии, да ещё плюёт на «Постулаты телесной нечистоты» и не нуждается в деньгах?

— А также не выполняет приказы и не уживается с персоналом, — Тербенно заложил ногу за ногу и бросил на меня снисходительный взгляд, как бы говоря: ну и как такое-то могло попасть в законники? — И убивает без распоряжения — словом, делает всё то, что противоречит принципам варгов. Которые гласят: не убивать, не проливать крови.

— Тебе нужно подружиться с нашим новичком, — от души посоветовал я. — Будете встречаться по вечерам. Обсуждать, насколько Арделл невыносимая.

— Я говорил с господином Олкестом. И он только подтвердил мои подозрения. Оказывается, эта Арделл — темная лошадка, и прошлое у неё явно небезупречно. Я ещё не узнал о её жизни в общине, но там её считали то ли отступницей, то ли преступницей, так что я не исключаю, что она может быть связана с этим.

— С Душителем и его вывертами?

— С безумием в питомниках и в городах.

Тербенно настолько наслаждался моим ошарашенным видом, что даже соизволил щёлкнуть пальцами — заказать себе пиво для триумфального глотка. Злобная Берта мрачно поглядела из-за стойки. Похоже было, что пиво будет подано прямой наводкой bravому законнику в голову.

— Это происходит по всей Кайетте. Только за последние две девятницы — случаи в Вейгорде, Тильвии и Дамате. Почерк один и тот же. Внезапное бешенство зверей, которые начинают крушить всех вокруг. Это уже прозвали «синдромом Энкера», Корпус Закона подключился к расследованию — и нити ведут именно к варгам. Я не в группе этого расследования, и подробности пока что мне неизвестны, но если зайти с другого конца...

— То у Арделл железное алиби — ты хоть понимаешь это? Её за последние пару месяцев несколько раз дергали на такие вызовы. Всегда после того, как что-то случилось. А до того она всегда была на виду. Да и на вызовах она и те, кто отправлялся с ней, всегда успокаивали животных.

— А после — не удавалось обнаружить никаких следов. Верно? Жертвы, успокоенные животные... и нет следов. Очень удобно. Коллеги из группы, которая ведет расследование, предполагают, что тут действует целая группа варгов-отступников... и, кажется, одного я могу назвать. Что скажешь?

— Скажу, что тебе следует поосторожнее кидаться такими подозрениями. Знаешь ли, без доказательств...

— Будь спокоен, — ухмыльнулся Тербенно. — Я собираюсь взять её с личным.

Звучало как нечто, что тянет на следующую кружку. Грызун внутри меня начал потихонечку завывать.

— Это что, обозначает, что я теперь должен следить ещё и за Арделл? Которая — просто к твоему сведению — носится по питомнику быстрее алапарда со своей тысячей дел? Ха, да раз плюнуть. За Арделл, за Нэйшем... в свободное время могу пошпионить, ну не знаю, за Эвальдом Шеннетским — его ты ни в чём не подозреваешь?

— Репутация Хромца и без того всем известна, — выдал Тербенно свысока. В прямом смысле слова свысока — поднявшись из-за стола и нависая надо мной. — Присматривай за устраниателем. С Арделл я справлюсь сам.

Он сгрёб свои папочки и величественно прошествовал восвоеси. Злобная Берта, вынырнувшая из кухни, презрительно фыркнула законнику вслед.

— Целиком согласен, — пробормотал я.

Что, интересно, желают тем, кто собрался следить за варгом с такой работенкой и с такими принципами, как у Гриз Арделл? Да ещё подозревает эту же Гриз Арделл в заговоре варгов?

Я молча приподнял полупустую кружку, будто собрался выпить за кого-то не чокаясь.

В одном-то я уверен — желать удачи при таком бесполезно.

Решительно бесполезно.

«...двадцать пять лет, прошедших после явления в Энкере таинственного Ребёнка (т. н. Десятого Чуда Кайетты) отметились многими подобными явлениями в различных государствах и городах. Притом, что это неизменно были мошенники или безумцы — всё же на этот раз можно утверждать, что Дитя Энкера, явившееся господину Тилкессу — не более, чем следствие неумеренного употребления спиртного на праздновании Хороводного дня...»

Из газеты «Море новостей»

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Утро какое-то невнятное — вроде бы, лето решило вернуться и вытолкать осень взащей. Типично для Лун Мастера. Вольерные и егеря все сплошь не могут глаза продрать, а зверюшки вполне в порядке, не против разнообразить кем-нибудь рацион.

Стимфа еще теряет перья, но меньше. Мантикора Мист порывается и отлеживается в яме с грязью, кормиться не хочет, странно. С остальными нормально: серебристый единорог уже поправился, грифон, которого от контрабандистов забрали, почти не хромает. Вулкан гарцует по своему вольеру — требует поиграть. Тхиоры помирают без утренних почесушек.

Помогаю Зубоскалу чистить загоны единорогов, да керберов успокаиваю и отвлекаю на себя — чтобы успел убраться.

Работа в самом разгаре, когда заявляется Принцесса. С видом, полным опасной готовности помогать. Раз так, тещу Его Светлость чистить запруды для гидр. Гидр беру на себя: хожу туда-сюда, помахивая протухшей рыбой, пока все четыре ко мне не собираются. Потом киваю Морковке: валяй, очищай дальнюю запруду. И начинаю беготню по берегу с разбрасыванием рыбы. Чтобы гидры не отвлекались, не передрались и меня не сожрали.

Морковка помогает в своем стиле. Беспокоится обо мне, потом морщится от запаха рыбы, потом почти падает в пруд. Потом и вовсе внезапно хватается за сачок-фильтровку и начинает вычёрпывать грязь и тину вручную.

— Совсем сбрендил? Печать используй!

Морковка роняет сачок в пруд и заливается огненно-алым. Призывает Дар и почти выплескивает гидр на берег. Помощничек.

— С Дрызги больше толку, — говорю, пока Янист вытаскивает сачок. — Ладно, пошли.

Его Светлость нынче в ударе. Он влезает в навоз яприля, роняет бутылку с притиркой для виверния и опрокидывает поилку для шнырков. Небось, последствия вчерашнего: малый ухитрился сцепиться с Нэйшем. Меня при сцене не было, но, если верить Йолле — Грызи успела как раз перед тем, как Морковка мог влезть в драку и превратиться в мокрое место. В общем, Грыз не пожалела выражений на обоих.

Морковка мыслями застрял во вчерашнем дне, хмуро пыхтит и при виде Грызи каждый раз меняется в лице. Грызи пролетает мимо нас часто: у неё идут первые триста дел из вечной тысячи.

В последний раз она заявляется к вольерам яприлят с Нэйшем. Летит впереди.

выпаливает: «...посмотреть. Непонятно, с чего хозяин решил, что ударят по нему, но твои связи с даматскими эйшеетами могут...»

Палач плывёт следом (один его шаг — на два её). Выражает лицом издевательское внимание. Поравнявшись с вольером для грифонят, машет нам. Я отворачиваюсь. И отхожу, чтобы меня не забрызгал Морковка. Если вдруг лопнет.

Но Его Светлость только роняет ведро, которое он тащил к поилке. И бормочет, прожигая взглядом спину Мяслика:

— Что вообще между ними может быть общего... Это какая-то... физическая или психологическая зависимость?

— Чего?

Янист вспоминает, что я Следопыт, и буреет. Пытается собрать при помощи магии воду обратно в ведро — лужица разлетается брызгами.

— Что у тебя с Даром?

— А?

Его Светлость опускает ладонь. Уши у него переливаются оттенками алого. Вид — как у Йоллы, когда её поймал на покупках спиртного для Дрызги.

— С Даром. Ты ж им нормально пользовался. А в питомнике оказался — всё время сбоят. Да ты к Печати через раз взываешь! Решил заделаться «пустым элементом»?

— Ну... я бы не сказал так...

Морковка делает вид, что его жутко волнуют грифонята — три сизых, один серый, два чёрных. Осень — время охотников, так что у нас куча осиротевшей детворы.

— Ты никогда не думала, что Дар переоценивают? И... он не то, чем кажется?

Смотрю на Печать Следопыта на своей ладони. Потом на Морковку. Как на идиота. Его Светлость досадливо машет рукой:

— Это случилось около года назад. Законники накрыли в водах Вольной Тильвии судно с живым грузом. Это были... понимаешь, это были дети. «Пустые элементы». Сироты, или те, кого родители отдали... или продали. Их везли в Велейсу Пиратскую, на юго-восток. Чтобы перекинуть в...

Тавентатум, конечно. Град Рабов. Очаровательное такое местечко на Триграничье, где сходятся границы Айлора, Вейгорда и Даматы.

— ...и оказалось, что эти дети просто никому не нужны. Понимаешь?! Приютов для «пустых элементов» в Кайетте нет. Есть частные пансионаты, но с высокой оплатой. В общем, детей перекидывали с рук на руки, пока кто-то не припомнил, что в Алчнодоле есть община Единого, куда принимают «пустых». Но в Алчнодоле же не работают виру, нужно было доставлять ребят либо морем, либо от границ Ракканта или Ирмелея, по Полынным всхолмьям... Они бы заблудились. Ну, и...

Холодею. Звучит как раз в духе Рыцаря Морковки: влезть в место, которое из людей выпивает магию.

— Ты что — полез в Алчнодол?!

— Возле них уже начали шнырять агенты из Вольных Пустошей! — голос у Морковки срывается. — А куратор уже начал было выговаривать, что «пустым элементам» самое место в Гегемонии — мне что, нужно было глаза закрыть?! В общем, мы поплыли. В Ракканте повезло с благотворителями: снабдили нас кое-чем. Потом по рекам... до Чистой Долины.

Такого названия не припомню. А Морковка аж просветлел от воспоминаний. Поднимает перо грифоненка с пола. Задумчиво смотрит на свет.

— Там, знаешь... всё совсем иначе. Не так, как я себе представлял. И в самой Долине — даже не представляешь, какая там красота. словно благословенное место, нетронутая природа. И община — там несколько поселений, но мы были в общине Единого, у брата Найго. Удивительный человек — был искателем приключений, служил при дворе у королевы Ракканта, совершил кучу открытий для тамошней Академии. В конце концов уверовал в Единого, а потом добровольно ушел в Алчнодол. В общине я сперва задержался на пару дней — посмотреть, как ребята освоятся...

— А потом, стало быть, решил задержаться?!

— Вообще-то я хотел там и остаться, — спокойно отвечает Его Светлость. — К тому времени я почти смирился с тем, что тебя не найду. Мечтал разве что в плаванье отправиться, но в общине внезапно обрел большее.

Замечает, как я на него смотрю, и смеётся:

— Не бойся, не болен я. А магия... что такое магия? Дар? Который мы почему-то ценим едва ли не превыше всего? Который даёт иллюзию силы, отвлекая нас от силы настоящей? То, что роднит нас с якобы существовавшими древними божествами?

— Якобы? А, ну да, ты же адепт Единого.

— А что? — вскидывается Морковка. — Ты веришь, что были Аканта, и Дикт, и Благословенные земли, и Девятеро, которые наделили Камень своими силами? Не боги создали Камень, Мелони. И те, кто его создавал, едва ли руководствовались совсем уж добрыми намерениями. Может быть, просто хотели больше силы.

— А это, как я понимаю, преступно.

— Нет. Просто... — Морковка теперь печален и шурится куда-то в облака, и кажется даже взрослее. — Просто настоящая сила — не в отсутствии слабостей. А в их преодолении. А получить что-то бесплатно... Даром... ты правда веришь в это? Что мы все ничем не платим за то, чем нас наделяет Камень? Что мы не платим хотя бы частичкой себя?

Сейчас я в основном верю в то, что Рыцарь Морковка — это что-то вроде Илая Вейгордского среди остолопов.

— Если там было так хорошо — что ж ты там не остался?

— Учитель Найго меня отговаривал. Говорил, в Долине мне будет тесно. А четыре луны назад меня разыскало письмо от госпожи Венейг с известием о смерти её мужа. Я поспешил в имение Венейгов, потом занялся твоими поисками... Мелони, если бы ты только согласилась хотя бы увидеть тех, кто тебя ждёт...

Надо же, издалека зашёл. Привычно говорю Его Светлости, чтобы он отвалил или занялся уже делом. Янист понимает это по-своему и удваивает мощь внушений. Почти убеждает вернуться с ним в поместье Шафран и Пуговку — игривых с утра особенно гарпий-бескрылок. Меня, само собой, не пронять, но когда это Рыцаря Морковку останавливало?

На утреннюю «встряску» заявляюсь злая, как невыспавшаяся мантикора. Остальные, правда, еще краше. Пухлик до ушей зевает. Плакса занавесилась волосами — кончик носа чуть видать. Никак, в знак траура, потому что Мяслика опять куда-то унесло. Шипелка свернулась в кресле так, что без вывиха конечностей точно не обошлось. Омерзительно бодр разве что Конфетка — блестит себе румянцем во всю щёку и щебечет, что ах, какое интересное дело кому-то предстоит, ведь у нас же вызов, вы себе представляете?!

Пухлик между зевками доносит: только что был курьер, от господина Вельекта, очень просит пожаловать, потому что в угожьях разбушевалась славная такая свиночка. Пухлик так и говорит — свиночка. В общем, надо бы пожаловать и унять.

Мантикора дери, снова бешеный апрель. Когда они, идиоты, уразумеют, что это им не домашняя зверушка?

— Вельект... Вельект... — судорожно соображает Его Светлость. — Это, случайно, не винодел? У него, кажется, виноградники на юге Вейгорда.

Пухлик мгновенно пробуждается и всем своим видом демонстрирует желание бежать и спасать. Вот только ему вряд ли обломится: сейчас ворвётся Грызи и с порога заявит, что спасать яприля будет она, самолично.

Только Грызи не врывается — входит медленно и с крайне задумчивым видом. Озирает комнату раз, другой. И роняет тихо:

— Говорят, в Энкере ночью являлось Дитя.

Пухлик глотает зевок, Рыцарь Морковка давится сведениями про виноградники. Конфетка ухмыляется.

— Сладкая моя, в Энкере всегда кто-то является. Они ждут возвращения своего Чуда вот уже четверть века, и почти каждый год находится пророк, появляется оракул, знамение...

— Вот только эти пророки не разгуливают в ночи бок о бок с двумя алапардами.

По лицу Грызи ясно, что решение принято и она сейчас — в Энкер. Разгадывать тайну Десятого чуда Кайетты. Искать чудо-ребеночка, на котором у нее такой же сдвиг, как у Мяслика — на бабочках.

— Алапарды реальны, — добавляет она. — Потому что он просто забрал их из какого-то храма. Прежде чем начать гулять по улицам среди ночи. Всё это выглядит как-то странно. К сожалению, не все там в восторге от варгов, так что бы мне пригодился кто-то... с виду благопристойный и безобидный.

Плохо у нас с благопристойностью. Небритость Пухлика только чуть маскирует хитрость рожи. Нойя. Терраант. Копна волос — в смысле, там Плакса где-то под ней. Есть ещё я — воплощённая безобидность, от шрамов до метательных ножей.

— Господин Олкест, вы насколько законопослушны? — участливо интересуется Грызи.

Рыцарь Морковка тут же набирает воздуха в грудь. Чтобы показать, что закон — его лучший друг. И вообще — поэму «Об идеальном гражданине» Тарк Филин писал про него.

Грызи машет рукой — мол, вижу, сойдет. Роняет под нос: «Ну, всё когда-то случается в первый раз» — отчего Его Светлость раздувается еще больше.

— Мел, за яприлем съездишь?

Само собой, не Шипелку ж с Плаксой на двоих посылать.

— Лайл, — взмах уходит к Гроски. — Идешь вместе с Мел. Переговоры на тебе. Финансовая сторона тоже. Они должны заплатить.

Звучит почти зловеще и почти пафосно. Если бы у Пухлика так нездоровенько не блестели глаза.

— Заплатить не продукцией! — добивает его Грызи. — Берите «поплавок» сейчас, потом пусть Фреза за нами вернётся. Остальных вызываете по необходимости, если что-то серьезное — сообщаете мне.

Всё, понеслась гарпия по кочкам. То есть, сначала понесся Рыцарь Морковка, который сообразил, что, о ужас, я же куда-то там собираюсь без него унимать свиночек. А ему предстоит тащиться в Энкер с «этой невыносимой» и охотиться на какое-то там чудо, пфе, подумаешь. Его Светлость готовится вцепиться в меня всеми конечностями и начинает вопить о своем категорическом несогласии меня отпускать, как тут подходит Грызи.

Вопросительно смотрит — мол, отпустишь женишка?

Так что я торопливо осеняю Его Светлость благословляющим жестом, подсмотренным у кого-то в храмах. Говорю что-то в том роде, что он там в Энкере очень даже будет нужен — и выскакиваю к чертям водным из четырех стен.

— Фреза, — ору вовсю, — запрягай, уматываем!

Проблемы начинаются почти сразу. Во-первых, от Пиратки еще попробуй — умотай, без завтрака-то. Предоставляю Пухлику грузиться едой за себя и за меня, а сама убегаю к вольерам — раздать Мелкой инструкции, что делать, к кому идти, с кем связываться.

Возле «поплавка» у пристани меня догоняет вторая проблема: Пухлик волочётся к «поплавку» не один, а в компании развесёлого Лортена. Становлюсь столбом и прожигаю Пухлика взглядом — с виду, вроде, разумный человек...

— Ты его зачем притащил?!

— В каком это смысле — притащил? — возмущается Бабник. — Мел, дорогуша, я бы вынес вопрос на суд философов — кто кого сюда притащил. Разве мог я вас отпустить в пасть кровожадной...

— Свиночке, — шепотом подсказывает Гроски, но Бабника сбить невозможно, он в поэтической горячке.

— Огромному, злобному, яростному порождению древних сил, сметающему всё на своём пути. Да. Своими ужасающими клыками. И копытами. И если эта ужасная женщина может подвергнуть вас такой опасности, то я, во славу всех моих предков...

— В общем, им коварно овладело чувство долга, — поясняет Пухлик. — Набросилось, знаешь ли, из-за угла. И овладело.

— Да помочь папаше-Вельекту — это мой наисвященнейший...

Фреза осматривает этот бардак и смачно сплевывает на доски причала. Очень значительно. Будто точку ставит.

По дороге Лортен изливает на Пухлика пафос и нараспев цитирует древние гимны, все до одного посвящённые вину. Гроски злобно пыхтит и про себя явно прокликает мамашу Лортена, которая дала сыну такое образование. Я решаю, как бы ещё Бабника обозвать. Липучка — вот в самый раз.

На юге Вейгорда тепло и солнечно. Вельект встречает нас на пристани. Круглый, в холщовой рубахе, весь багровый. Огромные пушистые усищи, весёлость рожи — и ещё он весь пропитался вином. Распахивает нам любящие объятия и уверяет, что так ждал, так ждал, спасители мы такие и разэтакие, мы же, конечно, выпьем?

Лортен виснет у заказчика на шее и уверяет, что непременно. И не раз. Пухлик весь светится от жертвенности, когда отказывается. И бубнит, что нам бы насчёт дельца обговорить. Усач грузит нас в веселенькой расцветки повозку и уверяет, что сперва знакомства, а дела потом.

От пыльной дороги расходятся волнами холмы. Куда ни глянь — сплошь виноградниковое царство, огромными клетками, кое-где — белые домики. Дороги, повозки, на телегах — виноград или бочки. Отмечаю глазами яркие густые пятна роц — раз, два, три, четыре... роци и кустарники слишком часто, плохо. Да ещё вон на востоке поднимаются Милтаррские горы.

— ...сейчас как раз работают давилъни... — озабоченно рокочет Усач. — Снимаем поздние сорта... Вон, видите, дома у каждой плантации? Сок потом отвозим на брожение в хранилища, да... погреба для каждого сорта винограда. У меня в поместье, конечно, остаётся только лучшее, ха!

На виноградниках — люди, снимают пахучие лозы. Дружно начинают Вельекту махать и орать. Усач перекидывается с работниками шуточками, тут же представляет нас:

— Эйола, ты видала, Эйола? Скоро эта свинина перестанет пугать моих милых работничков, так всем и передай! Скажи всем — Энрио Вельект заботится о своих милых работничках! Не жалеет на них денег — я даже вызвал ковчезников, слышала, Эйола?

Какая-то смуглая и полногрудая в ответ радостно вопит, что лучше б добрый хозяин им подкинул лишних денег, а со свиньями они уж сами разберутся. Она, например, привыкши — потому как муж у нее самый что ни на есть хряк.

В воздухе застоялся запах перебродившего винограда. Смешивается с запахом пота и еды от костров. Разливается, волнами плывёт. Забывает дыхание.

Работать будет сложно.

С завтрака пытаюсь драпануть, но Усач меня подрезает отчаянным воплем: «Куда?! И ничего не попробуете?!» Пока я решаю, не поставить ли заказчику фингал, подключается Липучка и пропихивает меня в двери поместья.

Поместье напоминает длиннющий сарай — выстроено без хитростей, всё в зелени, прохладное внутри. Усач обещает нас попотчевать «настоящей южной кухней». Знакомит с семьёй — у него неохватная жёнушка и пропасть дочерей. Все от души галдят и тащат на веранду. Втискивают за стол, как ни отбивайся, и начинают потчевать и закидывать вопросами, и сами рассказывают, перебивают друг друга. И хохочут над своими шутками, и поят непременно вином, и воняют перцем и розами.

А «настоящая южная кухня» — это когда ты не можешь встать из-за стола после первой смены блюд.

Гроски нахваливает каждое блюдо и травит байки про питомник, Лортен разглагольствует об опасностях и пыжится перед дочерьми Вельекта. Я прикидываю, насколько скоро чокнусь. Мочалю зубами лист салата и костерю себя за то, что не вызвалась с Грызи. Носилась бы сейчас за Чудом Энкера и горя б не знала.

Пару часов теряем в подземельях, где всё бродит и булькает. Повсюду пыльные бочки, несутся звуки, как у Пухлика из живота. Усач расписывает каждое винишко и время от времени настаивает, чтобы мы попробовали.

Лортен под конец прогулочки начинает вворачивать в цитаты из древних поэм какие-то уж слишком сальные выражения. И часто спотыкаться.

— Это он от голода, — волнуется сердобольный Усач. — Ничего, сейчас пообедаем...

Кажется, из поместья нам выбраться не суждено.

За обедом Пухлик ухитряется навести разговор на «злобную свиночку», и семейство начинает с упоением повествовать. Выходит, что яприль в окрестностях бесчинствует уже с девятницу, а то и больше. Топчет и ломает виноградники, пугает рабочих. Серьезно не пострадал никто, разве что раз разнёс давилку, да ещё перепугал лошадей, которые везли сок в хранилище. Лошади понесли, бочки раскатились.

— Убытки, конечно, невелики, — Усач дует щёки. — Но беспокойство! Вино не любит беспокойства. И потом, должен же я заботиться о своих работниках?! И угадайте, что я сделал пятого дня? Нет, вы не угадаете! Я нанял местных охотников!

И начинает хохотать под усами. Жёнушка с дочками ему вторят, аж колышутся.

— ...в общем, нанял я их пятого дня, а пришли они только позавчера. Со своими дворнягами. И к вечеру уже не стояли на ногах! И даже обещали устроить засаду на яприль ночью — видать, думали отпугнуть его храпом. Но угадайте что? Он сам на них устроил

засаду!

Усач трясется и отдувается, пока рассказывает — как именно яприль гонял охотников по виноградникам. И уверяет, что с местными охотничками проблема решится хорошо если к зиме, да и то если яприль издохнет естественным образом.

Южане же, ну. Полдня продрыхнут под солнышком, потом будут три часа обедать, ещё два — собираться, потом потеряют собак, а под вечер с громкими песнями и фляжками вина выдвинутся вперёд, пройдут полмили, остановятся на ужин, опустошат фляжки и решат, что на сегодня хватит.

Хозяин маринует нас до вечера — надо же ещё показать погреба с бутылками. И всё хозяйство, от коз до золотых рыбок. Попутно кидает, что его погреба всегда к нашим услугам — тут я замечаю, как у Липучки загораются глаза, и малость Усача даже жалею. Вельект бы нас и на ночь у себя устроил, но тут уж мне удаётся отбиться.

Получаем коня, повозку, клятвенное заверение, что куда — это Арринио в курсе. Кто такой этот Арринио? А конь. Он нас проводит. И вообще, нам тут рады повсюду, можем ночевать, где нам удобнее, он уже распорядился. Да-да-да, нас всюду примут, обогреют, накормят... напоят.

Звучит жутко, после сегодняшнего.

С трудом отдираю от хозяина лопочущего что-то Липучку. Гроски каким-то чудом заваливается в повозку сам. Вспрыгиваю на место кучера под нескончаемые хозяйские «Да вы только скажите, что нужно...»

Конь Арринио тоже южанин: чуть тянется, по сторонам глазееет. Темнеет быстро, дом Вельекта скрывается за холмом. Можно вдохнуть воздуха, дать отдых глазам и ушам. Носу — не очень-то: малость посвежело, но виноградный дух так и кружит голову. Да ещё Лортен сзади храпит. Каждый храп — волна разных винных ароматов.

Манतिकоры бы драли южное гостеприимство.

Цикады орут вовсю. Над головой звёзды — в кулак, а луны не видать. Копыта неспешно тукают по дороге, между виноградников. Гроски чем-то звякает в сумке — небось, с собой винишка набрал.

Надо будет с утра напомнить Вельекту, чтобы сообщил местным: в яприля не стрелять. Хорошо — пока что ума хватило его не ранить.

Глянуть — откуда приходит, где нападает. Может, территорию оберегает или деток. Пройтись по следу, усыпить, забрать в питомник. Трогаю в нагрудном кармане флакон со снотворным от Конфетки. Швыряешь в яприля, попадаешь в яприля, или близко от него. Забираешь яприля. Ничего нет проще. Только б найти.

Яприль находит нас сам.

Дар я не использую — а зачем ночью-то? — так что радостное «Уи-и-и-и» слышу только чуть раньше Пухлика. И топот. И треск ломаемых виноградных лоз. Подскакиваю, придерживаю коня, взываю к Печати.

И понимаю, что яприль не просто близко, а очень близко — сейчас на дорогу ломанётся. В засаде, что ли, ждал?

— Па-а-ачиму астанавились? — приподнимается в повозке Лортен. — Я... требую пра-да-лжения... э-э... знакомства.

Цыкаю. Гроски, в адеквате, потому что пялит глаза в нужном направлении. Сую ему фонарь с желчью манतिकоры, шепчу: «Не открывай пока». Готовлюсь прыгнуть на дорогу — переговорить с яприлем. Может, усыпить на месте.

И тут яприль махом вылетает на дорогу с длинным «Хрюююювет!» А конь Арринио вспоминает, что он южанин, и с ржанием кидается в галоп. Меня от толчка швыряет назад, прямо на Лортена.

— Грязные утехи, — невозмутимо обдаёт он волной перегара. — Одобряю.

Телега подпрыгивает по неровной дороге, конь несет как бешеный. Пухлик подскакивает и охает. На хвосте у нас висит яприль. С пронзительным «Уи-и-и-и!»

Темно-зеленая тушка с горящими золотом в темноте глазами. Здоровый и дурной. Догонит — от телеги щепок не останется. Надо влупить усыпляющим, но при такой тряске и скорости — черта с два попаду.

Сигать с телеги тоже не вариант. Ору Пухлику: «Свет! Светом ему по глазам!» Отпихиваюсь от очумевшего Лортена. Кидаюсь к месту кучера — надо прыгать на лошадь, успокаивать.

Позади полыхает вспышка — это Гроски каким-то чудом правильно открыл задвижку с фонаря. И правильно направил свет яприлю в глаз. Сзади — возмущённый взвизг и хрюканье. Отстаёт.

— Тпру-у-у! — ору, пытаюсь нашарить вожжи. — Стоять, кому сказано!

Вожжи зацепились за край повозки, хватаю их. Только конь уже и так замедляется, переходит на рысцу.

— П-порождение тьмы! — вопит позади очухавшийся Лортен. — Трепещи, ибо я сразу тебя!

И храбро вываливается на дорогу. Под наш с Пухликом хоровой вопль: «Манतिकоры мать!!»

Дёргаю вожжи, прыгаю вслед. Пухлик скатывается с повозки ещё раньше. Яприль несётся на Лортена с задорным “хрюхрюуиии”. Липучка раскачивается, как деревце в ураган, и пытается отыскать у себя на боку что-нибудь яприлесражающее. Только он же не носит с собой меч, а другое оружие и подавно. Лортен, видать, об этом вспоминает, видит подлетающую тушку и выдаёт:

— П-позвольте... ик... сразить вас... в другой раз.

Совершает пируэт на одной ноге в попытке удрапать от яприля подальше. Только вот хрюкающая махина к нему уже совсем близко.

Не успеть, манतिकоры корявые!

Впопыхах чуть не забываю про Пухлика, а этот успевает всё. С нецензурным воплем и на бегу одновременно сует чуть ли не яприлю в морду фонарь и лупит холодом. Зверушка замедляется, а Гроски алапардым прыжком сносит Лортена с дороги. В канаву, потому что слышу шум и плеск.

Яприль фыркает, крутится на месте, пытается промигаться и отойти от удара заморозки. Самое время работать. Торможу, не добегая дюжину шагов. Снотворку долой из небьющегося футляра. Швыряю хрупкий флакон — есть, попала, прямо в лоб. Всё, дело сделано.

Свинюшка так не думает, потому что фыркает, пытается стать на дыбы — да он пудов двадцать весит! — а потом галопирует мимо. С шумом и треском проламывается через виноградник и исчезает себе в ночи.

Из темноты издевательски ржёт южный темпераментный конь. Я стою, выравниваю дыхание. Прислушиваюсь с Даром — если сразу не взяло, должно пробрать через пару минут. Ничего, бодрый треск и хрюканье. Яприль уносится черт-те куда по ночи, спать не

собирается. И не догнать.

Тут на юге и яприли какие-то бешеные.

— Черти водные, — говорит Гроски, вылезая из канавы. — Я думал, тут просто обочина. По-моему, туда какой-то идиот набросал гнилого винограда.

Вином от него теперь несёт ещё больше, чем раньше.

— Что со снотворным, попала?

Яприль весело проламывает виноградники уже за милю от нас. Останавливаться и не думает.

— Попала, только на него не действует. Что там этот...

Из канавы доносится залихватский храп. Между храпом слышатся причмокивания — что-то вроде “О да-а, я готов весь погрузиться в этот пьянящий аромат”. Гроски прислушивается и вздыхает:

— Боженьки, вот чем я думал вообще, когда шёл наниматься в питомник? Мог бы тихо, безопасно разнимать драки в барах, или выбивать долги из игроков...

Голос у Пухлика уж слишком трезвый. Кошусь подозрительно, поднимаю повыше фонарь. Гроски отмахивается.

— Что? Я зашёл к Аманде после «встряски». Она не устояла перед моими мольбами и выдала мне побольше «Трезвости». Полно в сумке. Как знал, что пригодится.

Идёт доставать Липучку из канавы. И добавляет пророчески:

— Потому что сдаётся мне, что жизнь подложила нам немаленькую свинью.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Кейн! Кейн Далли! Далли Кейн!

«Милосердия!» — жалобно воззвал организм, но голос извне не внял и не убрался.

— Лайл! Лайл Гроски! Гроски!

— Какого... драного... яприля... — прохрипел я, высовывая физиономию из-под одеяла.

За моё плечо проникновенно цеплялся Лортен, который уже успел изрядно отпраздновать наступление нового утра.

— Дружище... У тебя же есть деньги?

По природной жадности я сперва правдоподобно замотал головой и только после этого осведомился — не случилось ли чего.

— Случилось, — трагично возвестил Лортен. — В этом месте совершенно нечем занять себя! О, вино — это, конечно, превосходно, но разве оно может считаться пищей для взыскательного ума?

— Кости или карты? — осведомился я, пока натягивал штаны.

— ...да, — обозначил Лортен сразу всю глубину трагедии.

Я сунул голову в таз с водой, любезно кем-то поставленный на стул рядом с кроватью, вынырнул, отфыркиваясь. Спать хотелось всё равно.

Конечно, я плотнул «Трезвости», только ведь после этого зелья нужно как следует высыпаться. Зелье не предусматривает героические прыжки под носом у бешеного яприля, а потом погрузку полубесчувственного Лортена на повозку. А мы ещё и до нужного места тащились бесконечно, не сразу разбудили хозяев, потом поднялась суета: выделить нам комнаты, постирать одежду, спросить — не надо ли нас попотчевать...

— ...и Марэйя — это жена здешнего хозяина — поинтересовалась, откуда мы явились в таком виде. И мне пришлось припоминать туманные события прошлой ночи. Кажется, я сражал неотразимостью прекрасную даму и погружался в винную ванну — прямо как в поэме Эйкоста Айлорского. Ну, я же могу надеяться, что хотя бы принимал ванну не один?

— Можешь, — ответил я, натягивая рубашку. — Мы принимали её вместе.

Кажется, Лортен протрезвел хотя бы до такого уровня, чтобы ответить мне на вопрос, где это Мел.

— О, она отправилась по следам этой лютой, бесчинствующей твари! И отказалась взять меня с собой, пф, как измельчала аристократия. Она даже была уверена в том, что я не сумею передать тебе записку!

Записку Лортен мужественно выудил из кармана через четверть часа поиска и причитаний «Ну, я же не мог ее тоже проиграть? Или мог?!» Всего-то пара строк, набросанных острым, торопливым почерком: *«Пройду по следу, гляну места, где часто бывает. Взяла коня. Расспроси в округе. Следи, чтобы Бабник не просадил в кости питомник и не сдох с перепоя».*

— Предстоят подвиги? — осведомился Лортен.

— Эпические, — ответил я, тупо глядя на последнюю строчку.

У южан Вейгорда все разговоры с чужаками строятся по схеме «обкормить — спойть —

расспросить — рассказать тебе всю свою жизнь и жизнь своих родственников — пригласить в гости к себе или к своим родственникам — наконец-то вспомнить о деле, хотя кому оно уже надо?» Так что я старался подловить рабочих во время сбора урожая, а то и разыскать тех, кому успела напакостить бешеная свиночка. Местные работнички розыскным работам сопротивлялись стойко: брали в плотное окружение, тут же организовывали застолье на ближайшей поляне и кидались поднимать тосты. Маневры по спасению своей печени встречались дружными обидами и «Да ты нас что, не уважаешь?!»

Что мне придётся смотаться к Аманде за второй сумкой «Трезвости» — я понял примерно к полудню.

Лортен мешал. Он вступал в разговоры, читал стихи собирательницам винограда, строил глазки каждому столбу и очень возмущался, что мы не идём по кабакам.

— Моё потомственное чутьё истинного аристократа позволяет заключить, что именно там мы можем приобрести самые лучшие сорта... и-э-э, новостей. И вообще, мне говорили, что в «Богатой лозе» ещё и отличная кухня — если, конечно, ты берёшь хотя бы две бутылки...

Осеннее солнышко разошлось и припекало, Мел не появлялась, с новостями не везло. По всему выходило, что папаша-Вельект уже и так сообщил всё, что нужно было, разве что со временем ошибся: яприль мелькал там и сям ещё с луны Глубинницы, но появлялся на дальних виноградных плантациях и никому особенно не вредил.

— Ой, кабы злобный был бы — так он бы нам тут от плантации кустика не оставил, — тараторила одна из местных собирательниц винограда. — Вы кушайте, кушайте, вот, с чесночком и перчиком... Лет двадцать назад, помню, у Миллтарских гор в лесу охотнички яприлей гоняли, ну и погнали в нашу сторону, да и поранили, ухх, сохрани нас Целительница Тарра!

— Ой, ой, ой, сохрани нас Целительница, — дружно вторил разновозрастной хор дочерей почтенной собирательницы. Мужчины стояли тут же, пожевывая листья табачка да посасывая винишко.

— Так, стало быть, этот пораненный яприль да и вырвался на плантации господина Вельекта, ну, то есть отца ещё предыдущего хозяина... Ой, ой, что было, сохрани нас Мечник и Даритель Огня!

— Ой-ой, Мечник и Даритель Огня, сохрани нас!

Лортен всюду разливался чуть в стороночке перед молодёжью. Лепёшки с чесноком, сыром и оливками были дивно хороши, как и молодое винцо. Казалось, можно пару веков вот так сидеть под неопасным осенним солнцем, посреди одуряющих ароматов виноградников. Неспешно закусывать и вслушиваться, как необъятная Айка повествует о раненом яприле, который рвал десятилетние лозы, будто паутинку.

— Ой, топтал! Ой, рвал! Мы все — по сторонам, прятаться значит... кто в канаву, а кто куда, а он, значит, летает и топчет, а визжит страшно-то как. О-ой, сохрани нас Стрелок!

— Сохрани Стрелок, о-о-ой....

— Как же вы от него избавились?

— Да папаша нынешнего Вельекта его завалил, — сплюнул один из стариков. — Вот такой мужик был, не хуже сынка. Стрелок отменный. Прискакал, сталбыть, на коне, и арбалет при нём. Конь и тот испугался, а Вельект старый — ничего. Я сам издали видал: зверюга эта на него летит, а он стоит, да! Р-раз — и стрелу в глаз ей! Отскочил — и р-раз! — во второй глаз. Славный охотник был, Вельект... С самим Мэйсом Трогири на добычу

ходили, пока Трогири виверний не поломал.

— Вы кушать-то кушайте, — подпихнула Айка поближе перцы, фаршированные мясом. — Так я и говорю, значит: не такая эта зверюга. Не бешеная она вовсе, я еще от старого Вельекта слыхала, что яприли — их в бешенстве и не остановить вовсе. Ох-х, упаси нас Перекрестница.

— Ох-х, упаси, — с готовностью поддержал женский хор.

Меня пока что судьба оберегала от встречи с бешеными или ранеными яприлями. Но при питомнике я уже успел нахвататься. Так что закинул в рот ещё малость вяленой козлятины (от перца и специй огнем горит) и подтвердил под общими взглядами:

— Да, так и есть. В бешенстве у яприлей удесятерятся силы — вроде, как у алапардов, только у алапардов скорость, а у этих... вроде как пробивная сила, что ли. Несутся напрямик и крушат. Ну, и когда мы столкнулись прошлой ночью с этим вашим гостем...

— Ох-ох, упаси нас Девятеро! Вина вот выпейте!

— ...да, так вот, я как-то не заметил, чтобы он, скажем, разнёс нашу телегу по кусочкам. Не то чтобы я жаловался...

Вокруг зашуршали смешки, а я приналег на оливки и выдал:

— ...но он, вроде как, просто поздороваться с нами хотел.

— Ну, у нас-то тоже так, — почесывая подбородок, признался один из собирателей. — Вроде как... бегают, хрюкают. Одно что лозы мнёт.

— Ты уж за себя говори, Лой! Возниц-то он перепугал, а? На закате-то как выскочил из кустов, говорят, бочки раскатил, потоптал, сами-то парни ни живые ни мертвые в кусты... а лошади как испугались... Злой, говорят, был, дико.

— Однако ж убежал!

— Да, а если б их увидел — може, и не убежал бы! Потоптал бы за милую...

— Л-лайл! Ты не мог бы... ко мне присоединиться? — это долетело из кустиков, в которые минутой раньше направился директор питомника. И прозвучало... ну, в духе дня. И в духе Лортена.

Пришлось со стоном встать, протопать добрых полсотни ярдов и впереться в те же самые заросли с закономерным:

— Боженьки, ну что ещё? Ты потерял штаны вместе с честью и достоинством? Не можешь высчитать нужный напор по отношению к силе ветра?

— Мне нужно, чтобы ты одолжил мне пару серебряных монет, — полупьяненьким голосом заговорил Лортен, пытаясь застегнуть штаны. — Как компенсацию, дружище.

— За твои страдания на свежем воздухе?

Лортен издал полувозмущенное-полуотрицательное «ик».

— Кажется, я, так сказать... оросил живое существо — и пусть это даже пьяный храпящий крестьянин, взыскующий полуденного сна, но истинный Мечник воздаст за оскорбле...

Непонимающее молчание вышло таким выразительным, что Лортен бросил мучиться со своими штанами и пояснил с широким жестом:

— Храп, дружище. Я услышал его вон оттуда, почти из-под ног, из-под листвы, когда... словом, когда уже не мог остановиться. Ты, может быть, скажешь, что мне почудилось, но я определённо...

— Лортен, — проникновенно молвил я, приглядываясь к овражку около его ног. И к огромной кучей листвы в этом овражке. Листва мерно вздымалась и опускалась. —

Заткнись.

— Я бы сказал, что в свете моих намерений это прямо-таки грубо, и если ты мне не веришь — то вот, опять... этот звук...

Лортен немного постоял, вслушиваясь. Почти осмысленно опустил руки и поглядел на меня с тихим каким-то озарением.

— А это не хrap, да? Это больше похоже на хрю...

«Хрррррау!!»

Яприль заворочался по листвой, будто толстяк-горожанин — под цветным одеялом. Низко и подозрительно хрюкнул и уставился на нас — заплывшими и какими-то большими глазками. Кажется, в глазках было что-то насчет «нарушить покой», «вопиюще оросить» и «развесить кишки по ближайшим кустам».

— И-и-извиниться не поможет, да? — спросил над ухом Лортен, который ещё не потерял присутствие духа.

— Вряд ли, — пробормотал я, глядя, как яприль поднимается на ноги — буквально вырастая при этом из овражка. — Так, назад. Тихо. Без паники.

Из кустарника мы выходили пятясь. Лортен — придерживая штаны, которые норовили его покинуть. Я — держа перед собой ладонь с Печатью и ведя задушевную беседу в попытках подражать то ли Мел, то ли Гриз Арделл.

— Привет, свиночка, — говорил я, стараясь не споткнуться. — Очень рад, что мы возобновили свое знакомство. Можем пригласить тебя к костерку, если хочешь, тут красивые женщины и много хорошей еды... Слушай, поговори с ним.

Позади установилось малость шокированное молчание. Оно еще больше сгустилось, когда вслед за нами из кустарника явил себя яприль: в праздничном наряде из листьев и с угрожающе наклоненной головой.

— А-а-а-а, ты это мне? — догадался Лортен.

— Тебе, кому ж еще, — вещал я, старательно пятясь от яприля по тропиночке. — Поговори с ним, мне надо с местными перемолвиться.

Очень хотелось кинуться с Лортенем врассыпную. Но было нельзя. Скорее всего в таком случае яприль бы выбрал меня. Как более медленного и привлекательного в плане пинания копытами.

— О чем мне с ним разговаривать?

— Не знаю, обсудите вопросы высокой политики или современное искусство. Ты же аристократ, ты должен уметь вести светские беседы.

— Но... с яприлем! — шепотом возмутился Лортен. — С... с малознакомым яприлем! Откуда я знаю, какие темы он предпочитает!

— Ну, я бы сказал, вы с ним уже почти что родственники... Отвлеки его, кому сказано! Только в глаза не смотри.

— Э... кхм, — надо отдать Лортену должное — он попытался одновременно придерживать штаны, пятиться и не смотреть в глаза. — Да... ну так... как вам погода? Не правда ли, удивительно тепло для Луны Мастера?

Яприль потряс головой и испустил яростное фырканье. Весь в бирюзовой свалывшейся шерсти, с желтоватыми клыками и с разноцветьем листьев на боках — он выглядел слишком высококультурным для бесед о погоде.

— Мужики, слышите меня? — подал я голос, бросая косой взгляд на собирателей винограда. — Главное — не орать, не разбегаться! Женщин удержите. Никаких криков, всем

спокойно, он не кинется...

Яприйль наступал на нас неотвратимо, как похмелье с утра. Вид у него такой, будто он хочет нас самую малость поубивать, а потом пойти досыпать.

— ...но, с другой стороны, поэма «Об идеальном гражданине» — это же бессмертная классика, которая любима многими поколениями...

— У меня вроде как есть план, — твердил я, улыбаясь наступающему яприйлю самой очаровательной из моих улыбок. — По моей команде зажигаем огонь и орем изо всех сил. Ясно?

Сзади донеслось разрозненное «у-гу». Вот и ладненько. Гриз и Мел твердили, что большинство зверушек не любит громких звуков и пламени. Яприйль пока еще не ранен, значит, в бешенство не должен впадать... в теории, ага.

— ...хотя, конечно, если вам нравятся более изящные и романтические произведения — я бы, на вашем месте, предпочел «Балладу о васильковой деве», или...

— Дава-а-а-ай! — заорал я, понимая, что ближе к людям яприйля подпускать опасно.

— Ва-а-а-а-а-ай!!! — дружно поддержали южане из-за плеч.

Звуковой удар был такой силы, что яприйль застыл на месте, выпучив глазки и приподняв рыло.

Пробирку со снотворным я метнул в его сторону с левой руки. Потом развернулся, дернул за собой Лортена и рявкнул:

— Огня!

Костер полыхнул знатно: южане разом высадили туда весь хворост. Не прекращая разноголосого, старательного ора. Кое-кто еще и догадался пыхнуть огнем с Печати.

Яприйль истерически всхрюкнул, развернулся и унесся, проломив кусты, из которых и появился.

Снотворное не подействовало во второй раз.

— О, клянусь Мечником, — пробормотал Лортен, падая на свое прежнее место. — Мы обратили его в бегство! Это и впрямь достойно поэм! Но после такого следует вышить.

Крестьяне дружно загомонили, соглашаясь.

В отдалении покачивались сломанные ветки кустарника и затихало испуганное хрюканье. Прогорал костёр.

— ...победа разума, — несло от Лортена, который теперь был в центре внимания. — Он не мог кинуться на нас, пока я говорил, словно... словно зачарованный! Он ощутил моё превосходство. И честное слово, если сравнить его с обществом ужасной женщины, или с этим сумасшедшим устранителем, или с кошмарным, не имеющим чувства прекрасного законником... Как это странно, когда яприйль — не худший из твоих собеседников!

Через полчаса Лортен и крестьяне успели успокоиться и даже малость сойтись на почве высокой поэзии, спасибо местному алкоголю.

Появление Следопытки, которая принеслась из ниоткуда словно буря и сходу обложила нас всех крепкими словечками, уже никого не удивило. Мел как раз взяла верный след, выяснила направление — и тут мы ухитрились яприйля спугнуть.

— Ну, зато его теперь будет полегче искать, — попытался я в оптимизм. — Можно даже сказать, что Лортен к этому приложил... э-э, руку.

Мел сверкнула глазами, выслушала историю с орошением яприйля, обозвала нас извращенцами и была такова. Что она собиралась с яприйлем делать, если вдруг его найдет, осталось неразрешенной тайной.

Потому что яприля Мел так и не нашла.

Ближе к вечеру она ввалилась в отведенную нам комнату, махнула рукой и выдавила:

— Потеряла след. По запаху не выследить — всё пропиталось вином. Тут куча речек и каменных осыпей. Нашла кучу лежек — нетипично. Яприли обычно одно место выбирают для сна, а тут каждый раз в разных ночует. Места для водопоя тоже нет. И носится по всей округе. Вир знает что.

— Помочь может только... мхэх... победа разума, — донеслось из уголка. — Да. Победа разума... ик... над грубой материей.

Мел перевела на меня горящий взгляд.

— Вельект, — развел я плечами. — Не знаю уж, как ему доложили его работнички... в общем, он примчался за нами и увез в свое имение. Можно сказать — похищение с насильным закармливанием. Я извел еще склянку отрезвляющего, ну, а Лортен...

— Нажрался как свинья, — подсказала Мел.

— М-метафора отвратительна, — выдал Лортен, пьяненько икая из уголка, куда я его отгрузил. — Ибо разве можно смешивать высокое опьянение... гыг... истинного аристократа... со свинским состоянием животного?

После чего встал, величественно завернулся в простыню, выдал свысока:

— Истинный Мечник никогда не теряет лица.

И повалился на софу, радостно и сонно прихрюкивая. Почти как яприль, ага. Как яприль, который...

Мы с Мел одновременно столкнулись взглядами, выражая всю полноту догадки, а заодно и весь ужас свалившейся на нас новости.

— Боженьки, — сказал я, когда понял, что Следопытка обретать речь не намерена. — Никогда ещё слово «насвинячиться» не имело такого прямого значения.

Мел взлетела на ноги и принялась носиться по комнате, бормоча себе под нос:

— Нападал на телеги и бочки... В канавах дочерта жмыха и остальной дряни... Понятное дело, всё бродит... и пахнет на всю округу, ну конечно! Вот, значит, в чём загвоздка!

— В том, что он не закусывает? — предположил я, тупо глядя перед собой.

— Мхрррр, — воспротивился Лортен из уголочка.

Следопытка остановилась и врезала по ладони ребром другой ладони.

— Его поэтому и не берёт сонное. Чёрт, да его вообще почти ничего не берёт, покуда он...

— В свинском состоянии?

Мел пронзила меня свирепым взглядом, но остановиться было не так-то просто.

— Значит, он питается в местных канавах... потому у него и лежки на разных местах, шарахается из стороны в сторону. Ведет себя не как обычный зверь...

— ...трезвый, во всяком случае...

— Ну, конечно! А когда наестся этого жмыха — на него нападает желание покуражиться. Примерно как на...

Она уперлась взглядом в угол, откуда неслось похрапывание Лортена.

— Стало быть, с нами он хотел свести знакомство, возможно, пригласить на распивку новых сортов...

— Яприли вообще-то мирные. Так что он просто повеселиться хотел.

— Угу. Погоняться за нами или работниками — полбеды. Но ведь он же нападал на

телеги. Нет? Это-то уж никак нельзя отнести к невинным забавам пьяной свиночки. А может, он впадает в буйство, если переберёт? Ну, знаешь, всё это «ты меня уважаешь»...

— Утром, — Мел еще раз врезала себе по ладони. — Чудесил он днём или вечером. А нападал утром.

— Стало быть, с похмелья. В общем, остаётся только один вопрос....

— Физическая или психологическая зависимость, — пробормотала Мел и уселась ко мне на кровать.

Звучало настолько по-академически, что я поднял брови. Следопытка отмахнулась.

— ...вопрос — он просто случайно каждый раз в это влезает или уже привык. В смысле, животные часто, бывает, едят забродившее. Особенно если рядом полно таких фруктов или ягод. Но когда такая еда кончается — звери приходят в норму. А есть такие случаи... ну, как у Дрызги.

Смотрела она при этом на меня так, будто полагала экспертом по алкоголизму.

Я молча перебрал в уме свой богатый опыт и предположил бодро:

— Так что... составим ему компанию под задушевные разговоры? Отправим домой, чтобы жена могла до него достучаться? Или... хм... познакомим с тайнами закуси?

Под яростным взглядом Мел я приподнял руки, как бы говоря: да понял, понял уже, сделаю.

В конце концов, пока что рисовался только один выход.

* * *

— Не выйдет, сладенький, — сказала Аманда. Подтолкнула ко мне кружку, в которую я заглянул — и испустил сладостный стон.

— В первый раз за двое суток мне наливают не спиртного. Боженьки! Вкуснотища. Никто никогда не признавался в любви твоему чаю?

— Чаю — обычно нет, — и ямочки на щеках так и играют, так и играют. От кружки вздымается парок с запахом чабреца и чего-то ещё тонкого и пряного, на столе в лекарской — печенье, такое же чудное, как та, кто его сделала.

— Век бы не отрывался, — правдиво сказал я, бросая взгляд из-за чашки... почти на печенье, да. Совсем чуть-чуть повыше. — Очень может быть, клятому яприлю никогда не попадались такие замечательные чаи. Вот он с горя и ударился в каждодневные пьянки. Мел полна ужаса — вдруг сопьётся окончательно, так что надежда, как понимаешь...

Ноя подперла подбородок локтем, показав изумительный изгиб шеи и локон, который решил сбежать из-под цветастого платка и прогуляться по шее и плечу. Вздохнула и огорошила меня повторно:

— Пьяницу излечить нельзя. Иначе я давно бы уже нашла лекарство для Изы, и маленькая Йолла улыбалась бы куда чаще. Я прислушивалась и спрашивала у трав... но травы молчат.

Обвела рукой стену, на которой в изобилии были развешаны веники душистых трав — заготовки для будущих зелий.

— «Трезвость»...

— Это только способность протрезвить разум. Убрать вино из крови и прояснить рассудок. Ни зелья, ни эликсиры не убирают привычки. Страсти. Тяги. Ты можешь дать ребёнку горчицы — и всё-таки ему будет хотеться сладостей. Можешь очистить желудок

обжоры — но тот пожелает еды ещё раз. Можешь дать обольстителю женщин «охладилку» — и как только её действие закончится...

— Он засмотрится на очаровательных дам, — подхватил я, старательно засматриваясь на одну конкретную очаровательную даму. — Ясно. Мел тоже толковала что-то про зависимости, физические и психологические... В общем, само по себе это не пройдет.

— Это может пройти, если кончится средство опьянения.

Аманда принялась расхаживать по лекарской, шелестя длинной юбкой. Полезла в один из многих шкафчиков вдоль стен — позвякала чем-то соблазнительным.

— Да... Очень может быть, что этот япריך просто голоден, а на плантациях Вельекта растёт хороший, сладкий виноград. Если больше не сбрасывать виноград в канавы, чтобы он там бродил... разве это не проще всего? У яприля не будет столько привлекательной пищи, и он уйдет.

— Так-то оно так, только там же... ну, южане! Вот уж не представляю, сколько времени им придется втолковывать, чтобы не спихивали жмых в канавы. И не выкидывали туда же подгнившие гроздья. А если придётся вычерпывать из канав то, что уже там есть — и вовсе в девятницу не уложимся. Не говоря уж о том, что свинка чересчур уж рвётся к людям во хмелю. Может, ей совестно пить без компании или она жаждет поделиться хорошим настроением...

— Нойя говорят — не шути с хмелем и любовной страстью: кто знает, куда заведет... Можно было бы использовать «Ни капли», это зелье изобрели в лейре Ядовитого Жала, и рецепт я раздобыла пару лет назад. Если человек выпивает эликсир — от спиртного ему становится худо...

— Боженьки! Ужасы какие.

— ...сильно тошнит, нападает слабость, лихорадка, понос.

— Тот, кто это изобрел, не очень любил человечество, да?

Травница мелодично рассмеялась, отбрасывая тугие кудри.

— Мастерницы этого лейра любят человечество, пока оно приносит им звонкие золотницы. Это зелье у них покупают как раз те, кто думает вылечиться от пьянства.

Я постарался изобразить на своем лице пропасть всякого разного — от сомнения в таких вот зверских методах до глубокого ужаса при мысли о том, что кто-то к такому еще и прибегает.

— Кушай печенечку, — пропела нойя. — Ты прав, сладенький, да-да-да... не каждый излечивается. Кто-то травится, но все равно пьет. Кто-то начинает искать и обходные пути — вроде дурманных зелий. Кто-то покупает противоядие — впрочем, мастерницы лейра не внакладе... Но это зелье рассчитано на людей, вот в чем дело, сладенький. Я могла бы попытаться приспособить его под организм яприля, но нужно время, а ты как раз говоришь, что времени нет.

Я вонзил зубы в печеньё — сегодня творожное, с медом и цукатами. Всё неизменно подводило к тому, что саму причину опьянения нужно от яприля убирать. Потому что держать пьяницу в винном погребе — не самая лучшая идея. Но если нельзя убрать, так сказать, погреб...

— Стало быть, надо перевести свиночку сюда. Без россыпей Вельекта япריך скоро протрезвится... Может, пара бесед с Мел или Гриз — насчет трезвого образа жизни. Само собой, твои зелья, вроде антипохмельного и укрепляющего — раз-два, и его можно выпускать куда-нибудь подальше от виноградников.

— Это может сработать, — согласилась Аманда и вновь порхнула на свой стул. — Но вам придется быть осторожными при его захвате. Мел ведь не обнаружила его лёжку?

— Парень, похоже, ночует там, где ноги подогнутся.

— И в любом случае — вам придется захватить его либо спящим, либо трезвым — чтобы сработало снотворное...

Удивительно только, как я раньше до этого не додумался. Очень может быть, это всё потребление галлонов вина пополам с пинтами трезвящего зелья.

— А «Трезвость» тоже рассчитана только на людей? И ещё... сколько склянок у тебя есть в запасе?

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Мантикора знает что, — вздыхает Грызи в Водной Чаше. — Сталкивалась я с такими случаями. Если что — сама наведуясь, попытаюсь...

— А выйдет?

Соваться в разум к раненому животному — опасно. К бешеному — смертельно опасно. К людоеду — больно. К пьянице — может саму унести. А потеря контроля для варга, пока ты в единении...

— Еще и непонятно, когда здесь развяжемся, — Грызи бросает взгляд куда-то себе за спину. — Олкест, да успокойте его там уже. Да не так!

Из-за спины у неё доносится что-то вроде «Да как вы смеете, я представитель закона» — до отвращения знакомым тенорком.

— У вас там что, Зануда, что ли?

— М-м, долгая история.

— А Дитя-то вы нашли?

— А вир его знает, что мы там нашли... — бормочет Грызи, глядя не только сквозь воду, но и сквозь меня. — Тут, похоже, что-то серьезное затевается. Ладно, вот что. Яприля надо бы в питомник перекинуть. Снотворное совместимо с «Трезвостью», а отрезвляющее — зелье из простых составов, оно почти на всех действует. В общем, свяжись с Амандой, набери «Трезвости», подмани яприля, накорми зельем, потом усыпи и вызови Фрезу. По приманке советы давать?

— Не, сама справлюсь.

— Ладно. Если что — выходи на связь.

До меня долетают еще пожелания Рыцаря Морковки со мной побеседовать. Но я поскорее вынимаю «сквозник» из Водной Чаши. А когда он начинает греться — вызов не принимаю. Своих проблем хватает.

Только собираюсь вызвать нойя, как заявляется Пухлик. Довольный, будто Вельект ему все свои плантации подарил.

— Кажется, мы малость обделили вольерных и Изу, — и бухает на кресло сумку, в которой позвякивает стекло. — Всё, что нашлось. Аманда взялась приготовить побольше, но утверждает, что этого должно хватить. Если только яприль не будет, ну, ты знаешь... в состоянии Лортена.

Иногда Пухлик бывает полезным. Когда включает мозги.

Дальше я связываюсь с Вельектом, перечисляю — что надо. Усач приносится сам и притаскивает с собой людей. Первым делом предлагает выпить, когда Пухлик говорит, что

так у нас так не хватит отрезвляющего — ужасается:

— Какой кошмар! Мы тут у себя таких зелий не держим.

Зато Усач быстро организывает стол для яприля. Я выбираю место, где яприль бывает часто — возле старой давилъни с провалившейся крышей. От придорожных канав идет приторно-виноградный дух, и их приходится где засыпать, а где закрыть травой. Из давилъни притаскивают корыто, набивают сладкой репой, кусками спелых груш и яблок и разными там вкусными помоями. Прошу ещё аниса — яприли его обожают — растираю в ступке, посыпаю блюдо для малыша.

В давилъне или за ней можно укрыться. Вокруг хорошие, густые заросли — самое место для засады. Правда, пока поливаю приготовленное блюдо «Трезвостью» — притаскивается Липучка, начинает под ногами путаться. Но тут Вельект зовёт Липучку «малость расслабиться после напряженного дня». Лортен сваливает, хоть и угрожает вернуться и помочь.

Одной проблемой меньше

Ночь светлая, издалека пахнет дымом: это жгут костры на виноградниках. Чтобы яприль туда не сунулся. Возле нас костров никто не жжет, и округа пропитывается анисом, медовым запахом фруктов, морковки и репы.

Мы с Пухликом усаживаемся в давилъне на старых бочках. Я заправляюсь укрепляющим и бодрящим. Пухлик бубнит, что так вообще забудет — как спать.

Яприль является через пару часов ожидания: Дар доносит пыхтение и похрюкивание. Принюхивается к ароматам в воздухе. Переходит ручей. Повизгивает от интереса. Идёт малость неверно — значит, уже успел за вечер где-то как следует набраться.

Нас яприль не чует: в давилъне тоже пронзительно пахнет вином. Так что он всё ближе. Наконец показывается на поляне, куда мы пристроили корыто. Большой мальчик, весь переливается в лунном свете. Отливает изумрудами и бирюзой. С упоением и радостным визгом зарывается рылом в еду — чуть ли не с головой ныряет.

Поднимаюсь, даю знак Пухлику — пошли здороваться. Пухлик медлит, но потом всё-таки идет сходит с крыльца за мной.

— Привет, мальчик.

Мальчик поднимает голову и приветственно хрюкает через репу. Очень занят вкусным ужином. Вовсю расправляется со снедью, политой «Трезвостью». А зелье действует быстро, так что зверушка на ходу становится собой. Перестает покачиваться и вгрызается в репу и подбирает яблоки всё увереннее.

— Я ж говорил насчет пользы закуски, — выдает Гроски.

Протрезвившийся яприль топчется на месте, удивленно похрюкивая. Поражается внезапной ясности мышления.

— Пожалуйста, — прочувственно говорит ему Пухлик, — выбери здоровый образ жизни. Нет ничего хорошего в том, чтобы заливать своё горе винцом.

— Уииии, — говорит яприль недоуменно. Но подпускает охотно, даёт почесать бочок, хрумкает морковкой. Вслушивается в мои слова, какая ж он лапочка, и что мы теперь с ним друзья, и вот, надо бы ему немножко поспать, а потом поедем мы в питомник, а там у него еще больше друзей появится...

От свинюши несёт сладковатым запахом прелой листвы. И здоровым таким перегарищем.

— Это было... воистину эпично, да!

Липучки тут ещё не хватало. Не слишком-то верной походочкой выходит из-за белой, увитой лозами стены. Утомлённо к этой самой стене прислоняется и продолжает:

— Я бы сказал, это в духе баллад позднего Тадевра Витии. Выдержка и хладнокровие перед лицом первобытной ярости. Победа здравого ума над измененной скотиной. И это непременно, вот прямо непременно...

Спинным мозгом осознаю, что он собирается сделать, но помешать не успеваю.

— ...надо отпраздновать, — заканчивает Липучка и со вкусом откупоривает бутылку, которую притащил с собой.

Вино плещет ему на ладонь. Выдержанное и духовитое.

Тадевр Вития в своих поэмах про такое писал: «И пала тишь».

— Боженьки, — успевает сказать Пухлик.

— Кретин, — успеваю сказать я.

А достать снотворное с пояса — не успеваю.

Учуявший запах выпивки яприль с богатырским: «Уррррияии!» берет с места в карьер. Стремительным свинским галопом.

Отпрыгиваю в сторону, чтобы не попасть под копыта, но он всё равно задевает меня — вскользь, окороком цепанул... качусь в кусты.

Над головой орёт как заяц Липучка. Переворачиваюсь и вижу, что он пытается задать от яприля стрекача. Истеричными прыжками. И бутылка в вздетой руке.

— Брось бутылку, кому говорю, — вопит откуда-то Пухлик.

Вскакиваю — как раз когда Лортен отшвыривает бутылку. В смысле, швыряет. В морду яприлю.

Успеваю еще подумать, что, если поранит — убью.

Но яприль — молодцом. Замирает на месте. Неторопливо слизывает с морды вожделенное вино. Потом еще с земли подбирает пролившееся. Достая всё-таки клятую ампулу — вдруг да это его хоть малость замедлит.

Плохо, что я так далеко. Свинтус, пока неся за Лортеном, отмахал по полю ярдов двести. Пытаюсь тихо сократить дистанцию, чтобы можно было швырнуть ампулу. Яприль всё-таки слышит, поднимает голову и смотрит подозрительно.

На морде написано: он понял мои намерения. Потому он с насмешливым хрюканьем уносится в дальние дали — ныряет себе в виноградники.

— Ну, — говорит философски Пухлик, появляясь из-за крыльца (вот он где схоронился!). — Теперь мы знаем, как выглядит психологическая зависимость.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

В «поплавке» было... скверно. Водную карету швыряло в невидимых и мощных потоках, в салоне пахло псиной. И ещё эта карета уносилась всё дальше от Мелони и ее нового задания. Бешеный япиль — притом, что Мелони еще и отправилась на вызов в компании Лайла и Лортена. Единый, я себе не прощу, если с ней что-то случится...

— Это было так уж необходимо? — процедил я, когда Фреза вернулась из угодий Вельекта за нами.

Невыносимая Арделл пожала плечами, запрыгивая в карету через широкую полосу воды.

— Ну, во-первых, мне и правда нужен там кто-то законопослушный. А во-вторых — это ради вашего же блага, господин Олкест. Вы в последнее время уж очень усердствуете, и если бы я еще и послала Мел с вами на выезд — не факт, что вы вернулись бы с выезда.

— Считаете, мне нужно отступиться?!

— Считаю, что Мел нужно дать возможность малость подышать.

Это было сквернее всего. То, что мне предстоит выезд с невыносимой. Грублящей благотворителям. Кричащей на вольерных. Во весь голос рассуждающей на кухне о помёте виверния.

И потакающей проклятому господину Нэйшу.

Неимоверно раздражающей — словно вечно воспалённая, кровоточащая царапина. Каждой усмешкой, приказом, жестом...

«Почему ты злишься на неё, мальчик?»

Голос учителя Найго совсем изглодал меня в последние дни. Я от него отмахиваюсь, от этого голоса, но в блеклой осенней голубизне неба так и видятся знакомые глаза, и паутины на деревьях всё напоминают серебро в волосах. И голос спрашивает одно и то же: разве после того случая с фамилиаром я не понял — какой она человек, разве не осознал, как заблуждался, разве не должен чувствовать себя виноватым...

Должен. Чувствую. Но сильнее вины — постоянное раздражение. То, которое заставляет меня отмахиваться от понимающего голоса внутри. Не видеть голубизну глаз.

Потому что Арделл — невыносимая, и точка.

— Господин Олкест.

Арделл сидела напротив — освещённая блекло-голубыми отсветами ракушек флектуса. Смотрела с вечной иронией — будто на ребенка.

— Что вы знаете об Энкере?

«Что ты на нём помешана».

Вздор — это было бы неучтиво, я же решил держаться с Арделл с холодным, вежливым достоинством.

— Вы, видимо, имеете в виду Энкерскую резню? Извольте. Всё случилось в 1572 году от Прихода Вод. Тридцать третьего... в последний день Луны Дарителя Огня. В этот день в городке Энкере была весенняя ярмарка. На улицах собрались толпы народа. Были и зверинцы, и приезжий цирк. Большинство источников сходятся на том, что всё началось именно с цирка, хотя что именно там случилось — выяснить не удалось.

Вспомнилось в голубом сумраке — мимолётно и остро: мне шесть, отец рассказывает о Дне Энкера, который случился за два года до моего рождения... Тогда ещё не были написаны книги, а слухи были фантастичнее некуда. О вырвавшихся из зверинцев драккайках. О сотнях алапардов, которые почти уничтожили город.

Действительность оказалась скупой, мрачной и кровавой.

— Так или иначе, два... в некоторых источниках — три алапарда взбесились.

Самец и самка, — едва слышно откликнулась Арделл. — Хозяин цирка не рассчитал удар и убил их детёныша. Алапарды мирные и поддаются дрессировке, пока вы не трогаете их стаю. Но если вдруг... это — «кровная месть». Состояние такое же, как у яприлей и мантикор при ранениях. Алапарды перемещаются с огромной скоростью. И убивают всех на своём пути.

— Вам, разумеется, виднее, — потому что, о Единый и все его ангелы, это же варг, который постоянно таскает за собой алапарда, кормит его с рук и засыпает у камина, обнимая за шею! — Итак, эти алапарды впали в состояние бешенства и начали убивать народ на улицах. На заполненных людьми улицах. Насколько я понял из книг — они просто пронеслись по ярмарке, разрывая всё, что попадалось под когти и клыки. Количество жертв до сих пор считается спорным: молва, конечно, всё сильно преувеличила. Но в любом случае — несколько сотен.

К этому Арделл не добавила ничего. Оперлась локтем на колено и уставилась на меня — готовая слушать в такой вот нелепой позе.

— Алапарды, убивая людей, продвигались к главной площади Энкера... Белая площадь, теперь площадь Явления. Там тоже были гуляния, так что и там они смели не меньше сотни человек. А затем их остановил ребёнок. Дитя Энкера, Чудо Энкера, Десятое Чудо Кайетты... у варгов нет для него особенного названия?

Арделл качнула головой.

— В общем, в момент всеобщего отчаяния на площади явилось чудесное дитя — канонично его изображают в белом, с золотыми локонами и синими глазами. Оно протянуло руку к алапардам — и...

Сарказм смялся, ссыпался в горло пеплом. От остатков чужой боли. Жутких картин, которые приходили после отцовских рассказов — на границе яви и сна.

— Они остановились. Сперва прекратили убивать, а после и вовсе поползли. Две окровавленные твари, по площади, которая когда-то была белой. К ногам ребёнка, словно к ногам своего господина или божества. И когда они доползли — они остались лежать там, у его ног, мертвыми. После этого Дитя Энкера исчезло.

За стенками «поплавка» шумела вода — будто толпа. Прислушайся — различишь горестные завывания и недоуменные вскрики. Услышишь неистовое рычание, переходящее в заискивающие взвизги. Прикрой глаза — увидишь алое на белом: белые камни и алые следы, белые одежды и алые пасти, и золото шкур и волос, и над всем этим — пронзительная, неземная синь.

Неба и глаз.

— С тех пор Ребёнок Энкера считается чудом. Десятым из девяти официальных чудес Кайетты — таких, как Камень, Кормчая, виры, «пустые элементы» и прочее... Может быть, потому что никто так и не смог его отыскать. Или не смог представить — что он такое: божественный посланник, или просто ребёнок с необычным Даром, или...

Показалось в полутьме — следят глаза. Серые, с приметными травянистыми разводами.

Спрашивают — ну как, Рыцарь Морковка? Ты же скажешь это?

— Или один из ваших. Но ведь как раз варгом он не может быть, верно ведь?

— Почему же, господин Олкест?

«Где тебе знать, глупенький Рыцарь Морковка»... Ну что ж, ей придется сильно удивиться — сколько я знаю.

— Потому что все варги сосчитаны с рождения. И рождение любого из них ощущается остальными. Как и смерть. В одной из книг, которые я изучал... неважно. Словом, каждый из варгов ощущает рождение и смерть другого, где бы тот ни находился. Разумеется, я не представляю — как это происходит, и понимаете ли вы, кто именно рожден или умер...

— Не все и не всегда, — перебила Арделл. Обхватила себя руками за плечи — будто старалась отогнать внезапный озноб. — И это... легко спутать. Миг рождения и смерти на самом деле похож — это всегда словно волна потрясения, боли... нечто, что отдаётся в сердце и крови. Сложно описать. Лишь с годами учишься различать оттенки. Понимаешь, о жизни речь идет или о смерти. Наши старейшины, наставники — те ощущают и место рождения. После этого ребёнок воспитывается в общине.

Царапнуло, заскреблось внутри. Что значит — место рождения? Разве не все варги рождаются в общинах? Не могут же быть правдой эти сведения из трактата Филора Крайтонианца — о том, что варги похищают женщин...

— Однако Ребенку из Энкера было не меньше пяти лет, и если его сразу же не забрали из семьи в общину — значит, он не был рожден варгом. Впрочем, неизвестно и проходил ли этот ребенок Посвящение у Камня... и был ли вообще существом из плоти. А в некоторых источниках предполагают...

«Поплавок» качнулся, поднимаясь из водных глубин.

— Э-э-эть, клячки мои водные, поближе, поближе подгребай! — прорвался извне задорный голос Фрезы.

Вскоре я перепрыгнул на деревянный настил пристани. Развернулся было подать руку Арделл — но глава ковчегников уже стояла рядом со мной и махала Фрезе на прощание.

В окрестностях Энкера было тускло и пыльно. Когда-то здесь добывался мрамор — и заросшие карьеры до сих пор окружали город. Причудливой формы глыбы, древние обветренные ступени, расселины и мелкие озерца — высокая, облицованная серым мрамором стена вдалеке.

— Не сочтите за дурное любопытство... Но с чего вообще вас так интересует эта история? Я слышал, конечно, что вы увлечены этим вопросом...

«Над картами Энкера все штаны просидела», — это от Фрезы. «Интересоваться, как Гриз — загадкой Энкера», — от Аманды. «Повернулась на энкерской дитачке», — от Мел.

— Начать с того, что я в какой-то мере тоже Ребёнок Энкера. Родилась в тот день, — пояснила Арделл в ответ на мой недоуменный взгляд. — Не только я. То ли восемь, то ли десять наших. Словно что-то случилось... что-то настолько серьезное, что у женщин по всей Кайетте начались преждевременные роды — если они носили варгов. Моей матери, например, оставалось больше месяца до срока. А старейшины были просто оглушены: в один день обычно такого не бывает. Это было настолько примечательно, что День Энкера до сих пор считается знаме... что это с вами?

— Вам что... двадцать пять лет?!

Единый, не может же она быть всего на пару лет меня старше, ей с виду тридцать как минимум...

— На Луну Дарителя стукнуло, — призналась Арделл и встала напротив меня, чуть наклонив голову, с заинтересованным видом. — А вы-то думали — мне сколько?

— Два...дцать четыре, — зачем, зачем я опять начал краснеть?! Совсем неучтиво — поднимать вопрос возраста...

— Самая милая ложь, какую я видела, — прыснула Арделл. И смех на миг преобразил её лицо, выдав истинный возраст. — А я, на секундочку, работаю с Аmandой и Лайлом Гроски. Господин Олкест, успокойтесь. Я-то думала, вы читали и выясняли что-то там про варгов — а до феномена возраста так и не добрались?

Теперь мы шли по дороге, окруженной возмутительно чахлыми кустиками — а от дороги вдоль простиралась перекопанная почва. Овраги и холмы, и рукотворные рвы. Два года назад один из провидцев провозгласил, что ему явилось Дитя Энкера и указало на древний клад в окрестностях города. Об этой шумихе даже газеты писали — и в Энкер рванулись все, кто хотел лёгких денег...

— Варги рано взрослеют и рано развиваются, — раздавалось слева. — Это начинается лет от пяти-семи — после первых проявлений Дара. К четырнадцати нас можно за восемнадцатилетних посчитать. А замедляться процесс начинает годам к тридцати. Так что в тридцать я буду выглядеть, скажем, на тридцать восемь. И в сорок — на тридцать восемь. А потом начинается обратный процесс. Так что к шестидесяти я буду выглядеть на сорок два — если доживу, конечно. Старейшинам к сотне лет больше семидесяти не дашь. Это... знаете, многие считают, что ещё один Дар. Быстрый расцвет, медленное увядание. А некоторые полагают, что это скорее плата...

— За что?

Этот вопрос Арделл то ли не услышала, то ли нарочно пропустила мимо ушей. Подняла подбородок, указывая на здание местного водного портала.

— Похоже, сюда решили наведаться не мы одни, а?

У серого здания с обветшавшей крышей была толпа. И на самой дороге тоже, а ещё больше — у ворот. Мы будто оказались среди бушующего моря. Волны людские накатывались, требовали пропустить побыстрее, обдавали запахом соли, водорослей (и еще десятком других запахов) — гомонили нетерпеливо. Повторяя на все лады всё то же: «Он здесь», «Он вернулся», «Говорят, теперь сотню человек спас!» — «А от чего?» — «Да от алапардов же! Натравили какие-то сволочи...»

Арделл крутила головой и впитывала голоса, толкалась среди приезжих и вслушивалась в каждую сплетню. Я пробирался следом. Молчал.

На самом деле я всегда обожал маленькие городки, особенно приморские. Узкие улочки, извилистые и пропитанные запахом пряностей, и толкотня на пестрых рынках, и леденцы в руках надсадно орущих торговков.

Только вот Энкер не был таким.

Был — серым, скучным, пыльным, и каждой своей улицей кричал, что до моря сотня миль.

И паутина занавесок качалась от прохладного ветра в окнах — вкрадчиво и тихо, приглашая слиться с тусклыми стенами, смешаться с мусором вдоль покосившихся заборов, с пророками в сером отрепье, провозглашавшими: «Он вернулся!»

По такому городу мало хочется ходить. Еще меньше хочется ходить под ручку с невыносимой Арделл.

— Цветающий город, — уронила она, пока мы двигались от Привратной Площади

куда-то в сторону центра. — Это тогда и началось, двадцать пять лет назад. Бегство населения. Поиски. Теперь вот пророки. С тех пор тут строили разве что храмы.

Храмов было предостаточно — мы успели миновать внушительное строение Единого, полукруглую ракушку Рыбаря, островерхое здание, посвященное Ледяной Деве, и множество мелких молелен.

По выщербленным улицам бродили гадалки нойя — подметали сор цветастыми юбками, предлагали: «Раз в глаза взгляну — все скажу про тебя, любезный!» Прямо и строго шли молельщики, преклоняя колени то перед изваянием милосердной Целительницы, то перед легковесным, запрокинувшим идеально красивое лицо Стрелком (проклятие, кого он мне напоминает?).

Под ноги сунулась пара торговцев с предложениями амулетов вечной любви и верности (получили силу на месте *его* явления!). Пока я объяснял, куда торговцам следует применить свои амулеты, Арделл стояла на перекрестке, задумчиво посматривая по сторонам.

— Налево, к Ярмарочной, — пробормотала наконец и взяла новый курс.

— Вы тут, видно, все улицы исходили, — буркнул я.

— Да, приходилось бывать, — рассеянно отозвалась невыносимая. — И я часами изучала город по картам. Еще до того, как покинуть общину.

— Так Мелони была права? Насчет того, что вы давно...

Рука предательски дернулась — покрутить у виска.

— Давно ищу следы Ребенка из Энкера? Ну, конечно. Эта история занимает многих из наших — каждого на свой лад.

— Потому что он проявил способности наподобие ваших?

— Потому что он проявил способности за пределами наших. И потому, что никто не почувствовал рождение такого мощного варга. Да и вообще, легенды гораздо интереснее, когда они здесь, родились недавно, когда их можно потрогать, услышать о них...

Пусть себе упивается легендами, тайнами, домыслами — что она там еще придумает, жительница своего мирка? Я ведь все равно заберу Мелони. Пусть не в поместье. Увезу туда, где бриз вкрадчиво залезает под одежду, где пахнет водорослями и свободой. Только бы показать ей, что не все люди таковы, какими она их считает, что помимо питомника есть другое — море с солёными бризами, и рассветы, и очаровательные маленькие городки, где пряничные домики с черепичными крышами... что угодно, что заставит её хоть немного — оглянуться по сторонам. Улыбнуться.

Здорово было бы ходить по этим замусоренным жрецами улицам с ней. С ней прежней. Она бы натыкала острых словечек в стены этих поросших мхом домов, в скучающих на балконах дамочек с визгливыми шавками, в дешевую легендочку, во всех жрецов. Острых, метких словечек — куда там Стрелку на постаменте.

Слежку я отследил через пару поворотов: вели довольно неуклюже, но цепко, упрямо. Тип в жреческой серой хламиде, с опущенным на лицо капюшоном, то приближался, то отдалялся, но не потерял нас ни разу.

И даже не попытался избавиться от военной, вбитой обучением походки.

— А вас всегда сопровождают в такие прогулки законники? — поинтересовался я, когда мы еще раз свернули.

Арделл бросила мимолетный взгляд назад и тихо хмыкнула.

— Обычно нет, но Тербенно, видно, тоже интересуется местными легендами. Не будем ему мешать. Тоже человек, в конце концов.

Крысолов, как его именовал Гроски, явно намеревался ходить за нами весь день, но Арделл уже остановилась. Скользнула глазами вдоль улочки, в которой мы стояли — пропахшей помоями, но помпезной, с вычурными балконами и старыми, увитыми плющом двухэтажными домиками. И решительно взялась за ближайший дверной молоток, в виде головы аллапарда.

Дверь распахнулась, выпуская наружу щебет — будто кто вдруг приоткрыл дверцу птичника.

— Ах, да, да, да, милочка, вот и вы, вот и вы, я жду вас с утра, то есть, не с утра, конечно, но с той поры, как мое внутреннее пламя шепнуло: скоро тебя навестят важные гости — да, да, конечно, проходите. Ах, не столкните этюдник, дорогуша, он прямо здесь, мне нравится писать прямо в холле, знаете ли, такое преломление красок сквозь цветные витражи. Как неловко, немного неприбрано, но что это значит здесь и сейчас, о да, заходите же, заходите!

Мелкая, вертлявая женщина сунула мне в нос перемазанную красками руку (полоска масляной дряни точно осталась на губах) и взмахнула второй — причудливый разноцветный балахон так и заходил ходуном, будто парус. На этом парусе она и унеслась, увлекая нас — дальше, дальше, мимо крошечного холла, в котором цветные витражи лили свет на этюдник с чем-то многолико-цветастым, мимо причудливо расписанных стен, в маленькую душную комнатку, где тихо позванивал механический соловей на веточке, пахло сливовым вареньем, застарелым чаем и дурманящими благовониями.

— Это чудно, чудно, милочка, что вы все же собрались, в такие времена, ах, в великие времена! Ведь он возвращается, вы, конечно, слышали эту историю на улицах, но о ней мы не будем, нет, не сюда, дорогуша, в это кресло, так свет будет выгоднее падать на ваши кудри, чудные кудри, прелестный цвет, вы не возражаете, я сделаю пару набросков? Милочка, ведь вы же не обидитесь, просто ваш компаньон обладает некой изюминкой, природной грацией, ах, это обаяние, его как раз недостает моей последней работе, это будет чудно, чудно! Конечно, я сделаю вам чаю, в награду за неудобство, да...

В награду за неудобство я бы предпочел оказаться где угодно, кроме этой комнаты. Чтобы не утопать в продавленном кресле: из окна в глаза брызжет светом, слева в кресле — непринужденно усевшаяся Арделл (еще и подмигивает, чтоб ее!), напротив — радуется и щебечет сумасшедшая художница, раскладывая по низкому столику засохшее печенье с умоляющими глазами изюминок.

— Госпожа Кэрт...

— Ирма, можно просто Ирма. К чему церемонии, — смешочек, кокетливое закатывание глаз. — Ах, вас я тоже напишу, напишу непременно... вы ведь варг, правда? Какие глаза... дорогуша, вы не замечали, какие у нее глаза? Это стоит написать, непременно, мне так говорит внутренний огонь!

И что там все углядели, в этих самых глазах? Ну, да, неплохая форма, размер подходящий. Разве что эти самые разводы, проступающие зеленью, напоминающие луговые травы, и лабиринт листвы, и спокойное море...

Нет, в общем, там ничего особенного, нечего щебетать.

— Но ведь вы пришли не за этим, да? — художница откинулась на спинку своего стула, и я уже решил было, что этот поток слов ее утомил. Но тут она совсем завела глаза и прошептала потусторонним, неземным голосом: — Вы пришли потому, что он возвращается. О, скажите же мне, что я угадала верно!

— Да, мы кое-что слышали по пути сюда, — отозвалась Арделл, бестрепетно подтягивая к себе чайную чашку с четкими зелеными отпечатками пальцев. — Знакомый сообщил мне об этих явлениях на улицах. Но вы уже давно писали, что говорили со свидетелем...

Копна пушистых волос художницы замоталась отрицательно — будто одуванчик закачался.

— Нет, нет, нет, милочка, я же не могла доверить бумаге такую тайну, и я не знала, что скажет мой внутренний огонь, но теперь — о да, я видела вас, я знаю, вам можно верить, он шепчет мне в груди... нет-нет, я не говорила со свидетелем, — лицо Арделл еще не успело вытянуться, как Ирма хихикнула и сообщила пискляво: — Я свидетель, сама. Своими глазами я видела... очень маленькими глазами, мне ведь тогда было всего лишь семь, но с тех пор — о да, с тех пор я уверовала и научилась видеть истинную красоту и слушать внутренний огонь, вот тут, в себе...

Пока Арделл пыталась вставить реплику в эту мешанину слов, я прикидывал даты, бездумно плясая в пеструю занавеску в половину соседней стены. Семь лет, двадцать пять... получалось, что художнице тридцать два года.

“Боженьки”, — почему-то отдалось в голове голосом Гроски.

— Вы видели... — тихо и с сомнением начала Арделл.

— Ах да, да, да, видела ясно, видела как вас, только, конечно, мы были дальше тогда, на той улице, вы услышите первые! Узнаете...

Она запахнула на себе пестрящий красками балахон. Укуталась туманом таинственности.

— Это было ужасно, да, ужасно. Я до сих пор содрогаюсь, когда вижу это во снах: бледно-желтые пятна солнца на мостовой, и катятся кем-то оброненные имбирные пряники, и кровь, ах, эта кровь, эти тела. Они повсюду, отовсюду, они внезапны, неотвратимы, вихри смерти, карающие молоты Природы. Они обрушиваются, оставляют людей лежать в агонии, и повсюду крики, стоны, и никто не знает, откуда придет удар: они то появляются, то исчезают, перепрыгивают по крышам, крушат все внутри домов, потом опять выпрыгивают в окна, и радужные, радужные осколки...

Арделл слушала внимательно, подавшись вперед. Каштановый локон прихотливо лежал на раскрасневшейся щеке, полуоткрытые губы ловили еще не сорвавшиеся слова — так изображали охотниц на картинах.

Хотя они, конечно, были менее невыносимыми.

— Мы с матерью бежали... все бежали тогда, она тащила меня за руку, и мы метались по той площади, ах, как метались, когда мы поняли, что не знаем, куда бежать, все метались, и кричали, и топтали чьи-то рассыпавшиеся ленточки, и я помню огненные глаза этих тварей, так близко, за миг до ее явления...

Она замолчала, переводя дыхание, помаргивая вопросительно — мол, как?

Я осмелился кашлянуть.

— Ее явления? — переспросил тихо.

— О, это и есть главная тайна! — художница очнулась, наклонила голову по-птичьи. Прошептала театрально: — Ну, не смешно ли, все гадают: откуда он был, сколько лет ему было... И лишь я твердо помню: это была она. Малышка-ангел, чудное, дивное дитя, явившееся из ниоткуда... моя ровесница, да, пожалуй. С прекрасными золотыми кудрями — они словно светились, ниспадая ей на плечи. И эти глаза. О, разве можно забыть эти глаза?

Синее июльского неба, синее сапфиров, они сияли, словно звезды, когда она протянула им руку, этим тварям, окровавленным, рычащим... Так спокойно. И они упали на брюхо, они визжали, они ползли к ней, как малые щеночки, которыми недоволен хозяин. И даже в этом визге было слышно обожание. И мой внутренний огонь, он родился тогда, он подсказал, что они ползли — лизать ей ноги. А потом она прошептала что-то — о, я видела, как шевелились ее губы, тихо, тихо, творя незнакомую нам, высшую магию, и огонь шепнул мне: она говорит им, чтобы шли с миром туда, где им будет лучше. Она словно пела им колыбельную, и они засыпали... казалось, что просто засыпали...

Она уронила голову на грудь, как бы говоря: все, вот теперь пришло время аплодисментов. Арделл сидела задумчиво и не шевелясь, уставившись в чашку. Неизвестно, что там было, под ее темными ресницами.

А художница наклонилась и сообщила благоговейным шепотом:

— Она была посланцем высших сил. Пришла ниоткуда, исчезла в никуда. И еще я думаю... знаете, как она их убила? Любовью. Лаской. Она просто попросила их, а они — они так любили ее в этот момент, что просто не могли не подчиниться...

Арделл издала какой-то невнятный звук — среднее между выдохом и стоном. Задумчиво встала.

— Ведь вы же не хотите уйти сейчас?! — всполошилась художница и затарахтела по-прежнему: — А мои картины, вы же должны взглянуть, это же самое главное, я так долго писала все, что нашептывал внутренний огонь, все, что я видела во снах, ведь это же то, ради чего вы пришли — взглянуть на нее!

И подскочила, и кинулась отдергивать пеструю занавеску, за которой оказался ход в следующую, куда более просторную комнату.

Галерею.

Галерею одной темы.

Пряники на мостовой, сбрызнуты алым. Бледно-желтые пятна солнца стремятся уползти от гибкого, медово-золотого силуэта. Дьявольский огонь в бешеных глазах. Мешанина кричащих ртов, радужные осколки разлетающегося окна — на следующем полотне. Привалился к стене почтенный старичок — наверное, это он рассыпал пряники. Кто-то пытается ударить магией, кто-то поскользнулся, его смяли, валяется чей-то измочаленный веночек, маленький...

Оскаленные когти, ленточки под ногами, пятна на мостовой, тела, дикая круговерть осколков и тел...

И в центре этой круговерти — девочка с протянутой рукой, хотя какая девочка — посланник богов, неземное существо, озаренное неместным светом. Кудри расплавленным золотом текут на плечи. В глазах — синь неведомых озер, и васильков, и тех звезд, что загораются над небосклоном летом особенно ярко. Алые губки приоткрыты — должно быть, шепчет что-то вроде: «Спать, спать, спать, сейчас я спою вам колыбельную». Щечки бледны, и на личике застыло слегка отстраненное выражение.

Будто не она стоит в воронке боли и ужаса, будто вокруг нет кричащих, мечущихся людей. Будто это не перед ней замерли на мостовой две огромные твари (медовые шкуры выпачканы в кровь), распластались в раболепных позах, готовы выполнить всё, всё, всё. Готовы с радостью идти туда, куда укажет детский шепот.

Мне всегда нравились ангелы на картинках — будь то посланницы Целительницы в серебристых одеждах или светлые мужи, сходявшие с Небес, от Единого. Но при взгляде на

этого ангела меня продрал по коже мороз — почему? Наверняка ведь полотно было призвано вызывать дрожь иного рода — благоговение, комок в горле, перехват дыхания от восторга перед посланницей неба... не это противное ощущение чуждости.

Арделл замирала у каждой картины и, кажется, интересовалась больше фоном, а не первым планом. Поднялась на цыпочки, чтобы рассмотреть перекосившуюся вывеску над какой-то лавкой. Склонила голову, уставившись на скрюченную оливу, видневшуюся с краю другого изображения. От картины к картине, словно ступая по той, давней улице, добрела до центра, подняла голову и вздрогнула.

Показалось: сейчас она заслонится, отвернется от чересчур уж синих глаз. Но нет, Арделл стояла, смотрела, только лицо ее было необычайно печальным. Бледная, трагическая маска, ресницы опущены и чуть нахмурены брови, на каштановых волосах словно играют отблески золотого света с картины, и она сама — будто бы часть картины: поднимет руку, шагнет и провалится в тот день, в тот мир...

И картина станет совершенной, и смотреть на нее можно будет до бесконечности.

— Ах, мне кажется, стук, конечно же, это Виолетта, моя подруга, она вышивает и всегда, всегда является не вовремя, я на секунду, на секундочку, дорогуша, мы ведь еще не закончили, я непременно должна еще многое написать!

Волшебство развеялось. Голос художницы звучал уже за стенкой, она удалялась к выходу. Арделл тихо вздохнула, потирая лоб.

— Прямо ангел из книжки, — сказал я, кивая на центральное полотно. — Если все они увидели там что-то подобное — становится понятно то, что творится на улицах.

— Иногда ангелов видят там, где их нет, — отозвалась Арделл, усмехаясь со своей обычной невыносимостью. — Нам, пожалуй, пора. Есть еще кое-что, что мне хотелось бы увидеть.

К счастью, попрощаться с художницей удалось почти сразу, хотя Арделл и здесь не удержалась от проявления натуры. Обещание «Конечно, мой спутник зайдет, чтобы вы могли сделать свой эскиз» ухудшило мое настроение еще на порядок.

— Почему вам было и в самом деле не взять с собой вашего «клыка»? — буркнул я, когда мы наконец оказались на улице. — Была бы более подходящая натура. Ах да, он ведь еще не расстается с блокнотом. Свели бы двух художников, почему нет?

Арделл покосилась удивленно, потом тихонько засмеялась. Отвесила торжественный поклон в сторону жреца в серой хламиде, который преклонил колени на углу, перед какой-то очередной статуей (скрежет зубов Крысолова отдался в переулке довольно явственно) и взяла курс на оживленные улицы.

— А мне оставалось бы сидеть и надеяться, что Нэйш не начнет ее просвещать по поводу бабочек. Или не начнет пояснять, что у него в альбоме. В лучшем случае — она кинулась бы писать с него портрет тут же, и мои вопросы оказались бы забыты. Рихард вообще странно действует на неподготовленных к нему людей.

Как будто на подготовленных людей этот тип действует менее странно. Интересно, что должно твориться в голове, чтобы взять в свою группу... не хватает слова, чтобы описать, только пальцы сжимаются произвольно.

«Женщины любят красивые цацки», — высшая мудрость от того же Лортена. Чуть, разве можно настолько повестись на оболочку, чтобы раз за разом сносить все его выходки? А если нет — что у нее с ним может быть общего?

Разве что невыносимость.

Площадь Явления не заслуживала этого названия. Три в меру широкие улицы сходились к площадке у местного Дома Каналов. На этой-то площадке, заполненной бульканьем текущей в разные стороны воды, все и произошло.

От полусонных домов шёл холод — зимний, застарелый. Дом Каналов в полуденном мареве плыл зеленым, поблескивала витая бронзовая ограда вокруг дома, и чем ближе к нему, тем явственнее становилось гудение воды под медными оковами: каналы отходили от дома причудливыми дорожками, разбегались по улицам и улочкам.

Чахла искривленная олива, тоже обнесенная зачем-то оградой, и надрывал голос очередной пророк: «Вернулся! Он вернулся! Он явит себя на Луну Мастера!» Пророк устроился в тени памятника в центре площадки: медный малыш лет четырех, кучерявый и пухлый, стоял на постаменте из трёх (почему трёх?) переплетенных поверженных алапардов.

— Что-то мелковат, — усомнился я. — И толстоват. Судя по виду этих алапардов, он здорово на них давит. Нет?

Варгиня пожала плечами.

— Никто не знает, сколько лет Ребенку из Энкера было на самом деле. Кто-то предполагает, что четыре. А кто-то — что десять. И это не говоря уж о том, что описания внешности тоже сильно различаются... Ага, вот.

Бормоча что-то, она начала отмерять шаги, двигаясь при этом назад по улице. Задержалась возле оливы. Пристально вгляделась в какой-то обветшавший дом. Подошла к другому — провела пальцами по щербинам, наверное, оставшимся с того самого времени.

— Где-то здесь, — пробормотала она. — Ирма с матерью оказались примерно вот тут, видели эту площадку отсюда, если судить по картинам. Алапарды гнали народ по двум улицам. Их было двое. Двое...

Быстрым шагом она вернулась на площадку, окинула взглядом улицы, сходящиеся в идеальную ловушку. Потом направилась к дому Каналов. По когда-то белым камням, теперь перемазанным алой краской — в память о том дне.

За бронзовой оградой с завитушками раскинулся цветник — наверное, чтобы смягчить мрачность темно-зеленого здания. Края клумб были засыпаны мелкими, блестящими камешками. Некоторые лежали на мостовой.

— ...а он, наверное, стоял здесь, — закончила Арделл, отвернулась от ограды и взглянула на улицы.

— Она, — поправил я.

Варгиня рассеянно кивнула. Наморщила лоб, что-то вспоминая или представляя.

— Может, они слышали даже раньше. Не зря же их тянуло сюда. И потом они увидели. Увидели и поползли, так, будто не могли противиться зову. Да, а как бы они могли, если это была первая настоящая вспышка Дара... И синева глаз. Боги.

— Вы все же думаете, что это был варг?

Арделл не отвечала. Она смотрела на место, на котором стояла. Так, как глядят на могилы знакомых людей. Или на то, что вызывает у тебя страшные воспоминания.

Потом дернула головой, взглянула прямо и хмуро.

— Нет. Я думаю, что это было нечто иное. Нечто, родственное варгам... но иное.

И отвернулась от памятника, за которым изо всех сил старался стать незаметным законник Тербенно.

Не то чтобы мне хотелось с ней разговаривать. Но почему-то казалось: нужно. Будто с человеком, который недавно заглянул в пропасть.

— Но вы же сами говорили: ваши старейшины чувствуют не только час рождения, но и место. Разве могло рождение настолько мощного... мощной... остаться незамеченным?

— Конечно, не могло, — отозвалась Арделл обыденно. — Если, конечно, в тот же самый день никто из варгов не умер.

— То есть, если смерть одного варга и рождение другого произошли в одно время...

— Почему нет? Такие случаи не описаны, потому что варги рождаются достаточно редко. Но ведь рано или поздно — почему не быть совпадению?

— И, как понимаю, списки варгов, умерших за последние тридцать лет, вы знаете наизусть.

— Сорок лет, — назидательно поправила Арделл. — Я же не знала, сколько было Ребенку из Энкера. Люди склонны вмешивать в свои воспоминания разное. Вплоть до крыльев и огненного хвоста. И потом, не так много их было, этих умерших варгов. Но один особенно примечателен.

Кажется, меня всё-таки посвятят в теории, о которых Мелони высказалась так: «Полный заворот мозгов».

— Патриц Арнау, глава одной из общин и крайне мощный варг, — вещала Арделл, лавируя между нищими, проповедниками и гадалками. — Создатель ковчезников. Тоже легенда, в своем роде. Считается, что ни один из варгов за последние триста лет не достиг его уровня. Говорили, он мог бы повелевать драконами, если бы драконы существовали... При нем был создан Варгедорр — собрание варгов, на котором каждый может показать свое мастерство и поделиться секретами с окружающими. Сейчас там, конечно, уже не то: повсюду торговцы, работодатели, магистры, изучающие природу...

Я кашлянул, с тоской оглядываясь: почетный эскорт в лице Тербенно не думал отставать.

— Надо полагать, этот Патриц Арнау погиб при загадочных обстоятельствах?

— Можно и так сказать. Умер от старости в кругу семьи. С его силами он мог бы поступить, как древние варги: переместить сознание в альфина или виверния — и продлить себе жизнь лет на пятьдесят. Но он не захотел. Смерть состоявшегося варга всегда ощущается очень сильно. Думаю, за смертью такого, как Патриц Арнау, могло потеряться чье угодно рождение.

— Ага. То есть... в каком это году было?

— Шестьдесят пятый.

— Так. Тридцать два года назад Арнау умирает, а в этот самый час здесь, в Энкере рождается другой варг. Какое-то время растет и не проявляет своих способностей, и никто его не замечает, пока в тысяча пятьсот семьдесят втором...

Арделл кивнула. Она шла по улице упругой, летящей, стремительной походкой и не оглядывалась ни на храмы, ни на статуи, ни на дома, гордо носившие увечья двадцатипятилетней давности.

— Значит, вы думаете, что она случайно оказалась на площади в разгар действия. А куда она делась потом? Ведь как только пошли слухи о чуде — варги должны были спохватиться и прибыть в город?

— Они и прибыли, — отозвалась Арделл спокойно, — уже на следующее утро. Они обшарили весь город. Расспрашивали людей, говорили с детьми. Но из города к тому времени уже хлынул поток беженцев, кто-то ехал к родным... люди опасались повторения. Старейшины и все, кто пытался отыскать того самого ребенка, остались ни с чем. А в

последующие годы похожих случаев не было.

Я представил девочку на полотне взбалмошной художницы. Синие глаза, приоткрытые губы... где такая могла затеряться?

— Интересно, что она все-таки сказала этим тварям.

— Могу рассказать, — любезно откликнулась Арделл. — Три года назад я говорила с другим свидетелем, к тому времени глубоким стариком. Думаю, он находился к Ребенку из Энкера ближе всех. Правда, он его не видел, потому что был слеп еще до нападения. Он был нищим, просил подаяние на площади, когда все случилось, его зацепил один из ударов, он пытался уползти... и он утверждал, что слышал детский голос, совсем недалеко.

— Что же сказал голос?

— Только одно слово, — проговорила Арделл с неожиданно кривой усмешкой. — «Умрите».

Я был бы очень благодарен ей, если бы она не продолжала: мне хватило и этой порции мурашек по коже. Но она продолжила, все так же усмехаясь:

— А потом очевидец добавил: «Эта тварь там, на площади... она была демоном. Демоном, посланным усмирить своих братьев». Как понимаете, он говорил не об алапарде.

Солнце там, в небе, ушло за тучи. Будто лодка утонула в ледяных волнах.

Я не стал спрашивать — считает ли Арделл демоном ту девочку на площади. Едва ли в таком случае она разыскивала бы то... существо с таким упорством.

— А... ваши братья. Они тоже считают так?

Кривая усмешка с лица Арделл сошла. Теперь там была какая-то застарелая, болезненная скорбь.

— Некоторые, господин Олкест. И у них есть причины. Видите ли, варгам нельзя убивать. Совсем. Не убивать и не проливать крови — два правила, которые мы не нарушаем. Считается, что те, кто перешёл в Хищные Пастыри, пусть даже и ненамеренно, со временем не смогут остановиться, будут смотреть на всё живое как на добычу, и постепенно... вместо моста между бестиями и людьми переродятся в нечто иное...

Под конец её голос упал в невнятный, задумчивый шепот.

Одинокий луч прорвался через тучи, вплеся в каштановые волосы — прибавил седины, подсветил контур. Показалось вдруг: была бы здесь эта художница — наверное, не смогла бы оторваться. Написала бы картину с названием «Дева Печали». Или «Обречённость».

Спрашивать — во что мог переродиться ребёнок-варг, убивший двух алапардов одним только словом, я не стал.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Варгам нельзя убивать. Людей ли, бестий, животных — всё равно. Убивая, становишься из пастыря хищником. Делаешь кого-то жертвой. Из равного становишься тем, кто обретает власть над жизнью. И этим ставишь себя на вечную грань искушения: почему бы не ещё раз...

Проливать кровь варгам тоже нельзя. Животных ли, людей или свою. Особенно свою. Кровь животных и магов, пролитая тобой, — это лишь шаг к нарушению первого запрета. Но кровь самого варга....

Влитое с детства, проросшее корнями знание. В стенах внутренней крепости навеки осталась жить та, которую давно приняла земля, — старая наставница варгов с зелеными разводами в глазах и кнутом на поясе.

— *Не проливай крови, девочка, — повторяет она, вновь и вновь обучая Гриз держать равновесие и оберегать кожу, и приземляться мягко, не обдирая коленей и рук. — Не проливай своей крови. У нас не как у магов, получивших Дар как Печать. Дар варга течёт с крови. Кровь — то, что роднит нас с землёй и со зверями. Это её голосом ты говоришь с ними. Но когда проливается кровь варга...*

— *Что случается тогда, бабушка?*

В быстрых пальцах мелькает игла. Нырнет в ткань, стягивает края льна. Целит ткань, будто время — раны. Опасно посверкивает, искушая: ещё чуть-чуть — и по пальцах в ожогах и старых шрамах сползет первая алая капля. Запретная капля.

— *Звери теряют рассудок. Они не должны чуют кровь Пастыря. Для них это словно сотня голосов, что взывают к ним одновременно. Ты носишь с собой зелье?*

В кармане у груди, с детства. Моток ткани, чтобы закрыть порез, останавливающее кровь зелье. С примесями душистых трав, чтобы перебить запах.

— *Хорошо, девочка. Так мне спокойнее.*

— *Я не понимаю, бабушка. Твои шрамы... ты тоже проливала кровь? И ведь бывает так, что животное кусает или царапает. Когда оно больное. Или вот если...*

— *Верно.*

— *Но значит, мы все нарушаем запрет?*

— *Нет, девочка. Потому что мы пытаемся сразу же заглушить запах своей крови. Потому что успокаиваем зверей. Потому что не пользуемся тем, чем могли бы.*

Голос из внутренней крепости отдаляется, гаснет. Даёт место другим голосам — возбуждённым, обсасывающим новость — «Он явился!»

Голоса мечутся между мусорных, обшарпанных, неухоженных домов. Изливаются из окон с треснутыми стёклами. Привизгивают от экстаза — на порогах храмов.

«Он вернулся, явился, наконец пришёл...»

В голосах — сладкое предвкушение тайны.

— *Своими... своими глазами видела!*

Гриз перетекает с места на место, останавливается у храмов, у прилавков, у подмостков театров. Ищет место в гостиницах и меблированных комнатах — но цены в последние дни взлетели до небес.

Со слухами получше: город пропитан восторженными шепотками о том, прошлой ночью он прошёл по Почтовой... а в ночь перед этим — по Ручейной... что он снова спасает людей.

— От чего?

— Так от этих же, уродов, которые алапардов тут на всех натравливают. Ну, этих, варгов-преступников, или кто они там. Которые в зверинцах по всей Кайетте куролесят.

Гриз берёт след. Идёт по тоненькой, ведущей к предыдущим ночам ниточке слухам. О жутких варгах, которые нападают на людей и на храмы. Очаровывают алапардов и приказывают им убивать. О двух... нет, четырех... да что там, десятков жертв точно был! А как появился Он — тут всё и закончилось.

— Странно. Я этого не зна... вернее, этого не было в газетах.

— Ха! Да наш мэр-то, Сирлен Тоу, скорее удавится, чем такое кому расскажет!

Янист Олкест тоже охотится, но отдельно от неё. Красивым юношам всегда охотно рассказывают новости, и их легче пускают на постой.

Если бы ещё от Тербенно можно было отделаться так же легко. Но неуёмный законник всё мелькает в своём капюшоне, повторяет каждый её поворот, заходит с ней в храмы — и маскируется так же успешно, как яприль на фоне загона. Интересно, теперь-то он её в чем подозревает? В растлении невинных женихов своих сотрудников? Или в том, что она — из тех самых варгов, которые тут нападают на храмы и пытаются убивать людей?

Гриз Арделл она незаметно сворачивает на Большую Торговую. Маленький ритуал каждый раз, как она приезжает в город. Повторить путь. Их путь того дня.

На Большой Торговой теперь вечная ярмарка и вечное тридцать третье число Дарителя Огня. Все дома на улице раскрашены под торговые лотки — и над всеми лотками плывут, распластались в прыжках алапарды... А мостовая и стены домов забрызганы алым. Краска, всего лишь краска. Всего лишь память и цветы — которые сюда несут беспрерывно. Их не убирают, и мостовая завалена их телами — высохшие и свежие, полусгнившие, подвявшие — осенние поздние и из теплиц... в основном красные, но есть на любой вкус.

Гриз идёт, тихонько касаясь пальцами стен. В восьмой раз — в жизни на этой улице. В стотысячный — мысленно. Идёт по разбросанным повсюду цветам, между сладостей и игрушек, оставленных для детей, у которых теперь могли бы быть свои дети. Идет по памяти — чтобы поговорить с тем, о ком в этом городе кричит каждый камень, шепчет каждый ручей.

«Что с тобой тогда случилось... Что случилось с тобой тогда, когда они вырвались на площадь? И площадь окрасилась в алый у тебя на глазах, и радостный день взорвали крики? В тот миг — что нахлынуло на тебя такое, что одного слова для них оказалось достаточно? Одного слова ребенка — ты же знаешь, что такого не мог бы ни никто из нынешних варгов, ни даже Патриц Арнау, на день ухода которого — я уверена — пришлось твоё рождение. Остановить двух алапардов в момент атаки, не глядя им в глаза — уже могут немногие из нас. Я вот не могу. Заставить их двоих забыть о мести, и ползти, и извиваться так, будто они слышали высший зов... что же в этот момент стояло перед ними и над ними? Убить единым словом — никто из наших не стал бы, но... это возможно. Для взрослого варга. Но никогда и никак — для ребёнка. И если это правда был Дар — то он был невероятен, безграничен и безусловен. Но тогда... почему убийство? И что случилось с тобой после этого? И отчего в День Энкера будто повернулась невидимая ось — словно там кто-то услышал тебя и испугался, и позвал в мир нас — меня и остальных, которые родились в этот день...»

Ответов так и не прибавилось с того дня, как она впервые задала себе эти вопросы. Она — ребёнок, отмеченный той же печатью Энкера. И потому она идёт и идёт, а кровавые брызги слишком уж ровно и искусственно лежат на стенах, и улица полна лишь дальних отголосков этого дня, и Ребёнка Энкера здесь нет.

Наверное, занят где-то выслеживанием варгов-отступников. Натравливающих животных на людей.

Жильё удаётся раздобыть Янисту, он вызывает её через «сквозник». Комнат две, скверно обставлены и с отклеивающимися обоями, но зато на первом этаже, и в одной есть камин. Крошечная уборная без ванной, по кухне безбоязненно прогуливаются тараканы. Наловить, что ли, в банку для койн — им бы понравилось...

Хозяйка — неопрятная, одутловатая, предупреждает, что за дрова для камина придется ещё доплатить. Сам наречённый Мел хмур сверх меры.

— Он появляется по ночам. Избегает скоплений народа. Высокий. Скрывает лицо капюшоном. По голосу мужчина — в свете того, что нам сообщила... кхм, свидетельница... это странно, не так ли? И он не разгуливает с двумя алапардами. Он отнимает алапардов у тех, кто вздумал натравить их на людей. Тут такие объявились, вы, случайно, не в курсе?

Гриз машинально отмечает, что господин Олкест очень даже неплохо справился со сбором информации. И что он, кажется, как Тербенно, считает её к чему-то причастной.

И ещё камин тут не желает разжигаться — дрова отсырели.

— Слышала. Появляются то в храмах, то просто на улицах. Тоже ночью. Действуют как-то странно: провозглашают громкие лозунги о том, что грязные людишки переполнили чашу терпения Матери-природы. Берут контроль над алапардами, которых в городе полно. И натравливают на людей. С десятков ранений, две жертвы точно есть.

— Я слышал как минимум о дюжине!

Интересно, можно ли при помощи взгляда Яниста разжечь камин.

— Слухи всегда приходится делить хотя бы на пять.

— Вас что — даже не волнуют возможные смерти?

— Тише, господин Олкест, а то нам придется опять искать жильё. Они меня очень волнуют. Они показывают, что здесь ведётся серьёзная игра.

— Игра?! Что вы вообще имеете в виду?

Дрова наконец-то поддаются. Гриз греет пальцы у огня и смотрит в языки пламени... забавно, у Яниста кудри полыхают почти так же.

— Пять-семь дней тут внезапно объявляются ужасные злые варги, которые орут о своих целях на каждом углу. Хотя в питомниках и городах бешенство зверей вспыхивало внезапно, без всякого предупреждения. А эти появляются, убивают пару человек, город начинает волноваться — и тут вдруг возвращается Дитя Энкера. И начинает срывать их зловещие планы. Жаль, до знакомого, который со мной связался, только слухи долетели — я бы...

— По-постойте, — судя по звуку, Янист с размаху садится на кровать. Или на кресло — у чего-то подламываются ножки. — Погодите. Вы считаете, что это всё какое-то представление? Но тогда... кто... и как... и зачем...

— Хорошие вопросы, господин Олкест, — улыбка на лице появляется легко. И это странно — в Энкере она редко улыбается. — Попробуем на них ответить?

— Но ведь вы же не знаете, где этот Ребенок Энкера... или этот самозванец появится в следующий раз!

— Зато этот, как вы выражаетесь, самозванец слишком уж хорошо знает, где каждый раз

появляются злые варги-отступники. Вам не кажется?

Рыцарь Морковка упрямо встряхивает волосами — от кудрей цвета пламени в комнате прибавляется тепла.

— Что вы хотите сделать?

— Я хочу проверить — правда ли он мгновенно появляется там, где злобные варги направляют животных на людей.

— Вы что — будете следить за этими... — Олкест кривится, но её термин принимает. — Злобными варгами?

— Нет. Я буду злобным варгом, — и, не в силах сдержаться, добавляет: — А то месяц что-то не задался, так что хоть тут развеюсь.

Янист Олкест — не совсем тот человек, рядом с которым можно так вот шутить. Жаль, к слову. И жаль, что он смотрит на неё, как на кого-то вроде Вейгордского Душителя.

— Вы... вы что, собираетесь натравить алапардов на людей?!

— Ну-у, если уж честно, то на вас, — Гриз, Гриз, запри внутри крепости шуточки наподобие: «Вы же не думали, что я отдам Мел без боя». — Господин Олкест, вам же знакомо понятие «спектакль»? Ну, или «засада», «хитрость», или...

Жаль, она правда не взяла с собой Лайла. Он бы повеселился от души.

— Но...

— Послушайте, я вас не заставляю, и если вы уж так мне не доверяете — скажите сразу, я Аманду вызову. Думаю, она сыграет на славу, хотя можем время потерять.

— Да я не о том. Вы что — собираетесь проворачивать это всё под носом у законника?!

Странно. Гриз полагала, что Янист и Тербенно неплохо сошлись. Нашли общую тему наподобие «Питомник — пристанище криминальных элементов».

— Ах да, совсем забыла, — она роется в дорожной сумке, где-то тут должен быть плащ... о, и печенье Аманды, совсем забыла о нем. Печенье зачерствело, но еще очень даже — если хочешь перекусить. — От Тербенно надо как-то избавиться.

Янист Олкест драматично роняет руки.

— Да не в этом смысле. Может, усыпить... хм, нет, всё равно противозаконно. Надо как-то просто и не переходя границ. Подумайте над этим, ладно? И над ужином, если несложно. Печенья, кстати, не хотите? С изюмом.

Олкест с негодованием печенье отвергает. Он, похоже, готов разразиться тирадой — о том, насколько всё это неосмотрительно, незаконно, рискованно и поспешно. Но Гриз уже движется к двери, так что нареченный Мел едва успевает выдать:

— А... куда вы?

— Ну, надо же найти алапардов, — не очень внятно (из-за печенья) отзывается Гриз. И уже приоткрыв дверь вспоминает еще кое о чем. Вынимает печенье изо рта и интересуется: — Господин Олкест, а вы умеете громко кричать?

* * *

Вечер прекрасен — для Луны Мастера. Умеренно синие тени, мало туч. Лёгкая осенняя прохлада. Город, пропитанный насквозь ожиданием, вкрадчиво дышит облупившимися стенами домов. Где-то вдалеке шумят в давно не видевшей такого наплыва таверне. И теплятся огни в храме Дарителя — за два квартала отсюда, но всё равно видно.

Вечер прекрасен — только не для Гриз.

Слишком пронзительно пахнет гнилью и мусором в переулке Алапардов. Слишком много посторонних звуков на улицах — а значит, и возможных свидетелей...

И ещё ей слишком не хватает Лайла Гроски.

Янист Олкест, в сущности, не так и плох. Он даже придумал, как отделаться от Тербенно — всего-то стоило пошептаться достаточно громко о планах, которые требуют немедленного присутствия в храме Кратейи Перекрестной. Законник тут же бросился на другой конец города. Возможно, даже радовался, что сработала эта дурацкая идея со шпионажем.

Гриз кладёт руку на холку первого алапарда — помедленнее, девочка... В Олкесте, в конце концов, есть даже своё очарование. Он на свой лад очень даже забавен с этим его праведным возмущением по её поводу.

Но кто же знал, что придется брать в Энкер отнюдь не самого законопослушного из «тела».

— *Откуда вы вообще взяли алапардов?*

— *Из храма Ирла Всемастера.*

— *Вы их... купили или взяли в аренду?*

— *Я их пригласила.*

— *Вы что... вы их украли?!*

— *Я пригласила их помочь мне в деле.*

— *Но вы... собираетесь вообще их возвращать?*

— *Если они пожелают вернуться.*

Алапарды Шалфей и Лаванда радуются прогулке. Скользят по ночным теням домов, иногда приносятся — прижаться исхудалыми, взъерошенными боками. В храме их держали в тесных клетках и выпускали только прогуляться перед особо важными посетителями, в ошейнике. Растолковать им, что требуется, а потом пригласить на прогулку, было легче лёгкого... было бы, если бы не возмущённое шипение наречённого Мел. И не его же праведное убеждение, что алапарды принадлежат храму и жрецам в нём. Будто они подсвечники. Или сосуды.

Только что он в тридцатый раз пытался доказать — насколько это плохая идея. И чистой воды авантюризм. И непонятно, чем они такого добьются. И они же могут испугать местное население. И они наверняка попадутся местным блюстителям порядка...

На последней фразе Гриз не выдержала.

— Вы что — ещё не поняли, что такое Энкер? Мэр города — притча во языцех, не потратил за двадцать лет на благоустройство ни медницы. Эти самые блюстители по ночам на улицу нос не кажут!

Олкест умолк, но с видом глубокого несогласия.

Перекрёсток вырастает впереди. Тускло подсвечен уличными фонарями — постепенно вымирающим в Энкере видом комфорта. А переулок почти совсем темен — нет света даже в окнах.

До перекрёстка сотни полторы шагов — пожалуй, тут можно и начать.

— Кричите.

Янист Олкест обиженно раздувает щёки и качается с носков на пятки.

— Прямо так сразу?

— И погромче.

Гриз накидывает на голову капюшон. Подзывает алапардов — и те покорно приходят, и

зелень вздымается в её глазах, когда она легко касается их сознаний.

Янист Олкест стоит посреди улицы с несчастным видом. Лунный свет на его щеках вскипает алым.

— Отвернитесь.

— Что?

— Отвернитесь, я не могу, когда вы смотрите!

— Тут сейчас будет куча свидетелей, мне всех попросить отвернуться?! Выдавите уже из себя пару нот.

— По... помогите!

— Неубедительно.

— У-у-у-убивают?

— Да вы издеваетесь.

— А-а-а-алапарды!

— Они сейчас тоже над вами будут смеяться.

Они стоят на вонючей улице — и Гриз благодарит богов за капюшон на лице. Потому что она не может не улыбаться, это выше ее сил.

Пылающий негодованием Янист Олкест слишком хорош. Просто неправдоподобно хорош.

— Мне нужно собраться.

— Господин Олкест, вы же сегодня орали на меня так, что нас чуть не выселили — так в чем проблема?

Проблема в том, что Янист Олкест — не Лайл Гроски. И его волнуют переминающиеся с лапы на лапу алапарды. И неизвестность. И Гриз Арделл. И Энкер.

— У вас получится, — подбадривает Гриз, поглаживая алапардов. — Я в вас верю.

Рыцарь Морковка бросает на нее последний негодующий взгляд. Потом прикрывает глаза и будто бы что-то припоминает.

— Настраиваетесь?

— М-м-м... Просто пытаюсь представить себя Лортенем, у которого отняли спиртное на целую девятницу.

Приступ смеха застаёт Гриз Арделл врасплох, и она сгибается пополам. Очень вовремя. Именно в этот момент Янист Олкест взмахивает руками, словно записной актер драмы. И с воплем валится на грязную мостовую.

— Не-е-е-ет! Не-е-е-ет! — умоляет он, хватаясь за сердце. — Не смее-е-ейте, прошу, пощадите.

Стоит Гриз уловить Лортеневские интонации, — и вот она уже чуть ли не рыдает от смеха, и она никак не может выпрямиться и приобрести нужный накал зловещести для предполагаемого варга-отступника. Первую дюжину шагов они с Олкестом так и проходят. Он — ползет по мостовой, брезгливо отбрасывая мусор и стелая в точности как Лортен. Она — идет следом, приметно вздрагивая, обе руки — на холках у недоумевающих алапардов.

— Помогите... кто-нибудь, помогите мне, — завывает Олкест и ухитряется возмущённо дуться: Гриз выглядит еще менее убедительной, чем он.

Мантикоры корявые, что за ребячество.

Она с трудом упихивает неуместное веселье за крепостные стены. Обретает твердость походки и вздергивает голову — чтобы сошло за величие.

— Лежать, тварь! Чаша терпения Ардаанна-Матэс переполнена. Такие, как ты, слишком

долго измывались над всем живым.

— Нет... нет, я просто торговал алапардами... я ничего не делал, вам нужен не я!

Олкест наконец-то вспомнил о тексте. Но выкрикивает он его с неповторимо заученными интонациями. И с вопросительным выражением лица — мол, я всё верно делаю? Гриз отвечает малюсеньким кивком.

— Торговал живой кровью, обращая её — в рабов. Хочешь спросить их — насколько они тебе за это благодарны?

— Спасите-помогите. Убиваа-а-а-ают! — это звучит плаксиво. И хлопают окна, откуда-то слышится топоток ног. Из темных переулков поглядывают свидетели. Никто не пытается остановить, не помогает жертве.

Энкер.

Они доходят до перекрёстка. Специально останавливаются несколько раз. Олкест то поднимается, то падает, потихоньку входит в роль и шумит всё громче. Гриз теперь говорит меньше — зато в игру вступают алапарды. Быстрые и гибкие — они идут впереди, правдиво оскалив пасти. Хлещут себя по бокам хвостами. Устрашающе ревут.

И только варг способен услышать в этом реве — улыбку. Не атаку, но игру. Радость притворства.

— Не надо, не на-а-адо, — вопит Янист, и зевак становится всё больше.

Но нет того, кого они ожидали увидеть.

Никто не купится, — понимает Гриз. Олкест вопит свои мольбы с таким сосредоточенным выражением лица, что кажется — пьесу повторяет. Я явно не лучше. Даже споткнулась пару раз, спасибо — не растянулась поперек улицы.

— Тебе нравится это? Нравится, когда тебя травят? Так поднимайся и беги, а я посмотрю, какая из тебя добыча.

— Нет-нет... отпустите меня... прошу!

Гриз зловеще хохочет — то есть, она надеется, что зловеще. От души сожалея, что рядом всё-таки нет Лайла Гроски.

— Вставай! Вставай, или умрешь сейчас! Вставай и беги!

Теперь притвориться, что жертва бросается бежать. Якобы выпустить алапардов вслед. Олкест сымитирует крики боли, дальше придется просто раствориться в темноте улиц, придумать новый план...

Когда из темноты боковой улочки навстречу выступает высокая фигура со скрытым капюшоном лицом — Гриз оказывается не готова. Не собрана.

— Стой.

Голос ровный и властный. Молодой. Красиво отдаётся в переулке. Словно у оратора, думает Гриз, пока чувствует, как она опадают куда-то на мостовую её собственные слова. Скомканые, бессильные.

Изо рта клубами рвётся дыхание, и какую роль играть, если вдруг встречаешься с тем, о ком так настойчиво шепчутся на этих улицах...

— Кто... кто ты?

— Ты знаешь, кто я, варг.

В голосе — ледяное презрение. Усталость? Кажется. Когда в сотню раз повторяешь заученное, сыгранное...

— Тот, кто не позволит таким, как ты, проливать кровь на улицах этого города. Щит для людей от вас и ваших тварей.

От перекрестка слышны ликующие крики зевак — будто за спиной вздымается волна: «Он тут, он опять, он вернулся!»

Человек в плаще надвигается из темноты. Протягивает руку — длинный рукав почти совсем скрывает ладонь, видны только белые пальцы.

— Отступишь, варг. Убирайся из моего города. И скажи всем своим собратьям — я знаю их планы на это полнолуние. Второго раза не будет.

Олкест порождает какой-то странный, сдавленный звук. Алапарды недоуменно переглядываются — чувствуют удивление варга, тревогу...

— Какие планы? — повторяет Гриз, помедлив. — Чего не будет?

Это замешательство там, под капюшоном. Будто она должна была сказать другое. Вести себя иначе.

И Гриз захлестывает облегчение и веселье — потому что от всем этим так и веет неумелой постановкой. Пьесой в одном действии — для двух алапардов, варга, адепта Единого и якобы Ребенка Энкера (последний — на сцене не впервые, зато любимец публики).

А потом у нее перехватывают контроль над алапардами.

Рвётся тонкая ниточка, которую она оставила в их сознаниях, легкое ощущение единства отсекается резко и по-живому, а уже в следующую секунду Шалфей и Лаванда становятся в позицию охоты: прямой хвост, вздыбленный загривок. И начинают наступать уже непритворно. Тихо, кровожадно рыча.

На Олкеста — и на того, кто пытается изображать из себя Ребёнка Энкера, потому что они теперь почти на одной линии. Рыцарь Морковка — дальше по улице, якобы Дитя Энкера — ближе с величественно вытянутой рукой.

— Ты смеешь угрожать мне, варг? Натравливать на Защитника Людей бестий?

«Вместе!», — мысленно вопит Гриз, снова и снова. — «Мы вместе!» Но её крик словно разбивается о камень или о щит — будто там, где был вход в сознания зверей, вдруг выросла стена. Шафран и Лаванда идут вперёд, ладонь Ребенка Энкера вытянута в повелительном жесте — и обжигающее будущее встает перед глазами. Секундно.

Сейчас всё повторится — короткое «Умрите», два тела на улице...

— Остановите их сейчас же! — гневно кричит выпавший из роли Олкест. Гриз не отвечает: мало времени. Обогнуть алапардов, привычно встать между ними и жертвой щитом, плевать, что спина остаётся неприкрытой...

В миг, когда она срывается с места, из-за спины долетает звучный клич:

— Именем закона! Стойте на месте, вы арестованы!

И события обращаются детской игрушкой — калейдоскопом. Взлетают и падают разбившейся мозаичной картиной.

Человек в капюшоне смотрит за спину Гриз — туда, откуда гремит клич Тербенно. Мгновенное, резкое движение — в воздухе оказывается что-то поблескивающее, летит на мостовую. Инстинкты толкают вперёд — быстрее, быстрее, прочь от этой штуки!

Гриз обращается в ветер, в алапарда на улице Энкера, в неистовость свистящего кнута. Позади, вспухают клубы серого дыма, тянут косматые лапы — и не могут догнать.

Олкест застыл посреди улицы, Гриз хватается за плечо и дергает за собой. Сворачивает в ближайшую подворотню, бросает:

— Дыхание задержите!

Ночное небо безоблачное, а на улице клубятся серо-черные тучи. Гриз роется пальцами

под плащом, в сумке, отыскивает антидотную маску и с силой впечатывает Олкесту в лицо.

— Надевайте!

Пальцы чуть-чуть покалывает, и кружится голова. Рыцарь Морковка смотрит на нее круглыми глазами, но маску надевает, потом начинает копаться в своих карманах. Гриз прикрывает рот и нос рукавом.

— Думаете, это какой-то яд?

Он наконец протягивает ей свою маску. Гриз надевает и с облегчением делает вдох.

— Я живу в одном доме с Амандой. Ладно, я пошла. Упаду — втаскивайте назад, где воздух чище, — Олкест захлебывается возмущением и пытается пойти первым, приходится прикрикнуть: — Не дурите! Вы меня вытащите быстрее.

Плотные чёрно-серые клубы на улице рассеялись. Оставили после себя неопрятную, болотистую туманную дымку, из-за которой видимости на ночной улице почти не осталось. Луна сверху кажется бледно-желтым пятном. Зеваки на перекрестке — размытыми тенями.

Гриз идёт по улице осторожно, почти на ощупь. Вот блеснуло что-то на мостовой — фиал? Стекланный шарик? Осторожно подобрать — перчатки всегда в кармане.

Потом из дымки выступают подошвы сапог.

Законник Тербенно раскинулся на грязной мостовой — аккуратно угодив затылком в лужу.

— Что это? — спрашивает подошедший Олкест. Дрожащим шепотом.

— Проблема, — отвечает Гриз, опускаясь над Тербенно на колени. Щупает пульс, достает из сумки фонарик, оттягивает законнику веко.

— Вы имеете в виду — он...

— Жив. Правда, без сознания, не только от удара, но и от этой дряни, что бы это ни было.

Она извлекает из сумки маск-плащ. Накидывает его на законника — на всю длину Тербенно плаща не хватает, ноги так и остаются на мостовой.

— Так что перед нами стоит вечный вопрос — что делать с телом?

Зеваки не осмелятся сунуться в непонятный туман, где видели кровожадного варга с алапардами и законника (непонятно, что хуже). Но туман рассеется, и тогда они тут всё по дюйму обнюхают.

— Ладно, поднимайте его и потащили. Подальше, в темноту.

Олкест стоит, не двигаясь. В темноте и тумане Гриз не видит его лица — и радуется этому.

— Вы что... собираетесь его где-то тут оставить?!

— Нет, собираюсь с собой прихватить. Тащите, говорю! Я разверну транспортный артефакт, но пока придется его хоть с улицы оттащить. Потом я попробую раздобыть носильщиков или экипаж...

Янист Олкест неловко хватается Тербенно за ноги. С такого расстояния можно увидеть лицо Рыцаря Морковки: рот и нос у него скрывает маска, но вытаращенные глаза очень даже выразительны.

Гриз Арделл молча наклоняется и подхватывает законника под плечи.

И особенно остро ощущает — как же ей недостаёт Лайла Гроски.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Хотелось быть в Энкере.

Среди милых легенд вроде всеильного дитятки. На улицах, наполненных воплями прорицателей и торговцев.

Где-нибудь рядом с Гриз Арделл — упоительно, восхитительно нормальной Гриз Арделл... по сравнению вот с этим вот всем.

После того, как милейшее начальство сорвало операцию «Яприль, скажи алкоголю нет» — нам довелось нехило так побегать. Мел полагала, что мы можем куда-то да успеть, и плевать хотела на мои аргументы, что, если уж пьянчуга ломанулся за спиртным — за ним успеть совершенно невозможно.

Пессимизм победил с разгромным счетом, и финалом нашего забега стала одна из давилен Вельекта. При давильне был еще и погреб с неплохой коллекцией булькающих бочек.

После визита яприля коллекция сильно уменьшилась. Погреб плавал в вине, там и сям сиротливыми ладейками проплывали осколки бочек. К подтопленному погребу прилагалась куча перепуганных давильщиков, да еще сам папаша Вельект: рабочие рванули за хозяином, так что он как раз успел на последнюю стадию свинской дегустации.

Горячая южная кровь дала себя знать. Когда добродушный Вельект узнал, что его вино пьет какая-то там скотина — он впал в изумление и буйство и ринулся крушить врага. При этом, судя по рассказам очевидцев, орал так громко и такими словами, что яприль, который уже изрядно выпил и нацелился подремать, проснулся и чуть не утонул в мальвазии.

Винодела спас его напор и добродушный нрав свиночки. Яприль решил, что связываться с невменяемыми вопящими южанами — себе дороже, в панике проломил стену погреба, вывалился в соседнее помещение, разнёс там две перегородки, выбрался по ступеням к свету, а потом уже дал дёру.

Мы принеслись, как раз когда давильщики соединенными усилиями извлекали насквозь мокрого Вельекта из подвала. Вокруг бегали и голосили женщины. На травке под лунным светом сиротливо лежали остатки двери. В целом, картина была такой, что подоспевший вслед за нами Лортен начал с готовностью цитировать что-то из древних эпических поэм. О разгроме на поле брани.

Мел задержалась секунд на тридцать — оценить обстановку. После чего решительно всех обозвала идиотами и кинулась дальше по следу яприля. Бросив мне на бегу: «А вдруг он заснет с перепоя».

Я проводил Следопытку взглядом, борясь с приступами колотья в боку. Никогда не считал себя в особенно плохой физической форме, но темпы питомника заставляли как-то... пересмотреть свои нормы. Что Арделл, что её сотрудники были мало что шустрыми — еще и какими-то двужильными.

Потом я худо-бедно восстановил картину ночного позора — ну, а потом уж принялся за сглаживание свинского конфуза с Вельектом. Магнат впадал то в бешеный южный гнев, то в лютое южное веселье («Муа-ха-ха, так я своё вино точно не пробовал... гы-гы, я промариновал свои окорочка как следует! Но убытки! Эта тварь ввела меня в убытки!»).

Пришлось отрядить кого-нибудь, чтобы проводили домой Вельекта, печально облизывающего усы насыщенного винного цвета. И организовывать спасение тех бочек, которые яприль не перебил. И остатков, которые из бочек выплеснулись (хотя вон у работничков глазки блестят — видать, остатки-то не пропадут).

И всё это под страдания работников давилъни, сбежавшихся сторожей, родственников сторожей, друзей родственников сторожей — толпа набежала со скоростью алапарда. Слухи по ней разлетались на неистово-южный лад, так что ночь подрагивала от историй о хтоническом свиноподобном ужасе, покусившемся на святое.

Пламя яприль начал извергать на десятой минуте изложения.

Через полчасаика яприлей в рассказах стало трое.

Хотя, может, это из-за того, что всё вокруг пропиталось вином.

В общем, когда небо слегка издевательски обозначило рассвет — у меня болели окорочка (от беготни), голова (от воплей), совесть (от провала задания), а больше всего — желудок, ибо ночные тревоги всегда сказывались на мне примерно одним чувством — голодом.

К месту нашей остановки я добирался с мечтой о яишенке, сыре и полдюжине лепёшек с перчиком и поджаристым мяском. Вечный инстинкт глодал меня изнутри так, будто я упустил штук семь пьяных бешеных яприлей.

Недалеко от истины, на самом-то деле. Это я понял, когда увидел пустую койку Лортена.

— Так не было его, — сонно буркнула Марэя, хозяйка дома. — Он, видать, в «Богатую лозу» сразу пошел... говорил, понравилось ему там.

Даже и не знаю — с чем сравнить мой великолепный рывок к мирно пасущемуся коню Арринию. Или скорость, с которой я запряг его в повозку.

Харчевня «Богатая лоза» потрясала двухэтажностью — редкость для юга — и увитостью живыми виноградными лозами. Вокруг харчевни деловито похаживали ребятушки хмурого вида, выжидающе поглядывая вверх, на чьи-то окошки. Будто поклонники, заждавшиеся ветренной девицы.

Внутри «Богатая лоза» оказалась полутёмной и насквозь пропахшей вином. С неприлично бодрым хозяином, который тут же заслонил обзор и принялся сыпать названиями сортов вин и годов, приправляя радостным: «Попробуйте, не пожалеете».

— Так вам бутылочку, две, три? Что предпочтете — мясо, рыбу, сыр на закуску?

Две компашки заканчивали с игрой в кости, да вот еще — народ посерьезнее, прожженного вида, с картами и ярим нежеланием расходиться. Хотя... вряд ли они даже в курсе, что за загороженными окнами — рассвет.

Лортена не было. Это тревожило и радовало одновременно.

— Да я, в общем, — мы с грызуном совсем уже настроились выдать «Ищу кое-кого», но тут мой взгляд упал в последний недоосмотренный угол с двумя огороженными от остальных столиками.

За одним из столиков буднично восседал Рихард Нэйш — с таким видом, будто он тут столуется ежедневно.

— Я тут... п-позавтракать? — жалостно подсказал грызун из моего желудка.

— А, всего две бутылки, — понятливо кивнул хозяин, а после моего отрицательного мычания пришёл в ужас: «Как — совсем без вина?!»

Бежать было поздно: «клык» поднял глаза от миски, изобразил на физиономии

приятное удивление и сделал приветственный жест.

— В буйство впадаю после первого же стакана, — сказал я покаяннейшим тоном. — Как начну всё вокруг магией крушить — успевай сваливать. Мне бы, знаете ли, яишенку, ну, или пирог...

— Для непьющих — рыбная похлёбка, — отрезал хозяин с истовой ненавистью во взоре. Махнул рукой на те самые огороженные столики — видать, что-то вроде позорной зоны для ненавистников спиртного.

Публика за столами «для нормальных» проводила меня порицающими взглядами.

— Боженьки, — прошипел я, падая на скамью напротив устранителя. — Ты-то что здесь делаешь?

— Завтракаю, Лайл. Думал, ты здесь по тем же причинам.

Разнообразия ради «клык» снял сюртук и теперь щеголял в такой же белой рубаше. С неизменной бабочкой на отвороте.

— Если только ты не искал меня... или не следил за мной, но это было бы недальновидно с твоей стороны. Правда?

Местный разносчик бахнул передо мной миску, ложку и краюху хлеба.

— Бутылка вина, — шепнул заговорщицки, — и вернётесь в нормальное общество.

— Спасибочки, кажись, этого мне уже не светит. Я, знаете ли, сюда, чтобы насладиться местной высокой... кухней.

На этом моменте я воткнул ложку в серое неоднородное месиво, где плавали куски переваренной моркови и лука. И замер, как тот, кто глядит в бездну ужаса. Пока воняющая рыбой бездна ужаса глядит в него.

— Местные традиции, — сообщил «клык». — Если ты берёшь меньше бутылки вина на одного человека — то...

— ...тебе приносят что-то, что отняли в неравном поединке у свиней, я уже понял.

Судя по виду похлёбки, свиньи сопротивлялись отчаянно, и кое-что отважному повару пришлось доставать прямо у них из глотки.

— На самом деле не так плохо. Думаю, тебе бы пришлось по вкусу... в старые добрые времена.

Во времена Рифов, надо полагать. Сам Нэйш поглощал похлебку с совершеннейшим равнодушием. Я отважился на одну ложку — а после этого отодвинул миску, откусил кусок хлеба и посмотрел на устранителя закономерным взглядом — как на больного извращенца.

— Тебя что, одолела ностальгия по тюрячке, и ты выбрался сюда для удовлетворения твоих специфичных вкусов?

— Просто соседняя харчевня в пятнадцати милях. А у меня дела... в окрестностях.

— О-о, черти водные. Арделл что — уже в курсе насчёт нашего фиаско?

Нэйш загрузил в себя ещё одну ложку местного хручива.

— Лайл. Я же говорил — тебе нужно больше доверять людям. Я здесь не по работе.

— Отдых? — я вложил в это слово всё великолепие подтекстов типа «мне интересно, поедание помоев — это для тебя новый опыт или всё-таки отдохновение».

— Что-то вроде этого. Небольшой заказ здесь к северу...

— Не знал, что ты устраняешь вне заданий питомника.

«Клык» жестом показал — всё бывает. Ну да, вызовы на устранение встречаются не так уж часто, за три месяца и дюжина едва ли наберётся. Вскрывать зверюшек тоже получается не всегда. Стало быть, вот куда он исчезает.

Интересно — Арделл-то знает, что устранитель берёт заказы на стороне?

— Но на самом деле... — Нэйш кивнул в угол, где покоилась наплечная сумка. Прищурившись, я рассмотрел рядом с сумкой сачок. — У подножия Милтаррских гор в это время года попадаются замечательные экземпляры. Там, например, можно встретить звёздницу зимнюю, а мне как-то до сих пор не пришлось.

Ага, безобидный такой визит за бабочками, с перерывом на завтрак в ближайшей харчевне. Чертовски верится, только что ж там внутри подпрыгивает что-то вроде тревожного сигнала?

Это всё как-то не вяжется. Опыт подсказывает мне, что парни, которые носят костюмчики за сотни золотниц, обычно не сигают в них по болотам. Парни с манерами, от которых млеют все окрестные вдовушки, как правило, не лопают то, от одного вида которого сидельцу Рифов становится худо. Ребятушки, у которых такие навыки и мощный *атархэ*, делают себе славную карьеру, а не огребают бесконечные штрафы от Арделл и не сидят в питомнике, собирая коллекцию бабочек, а попутно пластая трупы зверей.

А те, у кого Дар Щита, не дают себя повязать при помощи арбалета.

Если в Тербенно по его манерам, одежде и поведению сходу опознавался домашний мальчик только что из учебки — то в Нэйше попросту не опознавалось ничего. Вернее, опознавалось слишком много разных черт. Будто разные сводки розыска перемешали воедино.

— Лайл. Вопросы?

Отлично, кажется, я только что пялился на устранителя нашей группы.

— Ты, случаем, не знаешь, как завязать с вином основательно и надолго?

Общество любителей винишка в зале примолкло уже совсем нехорошо. Кто-то ужаснулся кощунству: «Он сказал «Завязать?»»

— Мне... не для себя, — добавил я, покаянно повесив головушку. — Для одной моей знакомой свиньи.

Перехватил взгляд Нэйша и выдохнул:

— И нет, это я НЕ в порядке самокритики.

Историю о вызове устранитель выслушал с неприлично сосредоточенным видом. С таким просто невозможно слушать истории о буйствующих спьяну яприлях.

— Ну, надо же, Лайл, — сказал он после этого, глядя в зал так, будто там кто-то оскорбил его мать. — Похоже, вам достался редкий случай. Я с таким не встречался. Хотя слышал что-то подобное, но там проявления были не настолько яркими.

— В твоих историях яприли просто приглашали местных потанцевать?

«Клык» откинулся на стуле, отодвинул пустую миску и наконец ухмыльнулся.

— Пожалуй, я мог бы... знаешь, вмешаться. Слегка помочь тебе по моей прямой специальности.

— Надо же, как ты феноменально добр. Они что-то подливают в эту свою рыбную бурду?

— Ну, судя по твоему рассказу и твоему виду — вы в тупике, а помощь коллегам... — Нэйш жестом показал, что он всегда готов пожертвовать личным временем, чтобы кого-нибудь убить. — Ах да, кажется, мы же теперь еще и лучшие друзья. Кстати, Гильдия...

— Не выходила на связь — и уж поверь, её задания точно не связаны с протрезвлением местных яприлей. Да, и не жди от меня подарка на Хороводный день. Я не расположен к... новым отношениям прямо сейчас.

Мину лёгкой обиженности Нэйш приправил глумливым смешком.

— Так что? Небольшая помощь? Если беспокоишься о Мел — я могу ей сказать, что сам вмешался. Яприль — это несложно. Быстрая работа.

— Пожалуй, откажусь. Знаешь, этот свин мне уже почти что родной. Прожигает молодость в гнусных пороках — даже как-то... не знаю, кого напоминает.

Я уже настроился на то, что Нэйш всё-таки влезет в дело. Но «клык» настаивать не стал.

— Как хочешь, Лайл. Но если вдруг понадобится моё вмешательство...

— Боженьки, я просто не знаю, как расплатиться за твою глубокую душевность, — выдал я, прижимая ладонь к груди. — Могу заказать тебе здешнее коронное блюдо для непьющих. Или даже своим пожертвовать — хочешь?

Попытка умыть «клыка» раскололась о его улыбочку. Под которой я почувствовал, как с меня медленно сдирают кожу.

— Мы можем выбрать другие способы оплаты моей душевности. Если ты настаиваешь, конечно.

Грызун внутри предупредительно куснул в печень — не нарывайся, мол. Хочется, конечно, посмотреть — что он тут забыл, только вот весь вид устранителя ненавязчиво сообщает: «Скройся».

— Чтобы я — да настаивал? Ну, приятной охоты за бабочками, — я поднялся, хрустнув позвончиком. Спина поламывала от всех этих прыжков то в канаву, то за крыльцо.

— О, и если ты ищешь Лортена...

Я замер, понадеявшись на продолжение типа «его печальный труп два часа назад выловили из реки».

— ...то он остановился во втором номере. Во всяком случае, хозяин спрашивал, не с ним ли я. Лортен сказал ему, что придёт кто-то из группы Арделл и за что-то заплатит.

Я почувствовал в себе исключительное желание врать в засаленный пол таверны.

— Лайл? — В голосе было полно заботы — переливалась через край. — Ничего не хочешь сказать?

— У меня, в общем-то, два вопроса, — заговорил я, разворачиваясь к четвертой моей проблеме (помимо Лортена, Мел и яприля). — Первый — в каком номере остановился ты? второй — за что?!

— Восьмой номер, — ответил Нэйш. — А по поводу второго вопроса...

— Это было не тебе, — отрезал я, — это было мирозданию.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

След теряю перед рассветом. Игривый яприль успеваает переплыть пару речек, проскакать по ручью и порезвиться на винограднике, где лозы уже убраны. Потом выбирается на каменистую тропочку и рвёт куда-то в преддверье Миллтарских гор. Неподальёку от тропочки бродит стадо тупеньких овечек. Запахи винограда и помёта забивают дыхание. Дар устаёт и сбоят. Сдаюсь, плотаю бодрящее, тащусь обратно по собственным следам. Всё равно не догнала б. Похоже, он собирается двигаться, пока заряд винный не кончится.

По бедру растекается холод. Сквозник. Вынюхиваю ближайший ручей, кидаю камешек в воду.

— Что у вас там? — спрашивает лицо Грызи в ручье.

За спиной у неё топчется Рыцарь Морковка. Какой-то с ног до головы переудрученный. Отделяюсь парой фраз — прохлопали идею с отрезвляющим, ничего серьезного.

— Мда... Или у яприлей на спиртное другая реакция, или у вас там уникам какой-то.

Ладно, если не будет получаться — попробую разобраться сама... когда справимся здесь.

Мрачнеет. У них там в Рыцарем Морковкой что-то серьезное. Грызи говорит только: алапарды под полным контролем, не чувствуют варга. И что-то там насчёт нынешнего полнолуния и мэра. Но когда я спрашиваю:

— Что, чудо энкерское таки явилось? — медленно мотает головой. Добавляет тихо: «Если бы».

Потом Грызи чуть ли не отпихивает от Водной Чаши Его Светлость. С горящими энтузиазмом глазами. И этим своим «Ко-ко-ко, Мелони, ты в порядке? Пожалуйста, не подвергай себя излишней...»

— У меня тут одна опасность — спиться в компании Лортена, — отрезаю я и прерываю связь.

Достаю сквозник из ручья, решаю вернуться к месту ночлега по дороге. Мили три еду на телеге с болтливым возницей, выслушиваю бред насчёт стада крылатых огнедышащих яприлей. Чуть не вырубаюсь прямо в телеге, когда от какой-то таверны доносится знакомое ржанье.

Арринио здесь, у коновязи. Стало быть, Пухлик и Лорнен недалеко. Можно даже не спрашивать — чем они тут занимаются. В местечке с названием «Богатая лоза».

У входа и под окнами толкуются мутные типы. С рожами шулеров. Обшмыгивают глазками, пока я здороваюсь с Арринио, пою его и добываю овса.

Таверна провоняла вином. Хозяин сигает с порога навстречу, как голодный алапард. Посылаю его в вир болотный и иду к лестнице.

Духи Липучки ни с чем не спутаешь, их даже вино и дым не забивают. Запах стелется по ступенькам, взлезает на второй этаж. Без стука дёргаю ручку третьего номера. Сквозь дверь которого просачивается поток лортеновской мысли.

— ...не ожидал, что ты примкнёшь к череде моих мучителей. Но по твоему лицу я вижу, что ты принял сторону ужасной женщины — да-да, твои глаза тебя выдают, не смей смотреть на меня с таким укором, печальный человек... Так вот, если верны философские строки Игэйра Фиа — разве не всё в нашей жизни в руках Девяти? И разве не всему, что предрешиено случиться...

Когда Липучка начинает нести пургу — два пути: сбежать или помереть. Гроски каким-то чудом не помер, но вид имеет такой, будто его мешком треснули. Раз семнадцать. И в мешке два пуда брюквы.

— Заткнись, — С намеком подвешиваю у своего виска атархэ. — Или я тебя повергну в пучину страданий.

Лортен, который валяется на кровати, бормочет про загнивающие корни аристократии. Но поток обрывает. Пухлик приоткрывает один глаз.

— Новости! — требую я и валюсь на стул.

Вопрос задаю Пухлику, но Липучка тут же разевает пасть:

— Ни медницы... ни медницы денег, вообразите. Ужасные люди... ужасное место. Я поклясться могу, что они передёргивали... и что был крап. Как полагаете, старикан-Вельект не согласится выдать хотя бы половину платы наперед? В конце-то концов, мы уже почти настигли это порождение тьмы, и только роковая случайность...

Роковая случайность затыкается. Похоже, даже своим недалёким умишком схватывает наше состояние.

— Потеряла след яприля, — отвечаю я на взгляд Пухлика. — Из-за удобрений ничего не разберёшь.

Тот кивает и выдает коротко:

— Видел Нэйша, он мне помощь предлагал.

Чем тут же затыкает с размаху за пояс меня, Липучку, Вельекта, да и яприля почти что тоже.

— Ты с этой скотиной еще и связь держишь?!

Пухлик с малеха прибитым видом тычет пальцем куда-то вниз.

— Вообще, я его встретил случайно. Здесь, в «Богатой лозе». Вроде как, он носится за какими-то местными бабочками.

— Ты предложил ему выпить? — пристаёт к Пухлику Липучка.

— Я?!

— Так почему же он тогда воспылал самоотверженностью, а, сын мой?

— Ну, может, им тоже овладело из-за угла чувство долга...

— Ужасный человек, — расстраивается Лортен, — ужасный человек с ужасным вкусом.

Ни разу... ни разу не предложил мне помочь!

— В чём? Ты ж только пьёшь и бардак устраиваешь, — бурчу себе под нос. Липучка радостно орёт «Именно!». Сверлю взглядом Пухлика — вот какого чёрта поперся выкладывать Нэйшу насчёт яприля? Мясника мне в деле не хватало.

— В общем, я его вроде как уболтал. Сказал, что мы тут и сами неплохо справляемся, так что он вроде как... не собирается мешаться у нас под ногами.

План — как держать Нэйша подальше от яприля — рассыпается у меня в голове на кирпичики. Липучка звучно икает от изумления.

— Уболтал?

— Пустил в ход всё свое обаяние вкупе с убеждением, — кивает Пухлик. — И с красноречием. Не знаю — насколько его хватит...

Звучит так, будто нам каюк, и Нэйш влезет в дело этак через полчаса.

— ...но на всякий случай он тут будет, поблизости. Кхм... в восьмом номере.

— На какой, к мантикорам, случай?!

— О! — радуется Липучка. — Так нас четверо! Мы могли бы составить отличную команду и отыгаться у этих необразованных...

— Ну, кто там знает, — выкручивается Пухлик. — Знаешь ли, я решил, что совсем не лишним будет специалист по внутреннему миру зверей...

— П-потому что он всех потрошит, — нежненько уточняет Лортен. — Фи! Копаться во внутренностях скотов, нарушая Постулаты телесной нечис...

— Ты что, решил впутать эту мразь в дело?!

— Нет, я решил, что он что-нибудь да может знать о физиологии чертовых алкоголезависимых яприлей!

— Например, как их убить!

— Боженьки, да не претендую я на твою свиночку, шоб ей долго лет пить без последствий! Но, к слову, у тебя есть какие-нибудь варианты по поимке? Еrome очевидных, вроде «Хочешь поймать пьяную свинью — думай, как пьяная свинья»...

Мы с Пухликом играем в гляделки. Липучка играет в «Притворисьдохлыминевоной».

Только от него так разит выпивкой, что о нём никак не забыть.

— Значит, так. Сейчас я вызываю Фрезу. Ты отбываешь в питомник. Там можешь хоть в хлам ужраться, а здесь чтобы больше под ногами не путался!

Липучка ищет глазами Пухлика и промахивается на полфута.

— Ужасные женщины... захватывают этот мир, — сообщает он дешевенькому канделябру на полке. — Берут бразды правления в руки, словно королева Арианта. И заставляют истинных представителей аристократии влачить жалкое существование... словно королева Арианта, да. Этому надо положить конец. Н-надо же?

— Река моей мужской солидарности высохла где-то четыре часика назад, — сочится ядом Пухлик. — Когда мне по твоей милости пришлось объясняться с Вельектом.

— Что значит, по моей милости? — возмущается Липучка. — К слову говоря, вы тут все работаете на меня. Так что, Мелони, ты забываешься... и вообще... я вас не оставлю — истинный Мечник не бросит своих друзей... или подчинённых, гм.

— Да какой тебе смысл тут сидеть. Ты ж всё равно до нитки продулся, нет, что ли?

— Ну-у, в общем-то, как раз в этом всё и дело...

Липучка мямлит что-то там о ничтожных шулерах, краплёных картах и возможности отыгаться, если только старикан Вельект ему ссудит ну хотя бы сколько-нибудь.

— ...и вообще, если бы я только мог отправиться в питомник или к Вельекту...

— Если бы мог? — пробуждается на стуле Пухлик.

— Сколько продул? — спрашиваю я.

Лортен растопыривает два пальца и заискивающе скалится с кровати.

— Две золотницы? — нет, что-то мало. — Два десятка золотниц?

— Две сотни? — помогает Гроски чуть ли не с надеждой.

Лортен оттягивает воротничок и хлопает губами в тяжелом вздохе.

— Истинные аристократы не размениваются на мело...

— Тысячи? — осипшим голосом переспрашивает Пухлик и подлетает со стула. — Две тысячи золотниц?!

У меня ноги корни в пол пускают. После виноватого кивочка Лортена.

Дальше мы с Пухликом выдаём одновременно:

— Десять мантикор?

— Десять костюмчиков Нэйша?

А потом тут же:

— Что?! — и пялимся друг на друга.

Липучка откашливается и пытается взять надменный тон:

— Между прочим, на светских раутах или вечеринках бывают суммы и повнушительнее... и да, я уверен, что это был крап. О, эти отвратительные деревенские шулеры с их гнусными манерами. И всё же я полагаю, что все их угрозы — не более, чем...

Пухлик подскакивает к двери. Запирает на защёлку. Потом кидается к окну, будто бешеный тхиор. Выглядывает из-за занавески и шипит сквозь зубы:

— Черти водные... — и добавляет развеселым тоном: — Ну, сегодня мы отсюда уже не выйдем. Там шпук семь мордovorотов внизу. Небось, еще и Печати разные. Во что вы там играли, в «каменномордого»? И ребята такие с виду вполне зажиточные, и выпивку покупали?

Липучка истово кивает, даёт уточнения вроде «Да-да, они сами предложили отыгаться, даже в долг!»

— Мел, — спрашивает после этого Пухлик. — Ты как относишься к грязной и, возможно, немножко поэтической ругани?

— Почти как к метанию ножей.

Гроски заворачивает сокрушительную тираду — такие обычно можно от Фрезы услышать.

— Банда «удильщиков». Вряд ли местные, такие ребята быстро перемещаются. Хиляки-игроки — опытные шулеры. Их задача — усыпить бдительность приезжего и обыграть на хорошую сумму. Потом влезает ребятишки помощнее, которые долги выбивают. Ты выдал им расписку? Вообще подписывал что-нибудь?

— Слово настоящего аристократа стоит сотню...

— ...пудов навоза яприля, — выплёвываю я.

Пухлик выглядит уж слишком веселеньким. Так, будто самолично играл с Лортенем, и тот ему теперь должен заложить половину питомника (черт, две тысячи — это ж чуть ли не годовой бюджет!).

— Понятненько. А отпускать тебя к Вельекту за денежками они отказались.

— Я предлагал этим неотёсанным невеждам отыгаться, но...

— Ага, они почему-то не согласились, с чего бы только. Что ты им наплёл? — вот во взгляде у него — ни капли веселья. Глаза у него не пойми какого цвета — то ли темно-серые, то ли карие, то ли бурые, и в них пляшут хищные такие огонёчки. — Что сюда приедут твои товарищи и привезут хоть сколько-нибудь денег?

— Я всегда знал, что на вас можно рассчитывать! От чистого... ик... сердца.

— Серьёзное дело? — спрашиваю Пухлика. Тот потирает лоб.

— Если мы не выйдем к ним хотя бы с сотней золотниц, или не выпишем чек, или не подпишем векселя — эти ребяташки через часик начнут нас потихоньку прессовать. Лортен, ты им разболтал насчёт своей должности?

— Разумеется, я представился — нормы вежливости...

— Стало быть, они играли с тобой, зная, что ты директор питомника. Где есть, чем поживиться.

Пухлик снова падает на стул и живописует. Не выпустят из таверны, если не будет денег. Лортена оставят заложником. И кого-нибудь из нас. Заставят подписать какие-нибудь векселя, чеки, закладные...

— Питомник под королевским покровительством.

— Мел, деточка, если ты думаешь, что они с этими бумагами заявятся к трону его величества Илая — ты сильно ошибаешься. Но они могут перепродать бумажки более серьезным людям. Контрабандистам или пиратам. Или вовсе монстрам.

— Вроде как Братству Мора?

— Вроде как стряпчим, — Гроски делает охранный жест, — упаси нас Девятеро... В общем, кто-то потом да явится к Лортену требовать своё — доступно?

Доступно. За Липучкой не будешь всё время присматривать. И от всего его не защитишь. Рано или поздно его возьмут в оборот — и мало ли чем он там заплатит: деньгами питомника, или сведениями — куда выпускают животных, или самими животными...

— Давно считала, что нам нужен новый директор.

Идиотизм, конечно. Как бы мне ни хотелось настучать Бабнику по дурной башке — он хотя бы не лезет в дела питомника. Вон, в Ирмелее зверинцем-заповедником рулил какой-то

бывший военный в чинах. Любитель жёсткой дисциплины и распорядка. Потому рацион у животных не менялся никогда — ни количество, ни качество, сколько записали, столько и даём.

Не говоря уж о том, что должность директора королевского питомника — только для чертовой знати. А среди придворных Илая Вейгордского хватает придурков почище Лортена.

— Ужасные слова, — расстраивается Липучка. — Как подумаешь, кого я пригрел на груди. Всю жизнь свою... рыг... кладу на алтарь во имя благополучия питомника.

Пухлик поглядывает вниз и что-то просчитывает. Потирая щетину на подбородке.

— Выйдет прорваться?

— Может, и выйдет. *Атархэ* у этих ребят вряд ли водится, мощная магия тоже... разве что вот амулеты да ножички воровские. Не хотелось бы такой поймать под ребрышки случайным образом.

— Не понимаю, откуда такой пессимизм, — полусонно выдаёт Липучка. Он уже и ладонь под щёку подложил. — Можно же просто вызвать старикана-Вельекта. Уверен, что он окажет нам самую действенную...

Только вот Усач вроде как по нашей милости в вине искупался. А ещё он южанин. Три часа будет собираться, и всё равно выйдет куча бессмысленной суеты.

Здесьних законников мы вообще вряд ли дождёмся. Как минимум потому, что кто-то уже поднимается по лестнице. Четыре пары ног. Грубые сапоги. Перешёптывания.

Пухлик оставляет щетину в покое и двигает к двери.

— Эй, ты куда?

— Замерять их уровень тупости. Присмотри за катастрофой.

— Пра-а-атесту-у-ухрррр, — прибавляет Липучка.

Дверь скрипит, Пухлик исчезает. Голос в коридоре. Гроски — в свистяще-шипящем варианте, с мелкими смешочками.

— Здорово, ребятушки, не директора вейгордского питомника ищите? Я б вас тут порадовал кой-чем... хе-хе, за пару медниц.

— Ты ещё что за... — порядком пропитый баритон.

— Да так, прохожий, вернее сказать, проезжий, хе-хе. По своим делишечкам малеха. Решил вот ночку переночевать, да только поспать-то мне не дали спокойно. Я вот думаю, вам интересно будет насчёт моей историйки, ха. Ух ты, огненный Дар? Да этот придурок точно влез...

Пухлик болтает и хехехекает так, что у меня зубы ныть начинают. Тянет время, устраивает торг за информацию.

— ...так вот, я, понимаете ли, только решил сложить вещички и малость прикорнуть — ночка-то выдалась, хе-хе, горяченькая... как тут влетает этот хлыщ. И предлагает денежки — вообразите, за то, чтобы я с ним номерами поменялся. Ну, а я-то разве откажусь от пары сребниц, а? В конце концов, чем это двойка хуже восьмёрки...

Давлюсь воздухом.

— В восьмом, сталбыть? — деловой голос кого-то здорового.

— В восьмом, голубчик, хе-хе-хе. Там и возьмёте, тёпленького. В лицо-то вы его знаете? Модный костюмчик, причёсочка, с виду неместный... О, табачком не угостишь? Спасибочки. Ну, девять футов под килем, как у нас в Велейсе Пиратской говорят, хах. Пойду дреману. А то ночка-то была, ночка... Вина — хоть утопись, а бабы-то как визжали!

Восемь ножищ топают мимо двери по коридору. Пухлик прошмыгивает внутрь.

Поворачивает защёлку и хватается за комод.

— Помоги подпереть, а то мало ли.

Пока на цыпочках волочём комод к двери, добавляет шепотом:

— Ну, хвала Девятерым — мало что южане, так ещё туповаты. Но придётся малость переждать, пока там всё не рассосётся.

«Всё» — это те типы, которые толкнутся сейчас в коридоре за углом, у Нэйшевской двери. Барабанят в дверь и орут что-то южные угрозы, в которых встречаются шампурсы, жаркое и выражения типа «Я в твою Печать плевал, э-э-э!»

Тихий скрип. Дверь открывается.

— Э-э, франтик! Гони денеж...

Шлёп. Звук падающего тела.

— Да ты хоть знаешь, с кем ты...

Шлёп. Второе тело падает где-то в коридоре. Придушенный хрип:

— Можно же... просто... подписать... закладную...

Бах. Это грохочут по полу чьи-то тяжёлые башмаки. При падении.

— Кажется, мы ошиблись номе...

Шлёп.

Тихий скрип. Дверь закрывается.

— Серьёзно? — спрашиваю я то ли Пухлика, то ли этих придурков, которые так быстро закончились.

Пухлик разводит руками. Видок у него почти сожалеющий.

— Ты же болела не за них? Будем надеяться, Рихард не вздумает прогуляться: скоро остальные «удильщики», заинтересуются, почему это их товарищи лежат перед именно этой дверью... Вопросы?

— «Рихард»? — такое ощущение, что Пухлика Конфетка покусала. Кроме Грызи разве что она зовёт Мясника по имени.

— Всегда называю по имени тех, кому предстоит отлупить для меня банду шулеров, — Пухлик говорит, заворачивая Лортена в одеяло — до состояния гусеницы. — Хотя ты права — надо бы подумать над чем-то менее фамильярным... Тебе кресло пойдёт или уступить место рядом с нашим невыразимым?

Сдвигает свёрток с Липучкой на край кровати. И щедрым жестом указывает на второй край.

— Нет уж, кто я, чтобы вам мешать.

Пухлик мечет в меня ухмылку и подушку. От первой уворачиваюсь, вторую ловлю. Сворачиваюсь в кресле, накрываюсь курткой.

— Не больше двух часов.

— Я тебя умоляю, — откликается Пухлик, который преспокойно закидывает ботинки под кровать. — Мы измотаны, там вовне — «удильщики» и Нэйш, причем я точно знаю — кто страшнее... И к тому же свиночка свято блюдет режим, ты что же — хочешь сдать позиции хряку-пропойце?

— Он по сравнению с Лортенем — академик!

— Не спорю, — Пухлик любовно хлопает по окукленному Липучке. — Хорошо бы, сверху верёвками прикрутить... в учебке законников это называлось «мясной рулет»...

Дальше слышен могучий зевок. Который почти сразу перерастает в похрапывание. — Мфрр... — выдаёт Липучка из одеяльного кокона. — Дикие звуки... дикого питомника.

Согреваюсь под курткой. Вслушиваюсь в утреннюю всемирную возню. Пронзительные звуки сельского юга. Вопли гусей, ржание лошадей. Скрип колёс. «Удильщики» травят под окном байки и поплёвывают. Удивляются, что их товарищи всё не идут. Гром кастрюль и сковородок на кухне, звяканье бутылок, хозяин покрикивает на прислугу...

Потом меня вырубают, несмотря на бодрящее. Отключаюсь вчистую, уплываю в глухую, мягкую темноту.

В неё иногда только залетает стук в далёкую дверь.

И мерные звуки падающих тел.

* * *

Очухиваюсь от здоровенного всхрапа рядом. Пухлик задаёт жару — раскинулся на кровати. Подхватываюсь, первым делом вижу тени — длинные, дело к вечеру.

Потом в глаза кидается разворошённый кокон из цветастого одеяла. И то, что угол комода отодвинут от двери.

Черти водные, да какого...

Ругаясь, несусь в уборную, сую голову под умывальник. Набираю ковш воды, опрокидываю на Пухлика. Тот скатывается с кровати и выдаёт сипло:

— Не в курсе, к чему могут сниться пьяные свинобабочки?

Молча киваю сперва на постель, потом на комод. Пухлик трёт глаза со скорбным видом.

— Понятно. Бабочка вылупилась и упорхнула. Будем надеяться, встретится с одним нашим знакомым, который... любит засовывать в рамочки всякое крылатое. Что в коридоре, кстати?

Выглядываю в щель, которую позволяет открыть комод (непонятно, как Липучка туда просочился). В коридоре никого. Там, куда уводит коридорный изгиб, слышатся слабые постанывания и невнятное: «Ну, вот какая подлюка, а ещё говорили — аристократ». И ещё кто-то топчется, перешептывается: «А точно тут? Эти-то чего лежат?» — «Да тут вечно кто-то валяется не в себе, нам же сказали, здесь она!»

— Вир знает что.

Шлейф от Лортеновского одеколona жиж не стал — уверенно ведёт вниз. Так что мы с Пухликом тихо спускаемся по лестнице в общий зал.

— О-о-о-о-о!! — Липучка опознаётся по страстно-страдальческому воплю и простиранью рук. И ещё он сидит за центральным столиком. — Мои великодушные спасители! Хозяин, вы видите? Нам, то есть им нужен завтрак, то есть ужин!

Физиономия у Липучки смятая и восторженно-похмельная. А хозяин зыркает с опаской. Подходит, исподлобья глядит на Гроски:

— Четыре бутылки?

— Без вина, — отчеканиваю я, и с соседних столиков начинают пялиться.

— Не слушайте эту легкомысленную барышню, — возмущается Липучка. — Это... мои подчинённые, да. Можно сказать, я им отец родной. К слову, кто подоткнул мне одеяльце? Хозяин... куда... куда?! Боги, это просто юдоль трагедий.

Лортен несёт такую пургу, будто он уже успел хлебнуть.

А Пухлик ухмыляется.

— Сейчас познакомишься с местной кухней. Надолго запомнишь. Кстати, а с чего это на нас так поглядывают?

— Потому что считают чокнутыми, сын мой, разве неясно, — снисходительно поясняет Лортен. — Понятия не имею, что тут было днём... но ходят слухи о каких-то телах в коридоре.

Приходит разносчик, приносит воняющее рыбой хрючево. Косится со страхом.

— Я был о южном гостеприимстве лучшего мнения, — страдает Липучка и разбрасывает укоризненные взгляды. — Ни угостить... и ни медницы в долг, вообразите себе. И эти взгляды — будто сотворю с ними лютое непотребство!

— Ой, кто ж их на такое надоумил-то, — невинно бормочет Гроски и вылавливает из своей миски рыбный хвост.

— Ужасное место, — брзжит Липучка. — Ужасное место, грубые люди. Вроде той буйной компании, которая искала какую-то красотку. Белокурую красавицу, да. Сбежавшую от нелюбимого жениха. Они были пьяны, вообразите себе, и угрожали мне, словно последнему простолюдину! И ни один, к слову, не дал мне в долг...

— Та-а-а-к... — это уже я. Потому что слышу, как наверху кто-то снова барабанит в дверь. Видать, в ту самую, многострадальную. — Что ты с ними сделал?

Лортен хихикает под нос и радостно указывает ложкой на лестницу слева от стойки.

— Сказал, что им нужно её поискать в восьмом номере.

Пухлик тихонечко впечатывает лицо в ладонь. Мне, в общем-то, добавить нечего.

Добавляют звуки в коридоре. Первый — скрип двери. И дальше, почти подряд:

— Мужики, это не блондинка!

Бдьщ.

— На него что, магия не дей...

Хрясь.

— Аа-а-а, па-ма-ги-ти!

Уи-и-и-и, шлёп! По ступенькам на животе скатывается южного вида мужичонка. Следом неторопливо сходит Мясник, оправляя белый сюртук (охи и аплодисменты невидимой женской аудитории). Перешагивает через мужинку, проходит через примолкший зал и присаживается за наш столик возле Пухлика, бросив при этом: «Добрый вечер».

И с невозмутимой ухмылочкой принимает три ответа: «Пошел ты», «У тебя не найдется пары монет?» «А он добрый?»

— Слегка шумновато, — сетует Живодер и откидывается на стуле. — Вам, случайно, неизвестно, почему к моей двери началось паломничество вооруженных людей?

— Три сотни версий, — Гроски поднимает палец. — Может, они собирались похитить твой костюмчик...

— Увидели тебя хоть раз и захотели дать по морде, — помогаю я.

— ...или, кто там знает, может, они хотели полюбоваться на единственного, кто способен оценить местную кухню. К слову вот, угощайся, можем уступить сразу три порции. Надеюсь, это... гм... паломничество не нарушило никаких твоих планов?

— Нет, благодарю, — леденисто ухмыляется Мясник. — Я собирался поохотиться ночью.

Разносчик у стойки упирается и шепчет: «Да не пойду я к этим! Они, вон, говорят, чуть Вельекта не утопили в его же вине». Так что к нам крадётся хозяин. Совсем издерганный.

— Господин... за счёт заведения... может быть, виски, у нас в коллекции есть отличный год...

Липучка разевает рот, будто голодный птенец феникса. Мясник отвечает одним из этих своих взглядов: «Ты посмел меня прервать, я уже заказал на тебя рамочку».

Хозяина сдувает неведомым ветром.

— Собирался? — потеет Пухлик там на своём стуле. — Это надо понимать, как...

— О. Небольшая перемена планов, — Нэйш оглядывает нас, как гурман — блюда в меню. Выбирает, в кого первого всадить ножичек улыбки. — Знаешь, Лайл, я решил к вам присоединиться. Пьяный яприль — случай нечастый. Ценные наблюдения. И небольшая подстраховка для вас. Мало ли, что может пойти не так.

Мразь даже не скрывает, что собирается с нами рассчитаться. За весёлый денек в компании местных уголовников.

Лортен цветёт.

— Это прямо-таки любезно с твоей стороны! Как там было в поэме об идеальном гражданине? «Поможет и в драке, и в пьянке?» Упс, это местная застольная.

— Чёрта с два, — отчеканиваю я. И всаживаю клинок в стол. — Катись, куда шёл, нам хватит одного придурка на выезде.

— По-моему, ты несправедлива к Лайлу, — портит момент Лортен.

Пухлик только глаза закатывает и бормочет себе под нос: «Ну да, ну да, добивайте меня все». Мы с Мясником сцепились взглядами и я швыряю с размаху:

— Я старшая группы, и тебя в неё не звали, вали отсюда, а то...

— А то? — мягонько переспрашивает Палач. С самой казнящей улыбочкой. — Пустишь в ход атархэ? Или вызовешь Гриз? Опасаюсь, что она как раз включит меня в группу — если учесть, насколько плачевно у вас обстоят дела.

Рукоять под пальцами греется и дрожит — стоп, нельзя. Если разорусь от злости и бессилия — этому же подонку хорошо сделаю.

— Человеческих жертв не было, показаний на устранение нет.

— Устранение? — Нэйш достаёт с пояса дарт. Показательно крутит в пальцах, приподняв брови. — Кто говорит об устранении. Я собираюсь просто... слегка понаблюдать, скажем так. Если вдруг возникнет непосредственная опасность...

— Будто я не знаю, что для тебя лишний шаг — опасность!

— Это всё-таки пьяный яприль, Мелони, — с издевательски серьезным видом сообщает Нэйш. — Кто знает, что случится, если он окончательно выйдет из-под контроля. Кстати, какие у вас варианты его поимки?

— Варианты? — кипит Пухлик. — Черти водные, ты что — думаешь, у нас их несколько? Ну, конечно, это же моё хобби — протрезвлять чёртову свинину, которая квасит, как мой дядька Трэйдон по праздникам...

Позади слышатся звуки допивания недопитого и дожирания недожранного. Отодвигаются стулья, хлопают двери. Под тихое: «Да ну их, этих... говорят, это «морильщики» с Севера, они там все отмороженные».

Мясник только что не светится от самодовольства.

— Спокойнее, Лайл. Насколько я понял — бесполезно его протрезвлять, пока в окрестностях полно вина. Именно потому, что он слишком уж полюбил...

— ...заливать за воротник, ага.

— У них есть воротник? — в ужасе спрашивает Липучка. — Мел?! У них что, есть воротник?!

— Сейчас и у тебя не будет.

— Деточки, деточки, — Пухлик поднимает мясистые ладони. — Никто никого не убивает, ладно? Во всяком случае, до той минуты, как мы не обратим к благу трезвости местного почитателя винных традиций. Да, свиночке понравилось расслабляться. К сожалению, теперь она ещё и знает, где найти настоящее винишко. С учетом нападения на давилку — рано или поздно она и в поместье Вельекта заявится. Где и нанесёт непоправимый урон алкогольной торговле в стране.

Всё бы ему шуточки дурацкие.

— Его ранить могут, — подаю я голос. — Вельект разошелся... если решит нанять еще каких южан-охотников — могут задеть.

— Понятно, — говорит Нэйш. Без нажима, но с нехорошим блеском в глазах.

Раненый яприль — это бешенство. Бешенство яприля — это снесенные деревья, разбитые дома, затоптанные люди.

И устранение.

— Снотворное на него не действует, отрезвляющее действует, но...

— Недолго, — хмыкает Пухлик. — И всё равно трюк повторить не удастся. У Аманды запасы вышли, новое ей варить дней пять, в округе нигде не достанем такого количества.

— Не в том дело, — обрубаяю. — У яприлей тонкий нюх. Если ему не понравилось отрезвляющее — он на него и не купится.

— Боженьки, ну вот точно мой двоюродный дедушка Серлин — раз попробовал и потом ни в какую...

Липучка занимается тем, что пытается приманить хозяина. И изображает бутылку.

Хозяин из-за стойки тоскливо мотает головой и косится на нас.

— Усиленное снотворное из некрозелий?

— А ты знаешь, как эта дрянь на него подействует?

Некрозелья — сложные составы. На крови, с добавлением мертвой плоти. Опасная штука, такое в последнюю очередь нужно использовать, если животное вне себя.

Мясник зависает над своим блокнотиком. Пухлик бормочет:

— Ну да, куча зелий тоже идет с пометкой «не принимать с выпивкой»... В принципе, мы могли бы его накачать *этой* дрянью, — Ворошит в миске рыбную бурду. — Хотя не знаю, как там было бы с выживаемостью.

Минут двадцать пытаемся к чему-нибудь да прийти. В дурном вопросе «Как вырубить здорового яприля-пьянчужку». Результаты — чуть больше, чем ни шнырка.

— Сдаюсь, — разводит руками Гроски после того, как перебрали все основные ловушки и зелья. — От себя могу только предложить завязать с ним дружбу и научить культуре выпивки и закуски. Ну, или посадить на что-то другое.

— Или ухлопать дурацкими шуточками, — бормочу я.

— Или всадить нож ему в спину, когда он отвернется, — сладко улыбается Мясник.

— А поможет? — оживляется Пухлик.

— Нет, но могу подсказать более полезные направления удара.

Я их обоих грохну в конце концов. Похоже, придется дожидаться, пока Грызи разгребется в Энкере.

Липучка бросает попытки изобразить жажду в пантомиме и разворачивается на стуле к нам.

— Пойдите... пойдите... кажется, меня осенило! Почему не вообразить, что яприль — это человек? Просто пьяный человек...

— В двадцать пудов весом, — подсказывает Гроски, опершись щекой на ладонь. — С рылом, изумрудной шерстью и четкой установкой «Крушить!» — когда поранится.

— Ограниченность, — тычет в него пальцем Лортен, — ограниченность разума — это порок! Ничто не преграда для метафоры! Ни пуды, ни рыла... ни шерсть. Важно внутреннее родство! Все пьяницы — родственные души. Между прочим, из поэмы... хотя, может, это и мой афоризм, в любом случае, стоит записать. Так вот, если мы проведём аналогию между человеком и яприлем — мы поймем, как яприля можно излечить от пьянства!

— Ну, мы можем подождать, пока он отчаётся, — бормочет Пухлик, зевая. — Начнет занимать у всякой швали, пустится в азартные игры, окончательно опустится и, глядя на слёзы своей жены, задумается о своей непутёвой жизни. Или мы можем найти хорошенькую яприлиху, которая его полюбит и вызволит со дна свинообщества.

— В общем, представим, что это — яприль, а яприль — человек, — не сдаётся Лортен, тыкая в миску с мерзкой бурдой.

— Он мне глубоко антипатичен, — выдает Гроски.

— Верно! Потому что он пьёт. Он пьёт, а после того, как выпьет — он делает что?

— Ищет грязных утех? — предполагает Пухлик.

— Идёт вразнос, — говорю я.

Нэйш молчит и смотрит. Кажись, он уже на нас новый каталог в голове составил.

— Вразнос! — буйно радуется Бабник. — А нам нужно что? Чтобы он спал.

Вываливает бурду в миску Пухлика. И переворачивает свою.

— Но с другой стороны — почему же он тогда не спит?

— Потому что душа просит компании? — предполагает Гроски.

Тут я на него цыкаю. Потому что за всей этой мутью начинаю различать — вот странно-то — мысль.

— Он спит. Когда мы к давилке прибежали... он почти уснул. Там, в погребе Вельекта. Просто потом перепугался, вскочил, ну и протрезвел наполовину, видимо. Значит, его всё-таки вырубают от алкоголя. Просто в случае с отходами из жмыха — градус ниже. Да и не съест он столько. Вот он и веселится, пока его не сморит.

— То есть, он вроде как в подпитии? — переспрашивает Пухлик. — Весёлый пьянчужка, который лезет, к кому ни попадая, потому что у него в кармане было только три медницы, и хватило только на одну бутылку?

— А если б было пятнадцать медниц — он бы залился до горла и уснул под столом.

— А эту аллегория уже я не понял, — выдыхает Лортен.

— Насколько я понимаю, — любезно поясняет Мясник, — они собираются подобное лечить подобным.

— Вызвать вторую пьяную свинью?!

Пока Палач просвещает Липучку, мы с Пухликом считаем.

— Сколько понадобится? Боженьки, Нэйш, да одолжи ты листок, а то она прямо по столу вырезает.

— Двадцать пудов... с учетом степени в подвале Вельекта... Галлонов шесть в него влезет только так. Но если не доберем до нужного градуса, рискуем огрести проблем.

— Ясно, валить с одного разу, чтобы надежно. И если воспользоваться методом аналогий...

— Я знал, что ты оценишь!

— ...то может, нам нарушить первое правило алкоголика?

Липучка затыкается. И вид имеет малость ошеломленный.

— Ты же не о том, чтобы...

— Да, — Пухлик встает — нет, прямо-таки вырастает над столом. — Я. Предлагаю

Смешать.

Компания пьянчуг, которая еще не утянулась за дверь, давится спиртным.

— Ему это может повредить, — обрубая я.

— Отчаянные времена требуют отчаянных решений. Эй, хозяин?

Бедолага притаскивается с двумя разносчиками за спиной. И на всякий случай — со шваброй в руке. Готовый обороняться от злых северных морильщиков.

Гроски убивает хозяина наповал широчайшей улыбкой.

— Мы, знаешь ли, дозрели для заказа. Десертное имеется? А крепленое? А настойка?

— У тебя деньги-то на это всё есть? — спрашиваю устало, потому что Пухлик пышет уверенностью так, что и в меня попало. — Или к Вельекту пойдём?

— Я заплачу, — Нэйш кидает на стол золотницу. — Думаю, за такое зрелище можно и больше отдать. Теперь ты понимаешь, почему я хотел составить вам компанию, Мелони? Ты же не представляешь, чтобы кто-то хотел это пропустить?

— Я представляю, — откликается Пухлик. — Вот я лично хотел бы быть в Энкере.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

— Я говорил вам! Предупреждал... вас...

— Он скрывал ладонь. Хм.

Она меня не слушает. И голос учителя Найго звучит словно из морской пучины — почти не слышен за стуком крови в висках, за раздражением, за осознанием того, что Арделл не просто невыносима — она невыносима совершенно, полностью, на сто процентов, она...

— Я вас предупреждал — это не кончится ничем хорошим. И теперь вот...

Теперь я вынужден тащить на себе бессознательного законника, поскольку транспортный артефакт не развернётся в узком коридоре.

— Потихе, господин Олкест. Не приложите его головой. И хозяйку не разбудите. Кстати, надо будет придумать обоснование — почему он здесь.

— Вы... ваши авантюры...

Капли пота сползают по лбу, ломит плечи — законник оказался тяжёлым — и край неба уже трогает рассвет, и остатки первых суток в Энкере невыносимы, в точности как Арделл. Они наполнены унижительными шныряниями по темным переулкам, попытками скрыться не пойми от кого и долгими поисками транспорта — чтобы можно было доставить тело законника (хотя какое тело, он же дышит) до квартиры... И бесконечными вопросами, раздражающими и терзающими, будто колючие водоросли в окрестностях Рифов.

К тому времени, как мы добрались до квартиры, я уже знал, что сегодня выскажу Арделл всё — начиная от её манер и треклятого господина Нэйша, заканчивая нынешней ночью. Я забыл учителя и его слова, мне опротивел этот мусорный, пропитанный плесневыми бреднями город, меня тошнило от заветренных тайн, и я истекал раздражением на проклятую варгиню, ничего не объясняющую, бросающуюся короткими, резкими приказами и абсолютно, полностью невыносимую.

— Не в эту комнату, несём туда, где камин, — Единый, да как она вообще ещё разговаривает, с такой-то ношей?! — Так, грузите. Осторожнее грузите, не дрова несём. Хотя, конечно, если подумать... уфф, ладно. Сходите, спросите, есть ли у хозяйки бинты. Нужен таз с водой, чайник с кипятком или кастрюля и хорошо бы какой-нибудь алкоголь. Я пока что его осматриваю.

Я замер, понадеявшись, что это не то, что я себе представил. В конце концов — едва ли даже варг будет шагать через определенные устои общества.

Арделл явно прочитала выражение на моем лице как-то неверно.

— Господин Олкест, я правда понимаю. Но давайте вы на меня наорете через полчаса, а лучше через часик? Пока что нужно здесь разобраться.

Я распахнул дверь, стараясь не думать о том, что оставляю Арделл в довольно щекотливом положении — с бессознательным, малознакомым... законником. Как раз то, что госпожа Венейг именовала «Крайне Компрометирующей ситуацией» — впрочем, можно ли скомпрометировать ту, у комнаты которой обретается проклятый господин Нэйш (какого вира я вообще постоянно сегодня о нём вспоминаю?!).

Хозяйка была пьяна и спала на крошечном диванчике прямо в кухне — первое везение за сегодня. На плите исходила бульканьем кастрюля — наполовину выкипевшая. Пришлось

переломить себя и порыться в шкафчиках — напоминая, что мы непременно за всё заплатим. Нашлось полбутылки скверного рома из Велейсы Пиратской. Таз отыскался в уборной.

Вернувшись в комнату, я едва не выронил из рук таз, в который поставил бутылку и кастрюлю.

— Осмелюсь заметить, — голос вышел на диво ровный, — вы разделите законника.

— Мгх, — ответила Арделл, — чёртовы форменные пуговицы. И зачем, спрашивается, он надел жилет, на слезку-то?!

Жилет валялся на полу — поблескивал серебристой каймой. Рядом была небрежно брошена закрытая чёрная рубашка. В то время, как глава ковчежников занималась тем, что сама она полагала осмотром.

Выглядело как ощупывание. Бесцеремонное и отстоящее от элементарных приличий далеко, как нойя.

— В самом деле, как возмутительно, — согласился мой голос (только высоковатый какой-то). — Не мог обойтись разумным минимумом одежды, чтобы облегчить вам работу. Скажите, это для вас нормально?

— Проявилка.

— Что?

— Артефакт проявляющий, говорю, не взяла, — Арделл нагнулась к самой груди распростертого законника и хмыкнула почти торжествующе. — Всё принесли? Ага, на стол поставьте. Что там для меня нормально?

Я повел рукой, обозначая... даже не знаю, только ли последние несколько часов.

— К примеру, раздевать законников. Устраивать такого вот рода осмотры. Госпожа Арделл, а вы вообще знаете о Постулатах Телесной Нечистоты?

— Идиотизм какой. Откуда эта дрянь пошла, из Эрдея? С тамошних жрецов бы сталось заявить, что всё телесное греховно. Удивляюсь, как это вообще прижилось в других странах, особенно в Вейгорде.

Проговаривая всё это как бы между делом, она нырнула к креслу, туда, где оставила наплечную сумку. Порылась в недрах, глубоко засунув в сумку руку и сквозь зубы сетуя, что «Ну да, ну да, женская сумочка — пол-яприля можно запихать». Достала небольшой коричневый футляр, заполненный пузырьками, плотно закупоренными и укутанными в мягкую ткань.

— Посмотрим, что смогу сделать, — объявила невыносимая, выдергивая из футляра несколько пузырьков разом. — Я не Аманда, под рукой — минимум, но посмотрим... На чем мы остановились? А, на эрдейских постулатах. Говорить о теле неприлично, расстегивать пару верхних пуговиц — ни-ни, обнажать руки выше локтя или запястье грешно, про ноги я вообще молчу — чем больше ткани наматываешь на этот элемент физиологии, тем благополучнее будешь выглядеть в глазах тех, кто эти самые правила чтит.

Половину кипятка она выплеснула в таз, опрокинула в кастрюлю ром и принялась вливать следом того и этого из своих пузырьков. Над кастрюлей вился ароматный, приторный пар, и Арделл в какой-то момент укуталась им, и стала выглядеть, будто хозяйка, которая решила встретить мужа любимым блюдом.

— А на деле — вот что: докторов мешают с грязью, нет ни одного заведения, где нормально бы изучали анатомию... Мощных целителей на всю Кайетту — разве что Кормчая да Арианта Айлорская, а при храмах Премилосердной Целительницы... я даже не

знаю, они хотя бы врачуют зубную боль?! Зелья, кровопускания и ампутации — вот и весь арсенал медицины, а? Спасибо пресловутым Постулатам Нечистоты — родные времена доктору даже ощупать больного не дают. Если б вы знали, как эта дрянь осложняет жизнь! В Вольной Тильвии и среди простого народа еще можно как-то обретаться, но как выйдешь в приличное, чтоб его, общество...

— О, ужасные запреты со всех сторон, — помог я. — Бессмысленные устои морали и нравственности, которые надо бы отбросить подальше, верно? Постулаты Телесной Нечистоты, Постулаты Общественных Приличий, Постулаты Целомудрия — всё это не более, чем рудименты, а? Годны только на то, чтобы таким, как вы, жизнь осложнять.

Учитель Найго тоже твердил о том, сколько вреда принесло упование только на зелья и силы целителей. Но эта её правота была хуже всего, даже полураздетого законника на съёмной квартире. Что-то, поднявшееся будто шторм, кричало во мне, что эта невыносимая не может быть права, не после этой ночи, и изменившейся Мелони, и...

Бах. Арделл опустила на крышку кастрюлю. Развернулась и подняла на меня взгляд, задумчиво потирая ладони.

— Если мы уж дошли до *таких, как я* — а мне кажется, что вы не варгов имеете в виду — то валяйте, высказывайте сразу уж всё. Минут десять у нас есть, пока осадок не выпадет — проведём их с пользой. Вас не устраивает, что я далека от норм высшего света?

— Высшего света?! — Единый, а ведь пообещал себе не кричать, хотя столько раз за ночь хотелось. — Да что вы вообще знаете о нормах?! Да вы... плюёте на все приличия, на любые законы, вы... алапардов украли, и этот спектакль на улице... а теперь у вас в комнате валяется раздетый полумертвый законник!! Которого мы, к тому же, направили по ложному следу. Да вы с вашими методами — это...

— Рифы? — понимающе спросила Арделл.

— В-в-велейса Пиратская!

— Фрезе бы понравилось такое сравнение...

— Для вас это смешно, не так ли. Книжный мальчик из аристократов, да что он может знать в жизни — я знаю достаточно, чтобы понять, насколько вы... с этим вашим кнутом и умолчаниями... и наплевательством на законы... насколько вы...

— Невыносима, — подсказала Арделл.

— И если вы думаете...

Остановись, Рыцарь Морковка. Она едва ли поймёт — зелень в глазах сверкает колким, насмешливым блеском. И всё же, не следовало бы говорить такое в лицо женщине. Помни хоть о каких-то приличиях...

— Господин Олкест, вы, кажется, забыли дышать. В последний раз на моих глазах так раздувалась Пышечка — знаете, яприлиха наша. Когда ей по недосмотру вольерных перепало лишнее ведро гороха. Тут тот же принцип — чем скорее это из вас выйдет, тем меньше будет проблем в будущем.

Что? Да как она...

Арделл усмехалась едва заметно, но всё равно хлётко.

— Просто хотела показать, что я не леди. На тот случай, если вы ещё не поняли. Так что давайте, высказывайтесь уж о моей персоне до конца. Я не могу с вами работать, когда вы весь источаете молчаливое осуждение — источайте его хотя бы вслух!

Что-то внутри шептало насмешливо голосом Мелони: «Эй, Рыцарь Морковка — куда понесся? Придержал бы упряжку на поворотах», но я только тряхнул головой, скрестил руки

на груди, глядя на это несуразное, невыносимое создание. Она призывает к прямоте? Отлично, вот и повод выложить всё начистоту.

— Прекрасно. Я договорю. И если вы думаете, что я оставлю Мелони в компании кого-то вроде вас — с вашим образом жизни и вашим... моральным обликом — вы глубоко ошибаетесь. Мы не сможем договориться. Я не дам на неё влиять особе, которая ведёт себя как... как...

— Шлюха.

Слова и мысли смылись девятым валом паники: я же не мог это сказать, я не планировал такое говорить, я не... она сказала это сама?

— Впрочем, наверное, не так, — прислушавшись к себе, заметила Арделл, — судя по вашему лицу — вы вряд ли выбрали бы этот вариант. Взяли бы что-нибудь из книжного стиля: падшая женщина? Или как... распутница? Аманда говорит — я мало книг читаю.

— Зачем?

— Зачем мало читаю или зачем пытаюсь подобрать слова вместо вас?

— Нет, я имел в виду — зачем вы... В отношении нойя меня такое не удивляет, но вы... так губить себя...

Варги живут как животные — не имея стыда перед обществом и высшими законами. Так говорили книги — те, которые врал, что у таких, как она, нет совести, что они тупые, необразованные отшельники, что она — она! — живёт только инстинктами. Книги были написаны не о ней — но она-то должна была понимать, в какое болото тянет женщину порочная связь!

— Господин Олкест, я, конечно, уже настроилась давать ответы, но всё-таки спрошу: вам-то какое дело до моих отношений с Рихардом Нэйшем? Думаю, это уж мои проблемы — с кем спать.

— Да. Это ваши... проблемы.

Только вот Мел заглядывает вам в рот с и незаметным, неявным придыханием повторяет ваши слова — как слова оракула. В вашем питомнике можно было бы закрыть глаза на многое. На шуточки вольерных и на пьянки Лортена с девушками, которые носят цветки на корсаже, на байки Гроски, и на поведение нойя, и на похождения проклятого господина Нэйша. Можно было бы закрыть глаза, если бы вы оставались в стороне. Потому что никто из них не важен для Мел. Но вы — важны.

— Даже если не говорить о вашем примере и о влиянии, которое вы оказываете на других — вы разве не думали о том, какое влияние это оказывает на вас? Разве не знаете, что Постулаты Целомудрия строятся отнюдь не на ханжеских постулатах, а на важнейших принципах соединения энергий? Но ведь это же доказано давным-давно...

Возможно, Раккант и его королева погрязли в ханжестве и мало общего имеют с истинным целомудрием. Но научные фолианты, описывающие принципы действия Постулатов, — дело рук не только философов, но и учёных, которые начали бить тревогу ещё три столетия назад. Падение уровня магии напрямую связано с падением нравов: нельзя просто так отдать себя человеку и не получить ущерба. Невозможно вступить в плотские отношения без любви — и жестоко за это не заплатить (не говоря уж об извращениях половой природы, за которые платить приходится особенно дорого). Ведь не зря же после Полного Брачного обряда муж и жена начинают не только чувствовать друг друга — Дар прирастает у обоих! У тех, кто соединён Полным Брачным, рождаются одарённые дети — и именно чистота женщины играет в союзе не последнюю роль, даже если обряд и не был

проведён. И именно поэтому считается, что женщина должна побережь себя для будущего брака — чтобы на детях не остались отпечатки порочной связи, чтобы сам брак смог быть полным и долговечным, чтобы...

Я говорил, закрыв глаза. Если вдруг открою, а она засмеётся — я ведь собьюсь. Или опять засмотрюсь — на пальцы, все в застарелых шрамах и укусах, или на каштановую прядь на щеке. Я тщательно подбирал слова, я старался вложить в них всю свою убедительность — и слышал, как они улетают. Реют потерянными чайками — в штиле комнаты, догоняют одно другое.

«Дурrrrrрак ты, Рыщарь Морковка», — вдруг приложил голос Мелони так явственно, что я оборвал незаконченную фразу и открыл глаза.

Мелони не было в комнате. И Арделл не смеялась. Смотрела с тихой, ласковой улыбкой — и даже как будто любовалась чем-то.

Стало почему-то стыдно.

— Господин Олкест, вы, видно, ничего не знаете о варгах? Я имею в виду — наши обычаи, особенности физиологии. Цикл размножения.

Варги приходят из лесов и похищают женщин, — услужливо подсказала толстенная «Антология» в голове. Теперь я доверял ей меньше, чем пьяным бредням Лортена.

Арделл тихонько вздохнула, потёрла озябшие плечи и подошла к камину — заново его растопить.

— Мужчин в общинах часто называют сеятелями. У них, знаете ли, особенная миссия — распространить как можно больше своего семени. По достижении двадцати лет те из варгов, которые признаны достаточно сильными и талантливыми, уходят из общины в мир. Продолжают учиться, находят работу. Но главное — они стараются произвести как можно больше потомства, желательно — от разных женщин. Нет, никакого насилия, а вот обман бывает очень часто — не все озвучивают женщинам, что они варги. И не все говорят, чем может кончиться — некоторые женятся, конечно, как Патриц Арнау, но это скорее исключение.

— Варги не вьют гнезда...

— Да, это об этом. — Она сунула в народившийся огонечек тонкие веточки растопки, — Часто после рождения ребёнка или даже до него варг уходит дальше — сеять свои подобию... неудивительно, что нас не любят. Результаты... чаще всего — обычные дети. Проходят Посвящение у Камня, получают Дар. Варгом рождается приблизительно каждый тридцатый ребёнок. Иногда, правда, это передаётся через несколько поколений — и тогда варг рождается в семье магов, где у одного из родителей, скажем, варг дед или прадед.

— И... дальше?

— Одно и то же. Рождение такого ребёнка чувствует каждый. Наставники варгов способны чувствовать и место. У матери всегда только два варианта: отдать ребёнка или уйти в общину с ним. Воспитывать варга в городе, вне общины, невозможно: случайная вспышка Дара может убить.

Пламя не давало тепла: отдёргивало пальцы от рук варгини, как от проклятой. Слова гуляли по комнате ледяными вихрями. О детях с искалеченными судьбами. О матерях, которые вынуждены отдавать детей — чтобы те тоже стали «сеятелями»...

— Они... отдают детей?!

— Некоторые. Моя мать не смогла расстаться со мной — ушла в общину, стала помогать... — Она стиснула ладонь, которой старалась зачерпнуть хоть немного тепла. Не

глядя на меня, медленно вернулась на своё место возле стола. — Но если детей отдадут — воспитанием их, подготовкой, раскрытием им секретов мастерства — занимаются женщины-варги.

— Но разве у них самих...

— Нет. Это... нарушение в организме, признак вымирания расы, — Она почему-то задумчиво погладила свою ладонь. — Вы же слышали — варг не должен проливать кровь. Женщины варгов лишены лунного цикла очищения крови — иначе животные бы раз в месяц сходили рядом с нами с ума. И по этой же причине мы бесплодны. К размножению способны только мужчины и только с женщиной-магом.

Камин, наверное, разгорелся слишком ярко — наполнил комнату неуместной духотой, щёки и лоб загорелись, и захотелось рвануть ворот рубашки. Или высунуться в окно, глотнуть воздуха — жаль, не морского...

Внутри была туго скрученная пружина — сжатые намертво жалость, гнев... ужас. От того, как она говорила это. Будто о чём-то естественном. Без сожаления, спокойно, будто описывая размножение животных в питомнике. Вот, даже улыбнулась задумчиво.

— *Матери мира* — так нас называли терраанты, когда ещё общины держали с ними тесную связь. Нам не дано выносить и родить, но дано спасать и воспитывать. Руководят общинами мужчины, но хранительницами мастерства всегда были женщины. Лечение животных и взаимодействие с ними во многом на нас. И наставничество — при каждой общине есть та, кто руководит обучением ... ладно, я что-то не о том.

Она подняла жилетку Тербенно, потом сюртук и плащ. Внимательно, расправляя складки, повесила на стул. Выговорила чеканно и тихо:

— Понимаете, господин Олкест, так уж вышло, что мне не для кого себя беречь. Детей у меня не может быть, а брак... Были случаи, когда ушедшие из общин девушки-варги выходили замуж, только вот это были несчастливые и недолгие браки. Помимо того что их мужьям рано или поздно начинало хотеться наследников... самих варгинь тянуло в леса, в горы, в зверинцы. К своей сути. Варги не вьют гнезда — сказано не только о мужчинах. Так что, я думаю, вы можете уже перестать тревожиться за мой моральный облик. Господин Олкест, вам плохо? Может быть, воды?

Воды... солёной и морской — и свежий ветер, рвущий волосы, и чтобы грудь наполнилась воздухом, потому что сейчас в ней — свинец...

— И вы никогда не хотели?..

Показалось — под тёмными ресницами, в глубине зелени таится печаль. Прячется среди зелёных разводов, опасается выглянуть — выдать.

— Вы слышали песню Аманды об алапарде, который захотел луну? Хотеть то, чего у тебя никогда не будет — не слишком-то разумно. Заставляет забывать о том, что у тебя действительно есть. Я вам уже слишком многое сказала, господин Олкест. Очень надеюсь, вы понимаете, что я сделала это не для того, чтобы вызвать жалость. На следующую беседу о нравственности я приглашу господина Нэйша. Он обожает рассуждать об... отвлеченных понятиях.

Пылал камин. На кровати неподвижно разлёгся словно окостеневший законник, рука свесилась, открывая знак Музыки на ладони... И стояла хрупкая, раннеутренняя тишина, и я не знал — как нарушить её. Следил, как тонкие пальцы в щрамах сдвигают крышку с кастрюли, и ароматный пар прогонял изнутри тяжесть, но приносил внезапный лёд: что я наговорил, зачем вообще зашёл так далеко, вёл себя как мальчишка, это полное...

— Дно, — сказала Арделл, когда я открыл рот, чтобы извиниться.

— Ч-что?

— Осадок выпал, дно поменяло цвет. Видите? А теперь разрежьте-ка наволочку.

В любом случае, нам предстояло платить хозяйке слишком за многое. Я молча стащил наволочку с подушки — осознавая себя всё более по-идиотски. Из-за того, что начал вообще не с того.

— Воздействие похоже на одну из охотничьих артеловушек, — сообщила Арделл. — Зверь отключается, будто костенеет. Вены вот проступают, как здесь. Только тут какая-то новая разновидность.

— Туман?

— Ага. Артеловушки его не дают. В общем, он к ночи должен очнуться, только мышцы будут побаливать, так что... давайте сюда ткань. Мочите вот так, растираете его поверху, должно снять побочки. И да, ноги тоже нужно растереть. И если вы не хотите допускать меня к этому деликатному делу...

Я заверил (как можно более легким тоном), что мне можно поручить растирание законника. К чести Арделл, она не ввернула шуточку наподобие «Неужели вам не кажется это неприличным».

— Из полос ткани потом наложите компрессы туда, где жилы проступили, — и уселась рядом с кастрюлей за стол, задумчиво катая в пальцах... что там, стеклянный шарик? Аптечный пузырёк? Сувенир?

— А... что вы будете делать?

— Поразмышлю. И надо будет с Мел связаться, узнать, как у них там.

Ангелы Единого — я совсем забыл, что Мелони тоже на выезде. Что там бешеный яприйль... что, может быть, ей грозит опасность.

Ромовый запах зелья клонил в сон. Я выполнял работу молча — стараясь сосредоточиться на том, что было ночью, на алапардах, на Ребенке Энкера — и мысли ускользали и размывались, плавали словно в дыму или в том самом густом, сером тумане. Вытесненные иным — жуткими откровениями о варгах.

Знал ли хоть кто-нибудь из тех, кто писал монографии и энциклопедии? О «сеятелях», о том, как варги ощущают рождение и смерть? О бесплодных женщинах и о женщинах, отдающих детей?

«Быстрый расцвет, медленное увядание, — сказала Арделл, когда мы прибыли в город. — Некоторые полагают, что это скорее плата...»

Теперь я знал — за что. Но что-то во мне так и не желало примириться с этим. С тем, что именно ей выпала такая доля. *Не для кого себя беречь.*

В комнату наконец-то пролилось утро — просочилось с неохотой через латаные занавески лавандового цвета. Комната разукрасилась сиреневыми оттенками: разворошенная кровать, разбросанная одежда законника. Догорающий камин и застывшая за столом Арделл — взгляд устремлен в пространство, губы сжаты. Тербенно тоже не шевелился — но сердце у него стучало ровно и чётко. Я наконец-то соорудил компрессы, прикрыл Крысолова пледом и принялся собирать одежду со стула. Повернулся, чтобы отнести в шкаф — и встретил пристальный, изучающий взгляд Арделл.

— Я мешаю?

Она медленно покачала головой. Подняла руку, раскрыла пальцы.

— Вы, случайно, не помните, у него на ладони была Печать?

— У этого... Ребенка Энкера? Если помните, я же полз по улице, спасаясь от вас и от алапардов... и орал, между прочим. А вы... Хотя нет, вы бы тоже не увидели, у него были такие рукава, что можно было рассмотреть только пальцы.

— Именно, — пробормотала Арделл. — Только пальцы.

— Он пытался скрыть чистую ладонь? Скрыть, что он варг?

— Пытался скрыть ладонь, ага. Но не то, чего на ней нет, а то, что есть...

Разумеется, в случае с Чудом Энкера любая Печать будет выглядеть глупо — разве может посланник небес... или демон... или варг, кем бы он ни был, носить на ладони знак Камня? Меч, линию ветра или пламени?

— То есть вы и его считаете фальшивкой? Как и этих... злонамеренных варгов? Но в таком случае — зачем кому-то этот спектакль? Это всё как-то слишком...

Арделл встрепенулась, будто осененная какой-то догадкой. И в ту же секунду на меня свалилось осознание.

— Постойте, но алапарды? Вы, говорили, что кто-то перехватил контроль...

Жаль, что я так мало вслушивался в её мимолетный шепот нынче вечером. Меня слишком занимал бессознательный законник, которого придется куда-то там тащить.

— Там был еще кто-то, — выговорила Арделл почти торжественно. Поднялась, сматывая и разматывая кнут, и начала нетерпеливо мерять шагами комнату. — Там, в переулке. Кто-то наблюдал со стороны, и это он перехватил у меня контроль над животными. Только вот...

Дальше она продолжила оживлённую беседу с собой, а может, с кнутом или с пламенем. Расхаживала с нахмуренными бровями, бросая время от времени в пространство: «Да, почти уверена, но...» или «Хм!» — самым многозначительным тоном.

— Может, вам стоит хотя бы немного отдохнуть? Вы сутки на ногах...

— Двое суток, вообще-то.

— А еще вы только что изображали злого варга... и совсем не дело для девушки таскать по подворотням законников...

— Аморально? — спросила Арделл, таращась куда-то в огонь.

— Тяжело. Он же ростом шесть футов.

Арделл взглянула на Тербенно так, будто только сейчас осознала этот факт.

— Ладно, вы правы: с меня сейчас проку мало. Придётся сделать перерыв хотя бы до полудня.

Окинула задумчивым взглядом кровать, на которой распластался законник, перевела взгляд на ковер и добавила взвешенно:

— Думаю, подушек тут вполне достаточно... — я невольно поперхнулся. — Боги, ну что я опять не так сказала?! Тербенно точно не в состоянии покуситься на мою честь. Или вы за него волнуетесь?

— Просто считаю, что вам будет удобнее в соседней комнате. Там... ванная ближе. И я лучше... знаете, присмотрю за ним: вдруг ему станет плохо, или вдруг он решит очнуться пораньше. Мне так будет спокойнее. Да.

— Прекрасно, — отозвалась Арделл. — Спасибо.

И вознамерилась просто пройти в соседнюю комнату, и тут я вспомнил о самом важном вопросе.

— А что мы вообще с ним сделаем? Получается, мы вывели его на ложный след, потом втянули куда-то, где его оглушили, потом мы притащили его сюда...

Арделл пожалала плечами.

— Ну, вдруг пригодится, — бодро заявила она. — Никогда не знаешь, в каком деле может понадобиться законник, верно?

Я порядком онемел от этой фразы. Настолько, что даже не попытался побеседовать с Мелони, когда Арделл соизволила её вызвать. Настолько, что почти пропустил мимо ушей странные намёки варгини: что-то про мэра и полнолуние.

И только уже пытаясь уснуть на ковре возле Тербенно, я понял: глава питомника явно сообщила мне не всё, о чём догадалась.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Среди переулков на окраине Энкера приходится поплутать. Поприставать к извозчикам и торговцам, поманить даже парочку гадалок нойя звоном монет. Нойя дружно качают головой, щёлкают языками: «Ай, вижу, человек твоих мыслей далеко-далеко».

Добрых три часа она меряет ногами мокрые улицы. Мелкий дождик распугивает народ, и закутавшийся в водную пыль Энкер приобретает таинственный, древний вид: норовит утащить в лабиринт переулков, закружить среди храмов и молелен и посулить разгадки всех тайн.

Спасибо, — хмыкает Гриз, накидывая капюшон на голову. — Всех, пожалуй, не надо — мне бы одну...

— А, долбанутый Мастер, — радостно машет рукой уличный босяк. — За медницу проведу!

И верно, проводит: до сколоченной кое-как ветхой лавчонки, на которой ещё виднеются следы надписи «Мясник» — просто пять букв затерли, оставили только первую.

— Плохая покупательница, — говорит Джемайя, когда она входит. — Та, которой ничто не нужно, потому что мир с нею.

Проход узкий, и со всех сторон — с полок, стеллажей, витрин — на тебя набрасываются вещи, вещи, вещи. Оружие-атархэ, и разноразмерные, разнокалиберные амулеты — камни, оплетённые в медь и серебро, и голубоватые «водники», прозрачные шары-«проявилки» для лекаря, и резные Водные Чаши — каменные и деревянные, подешевле и подороже... Всё слитно и перемешано, обвилось друг вокруг друга и вросло в тело старой лавки. Напиталось пылью и запахами воска и горечи. Всё несёт на себе касание одной и той же Печати.

— Трудно было тебя найти. Ты разорвал связь после того, как сказал мне насчет явления Ребенка и алапардов. Не сказал даже — где обосновался.

— Энкер не Дамата. Я знал, что ты найдёшь меня, если нужно.

Джемайя — мелкий и сгорбленный, весь зарос клочковатым, буро-седым. А пальцы — гладкие, чистые, молодые.

— На вызовы тоже поэтому не отвечал?

— На вызовы... работал. Такое нельзя прерывать, — Мастер поворачивает ладонь, где поверх Печати разлеглись два серебряных колечка с древними знаками по ободу. На каждом высечен феникс, распахнувший крылья. — Кольца Полного Брачного. Такое просят редко, нужно со всем уважением... Радость для Мастера! С них взял только девять золотниц. С тебя возьму три, договорились?

— Договорились, — мягко отзывается Гриз. — Как только вдруг соберусь примерить огненные крылья...

Джемайя смеётся смехом сверчка. Смехом дров, трещащих в пламени. Поднимает на неё серебристые бельма глаз и беззубо улыбается.

— Как называет тебя этот твой... который любит бабочек? Ну-ну. Я не вижу, зато слышу хорошо. Сейчас вот слышу — ты хмуришься, потому что назвал его твоим. Не буду больше. Как этот... не-твой ладит с палладартом, который я сотворил?

Гриз зажмуривается: слишком яркая картина перед глазами. Пропитанная даматским восточным солнцем и запахами перца и сладостей.

Вызов был связан с захворавшими единорогами знатного эйшеета-вельможи. Нэйша она с собой взяла, просто потому что сама ни разу не была в Дамате, а в лавку Джемайи их привели те, кто уверял, что «старик всё слышит и ничего не боится».

— Всё слышу, — согласился Джемайя — тогда менее седой и не такой сгорбленный, но уже совершенно слепой. — Рассказываю не всем. С кем мы всегда открыты? С друзьями разве что.

— Могу стать вашим другом, если хотите.

Он улыбнулся, откладывая в сторону не доделанный кинжал.

— Можешь. Твой знак говорит — можешь. Из тебя плохой покупатель, а вот друг — хороший. У меня есть сладости и чай.

И они пили чай и болтали — о варгах и о питомнике, о закрытом Граде Мастеров, о восточных пристанях и поделочных камнях, и об улицах Акантора. Они болтали обо всём на свете, а она ощущала, как старый Мастер с тонкими пальцами, Мастер-одиночка с каждым её словом проходит по внутренней крепости, проводит чуткой ладонью, по щербинкам стен...

О Нэйше она в какой-то момент забыла, а он сам ухитрился раствориться. В лавке, полной артефактов. Он тогда был у неё в группе уже около года, и она слишком хорошо знала эту его особенность: сливаться с местностью, даже без неподвижности. Просто чужой, праздный покупатель бесшумно движется вдоль полок, рассматривает оружие...

Потом Джемайя дёрнулся и едва не пролил чай. Выпрямился, вслушиваясь во что-то за её спиной. И она обернулась.

Это было как вспышка в полумраке комнаты. Среди тусклых отблесков меди и золота, среди блеска самоцветов — высверк белой молнии.

Он стоял у витрины — белый костюм и белые волосы — и касался кончиками пальцев хищного лезвия — и лезвие приветственно вставало навстречу, будто узнавая... Ползло на ладонь — левую, чистую, без знака Щита. И, позвякивая, ползла следом серебристая цепочка, и лицо Рихарда Нэйша было полно очарования и нежности.

Это был единственный раз, когда она видела его таким. Почти плачущим от восторга. — Сколько?

Высечено в памяти. Вышито бело-серебристым. Костюм, и волосы, и прильнувший к пальцам, словно ожидающий ласки, палладарт-атархэ.

Бельма, наполненные испуганным серебром.

— За такое не берут плату. Это «вдохновенный дар», истинное творение. Больше тридцати лет ждёт своего господина. Он твой. Бери.

Формула проста, — говорил он потом Гриз. Простейшие артефакты, такие как сквозники или водные амулеты — технология плюс Печать. Артефакты на заказ — атархэ или кольца для Полного Брачного — тонкая работа. Технология, Печать и видение. Нужно построить внутри себя образ заказчика. И выплывать артефакт под этот образ — словно

шьёшь костюм, который нельзя примерять, и оттого нужно особенно бережно...

Но есть то, что над формулами. Вдохновение. Приходит, когда не ждёшь, нашёптывает, что не спрашиваешь. Мастер становится в этот момент подобен пророку — или художнику, который представляет во сне лица, или поэту, озарённому строками, или композитору, на которого с небес снизошла музыка. Мастера видят *образ* — сплетённый и слитный, и, не в силах противиться, творят артефакт для того, кого не встречали ни разу, а может — и не встретят никогда.

Иногда атархэ. Иногда — кольца для Полного Брачного. Иногда — другое. «Вдохновенный дар» всегда совершеннее того, что сотворено по заказу. Мощнее. Лучше. Только вот сделан такой артефакт лишь под одного, и большая удача, если они с хозяином встретятся.

Устав Мастера запрещает избавляться от таких изделий, и они могут пылиться на полке столетиями.

— Иногда мне кажется — лучше бы ты не творил этот атархэ, — выдыхает Гриз.

Джемайя щёлкает пальцами, отправляет в полёт надтреснутые пиалы, призывает блюдца и заставляет закипеть чайник. Магия Мастера — та, что выгибает металл и ограняет камни, и вдыхает жизнь в предметы.

— Когда становишься Пальцами Высших Сил — нельзя не творить. Мастера — атархэ рока. Если кому-то надо, чтобы этот не-твой был вооружен — что мне было делать? Не отрубать же себе пальцы и не прокалывать Печать. Будешь даматские сладости?

Старик всё никак не отвыкнет — от восточных сладостей и церемоний, и неизменных бесед ни о чём — Гриз погружается в беседу, будто в терпкий чайный аромат гвоздики и муската. Греет пальцы о пиалу, катает на языке засахаренные орешки — и поглядывает на закопчённое, замасленное окно прямо над лысинкой Джемайи.

Все звуки Энкера живут на широком подоконнике. Сидят на тонких медных лапках. Мелкие пичужки, в полумраке можно принять за родственниц певчих тенн — только эти не золотятся, а бронзой поблескивают.

Восемь — малая часть от стаи. Остальные где-то на улицах: сидят на крышах, перепархивают по балконам и фонарным столбам, и впитывают в себя — семейные свары и пикантные сплетни, тревожные слухи и радостные вести...

Потом несут на крыльях хозяину.

— Мои щebetуны, — Джемайя, кивает в сторону подоконника, — сперва не всё уловили... а может, я не так слышал: сложно иногда бывает выделить главное. Много болтают, да... Сперва было только про Чудо Энкера и алапардов, потом уже и про этих варгов. Да варги ли это? Что-то уж слишком их много здесь — и слишком громкие. И неудачливые. А, плохая покупательница, как думаешь? А ночью... верно я слышал, что ночью там был ещё и законник?

— Он и еще кое-кто. Вот. Оставил сувенир. Послушай, пожалуйста.

Она передаёт то, что нашла в переулке: хрустальный шарик, темный и покрытый замысловатым узором.

Джемайя крутит шарик в длинных пальцах. Бельма устремлены в потолок.

— Ну-ну... материал неплох, для одноразовой работы. А сама работа хороша. С выдумкой и дерзкая. Две цели слил в одну сущность: тут тебе туман... да, вот боковые нисходящие... с цепенящей магией переплёл. Не слышал такого раньше, нет. Но старики таких знаков не вьют — у нас тоньше, дольше... тут кто-то молодой и скорый. С сильной

Печатью, хорошим Даром.

Кажется, он даже принюхивается к артефакту, ковыряет какими-то крючками, вновь и вновь проводит над ним правой ладонью. Опять принимается крутить в пальцах.

— И нет клейма Мастера.

— Вольный одиночка? Как ты?

— Вольные одиночки всегда ставят клеймо. Чтобы искали его самого, а не обращались в Мастерград. Это беглец. Или изгнанник. Кто-то, кто отвернулся от Общины и Устава.

Даматские сладости — с вечным привкусом перчинки. Теперь вот отдаются горечью во рту.

— За что Мастера могут изгнать из Закрытого Города?

— Много за что. Разгласил секреты или преступил Устав. Убил человека. Создал запретное.

Пальцы, думает Гриз. Лицо у него столько не выражает, а пальцы словно обезумели: носятся по столу, и чертят, рисуют, вяжут неведомые узлы. Встревоженные, испуганные пальцы.

— Мои щebetуньи не слышали, чтобы кто-то из наших появлялся в Энкере. Если он пришёл, то недавно. И ни с кем не говорит на улицах. Или говорит, но там, где мои птахи не слышат, а таких мест немного.

Гриз наклоняется вперёд на стуле для посетителей — скрипучем, неудобном.

— Джемайя. Можно ли сотворить артефакт, который контролирует разум бестий?

Пальцы коротко вздрагивают. Останавливают вечное движение. Падают на стол, словно мёртвые.

— Можно сделать всё, — глухо отзывается Мастер. — Я... слышал о таких. О творениях, которые были до Мастерграда... до Устава. Я слышал.

Серебристые бельма вглядываются не в полумрак, но в память. Почему-то кажется — в жуткую.

— Если он сотворил такое... Я знаю законы варгов — ты не сможешь сама. Так вызови сюда этого... не-твоего, с моим творением. Пусть он сделает. Пусть убьёт эту падаль, пока кровь не залила не только Энкер.

— Этот артефакт так опасен? Или ты думаешь, что он будет продолжать? Или такое было раньше? — она бросается и бросается вопросами, но старик молчит. Словно он — всё слышащий и не боящийся — внезапно оглох и испугался.

Тогда она благодарит и поднимается. Говорит, что, если вдруг узнает что-то — непременно навестит его и расскажет. Обязательно выпьет чаю и спросит совета. Джемайя в ответ обнажает беззубые десны в ухмылке, суёт ей в ладонь маленькую птичку: «Все свои уши отдать не могу, но хоть одним поделюсь, а? Только как уходить будешь — выпусти».

Гриз трепетно принимает холодное тельце с неподвижными крыльшками. Кладет птичку поближе к сердцу. Отворачивается к двери и замирает, будто натянув невидимую привязь.

— Джемайя. Что ты услышал? Тридцать лет назад, когда сделал палладарт?

— Не услышал, — отвечает надтреснутый голос из-за плеч. — Видел, хотя уже тогда почти что видеть не мог. Но я видел внутри себя. Белую смерть. Окровавленные пальцы. Алое на белом и сотни смертей. И... огонь.

— Огонь? — вот уж что последнее, что она ожидала услышать о Нэйше.

— Пламя, закрывающее и заканчивающее всё... О!

Восклицание — такое резкое и громкое, что Гриз кажется: с ним случилось что-то, и она оборачивается, шагает назад...

Джемайя машет рукой: всё в порядке.

— Забыл совсем... огонь, да. Тут заходил один. Когда заговорили о возвращении энкерского чуда. Тоже плохой покупатель: только смотрел, ничего не спрашивал. Двух слов не сказал.

— А это не мог быть тот самый изгнанник?

Старик хихикает, мотает головой и щурит бельмастые глаза с удовольствием.

— Вот уж нет. Печатью и Камнем поручусь — это был варг. Он-то думал — я слепой, не увижу... а я слышал! У него был знак, как над тобой.

— Надо мной?

— Ну да, — хитровато улыбается Джемайя из-за стола. — Как над тобой. Знак пламенеющих крыльев. Знак феникса.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Я сижу за столом и покрываю желтоватый, замасленный лист писчей бумаги бессмысленными завитушками. Чернила почти совсем высохли, а перо немилосердно дерёт бумагу, и от этого я сажаю кляксы. Как давным-давно, в отцовском поместье, когда учился писать, а первый учитель дышал вином и отоваривал оплеухами («Построже с ним, построже, — приговаривал отец. — А то вон, опять замечтался»).

Говорят, Гриз Арделл ведёт дневник, в котором — её наблюдения о животных, о питомнике... о ковчезном «теле». Интересно, что она вписала бы туда про меня? И что я написал бы в своём дневнике о сегодняшнем дне?

«Дорогой дневник, здравствуй. Кажется, утром я наговорил нашему ”сердцу“ много лишнего, а она в ответ угостила меня довольно-таки жуткими сведениями о варгах. Не думал я, что после такого мне придётся заснуть. Однако Арделл разбудила меня уже после полудня — потому что сама собиралась уходить».

— Мне нужно уйти, — сходу зарядила Арделл, пока я пытался осознать — когда я уснул, и почему сплю на полу, и который вообще час. — Хочу навестить знакомого Мастера. Да и осмотреться не мешает. Нет, вы вместо меня идти не можете: вы его не найдете. Я сама-то не уверена, что его найду. Нет, вместе тоже нельзя. Тут же Тербенно. Кто там знает, когда он очнётся.

Когда я поинтересовался — что мне вообще делать, если законник очнётся, и долго ли Арделл собирается отсутствовать — варгиня пожалала плечами.

— А... куда вы, собственно, кроме как к Мастеру? — не выдержал я.

— В театр! — донеслось до меня уже из-за закрывшейся двери.

Теперь вот я сижу — и пытаюсь представить, что это может обозначать: театр, какой-то Мастер... И где алапарды.

И есть ведь ещё Мел, которой предстоит иметь дело с пьяным яприлем и в разговоре с которой Арделл утром обронила пару очень странных фраз вроде «Придётся ждать полнолуния» и «Что-то не так с местным мэром». А потом не пожелала объясниться: «Мне нужно всё обдумать, а вам нужно выспаться».

«Тоу», — выводит на перо. Сирлен Тоу управляет этим городом — уж не решила ли Арделл, что он как-то замешан в то, что творится? И полнолуние. О полнолунии говорил тот, кто притворялся Ребёнком Энкера. «Скажи своим братьям, что я знаю их планы на это полнолуние. Второго раза не будет». Второго раза... второго... Энкера? Кровь стынет в жилах от догадки, и мучительно хочется поговорить с Мел, но её не следует отвлекать.

Не вызвать ли Гроски? Как раз когда я решаю, что идея неплохая, с кухни звучит грохот. Потом раздаются неверные шаги хозяйки квартиры — и вот уже в комнату просовывается её нос — довольно обличающего цвета.

— Это ещё что! — хозяйка морщится, тычет пальцем в Тербенно, укутанного пледом. — Уговор был на вас и на жёнушку вашу!

Румянец затапливает лицо, я позорно мямлю что-то про кузена, которому негде было остановиться, потому что все комнаты заняты... и да, ночью кузену стало плохо с сердцем, так что нам пришлось позаимствовать кастрюлю, и ром, и тазик, и...

— Сердце! Ха! Знаем такие лекарства, как же ж!

— Ох, вот две сребницы... нет, три, хорошо? Вы нас просто чрезвычайно выручили, и мне хочется хоть немного вам воздать за неловкость... И ещё раз спасибо за то, что вошли в наше положение и за чудесный приём...

Хозяйка с удовольствием крутит в пальцах серебряные рыбки и расплывается в жеманной улыбке.

— Ну, чего там... да уж. Пусть и кузен остаётся. Но чтоб ненадолго! И это только за вашу учтивость. А вы сами-то с жёнушкой откуда, говорите, будете?

Проклинаю себя за то, что использовал это прикрытие, когда снимал квартиру (но не говорить же было правду, нам бы вообще комнаты никто не сдал!).

— И где только такую-то нашли? — хозяйка оправляет помятое коричневое платье и цокает языком. — В Вольной Тильвии? Ага, так и думала — говорят, там у женщин нравы-то... Вот я, гляжу, вы такой приличный человек, а, извините, повелись на такое. Эх, не обижайтесь, я уж пожила, я скажу. Ссоры вот у вас, я слышала! Разве ж такая до добра доведет? Шасть куда-то! И в штанах! Вы уж её бы покрепче в руках держали бы, а то стыда не оберетесь!

— Я... в общем, буду, — бормочу я, разрываясь между стыдом и истерическим смехом: держать Гриз Арделл в руках, ну как же!

Хозяйка поджимает губы — получается умеренно благопристойно, при красных щеках и синеватом носе.

— Деток-то хоть не завели пока?

Разражаюсь таким приступом кашля, что мучительница вспоминает о собственных делах. Собирается и ныряет в морось, покачиваясь — обновлять запасы спиртного.

Нужно подумать о пропитании. На кухне я обнаруживаю куски засохшего сыра и что-то капустное, испорченное. Новый подвиг для Рыцаря Морковки — отдалить голодную смерть.

Заимствую у Тербенно плащ, а у хозяйки — одну из четырех небрежно брошенных в кухне корзин. И отважно окунаюсь в морось на улице. В неё — и в толпы взбудораженных людей, где бродят полупьяные, невероятные слухи: о варгах, которые убили дюжину законников, и о Чуде Энкера, который остановил злодеев в момент, когда те собирались уже прикончить и всех окрестных жителей...

— А эти, говорят, варги, туману чёрного напустили! — с восторгом сообщает мясник.

— Так с алапардами-то и смотались, в тумане чёрном! — пересказывает старушка в лавке зеленщика.

— А на Белой-то Площади Шеннета Хромца видали... — шепчет жена булочника, вынося поднос с лепешками. — С хвостом!

Через час мы с корзиной полны до краёв. Она — едой, я — слухами, которые с произошедшим ночью имеют столько же общего, сколько я — с устранителем Нэйшем. Оттого я не сразу оборачиваюсь на окрик: «Эгей, парень!»

— Эгей, оглох? — оглядываюсь, и сердце бухается в ноги. Морось не скрывает разбойничьего вида этих двоих: оба в засаленных рубахах, с красными шеями и носами, мокрыми щетинистыми физиономиями. У одного ещё и щека вздулась.

— А? Вы м-меня?

— Не видал тут варгиню? Или законника?

— Варгиню? — Изо всех сил стараюсь прикинуться простачком: — Это из... этих, что ли? Которые тут по ночам? Её что, арестовал законник?

Тот, что повыше — подчинённый, потому что косится на товарища перед тем, как ответить:

— Может, так, а может, и нет. Так не видал? А кого-нибудь приметного — ну, скажем, чтобы шатался как пьяный или посреди улицы валялся...

— П-позвольте, пьяный законник? И-и-или варг?

Тот, пониже, со вздутой щекой, толкает товарища в бок. Кривится и сплёвывает под ноги:

— А ты, парень, что, сам-то не местный?

Речь, — понимаю я, — меня выдаёт речь, выдают манеры... Единый! И моя осанка, я же не следил за тем, чтобы выглядеть как обычный горожанин.

— Д-да, я пару дней как в городе, а сам, знаете, из Крайтоса, — в документах у меня как раз Крайтос и вписан. — Слухи вот дошли, что у вас тут Чудо Энкерское вновь явилось, вы, случайно, не видали? Нет?

Да-да, именно так. Бездельник с севера, охотник за сплетнями и сенсациями. Не семи пядей во лбу, а потому остановился в таком районе за родительские денежки.

— Да вот не пришлось, — ухмыляется усатый, повыше. — Ну, может, этой ночью и тебе повезёт на что интересное нарваться. Ладно, пошли.

Он машет своему товарищу, и они удаляются, переговариваясь: «Ничего себе, уже и с севера понаехали».

Корзина остаётся у булочной — впитывать морось, со всеми покупками. Я покрепче закутываюсь в плащ законника и пускаюсь вдогонку за двумя крепьшами. Скрываюсь за прохожими, останавливаюсь, отворачиваюсь, распластываюсь и прижимаюсь к стенам. И безмолвно взываю к Печати: давай, давай, вокруг водная стихия, мне нужно услышать, что говорят эти двое, давай же...

Печать дразнит всплесками ненужных звуков: семейными ссорами, детским визгом из окрестных домов. Вот какие-то кумушки перемывают косточки своей знакомой...

— Ну, найдём мы его, — голос того, что повыше, доносится слишком громко и резко. Вжимаюсь в стену и чувствую, как запылила Печать. — Дальше чего? Это ж шишка из Акантора. Как врежет, так...

— ...музыкант, хах!

— Да брешут, какой законник с таким Даром?!

— Мне откуда знать? Как подняли вчера... ночью по храмам Целительницы и больничкам...

Беседа выскальзывает, теряется в мороси, и я вцепляюсь в пойманную нить со всей силой, тяну на себя... Ничего, кроме смутного «наши и сейчас там» не доносится.

Дальше двое... наёмников, видимо, опять петляют по улицам и спрашивают прохожих и лавочников, и я теряю направление и промокаю до костей: все силы Дара трачу на то, чтобы услышать хоть что-то нужное.

— ...так-то на такое не подписывался. Помостная гниль — одно дело. А вязаться с Корпусом... если вонь поднимется — что, не на нас спихнут? Куча зелий... Следопыты...

Отдалённые звуки спора. Тот, что повыше, сомневается, главный что-то втолковывает ему, и дождь доносит лишь громкое: «Всё схвачено!»

Людей становится всё меньше: мы выходим с окраины города на приличные улицы... если в Энкере они вообще есть. Впереди вырастает храм Хоррота-Мечника — видно по острому шпилю, напоминающему лезвие клинка.

— Обсушимся, пожрем, — доносит до меня Дар на прощание. — Новости узнаем.

— Ага, вдруг он таки подох. Меньше работы.

Двое неторопливо поднимаются на крыльцо здания возле самого храма.

Неприметное, серое здание с известной всей в Кайетте вывеской.

Длань и глаз. Местный сыщицкий корпус.

* * *

Обратно к квартире я почти бегу. Нужно вызвать Арделл... стучит в висках. Вызвать хоть кого-нибудь. Единый, во что мы вообще впутались?!

Соглядатаи и преследователи мерещатся за каждым углом. Дождь почти не охлаждает пылающие от быстрой ходьбы щёки. Кружу среди серых, однообразных переулков, домов с обшарпанными фасадами, одинаковых лавок и мусорных куч — и каким-то чудом сперва набредаю на булочную, возле которой оставил корзину. Булочник изнутри машет рукой: эй, эй!

— Корзинку вот вашу занёс, — ухмыляется пьяновато, — лепёшки вон раскисли все... Куда это вы так рванули, а? Приперло, что ль?

Деревянно киваю, сую ему в руку монету — и получаю еще лепёшек, и предложение обсушиться, выпить рома и побеседовать. Отказываюсь, но всё равно — от тепла булочной, и от сердечного хозяина, и он аромата свежего хлеба становится полегче.

На пути в квартиру вспоминаю даже, что у меня есть водный амулет. Достаяю из сумки, подставляю под воду — и перестаю мокнуть. Город вокруг закутывается в пушистое покрывало мороси, а я откидываю капюшон — и пытаюсь выстроить факты, будто записать их во внутренней тетради.

Местные сыщики с ночи ищут Тербенно. Они знали, что законник попал под удар артефакта. Вот только ищут его не с добрыми намерениями. Значит, наверняка в сговоре с теми, кто подстроил этот спектакль.

Арделл подозревала о чем-то таком? Наверняка — ведь не зря же не попыталась доставить Тербенно в больницу, а потащила сразу на квартиру. Меняла маршруты и транспорт, петляла по улицам ночью... я еще и возмущался, все ангелы Единого!

Приношу на квартиру пропитанные дождем продукты и тревогу: они искали законника в этом районе... неужели кто-то выследил? Или они просто ищут повсюду?

Тербенно в себя пока не пришёл, но уже и непохож на окоченевший труп: ворочается и постанывает временами. Хозяйка у себя в комнате, благодарение Единому. Воцаряюсь на кухне и пытаюсь повторить четвёртый подвиг Дьоррота, сына Хоррота Мечника — только тот сражался с чудовищной многоглавой гидрой, я же — с тревожными мыслями. И ещё немного — с загаженными сковородками.

Кто достаточно влиятелен, чтобы отправить на поиски законника местных сыщиков? Откуда они знали, что у Крысолова — Печать Музыканта? Где же Арделл? Не отыскали ли её?

— Запах-то какой! — подмигивает хозяйка в дверях. — Эх, повезло жёнушке вашей: красивый, учтивый, еще и готовит сам! Ух-х... будь я помоложе...

Почти роняю нож себе на ногу, и тороплюсь загасить огонь под кастрюлей и сковородкой. Готовить я научился ещё в Алчнодоле, но ни малейшего аппетита нет.

Вечер наплывает слишком стремительно, а за окном то и дело выпрыгивают из мороси

подозрительные шаги. Ворочается и стонет законник на постели.

Я десяток лет жизни отдал бы за приличную книгу. Но приходится отсчитывать шаги, поминутно бросать взгляды на часы и гадать — что произойдет раньше: вернется Арделл, снова придет хозяйка с разговорами, очнется законник или на наш след выйдут преследователи.

Первым в себя приходит Крысолов. Он дёргается, приподнимается на кровати и начинает крутить головой, как очумевший:

— Именем закона, вы аресто... вы... — шарит руками по одеялу. — Где мой атархэ... кх... где я?! И где — мои — штаны?!

— Господин Тербенно, успокойтесь. Пожалуйста, выслушайте меня. Все ваши вещи здесь, и я вам всё объясню, и это, гм... не то, что вы подума...

На лице Тербенно ясно изображается: он точно подумал что-то не то.

— Олкест? Вы что, в сговоре с этой варгиней? Дайте мне только встать, и вы поплатитесь!

Приподнимается — только чтобы упасть теперь уже поперёк кровати. Пытается встать, снимает с себя ромовый компресс и шипит:

— Что вы со мной сделали? Или это идея вашей подельницы? Имейте в виду — это нападение на законника при выполнении...

— Вы попали под действие парализующего артефакта, нам пришлось вас сюда перенести, здесь происходит что-то непонятное, и... куда вы, вообще?!

— Мой атархэ, — требует Тербенно сквозь зубы. — Сейчас же. И мою одежду. Я выслушаю вас, господин Олкест, в установленном законом порядке, когда вы с вашей подельницей будете там, где должны быть — на допросе по поводу всего, что...

— Вы вообще способны слушать, чёрт побери?! — теряю я терпение.

— ...что происходит в этом городе и что случилось ночью. Мой атархэ, живо!

Мысленно прощаюсь с репутацией законопослушного человека совсем.

— Нет.

— Что — нет?

— Нет, я не отдам вам ваши вещи. Пока вы не дадите мне наконец пояснить всё, что здесь происходит.

— Вы зарываетесь, господин Олкест! — законник подскакивает, завёрнутый в плед. Он пошатывается, но стоит. — Если вы думаете, что моей подготовки не хватит на то, чтобы справиться с вами даже и без магии...

Начинаю соглашаться со всеми эпитетами, которыми законника награждает за глаза Мел. Особенно со словом «винторогий».

— Да послушайте, вы!

— Нет, это вы послушайте! — Волосы у законника взъерошены, а когда Тербенно тычет в меня пальцем, плед норовит уползти. — Вы препятствуете сотруднику Корпуса Акантора! Не говоря уже о недобровольном удержан...

Тут его взгляд останавливается на приоткрытом шкафу рядом с кроватью. Край сюртука законника виднеется в щель, и Крысолов делает рывок к шкафу. Я оказываюсь быстрее и захлопываю дверь.

— Послушайте, вам нельзя на улицу, это ради вашего бла...

Тербенно пытается дать мне подсечку, и я чудом не валюсь на пол. Какое-то время мы боремся — при этом законник чудом придерживает плед, а я судорожно соображаю, что

делать.

— Да не ведите вы себя как полный идиот...

— Прочь с дороги!

Понятия не имею, на что способен законник с Даром Музыки, но допускать Крысолова до оружия я не собираюсь. Отпихиваю его от шкафа: он, видно, ещё слаб, но вторую подсечку делает вполне удачно — я виском влетаю в угол шкафа, перед глазами начинается трюк, мир раскачивается, как палуба корабля...

— Лежать!!

Окрик настолько повелительный, что мышцы срабатывают раньше мозга: валюсь на занозистый пол. Тербенно падает на кровать ещё раньше: его явно обучали повиноваться командам.

— Не вы, Янист, — говорит Арделл от двери. Насмешливо смотрит на Тербенно. — Господин законник, вам надо лежать ещё часа два хотя бы, пока организм не начнёт нормально работать. Хотите бульона? Хозяйка сказала, что мой муженёк о нас позаботился.

Поднимаюсь на ноги, краснея и потирая висок. У Тербенно такой вид, будто на него небо рухнуло.

— Ваш... кто?!

— И если вы попытаетесь достать ваш атархэ — я вас парализую кнутом, — Арделл в самом деле извлекает кнут из-под куртки. — Потом вы меня, конечно, арестуете, но мне есть, что им сказать, так что валяйте, встретимся на суде.

Законник испепеляет варгиню взглядом, а та прислоняется к стенке и добавляет:

— Или, может, вы хотите услышать то, что я там озвучу? Мы от вас ничего скрывать не собираемся, честное слово. Тем более — тут намечается такое, что помощь Корпуса Закона будет очень кстати.

Выглядит Тербенно угрюмо, но цедит, принимая по-королевски оскорблённый вид:

— Учтите, если ваши объяснения не будут исчерпывающими...

— Вытяните руку.

— Что?

— Руку, говорю, вытяните. Тремор, так и думала. Как вы в этом состоянии вообще собирались магию творить? Олкест, вы там в порядке? У вас висок рассечен.

Подходит, касается тёплыми пальцами — и кровь бросается в лицо, я отворачиваюсь, чтобы это не было... слишком уж близко. Виску становится прохладно. Заживляющее.

— Тут прижмите. Вроде, не опасно. Для начала предлагаю подкрепиться: нам всем понадобятся силы.

Она оглядывает нетерпеливую физиономию Крысолова и качает головой.

— И дайте я уж сразу свяжусь с питомником и со второй группой. Чует мое сердце, потом будет не до того.

Варгиня исчезает, и её голос доносится из соседней комнаты, от Водной Чаши:

— Или прямо сейчас можете нас арестовывать. А потом выйдете на улицу и шагов через сто бахнетесь в лужу. И я лично не уверена, что поташу вас обратно.

— Вы не успеете потащить его обратно. Местные сыщики собираются его убить.

— Воображаете, что я в это поверю? — хмыкает Тербенно. — Правдоподобно, как этот ваш спектакль вчера. Когда вы вздумали, что можете провести меня своими переговорами о Храме Дарителя.

— Просто пытались сделать так, чтобы вы не влезли и не сотворили катастрофу, но это

же выше ваших сил, да?!

— Янист!

Окрик из соседней комнаты — неожиданно мягкий. Забываю прижимать к виску пропитанную заживляющим тряпицу. Это... слишком в традициях невыносимой Арделл — внезапно начать называть меня по имени.

— Если несложно — принесите то, что так нахваливала наша хозяйка. Тем временем господин Тербенно приведет себя в порядок, а я свяжусь с нашими.

Покорно тащусь на кухню, за ополовиненным хозяйкой ужином. Во время ужина и после него замечаю, что невыносимых теперь стало двое. Арделл болтает с Амандой, не отрываясь от поглощения рагу и попирая все понятия о манерах. Тербенно несносен: сперва он пьёт бульон с таким видом, будто я хочу его отравить, потом долго и придирчиво осматривает свои карманы, будто мы его наверняка ограбили. Он дважды почти падает в узенькой уборной, но отвергает любую помощь. Намёки пополам с подозрениями и бредовыми догадками льются из законника, как из продырявленной бочки:

— Знаете, ваши попытки сбить меня со следа выглядят буквально смешными. С учетом вашего присутствия в том переулке вместе с алапардами... к слову, откуда вы их взяли?

— Разумеется, мои сведения подтверждали связь госпожи Арделл со всеми этими случаями в зверинцах. Однако вы, господин Олкест... вы меня удивили. Мне казалось, вы как минимум не склонны к иллюзиям по поводу своего начальства.

— Что она вам пообещала? Или это касается вашей невесты?

— Пожалуй, в случае вашего чистосердечного признания я мог бы повлиять на органы следствия... — на этом моменте я следую совету Лайла Гроски и представляю, как душу законника подушкой.

— Олкест, да успокойте его уже, — бросает варгиня, отрываясь от беседы с Мелони.

Молча поднимаюсь со своего места, прихватив кнут варгини со стола. Тербенно умолкает и шарахается, Арделл отмахивается:

— Да не так!

Я даже не успеваю из-за этого всего побеседовать с Мелони. Как жаль.

Прервав связь, Арделл разворачивается к нам вместе со стулом. Окидывает взглядом меня и кнут. Потом Тербенно и дудочку. Качает головой и бормочет что-то вроде «...хуже Рихарда».

— В городе Мастер-рenegат. Разыгрывает спектакли с Чудом Энкера. И у меня нет сомнений в том, что мэр города как-то замешан.

Крысолов даже не сразу раздражается высокомерным фырканием.

— Очень правдоподобно.

Арделл подхватывается и начинает расхаживать по комнате. Подбрасывает в камин дров. Собирает посуду. И бросает фразы, как бы мимоходом.

— Сначала были отдельные явления. Ребенок Энкера якобы как-то явился в паре храмов. Забрал алапардов. Прошелся пару раз по улицам. Потом подтянулись те, кто называют себя варгами. Женщины и мужчины, лица закрыты, как и у Чуда Энкера. Устраивают что-то вроде нападения. Только при помощи алапардов, других животных не берут. Всегда с немногочисленными жертвами или без жертв. Выкрикивают при этом дурацкие лозунги об очищении и конце терпения. В разгар действия появляется тот, кого принимают за Ребёнка Энкера. Спасает окружающих, забирает алапардов, бросается такими же пафосными речами. На что это похоже, по-вашему?

— Мы тут не в загадки играем, — раздраженно отзывается Тербенно.

Я понимаю неожиданно легко: может, потому что раздумывал, с чего это варгине понадобилось в театр.

— Сцена. Эти улицы... весь город — словно гигантская сцена, на которой разыгрывают спектакль. Ведь так? Постановка для простого люда: фальшивые варги, фальшивый спаситель людей — Чудо Энкера...

На миг я даже в это верю — потому что купился на светлую, почти радостную полуулыбку Арделл.

— Точно. Фальшивые варги и фальшивое Чудо Энкера. Фальшивое спасение людей.

Она отворачивается от камина, и в глазах у неё вспыхивает зелень.

— И алапарды, которых каждый раз контролируют по-настоящему.

Вечер и тени. Морось переплавилась в липнувший к окнам туман. Запах дымка от камина и смешок законника.

— Не легче ли предположить, что этот якобы спектакль разыгрывают ваши собраты — те, которые, очевидно причастны к бешенству зверей в питомниках по всей Кайетте?

Тербенно торжествующе задирает подбородок и выдаёт уничтожающий прищур.

— Варги-отступники могут контролировать животных на своей крови, не так ли? Самая правдоподобная гипотеза, госпожа Арделл, в том, что вы своими бреднями пытаетесь прикрыть...

— Нет.

Она говорит совсем тихо. Потирая правую ладонь так, будто её только что обожгло.

— Я знаю, на что похоже сознание животного, которое контролируют на крови. Это... трудно описать, но... ты словно в сознании марионетки. Оплетённой проросшими в неё нитями или паутиной. Здесь же их просто отсекли. Забрали. Не достучаться.

Резко разворачивается и запускает в Тербенно тем самым хрустальным шариком.

— Этой штукой вас вырубил в переулке. Там вчера был кто-то, помимо актёра, который изображал Чудо Энкера. И я уверена, что это Мастер. Артефакт без клейма. Мой информатор сказал, что такое делают только преступники. Изгнанники из Мастерграда. Этот обратился к запрещённой Уставом Мастеров технике. Он контролирует сознание животных при помощи артефакта — не знаю пока, как именно...

— И с какой целью! — взрывается законник. — Все ваши домыслы упираются не только в полное отсутствие улик — мы же не можем считать уликами ваши ощущения — но и в отсутствие мотивов! Этот Мастер что — поклонник Дня Энкера? Он решил возродить память о нём?

— И просто так, по чистой случайности напустил на наш след всех сыщиков Энкера, — замечаю я как бы про себя.

Приходится рассказать о том, что я услышал сегодня. Стараюсь передать всё как можно точнее — и потому сбиваюсь, забываю точные слова тех двоих служак, не к месту краснею. Если бы Арделл еще не пялилась на меня так пристально.

— Почему вы меня не вызвали?

— А разве вы и без того этого не знали? И что бы вы сделали — перетащили бы его, — киваю на законника, — в новое место? Он же еще тогда не пришёл в себя!

Крысолов выглядит несколько оглушенным, но всё равно не верящим ни единому моему слову.

— Плесень на подмостках, — тихо говорит Арделл. — Так они говорили, да? Теперь

понятно... Я пошаталась по местным театрам, побеседовала кое с кем. У них актёров не хватает. А вот куда они деваются — большой вопрос.

— Хотите сказать — артисты, которые изображали этих варгов... Их теперь...

— Не найдут.

Мы молчим — и только пламя в камине пляшет без усталости. Опутывает комнату паутиной теней, отпугивает призрачное туманное покрывало.

— Давайте уточним, — Крысолов потирает переносицу. — Вы полагаете, от них избавляются. Как от свидетелей. Руками местных служителей закона — так же, как, предположительно, собирались убрать меня. Значит, тот, кто нанимает актёров, да ещё этот Мастер... который контролирует алапардов, верно? И коррумпированные сыщики — все заодно? И здесь... заговор, так? В центре которого, как вы уже сказали, стоит мэр города?

Арделл пожимает плечами. Слишком легкомысленно для той, которая бросается догадками об ужасных заговорах

— Я не знакома с господином Сирленом Тоу, но достаточно хорошо знаю, что ничего в городе не происходит без его ведома. Он здесь мэром почти с Энкерской Резни и не то чтобы город при нём процветал... но семейство Тоу процветает определённо.

Крысолов как-то странно дёргается, и у него с лица во второй раз сползает надменная мина.

— Вы об этом что-то знаете, да? — законник колеблется, потом прищуривается угрожающе:

— Не ждите, что я вам стану разглашать всё, но... я слышал кое-что в своих кругах. О коррупционных схемах в среде господина Тоу. Это всё бездоказательно, разумеется. Но при том, что Сирлен Тоу — дальний родственник королевы...

— Вы думаете, что расследование замяли.

— Не извращайте мои мысли, господин Олкест!

Даже не знаю, с какой книгой можно сравнить этого типа. Пожалуй, со сводом законов, где расписаны все правила всей жизни, до запятой.

И обложка непременно чёрная, негнущаяся.

— Золотой Альянс, — сквозь зубы говорит Арделл, и каждое слово обращается в кнут. — Об этом вы слышали?

— Байки и теории заговора, — отчеканивает законник мгновенно.

— Что за альянс? — вступаю я, потому что о таком не слышал.

— Условное название. Их на самом деле много — прогрессисты, адепты теории превосходства, превосходники... Некая группа или союз, основанная на простом лозунге: человек над всем. Понимаете? — в глазах у неё растёт и растёт гневное зелёное пламя. — Человек — над природой. И потому она должна быть ему покорна. А он имеет право брать что ему угодно. Земли. Камни. Животных...

— Ради. Всего. Святого, — почти безнадежно выдыхает Крысолов. — Вы собираетесь нас потчевать архаичными философскими течениями?

Арделл обжигает его яростной зеленью.

— А вы, случайно, не помните, где возникло архаичное философское течение?

Законник приоткрывает рот и замирает, и книги, шелестящие друзья в моей памяти подсказывают мне ответ. Древняя философия... спор сторонников прогресса и сторонников гармоничного развития... около трёхсотого года после Прихода Вод...

— Мастерград.

— Да, Война Артефактов. После которой был создан Устав Мастеров, а Мастерград стал считаться закрытым городом. Хорошенькое совпадение, правда? Сирлен Тоу — один из тех, кто годами ратовал за безграничную торговлю животными... Да хватит вам о теориях заговора, у всех варгов прогрессисты в печенках сидят! Они же даже не скрываются! Продавливают законы, собираются на особые охоты, отхватывают куски рек и земель — магнаты, фабриканты, знать, чиновники. Мне начать вслух перечислять? С вейгордской верхушки или с ирмелейской?

Крысолов косится на меня — кажется, считая, что я могу справиться с этой стихией. Не знаю даже — хотел ли я с этим справляться: без своей обычной дозы невыносимости Арделл внезапно стала... иной. Здесь, в сырой комнате со скверными обоями — в ней проступила застарелая, неизбывная боль, как у того, кто пережил и потерял слишком много. «Матери мира», — вспомнилось невольно, пока я смотрел на неё — облечённую в алые отблески камина, словно в крылья феникса.

— Но если за всем этим стоит Сирлен Тоу и другие прогрессисты — чего они добиваются? Тот... якобы Ребенок Энкера... говорил о полнолунии. О том, что варги якобы задумали что-то... во второй раз. Вы же не хотите сказать, что они...?

Арделл прижимает палец к губам и ведет головой, вслушиваясь во что-то.

— Они — что? — возмущается законник, но на него цыкаю уже я. Потому что тоже услышал.

Слишком уверенные шаги и слишком грубые голоса на улице. Ближе и ближе. Недовольное: «Тут, что ли?» — прямо под окнами.

И потом — нетерпеливый стук в дверь.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

— Шестеро, не меньше.

Олкест отскакивает от окна, прикрывается шторкой. Начинает разминать правую ладонь с Печатью, сосредоточенно хмурится.

— Черный ход? — спрашивает Гриз, надевая куртку и прихватывая кнут со стола.

— Он тут забит.

— В лобовую тоже не выход.

— Городская стража! — несётся с улицы. — Открывайте, или ломаем дверь!

Дверь ходит ходуном от ударов. И звенят тревожные крики соседей.

Им вторит густой, безмятежный храп из комнаты хозяйки.

— Так накройте их усыпляющим. У вас же с собой?

— На улице слишком влажно, оно осядет сразу. Вломаются в коридор — накрою.

— О чём вы, вообще... — шепотом вмешивается законник Тербенно. — Я с ними поговорю. Мой доступ Аканторского Корпуса даёт преимущество...

— Помереть первым, — уточняет Олкест внезапно неаристократично. У него пылают щёки и горят глаза. И он красив — внезапной, бесшабашной какой-то красотой. — Маски?

Антидотные маски они натягивают в ту секунду, как дверь поддаётся. Гриз ещё успевает сделать короткий жест в сторону Олкеста: держите подальше законника! Выскальзывает в коридор, прикрывает дверь и распластывается по стене. Три ампулы снотворного Аманды нагреваются в кулаке, хватит ли? Аманда всё время повторяет: «Медовая, с твоей тягой к опасностям — ты бы хоть два-три боевых артефакта брала!»

Ага, — усмехается Гриз во тьме коридора. Сейчас пойду к Джемайе заказывать себе дарт. Нет уж, Пастыри не носят оружие. Единственное, что у нас есть...

Дверь выламывают совсем, воздух коридора вибрирует от возбуждённого дыхания, кто-то хрипит: «Рассредоточиться, всех вязать, законника и варга гасим сразу».

...кнут и пряник.

Гриз разжимает ладонь, давая ампулам свободу. Несильный, точный бросок, опробовано сотни раз на разных животных...

Впереди идёт огненный маг, слышит звон под ногами, из поднятой ладони вырывается пламя, но петля кнута ложится поверх Печати. Пламя гаснет, рывок — впечатать в стенку...

— Э! Стреляй по ней! Стреля...

Стрелок идёт четвертым, успевает выпустить из арбалета единственную стрелу, но уже в потолок. Мгновенное снотворное рассчитано на единорогов и яприлей, шестеро магов валятся в коридоре, пьяно качаясь, заплетаясь ногами, грохоча лицами об пол.

Гриз ныряет назад за дверь, туда, где Олкест удерживает Тербенно. Рыцарь Морковка оглядывается на неё и выдыхает с облегчением.

— Сейчас пойдём, — шепчет Гриз. — Пару минут, чтобы рассеялось...

— Вы что — напали на городскую стражу?! — высвобождаясь, шипит законник.

— Они хотели вас убить, не верите — разбудите и удостоверьтесь. Повезло ещё, что они без мозгов. Ломились громко, влетели сразу все. Будь там кто поопытнее... Ладно, уходим быстро и тихо, потом посмотрим. Не разделяться, не бежать, не разговаривать.

Последнее — для законника, и Гриз чувствует, что слова пропадают впустую. Крысолов слишком завяз в своих подозрениях насчёт них, чтобы поверить хоть единому слову. И слишком высокого мнения о своей должности — чтобы послушаться.

Они только-только успевают врезаться в пропитанное водой, плотное, туманное покрывало ночи. И он тут же начинает:

— Вообще-то, вы можете считать себя арестованными. Как только я доберусь до местных властей...

— Они до вас быстрее доберутся. Вы так и не поняли?

— Я понял, что вы собираетесь запудрить мне мозги маловероятными сказочками о заговорах. И если вы только попытаетесь поднять в мою сторону свой кнут...

Свист долетает слева, из тёмного переулка, и Гриз останавливается, поднимая кнут, разрезая им туман — с ответным свистом.

— Да как вы... — начинает Тербенно, поднимая костяную дудочку.

— Вниз! — рявкает Гриз, кидаясь на мокрую мостовую. Дёргает с собой законника, и первая, шипящая струя пламени проходит у них над головами. Рыцарь Морковка пригибается сам, а в тумане и в темноте кто-то кричит:

— Все сюда! Они здесь! — и раздаётся торопливый топот, и от второго огненного удара приходится откатиться в лужу.

Гриз вскакивает, бесшумно рвётся в туманную ночь, туда, откуда летят огненные сгустки — там главная опасность, те, что сзади и сбоку — пока что лишь шаги. Низенький маг посылает навстречу длинную струю пламени — мелочь, не сравнится с молодыми виверниями. Гриз обтекает пламя, выкидывает вперёд руку с кнутом — и тут ухо ловит позади глухой вскрик Яниста, какой-то шлепок, а потом звучный голос:

— Немедленно прекратите! Я — представитель Корпуса Акан...

Голосу Тербенно вторят торжествующие вопли: «Здесь! Вали его, ребята!» — и Гриз

чудом успеваает стряхнуть кнут, несётся назад и оказывается позади того мага, который ближе всех к Крысолову, маг уже поднял ладонь и прицелился, так что Гриз просто прыжком сшибает его с ног, потом что-то поднимает её в воздух и отбрасывает. Воздушный Дар, — понимает она, падая мягко, как умеют только варги и кошки, перекачивается и подтягивает к себе кнут, встаёт, окидывая улицу мимолётным взглядом...

Огненная вспышка гаснет, придушенная водой: это Олкест справился с контролем Печати и теперь стоит против второго огненного мага, ещё один несётся слева, в руках — короткий меч...

Удар воздуха настигает её, воздушная петля обвивает ногу не хуже кнута, и мир на мгновение теряется, крутится и обрастает дикими красками... и запахами... и музыкой.

Музыка звучит, словно вывязывая цепь, звенит короткими, повелительными запретами: «Нельзя! Нельзя!»

Петля на ноге ослабевает, Гриз изворачивается и достаёт своего противника кнутом — тот пропадает в тумане, зато справа налетает второй, тычет ей прямо в лицо ладонь, на которой чётко виднеются языки пламени.

Не увернуться, не защититься, не успеть.

А музыка падает и падает — неуклюжими, жесткими каплями в туман. Словно замыкает кольцо или защёлкивает замок.

Печать у лица Гриз молчит. На физиономии нападавшего — совсем молодой ещё, безусый — торжество медленно перерастает в изумление. Потом в обиду — когда Гриз захлестывает его кнутом за шею.

Теперь она наконец видит Тербенно — конечно, это играет он, костяная дудочка порождает резкие, заунывные звуки — лязг металла, оковы, запреты...

Нападавшие трясут ладонями и недоумевают, и Гриз успеваает парализовать ещё одного, потом она кидается туда, где в тумане и темноте мелькают тени и доносятся звуки драки.

По пути ей приходится перепрыгнуть через ноги Мечника — меч лежит неподалёку.

Она успеваает в самый раз, чтобы увидеть, как Рыцарь Морковка нахлобучивает последнему нападавшему на голову мусорный бак и отправляет бедолагу пинком вниз по улице.

— Простите-извините, — выдыхает Олкест вслед. — Ух-х... вы целы?

Гриз кивает, с невольным уважением оглядывая поле битвы. Из тени стены высовываются ещё одни ноги: Рыцарю Морковке досталось не меньше трёх противников.

— Мел мне не говорила, что вы такой лихой боец.

— Ну... потому что я этому научился в Алчнодоле, — Олкест потирает скулу и ощупывает плечо. Морщится. — Видел бы это отец — сказал бы, что я посрамил всю аристократию разом. Лучше дерусь без Печати, чем с ней, и когда у всех разом Дар отказал — это мне было только на руку. Кстати, а с чего это...

Она молча кивает назад — туда, где фигура Тербенно виднеется через туманную простынь, брошенную на город.

— Стандартная мелодия на блокировку Дара, — говорит законник, не дожидаясь их вопросов. — Не благодарите.

Олкест бормочет что-то вроде «Это ещё кто кого...», Гриз же просто замечает, что атархэ законник не убрал. Держит недалеко от губ, и в темноте различается едва заметное свечение на ладони: Печать в готовности.

— Нужно уходить.

— Нет. Это переходит всякие границы, и я намерен выяснить, что здесь творится.

Он кивает на распротёртые в лужах тела и задирает подбородок, и сердце Гриз валится в пропасть, когда она различает сквозь туман высокомерный прищур.

— Что вы собираетесь...

— Действовать по букве закона, разумеется. Думаю, я потребую ответа непосредственно у господина Тоу, — Гриз делает шаг вперёд, и законник вскидывает атархэ. — Не приближайтесь! Пальцы у меня не дрожат, как видите. Так что я мог бы вас арестовать и заставить пойти вместе со мной...

— Вы, неблагодарный сын мантикоры! — вспыхивает Олкест, подаваясь вперед. Гриз удерживает его на месте: между ними двадцать шагов, а сколько времени нужно Тербенно, чтобы сыграть боевую мелодию — неизвестно.

— Или я мог бы усыпить вас! — повышает голос Тербенно. — Учитывая вашу любовь чинить препятствия сыску. Но если вы будете благоразумными...

Гриз безнадежно качает головой. Меряет расстояние взглядом: успеет она с учётом длины кнута? Едва ли.

— Вы туда не дойдете живым. А если дойдете — оттуда не выйдете.

— Увидим, — усмехается законник. — Я, как видите, не нуждаюсь в вашем покровительстве. Предоставьте разбираться профессионалу. А ваши методы... и ваши, господин Олкест... мы обсудим позже.

Окидывает на прощание презрительным взглядом и начинает отступать, не расставаясь с дудочкой. Затем разворачивается — и по мокрому переулку отдаются чёткие шаги, а через три секунды туман, морось и ночь съедают фигуру законника совсем.

Гриз Арделл остаётся стоять, опустив кнут — на улице, посреди мусора и тел. В туманной ночи Энкера, которую пререзает переключка любопытных. И лежат и стонут парализованные, и Олкест над ухом обрушивает на Тербенно удивительно красочные эпитеты (Гриз почти уверена, что слышит что-то вроде «слепоглухобаран на всю голову»), и нужно решать...

Очень медленно, словно опасаясь порвать покрывало тумана, Гриз трогается вслед за законником. Разум шепчет: давай, быстрее, за ним. Бесшумно нагнать, оглушить, потом найти транспорт, потом снотворное, что угодно, лишь бы не сунулся...

Интуиция вопит: не приближайся, не ходи за ним, слушай ночь, потому что это — ночь непростая, ты же забыла, что тут происходит по ночам. Стой на месте!

Гриз выбирает среднее — и движется медленно. И слушает. Стоны и ругательства позади. Переключку из ближних домов. Попискивание испуганных крыс. Город, пропитанный водой, памятью и тайнами...

Рыцарь Морковка топает вслед и по-прежнему высказывает всё, что думает по поводу Тербенно.

— Ох... простите. Я обычно не ругаюсь, особенно при дамах. Хотите, догоню его и врежу?

— Думаете, его это остановит?

— Хуже не будет в любом случае, — он тяжело выдыхает. — Понятно, почему с преступностью в стране такое вот... Ну так что вы собираетесь с ним делать? Оглушать? Или парализовывать? Или... у вас там есть ещё снотворное?

— На людях? Даже если он нас не отследит — сами же на себя наведем тех, кто нас ищет. И это мы ещё не знаем, что он может со своей дудочкой.

— Вообще-то, кое-что о магах с Даром Музыки я читал, — ожидаемо выпаливает Олкест. — Обычно у них в распоряжении около дюжины мелодий. Могут нагонять сон, подчинять своей воле, блокировать магию — он этим и воспользовался, да? В одной энциклопедии есть еще о мелодиях замедления, оцепенения... Вот, кстати, не могу сказать, сколько им требуется времени: наверное, все мелодии разные. Но мы могли бы его отвлечь: Дар требует сосредоточенности, точности, правда, есть туманные упоминания об опасностях такого Дара, но это скорее вне нормального обучения, а упоминания о сиренах мне кажутся слегка относящимися к области мифоло... вы меня не слушаете, да?

Фигура Тербенно совсем пропала — растворилась за туманом и другими фигурами, народ стоит группами, под фонарями, шныряют ушлые торговцы, все переговариваются, кто-то с зонтиками, кто — с водными амулетами. Слишком много людей на улицах, будто бы ждущих, у храмов толпятся жрецы, в окнах свет, и чего, чего они так все ждут?

— Конечно, не слушаете, — вздыхает Олкест. — Может, вы хотя бы сообщите мне — что...

Голос его пропадает, изглаживается. Заглушенный звоном крови в ушах. Якобы-Ребенок Энкера говорил о полнолунии. Кто бы ни поставил этот спектакль — он больше не выведет своих актеров на сцену до финального действия. Зато... зато неплохо бы подогреть интерес.

— Чудо! — взрывается воплем улица. Кричат торговки нойя, прорицательницы, некоторые жрецы. — Знаменья! Он придет в это полнолуние! Придёт, чтобы указать путь! Он придёт!

— Придёт! — ликующим эхом отдаётся с другой улицы. — Придёт! Он придёт! Полнолуние! Защитник людей придёт!

— Придёт! — подхватывают толпы людей (широко раскрытые глаза, распяленные рты, ожидание чуда в каждом жесте). — Чудо Энкера вернется! Явится! Покажет себя!

Крики растекаются — от центра, от храмов, от палаток прорицательниц, от фургонов нойя... Охватывают город, будто лихорадка — и через несколько минут уже не понять: кто кричал, потому что вопят все, передавая друг другу весть.

— Полнолуние завтра!

— Он явится! Завтра!

— Мы увидим чудо! Чудо!!

Полыхает небо над головой — и сначала Гриз кажется, что там гроза. Пока она не поднимает голову. Низкий, темно-сизый свод прорезала не молния.

Птичий силуэт. Мгновенный высверк крыльев феникса.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Город вокруг бесновался, будто штормовое море. Он вскипал толпами, этот город, и накатывался волнами людских голосов, и в неясном гуле улиц различались истерические выкрики — будто вопли чаек. «Чудо!» «Он придёт!» «Полнолуние!»

Даже небо запылало то ли ранним рассветом, то ли ненужным закатом. И где-то там по мокрым улицам с суетящимися людьми, среди воплей и ликования, шел к своей смерти идиот-законник с глупой дудочкой.

А Гриз Арделл застыла посреди хаоса, запрокинув в небо задумчивое лицо. Островок невозмутимости в море безумия. Фреска, перенесенная в жизнь из древнего храма: «Невыносимая Дева в ожидании неминуемого».

— Что мы будем делать? — мне пришлось кричать ей это в ухо, но даже тогда она не моргнула. — Будем делать хоть что-то?!

Морось медленно сеялась сверху, на её лицо — блестящая в свете тусклого фонаря. Ресницы медленно двинулись вниз — словно под тяжестью капель или слёз. И пришла неуместная, дикая мысль: она же с непокрытой головой сейчас, под дождем. Без водного амулета или зонта — вдруг простудится.

Потом ресницы взметнулись, и под ними взвилась извивы зеленого пламени. Арделл рванулась вперед так стремительно, что её окрик «За мной!» — долетел до меня уже издалека.

Дальше мыслей почти не было, кроме одной, прыгающей — о чьей-то неизменной невыносимости. Мы неслись по запруженным людьми улицам, потом по каким-то переулкам, закоулкам, спрямляли через дворики, вляпывались в лужи — и за это время Арделл не оглянулась ни разу и не сказала ни слова. У меня все силы уходили на то, чтобы дышать, бежать и не потерять её из виду.

Когда силы начали меня оставлять — Арделл приникла к какой-то лавчонке мясника и принялась барабанить в дверь.

— Джемая, извини, но это срочно!

Изнутри щёлкнул засов, и дверь открылась сама собой.

— А, плохая покупательница вернулась. Я не спал и не работал — в такую-то ночь! Крики отсюда слышно. А кто это с тобой?

Мы ввалились в лавку Мастера — волшебное место, полное пыли и зачарованных предметов. И мелкий, скрюченный слепой хозяин, в круглой шапочке с вышивкой, какие носят в Дамате.

— Ещё один плохой покупатель? И тоже не-твой? Или ты всё-таки созрела, чтобы купить хоть...

— Джемая, я созрела, чтобы попросить о помощи, — как Арделл так быстро перемещалась в таком забитом пространстве? — Твои пташки на улицах сейчас?

— Щебетуны мои... — старик улыбнулся с нежностью, — ну, где ж им быть.

— Нужно отследить кое-кого у дома мэра. Если только его не задержали — как раз должен быть где-то рядом. Высокий, темноволосый, в плаще. Дар Музыка.

— Постоянно орёт: «Я — представитель закона!» — добавил я себе под нос, но старый

Мастер услышал и захихикал.

— Какие у тебя интересные знакомые. Музыкант и законник? Я бы послушал — что он сыграет... а атархэ?

— Костяная дудочка.

— Так, — Печать Мастера — знак Камня — едва заметно засветилась на ладони белым. — Так... Мои щебетуньи почуют музыкальный *атархэ*... сейчас, сейчас... есть у тебя время? Конечно, нет, у тебя никогда его нет, ты даже сюда бежала, я слышу. Но надо подождать, сейчас...

— Конечно, Джемая, — кивнула Арделл. — А мы пока одолжим у тебя пару Водных Чаш? Да? И если бы где-нибудь развернуться.

— Сейчас... сейчас... — старик морщился, прислушиваясь и подергивая носом. Водил ладонью так, словно управляет чем-то на расстоянии. — Бери вон там, на полке. Хорошие, опробованные. Сквозники у тебя есть? Есть, конечно, ты бы попросила, если бы не было. А развернуться можно в подсобке, это вот сюда зайдите и вот в этот люк, вниз...

Варгиня кивнула, будто это всё было в порядке вещей. Сгрузила мне на руки тяжеленную каменную Чашу, сама схватила такую же. Каким-то чудом протиснулась за прилавок, пройдя мимо хозяина (я чуть не опрокинул бедного Мастера вместе со стулом). И шастнула по лестнице вниз, крикнув:

— Джемая, я всё объясню, это очень важно!

— Конечно, важно, раз это говоришь ты, — спокойнейшим тоном полетело мне в спину. — Да где же, где же...

Лестница скрипела и норовила рассыпаться под ногами, зато «подсобка» меня поразила. Мы оказались в низком зале раза в четыре побольше самой лавчонки. Выстлан зал был даматским ковром — произведением искусства восточных мастеров. В углу стояла мягкая тахта оттуда же. Вдоль стен громоздились ящики, ящички и комоды, под светильником уместились два длинных стола с инструментами для работ по камню, металлу и дереву. Был даже маленький кузнечный горн — в углу напротив тахты.

И — бесконечные сокровища на столах, в ларцах на полках и в ящиках: ограненные и неограненные камни — аккуратно разложены в разные коробки, пластины серебра и тонкий блеск золотых нитей, красное и палисандровое дерево, мерцание и переливы тейенха — теплой древесины.

Храм артефактов. Миниатюрное напоминание о Мастерграде — Закрытом Городе Мастеров, куда есть путь магам лишь с одним видом Дара, где хранятся невыразимые тайны и где я так мечтал побывать в детстве.

— Олкест! Вы знаете, как вызвать дежурного Корпуса Акантора?

Артемагиня уселась прямо на ковер, обнимая Сквозную Чашу.

— Аканторский Корпус. Ну? Или кого-то из прессы. Хорошо бы еще пробиться в королевский дворец или что-то в этом роде. Хм. Или к Кормчей?

Наверное, у меня все-таки отвисла челюсть, потому что она пояснила:

— Тербенно, скорее всего, дойдет до дома Тоу целым. Слишком много народу на улицах. Куча свидетелей, да и затеряться легко. Вопрос — что с ним будет после того, как он войдет. Единственный выход, чтобы он дожил до рассвета — в том, что как можно больше людей узнают, где он. По возможности — официальных служб. Это понятно?

По-моему, законник мог убиться и на ровной улице. Но я все же уточнил:

— Вы собираетесь заявить, что законник Тербенно в опасности, и вызвать сюда еще

больше законников?

— Нет, я собираюсь на него жалобу подать, — деловито отозвалась Арделл, отыскивая сквозник в кармане куртки. — Он же собирается арестовать мэра Энкера, когда должен ловить Душителя!

Видимо, мое лицо опять требовало пояснений, потому что она махнула рукой:

— Да до них так быстрее доходит. Как у вас с прессой? Знаете, как с ними связаться? Тогда пресса на вас. И, Янист...

Удачно удалось поставить на ковер Чашу — чтобы скрыть пылающее лицо. Нужно будет всё же сказать ей, что я не соглашался на подобную... фамильярность. И не собираюсь называть *ее* по имени.

— Мел говорила, вы кучу книг прочитали, да? Так вот, я надеюсь на вашу фантазию, — она послала мне подбадривающую усмешку, от которой сердце провалилось куда-то в желудок, и крикнула в Чашу, куда перед этим швырнула сквозник: — Акантор, Корпус Закона, дежурный!

Следующий час (или два, три? Мне казалось — это длится бесконечно) был выматывающим, опустошающим до доньшка... и каким-то детским. Словно из поучительных сказочек про озорников, которые играют со сквозниками, называют туда вымышленные имена — а под конец попадают на кого-нибудь серьезного, и обязательно следует наказание. Вот только мы называли не вымышленные имена. Мы называли даже вообще не имена — названия газет и служб. И сообщали всем, до кого могли дотянуться: законник Тербенно собирается арестовать мэра Сирлена Тоу. По подозрению в заговоре.

— Эксклюзивная информация, — шептал я, мучительно вспоминая газетные штампы. — Из собственных источников. Вы наверняка слышали, что происходит в Энкере? Ах, у вас и корреспондент тут имеется? Тогда его явно заинтересует то, чем законник занимается в доме мэра. В такой-то час. Нет, я хотел бы остаться анонимным. О, я просто сознательный гражданин, который не может пройти мимо.

— Ирма, это потрясающе! — орала в это время Арделл. — Ирма, ваши подруги должны это услышать... да, законник! Да, с Даром Музыки! Да, экзотично! Нет, не конфиденциально! Да, я передам господину Олкесту привет, он тут, недалеко. Нет, Ирма, мы его потом представим вашим подругам. Так вот, насчет законника...

С башней Кормчей мы тоже на всякий случай связались — ответил дежурный жрец, которому наверняка еще и не то приходилось слышать. Сдержанно отозвался, что передаст информацию, куда следует. Зато во дворце Илая Вейгордского выслушали со вниманием и пошли кого-то искать — правда, так и неясно было, нашли или нет.

В общем, мы поставили на уши всех — в местных храмах, в вейгордской прессе, среди законников, королевской службы... нам оставалось разве что связаться с Эвальдом Шеннетским, чтобы абсурд этой ночи побил рекорды.

— Тербенно нам спасибо не скажет, если даже и выживет, — выдохнул я, отодвигая Чашу. Та была горячей от постоянных вызовов.

Арделл покосилась в Чашу, будто пытаясь припомнить — кого бы еще взбаламутить.

— Он и так нас уже заочно арестовал, так что... Вы как — держитесь?

Мысли путались, а руки начали подрагивать: конечно, всё было во благо, но... самому разносить сплетни... да еще ложь. И разом навалилось всё остальное: суматошный, полный тревогами день, и стук в дверь, и бой на улицах... Захотелось растянуться на ковре, уткнуть лицо в ладони, спросить: как я вообще дошел до этого всего? Что делаю здесь? Но было

нельзя проявлять слабость при варгине.

— Пока не собираюсь в Водную Бездонь. Но если придется такое вот повторять — можно это переложить на Гроски?

— Полностью согласна, — Арделл подскочила и потянулась. — Как там говорил Тербенно? Поручить профессионалу, ага. Сейчас мне нужно поговорить с Джемайей...

— Иду, иду уже сам, — донесся довольный голос сверху. — Слышу, вы перестали разносить вести. Совсем как мои щебетуньи, а? Сейчас, вот я уже и чайник несу... у вас усталые голоса, так что чай и сладости придутся впору, как хороший атархэ, э?

Старик соскользнул по лесенке с поразительной ловкостью, удерживая прямо в воздухе огромный медный чайник. Сгрузил его на стол и принялся рыскать на кривоватых ногах, при помощи Дара призывая пиалы, заварник, пакетики сладостей из Даматы...

— И подушки, конечно, подушки — будем пить по-старому, мой друг? Тридцать лет я прожил в Дамате, с тех пор как решил покинуть Мастерград и стать вольным одиночкой... трудно отвыкать. Сварю особенный даматский — с молоком и специями, такого ты нигде не попробуешь. Если бы не новые законы и не непомерные налоги — сейчас бы там жил, а так...

Арделл молча нагнулась над низким столиком, принялась раскладывать сладости. Я хотел было вернуть на место Чаши, но хозяин махнул рукой: «Я их потом быстрее... дай лучше тебя послушать». Помолчал, уставившись серебристыми бельмами за моё плечо. Улыбнулся.

— Ты приводишь хороших друзей, плохая покупательница. В этом шумит море, а над ним знак благоволения Единого. Да. Ты хорошо заводишь друзей, он мне тоже это сказал...

— Кто сказал, Джемайя? — тихо выговорила варгиня, опускаясь на ковер и медленно принимая из рук хозяина пиалу, от которой тянулся дух специй.

— Молодой варг со знаком феникса, — пояснил хозяин, ласково и беззубо улыбаясь. — Он опять заходил. Недавно совсем. Извинялся. Говорил: встретил моих щебетуний, ну, и подумал, что это я тут спектакли устраиваю. Вот и зашел в мою лавку — присмотреться. Потом понял, что не я, узнал, что я дружен с тобой...

— Узнал? — эхом откликнулась Арделл. Она сидела очень прямо, держа пиалу в горсти. Не пригубила пока ни разу.

— У него глаза и уши в небесах, прямо как у меня, — Мастер ткнул пальцем вверх. — Хороший человек! И тебя знает. Просил, правда, передать, что знакомиться еще не время — это потом... Но он обещал мне!

Тут старикан с довольным видом стукнул кулаком в грудь.

— Я сказал ему: в городе один из наших. Кто-то, кто пошел против Устава и обратил свой Дар на мерзость. И еще тут заговор, а ты мой друг, а я стар. И он обещал за тобой присмотреть, да! Сказал — всё будет хорошо, пора наконец всё исправить. И передал вот что: «Иди без страха, сестра. Мы вместе».

В молчании, которое наступило потом, Мастер подпихнул ко мне пиалу с чаем и блюдечко со сладостями. Но мне было не до угощений.

— Молодой варг... еще какой-то варг в городе? Который знает вас, но вы не знаете его?

Арделл не ответила и отпила из пиалы с таким видом, будто ее интересует исключительно чай.

— И он на нашей стороне, раз обещал за вами присматривать?

— Ты плохо слышишь? — сочувственно обратился ко мне Мастер. — Может, хорошо

видишь хотя бы?

— Да я вообще... не очень-то понимаю, что происходит! Но вам не кажется, что это всё... фальшивые варги, фальшивый Ребенок Энкера, Мастер-ренегат, мэр и Тербенно, теперь вот еще неизвестный варг... что это всё как-то слишком?

— Это вы ещё в питомнике весной не были, — Арделл зачерпнула засахаренных фруктов. — Когда у всех животных разом гон, а у благотворителей обострение. С варгом разберемся потом, Джемайя, тебе удалось отследить законника?

— Мои щебетуньи нашли его, — с удовольствием ответил Мастер. Он пил чай, вытянув губы трубочкой. — Провели до дома мэра. Одна даже зашла с ним внутрь. Вернётся и всё нам расскажет.

— Это хорошо. На доме наверняка экранка от прослушивания, но если артефакт минует её действие...

Старый Мастер зафыркал носом с притворной обидой.

— Артефакт! Артефакт! Мои щебетуньи — это не какие-то артефакты для прослушки! Сколько в них вложено... а уж сколько они могут, если умеючи! Я из-за них-то и убрался из Даматы. Когда кое-кто из знати проведал, что у меня есть уши в воздухе... Ох, им это не понравилось, как не понравилось! Всё опасались за свои секреты да сплетни. Хотели сперва меня подкупить, давали хорошие деньги за моих щебетуний — чтобы те летали по улицам Дамат-тэна и рассказывали всё им. Угрожали еще потом, ха. Убить даже пытались бедного слепого старика...

Мастер рассказывал это всё с очевидным удовольствием: наклонялся вперед, подливал чая — молочного, с густым вкусом имбиря, бадьяна и корицы, — и похмыкивал, и отправлял в рот полоски сливочных тянучек в орехах.

— Но как же вы оттуда выбрались? Вы же...

— Старик? — вскинулся Джемайя. — Слепой? Хилый? Не надо, не возражай. У хилого слепого старика есть хорошие друзья. Они помогли переехать и перевезти лавку. Друзья всегда помогут, верно?

Арделл, задумавшись, покачивала пиалой с остатками чая. Но тут встрепенулась и взглянула на старого Мастера.

— Верно. Джемайя, не знаю уж, как тебя и благодарить. Ты нам помог очень сильно. Если разрешишь у тебя малость пересидеть — я вообще из долгов тебе не выберусь.

— Никаких долгов между друзьями, — широко улыбнулся слепой. Помолчал и добавил, и серебристые бельма вспыхнули острым, почти стальным блеском. — Если ты остановишь того Мастера... это я буду должен. Все наши будут тебе должны... А пока что не хочешь ли побыть моей щебетуньей? Ты расскажешь мне, что знаешь. Что было. Я расскажу тебе всё, что слышали на улицах мои пташки — авось, всё станет яснее!

Арделл кивнула и подтянула к себе пару подушечек. Устроилась поудобнее на ковре, пока хозяин наливал ей новую порцию чая. И начала тихо:

— В город мы прибыли шестого числа...

Сначала я слушал её пересказ — просто наблюдая за этой картиной из-под полуприкрытых век: варгиня, с растрепавшимися, промокшими волосами, и маленький слепой старик, друг напротив друга в чинных восточных позах, со старинными пиалами в руках. Как на иллюстрации из одной из даматских книг, пропахших пылью и пряностями. И вокруг — будто бы подземелье из восточной сказки, и течёт плавная, неспешная речь...

Потом веки потяжелели, а речей стало две, они обвивали друг друга, будто весенние

ручейки, и сливались в утекающую на восход, к полнолунию, реку... И откуда-то долетали звуки дудочки, а может — это были крики ликующего на улицах народа, и нужно было заглянуть в Водную Чашу — чтобы узнать, кто это, а может — чтобы связаться с Мелони, и еще нужно было приподнять веки, чтобы смотреть и дальше — на растрепавшиеся волосы цвета спелых каштанов, на точки веснушек, на тонкие пальцы в застарелых шрамах, но поднимать веки на самом деле было незачем, я и так мог это всё видеть во сне...

Ещё во сне было море. Тянулось ласковыми волнами, заманивало мягкой синевой, и пена щекотала щёку, когда погружался в солёную, пронизанную солнечным светом глубину...

— Вставайте, господин Олкест. Утро, и у нас тысяча дел.

Вздрогнул, выныривая из сладостной глубины. Подскочил на ковре и запутался в одеяле, которое кто-то на меня набросил.

— Я что, уснул?!

— Вам это было нужно, — отозвалась Арделл спокойно. Выглядела она бодрой, будто на планёрке в питомнике. — Я и сама часик подремала. Завтрак на столе, Джемаяя разбирается со своими щebetуньями, а возле дома мэра толчётся полгорода из-за нас.

— Откуда вы...

— Я туда сбегала на рассвете, осмотрелась.

— А сколько...

— Почти полдень.

Единый! Я, получается, просто отключился, а Арделл и не подумала вернуть меня в беседу, или растолкать, или...

— Вы что, подушку мне под голову подложили?!

— Хм, — Арделл от стола с завтраком скосилась иронически. — Господин Олкест, понимаю, что вы хотите быть в центре событий. Но основное действие будет ночью, и от вас будет мало толку, если будете засыпать на ходу.

— Бодрящее...

— О, спросите у Мел, как оно действует на организм, особенно на магию. Она у нас большая любительница не спать. Отучите её от этой привычки — я вам премию выпишу.

— Да вы...

— Нервничаю, — сумрачно отозвалась варгиня. — Уборная вон там, маленькая дверка за шторкой. Ешьте, а я расскажу новости.

Пока я поглощал хлеб и сыр вместе с обязательным чаем, Арделл рассказывала. Наша афера с Водными Чашами и сплетнями дала благоприятные плоды: к дому мэра примчалась куча народа, несмотря на ночь (впрочем, кто спал этой ночью?).

— Ирма и её подруги — просто чудо какое-то, — говорила Арделл с умилением. — Я совершенно уверена, что это они так всем разнесли. В общем, там весь цвет города... приезжие, зеваки, жрецы... кто-то вообще ляпнул, что мэра сразу казнить собираются, прилюдно. Устроят ему Правую Ночь, как Арианта Айлорская — Эвальду Шеннетскому. Словом, заварушка вышла отличная! Там под утро такие волнения начались...

— Вам это, кажется, нравится?

— Успокаивать их выскочил сам Тербенно, так что он, по крайней мере, жив. Хуже другое, — варгиня слегка пристукнула костяшками пальцев по столу. — Мне с ним поговорить не удалось, а выглядел он ну просто очень довольным, что уже как-то навевает тревогу...

— О, Единый! — С учётом всего, что я уже успел понять об этом законнике — его довольный вид пугал меня больше Чуда Энкера и варга-ренегата вместе взятых.

— Да-а... На улицах спокойно, только нойя и прорицатели твердят что-то о восходе Луны Мастера.

Странно это: Мастер-ренегат, Луна Мастера... Впрочем, месяц посвящен Ирлу Всемастеру, а сейчас уже восьмое число, значит...

— Они о полнолунии?

— О нем, да. Меня скорее тревожит слово «восход». Я-то думала — они со своим представлением до полуночи дотянут. Но они с чего-то передумали.

Арделл в задумчивости играла кончиком своего кнута — эта её привычка раздражала. Чёрный хлыст щупальца извивался в пальцах, и отвести от него глаза было невозможно.

— Может, они опасаются, что прибудут другие законники? Кстати, а из Корпуса Акантора никто...

— Никто, — отозвалась Арделл тихо. — Видите ли, вир возле Энкера как-то очень внезапно перестал работать. Если кто-то попытается добраться до города через водный портал — его просто выкинет там же, где он вошел. Джемая говорит — такое можно сделать при помощи мощного артефакта.

Сколько понадобится Корпусу Акантора, чтобы добраться из центра Кайетты по воздуху до Энкера? А если не по воздуху, если к ближайшему от Энкера водному порталу, а уже оттуда — на лодке или пешком, то...

— Город умирает, — сказала Арделл, обращаясь к кнуту.

— Что?

— Джемая рассказал кое-что. Старик любит сплетни, так что поведал немало интересного насчет состояния города и мэра Сирлена Тоу. Ах, да....

Варгиня нырнула под стол, вынырнула уже со своей сумкой, покопалась в ней и бросила на стол пару газет.

— «Вейгордский вир», всё, что смогла достать.

Почему-то я не люблю газеты: в них не бывает благородства, солидности и древности книг. Шуршащие и крикливые свёртки, пестрящие ошибками и неумелыми каламбурами.

Сирлен Тоу — на четвёртой странице. Круглое лицо, на пухлых щеках — бакенбарды, пенсне на хрящеватом носу — и растерянный вид отставного профессора Академии, который случайно забрел в кабинет мэра и теперь понятия не имеет — что со всем этим делать.

— Он здесь практически с Энкера — предыдущего мэра сместили после Резни. Сначала сделал неплохую славу городу: на паломниках, прорицателях и прочем, что было связано с тем днём. Это во многом усилиями Сирлена Тоу Ребенка из Энкера нарекли Десятым Чудом Кайетты. Постройка храмов, театры, куклы, представления с алапардами... Но с годами город начал умирать. Тоу протащил кучу своих родственников на все городские должности. Поборы. Штрафы. Торговцы и мастеровые начали разоряться и покидать город. А аппетиты мэра и его семейки росли, так что...

— Одного не понимаю — куда они в таком случае девают украденное, — буркнул я, вглядываясь в глаза местного главы города. Жалобные, беспомощные, удивлённые глаза. — Я видел дом мэра — и он не так уж...

— Особняки в Вейгорд-тэне и на Бирюзовом Побережье. Бумажные фабрики в Ирмелее корабли в Вольной Тильвии, торговля пряностями с Даматой... Джемая говорит, торговцы

много интересного болтают о том, что и кому принадлежит.

— И его или их... не пытались остановить? Понимаю, что в Энкере некому, но... король?

Портрет Илая Вейгордского укоризненно с первой полосы печально и вдохновенно взирал из-под кудрей, только маленькие усики-пёрышки под носом портили поэтический облик и придавали королю вид трагикомический. Казалось, они даже дёргались возмущённо: бороться с казнокрадами? Ну, что за скука, я тут о народе радею.

— Об этом Джемайя знает мало. Но ведь Тербенно говорил, что какие-то расследования велись — и тогда Тоу прикрылся родством с королевой.

Величественно взирает с соседней страницы королева Ревелейна Вейгордская, черноглазая, гордая красавица из южной высшей знати. Наверняка рядом с портретом будет что-то о балах, светских приёмах и визитах. От портрета веет холодом, недовольством: не смей меня впутывать!

— Из того, что Джемайя смог услышать... сюда что-то зачастил королевский кузен. И во второй его визит, месяца три назад, была какая-то суета. Джемайя говорит — даже кое-что покрасили да замостили. Фонарей вот наставили, а то и их не было. Понимаете? Похоже, что у Дерка Мечника дошли руки до этого города. А он едва ли испугается гнева королевы.

Не портрет, а лёгкий набросок, острыми, жёсткими линиями. Худой профиль, острые скулы, мрачные брови — и клинок рядом. Дерк Горбун не любит позировать, но кто-то ухватил и зарисовал — по памяти, а может, на поединке. И профиль, и меч выписаны живо — куда там официальным портретам королевских особ. Первый Мечник государства любим народом. И он не испугался бы, да.

Дерк Горбун — воплощение благородства и отваги. Кумир моего детства — книжник и воин, борец с разбойниками и пиратами и победитель бесчисленных поединков.

— Это может быть причиной, понимаете? Город умирает, Дерк Мечник собирается заняться им как следует. Сирлену Тоу позарез нужно привлечь народ и финансы. Чтобы удержаться за тепленькое местечко еще лет на десять.

— А в прошлый раз у него получилось сыграть на Энкерской Резне! — подхватил я. — Стало быть, он как-то вступил в сговор с этим Мастером, они наняли актёров, прихватили алапардов и принялись разыгрывать Великое Возвращение. Получается отлично, город кипит народом... но что?

— Но недостаточно, — тихо подсказала Арделл. Пальцы на рукояти кнута стискивались всё крепче. — Им недостаточно, что об Энкере будут говорить сейчас, понимаете? Им нужно, чтобы о нём говорили годы. А для этого мало простых явлений фигуры в плаще вместе с алапардами. Нужно чудо, явление, что-то эффектное, нужно что-то вроде...

— Энкерской Резни? Госпожа Арделл, вы же не думаете, что они собираются...

— Не думаю, — отрезала Арделл. Она не моргала и тревожно заострилась с лица. — Вторая Резня, пусть даже её и остановит их фальшивый Ребёнок Энкера — это отток людей. Паника. Нет, им нужно что-то обратное Резне... Обратное Дню Энкера.

— То есть, погибнут два человека и куча алапардов? — я осознал, что ляпнул ужасную глупость и торопливо сделал вид, что изучаю газету.

Голос Джемайи сверху раздался, словно спасение:

— Да, вот сейчас и услышим всё, а? Сейчас, стало быть, ты нам всё и поведаешь, моя дорогая.

Старик спускался в подвал по лестнице, ловко перебирая ногами. Дошел до нас,

раскрыл ладонь — и оказалось, что на ней притаилась изящная игрушка. Маленькая птичка с бронзовым оперением, вроде тех, которых полно было вверху, в лавке Мастера. Тончайшее произведение искусства, почти живое — и даже синие бусинки-глазки смотрели как-то осмысленно.

— Вернулась. Та самая... Ну, вот теперь мы и поглядим, на что годен настоящий Мастер.

Может, он и взывал к Печати — но пасса не было, только медная пташка затрепетала крыльями и кивнула головкой. Открыла чёрный клювик — и подвал внезапно превратился в улицу, в бурную реку, где свивались ручьи чужой речи:

— *Он явится! Придёт! Чудо!!*

— *Да что ж такое-то...*

— *...Белая Площадь...*

— *Видели с алапардами, Стрелком клянусь!*

— Это мои пташки в поиск ушли, — пояснял слепой Мастер, и его бельма серебристо сияли. — Славная, давай вперёд... когда вы нашли этого законника.

Голоса смазались, пропали. Птичка повела головкой — и из клюва полился шелест, будто стая таких же меднокрылых пичуг кружилась по улице, над чьей-то головой. Затем знакомый взглас:

— *Что за... да отвяжитесь вы!* — недовольное бормотание и шорох ткани.

Джемайя медленно уселся на ковер, скрестив ноги.

— Такая смышленная щебетунья. Забилась ему под воротник или, может, в капюшон. А остальные отстали, слышите? А фон? Это он уж к дому мэра подходит, там три почтовых канала сходится, вон, вода как гудит. Вовремя перехватили, пичужки мои! Ну, дальше, дальше!

Я мысленно поставил свои ботинки на то, что следом мы услышим знакомую фразу.

— *Я — представитель Корпуса Акантора!* — и не прогадал.

— Ему не надоедает это повторять, да?

Арделл, которая тоже уселась на ковёр, тихо фыркнула:

— Когда господин Тербенно объявился возле питомника, мы это одно время по семь раз на дню слышали.

Другие голоса долетали слабее — на разные лады повторяли, что сейчас не приёмное время, и господину законнику нужно записаться, и господин Сирлен Тоу уже приготовился ко сну...

— *Так сообщите ему, что творится в его городе,* — отрезал Тербенно. — *Я подвергся нападению по пути сюда! И если он не желает объясняться с Корпусом Акантора...*

В таком тоне он ухитрился пробиваться через окружающих не меньше часа. Голоса слуг всё бледнели и блекли, а тенор Тербенно всё набирал мощь, так что я невольно начал вспоминать легенды о певцах с Даром Сирены, которые рушили стены голосами. Арделл изредка фыркала в кулак, старый Джемайя благодушно улыбался и покачивал головой.

— Такой упорный, этот твой друг. Из него мог бы выйти хороший Мастер!

Лучше бы из него вышел хотя бы средний законник. Я поймал себя на том, что мыслю примерно как Лайл Гроски, и прикусил язык. В неведомом нам доме мэра, наконец-то начало происходить что-то интересное. Сперва голоса сменили мелодию и начали утверждать, что у господина Тоу важные переговоры по Водной Чаше. Потом кто-то из слуг устал пререкаться с законником и ушел докладывать, а вскоре послышались шаги по

коридору и звук отпираемых дверей: Тербенно впустили и вели куда-то.

— *Прошу меня извинить... ох, вечерний туалет, и что-то живот прихватило... и все эти тревоги, треволнения... господин... как? Тербенно, конечно. Ужасно, всё это ужасно, я в полной растерянности, и вы... так вовремя. Право, если бы вы помогли мне разобраться со всем этим...*

Разбитый голос старого человека — надтреснутый, словно древняя тарелка из фарфорового сервиза. Неужели это тот самый Сирлен Тоу? Человек на газетном портрете был моложе голоса. Живо представилось, как он рысит по богато убранному кабинету, заламывая руки:

— *Ни на кого нельзя положиться, я окружен ужасными... да, людьми... и все эти вызовы, так внезапно... простите, а какой у вас ранг? Пятый, да? Какое счастье, что вы наконец-то появились, я... я в полнейшей растерянности. Что вы говорите?*

— *Хотите сказать — вы не знаете, что происходит на улицах? Все эти появления якобы Чуда Энкера, якобы варгов-заговорщиков...*

— *Я-якобы? Вы... вы говорите, что это не... это не...*

Судя по звуку — мэр города куда-то с размаху упал. Наверное, в кресло: закрипели ножки.

— *Есть основание так полагать. Для начала, мне нужно узнать, что известно вам. Если, конечно, вы желаете сотрудничать. В противном случае...*

— *Же-желаю? — плачущим голосом переспросил Сирлен Тоу. — Дорогой мой... ах, простите за эту фамильярность... вы — то чудо, о котором я молил небеса, как же я могу не сотрудничать с чудом?! Все, все мои сведения и все ресурсы — в полнейшем распоряжении, и если только вы можете сделать что-нибудь с этим ужасным хаосом...*

— *Посмотрим, — сияющая от самодовольства физиономия законника представилась так ясно, что я едва не расстался с завтраком. — Итак, я жду, что вы сообщите мне сведения, которыми вы располагаете.*

— *Но я ничем не располагаю... — Тербенно хмыкнул подозрительно. Мэр продолжил говорить горячо, и дребезжал теперь не только голос, но и стекло о стекло. Булькала какая-то жидкость. — О, вы — человек энергичный... но я уже стар, право слово... этот груз, этот проклятый город так тягостен для управления... Что, в сущности, я знаю? О каких-то странных нападениях с участием алапардов, потом все эти слухи о том, что... знаете... Он вернулся.*

«Он» было произнесено шёпотом. И вне всякого сомнения — с большой буквы.

— *Значит, вы поверили, что это Ребенок Энкера? И произвели какие-либо действия?*

— *Я... ну... я обрадовался.*

Тербенно издал такой звук, словно в плотке у законника застряла его собственная дудочка. Мэр шумно пил что-то, отфыркиваясь.

— *Обрадовался. Конечно, обрадовался. Вы не из Энкера? О, из самого Акантора. Благословенный Город, Камень и Кормчая, да-да. Конечно, вы не знаете, как это, а мы тут... каждый год, каждый житель... все ждём только одного. Чтобы Он наконец-то явился — символ города, его чудо. Предначертанный для людей Щит — вы же знаете эти все... пророчества, да? За эти десятилетия было столько разочарований — но мы так и не перестали надеяться. И вот является тот, кто спасает людей от этих варгов. И он повелевает алапардами. Но... вы говорите, что это не Ребенок Энкера? Это, получается... самозванец с дрессированными алапардами?*

— *Есть основания так полагать. Более того, вероятно, присутствует сговор между этим якобы Чудом и этими якобы варгами. Итак, ни он, ни они не вступали с вами в контакт?*

Я невольно прикрыл глаза и нарисовал в мыслях картину, словно при чтении. Законник — серый промокший плащ, задранный подбородок и полный пронизательности прищур. Мэр — обмяк в поскрипывающем кресле, тербит поясок от халата и боязливо мотает головой.

— *И с вами не связывались другие личности, которых можно было бы считать подозрительными? Может быть, кто-то с необычным Даром? К примеру... Мастер?*

Где-то за голосом Тербенно тихо-тихо захихикал Джемайя и вздохнула Арделл.

— *М-мастер? Нет, я не думаю... вы, впрочем, можете взглянуть на книгу регистрации — она у моего секретаря, все мои встречи тщательно регистрируются, и Дар всегда указывается... Столько шума, столько визитёров... конечно, для города всё это неплохо, но так утомительно, дорогой мой, так утомительно! И все хотят знать одно и то же: о Чуде Энкера.*

— *И вы не попытались ничего выяснить? —* спросил Тербенно с такой небрежностью, что и младенец бы понял подвох. — *Насчет этих слухов. Не попытались, скажем, узнать — действительно ли это Чудо Энкера гуляет по вашим улицам? Как-то войти в контакт... при том, что ждали тайну энкерскую столько лет?*

— *Я... я попытался, конечно. Но поймите, все совсем от рук отбились, я никому не могу доверять... Конечно, я отдал приказ городской страже и местным слугам сыска. Выяснить — потихоньку... и... и задержать подозрительных, если вдруг окажется, что это мошенник. Но боюсь, они неверно поняли указ — вчера они донесли мне, что... кхм, простите, что в городе орудует мошенник под видом законника из Акантора...*

— *Хм, —* звук несется разом отовсюду. Из клюва медной птахи, от Джемайи и Арделл. И из моей груди. Но продолжает лишь Тербенно: — *Или же кто-то из местных сыщиков — заодно с заговорщиками. Я был дважды атакован за сутки: при помощи артефакта прошлой ночью и — напрямую.*

Звякнуло, разбиваясь, стекло. Панически всхлипнуло кресло.

— *Вы считаете, что и мои люди вовлечены в это?! Но что же тогда... зачем?! Это же... получается, целая шайка? С... с артефактами, вы говорите? И с алапардами? И... Девятеро, Девятеро, вы знаете о сбоях в ближайшем вире? Мне доложили вот совсем недавно. Вы же не думаете, что и это они могли...*

— *Это лишь доказывает, что на стороне злоумышленников — серьезная мощь, —* Тербенно в далеком доме мэра, мерил длинными шагами мягкий ковер. — *Они явно опасаются прибытия подмоги из Акантора или Вейгорд-тена — а значит, что бы они ни затеяли, это может быть очень серьезно. И случится, думаю, еще до наступления ночи — иначе подкрепление может явиться другими путями.*

— *Ох... ох... но что мне делать? Я уже стар, право, а этот город и без того так ужасен... и вокруг меня — сплошь враги, мои и королевы. Воры, старающиеся очернить мое имя... ведь это может быть направлено против меня? Да? Они могут сотворить какой-то скандал, прикрываясь именем Ребенка из Энкера! О, Девятеро, за что мне это... и кому доверять?*

— *Можете положиться на меня, —* выдал Тербенно с необыкновенной дозой самолюбования. — *Однако мне необходима свобода действий.*

— *Всё... всё, что угодно... я напишу расписку... или лучше указ? Да, о том, что вы можете отдавать какие угодно приказы — страже, и сыщикам... вы ведь хотите посмотреть на вир, верно?*

— *Посмотреть на вир, — зашелестели страницы блокнота, — опросить актеров из местных театров. Местных сыщиков тоже опросить. Далее — вы говорили о книге регистрации. И еще — свидетели всех этих... явлений якобы энкерского Чуда.*

Тербенно ещё какое-то время сыпал распоряжениями под нескончаемое дрожащее «что угодно, что угодно». Распоряжения укладывались в «Мне нужно допросить примерно две трети жителей этого города, и ещё всё нужно сделать тихо».

— *Чтобы не насторожить заговорщиков! — бодро выдал законник в финале. — Понимаете? Мы должны делать вид, что ничего не случилось!*

— *Да, да, разумеется, дорогой... ох, простите. Я, возможно, не всё понял, но... разве не вы сообщили в Службу Акантора и в королевский дворец о том, что вы, э, направляетесь сюда?*

— *Что?!*

— *И в прессу. Меня как раз вызвали из Акантора и Вейгорд-тена перед вашим приходом. А мой секретарь получил несколько вызовов от знатных горожан и прессы. Говоря честно, сперва я даже поверил, что вы идёте меня арестовывать, даже как-то стало не по себе... вот ведь какая штука...*

Он конфузливо хихикал, шумно прихлебывал из стакана — а законник тем временем стоял столбом и багровел (в моем воображении). Он даже обронил тихое, шипящее проклятие — без сомнения, адресованное нам с Арделл.

— *...да, но потом слуги доложили мне цель вашего визита — и я понял, что вы, так сказать, драгоценная рука поддержки в трудные времена. А всё это — происки заговорщиков. Кхм. Но если это заговорщики — получается, что они уже в курсе, что вы в городе? Это разве не помешает секретности?*

— *Да, — сквозь зубы процедил Крысолов. — То есть, нет... Вернее, нужно досконально выяснить — кто стоит за организацией всего этого.*

Судя по его голосу — варгине и мне лучше не появляться бы на улицах. В ближайшие тридцать лет. И жаль, что я всё-таки не узнал — как Лайл Гроски сбежал с Рифов, потому что его историям насчёт «а потом мы заклинили заграждения рычагами, слепленными из хлебных корок и застывшей баланды» верить не приходится.

— *Но-но-но... постойте, вы предполагаете, что это — какие-то другие заговорщики? Но тогда они оказали невольную услугу тем — предупредив их о нашем с вами союзе! До сих пор те предполагали, что вы один — теперь же, узнав, что я окажу вам помощь... Разве они не могут попытаться, скажем, сбежать?*

— *Не беспокойтесь: в Корпусе Акантора отлично учат справляться с подобными ситуациями.*

— *Не сомневаюсь, не сомневаюсь. Аканторский Корпус... да, — Сирлен Тоу как-то странно заёрзал. — Не сочтите за любопытство — вы сказали, что дважды были атакованы. Как же вам удалось в одиночку отразить эти атаки? Я подумал — возможно, напарники...*

— *Тренированный Дар и малость подготовки. Повторяю: не беспокойтесь. Утром я представлю вам готовый план. А пока что мне хотелось бы взглянуть на вашу регистрационную книгу.*

В кабинете поднялась суета. Сперва мэр трезвонил в колокольчик, потом влетел перепуганный секретарь, вбежали еще какие-то слуги, начали докладывать, что возле дома собирается толпа и что там «Даже репортеры!» Мэр стонал, приподнимался и бухался в кресло, Тербенно извел весь голос на распоряжения и уверения, что «Всё будет под контролем», слуги и секретарь получали от Сирлена Тоу уверение за уверением, что «Теперь всё в руках этого молодого человека, он наш спаситель, да-да, выполняйте его любые распоряжения». В конце концов Тербенно откланялся и убыл — исполненный собственной важности и печатающий шаг, будто на параде.

Шаги законника словно бы отдалялись, размывались. Да и голос словно растворялся вдали. А вот стоны и сопение мэра звучали всё так же ясно.

— Это она шмыгнула за шкафчик, а может, за шторку залетела, — нежно пояснил голос Джемайи. — Щебетунья моя... умница, поняла, что здесь интересного больше! У них, знаете, чуйка на хорошие новости — сам не знаю, как вышло, такое-то в них вложить...

— *Отличнейший вы актёр, господин Тоу.*

Я открыл глаза. Голос, который раздался из клюва медной птахи, был чересчур звонким и чистым. Сперва показалось — говорит девушка, и только там, за насмешкой отдались более низкие, мужские нотки... юноша? Подросток?!

— *Если бы ещё ваши бездари из театров играли как вы — мы бы, может быть, и не попали в такое положение. Впрочем, ваши сыщики и наёмники не лучше: проворонить этого законника и его приятелей!*

— *Вы, кажется, тоже проворонили — и законника, и приятелей. Прошлой ночью.*

Теперь голос Сирлена Тоу не подходил к его растерянной физиономии в газетном портрете ещё больше. Брюзгливый, холодный и сочащийся сарказмом, — он явно не принадлежал старику. Ещё меньше — растерянному, испуганному старику.

— *Полагаете, он сможет помешать?*

— *Законник? Пф! Пока ваши слуги удерживали его у двери, я кое-что проверил по вашим каналам. Законник с Даром Музыки в Корпусе только один. Крысолов — так его прозвали. Мило, правда? Пятый ранг, мелкая сошка. Дар Музыки ниже среднего уровня. Упорства ему не занимать, а так... судя по всему — круглый идиот.*

Я невольно проникся почтением к источникам неизвестного мага.

— *Да ещё и вы его так отменно обработали, что он для вас, того и гляди, спляшет — вы же это насчёт ворот подводили, о побеге? Неплохо сделано.*

— *Благодарю, господин Пэтейр. Но если не этот круглый идиот — что же вас тогда беспокоит?*

— *Пташки на улицах, — из клюва щебетуньи зажурчал звонкий смех. — Уж слишком послушные кое-чьей воле алапарды — они даже после перехвата моим «Хозяином» артачились. И так... знаете... огненные знаки в небесах.*

Скрипнуло кресло. Мэр подвинулся к столу и теперь барабанил пальцами по столешнице — выстукивая мотив баллады о «Синейре Весёлой, Эменейрихе-короле и их детях».

— *Вы опасаетесь срыва операции?*

— *Если бы я опасался срыва операции, господин Тоу, — я бы отказался от операции. Успокойтесь. Вы получите свой спектакль и своё Чудо в лучшем виде. В город хлынут толпы паломников, а газеты протрубят об Энкере не на год и не на два. Не говоря уж о триумфе, который ждёт известную нам организацию.*

— Я уже слышал это, господин Петэйр — и я не забываю о нашем соглашении. Но последние события...

— Я разве дал вам возможность сомневаться в моём мастерстве?

В звонком голосе прорезались холодные ноты — словно сквозь чистую родниковую струю пробились скалы. Без труда представилось, как передёрнул плечами мэр.

— Не горячитесь, юноша. Я видел ваш блокировщик вира и ваш... «Хозяин», так вы называете свой артефакт? И другие ваши творения. Но я, как-никак, политик, и мой долг — просчитать всё. Поверьте, моим покровителям не хотелось бы, чтобы сорвалось из-за мелочей. Вы говорили, что вас не устраивают актёры.

— Говорил и повторяю. Для черни и эпизодических появлений — возможно, и сойдет. Но для финального акта... может, только на роль противников. Но никак не на Основную Роль — кто знает, с чем предстоит столкнуться и как играть? Сами же понимаете, какая толпа соберется на площади. Нам важно не допустить ни малейшей фальши. А те, кого вы находите, в подметки не годятся вам по актерским качествам. Задают слишком много вопросов, требуют слишком много денег. И... быстро заканчиваются.

Дохнуло холодом — словно из птичьего металлического клюва доносилось дуновение Ледяной Девы. Нет, это просто мурашки по рукам и шее — словно дотронулся до чего-то мерзкого, скользкого, вроде прогнившей рыбы, а утереться не можешь.

— В городе выбор невелик. Приглашать из другой местности — риск. Но если вас не устраивают все варианты — я не представляю, что вы предлагаете.

— Пожалуй, я возьмусь сам.

Из клюва щебетуньи не донеслось ни смешка, ни шороха, но я невольно представил, как мэр откидывается в кресле, недоверчиво улыбаясь:

— Вы — в роли Чуда Энкера? Помилуйте! Ладно — фигура, волосы... но возраст!

— Изменение внешности — пустяк.

— Не слышал о подобных артефактах от знакомых мне Мастеров.

В этот раз мальчик смеялся долго. Заливисто, совсем по-детски и как-то радостно, будто ждал, пока ему скажут о других Мастерах.

— Мастеров, которые торгуют в лавочках Водными чашами и сквозниками? Или тех, что режут атархэ для охотников? Неужели вы думаете, что Мастерград делится с Кайеттой секретами настоящего мастерства? Да вы и представить себе не можете... — он замолк на миг и добавил: — Да и там не все могут.

Я поглядел на Джемайю: лицо старика морщилось, будто сушёный чернослив. Подрагивала нижняя челюсть, и даже серебристые бельма начали казаться тёмными.

— Голос вы тоже измените? — осведомился тем временем мэр. — Что ж, так будет даже проще. Вы сыграете Ребенка из Энкера. Разберетесь с тварями... я обеспечу отход — помните, должно быть эффектно!

— Будет очень эффектно, — за звонким голосом чуялась недобрая усмешка. — Уверены, что не хотите увидеть собственными глазами?

— Я — пожилой человек... — Сирлен Тоу явственно пародировал свою же манеру разговора с Тербенно. — Предпочитаю наблюдать со стороны — горожане привыкли, что мэру ни до чего дела нет. Вы установили эти ваши «всезорники» там, где следует?

— «Надзорники», — поправил Мастер холодно. — После полудня сможете их испытать. Останетесь довольны. Они уже были опробованы... в одном поместье. Однако спектакль придётся перенести на вечер. Ночью опять начнётся дождь.

— *Думаете — это помешает вам собрать достаточно зрителей? Да бросьте. Вы видели, что сейчас творится на улицах? А это ведь только наши кликуши отрабатывают своё серебро.*

Значит, они подкупили всех этих крикунов на улицах. Всех, кто кричал о чуде. Или, по крайней мере, подкупили некоторых, а остальные подхватили.

Мастер, казалось, колебался. Затем проговорил не спеша и каким-то искусственным, нарочито небрежным тоном:

— *Всё равно лучше не рисковать. Да и вам едва ли понравится наблюдать за всем через морось.*

— *Ну что ж, крикунам придётся постараться ещё немного. Пусть объявляют, скажем, о восходе Луны Мастера?*

Мэр захихикал, довольный своим каламбуром — но юноша-Мастер остался серьезным.

— *Хорошая шутка, господин Тоу. А насчёт этого законника...*

— *Мои люди будут за ним присматривать. Поводят по нужным свидетелям, обставят всё как следует. Думаю, до мысли насчёт ворот он дойдет сам — раз уж он такой идиот, как вы говорите. А во время спектакля увидит, сколько ему положено, а попытается вмешаться — внезапная потеря сознания... Не улыбайтесь, Петэйр, — именно потеря сознания. Отчитываться за смерть аканторского законника, притом, что Горбун и так наступает мне на пятки... К тому же, этот Крысолов может быть ценным свидетелем. Он волнует меня куда меньше других, о которых вы так старательно умалчиваете.*

Прозвенел и затих под сводами подвала развесёлый смешок — пронесшийся сквозь время и расстояние.

— *Умалчиваю?*

— *Мои люди докладывали, что в бой с ними вступили трое. Законника мы знаем. Один боевой маг — возможно, с водным Даром. И варг. Варг с фениксом — вы же не зря упоминали об огненных крыльях в небесах?*

— *Вы внимательны.*

— *А вы зря полагаете, что можно управлять этим четверть века и не приобрести осторожности. Что вы собираетесь делать с подельниками Крысолова?*

— *Маг воды мне безразличен — достаточно держать его на расстоянии...*

Мысленно я пообещал самоуверенному Мастеру, что он ещё увидит — насколько трудно меня будет держать на расстоянии. Мэр тем временем посмеивался — скрипуче и неприятно.

— *Вы опять увливаете. Что вы собираетесь делать с варгиней? Это ведь она была прошлой ночью с алапардами? Верно я понимаю — что это одна из тех...*

— *Из тех или нет — никакой разницы, — юношеский голос изменился разительно. Он словно вобрал в себя весь холод здешних слякотных улиц. — Все они одинаковы. Я знал, что кто-нибудь из них явится непременно. Не беспокойтесь, господин Тоу — ей уже уготована роль в нашем маленьком представлении. Честно говоря, я даже надеюсь, что она придёт. Надеюсь настолько, что, если бы она могла нас слышать — я сам бы пригласил её на Белую Площадь. Сказал бы примерно так...*

Он повысил голос и заговорил издевательским тоном, но очень чётко:

— *«Эй, варгиня! Приходи посмотреть на восход Луны Мастера и на новое Чудо Энкера! Приходи, чтобы увидеть место тварей, о которых ты заботишься. И своё заодно».*

Счастливым смехом опять зазвенел — холодным ручейком о камни, капелью среди льдов.

Мы молчали. Я смотрел на бледное лицо Арделл, на её плотно сжатые губы. На свившуюся, приулёгшуюся зелень в глазах. Смотрел — и с тоской и ужасом осознал, что удержать эту невыносимую мне не под силу.

Никому не под силу.

Ручейковый смех отдалялся, утихал. Мэр всё ещё был слышен — он проворчал что-то вроде «... всё же не совсем нормальный». Потом зашелестел какими-то бумажками.

Птичка, потрепетав ещё немного крыльями, прикрыла клюв и съежилась, прильнула к ладони своего Мастера. Джемайя погладил её с ласковой улыбкой:

— Молодчинка, умничка. И назад добралась, вот оно как. Так он, значит, тебя заметил? Да, хорошее чутьё, сильный Дар... что скажешь ты, мой друг?

Нужно было как-то обсудить это. Всё, что вывалилось на нас в одночасье. И несколько мгновений я собирался с мыслями и подбирал слова, отыскивал — с чего начать — и потому не заметил рывка Арделл.

Варгиня сорвалась с места какой-то невообразимой молнией, бросила на ходу: «Нужно проверить, ненадолго», взлетела по лестнице быстрее белки — а только и успел пару раз глазами хлопнуть. Джемайя не растерялся совершенно — пожал плечами:

— Плохая покупательница спешит. Ты разве не с ней?

Тогда я наконец вскочил, кинулся вслед, оступаясь на проклятой лестнице, второпях снес несколько артефактов с полок в лавочке наверху, вывалился в переулок — и едва успел заметить, как за углом исчезает пучок каштановых волос. Бросился следом, чуть не сбил двух сплетниц-кумушек... поздно — Арделл уже была в конце переулка и опять поворачивала.

Окликать варгиню я опасался, а оборачиваться она так и не думала, бежала и бежала по серым, скучным улицам, спрямляла через дворы храмов и перепрыгивала заборчики, и, кажется, двигалась всё же не к дому мэра... но куда тогда?!

Пустой экипаж подвернулся почти сразу, я вскочил в коляску и ткнул пальцем в фигуру Арделл — та оторвалась от меня уже на квартал. Возница понимающе фыркнул носом и тронул с места лошадь.

— Изменяет, небось, вертихвостка?

Я отмахнулся, пытаюсь выровнять дыхание. Варгиня направлялась к городским воротам, скоро это стало очевидно. Она вышла на прямую линию и неслась по ней так, что возница только одобрительно цокал языком, понукал лошадь и бормотал сомнительные шуточки насчет «Во припёрло!» Когда Арделл наконец начала замедлять шаг, я попросил остановиться и расплатился.

— Всё-таки вы невыносимы, — выдохнул, нагоняя её.

— Мгм, — отозвалась Арделл недовольно. — Я ж сказала, ненадолго. Нужно было проверить немедленно — потому что если я права...

— Что именно проверить — вы мне, конечно, не будете объяснять?

Арделл свернула, не доходя квартала до Привратной площади. Миновала пару дворишков и наконец нырнула за крыло храма Глубинницы — или, вернее, за его плавник, чешуйчатый и серебристый. Нагнулась, осторожно из-под плавника выглядывая — и потом поманила меня.

Пришлось пристроиться над её плечом: Привратная площадь была как на ладони — вся, с плотно закрытыми воротами и оцеплением перед ними. Перед оцеплением — не меньше тридцати стражников — прохаживался законник Тербенно. По его жестам смысл распоряжений угадывался однозначно: никто не войдёт, никто не выйдет.

— Ворота...

— Вы же слышали их намеки насчет этого, — тихо отозвалась Арделл. — Значит, Тербенно всё-таки дошел до этой мысли. И теперь вот кого бы они ни опасались — никто не войдет в город. Магическая блокада, видите?

Едва заметный бирюзовый отсвет — такой же, как от ограды вокруг открытой части питомника. Артефактная защита.

— А я-то Аманду думала сюда позвать. И Лайла, если они там справились с пьющим яприлем. И...

Она покосилась на меня и умолкла.

— Мы можем поговорить с ним, — предположил я со слабой надеждой. Глядя на Тербенно, который вышагивал в своем сером плаще и был явно невероятно горд собой. — Если предъявить ему разговор мэра и Мастера, то...

Арделл, изогнувшись, поглядела на меня в упор — так, что я мог подсчитать каждую веснушку на её щеках.

— ...то он их попытается арестовать, а они его просто прикончат... — голос с чего-то осип. — Но что они вообще планируют? Они говорили о каком-то спектакле, что-то о тварях...

— Вы правы, — сказала Арделл, бросая на площадь последний взгляд. — Вы были правы. Людей это не коснётся. Люди получают чудо, давно ожидаемое... избавление.

Она усмехнулась сухими губами, сглотнула и прикрыла глаза.

— Тела под их ногами, Янист. Варги, которые якобы нападают и направляют алапардов. И Чудо. Защитник людей, он же себя так назвал? Который повторяет всё то же самое... что в тот день. Но без Резни. Вы были правы. Умрут не люди — умрут алапарды. Все, кого Мастер зачаровал своим артефактом. Триумф людей над природой — вот о каком триумфе они говорили. Триумф прогрессистов. Настоящее чудо для мира людей...

Я растерялся окончательно — от того, как она прислонилась к стене с закрытыми глазами, от боли в её чертах, внезапной хрупкости и внезапного осознания: едва ли что-то можно сделать. Мы отрезаны от подкрепления, идиот-законник нас арестует при первой же встрече, со мной — мой переменчивый Дар да вера в Единого... А Арделл — всего лишь двадцатипятилетняя варгиня с хлыстом. И что можно сделать в таких условиях? Уповать на чудо?!

— Что можно сделать? — шепот сорвался с губ неволью, едва слышно. Я почти протянул руку, чтобы сжать её плечо... утешить и ободрить хоть немного.

Арделл повернула ко мне лицо — и я отдернул руку, обжегшись об решительность в её усмешке. О непреклонность, взвившуюся за зелеными изгибами в глазах.

— Ну, раз он меня приглашает — я пойду и узнаю своё место.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

В минуту нечаянного оптимизма я попросил судьбу: «Пусть будет так, чтобы это дело с пьющим яприлем завершилось попроще и побыстрее, а?» Судьба внимательно выслушала мои просьбы, показала фигу и с хохотом куда-то отвалила, оставляя мне на прощание хаос.

В небеса взбиралась разбухшая от серебра Луна Мастера, а значит, наш знакомый пьянчужка мог почувствовать жажду. Так что действовать пришлось в стиле Гриз Арделл: сломя голову, еще и придумывая попутно план.

«Берем всего и побольше», — значилось первым пунктом плана. Единогласно одобренным всеми, даже Нэйшем. Благо, было из чего выбрать, в подвалах «Богатой лозы» стройными рядами прохлаждались не только вина.

— Ликёра сливового берём шесть... — перечислял я замороченному хозяину. — Шипучие есть? Мел, что наш дружок предпочтет из шипучих: сладкое, полусладкое?

Мел присела за столом и задумчиво водила по карте кончиком кинжала — прикидывая, в каком месте мы сразим свиночку своим умением смешивать.

— Послаще бери, яприли лакомки все... Черт, мили на три придется отсюда уйти, чтобы хотя бы на его тропу... и как бы он в другое место не пошел.

Например, к уютным погребам старины Вельекта.

— А если приманить? Разлить пару бутылок... знаешь, по направлению к вечеринке. Вроде как, посигналить: «Эгей, только сегодня! Наливаем бесплатно по предъявлению рыла!»

— Угу. И половина округи на это дело сползётся.

Парень, которого Нэйш сбросил с лестницы, сперва постанывал, потом очнулся и уполз наверх. Наверху тоже слышались стоны и проклятия, наподобие: «О-ох, что это за уроды?» — «Северяне какие-то отбитые, всю таверну купить решили».

— Спасай после этого мир от свиного алкоголизма, — меланхолично заметил я, пересчитывая поданные хозяином бутылки виски. — Вот она, благодарность.

— Мне кажется, для тебя это скорее прогресс, Лайл, — негромко заметил Нэйш.

— Кто бы говорил. Это не я тут трачу деньги на спиртное для яприлей.

— К величайшей моей печали — для него это тоже прогресс, — выдал Лортен, нежно поглаживая бутылочку рома. — Кто знает, может, он наконец-то осознает радости жизни...

— Пьяных живодёров не хватало, — отозвалась Мел от стола. — Пухлик, да, придётся приманку бахнуть. Возьми там ещё дюжину чего-нибудь с сильным запахом.

Вечер понемногу проникался праздником. Поужинать удалось отменно и за счёт заведения, хозяин провожал нас благодарными слезами, а на улице оказалось, что у нас компания.

Местные выпивохи успели насплетничать о нас всем и каждому. Когда мы грузили ящики на повозку — из-за каждого дерева за нами следило по паре глаз. Из особо качественных кустов — до шести пар.

Шепотки могли привести в экстаз пару-тройку репортеров столичных газет.

— Это они кого приволокли-то с собой? Ну, этот, в белом?

— Да енто главный у них там, в питомнике. Ентот... варг.

— Да как же варг, когда им убивать ни-ни, а этот вона сколько отметелил.

— Так и не убил же!

— А людей, которые Лоринду искали, зачем прибил?

— Бутылок, бутылок сколько тащуть! Моему Сирку — и то на девятницу б хватило.

— Ну, дык... свин пьяный, да? Как с ним стрезва-то тягаться? Уедут подальше — а потом это всё в себя, сталбыть, кээээк...

— Всё?! В себя?!

— Дак северяне ж! Они, говорят — прорвы на это дело! Вот как ужрутсся, так яприля-тс сходу и запыряют!

— Чем запыряют-то?

— В задницу шомполом, — рыкнула Мел. — Вылезайте, дело есть!

За кустами и деревьями обозначилось молчание. Приправленное какими-то опасениями насчёт шомполов.

С местными пришлось договариваться мне: нужно было хорошее корыто, желательно — чтобы ещё и доставили в оговоренное место. Ещё нужно было набрать с десятков быстроногих бегунов. Чтобы обеспечили приманку — винный след до намеченной для яприля выпивки.

Местные прониклись до глубины горячих южных душ. На условленном месте мы ещё не успели разгрузиться, как к нам наметилось что-то вроде паломничества повозок с корытами и взаимными обидами: «Моё возьмите, старуха пожертвовала — ради такого-то!!» — «Ай, да не слушайте его, моё лучше пойдёт!» — «Моё корыто дедушка делал, кто тебя делал такого — не знаю!!»

За повозками начал подходить народ «на поглазеть». Народ прихватил с собой своё и потихоньку по кустам праздновал развлечение. Слышались тосты и похрустывание домашними соленьями. Операция «Тихо спой свинюшку» плавно перетекала в общенародные гуляния.

— Отпугнут, сволочи, — стонала Мел сквозь стиснутые зубы, кидалась на южан и угрожала им *атархэ*. Южане согласно боялись и уходили — потом возвращались уже в другие кусты, создавая неостановимое алкогольно-закусочное движение.

— Может, ему будет как раз приятнее в компании, — попытался успокоить я.

Пора было приступить к основному священнодействию. Мел постаралась выбрать плацдарм поудобнее: рядом заросли, в которых можно укрыться, да еще живописные руины какой-то рыбацкой хижины. Перед руинами установили корыто, победившее в отборе: монументальная ёмкость, которая чуть влезла на телегу. Изукрашенное резьбой и размалёванное фениксами корыто вид имело королевский, и я от души надеялся, что уж перед ним-то свиночка не устоит. Я бы не устоял, честно говоря.

Лортен приступил к открыванию бутылок, я опорожнял их в корыто, принохиваясь и пытаюсь определить — может ли мой коктейль угодить вкусам среднего южного яприля. Мел организовывала приманку и инструктировала отобранных бегунов, куда бежать и как лить вино: «Не в себя, придурки!» Попутно она прослушивала местность, а то и просто шугала местных с истошным: «Мешаете, скоты!»

На доброе слово для меня у Следопытки тоже нашлось время:

— Если не сработает, или если ему станет плохо после твоей бурды, или если он взбесится — я...

Оказывается, существует множество способов экзотических применений пустых

бутылок.

— О последнем можешь не волноваться, Лайл, — нежно предупредил Нэйш из тени за моей спиной. — Если вдруг что-то пойдёт не так — я не промахнусь.

После таких подбадривающих пинков в печень я просто обязан был испытать прилив вдохновения — я и испытал. Вина, виски, наливки и ликёры текли в корыто, смешиваясь, я помещивал новоявленный коктейль поварёшкой — и даже крыса внутри, попискивая от восторга, приседала на окорочка. Я вдыхал ароматы и закрывал глаза. Я тряс головой, щёлкал языком и хмурился, как богатый клиент в ресторане — когда вдруг принесли вино не того года. Я командовал Лортену: «Вот сейчас нужно влить две бутылки сидра» — или «Нет, тут нужна горчинка, сейчас пивко» — и чувствовал, как по ноткам складывается алкогольная симфония.

Наверное, Аманда над котлами чувствует себя примерно так. Когда отыскиваешь рецепт по наитию, опыту и немного — шепоту трав.

Правда, в моём случае шептали бутылки, но я надеялся, что и это сойдёт.

— Мы должны дать ему название, — восторженно бормотал Лортен. — Такое, чтобы оно звучало в песнях — потому что чует моя душа, мы попадём в историю. Возможно, «Луна яприля»... А «Свинская симфония» — слишком очевидный оксюморон... Может быть, «Осеннее освинение»?

Кое-где в окрестностях начали мало-помалу заводить разудалые песенки. Мел потихоньку доходила до вершин внутреннего бешенства. Я, поглядывая в корыто глазами художника, орудовал поварёшкой.

— Лортен! Последнюю бутылку виски. И оливки.

— А лимончик на край корыта ты не хочешь насадить? — поинтересовалась Мел.

Я зачерпнул оливок из принесенной Лортеном банки и отправил горсть в рот.

— Вроде, готово. Должно питься как сочок с сиропчиком, но вырубать как удар Нэйша... — уловил тень смешка за спиной и добавил, пока меня не освеживала Следопытка: — Ну, как несмертельный удар Нэйша. Боженьки, прекрати на меня так смотреть! Как несмертельный, безболезненный удар, который навевает тебе приятные сновидения и после которого просыпаешься бодренький, как огурчик — довольна?

— Удары, при которых не почувствуешь боли, распространены, — мимоходом просветил Нэйш. — Но иногда возникают проблемы... с пробуждениями.

Мел глазела на меня так, будто я самолично приучил несчастного яприля к алкоголю. Сразу же перед тем, как устроил Энкерскую Резню, привел на трон Илая Лортенского и в довершение всего самолично притащил Нэйша в питомник.

— И нужно бы это попробовать. Поскольку отрезвляющего с собой нет — нам нужна, так сказать...

— ...жертва, — припечатал «лучший друг». От него прямо так и веяло нехорошим весельем.

— Так вот, ты не пьёшь, Нэйш не оценит, я — единственный адекватный человек в компании двух маньяков и одного директора питомника. Так, что, в некотором роде, остаётся только...

— «Одухотворённое рыло»! — воскликнул Лортен, любовно глядясь в темную жидкость в корыте. — Лайл, сын мой, в чем дело? От меня нужна какая-то услуга?

— Хочешь стать первопроходцем на великой алкогольной тропе для яприлей? — начал я вкрадчиво. — Всего-то отхлебнуть из кружки потом ты сказать — насколько легко пьется,

быстро ли ударяет в голову... Мел, черти водные, там что, Вельект?

Густой бас Вельекта в общем хаосе звуков опознавался безошибочно.

— Мантикоры корявые... — застонала Следопытка, и мне пришлось совать кружку в руки Лортену и нестись за Мел. Ибо прятать тело клиента-магната — те еще хлопоты.

Папаша Вельект при виде нас распростёр объятия и приветственно зашевелил усами.

— О, вот вы где! Ну как, мы не опоздали, а? Проклятые женщины с их сборами — все эти платья, прически... мне вот усы расчесали. Так где пристроиться можно?

В самом деле, из-за плеча у Вельекта выглядывала его женушка — втиснувшая пышные формы в цветастое платье. И четверо старших дочерей, замотанных в ленты и рюшечки.

У всего этого безумия был один безусловный плюс: Мел лишилась голоса и жестов, так что я смог аккуратненько оттеснить её в сторонку.

— Доброго вечерочка, господин Вельект... госпожа... очаровательные дамы. А что это вы тут, прошу прощения, делаете? Вот уж, честно говоря, не ждали.

— Так ведь все в округе знают, что тут собираются на оргию, — зарокотал Вельект, оправляя усы. — Дикую варгическую оргию, да! Будто бы вы набрали всякого добра в «Богатой лозе» и планируете спойть всю округу, а закусить жареным яприлем в придачу. Дело это в наших краях новое, так что...

— Не могла ж я мужа одного туда отпустить! — решительно вклинилась госпожа Вельект.

Мел пробормотала себе под нос что-то про южан, развернулась на каблуках и убыла. При этом даже спина у неё выражала полную уверенность в нашем провале.

Как всегда, разочаровывать людей приходилось мне.

Уходить Вельекты отказывались начисто. Вельект упирал на то, что мы ему должны после его эпического купания в вине — и вообще, если что, он подсобит нам с «этой поганой скотиной, которая подняла рыло на мои запасы». Желушка и дочери держались того мнения, что мужа и папашу не бросят ни за что. И подбирали такие громкие аргументы, что листья с деревьев вокруг нас начали сыпаться втрое чаще. А оттуда, куда ушла Мел, прилетело свирепое:

— Пухлик, заткни их уже, я так яприля не услышу!

Пришлось извиниться и пригласить почетных гостей, так сказать, на просмотр. Я трусил впереди по рощице, показывая дорогу, а сам между тем распинался, что вот, тут у нас есть отличные руины хижины, где можно очень удобно встать или присесть, и если гости будут вести себя тихо — то все пройдет, конечно, гладко, потому что ну, мы же профессионалы, у нас всё под контролем...

Первое, что я увидел, когда мы явились на поляну — это корыто, украшенное с несомненным аристократическим вкусом. Половинки цитрусов, насаженные на края, придавали утонченности резьбе. Художественные пучки листьев, натканные там и сям, добавляли неадекватности фениксам.

Последним украшением был Лортен, который раскинулся перед корытом, как только что пойманный тунец. И выдавал последние конвульсии.

Рихард Нэйш занимался привычным: он устранял. Поскольку устранить Лортена в обычном для Нэйша смысле было делом запретным — «клык» без особой заботы прихватил начальство за руки и как раз отгаскивал его в кусты.

— ...всё под контролем, — шепотом договорил я, оценивая картину, явившуюся в серебристом свете Луны Мастена: украшенное корыто, распластанного Лортена и

устранителя в белом, который деловито волочил по поляне добычу.

— Где под контролем? — подобрал папаша Вельект вопрос, который идеально обрисовывал ситуацию.

— Благородный Провожатый... — донесся слабый голос Лортена снизу. — Оставь же меня у кристального источника чудесного напитка... ибо мои крылья ещё не выросли.

— Действует, стало быть? — спросил я, почесывая бровь.

— Ну, около пяти минут он был... своеобразно активен, — отозвался устранитель, заканчивая буксировку в тени развесистого дуба. — А потом упал.

Оставалось надеяться, что на яприлей мой коктейль подействует примерно так же, как на директоров питомника.

В целом, всё устаканилось достаточно быстро. Вельекта и его женскую команду я познакомил с устранителем (это вызвало море энтузиазма, правда, больше у Вельектов, чем у устранителя) и пригласил занять смотровую зону за руинами. Нэйша жестом попросил занять позицию перед бывшей хижинкой, поближе к Вельектам. Сам встал с другой стороны — чтобы магнат, если он вздумает и лезть на свиночку врукопашную, наткнулся бы либо на меня, либо на Нэйша. Или наоборот — если бы идти врукопашную вздумала свиночка — ее ждал бы все тот же неприятный кордон.

Лортена я всё-таки постарался утрамбовать его в кусты поглубже. Из кустов неслись полусонные и в высшей степени поэтические рассуждения о звездах.

— Без толку. Не слышу ни шнырка, — буркнула подошедшая Мел. Осмотрела расклад, задержалась взглядом на украшенном корыте. — Мили за две орет какая-то компания — черт знает, кого они там бить собрались. Может, и нас.

Я обратился к дубу, за которым хоронился устранитель, умеренно испепеляющий взгляд. Взгляд сообщал, что некоторых ушлепков надо бы прикладывать покрепче.

— Да и всё это... — Следопытка неопределенно обвела округу рукой и мрачно заключила: — Не явится он.

Крыса говорила мне обратное. Вот если бы у вас всё было идеально — свиночка бы поискала чего хорошего за тридцать миль. А так — встречай своё обычное везение, Гроски.

Ожидание получилось коротким и до удивления каким-то пристойным. Вельекты хранили почти что молчание; «клык» накинул маск-плащ и потерялся в тени дуба. Лортен любовался звёздами и временами выдавал тихое: «О-о-о-о-о, как!». Мел тревожно вслушивалась в царящую повсюду вокруг атмосферу праздника, дергалась и шипела: «Эти теперь уже за мило, точно нас ищут», «Мантикоры корявые, есть топот, но не пойму, чей».

Япирль выступил на сцену внезапно и с умеренным величием. В роще с севера послышался развеселый топоток, потом недоуменные вскрики гуляк: «Э-э, кто свиночку потерял?» — и старый знакомец деловито вынырнул на поляну, уткнув нос в соблазнительный винный след.

И застыл, осиянный луною с небеси. Изумленно подняв рыло и уставившись на корыто перед собой. На морде свиночки явственно отрисовалось: «Это всё мне? Мне одному?!»

Выглядел он так, будто его друзья все разом вспомнили про его давно забытый день рождения. Или он внезапно очутился в Чертогах Блаженств для алкоголезависимых яприлей.

— Ух ты ж! — разом озвучили Вельекты выражение на морде свиночки.

Япирль не слышал: он с благоговением на морде продвигался к чудесному корыту. Недоверчиво шевеля рылом, ибо — а вдруг мираж.

Шаг. Еще шагочек. Полусонный, неверящий шагочек, как когда ты идешь, распахнув

обьятия, к своей мечте. Рыло яприля затрепетало над корытом. Замерло, будто что-то осознавая.

Потом в корыто решительно нырнуло. Я сдержал вздох облегчения.

Нэйша было не видно и не слышно, Лортен перевернулся на бочок и тихонько бормотал что-то про тягу свиней к истинно прекрасному. Вельекты у меня за спиной упивались зрелищем и комментировали в голос:

— Он действительно пьяница, действительно!

— Ха! Я же тебе рассказывал, как эта скотина разорила мой погреб.

— Какой огромный!

— Ужасный!

— Ну нет, он даже милый, погляди!

Яприль в самом деле выглядел этакой домашней свинкой, только огромной и облачившейся к празднику в мягкий бирюзовый костюмчик с серебром. От всей души погруженная в корыто свинка, да. Булькающая, блаженно прихрюкивающая и вообще, всячески подающая нам надежду на благополучный исход.

Потом я услышал шепот Следопытки: «Эти твари уже совсем близко... теперь идут тихо. Идут сюда».

Внутренний инстинкт взвизгнул насмешливо и злобно — за миг до того, как тишина взорвалась криками, а из роицы прямо по курсу посыпались темные фигуры. Фигуры яростно вопили всякое: «Эти уроды здесь!» — «Вали их совсем!» — «Где этот, мать его, директор питомника?!»

В фигурах смутно опознавались наши старые знакомые — те самые «удильщики», которые так хорошо познакомились с боевыми навыками устранителя. И те самые искатели сбежавшей невесты. Которые свели такое же приятное знакомство.

Компания явно объединилась на почве общих интересов «грохнуть нас всех».

Я отметил короткое движение в тени дерева: устранитель решил доделать то, что не доделал днем. А потом раздалось:

— Это кто это смеет оскорблять моих гостей?! — и Нэйшу пришлось ловить разгневанного магната. Жена магната и три его дочки подбадривали Вельекта разноголосьем: «Это что за разбойники?!» — «Сейчас узнаете, кто тут хозяйева!»

Потом то ли среди «удильщиков», то ли среди «искальщиков» нашелся кто-то, кому Нэйш не отбил последние мозги.

— Это что там, яприль? — спросил голос этого здорового.

Тёмные фигуры начали замедляться и замерли совсем.

Яприль величественно поднял голову. С таким видом, как будто до него только что дошло: тут же и публика есть.

В наступившей звенящей тишине кто-то робко помянул мать-Аканту.

— Всхрюю? — поинтересовался яприль у внезапных зрителей. Помотал головой, как бы говоря: «Чего явились-то?»

— Пухлик, — зашипела Мел. — Что он делает?

В этот момент яприль игриво подпрыгнул и исполнил, вне всякого сомнения, танцевальное па. Развернулся и принялся порхать по лужаечке всеми своими пудами. Лучась лунным блеском и радостно всхрюкивая.

— ...ну, похоже, что сон про свинобабочек был в тему, — отозвался я малость деревянным голосом.

Специалист по бабочкам, который стоял рядом с Вельектом, молчал. И медленно, убийственно медленно продвигался вперед — и в опущенной ладони сверкнул серебристый блик — лезвие дарта.

— Нет показаний на устранение, — громким шепотом возвестил я. — Нельзя, знаешь ли, убивать свиночку за то, что она решила устроить танцульки.

Яприль самозабвенно вальсировал по травочке, изредка прерываясь на особенно хитрый поворот. И отмечая это залившимся «Уи-и-и-и!»

Свиночке были глубоко до омота все наши разговоры и все, решительно все придурки, которые перекликались там, во тьме: «Да что это делается?!» — «Да там яприль, и он танцует...» — «Чивоооо?»

— Пухлик, — шипела Мел справа. — Почему он не спит?

— Вон у Лортена тоже... был проблеск активности.

— Дивной активности, — нежно вмешался Лортен, который как-то незаметно переполз в сидячее положение.

— То есть, он так и будет, что ли?! — гнула линию Мел.

Я невольно вообразил, что начнется, если яприль растратит излишнюю дурь и опять ломанется в леса.

— Ну-у-у-у, возможно, нет. Если, скажем, допьёт.

— В смысле — допьёт?

— Ну-у, он ведь выпил не всё, как ты думаешь?

— А мне так кажется, он выпил достаточно, — прохрипел развесёлый Вельект.

Нападавшие торчали на прежних позициях, вытягивали шеи и по-прежнему поминали самых разных матерей.

— И как ты его заставишь допить?

— Боженьки, мы же, кажется, уговаривались, что я смешиваю, а? Я не нанимался подносить чарку этой чертовой твари!

«Уииии, уииии, хрюююю», — во всю мощь лёгких распевала чертова тварь пытаюсь изобразить пушиночку всего-то в двадцать пудов. Земля лирично вздрагивала. Бирюзовые бока посверкивали, на них отражалось лунное сияние, и выглядело это достаточно празднично, вот только нам-то нужен был яприль спящий, а не яприль, желающий взять первый танцевальный приз на ярмарке в Аканторе.

— Да твою же мать, Пухлик, если он недобрал норму, то его и не вырубит!

— Так походи и скажи ему, что он еще не поднимал тост за любовь!

— Мне кажется, — изрек Лортен пугающе трезвым голосом, — ему просто нужно подать пример.

Среагировать я так и не успел. Потому что не ожидал от расслабленного директора питомника такой воистину алапартдией прыти. Лортен махнул через кусты стремительным, хотя и кривым прыжком, в несколько грациозных скачков домчал до корыта (мы с Мел рванулись вперед одновременно, но встряли на полпути, когда поняли, что не успеваем). И с ликующим: «Смотри, как надо!» сунулся в корыто головой.

Голова перевесила, а может, Лортен поскользнулся на винных брызгах — и через секунду директор питомника рыбкой ушел в корыто целиком. Тем самым поразив яприлья в самое сердце.

Может быть, насчет примера хряк не очень-то понял — зато прекрасно понял насчет конкуренции. Так что он живо свернул танцульки и рванул к корыту, из которого как раз

пытался выбраться Лортен. И торопливо окунул в корыто рыло — пока вот этот, странный и дрыгающийся, всё не впитал.

— Оно меня жрёт! — в ужасе возопил Лортен. — Эта скотина пожирает цвет аристократии! К оружию! На помощь!

На помощь Лортену кинулся я — от души надеясь, что яприль не сочтет меня вторым конкурентом. Мельком успел ещё уловить — слетающий в сторону маск-плащ и внезапную белизну слева.

Призыв «К оружию» тоже услышали.

— Не смей, Мясник!!

Мел загородила Нэйшу дорогу, а может, даже вцепилась в устранителя. В ту самую секунду, как я добежал до яприля и понял, что Лортену ничего не грозит: свинюшка по уши сосредоточилась на выпивке.

— Помогите! Меня жрут! Жрут! — завывал Лортен, у которого ноги сползали по корыту. Он вцепился в меня так, что едва не утащил в корыто меня.

— Заткнись и не барахтайся! — орал я в ответ, а сам нащупывал глазами Мел — и нащупал в ту самую секунду, как она улетела в ближайшие кусты. Нэйш просто отшвырнул её в сторону — а в следующую секунду Следопытка запустила в него кинжал из положения лёжа. Атархэ впустую свистнул о щит «клыка», от второго ножа — обычного метательного, Нэйш плавно уклонился, резким движением вывешивая перед собой дарт...

— Хрюхррр, уиии!!!

— Оно меня жрёт! Жрё-ё-ё-ёт!!

— Боженьки... да заткнись ты... я тебя уже почти... почти...

— Да что там происходит?! — донесся до меня отчаянный визг одной из дочерей Вельекта. В ответ громыхнул великолепный бас ее отца. Который всему, решительно всему подвел финал:

— ЦЬЦ, ДУРА! У НИХ ВСЁ ПОД КОНТРОЛЕМ.

От этого заявления все впали в мгновенный, но основательный ступор. Я — рука вымоченного в алкоголе начальства перекинута через плечо. Лортен — одна нога в корыте, одна на поляне. Мел: готовится сигануть на Нэйша, сшибая прицеливание. Нэйш: дарт в ладони, сблизиться и выпустить, только сначала увернуться от Мел...

И «удильщики» с «искателями», которые как раз после этой фразы сделали все нужные выводы и рванули в обратном направлении. Оставив нам напоследок смачное: «На такое я не подписывался!»

Основательнее всех ступор поразил яприля. Тот опять поднял рыло из корыта, окинул всю представившуюся ему картину, испустил длинный весёлый рыгосвист и радостно рухнул.

— Сдох? — осведомился Лортен, дыша мне в ухо перегаром. — Оно... оно умерло?

Нэйш опустил дарт и смотал цепочку вокруг ладони.

— Учитывая то, что это готовил Лайл... я не был бы удивлён.

Я не слишком нежно выдернул директора из корыта и опустил на листики и травку. Над яприлем уже склонилась Мел — обстукивала и ощупывала, что-то недовольно бормоча. Попутно деловито прятала атархэ в ножны.

— Боженьки, — выдохнул я, глядя на эту умильную картину. — Вы, двое... только не говорите мне, что вот такое поведение на вызовах для вас нормально.

Нэйш пожал плечами — с совершеннейшим спокойствием для того, в кого только что

попытались всадить два ножа.

— В этот раз не дошло до духовой трубки.

Мел отозвалась коротким рычанием и поднялась.

— Вызову Фрезу и «поплавок». Пухлик, пригляди тут за всей этой братией.

— Почту за честь, — кисло сказал я, наблюдая, как Лортен медленно подползает на четвереньках к похрапывающему яприлю.

— Спи спокойно, благородное животное, — изрек директор питомника. — Мне не забыть твоего великодушия.

Он одарил рыло «благородного животного» прочувственным поцелуем и отключился с тихим женственным «ах!».

Может, в корыте еще хоть немного осталось, — понадеялся я, прежде чем повернуться к Вельекту и сделать попытку объяснить... вот это вот всё.

Вельекту объяснять было не надобно. Старина магнат стоял на четвереньках и коротко взрыдывал от смеха. Временами он поколачивал землю кулаком и опять начинал выразительно похрюкивать.

Потом поднял лицо — и Луна Мастера высеребрила слёзы на красных щеках и усах.

— Клянусь своим погребком, — прохрипел Вельект, — я уже знаю, в честь кого назвать новый сорт винишка!

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

«Вы не должны туда идти».

Улицы Энкера пахнут осенью. Отдают горечью памяти. В уставших камнях нет больше ожидания чуда: выветрилось, выцвело за двадцать пять лет.

«Вы же понимаете, он понял, что мы его подслушиваем, он говорил специально, он будет вас ждать, он что-то готовит, а вы...»

Я иду по темнеющим улицам города, который дал мне жизнь. Города-колыбельного для той стихии, что возвала к моему рождению. Пью воздух: он посвежел к вечеру и наконец остыл от сплетен и криков пророков. Таит вязкое, как туман предвкушение.

«Вы невыносимы, честное слово».

Гриз чуть-чуть улыбается лицу Рыцаря Морковки из своей памяти: упрямому и растерянному, рыжие вихры — дыбом, веснушки возмущённо рдеют.

Улицы Энкера дышат вечерним холодом — но в её крепости тепло, даже жарко. От его попыток уберечь — её, ну не нелепо ли. От отчаянных просьб: «Послушайте, я понимаю, там... сколько вы говорили, дюжина алапардов? Да, дюжина алапардов. Я не сомневаюсь, что вы готовы отдать за них жизнь, но вы же ничего не добьётесь, если сгинете с ними... А питомник? Мелони, Йолла, Аманда... все остальные?!»

Когда он всерьёз собрался попросту не пустить её на Белую Площадь — она наконец подняла голову. Перехватила отливающий бирюзой взгляд:

— Но я же буду с вами, господин Олкест. Вы же прикроете мне спину?

Бедный Янист Олкест лишился голоса — и пока они с Джемайей обсуждали, что делать, только кивал.

Так и не успел задать основной вопрос — но тот явился сам.

«На что ты надеешься?» — вопрос прокрался в её крепость под покровом ночи и теперь вот бродит по улицам, ища чего-то... или кого-то, как она.

«На что рассчитываешь?»

На чудо, — хочет отозваться Гриз, но даже мысленно осекает себя (слишком много чудес для одного города). И поясняет неотступному, упрямому вопросу, который в её воображении — рыж, как один маг воды:

— Знаешь, что для варга важнее всего? Не умение бодрствовать или хорошо бегать. Не слух, не обоняние... даже — не искусность соединения с животными. Чутьё... высшее ощущение, почти предвидение, которое даётся только тем, кто потом станет учить иных варгов.

Понимать, что правильно, а что нет. Ощущать, как поступить, и на кого опереться, и где быть. Моя наставница говорила, что оно у меня есть — я была уверена, что едва ли.

Но это звенит в моей крови. Это — единственно правильное, то, что я должна быть там, на площади... чтобы что? Узнать своё место? Отдать жизнь за дюжину алапардов или вместе с ними? Попытаться нарушить планы Мастера, который решил устроить представление ради идей прогрессистов?

Может быть, чтобы понять — почему меня преследует пламя в небесах. Огненный росчерк крыльев — то дальше, то ближе. Согревающий словно отголосок переданных через

Джемайю слов: «Иди без страха, сестра».

Иди без страха. Мы вместе.

Безумно — надеяться на кого-то, кого даже не знаешь. Словно откидываться — и падать назад в твердой уверенности, что подхватят. Гриз могла бы сейчас испустить призывный клич, взглянуть фениксу в глаза и хотя бы попытаться спросить о его хозяине. Или, если варг един с фениксом прямо сейчас, — спросить: «Кто ты и чего ищешь в этом городе? Почему скрываешься? Чего хочешь?»

Но улицы вокруг неё — пахнувшие застарелой кровью, дождем и ложью, — подсказывают, что она не получит ответ. Потому что не время, и потому что несущественно, и потому что Луна Мастера уже проступает в небесах.

И Белая Площадь впереди. Во всех городах Кайетты они — Белые, подражание Белой Площади Акантора, той, что перед Башней Кормчей. Эта же — едва ли не единственная сменившая цвет и название. Алые пятна — и Площадь Явления, и неужели никто из тех, кто стремится сюда так настойчиво не слышит, с каким зловещим предопределением это звучит?

Гриз Арделл плотнее набрасывает капюшон на лицо. И даёт себя утащить ручейкам зевак — влить в широкую реку тех, кто жаждет прикоснуться к чуду. Голоса — шум моря и крики чаек над ним, и они до скелета обглаживают каждую восточку.

— Варги... эти самые... видели их, говорят!

— Только их, говорят, то ль дюжина, то ль две...

— Алапардов?!

— Да варгов же!

— Щит Людей так и сказал: знаю ваш план. Вот, видать, приперлись все — выполнять...

— Тейм! Тейм, скотина, куда умотал! Пошли назад, говорю! Ты слышал, Тейм? Там толпы варгов пополам с алапардами! Тейм, куда тебя несёт в это побоище?!

Но Тейм уже ускользнул, растворился в людской осенней реке — хмурой, мутной, шумной. В толпе, где властвуют крики предсказателей да гадалок да носится любопытство и неистовая, въевшаяся за годы жажда.

Жажда чудес. Те, которые живут на их осколках, наконец-то идут получать своё собственное чудо, увидеть своими глазами, обнюхать и ощупать. И прячется ещё одна жажда — за набрякшими красноватыми веками, и стиснутыми усталыми губами, за посеревшими щеками, похожими на камень выветренных стен.

Желание, чтобы тебя защитили.

Желание верить катит реку людей к Белой Площади, и Гриз старается не утонуть в её волнах. Осторожно выгребает, затаивая дыхание, скользит мимо разгоряченных тел, огибая драки и давки, проходит там, где, кажется, уже не протиснуться.

Улицы вокруг Площади Явления набиты куда плотнее, чем в день той самой ярмарки. Растоптаны букеты у домов, и сама площадь кажется — гомонящим людским омутом, в который втягиваются всё новые тела.

В центре омута — пустое пространство, незримая сцена. Может, постарались люди Сирлена Тоу, а может, это артефакты Петэйра. Или жители сами не рискнули соваться туда, где возвышаются три алапарда, которых придавливает к земле кудрявый малыш на постаменте. К дому, возле которого стоял *он*. К плитам, с которых *он* поднялся, прежде чем протянуть руку обезумевшим бестиям на площади.

На этих плитах, у ограды резиденции мэра, теперь стоит оцепление. Стража Сирлена Тоу — пара дюжин молодчиков с крепкими челюстями. И законник Тербенно — прячется под серым капюшоном, но его выдают пальцы — до побеления стискивают костяную дудочку...

Вы знаете лунные мелодии, законник Тербенно? Знаете — мелодии для хороших представлений? Для чудес? Так сыграйте их, потому что блеклая луна напитывается серебром — и становится одиноким светильником, властвующим над широкой сценой. Приподнимается невидимый занавес.

Они являются в шуме расступающейся толпы, в криках задавленных, в воплях: «Идут! Идут же!!»

Три варга с закрытыми капюшонами лицами. И девять алапардов — что окружают варгов кольцом.

Шествуют по Большой Торговой — и в людском море начинается отлив, люди втискиваются в переулки, запруживают собой садики и дворики, влезают в окна — только бы не коснуться...

В театре должно быть тихо — до финальных аплодисментов. Публика понимает это, потому смолкает — вытягивая шеи, тараща глаза. Публика переминается с ноги на ноги и сопит, облизывается и дрожит... Но не уходит.

Жажда чудес — сильнее страха.

Шумит вода в почтовых каналах, за бронзовыми решётками — и бледный лунный свет играет на брусчатке площади живым серебром. Тёмно-бордовые пятна мнимой крови — вот-вот покажутся настоящими...

Варги останавливаются, не дойдя до памятника Чуду Энкера.

Три переплетённых бронзовых тела алапардов — на постаменте. Девять медово-золотистых тел — внизу. Послушны велениям невидимого артефакта. Гриз видит Шалфея и Лаванду... наверное, все остальные алапарды — тоже из тех, которых якобы Ребенок Энкера забрал у якобы варгов.

Но горожане-то вряд ли различают алапардов в лицо.

Звери безучастны, немые — не актёры, но декорации. Актеры — те, что под капюшонами. В них заметно легкое театральное волнение: никогда перед такой публикой играть не приходилось... Обмениваются едва заметными знаками: начнём, что ли?

— Слушайте все! — Голос ровными волнами катится над площадью. Заученные паузы, идеально выстроенное придыхание. — Внемлите нам, подсудимые! Двадцать пять лет назад мы пришли сюда, чтобы предупредить!

— Предупредить тех, кто творит зло! — хором помогают двое. — Предупреждение тем, кто возомнил себя над природой! Предупреждение!

— Тогда нас остановили, но мы добились своего.

— Мы предупредили! Предупредили вас всех! Мы всех предупредили!

В людском море, зарождается буря. Вскипают и молкнут пораженные голоса: «Это они... говорят, они были... тогда! Когда Резня!»

А те, кто неумело, топорно притворяется варгами, теперь говорят, сплетая голоса — и цепь из фраз наотмашь хлещет по толпе:

— Мы предупредили вас, но вы не вняли...

— Мы показали вам, но вы не поняли...

— Вы возомнили, что можете стать выше живого...

— Вы, людское отребья, порча на теле Ардаанна-Матэс...

— И потому мы пришли вас судить — и пусть это будет предупреждением другим! — вскрикивает тот, что в середине.

Пьесу писал бездарный автор. Ставил бездарный режиссер. Хочется рассмеяться над этим спектаклем для малых детишек. И над теми, кто ему верит.

— Природе не быть у вас в рабах — говорим мы, Пастыри чудовищ!

— Ваша кровь зальёт эти плиты!

— Это будет лишь началом!

— Пусть все знают, пусть знают — лишь началом!

— Вам вынесен приговор! Да начнётся истребление!

Медленно поднимаются алапарды: хвосты прямые, на мордах — ни тени мысли, нет даже ярости... разворачиваются к толпе с оскаленными мордами. Передние ряды людей понимают наконец — к чему идет, и торопливо начинают подаваться назад, раздаются панические вскрики женщин, и надежда над толпой становится отчаянной, отвердевшей, как бронза. Тербенно рвётся с места, но законника удерживают, что-то шепчут на ухо. Что он не остановит в одиночку девять алапардов? Что не ему — с костяной дудочкой — останавливать Вторую Энкерскую Резню.

Что это по силам лишь чуду.

Чудо шагает из толпы. Вытягивает ладонь — чуть заметно светящуюся во тьме. И алапарды всё так же равнодушно ложатся на брюхо, и начинают ползти — вдевтером, по запятнанным камням площади... распластываясь под ногами, купаясь в лунном серебре.

Отражением того дня — когда ползли двое. Пачкая белые плиты алым.

Поражённый, хриплый выдох над толпой. Одинокое «Дождались» взлетает над шумом воды в каналах. Останавливается Тербенно, который почти уже вырвался из рук охраны.

Гриз трогается с места: сначала — за памятник, потом — поближе к тем, в капюшонах. Те недоуменно пятятся, изображают растерянность, поражение... страх.

— Кто... ты?

Чудо откидывает капюшон — и вздох становится восхищённым.

Ирме Кэрт будет, что рисовать.

Тот, кто вышел против варгов — высок и золотоволос. И прекрасен неземной, невозможной красотой: у него синие глаза, и ровные брови, пухлые губы и подбородок чудесной формы, и он похож на посланца божеств или вдохновенного пророка — если, конечно, их волосы ниспадают золотым каскадом по плечам.

Только с кожей Петэйр перебрал, когда создавал себе облик. Кожа слишком бледна — и она едва заметно светится, и вообще, от всего облика исходит свечение. От этого человек в темном плаще кажется легендой, божеством.

Или фальшивкой.

— Я предупреждал вас. Предупреждал вас, чтобы вы не приходили.

Голос, кажется, тоже светится: отдаётся и раскатывается по площади, как не бывает у людей.

— Кто... ты?! — хрипит предводитель мнимых варгов.

— Вы знаете, кто. Тот, кто остановил вас двадцать пять лет назад, — над толпою несётся восторженный стон. — Щит Людей. Тот, кто послан указать им путь. Кто направлен для одного — заслонить людей от ваших бесчинств! И я говорю вам, варги, — людской род не покорится вашим бестиям!

Актёр, который играет предводителя варгов, глубоко вздыхает. Отыгрывает он отчаянно хорошо: делает шаг вперёд, выдавливая из себя презрительный смех.

— Ты думаешь, мы отступим? Их ты спас — но будут другие города! Нас ты можешь убить — но за нами придут остальные! И даже если вы истребите нас — всё только начинается! Мы уйдем, но останутся наши стада! Слышишь? Люди должны покориться природе или умереть! Они — он кивает на алапардов, распластанных по площади. — Они отомстят за нас!

Вот оно, стучит в горле у Гриз. Вот ради какой речи это затевалось. Прогрессисты решили вовсе убрать с дороги варгов. Сделать нас кровожадными убийцами в глазах людей, развязать с нами войну... С чего? Зачем?

На упоительно прекрасное, одухотворённое лицо ложится тень гнева.

— Ты хотел принести людям страх, варг? Теперь нас не запугать. Посмотри на своих тварей — здесь их место. У ног человека. Или ты думаешь, что сможешь схватиться с Защитником Людей? Ну что ж, варг, — покажи, что ты можешь. Какие силы тебе даровала природа? А я покажу, чем наделили меня.

Три острых отблеска на площади — три ножа. Сейчас сверкнут, и кровь прольётся на плиты. Кровь не-варгов, которая никого не пробудит, никого не ввергнет в бешенство. Всего лишь повод для зевак говорить потом: «И тут эти варги кровью как брызнули, а алапарды подхватились, зарычали, готовы уже терзать... А он...»

Да. Он уже готов. Голова откинута, и светится вокруг неё золотой ареол, и бледная кожа серебрится под Луной Мастера. И приоткрылись губы — выпустить единственное слово, то самое слово, «Умрите» — и после этого будет команда артефакту...

И девять бездыханных тел на залитой серебром площади.

— *Довольно!*

Блики-ножи останавливаются. Удивлённо висят над левыми ладонями.

И нет слова.

Что делать — когда на сцену влез зритель и намерен сыграть главную роль?

— Опустите ножи, — говорит Гриз, проходя мимо актеров. — У меня есть просьба к Чуду Энкера.

Огибает удивленных актеров (один шепчет: «Сценарий изменился, что ль?») и останавливается перед ними.

Лицом к... личине.

Безоружная. По хлысту скортокса её слишком легко опознать, потому он не с ней. Есть, правда, пара артефактов от Джемаяи, но перед ней ведь — Мастер...

Спокойный Мастер. Удовлетворённый. Ждавший её и желающий включить её в свою игру. Он даже на миг ломает свою — смешок слишком звонкий, когда он выговаривает:

— Еще один варг? Чего же ты хочешь?

Море лиц — с открытыми ртами. Непонимающая стража, шепотки актеров. Она и фальшивое Чудо Энкера — на затопленной лунным серебром площади. И девять жизней разбросаны по плитам между ними.

— Пожалуйста, просто уйди. Город получил своё Чудо. Тебе незачем убивать алапардов. Освободи их. Пусть никто не умрёт сегодня.

— Освободить их? — Мастер в обличье Ребенка из Энкера бросает на зверей под ногами пренебрежительный взгляд. — Тварей, которые жаждут лишь крови? И что тогда, варг?

— Тогда твоё чудо не будет выпачкано в алый. Защитник Людей не убийца, разве не так?

— Двадцать пять лет назад...

— Двадцать пять лет назад Дитя Энкера приказало умереть алапардам, убившим сотни людей. А эти не тронули никого. И никого не тронут. Разве ты пришёл не защищать, а истреблять? Они сейчас под твоим контролем, они беззащитны. Ты убиваешь беззащитных, а, Защитник Людей?

Она чувствует движение позади себя. Это жестами спрашивают актёры — во что играть дальше. И сходит со своих мест оцепление — не устранить ли ту, которая мешает спектаклю?

Но командир слишком увлечён игрой. Склоняет голову — олицетворение терпения и милосердия.

— Что же ты сделаешь иначе, варг? Если я вдруг решу всё закончить единым словом?

— Тогда я сделаю так, что сегодня в городе не будет чудес. Ты понимаешь?

Петэйр смеётся.

И Гриз осознаёт, что он не в себе.

В толпе переглядываются и ёжатся. Потому что не пристало Чуду Энкера, пришедшему в город через четверть века, хохотать таким вот манером — захлёб, заливисто. Хохот прыгает по онемевшей площади, отскакивает от решеток каналов, от алапардов на постаментах, от витой черной ограда...

— Ты, варг? Грозишься оставить этот город без чуда, когда сама столько лет это чудо ищешь? Мне известно это, ибо силы, которые за мной стоят, могут всё. А какие силы стоят за тобой, варг?

Улыбка чуть-чуть трогает губы.

— Великие.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

— Великие, — говорит трижды невыносимая Арделл. — *Я не одна.*

Я сумел пробиться в первые ряды, когда толпа шарахнулась назад — когда все они думали, что сейчас начнется вторая Резня. Но сейчас они опять напирают, чей-то нос тычется между лопатками, кто-то сипит «Да подвинься, черт!», болят отдавленные ноги... и впрямь хорошо, что нет дождя, иначе я ещё и ничего бы не видел через морось.

Подрагивают руки, мне нельзя ошибиться, я сейчас — великая сила. Я и Джемая, но его я не вижу, старик-Мастер обмолвился, что будет неподалёку, но сначала ему нужно отследить опасные артефакты.

— Отследить могу с дистанции, — и с гордостью прищёлкнул длинными пальцами. — Вот если обезвредить — это нужно Печать, работа... ты боишься, новый друг?

Страх погибнуть или быть раненым — это смешно, я — в ужасе, ибо что я могу сделать сейчас, когда она доверила мне прикрывать спину?!

— *Артефакт контроля Петэйр явно всё время держит при себе. Желательно, чтобы Джемая его прощупал — но уничтожать не пытайтесь, неизвестно, что тогда будет с животными. Я попытаюсь заболтать Петэйра, а вы из толпы смотрите как следует. В особенности — нельзя ли как-то снять его маскировку. Нужно прекратить весь этот маскарад с Чудом. А в общем, действуйте по ситуации. Только не суйтесь на рожон и себя*

берегите.

Смешно было слышать от неё эти слова — до надрыва в груди нелепо.

Белые когда-то камни покрыты ободранной алой краской. Кажется — изнутри плит вскипает белизна, и в ней тонет багрянец. И медленно, потягиваясь, поднимаются они, один за другим. Прорастают из камней Площади Явления. Медовые шкуры с пустыми глазами. Пасти и когти. Бессмысленность ярости.

— Похоже, твои собратья не согласны с тобой, варг, — фальшивый голос Ребенка из Энкера играет и переливается, будто лунные камни. — Смотри, я лишь немного ослабил контроль над этими тварями, а твои соратники собираются натравить их на тебя же. Что же будет, если я перестану совсем сдерживать этих зверей, а эти трое за твоей спиной прольют свою кровь на эти камни?

Актеры прокашливаются и вновь вздымают ножи над ладонями. Главный выкрикивает: «Да! Между нами не может быть согласия!»

Гриз Арделл разворачивается к ним вполоборота, и в её голосе звенит веселье. Неуместное здесь, на подтопленной серебряным прибором площади.

— А, да. Мои якобы собратья. Ну, раз они собираются на меня натравить девять алапардов — я же должна ответить?

Высверк ало-золотого — это диск в её руке. Огненный амулет работы Джемайи взлетает в воздух и хищно устремляется к актёрам — и они тут же шарахаются и реагируют так, как пристало любому прошедшему обучению магу.

Навстречу диску бьёт поток холода, поток воздуха. Тот, что справа, мгновенно извлекает из-под балахона короткий клинок.

Амулет падает якобы варгам под ноги и раздражается жалобным «пфуйк!» и слабеньким снопом пламени. Арделл, чтобы магия актёров не задела её на излёте, шагает за памятник Чуду Энкера.

— Хорошенькое дело, господа варги! — её голос звенит, звенит, и люди начинают поднимать головы, будто их позвал колокол. — Мечник, маг холода, маг ветра... Когда это мои собратья научились обращаться с Печатами?

Молчание тает в лунном свете. Собирается в сгустки дыхания из тысяч ртов. Рвётся паром в воздух, кажется — прольётся сверху дождем...

Почему я всё время думаю о дожде?

— Да у нас и Печатей-то нет, — Арделл поднимает ладони, и Луна Мастера послушно проливает на них серебро. — Эй, соратники мои... а вы можете так сделать? Господа артисты, ваша роль закончена, можете уже идти. У нас разговор.

Я могу поклясться, что сейчас, вот сейчас же над толпой полетит другой голос: «Я — представитель закона!» Но нет, Тербенно удерживают под локти, нашептывают ему, что нужно разобраться, что нужно подождать...

Этого они не ждали. Как и актеры, которые переминаются с ноги на ногу, стыдливо прикрывая ладони. Как толпа, в которой потихоньку начинает звучать недоумение: «Так что там, варги липовые, что ли?» — «Да какие варги, если Печати...»

Может быть, этого ждал Петэйр, который так и не сделал попытки ей помешать.

— Теперь, когда на площади остался только один варг, — Арделл подчеркивает это «один», — поговорим.

Мальчишка (он ведь всего лишь мальчишка, несмотря на свой величественный, облик!) вскидывает голову и позволяет себе торжествующую улыбку.

— Я ждал, что ты сделаешь это, варг. Знал, что кто-то стоит за актерами и фальшивками. Наконец-то я заставил тебя выйти из тени! Поговорим.

Алапарды приближаются к Арделл. Со вздыбленной шерстью и горящими глазами.

— Взгляни на них. Я удерживаю их из последних сил. Они переполнены яростью, которая кипит в них всегда. Настолько, что готовы даже наброситься на варга.

— Так перестань их удерживать. Давай посмотрим, готовы ли они.

— И ты уверена, что можешь остановить их, варг? Всех девятиерых? Если внезапно окажется, что они впадут в ярость?

Он упивается этим, вдруг понимаю я. Игрой в Чудо Энкера, своим превосходством, тем, что ему покорны девять алапардов. А вся договоренность с Тоу была нужна, чтобы организовать это представление и заманить на площадь настоящего варга... так зачем?

— Они не впадут в ярость, если никто и ничто их к этому не толкнёт.

— Но их уже толкнули. Кровь твоих братьев, пролитая, как здесь, в других городах. В зверинцах по всей Кайетте. Все знают об этом, — толпа отзывается слабым гулом. — Все знают о безумии зверей, которое приходит из ниоткуда... А ты, варг, знаешь, откуда оно приходит. От пролитой на землю крови таких, как ты. Это она пробуждает истинную натуру *бестий*, верно?

— Истинная их натура не в этом.

«Варг не должен проливать кровь, иначе животные сходят с ума» — сказала она. И Тербенно говорил о варгах-отступниках, и теперь вот Арделл не возражает насчет этого, о крови её братьев — неужели же это правда, и кто-то из варгов...

— Отчего же не в этом? Их натура — истреблять, и ты знаешь это, варг. Все знают это, потому что веками эти твари охотились на нас. А такие, как вы, прикрываясь словами о гармонии и мире — травили их своей кровью. Не от этого у тебя рубцы на ладони?! Варг-на-крови!

У неё изрубцованные ладони, да, а тонкие пальцы — в шрамах от укусов, ожогов, которые не берут исцеляющие зелья, и мало ли какое испуганное животное могло полоснуть ее когтем или клыком. Варг крови — нелепость, я что-то читал или слышал об этих изгоях, и это кто угодно, но не она, потому я думаю о важном.

О дожде.

«Придётся на вечер спектакль перенести. Судя по моим предсказателям погоды — ночью опять начнётся дождь», — вот что сказал Мастер в подслушанном нами разговоре с Сирленом Тоу. А потом, когда мэр удивился такому решению — в голосе Петэйра появилась эта странная заминка, будто он не хотел называть причину — отчего так боится дождя.

Чем же ему может помешать дождь? Разве что его маскировка при нём плохо держится.

Две фигуры на площади, среди белых от всплесков лунного серебра камней. Чёрные кляксы — тени и следы старой краски... Девять алапардов — стрел, готовых сорваться с невидимой тетивы. Разинутые рты в толпе.

Я крадусь вдоль затаившей дыхание толпы, а там, на площади — девять обречённых алапардов... и одна обречённая варгиня. Потому что ведь чтобы спектакль был правдоподобным, нужно тело настоящего варга — неопровержимое доказательство, что именно варги плели в Энкере какие-то интриги.

— Хочешь, чтобы я дал свободу тварям, которые жаждут убивать?

Он поддастся просьбе, думаю я, и убыстряю, убыстряю шаг.

Он сделает вид, что поддался просьбе, отдаст команду при помощи своего артефакта

— и как только все вокруг поймут, что он был прав...

Он прикажет алапардам убить варга — и убьёт их самих, и он будет победителем варгов и алапардов одновременно, вот что он имел в виду, когда говорил, что Гриз должна прийти и увидеть своё место!

Вместе с ними. У его ног.

— Ты отказываешься от защиты, варг? Ты отказываешься от покровительства Защитника Людей? Взгляни на этих тварей — я последнее, что сдерживает их...

— Или единственное, что толкает их вперёд.

Она ударила голосом — вспорола тишину и лунный свет до рубца. И луна прикрылась тучами, обиженная.

А я невольно оцупал кнут под курткой — и тут почуял под правой ладонью воду. Бьётся и бесится вода, стиснутая в каменных оковах почтового канала, загороженная решеткой. И её нужно выпустить и направить, а у меня только одна попытка, и сделать нужно быстро — иначе он сейчас ударит, он еще не ударил, только потому, что хочет, чтобы было эффектно, красиво...

Чудесно.

— Хватит, — говорит Арделл. — Хочешь дальше играть — пожалуйста, но вот моё условие: никто не умрёт нынче. Иначе... я начну действовать и говорить напрямик.

— Вижу, мне не вразумить тебя, варг. Помни, что сама выбрала себе участь.

Печать сейчас расплавит ладонь, Печать кричит, что я зря собрался творить магию, но я шепчу одними губами: «Единый, помоги мне...» — и с усилием делаю простейший пасс: поднять воду из канала...

Получается даже слишком хорошо: вода вырывается сквозь решётки ликующим, бурным фонтаном, рассыпается бриллиантовыми искрами в ночи, разбегается по площади и обдаёт и Мастера, и алапардов, и в толпе справа звучат вопли: «Потоп, итить!» И на миг становится даже весело — пусть себе Печать обжигает ладонь! Зато гаснет сияние вокруг мнимого Чуда Энкера. Петэйр стоит ко мне в профиль, и с него сползает личина — напротив Арделл уже стоит бледный худощавый юноша с пепельными кудрявыми волосами.

— С-с-с-стоять, тварь!!

О Единый, я слишком близко к Дому Каналов и к оцеплению.

Пытаюсь нырнуть в толпу и раствориться в ней, но слитное тело толпы не пускает, подаётся вперёд и хрипло верещит: «Держите его, держите!»

Навстречу мне пробивается кто-то с мечом — ясно, люди Тоу. Трое, и не меньше дюжины подбегает от ограды, остаётся драться, а правая рука — онемела от боли.

Прикрываю глаза и швыряю на брусчатку первый артефакт Джемайи, «Полдень». Хрустальный шарик, словно наполненный светом, взлетает — и разрастается в мгновенное солнце.

Шаг навстречу ослеплённым противникам.левой рукой нащупываю рукоятку кнута Арделл под курткой, тяну на себя, хлыст скортокса с тихим шелестом выскользывает наружу.

Ныряю под косою воздушный удар первого стражника, пытаюсь захлестнуть его за шею, а вместо этого ловлю за руку. Тяну и разворачиваю в сторону его же товарищей.

— Э-э-э-э, стой!! — пытаются пригнуться те.

Поздно! Стражник ударяет воздухом, сшибает с ног двух или трёх, потом я разматываю кнут и залепляю ему кулаком в челюсть, а может, в глаз, у меня совсем нет времени разбираться.

— Простите, — вдруг этот стражник искренне верил в то, что я тут заговорами занимаюсь.

— Честное слово, я не хотел, — и размахиваюсь кнутом, чтобы достать ещё одного стражника. Но кнут захлестывается за фонарный столб, а Мечник налетает на черное щупальце шеи, не успев остановиться, а может, не увидев его в полутьме. Валится, хватаясь за горло.

— О Единый, извините!

— Сто-о-ой, сукин сын! — орут стражники хором, но и опасаются бить в полную силу — из-за толпы. Так что я успеваю размотать кнут и извиниться ещё дважды (пока посылаю в сторону стражников артефакт на помехи и пока достаю еще одного кнутом поперек лица).

— Ой, я не туда целился!!

Рычат и плюются скверными словами. И грозят мне разным, пока я отпрыгиваю за древнюю оливу. Валю на них ограду оливы. Самое время попробовать опять нырнуть в толпу или пробежаться вдоль ограды особняка мэра...

И тут меня настигает музыка. Веселенькая мелодия — коротенькая, ярмарочная, разудалая — захлестывает лодыжки и неудержимо срывает с места. Никогда-то я не был в танцах хорош...

Наёмники Тоу пляшут ещё хуже. Размахивая руками во все стороны. Совершая отчаянные жесты и не по делу применяя магию. Вырубая при этом своих же.

— Да какого ж чёрта водного?!

— Кто-нибуууудь, грохните законника!

В толпе заходятся хохотом и воплями (тоже с полдюжины людей выплясывает). А мы со стражниками Тоу дружно припрыгиваем в такт мелодии вокруг древней оливы.

— Тербенно! — ору я при этом и пытаюсь кого-нибудь всё-таки парализовать кнутом. — Тербенно, вы идиот!

Музыка отпускает, оставляя дрожь в коленях. Едва ли не над ухом после этого раздаётся законнический клич:

— Никому не двигаться! Не применять магию! Играю без предупреждения!

Теперь я понял, почему Мелони его зовёт Занудой. Я употребил бы даже менее нежное выражение: с какой стати он подошёл так близко?! Неужели все, кто соприкасается с Арделл, превращаются в невыносимых, непредсказуемых смертников?!

— Уйдите, — выдыхаю с трудом. — Отойдите, они же сейчас...

— Можете считать себя арестованным, господин Олкест! А что до поведения местной стражи...

Тербенно замолкает, будто в горло ему загнали истину. Выступившая из-за туч луна обильно поливает его лицо лунными белилами.

На нас наведено не меньше дюжины ладоней с разными Печатами. Два арбалета Стрелков. И клинки Мечников посвёркивают.

— Напоминаю, что я действую с разрешения господина Тоу, — хрипло пытается Тербенно. Отходит на шаг назад, чтобы выиграть время хоть для одной мелодии.

— Теперь-то вы нам верите? — бормочу себе под нос. У меня в кармане ещё один артефакт, на сон, и если бросить его под ноги тем, которые стоят к Тербенно ближе...

Законник не отвечает. Он медленно поднимает дудочку к губам — пядь, еще пядь...

— Что вы собрались делать, господа? Хотите напасть на законника при исполнении? Опустите оружие!

Стражники переглядываются, дышат вразнобой. Кое-кто немного опускает ладонь. Кажется, я невзначай вырубил их командира, потому что кто-то из задних рядов спрашивает:

— Так что с ними делать-то?

— Вязать, — отвечает кто-то, почёсываясь. — Тоу разберётся.

Дальше всё происходит одновременно. Тербенно прыжком отскакивает в сторону и подносит дудочку к губам. С неба валится внезапный шелест крыльев, и один из наёмников Тоу выдаёт удивленное, короткое: «Птичка».

Стая диковинных птиц пикирует с неба, поблёскивают их крылья и клювы в лунном свете, и в воздухе раскрывается что-то невесомое, полупрозрачное, распускает нити, а может, щупальца...

Об этом артефакте Джемайя меня предупреждал («Крайний случай, мой друг! Щебетуны будут там, над головами»). Потому я падаю, прикрываю голову руками и откатываюсь как можно дальше, прямо под ноги толпе, даже кого-то сшибаю: тело валится поперёк меня...

— Какие вы прыткие, — ласково говорит голос Джемайи. — Я там... артефакты всё слушаю, а тут — кутерьма! Пока добрался, годы-то уж не те. Эй, друг, где ты?

— Извините, — бормочу, выбираясь из пожилого, грузного горожанина. Тот не отвечает: спит. Как и ещё с десятков вокруг нас, и все стражники из оцепления: щупальца «Медузы» отключают при касании.

Толпа бурлит и гудит, пока я подхожу к Джемайе: он стоит у ограды той самой оливы. Улыбается и кивает мне, и глаза у него серебрятся почти так же ярко, как Лик Мастера в небесах.

— А где твой друг, который законник?

Тербенно вытянулся на площади во весь рост чуть дальше. Всё-таки попал под воздействие артефакта.

— Спит. Может, это и к лучшему.

— *Не истребить, нет. Подчинить.*

Звонкий мальчишеский голос прокатывается по площади, и я вспоминаю... как странно — кажется, мы были лишь в нескольких десятках шагов, а из-за всей этой беготни я забыл...

Варгиня в надвинутом на лице капюшоне. Мастер: пепельные кудри растрепались, серебрится плащ, искрится озорная улыбка...

В руках — хрустальная фигурка, внутри которой рдеет капля крови.

Артефакт контроля над бестиями. Старый Мастер качает головой в ответ на мой незаданный вопрос.

— Стой, мальчик. Я не смогу, и ты не сможешь ничего. Они должны сами...

— Они — Кто — они? Она — и алапарды?

У памятника Чуду Энкера замерли разоблачённый Петэйр — и одинокая фигурка напротив него.

— Она — и тот, кто с ней. С кем они вместе.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Он отбросил со лба мокрые пряди. Презрительно фыркнул в сторону онемевшей толпы. И уставился на неё с укоризной — мальчишка-Мастер, который казался изваянием из серебра... или лунного света.

Пепел промокших кудрей, острота чёрного взгляда. Угловатость фигуры и лицо почти ещё ребёнка, сколько ему... шестнадцать? Семнадцать?

Высокомерная складка у губ.

— И нельзя было без этого? Вы же всё испортили со своими подручными. Разочаровали народ. Оставили его без веры. Без Защитника. Всё только усложнили.

Позади — водоворот звуков. Ругательства и вскрики, задавленные вопли, свист толпы... И ещё там Янист Олкест, а может, и Джемая, и хочется обернуться, но нельзя.

— Это не я начала. Вы с господином Тоу и вашей игрой в чудеса. Подсунуть народу фальшивое Чудо — тебе не кажется это чем-то неверным?

— Да не особенно. Когда желаешь достучаться до идиотов — к разумным словам прибегать сложно, не так ли? К мистическим символам — проще. Обопрись на их суеверия — и получится всё донести получше. Что это они?

По толпе прокатывается сдержанный гневный гул — осиное гнездо, медленно разрастающийся в тлеющий вулкан. До толпы наконец доходит, что её обманули.

— Им не нравится, что ты называешь их идиотами, — поясняет Гриз, окинув взглядом разгневанные лица. Петэйр кивает с абсолютным спокойствием на лице:

— А. Но как их ещё назвать, если уж они верили в то, что мы с Тоу им тут наворотили. Потихе! — он повышает голос. — Хотите уходить — уходите. Вздумаете разговору помешать — у меня девять алапардов на поводке. Могу обновить вам воспоминания о Резне, если не терпится.

В толпе примолкают. Кое-кто и впрямь старается прощепиться обратно. Кто-то замирает от страха. Ревёт во весь голос девочка у отца на плече.

— Убьёшь людей?

— Не хотелось бы. Я вроде как явился к ним посланцем. От их исчезнувшего божества — или кем они считают местное чудо? Собирался их защитить.

Позади — новый всплеск криков пополам с неожиданно весёлой музыкой. Тербенно точно решил добавить в сине-серебристые сумерки ярких оттенков, а может, звуков...

Гриз трёт ладонью лоб под капюшоном.

— Может, ты наконец объяснишь — зачем тебе всё это понадобилось? Сирлена Тоу я понимаю, но ты... Какую идею собирался до них донести таким образом? От кого защитить?

Музыка позади смолкает. Юный Мастер смотрит на неё с брезгливой жалостью, как на низшее существо, неспособное понять.

— От таких, как ты и от ваших тварей. Я же говорил. Ты думала, что на войне — место для шуток?

— А мы на войне?

— С момента, как появилась первая бестия. С того времени, как они начали топтать нас, жечь огнём, охотиться на нас. Как здесь, в Энкере. Где их наконец-то остановили.

— Когда приходят в твой дом, — говорит Гриз, глядя в серебристый лик, очень напоминающий лик на небе (только этот худой и с огромными глазами), — когда забирают твоих детей, а с тебя самого сдирают кожу... странно считать, что они просто терпели бы это. Люди забирают у них слишком много. Как здесь, в Энкере. Тогда.

— Забирают, потому что имеют на это право! — голос Мастера тоже становится серебристым, расправляет крылья и взлетает над площадью. — Это не их дом. Наш дом. Мы здесь хозяйева, они — ошибка природы, которую давно уже нужно исправить.

Он коротко кивает себе под ноги, туда, где опять разлеглись на плитах девять медовых

тел алапардов.

— Рассказать тебе, варг, сколько людей от них гибнет за год? А от яприлей? От мантикор и гидр? От керберов и прочей дряни, которую вы защищаете? Или мне напомнить тебе — сколько погибло в Воздушных войнах, в Водных, в Таранном шествии?

— Мы можем многое рассказывать друг другу, Петэйр. У меня есть истории о кровавых травлях, о контрабандистах, фермах, зверинцах и клетках. О пепелищах. Хочешь?

— Нет. Потому что ты меня не слышишь, а я не слышу тебя. Для тебя эти твари — что-то вроде людей. Так? Вы там все сумасшедшие, варги. «Ох, их жизнь так ценна, не смейте их трогать! Ох, злые людишки обидели зверюшек!»

— А ты хочешь их истребить.

Холодный свет луны падает на лицо и становится на губах горечью. И в глазах не прорастают травы — им не пробиться сквозь камень.

— Истребить? Нет. Твари могут быть полезными человеку. Шкуры. Когти. Остальное. Не истребить, нет. Подчинить.

Фигурку он держал спрятанной в широком рукаве. Это фигурка мальчика — того же, что и на пьедестале. Хрустальная, но под фосфорическим светом с неба — почти жемчужно-белая... и только внутри — яркое багряное пятно.

— Убрать только самых опасных. Подчинить тех, кто останется. А избавиться придётся от вас. Это не мы начали войну — вы её начали. Такие, как ты. Те, кто ходит по городам и разбрызгивает свою кровь. Натравливает зверей на людей. И мы знаем, к чему вы ведёте и чего хотите, так что... нет. Мы не дадим вам шанса начать по-настоящему. Понимаешь?

На площади теперь совсем тихо. Только пар дыхания клубится в воздухе да где-то высоко над головой слышен шелест крыльев — это пташки Джемайи.

— Понимаю, что ты считаешь всех животных опасными, а всех варгов — предателями людской расы. Понимаю, что видишь во мне, как и во всём моём племени тех, кто толкает зверей на месть людям... Это не так. Варг не может толкнуть зверя на убийство. Отступники, варги крови — лишь малая часть. Варги рождаются, чтобы соединять живое — с живым. Помогать людям и животным...

— Быть в гармонии? — и мальчишеский, залиvistый смешок. — Ты просила меня отпустить алапардов. Перестать контролировать «Хозяином». Если я исполню твою просьбу — будут они в гармонии? Или бросятся убивать?

Мановение руки с артефактом опять поднимает алапардов на ноги. Медовые шкуры золотятся в сумерках, и все глаза — как закрытые двери, куда нет хода варгу...

— Выбирай, варг. Я говорю серьёзно. Вы же так любите стоять на двух сторонах, будто вы мосты! Так вот, выбирай одну сторону. Я их убиваю, — чуть сжимает пальцы. — Или я их отпускаю. Совсем отпускаю. А ты пытаешься их удержать... своей гармонией. Но если вдруг не удержишь...

«То это Энкерская Резня», — стучит и отдаётся в стенах внутренней крепости, и стены подрагивают и крошатся, потому что — девять алапардов не два, и Чуда Энкера здесь нет, и удержать...

Вот, что ему было нужно. Доказать себе самому — и всей Кайетте свою правоту. Что мирное сосуществование невозможно. А когда он это докажет — прогрессисты выйдут на охоту, которой они так жаждут.

— Давай же, варг! Докажи мне, что эта ваша хваленая гармония возможна. Я их освобождаю, а ты убеждаешь не нападать. Если они правда мыслящие существа. А если они

хищники и хотят крови — с ними придется поступить как с хищниками, верно же?!

Морды алапардов — неподвижны и бессмысленны. Будто на площади стоят уже мёртвые. А на лице у юного Мастера — алчное ожидание, и его губы вышептывают те самые вопросы, которые влетают — ядовитыми стрелами — через стены её крепости.

Разве ты удержишь, Гриз?! Девять алапардов в непонятно каком состоянии? В одиночку?! Неужели ты рискнёшь сотнями людскими жизней — ради девяти алапардов? На что ты надеешься, Гриз?! Неужели — на чудо?

— Ну же! Если ты уверена, что варги защитят людей надежнее, чем мы... давай! Защити же этих людей от алапардов!

Нет. Не на чудо. Совсем не на чудо. Я верю кое во что другое.

Эта вера металлом холодит правую ладонь. Острая, как лезвие, вера.

— Ты всё равно бы сделал это. Верно?

И я знаю, что ты прикажешь им, прежде чем освободить.

В толпе слитно охают, а Петэйр коротко разводит руками: мол, нет, конечно, я же столько раз тебя отговорить пытался. В двух обличиях.

— Отпускай!

Она слышит голос Яниста — тот выкрикивает что-то вроде: «Не нужно, пожалуйста, не нужно...» Потом время истекает, разбрызгивается лунным соком по плитам. Петэйр проводит над своим артефактом правой ладонью, с Печатью.

И в глаза алапардов возвращается смысл. Звери трясут головами, дрожь прокатывается по шкурам, каменеют мышцы, как перед рывком, оскаливаются пасти...

— Слушайте меня, — негромко говорит Гриз и вытягивает им навстречу левую руку, ту, что свободна. — Слушайте мой голос. Мы вместе...

Время замирает, и луна, и толпа, и на площади жив лишь её шёпот, в сумерках, наполненных серебром. Она стоит, протягивая руку, у подножия монумента Мальчику из Энкера, а напротив — девять алапардов, и она не может сказать им: «Умрите».

Не имеет права.

Алапарды медленно трогаются с места. Золотистые, гладкие, величественные. Бесшумно ступают по площади. И Гриз пытается воззвать к ним, но они будто прислушиваются к другому голосу, который зовёт, говорит... что?

«*Мы вместе, вместе, всегда вместе...*» — успеваешь она уловить, даже не уходя в единение. Прежде, чем первый алапард поднимается на задние лапы и кладёт ей передние на плечи, ослепляя огнями зелёных глаз.

По щеке приветливо проходит шершавый язык.

— М-м-м-риа-а-а! — высшее расположение, которое обычно выражается лишь в брачный период.

Остальные подхватывают радостную песнь и вскидывают хвосты — девять золотых восклицательных знаков. И трутся боками друг о друга и о постамент, с которого удивлённо глядит Чудо Энкера.

— Что ты... как ты это сделала?!

В голосе Петэйра — внезапный визг. Юный Мастер водит и водит ладонью над своим артефактом, Печать на его ладони сияет, а кровь в хрустале горит рубином — но ничего не случается. Только два алапарда подходят поближе и с радостным «М-м-м-риа-а-а!» начинают тереться о ноги Петэйра, о его бока — чуть не сбивая с ног.

— Ты не могла! Без применения крови... не могла! Это за пределами твоих

возможностей!!

Алапарды приподнимаются на задние лапы, чтобы ласково боднуть в плечо или в подбородок, и мальчишка пятится, отпихивает зверей и выкрикивает как-то обиженно, будто Гриз вдруг нарушила правила игры:

— Ты не могла, как ты это сделала?

— Никак, — отвечает Гриз спокойно. Возле неё танцует, изнывая от нежности, Шафран. — Это не я.

— Что?! — выдыхают разом Петэйр и ошалевшая от таких вывертов ночи толпа.

Алапарды запрокидывают голову и приветствуют Луну Мастера как лучшего сородича: «Мриа-а-а-а! Мриэ-э-эй!» Хрустальная песнь летит над удивлённой площадью, а бестии резвятся в лунном свете, как котята — подкидывают лапами старые листья, и катаются, показывая медовое брюхо, и игриво лижут руки зевакам в толпе — те вскрикивают, но каким-то чудом не применяют магию...

— Кто-то рассказал им, что они свободны. И что бояться больше не надо. И что люди — не добыча. Что мы все вместе.

— К-кто?!

Пальцы, стиснутые на хрустале, подрагивают, а губы вздёрнулись в оскал, и на миг, когда их глаза встречаются — это почти единение, потому что она понимает... слышит: «Всё было рассчитано, и такого не могло произойти, потому что они не могут быть такими, это ложь, и кто мог сотворить такое?!»

«Тот, кого не может вытеснить из сознаний животных твой артефакт, — отвечает Гриз взглядом. — Поверь, это не я».

— Чудо!!!

Вопль накрывает площадь единой, ликующей пеленой. Гриз поднимает голову: на фоне серебристой луны распахивает крылья феникс. Он процветает пламенем, и переливчатая песня вторит песне алапардов.

«Скорее! — зовёт огненная песня с небес. — Вы свободны теперь, и мы вместе! Так скорее, за мной!»

Алапарды отзываются дружным радостным: «Мри-э-эй!» И идут туда, куда плывёт феникс — к Большой Ярмарочной улице, к той самой, с которой всё началось. А народ пропускает их, торопливо расступаясь, частично запруживая площадь, а частично — давя друг друга... Пока не открывается проход, в конце которого стоит и ждёт единственный человек.

Высокий человек в плаще, и лицо скрыто капюшоном.

«Он...» — прокатывается по толпе судорогой. Но человек не шлет ни жеста, ни слова. Он только кивает алапардам как старым друзьям — и уходит пружинистым, легким шагом, а они следуют за ним игривой трусцой, извиваясь в сладостном танце, подпирая друг друга боками, всё норовя нырнуть ему под ладонь...

Пастух посреди доверчиво прильнувшего к нему стада.

И над всем этим алый знак феникса в небесах.

Гаснет позади протяжный стон, смешанный с рыданием. От тех, кто остаётся в неподвижности на Площади Двух Явлений. Кто получил больше, чем ожидал — в толпе праздник, незнакомые люди обнимаются и жмут руки, и если кто-то не видел — ему торопятся описать чудо в подробностях, и кто-то уже плачет от избытка чувств...

Экстаз. Восторг. У всех.

И ярость — у единственного.

— Хороший ход, варг, — Петэйр теперь идёт к ней навстречу, у него шальные и весёлые глаза убийцы. — Очень хороший ход. Но мы с тобой ещё не закончили.

Жаль, нет кнута, — успеваешь мелькнуть короткая мысль.

Мастер сует руку в карман. И замирает, услышав тихое, сказанное возле уха:

— Вы уж меня за такое простите.

А потом кулак Яниста Олкеста врежется в челюсть Мастера-изгоя Петэйра с такой силой, что тот валится, как подкошенный.

— Уф, — Рыцарь Морковка свирепо сдувает со лба рыжие кудри. — Вы... вы невыносимы, вы знаете это? Вы что, знали, что в нужный момент появится вот этот... кто это был, кстати, а? Тот варг, который заходил к Джемайе? Но если так, то...

Гриз стряхивает с себя оцепенение.

— Олкест. Вы целы? Как Джемайя? Тербенно?

Рыцарь Морковка машет рукой — вон там, в порядке. У него смешно раздуваются щёки — наверняка там немало слов, которые он для неё приготовил...

— Присмотрите, чтобы он никуда не делся, ладно? — она кивает на Петэйра. — Свяжите чем-нибудь... мне нужно уйти ненадолго.

— Что? Опять?!

Она не отвлекается больше, бросаясь вслед за огненным знаком в небесах. По Большой Ярмарочной — но Гриз вязнет в толпе бурлящего народа, где каждый желает последовать за внезапным чудом. Её успевают пару раз обнять и поздравить, и она неминуемо опаздывает. Когда она выныривает из мутного вира энкерцев — бежать уже поздно, но она всё-таки мчится со всех ног по окованным в серебро улицам, гонится за алеющим пятном там, в небесах — знак феникса всё не гаснет, а песня не стихает, и этот знак словно ведёт её вперёд...

На полпути к городским воротам она понимает, что не догонит — и останавливается, выбрасывая из ладони птичку Джемайи, с одним пожеланием: чтобы она нашла варга с девятью алапардами. Потом снова пытается превратиться в ветер, но ветру в людском лесу — не разгуляться. На Привратную Площадь Гриз выскакивает, чтобы увидеть оплавленную дыру в воротах. Ну да, фениксы же мастера проходить через любые преграды...

Возле дыры толпится народ, и туда не доберёшься. Гриз успеваешь увидеть только вспышку от пламени феникса, но уже не в небесах, а ближе к земле. И ей кажется, что в этом пламени растворяется, тонет человеческая фигура в капюшоне.

Девять фигур алапардов тоже исчезают в ночи — лунными бликами, как полагается самым быстрым существам в Кайетте.

Потом она просто стоит. Посреди Привратной площади Энкера — вновь ставшего легендой. Слушает шепотки, которые льются из каждой крошливой стены: «Феникс, вы видели?» — «Он ходит в пламени!»

На ладонь опускается маленькая меднокрылая плашка. Теплая, будто её сжимали чьи-то горячие пальцы.

— Пока ещё не время, сестра, — говорит пташка весёлым молодым голосом. — Сегодня было не время. Но скоро оно придёт, обещаю. Помни: ты не одна.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

«Встряска» полна шуршанием газет — будто «Ковчежец» расположился в киоске, а может, в архиве. Виноват в этом Пухлик, который с утра окопался на пути тележки старого Тодда, а теперь приволок в общую каминную целую пачку дрянных бумажонок с запахом несвежей печати. За девятницу или больше. И не только вейгордские — вон у Конфетки в руках мелькает аканторская пресса, а Морковка уткнулся во что-то северно-кайеттское, с профилем короля Крайтоса.

Даже Мясник изволил отложить блокнотик и развернуть что-то вроде криминальной хроники.

Методично кромсаю попавшую мне в руки газетёнку ножом. Рожи на портретах от этого приобретают даже какой-то шарм. Смотрю при этом на Пухлика с намёком.

Пухлик не слышит, он по уши в газете. Листает её, восторженно похмыкивает. И нет-нет да и делится с окружающими.

— «Танцующий япиль» — новый сорт вина от господина Вельекта. Старина-магнат не поскупился: тут чуть ли не полоса про историю с яприлем... С упором на то, что вино у Вельекта такого отличного качества, что и зверь оценил, ха! И премилый слоган: «Заставим даже яприля танцевать». Чует моё сердце, выражение «ужраться до танцующих яприлей» уже всюю приживается на юге.

Усач может писать что угодно — главное, что япиль Пьянчужка чувствует себя сносно. В первые два дня мы с Грызи и Конфеткой побегали вокруг него с антипохмельным зельем. И еще он обслюнявил Дрызгу — говорила ж всем, никому мимо его загона под хмельком не ходить! Правда, может, Дрызга и не под хмельком была. Может, она просто насквозь всей этой дрянью за годы пропиталась.

— И неплохая реклама нашему заведению. Вот тут, про высокий профессионализм. И умение работать с размахом и фантазией — так и написали «с фантазией», поди ж ты! Заказы после такого-то косяками попрут...

— Липучка ещё после этого не просох.

Пухлик легкомысленно машет газетой.

— Я помню насчет инструкций «не брать продукцией», но ты ж сама видела — Вельект хотел нас отблагодарить. Помимо денег, имею в виду. Между прочим, спрашивал у меня насчёт рецепта того пойла, которым мы приложили нашу свиночку.

— Дивный эликсир, пленяющий яприлей? — процветает Конфетка, опуская газетные листы, — Ты поделился с ним составом?

— Такое можно сотворить только от очень большого вдохновения и раз в жизни. Если бы я хоть сам помнил, что именно туда лил. Хотя-а-а... может быть, серия экспериментов...

Они перемигиваются, хихикают и кокетничают, будто парочка подростков. Противно смотреть и слушать, так что с размаху засовываюсь в газету.

— Эй, Пухлик! Как звали ту сбежавшую невесту? Которую искали эти олухи в «Богатой лозе»?

— Лоринда, — выдаёт Гроски без колебаний. У Пухлого память, как у грифона.

— Так вот, она не сбежала от жениха. Снова Душитель.

— Все тропы Перекрестницы! — Конфетка выхватывает у меня газету и ищет подробностей. — Несчастливая девушка, похищена едва ли не со свадьбы... тело обнаружили на дороге у отчего дома. Клянусь всеми моими ядами, этот Душитель заслуживает многих из них. Но получается, что она исчезла как раз, когда вы были в той же местности? Значит, вы могли бы видеть его?

— Может, и могли... — неопределённо мычит Пухлик. Его с чего-то слишком уж интересуется Нэйш. — А что говорят криминальные сводки?

Мясник складывает газету пополам и откладывает в сторону.

— Здесь есть трогательное описание — привычки, Дар, даже история, как шилось её свадебное платье. И предположения, что Душитель направлен к нам из Айлора. Эвальдом Шеннетским — чтобы сеять панику в души враждебной страны.

Эта версия его здорово веселит, а веселящийся Живодёр — неприятное зрелище. Вон, Морковка уже стискивает в кулаках свою газету.

— А у вас есть версии лучше и правдоподобнее?

Мясник жмет плечами, как бы говоря — нет, с чего бы. Морковка, оказавшись на перекрестье общих взглядов, мгновенно буреет. И ищет спасения у Пухлика:

— А что насчёт этого думает Тербенно? Это ведь ему поручено расследование по делу Душителя?

Пухлик радостно хрюкает. Зануда являлся вчера, и убалтывал законника именно Гроски. Спасибо — уболтал, а то Зануда приволокся посередине кормления с твёрдым намерением «всех допросить». Ещё б полчаса — и допросился бы. До полного обеззубливания рукояткой кинжала.

— Наш дорогой законник самую малость не в себе. Ему, видишь ли, как следует намылили шею за то, что он ошивался где-то в Энкере, а не искал Душителя. Да и ещё он разорялся насчёт шумихи в газетах и вашей связи с этим всем, — кивает на старые выпуски. — Это что же, вы сотворили?

Морковка принимается смущённо шелестеть газетами. Он не слишком разговорчив после Энкера. Раньше непременно приволокся бы и измучил подробностями. А то ходит и что-то коптит.

— Не знаю, почему они с ним так суровы. В конце концов, арест мэра Энкера... да и этого Мастера — тоже немало. Можно сказать — раскрыл дело.

— Только вот мэр — труп, — напоминает Гроски. — Ты ж сам говорил позавчера. А Мастер как-то внезапно пропал из-под стражи.

— «Канул», — ласково уточняет Конфетка. — Сегодня во «Взоре Акантора» об этом пишут так.

— Но я же передал его прямо в руки Тербенно! Когда законник очнулся. Когда они... в общем, оба очнулись. И Джемая мне не сообщал, что Петэйр... — Морковка в панике окунается в газету. — Погодите... из-под стражи?!

Конфетка и Пухлик разом кивают. И смотрят на Его Светлость одинаково: как папочка и мамочка на дурного сыночка. Того и гляди — усыновят.

— В этой истории и так-то непонятного много. Насколько мне известно... из своих источников, так сказать — после прибытия в город королевского кузена там началось вир знает что. Едва ли не полгорода допросили — и можешь ты мне сказать, почему это вас с Гриз ещё не затаскали по допросам?

— Глблрл, — говорит Рыцарь Морковка, до которого внезапно доходит удивительное.

— Вот и я говорю, странновато. Спрашивал было у Тербенно — но тот рычит что-то про секретность. И про то, что вот — была бы его воля, мы бы все уже оказались на Рифах.

— Ну, не для всех это было бы новостью, — всаживает в Пухлика шпилечку Мясник.

— В общем, я понял только так, что допрашивать вас запретили сверху. Непосредственное начальство. И с учетом того, что вы не просто свидетели, а действующие

лица всего этого... никто не приходится родственником королям, а?

Морковка начинает коситься на меня (показываю кулак). Бормочет под нос: «Наверное, скорее нет». Откладывает эту газету и берёт следующую. Перелистывает и выдаёт с небрежностью, от которой за милую несёт принуждением:

— Здесь тоже половина страниц — о новом Энкерском Чуде. Всё больше домыслы и слухи — вроде стай фениксов. Или алапардов, которые растворились в пламени.

— О, сладенький, — подхватывает его напев Конфетка. — Об этом будут говорить ещё много лун, и с каждой луной воспоминания станут всё чудеснее. А тайна всё удивительнее, не так ли? Кто он такой, этот незнакомец, и зачем скрывался, и почему пришёл на помощь именно в такой момент...

— Потому что он хотел доказать.

Голос Грызи раздаётся как-то внезапно. Я уж и успела привыкнуть за девятницу с лишним, что она всё молчит да молчит. Сколько её помню, она вечно носилась с этим Ребёнком Энкера и его исчезновением. Так что теперь, когда она его встретила таким вот образом, ей точно есть, что обдумать.

— Что хотел доказать, золотенькая?

— Что они не чудовища. Что мир возможен. Что гармония может быть, — голос у Грызи приглушённый, а глаза уходят в ту самую серебристо-синюю даль. Где в огненном ареоле тает темная фигура. — Как и Петэйр, он ждал нужного момента, чтобы дать знак всем — на будущее.

— Новое Чудо Энкера? — фыркаю и киваю на газеты. Грызи качает головой.

— Он не хотел сотворить новое Чудо Энкера. Хотел перечеркнуть старое. Предыдущий раз всё кончилось смертью. Людей и алапардов. А он хотел показать, что это... не обязательно должно кончаться так. Что этого можно избежать. Мощнейший варг, настоящий Пастырь...

— Но это же был один и тот же человек? — переспрашивает Рыцарь Морковка. — Это был тот самый... Дитя Энкера?

Но Грыз опять молчит, а взгляд уходит уже не в даль — куда-то в себя. Как молчат не от незнания, а от знания. Или от догадки, с которой не знаешь, что делать.

И от этого молчания на меня веет холодом. Подступающей зимой.

Будто впереди у нас — сплошная Луна Мастера. С внезапными чудесами пополам.

«Некоторые прогрессисты считают, что варги прокляты.

Отлучены от Камня из-за родового проклятия на крови.

Этим и объясняется безумие зверей, когда мы льём кровь:

не Дар обнажается, а проклятие выходит наружу.

Бывают дни, когда легко поверить в это. И тяжелее всего

в такие дни — не задавать себе вопросов о том, можешь ли

ты не быть одинок, если проклят и обречён».

Из дневника неизвестного варга

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Интересно бы знать, у старого Тодда найдётся комплект рубашек? В деревенской лавке этого добра не водится.

Близкая зима обостряла у зверушек желание поохотиться на мою тушку. А у шнырка Кусаки случилось обострение ненависти к клеткам, так что он изобрел сорок какой-то способ побега. И был уже на полпути к складу с припасами, когда его сграбастал я. Результат — расцарапанные руки и две прорехи в рубашке с ладонь длиной. Повезло, что струю вонючей жидкости от Кусаки вместо меня получил подбежавший вольерный.

Теперь я латал дыру — привычное до боли занятие для вечера. На постирушки одежду можно и деревенским прачкам сдать. Но сразу не чинить, что порвано — себе дороже: через несколько деньков рубашки заканчиваются, ты приобретаешь лихой и экзотический вид, Мел начинает фыркать, Арделл — спрашивать, не выдать ли мне аванс, а ещё в драных рубашках очень сложно очаровывать черноглазых прелестниц-нойя.

— Иначе придётся отпрашиваться в город, а это будет дней через семь, — продолжил я, с оптимизмом приносиваясь к ткани. — Эй, у тебя, случайно, нет каких-нибудь планов в Вейгорд-тене?

— Вы все сумасшедшие.

Не совсем то, что ожидаешь услышать во время беседы о рубашках. Но, Боженьки, это же человек, который выбрал объектом своих воздыханий Мел, да еще искренне хочет на ней жениться.

— Целиком с тобой согласен, — я просунул в прореху ладонь и пошевелил пальцами. — Как подумаешь — кого спасаем? Видел этого шнырка? Будь он размером с яприля — он бы пару городов разнес, точно тебе говорю. Понятное дело, есть единороги...

— Не поэтому, — перебил Олкест. Видок у него был малость нездоровый. Бледное лицо и горящие глаза. — Из-за того, как вы... относитесь к ней.

Восемнадцать дней продержался — можно рекордом считать. Парня явственно разбираю уже после их недавней поездки с Арделл в Энкер. А сорвался он, само-то собой, из-за Мел и вчерашней истории с дохлой волчицей, которую Нэйшу пришлось скоростижно вскрывать. Я зрелища не застал, но вольерные судачили, что Гриз влетела уже практически в потасовку, и гнев её был ужасен.

— Чем она вас околдовала — вас всех? — Олкест вскочил с кровати, причём встал в неосознанную позу оратора, и я понял, что бежать поздно. — Вы... вы будто очарованы ею,

влюблены в неё все до единого, Мелони смотрит на неё как на какое-то божество, и Аманда, и Фреза, и ты тоже, и вообще, все в питомнике...

— Насчет всех я бы поспорил, — пробормотал я, припомнив ухмылочки Нэйша и взгляды Уны. — Эй, ты хоть меня-то не записывай в дыхатели Арделл. Мое сердце, знаешь ли, занято кой-кем другим.

Янист как раз вздумал пробежаться по комнате, будто матрос по палубе корабля. Но на этом месте остановился и взмахнул руками.

— Но ты всё же прислушиваешься к ней. Беспрекословно исполняешь, что она тебе скажет, и считаешь её... как это у нойя? Лучшая из людей? Неужели вы все не видите, что она совсем другая, что... эта невыносимая... что она...

Я сделал пару стежков и опустил иголку — все равно тень от Яниста мельтешила и прыгала по рубашке. Парень расхаживал туда-сюда и толковал о том, какая Арделл невозможная, несносная, резкая, недоговаривающая, грубая, раздражающая, неженственная, неподобающая, нескромная, нарывающаяся-на-что-попало, циничная, возмутительная, бестактная...

Я глотал эпитеты, приоткрыв рот, как птенец феникса, который ожидает кормления.

— Всё это, конечно, отлично, — заговорил, когда Янист малость выдохнул и зарядил финальное «невыносимая». — Но ты бы, знаешь... постарался бы хоть это вот «она» произносить не с большой буквы.

Парень замер так, будто ему в спину всадили сотню стрел. И начал менять оттенки — сперва уши, потом щёки, потом шея...

— Боженьки, — уважительно сказал я, рассматривая малинового соседа по комнате. — Что, сильно стукнуло?

Олкест издал протестующее бульканье и свалился обратно на кровать. Попытался изничтожить меня полным праведного гнева взглядом.

Убедившись в моей невоспламеняемости, жених Мел тихо уткнулся лицом в подушку.

— Если говорить обо мне, — сказал я, возвращаясь к дыре в рубашке, — мне маловато приходилось встречать таких, как она. Таких, которые отдают всего себя каждому. И кто пытается помогать даже не самым лучшим тварюшкам — возьми хоть Кусаку, ха. Было дело, я встречал тех, кто намеревался, знаешь... творить справедливость, помогать людям — всякое такое. Видел, что с ними происходит — то есть, с теми, кто выживал, а то у ребят с благими намерениями обычно короткий путь. Если не умирают, так разочаровываются или пачкаются, или...

Превращаются в крыс, способных только грызть и портить, и обращать в труху.

— Навидался и меценатов, и благодетелей разных сортов — и как-то не видал у них такой самоотверженности. Они были разумнее, видимо. Понимали, что нельзя сжигать себя вот так каждый день. Такие люди, как Арделл, будем уж напрямик — не живут долго. И когда ты встречаешься с таким человеком — ну, то есть, с *живым* таким человеком, не в исторических хрониках, не в книжонках с прилавков, не возле памятника «С глубокой благодарностью от всех-всех-всех»... Производит впечатление, да?

Судя по косому взгляду из недр подушки — латать сердечные раны у меня получается хуже, чем с рубашками.

— Это отвратительно, — подушка малость приглушала негодование, — да, она... производит впечатление. Может быть, ты прав, и при всей своей невыносимости она...

— Обаятельная? Интересная? Притягательная? — подкинул я ещё пару эпитетов.

Казалось, подушка сейчас полыхнёт.

— Но это отвратительно с моей стороны. Мелони...

— Обрыдает своих ненаглядных керберов и поплачется мантикоре на то, какой ты жестокосердный. Ведь ей так нужно крепкое мужское плечо, ага.

— К-к-клятва...

— Ну да, ну да, священна и нерушима, потому что дана... не знаю, кому ты её давал — небесам? Десятерым? А, ты адепт Единого. По-моему, на небе все хором бы согласились, что твои попытки затащить Мел в брачный союз имеют столько же шансов на успех, сколько... я не знаю, подойдет «попытки королевы Ракканта наставить Шеннета Хромца на путь истинный»?

Парень засопел недовольно, но не возразил. Мел бывала на диво убедительной, когда хотела.

— Хотя не скажу, что с Арделл у тебя шансов больше, — добавил я. — Знаешь ли, вряд ли стоит заглядываться на этот бережок. На нём могут ждать кое-какие неприятности.

— Ты думаешь — я его боюсь?!

Это “его” уж точно было произнесено не с заглавной литеры.

— Какой идиот станет опасаться мстительного садиста с Даром Щита и умением с одного раза грохнуть виверния. Пусть даже он устранитель, до кучи пусть совершенно чокнутый и от него не знаешь что ждать — это же всё несостоятельные мелочи, так?

— Да.

Если ты в питомнике Арделл — у тебя что-то случается с инстинктом самосохранения.

— Не смотри на меня так, Гроски, я не идиот! Но видеть то, как все перед ним трясутся — это не по мне, таким типам надо давать отпор, иначе они теряют границы окончательно! А она... она же ему потакает. Ты не задумывался над тем, что он вообще делает в питомнике?

— Ты имеешь в виду — помимо потрошения зверушек, устранения, препарирования бабочек и обработки местных вдовушек своими улыбочками?

Я уже успел прокатиться с Нэйшем к вдове Олсен и убедиться, что на богатых благотворительниц его манеры оказывают неотразимое впечатление.

— Именно. Помимо. Он не нуждается в деньгах — он вообще хоть что-нибудь получает за вызовы, или всё уходит на штрафы?

— ...конечно, мы же с ним обсуждаем финансовые дела по вечерам, за кружечкой пивка...

— И он постоянно куда-то исчезает, даже без предупреждения. Куда?

В голосе у парня опознал настоящий вопрос. Я оторвался от моей попытки отыскать среди оставшихся рубашек что-нибудь, в чём можно появиться на людях.

— А на прошлых наших посиделках он мне карту своих походов показывал. С флажочками в виде черепочков.

Янист, нужно ему отдать должное, смутился. Нужно отдать ему должное во второй раз — ненадолго.

— С тобой он общается больше, чем с остальными. Даже чем с Амандой.

— Это потому, что мы лучшие друзья, — с истовой безнадёгой сказал я рубашке в развесёлую клеточку. Снизу и слева расплылось устрашающее бордовое пятно — кровь раненого грифона. Если бы спрятать всё это дело под куртку — то вполне...

От моего “лучшие друзья” отдавало кровушкой. Несло заказом с залогом, о котором я

старался не думать. Всё равно связные вот уже сколько времени не выходили на связь. Очень может быть, заказчик просто решил не связываться с питомником, где есть директор питомника, спаивающий свиней, и устранитель в белом... и теперь вот Янист Олкест, который глядит на меня, как на Лортена, решившего заделаться аскетом во славу Единого.

— Или я просто напарник, который ничего не может ему противопоставить, — и отличное развлечение к тому же, но об этом не будем.

— Но ты же бывший законник. Неужели ты не заметил чего-то, какие-то улики, моменты... Он ведь был там, да? С вами на вызове, когда пропала та девушка. Лоринда.

Мало мне Крысолова, который вцепился в меня позавчера со всей законнической страстью и отравил ужин неприличным торжеством на физиономии: «Так-так-так, он говорил, что выбрался за бабочками? Ну, надо же, какая глупая отговорка!»

— Моим наблюдениям мешали пьяные свиночки, пьяные Лортены — поверь мне, почти одно и то же — один магнат и дюжины две южан, которые объявили охоту за нашими головами.

Парень попытался выразить на физиономии понимание, но сквозь пелену разочарования и решимости ему пробиться так и не удалось.

— Может, стоит избрать другую тактику, а? — рискнул я. — Скажем, быть к ней поближе, спасти редких щеночков. Охмурить пару-тройку благотворительниц своими манерами и выжать золотницы на корма и вольеры — она счастлива будет, я тебе говорю. А там кто знает, может и...

— Я не о том!

Подскочивший на кровати Янист немедленно влетел макушкой в книжную полку, которую он же сам над кроватью и приладил.

— Если ты хоть на минуту считаешь, что я собираюсь поддаться этому... безумию, наваждению или что это... Это будет нечестно по отношению ко всем — к Мелони, к её тёте, которой я дал слово, наконец — к самой Гриз Арделл, потому что...

Руки соседа по комнате застыли в воздухе. «Потому что её-то ничем таким не стукнуло, — говорили эти отчаянные руки. — И для неё это будет неловким, да и ненужным».

— Может, это пройдёт, — выдал Янист неуверенно. — Может, это просто ненадолго. Так?

Я изобразил понимающие кивки. От души сожалел, что мне не семнадцать. И даже не двадцать три.

— Но это, — парень ткнул туда, где располагалась комната “клыка”. — Это ненормально. Может, он её чем-то шантажирует, но есть какая-то причина, по которой она держит его в этом питомнике, и я...

— А ты сам-то уверен, что Гриз хочет, чтобы её спасали?

Всё равно что останавливать виверния, ухватившись за хвост. Я почти увидел, как захлопнулось забрало морковного цвета: да что ты понимаешь, трус!

— Он же издевается над ней. Понимаешь? Ему же просто нравится причинять ей боль. И продемонстрировать, что она ничего не может с ним сделать. Только не говори, что этого не заметил.

Трудновато было бы не заметить, когда... «Мне интересно следить за тем, как Гриз Арделл раз за разом прыгает через огненный обруч».

— Польза для питомника? Это чушь. Есть причина, по которой она ещё его не вышибла

— и я собираюсь до неё доискаться.

На свою кровать Янист упал, явно поставив седалищем точку.

Я опять погрузился в штопку — искоса поглядывая то на пляску вечерних теней, то на окно, где недобрая погода гнала в небо сухие листья. Луна Перекрестницы во всей своей красе — ступень к зиме, ступень к новому году, к Перекрёсткам.

К времени перемен.

— Как ты сказал, в старые добрые времена я был законником. Не могу сказать, что хорошим. Но хочешь — поделюсь с тобой своими маленькими наблюдениями? Рихард Нэйш — исключительно прагматичная скотина. Он не стал бы торчать в питомнике, огребать штрафы и потрошить зверей, если бы только его это не устраивало. Или не было бы ему нужно позарез.

— Ты о том, что он от чего-то скрывается, или ему это удобно, или...

— А Гриз Арделл — не маленькая девочка. Может, она наивна и слишком верит в людей. Но единственная причина, по которой она оставила бы Нэйша в питомнике, на таких-то условиях — её тоже это устраивает.

— Или он ей нужен — ты это хочешь сказать?

— Хочу сказать: мы ни черта не знаем, — отрезал я, и парень примолк с удивлённым видом: он-то в основном меня наблюдал в плюшевой ипостаси. — И мой жизненный опыт подсказывает одно: когда лезешь в чужие тайны — будь готов нарваться на неожиданное и не слишком-то приятное. С Нэйшем дело ясное — у этого коллекция скелетов покруче, чем его собрание бабочек. Но ты уверен, что хочешь узнать что-то подобное насчёт Гриз?

Парень не ответил — подарил мне короткий и хмурый взгляд, который явно обозначал, что переубеждать его — дело зряшное. Я и не собирался. Охлаждать решимость пламенного Рыцаря Морковки моего скромного Дара явно не хватит.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

— Что скажешь, Лайл?

— Дельце-то скверное. Этот Аграст чего-то боится. Понятное дело, врёт — а кто бы не врал, с его-то профессией...

Гриз на ходу поворачивает к Лайлу Гроски раздуманное холодом лицо.

— Неужели ты успел повращаться в кругах высокой моды?

— По мне не видно, а? — Лайл одергивает порядком заношенную зимнюю куртку. — Да уж, не таллея. Скажем так, крутился в смежных сферах. Так что знаю, что творится среди тех, кто создаёт костюмчики для знати — а Бейло Аграст в этих кругах идёт как особый случай с тремя восклицательными знаками.

Дом Бейло Аграста, портного влиятельных и богатых лиц, одного из законодателей моды в Кайетте, посвёркивает на холме. Он похож на дорогую статуэтку из кости, этот дом. Олицетворение тонкого вкуса — каждый портрет и ковёр, растение и портьера, ваза или софа... всё, кроме полулежащей в кресле жены хозяина. И самого хозяина, стоящего на коленях.

— Слава того, кто может достать что угодно, немало стоит. Про него ходили слухи, что он очень уж плотно завязан с браконьерами. Или с какими-то слишком уж изобретательными охотниками, которые добывают для него шкурки редкой дичи.

Гриз прикусывает щёку изнутри. Пух и шкуры, и хвосты, и ворохи бесконечных мехов,

которые были живым и думающим, и всё это — каждый раз, как приходит время зимней охоты...

— Какой именно дичи?

— Всё, что так ценится модниками. Перья стимф, мех йосс, кожа виверниев и вир знает, что. Может, нужно было сказать тебе раньше, но я-то был уверен, что ты вообще не возьмёшь этот вызов. Искать пропавших охотничков — не совсем по нашей части, а?

— Может статься, как раз по нашей.

Воздух — густой и холодный, а древние каменные ступени, по которым они спускаются к реке — в изморози. В «поплавке» Гриз молчит и пересматривает слишком белую карту, соизмеряя расстояние между основными точками: озеро, лес, зимний охотничий домик.

И думает о мужчине с лисьим лицом, в каждую черточку которого въелось «О, всё для вас, всё для вас, вы будете неотразимы». О стареющей красавице, которая даже в своём доме не снимает серебристого меха йоссы. О запахе страха в безупречно обставленной гостиной, о зове: «Найдите их... верните его...»

— Срочный сбор, на выход всем «телом», кроме Аманды, — бросает Гриз, едва только зов колокольчика-артефакта собирает ковчезников в здании бывшей таверны. — Идём в Крайтос, местность у Скорпионьих гор, зимние охотничьи уголья, там первая ступень мороза и снег. Одевайтесь теплее. Аманда, зелья от переохлаждения, обморожения, двойное укрепляющее и заживляющее — каждому. Ищем заплутавших охотников, может, придётся их латать, так что бинты тоже прихватите.

— Разве что задушить, — прилетает от Мел. Тоже знающей — что такое зимняя охота.

— На сборы полчаса, — “Тело” может собраться и за десять минут даже в рассветную рань. Но есть ещё последние распоряжения — вольерным. Запас пищи и питья (этим займётся Фреза, этим и гиппокампами, их нужно дополнительно смазать жирной, чёрной мазью с запахом рыбы и болота). И кое-что, что она надеется увидеть в Водной Чаше.

Над Водной Чашей её застаёт Хаата, через четверть часа — Гриз смотрит, как в Чаше гуляют голубоватые разводы. Расходятся и сходятся, медленно переходя друг в друга, будто Огни Снежной Девы на севере.

— Тебе грустно, сестра.

Видеть Хаату в стенах комнаты удивительно. Часть леса, оторванная от корней. Даарду переминается с ноги на ногу, но не уходит.

— Так бывает, когда получаешь дурные вести, — отвечает Гриз, пристально глядя ей в глаза — и взгляд даарду убегает и прячется — в шторы, в углы, за кроватьную ширму. — Что ты хотела, Хаата? Ты ведь отлучалась опять. Куда? Что-то не так с общиной?

— Вы идёте в дурное место, — отзывается Хаата, и её взгляд норовит вылететь сквозь окно. — В глухое место. Ийршья — белая смерть, так зовут его наши. Брат другой смерти, зелёной. Алчнодол — так зовут его ваши. Там не говорят корни. Там иссохла грудь Ардаанна-Матэс. Не ходи туда тоже, сестра.

— Не могу. Может, там ещё кто-то жив. Из потерявшихся детей или из животных. Я знаю, что место дурное, Хаата. И ты можешь не ходить: там холодно и всё вокруг молчит.

— И пещеры, в которых — жала смерти, — бормочет даарду, ёжась. — И снег не белый. Алый, сестра, я была там, у границы. Один раз. Слышала стоны птиц.

— Мы не пойдём к пещерам, — Гриз обновляет зелья в поясной сумке, собирает побольше эликсиров в ту, что на боку. Обязательный бинт, дополнительный шарф, хотя она никогда не мёрзнет. — Ты слышала ещё что-то, Хаата? У тебя какое-то предчувствие?

Даарду молчит, покачиваясь на носках. Пытается срастись пальцами с зелеными извивами на обоях, но те — мертвы и немы.

— Алое на белом. Смерть и безумие. Скажи мне, что с твоим племенем, сестра?

Гриз медленно оборачивается — и со стола ей невозмутимо подмигивает голубой искрой Водная Чаша...

— Везде есть свои дурные сосуды, — бормочет даарду, глядя в голубые переливы, — дурные сосуды и хорошие сосуды. Полные до краёв. Или те, кто хочет их заполнить. Кто тоже слышит, что ты слышала.

В памяти вспыхивает недавнее: «Враг живого», поселившаяся в глазах Хааты древняя тень, незримые нити, пахнущие плесенью и безумием, и пронзительный, однотонный вопль: «Освободи! Освободи!!»

В чувства её приводит закрывшаяся дверь: даарду Хаата успела ускользнуть. Растворив в хлопке двери:

— И всегда кровь...

Внизу у камина безмятежно дремлет Морвил и Лайл Гроски рассматривает внутренности наплечной сумки.

— Я что, только что видел Хаату? — недоверчиво спрашивает он.

— Хаата, — отзывается Сквор из клетки. — Кровь. Кровь! Гроски. Гроски. Гроски.

— ...не совсем то, что я ожидал услышать, — укоризненно вздыхает Лайл. — Остальные уже на пристани, идём?

Гриз кивает и направляется на пристань. Чувствуя себя не крепостью, но сосудом. Наполненным до краёв не самыми лучшими предчувствиями.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

В «поплавке» жарко. Ну, ещё б, когда собираемся к Скорпионьим горам, а оттуда недалеко до Морозного Нагорья, вотчины предков. И Фейхеанта с его ледяными статуями да огнями Снежной Девы. Прею в тёплых сапогах и в кофте под курткой.

Утешает одно: перед тем, как помру, успею проводить Морковку и Пухлика. Эти решили, что мы в чертоги к самой Деве подадимся. Обмотаны шарфами по самое не могу, Морковка ещё и шапку не снял. Пытается убить из-под шапки взглядами Мяслика. Дело полезное, хотя вряд ли эту дрянь возьмёт: завернулся в лёгкий с виду плащик, тоже белый. Восседает, будто его здорово припорошило снегом где-то в Скорпионьих горах.

Расклад с самого начала кажется дрянным. Пропал сынок какого-то известного портняжки. Попёрся на пикник с охотой с компанией таких же охламонов. Шесть придурков от шестнадцати до двадцати двух. Вроде дружков Моргойла, который Задавака и Враг Живого. Отморозки из «золотой молодёжи».

— По такому случаю наняли специально прогулочный корабль и баржу, — Гриз ведёт пальцем по раскормленной змее реки на карте. — Чтобы можно было взять с собой лошадей, слуг и припасы. И путешествовать несколько дней. С... остановками.

Остановки, надо полагать, включают трофеи. Шкуры и перья. И увеселения. Вроде спаленных домов, изнасилованных женщин и забитых плетьюми терраантов.

Знатные ублюдки во всех частях Кайетты одинаковые.

— Они продвигались ниже по течению, вот сюда, к угольям семьи Дормантов. Собирались поохотиться на керберов. Или на снежных антилоп, если те уже зашли в эти

места. Такие прогулки им не впервой, и раньше бывало так, что этот Халлен не откликнулся на вызовы.

— Но тут, вообразите, у его матушки сработал какой-то вещун в сердце, — подхватывает Пухлик с азартом. — В общем, она кинулась вызывать слуг, а те тоже помалкивают. Аграсты связались с кораблями — и вышло, что охота у мальчиков не удалась. И им вздумалось прогуляться не куда-то, а в Заброшьё, от которого два шага до Скорпионьих гор с их пещерами. Мило, правда?

Рыцарь Морковка поднимает руку, будто мы на занятии в храмовой школе:

— А зачем? Там разве много живности? Я читал об аномалиях этой местности, — ха, а о чём он не читал? — И разве оттуда не бегут магические твари, как из Алчнодола? Я хочу сказать, ведь аномалии там схожи, а в Алчнодоле из животных — медведи, волки, кабаны и прочее, но не бестии. А немагические животные как трофеи не настолько привлека...

Смотрит на меня. И медленно вползает под шапку совсем.

Будто я не знаю, что знатным охотничкам подавай «настоящую потеху». «Кабана-то может и «пустой элемент» завалить, — похохатывал отец, любуясь своим атархэ. — А вот яприля — ещё не каждый маг сумеет».

— В Заброшенных лесах не так уж пусто, — говорит Грызи терпеливо. — Животные туда забредают за пищей: можно поживиться корнями, грибами, шишками. Снежные антилопы и яприли приходят за ягодами. Хищники — за зайцами и кабанами. Кое-где в окрестностях серные источники — к ним собираются раненые звери. Да ещё Тёплое озеро. Туда даже одиночные альфины забредают время от времени.

Если там альфин, то охотнички — фаршик. Я такого красавца видела только раз, издалека: огромный, погладить — в прыжке вряд ли достанешь, пушистый... и кисточка на хвосте.

— Профессионалы? — если с этими придурками серьёзные охотники и егеря, животным может и не поздоровиться.

Грызи качает головой. Ну да, ехали-то развлекаться, а не на настоящую охоту. Каждую зиму кучу трупов таких вот развесёлых охотничков откапывают из снегов.

Пухлик поясняет дальше. Что свора собак у недоохотничков была, и даже неплохая. А слуг при них было мало — и то, больше обслуга, чем егеря. Половину обслуги они оставили на этих самых кораблях, когда двинули искать приключений на всякое. В Заброшьё.

— Не зная местности, — уточняю. Похоже, тут и работы всего ничего: добраться до тел и дать сигнал тем, кто их погрузит.

Пухлик цветёт всеми цветами. На нём три шарфа, и все — то в пламени, то в кувшинках. А вон на том беспаятники. Нойя его, что ли, собирала?

— А вот здесь готовьтесь повалиться от изумления. Оказывается, единственный, кто знает местность — это тот самый Халлен Агрост. Потому что, видите ли, это вот уже четыре года как — земли его папашки. Охотничьи угодья. Знаете, как у аристократов Крайтоса водится: ты там, где потеплее, а угодья — где у зверей мех получше. И купил он эти земли, надо полагать, за бесценок.

Пауза обозначается разве что тем, что Мясник перестаёт изображать истукана. Поворачивает лицо и начинает кушать Пухлика взглядом. Неспешно. По кусочку.

Морковка выныривает из-под шапки — и как еще не задохся?

— Может, конечно, я повторяюсь... но зачем? У Скорпионьих гор дурная слава. Все эти легенды о белых скорпионах. О тайных орденах, которые ютились в той местности и

убивали каждого, кто сунется. И сама Катастрофа Обнищания...

Дай волю Его Светлости — он про это самое Обнищание в красках распишет. Ещё и иллюстрации намалюет. Руками в воздухе. Он-то про это поэмы в своё время писал. И мне на мозги капал теориями в духе: оу, пы-пыщ, посмотри, из Кайетты уходит магия, рождается всё больше «пустых элементов», и нет сильных Целителей или Стрелков, да и из земли магия вытекает тоже — всё, нам конец, катастрофа, помрём.

Правда, пока это самое Обнищание коснулось только Алчнодола, который непонятно почему лет пятьсот назад так обнищал, что теперь магию прямо-таки жрёт. С Зброшьем всё не так гадко. Там что-то не так с водами — связь то сбоят, то её нет совсем, и в виры лучше не соваться, точно не туда вынесет. Ещё Дар на Печати использовать тяжело: тоже сбоят.

— Трудная местность, — шелестит Нэйш. — Неровный рельеф. Испарения, гул и Обнищание. Там теряют нюх ищейки. Сбиваются артефакты поиска. И не могут работать Следопыты. Верно, Мелони? Ты же там...

— Полезнее некоторых.

Вылез, тоже, знаток. Я его и без Дара уделаю. Грызи тоже так думает: когда Морковка начинает своё «кудах-тах-тах, но как же Мел тогда...» — она чеканит:

— Мел отлично читает следы и ладит с животными, Господин Олкест, за вас я вполонину не так спокойна.

Морковка дуется, Пухлик добывает аудиторию:

— Да, а я ещё не говорил, что поведение нашего клиента — выше всяческих похвал? Он, знаете ли, на коленях ползал, чтобы мы нашли его сыночку. При этом не обронил ни полсловечка о том, что у него там в угодах — хотя уж поверить можете, мы пытались.

— Нужно было не брать дело, — хором выдаём мы с Его Светлостью. И удивлённо глядим друг на друга.

— Нужно было, — соглашается Грызи. — Он явно искал группу не из Крайтоса. Это тоже подозрительно.

Как и то, что он позвал варга, а не направил слуг или наёмников.

— В Крайтосе же тоже ковчезники, — вспоминаю, — две группы.

Грызи отвечает коротким, раздражённым жестом.

— Я пыталась с ними связаться, но они не очень-то желают делиться сведениями.

У Грызи нелады со своими. В общинах её считают предательницей из-за побега. Другие ковчезники нашу группу тоже недолюбливают. Потому что, видите ли, мы перехватываем у них заказы. И потому что в группе устранитель.

Задание — тухляк. Понятно без слов Пухлика.

— Понимаю, — отвечает Грызи на мой взгляд. — Но там счёт может идти на минуты. Может, кто-то ещё жив.

По тону её ясно, что она сильно в этом сомневается. И что сейчас начнёт своё вечное: «Идут только добровольцы, остальные сидят на подстраховке». Нет уж, подруга, выкуси.

— Что с местностью?

С местностью просто. Речная пристань. От неё по прямой на запад — десять миль до Скорпионьих гор. Между горами и пристанью — в основном лес. Гуще и реже. С валунами, зарослями терна и кустами кровяницы. Последние три дня там были снегопады, ночью тоже порошило. Стало быть, следы могло скрыть.

Есть несколько виров, но это без толку. Да ещё Тёплое озеро — это за две с лишним мили от пристани на юго-запад.

— Вот здесь, — отчёркивает Грызи пальцем, — на берегу Тёплого озера стоит зимний охотничий домик Аграста. Строился специально для таких поездок. Там припасы, спиртное. Очень может быть, что охотники свернули именно туда. Это нужно проверить. Лайл и господин Олкест, этим займётесь вы. Нэйш, присмотри. Мы с Мел пойдём по следу.

Нэйш отвлекается от окна и ухмыляется так, будто Грызи притащила ему давно желанный подарочек в честь Перекрёстков. Рыцарь Морковка давится возмущением.

Пухлик оглядывает их лица и завершает всё коротким «Боженьки».

— Что?! Но... госпожа Арделл, я прошу прощения... вам это кажется удачной идеей? Мы же понятия не имеем, что там — и идти по следу, который может привести в ловушку, только вдвоём, вооруженными кнутом и атархэ...

Шум воды — это «поплавок» всплывает из реки. Бурчит в своей кабинке Фреза: «Вечно понесёт их вир знает куды. Вон, лошадушки-то аж мимо пристани промахнулись». Грызи открывает дверцу и взлетает на пристань. Выхожу за ней — и низкое небо падает, наваливается на плечи. Будто пыльный балдахин, который повесили над чистыми простынями. Вокруг всё в снегу, за лесом поднимаются вершины Скорпионьих гор — сейчас ужалют. Пар валит изо рта: первая ступень холода. Не то что в Вейгорде, где разве что по ночам лужи замерзают.

Снег лёгкий, рыхлый. Местами по щиколотку, а во впадинах — до середины икры и даже до колен. Если местность неровная — так просто по нему не побежишь.

— Корабли, — Гриз кивает на два судна, которые бросили якорь ниже по течению реки. Одно прогулочное, с богатой резьбой и отделкой, и одно — баржа с широкой палубой, по ней нервно расхаживают два единорога. Придурки что — ещё и единорогов потащили туда, где снег и мороз?!

— Опросим, — соглашается Пухлый. Уже усмотрел на палубах растерянные рожи команды и слуг.

— ...я не навязываюсь, Единый упаси, но это же просто безрассудно, то есть даже для вас безрассудно, и я рад был бы выступить страховкой для вас или Мелони...

Рыцарь Морковка всё не умолкает, и Грызи наконец-то к нему поворачивается.

— Господин Олкест, счёт может идти на минуты. Вы за нами просто не успеете.

— Но если там опасность...

— То Лайл и вы — наименее защищены. Вы не ориентируетесь на местности, не читаете следы и пока еще слишком мало разбираетесь в повадках зверей. К тому же здесь могут быть проблемы с Даром, — деликатное макание мордой в снег. — Поэтому...

Мясник перехватывает её взгляд и принимает вид образцового работника.

— Не беспокойтесь, госпожа Арделл. Вы же знаете, со мной они в безопасности.

Морковка доходит от рубинового оттенка до почти гранатового.

— Я не о своей безопасности думаю! — у него чуть ли не фальцет прорезается. — Но если там разбойники, или хищники, или...

— Значит, у нас с Мелони останутся те, кто нас вызволит. Господин Олкест, у нас есть маск-плащи и Дар Следопыта. И если там животные, то я варг, вы же не забыли?

— Но, кажется, у вас нет способа контролировать с десятков тварей, как у Петэйра?

Мгновение Грызи смотрит на него и будто колеблется. Потом отвечает коротко:

— Не волнуйтесь об этом, — и поворачивается ко мне. — Мел, уходим в поиск.

Давно бы ушла, если б Морковка перестал орать. Кручусь у пристани: снег истоптан, воняет людьми. Слуги топтались сапожищами. Но вон там — ямки от копыт, навоз от коней.

А вон кобель пометил дерево. Следы не выдохлись за ночь, и снегом их прикрыло только слегка. Можно поохотиться.

Позади раздаётся:

— Нэйш, если господин Олкест вздумает последовать за нами — выруби его и передай Фрезе. Всё, не тратим времени.

Его Светлость что-то там ещё бурлит на пристани, но Грызи уже оказывается рядом со мной, легко подхватывает ниточку следа и переходит на бег. Выравниваю темп: бежим теперь там, где снег протоптали лошади охоты. Приглядываемся: кто-нибудь отбился? Может, кто свернул? Четверть часа бега по утреннему лесу, разодетому в снежный траур. Замедляемся, ещё пять минут — и я взываю к Дару.

Криков нет, и голосов, и зова. Где-то далеко вскрикивает лошадь — на границе Дара, это миль пять. Но крик размывается, будто его занесло ветром. Вслушиваюсь опять, и кажется ловлю что-то там же... тягучий остаток будто бы знакомой песни. Вой? Собака? Игольчатый волк?

Небо давит на голову. Глушит Дар, будто завесой. Трясу головой, показываю: ничего, давай ещё побежим. Несёмся с Грызи дальше.

Бежится ничего себе, главное — выбрать, где снега поменьше. Холода не чувствуется. Плохо, что и ветра нет — ни звука, ни запаха не донесёт. Лесная тропа неровная. Стволы, сучья и прочая дребедень. Россыпи ягод кровяницы повисли на кустах. Кровью на белом. Вынюхиваю след, а на ум лезут папашкины сказочки про Снежную Деву. О том, как Дайра Ледяная как-то раз запуталась своим подолом в колючих кустарниках, изрезала белые руки — и ветки кустарников украсились сперва каплями крови, а потом капли переродились в красные ягоды с солоноватым привкусом. Надо бы набрать, как справимся. Конфетке пригодится для зелий, да и гарпиям вместо лакомства будет.

Охота мчит вперёд и оставляет столько следов, что и под снежным покровом легко разобраться. Вот тут остановились — отхлебнуть из фляг. Есть следы сапог. Хорошо, Грызи захватила галстук этого потерянного сыночки. С трудом, но унюхиваю, что он точно был с ними. Топтался у своей лошади — показывал дорогу.

Кони спотыкаются. Вспахивают поляны копытами. Встают на дыбы.

— Встревожены, — показываю на следы. — Не слушали седоков.

А собаки не хотели искать добычу и жались к охотникам. Может, на них тоже давило здешнее проклятущее небо. Или горы, которые выставили пики-хвосты. Что должно случиться, чтобы какое-то место так действовало на магию? Магию тебе при ритуале Посвящения дарит Каменюка в Башне Кормчей. Так с чего бы Дар теряется, если ты поживёшь в Алчнодоле, или сбоит, если ты оказался возле Скорпионьих нор?

Каждые четверть часа — перерывы. Слушаю. Нюхаю. Смотрю. Через час пробежки с юга начинает нести кровью. След мечется туда-сюда, потом заворачивает в том же направлении.

Пытались науськать собак, чтобы начать охоту за добычей. Только добычи не было. Зимний сосновый лес, и временами — угрюмые ели, как сторожа. И повсюду ягоды кровяницы — алые на белом. Свихнуться можно от такой картины. Всадники кружили там и сям, и дергались всё раздражённое, а кони уставали и боялись, проваливались в покрытые снегом ямы.

— Сворачивают к озеру, — говорит Гриз.

Охотнички опять спешили, потоптались, дали отдохнуть лошадям. Явно переругались

друг с другом. Наверняка решили вернуться к зимнему охотничьему домику и то ли продолжить гуляние, то ли переждать ночь.

— Этот агратов сынок топчется в стороне от всех, — киваю на след. — А едет позади. Похоже, размолвка была с ним. Могу атархэ поставить — он сюда всех и позвал. Из-за неудач на охоте. Пообещал им богатую дичь. А тут ни шнырка.

Грызи задумчиво кивает, не снижая лёгкой пробежки. Я уже выдохаться начинаю, а она ещё и говорит ровно. Хорошее дело — организм варга.

— У двоих хромают лошади. Да ещё и вечер. Неудивительно, что они решили возвращаться.

Вслушиваюсь ещё раз — разбираю где-то вскрик, а может, рыдание. Потом — но это куда дальше — опять вой, не пойми чей. Может, скрогги-пересмешники балуются. Или даже снежные совы — с них станется.

Вот только запахом крови впереди начинает нести гуще.

Заворачиваем вслед за охотниками к Тёплому озеру. Теперь они движутся медленно. Мы с Грызи бежим себе и бежим по их неровному следу. Отмеченному навозом, кривыми прыжками испуганных собак и ещё двумя падениями всадников: лошади их скидывали.

И не проходит получаса, как мы начинаем находить. Алые брызги, давно схватившиеся. Где-то присыпанные снегом, а где-то — выступающие над ним. Будто весь лес пророс кровяницей, и её ягоды раскатились по снегу. Клочки шерсти на колючих кустах. И потом тела. Вернее, то, что было телами. Собак и лошадей, которые пытались сбежать от чего-то страшного. Метались вслепую, наверное, в темноте — и налетали на это страшное, безжалостно выпускавшее из них красный сок — в снег.

Грызи останавливается у бугра, возле которого снежный покров примят и перекопан. Осторожно начинает разгребать рукой в перчатке снег. Совсем немного — показывается лошадиная голова. Под снегом угадывается нога. Туловище слева, под сосной. Там другой бугор, побольше.

— Йоссы, — всюду следы — в длину как моя ладонь, а в ширину я две ладони могу положить. Йоссам нужны толстые лапы — ходить по снегу.

Они сначала и водились-то только на севере, а потом их начали истреблять. И йоссам пришлось перебраться жить подальше на юг, даже к Акантору. И всё равно их продолжали убивать. Из-за меха. А мех у них — чудо, чаще — чёрный или белый, реже — медный или золотистый, серебристые вот совсем редкие. Густой и пушистый, непременно с переливами.

— Стая, — бормочет Грызи. — Четыре... пять. Шесть, похоже. Серебристые.

К царапучей коре пристал маленький клочок живой шерсти. Искрится маленьким слитком серебра на ладони.

Серебристые... В дикой природе, может, пара колоний осталась. Всё больше одиночки, пары, иногда стаи-семьи. До стаи в дюжину особей дело обычно не доходит: где столько пищи взять? Йоссы — не охотники. Они всеядные. Корни, ягоды, грибы, падаль — сколько угодно. Любят лакомиться яйцами птиц.

Только вот не нужно обольщаться и думать, что они такие мишки-миляги в серебристой опушке. Йоссы — звери бесстрашные и хитрые. Могут быстро бегать, хоть и не очень-то долго. Влезают на деревья. Плавают.

И за мили чувствуют кровь — это у них пунктик. Как у алапардов — гибель сородича, а у яприлей — боль или клетка. Если йоссы слышат теплую кровь — они идут на добычу, где бы она ни была. И сжирают на своём пути всё. Особенно если оно в крови.

Именно в такие моменты они и могут быстро бегать. Прыгают тоже хорошо, хоть и выглядят малость нелепо: длинные задние лапы, полусонные мордахи и препушистые хвосты. А весят как я, иногда и больше. Роста у йоссы хватит, чтобы укусить Пухлика в пупок. Серьёзно так укусить: челюсти у них толстые кости прогрызают.

Мы с Грызи идём по кровавому лесу. От одного траурно-белого холма к другому. По брызгам алого и взбитому в пену снегу. Я перетряхиваю сведения о йоссах.

Йоссы убивают то, в чём чувят тёплую кровь. Это называется «метка добычи». И пока «метка» не остынет — звери не остановятся, будут охотиться и убивать. А когда тёплой крови больше не слышно рядом — вот тогда наедятся. И запасут побольше впрок. Закопают в снег, в листья, в землю: чем больше кладовых, чем лучше.

Понятно, почему мы натываемся на части закопанных тел. Сначала собаки и ещё две лошади. Ещё где-то через милю начинают попадаться другие холмы. Когда Грызи разгребает снег над одним — оттуда высовывается сапог. Стоптаный и недорогой — наверное, слуги. И уже понятно, чем кончилось — но Грызи всё-таки делает жест — идём дальше, нужно увидеть, как началось.

Следы на снегу разные. Побольше и поменьше. Тут самцы, самки и годовалые подростки, и некоторые следы примелькались. Йосс точно было не шесть. И даже не десять.

Лес впереди редееет. А траурные холмики начинают теперь встречаться чаще. Под ними — все охотнички, и их слуги, и лошади с псами. Собаки, конечно, сначала пытались хозяев защищать, только встать на пути йоссы, когда он опьянён кровью...

А лошади испугались, понеслись по лесу. Исцарапались или влетели в кусты кровяницы (на кустах — клочки грив и хвостов). И стали добычей. Бедняги.

Полянка небольшая, но ясно, что происходило всё именно здесь. Всё истоптано и перемешано, снег не прикрывает луж крови. Костёр раскидан и затоптан, кусты опалены: кто-то пытался бить огнём. Вот чёткая взрезанная полоса: воздушный удар. Брошенный арбалет, рассыпанные болты. Шапка валяется — прокушена, разодрана. Под ней лежит меч-атархэ — короткий, красивая игрушка с богато отделанной рукоятью. Поблёскивает рубинами. Золотая цепочка повисла на кустах, через которые кто-то пытался уползти. Вот ещё сапог — полузарыт в снег. Кинжал, уздечка...

Оставляю Грызи смотреть окрестный лес и считать холмы. Небо давит на затылок, но всё равно взываю к Печати. Приёмчик, которому научилась, пока шарахалась по Вольной Тильвии: подхватить цепочку следов Даром и пытаться с его помощью восстановить — что случилось. Чтобы удобнее было подхватывать, отхожу назад. Туда, где все были живыми: и слуги, и лошади, и собаки. Петляю по тропе, нахожу ямку со следами падения коня, подхватываю следы и запахи и «веду» обратно к поляне. И здесь словно снимаю слой за слоем с коры дерева. Добираясь до сути того, что было ночью.

Когда Грызи отрывается от пересчёта холмов и тел — мне уже есть, чем поделиться.

— У них упала лошадь. С этого всё началось. Провалилась в яму, переломала ногу. А уже наступали сумерки. В общем, они дотащили лошадь до этой поляны и тут начали решать — что делать дальше. Слуги развели костёр — накормить хозяев и собак. Поставили переносные столики. Закусывали, пили и ссорились. Торчали тут долго. Точно больше часа. Двое каких-то играли в снежки.

Голос сипнет, мотаю головой — вот ещё, в вир болотный. Пусть себе играли, идиоты. Охотники — все паскуды, как Оттон.

— Лошадка была вот тут, видишь. Может, стонала или они просто так решили её

добить. И кто-то — то ли из них самих, то ли из слуг — ударил кинжалом или мечом по шее. Видишь, сколько крови? Йоссы такое миль за десять учуять могут.

Только вот они были не за десять миль. Песнь крови уж точно была слышна. А эти идиоты даже не вздумали бежать. Слышали как йоссы приближались. И с какой-то радости остались на месте. Может, поохотиться думали. Может, не вычислили, сколько их будет. Может, вообще — обрадовались, кто ж там знает, что в голове у этих...

В голове всё звенит и плывёт: перестаралась всё-таки с Даром. «Тебе надо больше спать, Мелони», — вхохчет в памяти Морковка, но я мотаю головой. Просто тут слишком много крови всюду. И кажется, что крики замёрзли в воздухе и вот-вот обрушатся сверху.

— Больше дюжины, — говорит Грызи задумчиво. Я б сказала, пятнадцать, может — и двадцать. Даже дюжина голодных, бесстрашных йосс, летящих на кровь — это смерть даже для хороших охотников. А тут — в ночи.

— Что хуже — они попытались отбиваться. Лупили магией, атархэ, амулетами. Собаки тоже влезли. Раззадорили их.

Йоссы бесстрашные, но соображают небыстро. И не слишком-то умеют действовать сообща. Если бы охотнички встали в круг, убрали собак, начали бы бить по команде, сами бы при этом не поранились... кто там знает — вдруг бы и выжили. Замедлили бы их. Может, даже отпугнули.

И они точно выжили бы, если бы просто побежали. Все, на ком не было крови бедной лошадки. И все, кто не влетел бы в кусты кровяницы по пути.

— Несколько йосс они положили, но скорее случайно. Орала, металась и попадали друг в друга. Паника в темноте. Кто поранился, кто перемазался. Двое слуг пытались бежать, влетели в острые кусты, им тоже конец. Лошади оборвали поводья, разбежались кто куда. Я слышала ржание. Наверное, одна далеко убежала.

Нужно будет найти лошадоньку, если живая. И собак поискать — вдруг тоже кто-то уцелел.

Грызи коротко кивает и выжимает через бледные губы:

— Халлен?

— Похоже, был не с ними. Уехал верхом раньше. Только не совсем к Тёплому озеру. Куда-то дальше на восток. Но оттуда и йоссы пришли. Так что вряд ли они разминулись.

Подруга задумчиво поглядывает на следы лошади этого Халлена. Приметные подковы с витиеватым «А» — ну да, модный дом Папеньки Аграста.

— Три тела охотников и двое слуг. Может, я кого-то не нашла...

А может, кто-то всё-таки сбежал. Нужно опять смотреть следы, только там, где меньше натоптано.

Вспоминаю ещё кое-что странное:

— Помнишь, я сказала — они несколько йосс положили? Следы и кровь есть. А тел не видно.

— Потому что они под снегом, — хмуро откликается Грызи. — Как остальные.

По частям, значит, как мясо в кладовочке. Только это бред. Йоссы своих не едят, а через это — и в снегу не прикапывают. Разве что их приучить, только с чего кому-то приучать йосс быть каннибалами?

И тут я понимаю, почему Грызи неотрывно смотрит на юго-восток. Куда уехал сынок Аграста и откуда пришли йоссы. Случайная такая стая в два десятка особей, ага. Притом, что и пару штук найти бывает сложно.

Обдаёт пониманием — что мог прятать в своих угодьях урод-Аграст. И зачем вообще купил эти угодья. Что там Живодёр насчёт тайника говорил?

Кручу эти мысли так и этак, пока мы с Грызи опять уходим в поиск. Просматриваем снег между деревьями, вглядываемся в следы йосс, и собак, и лошадей. И почти одновременно говорим:

— Вот.

Грызи во что-то всматривается, качает головой и идёт ко мне.

— Слуга. Мы как раз пришли в том направлении, так что это его мы нашли самым первым. Следы те же. Что у тебя?

— Двое охотничков драпанули, — прямо по направлению к горам, и скорость отличная. С этими есть шанс.

— Мел... тебе их слышно? Можешь сказать, куда они ушли?

Тревогу в голосе Грызи можно руками потрогать. Пинаю Дар. А он в ответ пинает меня. Невидимой коленкой в висок. Крючусь и ругаюсь шёпотом. Вроде, разбираю что-то такое вдалеке... далёкие звуки сытой стаи.

А потом гораздо ближе различаю ворчание, повизгивание и испуганный человеческий вскрик.

— Стая ушла на юг, — мысленно прикидываю по карте. — От Теплового Озера — больше пяти миль. Может, разделились или разбежались по всему лесу. А там, похоже, кто-то живой.

Грызи кивает. И бежит на запад. Туда, откуда донесся человеческий скулёж.

Бегу следом, и это правильно. Там кто-то живой. Вряд ли больше мили. А до йосс куда больше. И от второй группы они пока далеко.

Остаётся надеяться, что у Пухлика и Его Светлости хватит ума не уходить от озера, сидеть в этом самом охотничьем домике и изображать наше прикрытие.

И ни обо что при этом не порезаться.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Если уж начистоту — это дельце не понравилось мне с самого начала.

Для меня оно ещё и началось в безбожную рань. Сперва со стука в дверь нашей с Янистом спальни. Потом с короткого: «Я вас предупредила».

А потом меня сходу затрясла за плечи Гриз Арделл, приговаривая: «Я очень извиняюсь, Лайл, но у нас дело, клиент несёт какую-то дичь, нужно, чтобы ты сгонял со мной в Крайтос, одевайся, пять минут на сборы. Доброе утро, господин Олкест, можете продолжать спать, извините, что потревожила, нет-нет, я на вас не смотрю».

Механизм побудки, отточенный за время учебки Рифов до остроты даматского клинка, сработал на славу. Бедолага Олкест только-только с ужасом вперился в закрывающуюся дверь — «Это что, Арделл?!» — а я уже впрыгнул в штаны и застёгивал тёплую рубаху.

— Я тебе не говорил, что о начальстве не надобно говорить перед сном? Так же и накликать можно. И скажи-ка мне просто на будущее — ты, случаем, не мечтал об этом самом начальстве в интимной обстановке? Потому что мне кажется, что это сбывается как-то не в ту сторону.

Судя по треску, который раздался за моей спиной — Олкесту нужно всё-таки перевесить несчастную книжную полку. Так же можно и череп проломить, в самом-то деле.

Может, Янист не отказался бы составить мне компанию. Но Арделл сходу запихала меня в «поплавок», и ещё через полчаса мы обретались в Крайтосе, где господин Аграст принялся со вкусом развешивать по нашим ушам ложь, оформленную по последним меркам высокой моды.

Тогда-то мне не понравилось это дельце ещё больше. И это был даже не вечный грызун, а чутьё законника (кузен Эрли уверял, что оно у меня — что надо). В прежние времена я слишком хорошо чувял тех, кто использует своё горе, чтобы не давать ни крупицы лишней информации.

Бейло Аграст был как раз из таких. Может быть, его жёнушка, обмякшая в кресле под мехами йосса, могла бы что-то прояснить — только вот он не давал ей и слова вставить и исправно топил нас в потоках своего горя. Заливал кружевной платок слезами и протирал колени костюмчика из фиолетовой таллеи (с искрой). Ползая в собственной гостиной по дороговому ковру (даматский, эпохи шестой Кормчей). И простирая руки, унизанные перстнями.

С ног до головы — олицетворение горя и лжи.

— *Господин Аграст, успокойтесь. Почему вы с вашей супругой так встревожены? Возле Скорпионьих гор часто возникают проблемы со связью...*

— *Говорите, вы пока не оповестили родственников остальных охотников? Но почему?*

— *Вы ведь могли попросить слуг на барже и корабле поискать вашего сына. У них ведь след перед глазами, не так ли?*

— *Можно ли вообще узнать, почему вы не направили свою охрану или охотников... у вас же есть охотники? Или не нашли кого-нибудь... поближе, чем в Вейгорде?*

Вопросы, уходящие в пустоту. Без толку. Аграст ломал руки, повторял, что мы теряем время, и вообще, он не знал, к кому обратиться, а о нас он прочитал в газетах. И его сын, его

милый сын, его сердце говорит, что что-то не то с мальчиком... как? А кому-то нужно сообщать? Или просить? Ой, а он не подумал. Но не могли бы мы всё-таки взяться за дело и не терять время, пожалуйста, его сын, его мальчик, он чувствует...

Душераздирающие излияния прерывались обещаниями выдать отличный аванс, вот прямо сейчас («Хотите сотню золотниц? Половина вперёд, конечно!») А в глазах тем временем извивалась тень страха, и Арделл тоже уловила эту тень. Гриз всерьёз колебалась перед тем, как взять дело. Только вот я был уверен, что она его возьмёт. В полном соответствии со своей натурой, которую я обрисовал Янисту не далее, как вечером.

Так что, когда выяснилось, что нам придётся всё же прогуляться в Заброшьё — я только отмахнулся от крысиных повизгиваний внутри. Попридержи голосовые связки, детка. Нет сомнений, на месте Гриз разделит команду (потому что не могу же я носиться со скоростью Мел). И в напарники мне пропишет «лучшего друга», который и привнесёт в нашу грызунью жизнь ярких красок.

Арделл сделала лучше и приписала в группу мечты страдающего Олкеста. Кажется, у неё были какие-то свои идеи насчёт волка, козы и капусты.

У меня была куча идей насчёт меня, молота, наковальни и «Девятеро, за что?!» Но следы Арделл и Мел остывали на морозце, Янист полыхал негодованием и был готов кинуться вслед, Нэйш с воодушевлением отслеживал метания новичка. В кои-то веки готовый следовать приказу: вырубать Олкеста и закидывать в «поплавок».

— Боженьки, — выдал я уныло, — да я их до полудня опрашивать буду.

Олкест приостановил метания и рыцарственно пришёл на помощь: первым двинул опрашивать слуг на кораблях.

— Прямо скажем, они знают маловато, — подвёл я итог через часик, когда мы вернулись к неподвижной белой фигуре, сливавшейся с местными пейзажами.

— Ещё точнее — они не знают ничего, — уточнил Янист. — Половина перепились с радости, что хозяева не появляются...

А остальных нам пришлось будить. И все искренне не понимали, чего мы сюда вообще заявились. Молодые хозяева (тут я выжал из слуг имена и статусы охотников) поехали на охоту, а та возьми да и окажись неудачной. Тогда Агрост приказал плыть вниз по течению — мол, в его угодьях поохотятся. Здесь оставили единорогов, сели на лошадей, взяли свору. Сказали — заночуют у Тёплого озера.

— Агрост-старший с ними не связывался, — подытожил я, отдуваясь. — Даже после того, как выслал сюда нас. Никаких «О, у меня тут сыночка пропал, к вам направляются специалисты, не могли бы вы оказать им всю доступную помощь». Забыл, наверное.

Физиономия у «клыка» была скрыта капюшоном, так что я видел только подбородок да плотно сжатые губы с чёткими полукругами — следами от улыбочек. Но смотрел он куда-то на чёрные, слегка позолоченные солнцем пики Скорпионьих гор.

— По всему получается, что всё равно придётся идти к Тёплому Озеру. Искать этот охотничий домик и выяснять — были ли они в нём вообще. Слуг Агроста на корабле нет, так что идти придётся по карте, если, конечно, ты не собираешься остаться и достичь полного единения с природой.

Белый капюшон с серебристой опушкой слегка качнулся в мою сторону. Потом «клык» неторопливо повернулся и двинулся на юго-запад.

Янист посмотрел сперва на удаляющуюся фигуру в белом, потом на уютненькую, протоптанную, с вехами тропу, проложенную от пристани.

— И с ним так всегда?

Я в ответ принял мученический вид, который должен был ответить: «Да вот ты мог бы и догадаться».

— А мы можем просто...

— Нет.

Нет, мы не можем послать устранителя ко всем водным чертям и пойти по тропе. Арделл была самую малость права: у нас не хватает опыта и магии, а значит — нам тут нужна нянька. Желательно — чтобы у неё были Дар Щита и дарт.

— Отличная такая прогулочка, — выдохнул я, догоняя «клыка». — Не то чтобы я пытался указывать или спорить — но ты не рассматривал возможность хотя бы что-нибудь делать, как все люди? Тут, к слову, есть неплохая такая тропа — понимаю, что тебе никто не указ, но всё-таки...

Мои слова ухнули в холодную пустоту, как в снега.

— Эта дорога проложена для лошадей, Лайл, — сподобился Нэйш через пару минут. — И для повозок. Идёт вдоль реки и потом заворачивает к озеру. Можно скостить две мили, пройдя напрямик.

Безопасный, но длинный путь или короткий, но непонятно какой. И к слову, есть у меня малость подозрений по поводу того, насколько уверенно наш «клык» перемещается в этой местности. Притом, что на карту он, помнится, и не взглянул.

— Знакомые места? — тут же озвучил мои подозрения Янист.

— Можно и так сказать. Приходилось бывать здесь... несколько раз.

— Настолько часто, чтобы просто вот так спрямить путь по лесу? Без тропы?

Олкесту явно меньше нужно общаться с Тербенно. И не перенимать у него тон.

— Охота на бабочек, само-то собой? — попытался было я, и в ту же секунду Олкест выдал своё:

— Ты охотился здесь? Устранял?

Эффект от фразы был таким, как если бы парень потянул Нэйша сзади за плащ. Устранитель остановился на полушаге. И под внутренний визг крысы я опять пронаблюдал, как к нам разворачивается белый капюшон с серебряной опушкой.

Из-под капюшона глядела смерть, пусть даже я не видел её глаз. Остро захотелось увеличить расстояние между Нэйшем и моей драгоценной тушкой, закопаться в снег и повторять: «Эй, эй, он же ничего такого не спросил...»

— Думаю, можно это назвать и так.

Губы под капюшоном чуть-чуть струнулись: наметили улыбку. Потом Нэйш развернулся и продолжил торить тропочку в снегу.

Олкест смотрел ему вслед с хорошо различимым «Что это было?» на физиономии. Я пожал плечами да жестом призвал к благоразумию (оно же молчание, оно же золото). И поспешил по тропочке опять — играть роль то ли козы, то ли капусты. Насчёт того, кто здесь волк, у меня сомнений не было.

Лес вокруг стал погуще, отовсюду полезли кусты с ягодами кровяницы — алое и белое, как в детстве, когда ходили с ребятами за ягодой для пирогов. «Хэ-эй, в ямку не провались!» — «А у меня тут снег глубокий!» — «Лайли, дружище, ты в гущу-то самую не лезь, весь исцарапаешься!»

Точно, Лайл, не лез бы ты, куда не просят. В гуще памяти те ещё заросли кровяницы, кожу — в лоскуты, верно же? Только вот что-то я такое слышал насчёт Скорпионьих гор...

или Заброшья? Легенды, нет, легенды — это в детстве, про снежных скорпионов, которые когда-то жили здесь, напители округу холодом, а пещеры — ядом, а истребил их великий Стрелок Линнэл, тот, который совершал подвиги в каждой вотчине... Но я слышал что-то потом, когда уехал в учебку. О том, что в той местности пропадают люди, думали даже, что там работорговцы или разбойники обосновались. Проклятие, опять не то. Кто-то вёл расследование — вот что. Когда я уже работал. Было на какой-то посиделке: «Да это юнцы, ты понимаешь? Он набирает детей!»

— Кто набирает? — спросил я, изрядно окосевший. А старина Орлок наклонился и дышал в ухо ромом и новыми подробностями: это секта, а не банда, вот это что такое. Какой-то урод набирает детей и промывает им мозги, а потом отправляет «на промысел» — грабить и убивать.

— Учитель, прикинь? Этот пацанёнок говорит — учитель у них там... а где? Мы его зельями жали... команда по допросу упарилась... парню шестнадцати нет ещё... четверых наших на задержании положил...

— С каким же это Даром? — поразился я.

— Без Дара, — сказал старина Орлок и засмеялся.

Без Дара — чем? Спросил я его об этом? И почему — Скорпионьи горы... Нет, это уже после того, как я освободился: довелось перекантоваться у старины Орлока пару ночей. Он тогда уже вышел на пенсию и отнёсся ко мне сносно, только всё твердил: «Гроски, ну, твой-то кузен понятно, а ты чего это влез?»

Мы тогда набрались в честь встречи и начали вспоминать старые деньки и старые расследования. И Старина Орлок говорил насчёт этой секты — вроде бы, они называли себя Скорпионами или как-то так. Только вот я не особенно верил старику: он рассказывал довольно фантастические вещи. Вроде того, что у этих самых Скорпионов были ячейки по всей Кайетте. И что эта самая секта малолеток проворачивала нехилые такие дела.

— А я их... почти нашёл, да! Там, у Скорпионьих нор... гор... — старикан вис у меня на плече и бубнил, бубнил, и вишнёвая наливка в белой кружке казалась — кровью. — Я по следу... наших вызвал уже... только там такое! Ты слышал, да?

Не слышал. Я-то как раз рассиживал в уютной такой камере и дожидался приговора. А потом был год на Рифах, и новость о телах в пещерах Крайтоса успела померкнуть, да и руководство сделало всё, чтобы не просочилось в прессу. А старину Орлока выперли на пенсию — он мне жаловался в тот вечер, под славные пироги с грибами от его жены. И отговаривался тем, что давал клятву и не может рассказать: сколько было тел в тех пещерах, и что это были за тела, и каким способом их превратили в тела.

— Кто-то был там раньше, — он наливал и наливал алую наливку в кружки, прихлебывал — и она засыхала на белых усах. — Когда наш Следопыт... мы тогда поняли, что совсем чуть опоздали. Следы-то замести не успели, да? То бишь, свои успели, а тела не успели, да и на стенах там... было. Мне потом сказали — молчать, всё верно. А какое там верно, когда... там лет по восьми были... а их всех, понимаешь? До одного!

Сироты и «пустые элементы», — вспомнилось из его рассказа. Бездомные бродяжки. Склад драгоценностей и артефактов в подземелье — тут я подумал, что старик и впрямь перебрал. И что-то ещё — важное, свербит в голове и отдаётся в копчик. Что-то о том, что Дар — это слабость... Навестить, что ли, старика, расспросить поподробнее? Или съездить к Лу?

Тёплое озеро показалось как-то внезапно — тихий водный младенец в уютной

пелёночке дымов. Пришлось стянуть шапку и убрать пару шарфиков из тех, которыми в приступе милой заботы укутала меня Аманда. Снежок вокруг озера подтаял, и ботинки шлёпали по грязи. Блеклое солнце оценивающе поглядывало с низкого неба, и вода в озере отдавала постыдной желтизной.

До охотничьего домика пришлось топтать ещё с полмили вдоль кромки воды. Дом подкрался почти к самому озеру на широких каменных ножках-опорах, а вокруг теснились друзья-прилипалы: конюшни, места для собак, пара сараев, рыбацья хижина.

Ночное покрывало снежка было нетронутым. Дом пустовал (я для очистки совести позаглядывал в окна и наслаждался отличной отделкой, залом оружия и залом трофеев). Замок и магическая охранка. Ключ нам Аграст дать не сподобился, а взламывать клиентские замки — не совсем то, чем я хотел бы заниматься без крайней необходимости.

— Ничего, — с сердцем выдал Янист, оглядев конюшни. — Нужно идти к ним навстречу. Если вдруг... понимаешь, если они что-то нашли.

Я очень даже понимал — и тревогу парня за Мел и Гриз, и его разочарование. Понимал даже подозрительные взгляды в сторону Нэйша, который неспешно прогуливался вдоль кромки озера.

Не понимал только коротких, резких взвизгов грызуна. Да того, что что-то в этой картине дома на озере кажется мне непоправимо лишним.

— Скажи-ка, Янист, — выдал я, чуток помедлив, — ты слышал что-нибудь о том, что Аграст — страстный любитель рыбалки?

Ведь, если вдуматься — нужна же какая-то причина, чтобы присобачить возле своего охотничьего дома отдельную хижину с лодкой и сетями?

Хижина оказалась ещё и сторожкой — и у неё-то вид был обжитой. Неплохой запас дров возле печки, в котле недавно варили похлёбку, на столе — склад грязной посуды, теплые одеяла на кровати, в углу — куча пустых бутылок. Янист нырнул под стол, выволок ящик виски и удивлённо присвистнул.

— Дешёвое пойло, — принялся я к одной бутылочке. — Крайтосское. Какая, однако, милая забота о местном стороже.

— Если он тут жил постоянно... — Олкест запольхал охотничьим азартом. — Можно же предположить, что хижину построили, чтобы сторож добывал себе пропитание, да? Если вдруг придётся долго присматривать за хозяйским домом. Ему подвозили выпивку и провиант, сейчас взгляну... так, тут есть сухари, соль, табак, мёд. Картинки развратные, хм, мерзость какая. Да, так вот. А рыбу для основного пропитания он ловил себе сам.

— На лодочке да с удочкой, — подхватил я, запихивая бутылку виски в сумку. — Ловля на молитву или сухари, потому что я что-то не вижу здесь наживки. Да и удочек тоже.

То, что заменяло удочки, нашлось частью в крошечной подсобке, частью — возле лодки. Хорошие рыбацкие сети и ловушки: расставить, собрать...

— Контрабанда рыбы? — Олкест запустил пальцы в рыжие кудри. — Ничего не понимаю. Здешний сторож этим промышлял? Или сам Аграст?

Он перехватил мой взгляд и оттарабанил с некоторой гордостью:

— В Тёплом озере обитает пять видов рыбы, все приспособились к тёплым водам. Самая крупная и вкусная — рубиновая форель, её тут много, но вылов только с королевского разрешения, а оно стоит немало. Если Аграст наладил тут её незаконный лов, продаёт на сторону — он мог бы опасаться, что мы об этом узнаем.

Хорошая версия, мне даже хочется, чтобы всё было именно так.

— Только вот это никак не объясняет — куда делся рыбак. И куда отсюда девалась рыба. Думаешь, её просто складывали в сарайчике или вывозили на лодке?

Ловушками пользовались сутки назад, может — двое, на дне вон ещё осталась всякая мелочь. А сетки-то растянуты — улов каждый раз был немалый. И что-то я сомневаюсь в прожорливости здешнего сторожа.

— А если на тележке? — Янист нырнул в подсобку ещё раз и ткнул мне в нос вместительное деревянное изделие о четырёх колёсах. — Правда, в неё вряд ли можно лошадь запрячь.

— Сомневаюсь, что в этих краях легко прокормить лошадь. Вряд ли она продержится зимой на диете из шишек и кровяницы. А вот если вручную...

Олкест кивнул и исчез — рванул искать дальше.

Похоже, тележкой несколько дней как не пользовались: об этом говорила кромка засохшей и примерзшей грязи. Нет, стоп, что я за олух: тут снегопады в последнюю девятницу, искать нужно санки.

— Тут тропа!

А парень-то умеет мыслить на диво стремительно.

Когда я подошёл — он указывал на хорошо заметную тропинку, ведущую от хижины в лес. Тропинку присыпало, припорошило снегом, но заметно было, что ходили по ней не раз и не два.

И вот при взгляде на эту тропиночку меня прохватил жестокий озноб, который никакого отношения не имел к почти неощутимому морозцу. Крыса внутри словно включилась — и разошлась не на шутку: не сметь туда, не сметь, не сметь...

— Это не к реке! — Олкест уже успел свериться с артефакторным компасом. — Это где-то там, в лесу, прямо в гуще леса, и они туда увозили рыбу. Вручную, на себе, так что это не может быть далеко. Давай же, пошли, ну?

Устранитель ничего не добавил. Я стоял, клубы пара летели изо рта куда-то в сторону дымки над озером, внутри заходила крыса — до одури, до медного звона в ушах. Появилось и нарастало знакомое чувство — мятный холодок под ложечкой, мерзкий, крысиный страх.

— А надо ли? Нашего парня здесь не было. Видно же по следам. Гриз чётко сказала: посмотреть здесь. Может, разумнее вообще их с Мел отыскать, чем...

— Но ведь мы можем узнать, — Олкест смотрел на меня удивлённо, — раскрыть, что он тут прячет, этот Аграст. Это почти наверняка вне закона, и...

— А я — не законник! — ух ты ж, вот и взвизг в голосе. — Что бы или кого бы он там ни прятал — это дело Тербенно и прочих с ним. Соваться втроём — если там вооружённая охрана...

— Но ведь это может быть связано, — донёс Янист истину до несмышлёного мальчика сорока пяти годиков. — То, что Аграст скрывает там, и пропажа этих охотников — это может быть связано, и... ты что, действительно собираешься просто остаться здесь?

— Да, Лайл, — заботливо подхватил устранитель, — если ты опасаясь слишком сильно — не беспокойся. Мы с господином Олкестом справимся сами. Думаю, его отвага и мои небольшие навыки...

— Ох, да ради Девятерых!..

По тропе мы шли в обратном порядке: Нэйш изящным жестом вручил лидерство Янисту, Олкест отозвался презрительным взглядом, но шагнул, я опять оказался средним —

этакая печальная ветчина меж двух враждебно настроенных друг к другу булочек. К слову, надо было прихватить что-нибудь пожевать в рыбацкой хижине — а то мои метафоры начинали приобретать съедобный характер.

Янист шёл по тропочке и моих душевных терзаний не замечал. Нэйш поступил в своём духе: сначала я ловил себя на том, что не слышу его шагов, пару раз нервно оборачивался и ловил издевательски-удивленный взгляд — мол, что за нервы? Потом обернулся — и посередине тропочки уже действительно никого не было.

— Да такую ж...

— Куда он пропал? — осведомился Янист.

— Туда, куда его увели голоса в его голове, и если ты вознамерился спросить — да, это с ним всегда так!!

— То есть, он просто решил нас бросить? — уточнил жених Мел самым врагоизучающим тоном. — Или поразвлекся таким вот образом?

— Или то, или это, а может, решил нас опередить и всё выяснить сам, или что-то заметил, или всё вместе, — я опять сдёрнул шапку, чтобы охладить голову. — И если ты хочешь задать мне сейчас вопрос типа «Чего от него можно ждать?» — я понятия не имею!

Янист выглядел малость удивлённым моей горячностью.

— Ладно. Думаю, нам надо надеть маск-плащи, да? И идти осторожнее.

И разговаривать шёпотом. Этим мы и занялись: крались по тропочке и шептались-перекликались. Время от времени становились спина к спине и озирали окрестности.

«Клык» возник неожиданно и уже впереди нас — со скучающим видом прислонившись к сосне.

— Думаю, вам стоит кое-что увидеть.

Сделал короткий жест — за ним.

— Здесь кустарник. Не пораньтесь.

Причину такой милой заботы я понял почти сразу, как увидел следы.

Они начинались шагов за сто от тропочки, петляли между деревьями и кустами — следы здоровых лап. Чуть-чуть неуклюжие, будто животное идёт переваливаясь. Видел я такую походочку у нас в питомнике.

— Йосса? — голос осип, в памяти словно развернулась законническая ориентировка: бесстрашные твари, чуют тёплую кровь с больших расстояний, одиночки, но могут быть и в стае... Не оставляют добычу, если только она в крови. Пока не загонят.

— И не один. Вон там следы самки. Серебристые йоссы, — Нэйш выложил на чёрную кожу перчаток клочок серебряной шерсти. — Впутались в кровяницу, но с такой плотностью шкуры им кусты нипочём. Ты ведь знаешь, как их мех ценится у модниц.

Сказал тот, у кого этим самым мехом капюшончик оторочен. Я кивнул, почти даже не слыша, что какие там знания о йоссах извергает из себя Янист (рост, вес, возможности, привычки, ага, очень важно).

Следы добычи отыскивались чуть левее. Неверные, шатающиеся, со следами падения. Кто-то в дорогих сапогах брёл и падал, петлял и метался, то ли что-то искал, то ли просто пытался сбежать — по временам окрашивал снег в нежно-розовый.

— Влез в кровяницу? — кивок Нэйша я почувствовал спиной.

— Несколько царапин или порезов. Достаточно, чтобы стать объектом охоты.

— Он мог искать именно тропу? — вмешался Олкест. — Если так, то это сын Аграста.

Нэйш пожал плечами — может быть. Или это один из охотников, шарahalся по лесу

наугад. Пытался выйти к реке или к озеру и заплутал.

— Насколько свежий след?

— Конец ночи или предутренний час. Во всяком случае, несколько часов.

— Убираться бы нужно, — заметил я. — Этих тварей тут явно не две.

Янист молча указал на следы. Каждой своей веснушкой он так и кричал: «А следы?! Мы же можем узнать — откуда он пришёл и что с ними стало! А если это вдруг наш Аграст?»

«То он мёртв, и мне не хотелось бы составить ему компанию», — ладно хоть вслух не выдал.

Играть в следопытгов пришлось осторожно: перемещаться между зарослями, одергивая Яниста (иначе он три тысячи раз влез бы в кровяницу) и уповая на охотничьи инстинкты Нэйша. Тот вскоре отыскал и второй след: здоровая нога, грубые сапоги, грузный бег.

— Слуга или лесничий, — пробормотал Янист. — Получается, что этот первый бежал не один? Или второй просто шёл за ним? А вот, следы пересеклись — они встретились?

— Или просто один вышел на след второго, — отозвался Нэйш. — Слишком малая разница во времени, сложно сказать.

Вскоре после перекрестья следов разыгралась кровавая драма: снег был раскопан и перепахан, усеян брызгами крови.

— Поцарапался или был ранен, — подтвердил Нэйш. — Возможно, столкнулся с одним из йосс и попытался ударить его магией. Йоссы, которые были недалеко, как видите, присоединились к охоте.

С одной пары количество йосс подросло до трёх — и с любителем дешёвых сапог всё кончилось быстро. Один сапог нашёлся почти у тропы. Прочее было заботливо прикопано сразу по нескольким полянкам.

На этом месте Рыцарю Морковке пришлось сделать пару глотков укрепляющего. Парню явно стало не по себе, когда Нэйш принялся с любопытством анализировать — на какие части разделали первую жертву.

— Второго они... тоже?

На это ответ нашёлся через пять мучительных минут — в основном они ушли на попытки обойти заросли клятой кровяницы. Меньшие следы нашлись опять: кто-то провалился в овраг, выкарабкался, опять метался среди деревьев, а потом ударился в бега по направлению от озера.

— Живучий, — выдохнул я почти восхищённо.

— Он бежит как раз туда, куда шли мы, — пробормотал Олкест. — Может быть, совсем утратил направление... и вернулся. Наверное, мы ещё можем...

Вернуться, подумал я, прикрывая глаза. Вот, что надо сделать. Прислушаться к грызуну внутри. И вернуться к домику у озера.

— Тихо, — заметил устранитель безмятежно. — Если йоссы и есть, то они где-то далеко.

Или не подают голосов, потому что сыты.

Янист подождал от меня или Нэйша ещё каких-нибудь действий, вздохнул и решительно зашагал к тропе.

Идти пришлось ещё около мили. Потом огибать особенно густые и высокие заросли.

Потом перед нами открылся частокол. Вернее, то, что было частоколом, потому что ворота теперь торчали нараспашку — очень гостеприимно, если учесть, что перед этими самыми воротами снега не было видно из-за следов.

— Не менее двадцати особей, — подтвердил мои опасения Нэйш, — от года до двух, самки и самцы. Бежали на север, очень быстро. Следу не меньше десяти часов.

Одна створка ворот оказалась чуть ли не сорванной с петель. Заклинило намертво, это сообщил уже Янист. И артефакты защитные не активировать, а они есть.

Значит, ломались с такой вот неистовой силой. Девятеро и Единый, как же не хочется внутрь. Наплевать на всё, сказать Олкесту и Нэйшу, что я прикрою их отсюда...

— На твоём месте, Лайл, я бы опасался тех, что снаружи, — посоветовал Нэйш на ухо, проходя мимо меня. — Внутри живых уже нет. Ну, помимо мальчика.

Точно, Янист уже оказался внутри и всю махал рукой: «Гроски, иди сюда, тут...»

Что тут? Милая фермочка господина Аграста. А то контрабандисты, знаете ли, дерут на меха серебристых йосс жуткие цены. Жутче цены дерёт только древний и жадный король Крайтоса, которому наплевать на моду и не наплевать на свою мощь. Так что лучше всего выбрать укромненькое место (к примеру, Зброшь: стоит копейки, а Следопыты тут теряют Дар). И самому разводить зверей. Укрыться от досужих взоров за снегами и деревьями, приспособить пару маскирующих и защитных артефактов... глушачие наверняка тоже. И ещё нужен крепкий частокол, железные клетки (виднеются у стены, четыре штуки, по пять особей держали, что ли?). И жилые помещения для охраны-прислуги. А то кому-то нужно присматривать за тем, как подрастает будущий мех. Кормить их рыбкой — отличное средство для меха, а?

И обдирать с них красивые серебристые шкурки. Вот в этой уютной подсобочке, полной хороших таких инструментов. Вон, Нэйш умиляется и цокает языком: тонкая работа, да? Чтобы шкурочку-то не попортить.

— Как они их убивали? — пробормотал я, поглядывая на пропитавшийся кровью верстак.

— Ядом, — легко отозвался «клык». Он со знанием дела взвешивал в руках какой-то ножичек. — Нужное животное переводится в отдельную клетку, ему дают яд в пищу. Мгновенный паралич дыхания. А то шерсть может утратить искру. А потом...

Он совершил плавное, изящное движение ножиком. Вернул тот на место, улыбнувшись нежно, как старому знакомому.

— Думаю, тушки они после этого отдавали на прокорм остальным. Как тебе такое, Лайл? Безотходное производство. Видел подобное пару раз... в разных местах. Конечно, у йосс от такого портится характер — всё же кровь. Но между собой они почти не сражаются. Особенно если сыты.

Сыты телами своих же сородичей. Главное Мел это не рассказывать. Взвоят громче почувшего кровь йоссы. Возможно, перегрызёт Аграсту горло примерно с той же результативностью.

Янист стоял на улице, опираясь рукой о стену деревянного сарая. Пытался отдышаться — тут всё ясно, в сарай вели кровавые следы. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: зверушки ухитрились вырваться, местные сторожа пытались их остановить и загнать обратно. Двадцать разъярённых йосс, угу. Может, были под хмельком? Точно, были: в жилых помещениях стояло четыре койки, и бутылок там было навалено гуще, чем в рыбацкой хижине. Ещё на полу валялась опрокинутая Водная Чаша с разлитой водой: вызвать помощь никто не успел.

В сарае тоже было порядком кровавых брызг: кого-то йоссы утащили прямо отсюда, разворотив хлипкую дверь. Наверняка тела остальных из обслуги где-то тут же, поблизости.

Только вот кто из них выпустил зверей? Надо бы взглянуть на клетки...

— Гроски! Здесь кто-то есть!

Янист добрался до клеток первым.

А парнишка лежал скорчившись, неподвижно. Он собрал грязную солому с пола клетки — и закопался в эту кучу, распластался, будто груда грязного тряпья. Неудивительно, что мы не заметили его от входа — да и подойдя вплотную нельзя было сказать, как он там: спит, умер, ранен?

— Господин Аграст? — Янист торопливо возился с мощной щеколдой. — Халлен Аграст? Это вы? Вы ранены? Не бойтесь, мы пришли вам помо...

Стоило Янисту сделать пару шагов внутрь, как оказалось, что парень даже очень даже живой. Он подскочил и метнулся на выход, в обход Олкеста — и влип в меня на входе. И завизжал громче крысы у меня внутри.

— У-у-у-йдите! Нет! Закройте, закройте, закройте! Они сейчас придут, пу-пустите меня закройте, закройте!!

Лет ему, наверное, было около восемнадцати — а казался он безумным стариком, с выпученными глазами, перекошенным лицом и слюнями изо рта. Дорогая охотничья куртка порвалась, штаны были расплосованы, на голове — солома, перемешанная с такими же соломенными волосами. И визг напополам с рыданиями — тонкий, пронзительный, тревожащий звук:

— У-у-у-йдите! Нет! Они всех, всех, всех!.. Закройте!

— Господин Аграст? — пытался в это время Янист. — Вот, вам нужно выпить это зелье... скажите, вы ранены? Послушайте, нас послали к вам... Нэйш, какого чёрта, можешь его придержать?!

Устранитель подошёл с полуудивлённым видом. И молча закатил парню две полновесные оплеухи — справа и слева. Пациент охнул, выпучил глаза и вытянулся в струнку.

— И я не это имел в виду, — отчеканил Янист, заливая в болезного успокоительное. — Эй... эй... послушайте, мы вам поможем. Господин Аграст? Да?

Парень наконец-то обмяк и стал стремительно сползать на землю. Прихватив при этом меня за отвороты куртки — так что я невольно его придерживал, когда он наконец-то прошептал:

— Вы от папы, да? — и после этого разрыдался, повторяя: «Уведите меня, уведите меня скорее, уйдем отсюда, уйдём, а то они вернуться», — больше от Халлена Аграста ничего добиться не удалось.

— К реке долго, нужно уходить к озеру, вызывать «поплавок», — пробормотал Янист. — Здесь ведь Чаша разбита? Значит, оттуда вызывать. Господин Халлен, вы идти сможете?

Паренёк, давясь воздухом, кивал: уйдем, да, давайте быстрее уйдем. И размазывал соплю о мою куртку. Нэйш жестом показал, что — почему бы и нет, можно и к озеру.

А вот мне полагалось бы обрадоваться тому, что мы покидаем бывшую ферму. На которой полно клеток и останков бывших служащих. И на которой мы в опасности, потому что если вдруг вернуться йоссы — только клетки и годятся как укрытие.

Однако крыса орала всё громче и злее.

Олкест опять пошёл впереди, а Нэйш — замыкающим. Посередине выступали мы с добычей: я подставлял плечо трясущемуся и всхлипывающему Аграсту и едва сам

удерживался от того, чтобы не подвывать.

Как только мы отошли на сто шагов по тропе — парнишку понесло так, что и спрашивать не надо было.

— Я не виноват, это всё отец, это... я говорил, что плохо кончится, и что они опасные твари, и что они вырвутся, я знал, что это плохая идея, а он говорил — меха, и охота, всё вместе, а я не виноват, я всегда ему говорил: надо больше охранников, и ещё они пьют, а он... не слушал, и я не виноват... а лошадь, у меня убежала лошадь...

Триста шагов. Мы остановились и дали глотнуть парню воды из фляжки. Плюс укрепляющее. Но слова всё равно лились и лились из глотки, пополам с рыданиями, сквозь зелье и воду.

— А мы с охотой сюда... я не виноват, а все слышали — тут дичи много... решили — сюда с охотой... а я предупреждал, я знал, что будет что-то не то... и я боялся, что они найдут, и я хотел проверить, чтобы спрятали крепче, замаскировали артефактами. А сторожа, они постоянно пили, всё время виски, я не виноват, и я не знаю, кто это сделал, кто из них мог такое сделать, только было уже поздно, было совсем поздно...

Он выстанывал своё признание мне в ухо — обвивая, как вьюнок, за шею, повисая всем невеликим весом. О том, как он поскакал к ферме, не доезжая до неё — услышал шум, а потом вой йосс. Сторожа подрались и открыли клетки, так уже бывало, только раньше зверей удавалось собрать, а теперь всё было иначе. И лошадь...

— Лошадь... у меня убежала лошадь. Я хотел скакать назад, предупредить остальных... а она испугалась, убежала. И я не успел... только крики...

Я хотел было спросить — с чего йоссам нестись на охотников в ночи. Кровью там кто-то, что ли, перемазался? Потом спохватился, что парень вряд ли и знает — и вообще, он же не может ответить, потому что плачет.

Он плакал не меньше ста шагов — потом заговорил опять. О том, как он пытался найти лошадь, влез в кусты кровяницы и разодрал руки. Как побежал обратно к ферме (понятно, что за ним не сразу вышли на охоту — хватало другой крови). Укрылся в клетке, пересидел. Потом ещё пытался... к озеру, но в темноте не нашёл тропу, а за ним погнались йоссы, он слышал их сзади, и потому опять свернул, залез в клетку, закрыл защёлку...

— А второй? — спросил я. — Сторож, который тоже бежал?

Последнее слово перечеркнул короткий полулай-полувоёв: «Харруоуу!» шагов за пятьсот от нас к северу. Парнишка задохнулся, стиснул пальцы у меня на плече... или это он на миг раньше?

Я оглянулся на Нэйша: устранитель стоял с откинутым капюшоном. Вслушивался и вглядывался — всей белоснежной натурой.

— Разведчики, пока что далеко, — провёл пальцем направление. — Где-то там может быть вся стая.

— Нужно дойти до озера, — припечатал Олкест решительно. — Мы уже почти на полпути!

— И ветер дует от нас, — обозначил «клык» невиннейшим тоном.

И снова мне показалось, что парень вскрикнул и вжался в меня раньше, чем услышал эти слова. Словно осознал — раньше.

Что на нём пусть вполне затянувшиеся ранки — но всё-таки кровь. Так что если вдруг нас учуют...

Могут предпочесть свежую добычу закопанной. Так, как это случилось с тем вторым,

который тоже пытался сбежать. И тоже, видимо, нарвался на кусты, как Халлен Аграст, а он же...

— Я не виноват...

Вот только на того охотника внезапно накиннулись и сожрали, а сынка модельера не поймали. Редкое везение, если вдуматься.

— ...не виноват... я бежал, а он... он тоже сначала выжил... там, когда они все выскочили из клеток, он спрятался, они пробежали мимо... И он бежал за мной, а они гнались...

Здесь с опозданием — но я понял, что не даёт покоя внутреннему грызуну прямо вот сейчас. Не повизгивания стаи йосс вдалеке. А рассказ парнишки, в котором, если подумать, что-то уж слишком многое не стыкуется.

Примерно всё.

— Я не виноват, — слабо шептал парнишка мне в ухо. — Я просто... простите. Так вышло, я не хотел, простите, простите...

Наверное, я недопустимо промедлил. Или был невозможно доверчив. И уж точно — непростительно туп.

Нет, честно, когда внутри полоснуло болью — я сперва подумал что-то вроде: «Пирожки, что ль, вчера несвежие были?» Потом проводил взглядом парня: он отскочил от меня на диво шустро для такого ослабленного создания, лаской шмыгнул между заснеженными деревьями.

Потом я опустил взгляд вниз и понял, что уж лучше бы все-таки пирожки.

Доложу я вам — ну и неприятно же обнаружить у себя в животе кинжальчик! Секунду назад его не было — а теперь он вполне себе органично дополняет твой гардероб посеребрённой рукояткой. И, судя по ощущениям, эта штука не очень-то короткая.

— Твою же мать, — почти ласково сообщил я рукоятке. Гроски, твою Судьбу при рождении уронили из колыбели головой вниз на что-то тяжелое. Нет, правда, откуда у мальчика на охоте взялся кинжал, каким мужья добивают неверных жен на подмостках театров?!

Крысы не любят кинжалов. Предпочитают яды, которые можно переварить.

Нэйш и Олкест, надо подумать, были мал-мальски озадачены. Только что на мое плечо трагично опирался сын местного магната, а теперь позади них только я, ухмыляюсь самым идиотским образом и виновато хриплю:

— Что-то мне нехорошо, понимаете. Видать, надо было осторожнее с остреньким.

А потом в лучших традициях драмы медленно оседаю в снег, пытаюсь дышать.

Дышать получалось отвратительно. Глаза порошило несуществующим снегом, в животе поселилась жаровня Дарителя Огня, шипела и разгоралась с каждой секундой. Ладонь была какой-то алой — смешно и красиво, алое с белым...

Потом я моргнул, а когда открыл глаза, я уже был в положении полусидя, прислонен к сосне, а Янист лупил меня по щекам и шипел сквозь зубы:

— Гроски, открой глаза, какого...

В руке он держал кинжал, окровавленный и длинный, как ножичек, которым мой папаша нарезал колбасу.

— Ага, — слова булькали и переливались в горле, — есть кинжал, зачем по морде?

Олкест еще что-то прошипел, попытался прижать рану, а потом и перебинтовать — всё-таки бинты были у каждого в сумке. Из восклицаний Яниста ясно было, что в мозгу у него от

всей этой чехарды здорово прояснилось.

У меня почему-то тоже. Внутри на полную катушку трудились жерла вулканов, органы заливала расплавленная лава, а мозг был ясен как никогда. Он даже решил, что теперь-то самое время поведать мне историю примерного сыночка своего примерного отца.

Спяну он решил все это учудить? Или обидели перепиравшие дружки? А может, они сами его и попросили — чтобы для охоты?

Я-то уж точно не узнаю, почему Агрост-младший двинул открывать клетки. И как пересидел в клетке кончину своих товарищей. Может, и впрямь пытался сперва добраться до них, да потерял лошадь. А потом решил выйти к озеру, от страха сбился с пути, услышал за собой погоню. Петлял по снежному лесу, осознавая себя дичью в полной мере, по горло. Наткнулся на выжившего сторожа. И решил отвлечь погоню более ярким запахом крови. И в ход пошёл кинжальчик, вот как теперь со мной.

Я бы его даже пожалел, да времени мало, пора изыскивать последние в жизни слова.

— Ладонью прижми, — вот тут, — цедил сквозь зубы Янист, я послушно прижимал и думал об идиотском. В голову упорно лезла досадная мысль о недоштопанном носке. И о том, что нужно было все-таки зайти к Милке на той девятнице. Еще почему-то думалось о супе. И что бывшая-то была не права, и прикончила меня вовсе не склонность к дурацким каламбурам. И да, жаль, я так и не знаю, получила ли обещанную куклу девчонка в платье с рюшками — та, которой сейчас уже, должно быть, шестнадцать или даже больше.

— Единый и ангелы! — вопль души Яниста оборвал течение дурацких мыслей и вернул меня к еще менее разумной действительности. — Мы его отсюда не унесем.

Всегда считал, что жрать все же нужно меньше. Я попытался скроить покаянную мину, но лежа в снегу, с кинжалом в животе (хотя нет, кинжал теперь у Яниста, у меня — замечательные последствия) — такое еще попробуй, проверни.

— В самом деле, — долетело оттуда, где должен был стоять Нэйш.

— Нужно попытаться... если дотянем обратно... клетка...

Вы не дотянете меня до частокола. Сказать не получилось: вулканы внутри заработали вовсю. Хуже я себя не чувствовал, даже когда бывшая накормила меня рыбой с соусом по рецепту ее матушки.

Не дотянете, потому что они уже слышат. Мою жизнь, она сейчас выплеснулась на снег, не вся, но достаточно, чтобы учуяли. Они слышат, они сейчас... все, кто есть...

Крыса внутри орала истошно, пыталась процарапаться наружу.

Нэйш наконец подошел, наклонился, стаскивая перчатку, коснулся шеи.

— Огорчительно, Лайл, — то самое слово, которое я никак не мог подобрать. Вот уж точно, огорчительно. Надеюсь, он хоть донесет до младшего — насколько. А то мне как-то неудобно, у меня, кажется, рот кровью наполняется.

— Горло... — прошипел я, понадеявшись, что этого будет достаточно. У них еще будет время уйти — а мне гораздо приятнее будет помереть от того же кинжала, чем от зубов пяти-шести бестий.

Для Олкеста оказалось недостаточным — отмахнулся от меня с досадой.

— Нужно остановить кровь или перебить каким-то другим запахом, время еще есть, дотянуть до частокола, все зависит от того, насколько далеко они были, когда учуяли...

— Нет, — бархатно перебил Нэйш, — всё зависит от тебя. Того, насколько быстро ты найдешь Арделл. Она сейчас где-то вон в том направлении. Кричи погромче. Есть шанс привлечь внимание Мел.

— Я не собираюсь...

— Понимаешь, нужно донести до Гризельды одно небольшое послание.

Боженьки, он и правда ненормальный. Прав был Лортен в самый первый день. Я собрался было выкрикнуть что-нибудь эпохальное, но ничего лучше «Бегите, глупцы» на ум не шло.

Морозило отчаянно, холод поднимался от ног, и неясно было — то ли это от раны, то ли от решения, которое я угадал...

В снегу шустро крался бордовый ручеек, Янист стоял на его бережку и тяжело дышал, съедая вздохами секунды, за которые мог бы спасти себе жизнь.

— Послание?

— Чем быстрее она будет здесь, тем больше из оставшейся колонии останется в целости. Думаю, — тихий смешок, — она поймет.

— Почему не...

— На твоём месте я снял бы куртку, она пропиталась кровью. И избегал бы колючих кустарников.

Олкест выкрикнул что-то невразумительное. Кажется, кто-то должен был скоростно Нэйша побрать. Правда, выкрикивая, Янист сдирал с себя куртку, которую отшвырнул в сторону. Крикнул еще на прощание: «Гроски, не смей на тот свет!» — и шастнул меж деревьев в том направлении, куда указывал Нэйш.

С хорошей скоростью малец ушел. И дальновидно было — отправить мальчишку. Чтобы не видел. Не мучился совестью.

И не рассказал.

— Знаешь, — чувствовал я себя как пирожок, завернутый в мороженое. Внутри огонь, снаружи лед. Почему-то течет из носа, обидно, а шмыгнуть сил нет, — я-то когда-то мечтал — в восемьдесят помру. Не дотянул чуток, да?

Ну, я не знаю, как иначе забалтывать того, кто тебя вот-вот прирежет! Нормально сказать или нет: «Валяй, я полностью все одобряю, ты только кровушкой-то не запачкайся и смыться успеешь».

«Клык» опять наклонился надо мной. Выглядел, пожалуй, сосредоточенным: с приподнятыми бровями, сжатыми в узкую короткую линию губами и глазами, холоднее здешних снегов. Где он там прячет свой палладарт, которым с одного раза можно грохнуть виверния?

— Мел... рада будет, — слова выходят горячими, сухими сгустками. — Зверушки-то сыты...

Нэйш вдруг хихикнул. Прозвучало настолько по-дурацки, что я обреченно подумал: всё, вот это последнее, что слышал в жизни. Идеально подытоживает мой жизненный путь.

— Как самоотверженно, Лайл, — тихо обронил Нэйш, отворачиваясь и расстегивая плащ, — как... героически. Не знал, что это значит в законах Гильдии.

Плащ соскользнул в снег — белый на белом. Блеснула цепочка, в несколько раз обвитая вокруг правой ладони. На конце цепочки серебрилось лезвие в полторы пяди, хищное, отточенное, идеально предназначенное для того, чтобы прошивать шкуру и плоть.

Переливчатые крики прорвались сквозь шум в ушах — йоссы. Ликующие, радостные.

— Терраанты называют это «Песнь Крови», — сообщил мне сумасшедший, обозвавший меня героическим, — занятно, правда?

И лезвие подмигнуло — отразило бликом снег. Который скоро очень станет похож на

закат. И на многие сорта роз, и на вино, и с чем там еще сравнивают эту чудесную жидкость, которая покидает мой организм.

Которой придется как-то помогать. Потому что у меня уже не особо-то есть голос, и не получится спросить у «клыка»: «Тебе-то это зачем?» Или сообщить ему, что я ни на грош не верю в его вселенское человеколюбие.

А вот в то, насколько самоубийственной окажется его игра с этими тварями — я вполне себе верю. И от этого берет меня досада лютая, потому что и помереть же спокойно не дают. Полежать, помечтать напоследок о пиве и солнечных деньках, о пухлых рыбачках в портах торговых городов.

Печать пришлось колоть занемевшими пальцами — отозвалась с неохотой. Нет, милочка, сегодня нам уже нечего отдавать. Сегодня я — скряга, трясусь над каждой крупницей холода, принимаю все в себя. До чего же это омерзительно, кто бы знал: впускать в себя свой собственный холод, удерживать под кожей и заставляя просачиваться в кровь...

Зато результат будет — в самый раз: вмерзший в сосну я, вместе с извиняющейся миной, а вокруг — моя кровь, тоже замерзшая, так что она перестанет пахнуть так остро. Станет мёртвой, а на холодную кровь йоссы не идут. Кажется, Мел говорила... или Аманда?

Кожа загорелась, зато внутри на вулканы обрушилась лавина. Затряслись пальцы, потом будто вообще пропали, но Печать была тут, и я шептал Дару: держать!

Перед глазами настойчиво летали белые и алые мошки. Потом они вдруг прояснились в лицо Рихарда Нэйша.

— Знаешь, Лайл, — проговорило лицо, — думаю, тебе лучше поспать.

Что-то теплое легко надавило на шею, а потом воюющие пятна в отдалении расплылись белым и алым.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Хэээээй! — кричит Грызи на бегу. — Отзови-и-и-итесь! Кто живо-о-о-ой!

Сперва отклика совсем не слышно. А потом громко, призывно ржёт лошадь. Пятьсот шагов. Откликается вторая лошадь, повыше: «И-и-и-а-а-аху-ху!» Пытаюсь применить Дар на бегу — и серое небо с размаху подпрыгивает на макушке, прожёвывает меня и выплёвывает, будто в вир. Колени подламываются. Улетаю лицом в снег.

Мантикоры корявые.

Отключаюсь на пару секунд, а когда продираю глаза, на западе в полный рост переливается Песнь Крови — не меньше дюжины глоток.

Где-то возле озера, то есть пока что нет, но йоссы туда движутся. А лошади всё ржут и ржут, то дальше, то ближе. Подскакиваю, не дожидаясь, когда Грызи добежит до меня и поможет подняться. Машу рукой: в порядке, несёмся дальше.

Хотя порядка во мне — как у Лортена в коттеджике. Клятое Заброшьё, будто на яприле по моему Дару прокатилось. То глохну совсем, то теряюсь в звуках, а направление не могу уловить. Спасибо ещё — есть следы двух охотничков. Ведут от места резни.

Потом их пересекают знакомые следы толстых лап. И мне в желудок валится ком солоноватого льда. Несусь за Грызи, наплевав на дыхалку и на Дар. А где-то разливается Песнь Крови, стая идёт на добычу, только туда нам сейчас всё равно не успеть, мы и здесь можем не успеть, алапард подери, что ж за...

Сперва на нас вылетает пара йосс. Красавчики — в серебристых мантиях, с пушистыми хвостами-воротниками, медвежьи мордочки — потемнее. Забавно косолапят и загребают лапами снег, а несутся очень даже быстро. Обнаружив такое явление, как мы, йоссы встают меховыми статуями — в снегу. Потому что — варг же! И кровью никто не пахнет! И вообще...

— Вместе!

Грызи лезет в единение прямо на бегу. Зелень в глазах разрастается и ловит йосс, сначала первого самца, потом второго. Успокаиваются красавчики не с первой попытки, один даже приподнимается на задние лапы и пробует подпетть далёким собратьям. Потом покорно ложится в снег. Я добавляю каждому йоссу снотворного, поглаживая густой мех — спите, малыши.

— Охотились здесь? — спрашиваю.

Грызи морщится: задержать двух йосс сразу, да ещё когда они несутся туда, где кровь...

— Скорее просто случайно оказались, а потом услышали вот это.

Песнь Крови разливается и крепчает на западе, всё так же двигается к Тёплому озеру. Может, там ещё одна лошадь или собака влезла в кровяницу. Надеюсь, у Морковки или Пухлика хватило ума в такое не вляпаться.

— Хэээээй! — подаёт голос Грызи. — Кто живо-о-о-о-ой?

И теперь отклик есть: шагов за триста, два слабых голоса. И лошадиное ржание. Но как будто уже дальше.

Под курткой жарко, вся спина в поту, от волос идёт пар. Колени орут, что вот так долго бегать по снегу в лесу — дурацкая идея. Но я несусь, как алапард или как Грызи (она вообще

касается земли?). Прыгаю через поваленные деревья и перемахиваю через канавы. Оббегаю кусты кровяницы.

Дуб пузатый, перекрученный и изогнутый. Раскинул уродливые ветви так, будто желает послать север в вир болотный. А на дубе расселась парочка охотников. Несъеденных и на удивление не поцарапанных даже.

Тот, который помладше, при виде нас начинает реветь.

А лошади ржут и ржут, перекликаются, ищут хозяев бедолажки. Ещё впутаются в кровяницу, а тогда уж им конец.

Оставляю Грызи снимать с дуба урожай и бегу охотиться на лошадок. Кричу и подманиваю их ласковыми словами.

Песнь Крови будто запнулась где-то между нами и озером. Заглохла. Кто бы ни стал добычей — тут уже всё.

— Только посмей, Морковка, — говорю зачем-то в воздух. И лезу по снегу дальше: по поляне, через сугробы. Скинуть куртку, что ли? Бег легче пойдёт...

Лошадушки всё-таки выходят на голос. Два невысоких вороных жеребца, бока и грива сплошь в коротких кучеряшках шерсти — на ощупь как каракуль. Крайтосская шерстистая порода. Холод им нипочём, папаня на таких на зимние охоты и выезжал.

— Идите сюда, идите, — маню лошадушек, угощаю сахарком и сухарями из сумки. Лакомства приправляю укрепляющим. — Дайте-ка на вас поглядеть...

Храпят, пугливо косятся на запад и виновато тыкаются теплыми губами в ладонь. Подустали за ночь. Один потерял малость хвоста, но в кровяницу на удивление не влезли. Наших конюхи тоже приучали эту дрянь сходу отличать.

— Не испугались, да? — глажу и глажу их по крупам, расчёсываю пальцами густые гривы. — Остальные понесли, не разбирая... а вы потихохоньку, с умом, а? Настоящие северяне. Ночь в округе пробродили, вот и молодцы, вот и умницы. А потом вы...

Начали искать хозяев — шерстистые крайтосцы мало что умные и выносливые — ещё привязчивые. Почти как единороги. Это ж они дождались, пока йоссы отойдут и всё утихнет, и начали назад пробираться! Между собой еще перекликались. Вот охотничкам бы мозги, как у этих коней.

Хотя похоже — это лошади как раз тех двух желудей. Богатая сбруя, серебро и тиснение, зелёные цвета. На подковах — герб, Ройдэки, точно, Ройдэки. Знать второго уровня, у них были мечи на зелёных холмах. Оказывается, эта дрянь из меня ещё не выветрилась до конца.

— Поедем-ка к вашим хозяевам, — говорю ласково. Оглаживаю того жеребца, что повыше, вскакиваю в седло. — Ух ты! Не бойтесь, не бойтесь, красавчики!

Взамен Песни Крови — ликующей, радостной, вдалеке теперь раздаётся Песнь Смерти Яростная и заунывная. «Еээээр! Сме-е-е-ерть!» — всхлипывают вдали йоссы, и я проклиная свой Дар — не мог продержаться дольше! Но к Печати не обращаюсь. Не хочется упасть с лошади в снег.

Забытое чувство катания на кайеттской шерстистой — плавный, ровный бег. Настоящие кони с настоящей выучкой — чувствуют, куда можно копыто поставить. В точности как моя Лилия... давно.

— Песнь Смерти, — говорит Грызи вместо здарсьте. Она хлопочет над Желудями, старшим и младшим. От братьев-Ройдэков густо несёт страхом. И ночным сидением на дереве. Младшему вряд ли шестнадцать. Перемешивает на физиономии слёзы и сопли с

мазью от обморожений.

Старший рвётся куда-то бежать и что-то рассказывать, укутывает братишку в куртку Грызи и хрипит, что остальные — они все вон там, вон там они... были.

— Были, — отрезаю я, подводя коней поближе. Посылаю Грыз вопросительный взгляд — куда теперь-то? Ясно, что Ройдэки идти не могут, но можно их посадить на коней. Да и самим сесть, эта порода выдержит на раз. И проверить — что там такое случилось на западе. Откуда теперь не слышно даже Песни Смерти.

Грызи откликается кивком. Одними губами обозначает:

— Йоссов держали где-то за частоколом, в клетках... а потом кто-то клетки открыл.

Успела всё-таки что-то зачерпнуть из сознания тех двоих, с которыми прошла в единение.

Младший Жёлудь-Ройдэк малость успокоился, тянет руку к жеребцу. Тот радостно подставляется под хозяйские ладони.

Старшего Жёлудя — не заткнуть.

— Мы их бросили. Оставили там. Когда эти твари... из темноты... мы их бросили. Я побежал... я брата взял и побежал. Хотя Кодекс Мечника... а я побежал... А сзади кричали. Мы слышали, пока бежали... потом на дерево... меня наш егерь главный учил — на дерево... а они всё кричали... кричали, мы их... я их бросил.

— Бросил, ну и молодец, — не выдерживаю всё-таки. — Иначе с ними разом бы переварился.

— Вы ничем бы мы им не помогли, — мягко говорит Грызи. Она растирает мазью от обморожения пальцы старшего. — Даже днём. Вы сделали единственное, что позволило выжить вам и брату. Не беспокойтесь, уже всё закончилось, мы постараемся как можно скорее доставить вас к родителям, в тепло...

Мысли Грызи — вир знает где. Понимаю, что стряслось неладное, сцепляю зубы и пинаю Дар опять — давай, с-с-скотина, я ж тебе.

Печать на ладони словно кипятком обваривает. Темнеет в глазах, теряется дыхание. А вместо Песни Крови, Смерти или любой другой ни к селу ни к городу доносится:

«Ме-е-е-елоо-о-о-они-и-и-и!»

Что за... я набегалась до того, что мне уже голос Морковки кажется?

Печать остывает. Ощущение такое, будто руку сунули в полынью. Но направление хватаю — там же, где были йоссы. Просто ближе к нам.

— Виверния глотка... Мел, давай, сделай глоток. Ты что, опять не спала? Вот же...

Это Грызи. Я, оказывается, опять вырубилась, только наполовину, потому что влетела в снег не лицом, а тылом.

Глотаю укрепилку, отмахиваюсь, пока меня не отлупили по щекам. Мычу:

— Погоди... Там Морковка. Несётся сюда. И зовёт. Грызи, там серьёзно, похоже.

Показываю направление, и только тут спохватываюсь, что охотничков оставлять нельзя. А Грызи нужно двигаться быстро, и если потащимся все вместе — замедлим её.

Вцепляюсь в её руки, прислоняюсь к боку лошади.

— Коня возьми. Я их сейчас погружу. И все вместе за тобой.

Наверное, выгляжу я не очень. Потому что Грызи секунды три колеблется. Потом коротко кивает, ласково проводит по шее того вороного, который пониже. В единение с немагическим животным варгу не пройти — но они и с обычными зверями друг друга с полуслова понимают.

Гриз взлетает в седло быстрее стрижа. Прощальный взгляд — и комки снега из-под чёрных копыт. Лошадь с наездницей становится тенью. Теряется между деревьями.

— Мы их бросили... бросили... они из леса... Кодекс Мечника... а мы их...

— Умолкни уже, — говорю старшему Ройдэку. — Сможешь на коня сесть? И брата твоего посадить надо.

Правда затыкается, смотри ты. Ковыляет к коню. Подсаживает младшего. С трудом, но всё-таки карабкается позади него.

— А... вы?

Ага, давайте ещё кого четвёртого позовём, на лошади покататься. Шерстистые крайтосцы — выносливая порода, но не до такой же степени. Спасибо ещё — младший Жёлудь не такой уж откормленный.

Трогаемся с места: я направляю коня под уздцы, сначала быстрым шагом, потом легкой рысцей. Старший Ройдэк пригнулся к шее и вцепился в поводья, младший обнимает брата за талию.

— А мы куда?

— Куда надо.

— Мы к реке? Или к виру? К... озеру?

— Разберёмся сначала кое с чем.

«А-а-а-а-а!!» — долетает до меня издалека, уже без всякого Дара. Зов Морковки. Ну, этот хоть жив, а почему шарахается один по лесу и с чего зовёт...

Вспоминаю, как зазвучала и захлебнулась Песнь Смерти, и пытаюсь бежать быстрее. С Мясника бы стаслось такое выкинуть. Приманить йосс на кровь, хоть бы и их же сородичей кровь, а потом... хотя нет, там же их точно осталось не меньше дюжины. Не совсем же Живодёр чокнулся — в такое лезть.

«Гри-и-и-и-и-из!!»

Морковка быстро идёт: зов всё громче. Ничего, Грызи несётся ему навстречу ещё быстрее, они там скоро встретятся... только мне тоже нужно быть там. И я задыхаюсь, то дёргаю повод, то повисаю на нём, извиняюсь перед лошадкой и клянусь Заброшьё, какая тварь вообще придумала это место?!

Хорошо ещё, Грызи рванула на зов напрямик. А не по нашему следу. А то налюбовались бы с Желудями на курганы, в которых прикопаны их товарищи. И так младшего не унять: согрелся малость от зелья и чужой куртки и начал щипать брата за бока и показывать живую натуру:

— Лиор! Лиор! А... кто они? Ну, они же женщины, так что это не наёмники и не охотники... наверное. Как ты думаешь, можно нам спросить, кто их послал? Или это будет неучтиво?

Такой шёпот можно на другом конце Кайетты услышать. Старший Жёлудь кашляет. И бормочет себе под нос, что всё потом. А теперь мы куда-то спешим. И не надо мешать.

Надо ж, как у него прибавилось разума от сидения на дубе.

Призывы Его Светлости смолкают — наверное, Грызи до него добралась. Стискиваю ладонь и бросаю в сторону Ройдэков:

— Валяйте, рассказывайте, что там было.

Рассказ Желудей — сбивчивый, извилистый и прыгучий, как наш путь. Выбрались поохотиться в угодьях магната Дорманта. Дичи не нашли, пошастали по окрестностям. Потом сынок Аграста пригласил всю компашку сюда. Сказал — тут охотничий дом на озере

и хорошая охота. Только вот он всё время норовил куда-то отъехать, на секреты какие-то намекал. Потому с ним и начали ссориться — он же единственный, кто знал местность, как это он куда-то поедет?

Потом у сына заводчика Шэквуда упала лошадь, все перессорились между собой, решили остановиться. На Аграста наорали — тут Ройдэки отделяются простым «все рассердились». Небось, начали с «Ты нас сюда затащил, твоя вина», а потом перешли на «Сам слюнтяй и не мужик, кому поверили», а там уж недалеко и до «Да твой папенька просто портной, ясно?»

— И он уехал, — говорит старший упавшим голосом. — Все только посмеялись. Думали, он испугается и вернётся. Или мы потом найдём. Или он сам доберётся обратно до пристани. Потом мы поужинали, начали решать — что делать...

Меньшой сопит, икает и подсказывает иногда: «Про л-лошадь скажи». Ну да, решили лошадь добить, чтобы не мучилась. Магией побрезговали, высокородненькие. Один из магнатских сынков закрасовался: вот, у меня атархэ, я с одного удара!

Только вот крови от этого удара вылилось порядочно. И её учуяли йоссы, которые как раз как-то внезапно оказались вне клеток. Как там Грызи говорила? Кто-то выпустил?

Дыхание всё тяжелее, прерывается. В сапогах полно снега. Тянет вниз. Кровяница мельтешит и плывёт в глазах, и кажется, останови бег — упадёшь замертво.

Первыми почуяли стаю собаки и лошади — а лошадей эти остолопы не привязали как следует. Кто оборвал уздечку, кто ветку отломал, кто у слуги вырвался — разбежались все. Собаки — частью тоже в разные стороны, частью начали рычать на то, что несло на них из лесу...

— А мы все не знали, что делать, — это уже младший Жёлудь. — Лошадей ведь нет, а местность незнакомая. Решили остаться у костра, бить магией, отпугивать огнём.

Старший молча принимает к гриве, кусает губы. Сейчас опять заладит это своё — «Мы их бросили!»

Как только йоссы вырвались на поляну — он отшвырнул меч, сгрёб братца в охапку и рванул куда подальше от стаи. Бежали и слышали крики — тут младший всхлипывает. Старались не влезть в колючие кусты. Деревья вокруг — сосны и ели, никак не влезть, так что они бежали и бежали, пока не нашли тот дуб... а крики ещё сколько-то раздавались, а потом смолкли.

Старший добавляет только:

— Старый Хлоу говорил: если йоссы идут на кровь, сразу бежать... и на дерево. И он... настоял про коней. Чтобы взяли Куража и Отклика.

Папочка Ройдэк должен озолотить своего главного егеря. За то, что обучил сынков как следует. И лошадей для них выбрал нужной породы — мало ли, в снегах придётся гулять.

Набираю воздуха в грудь, чтобы сообщить Желудям — как им повезло. Только не успеваю. Там, впереди, ясно отдаётся переливчатый, жалобный вскрик йоссы, которому сделали больно. И несётся вперёд Песнь Жалобы, которую поют над трупами братьев.

Дыхание колет изнутри горло, распирает грудь. Я понимаю — лучше всех на свете понимаю, что сейчас там, куда ушли Морковка и Грызи. И забываю обо всём — что тут Зброшьё, что я ноги болят, голова кружится. Потому что это Мясник, чёртов Живодёр со своим клятым дартом, и он их истребляет прямо сейчас, а я застряла здесь и не успеваю!

И я рвусь вперёд со всех ног — увязая в снегу, задыхаясь от жара в куртке. Несусь изо всех сил и дёргаю за собой лошадь. И кричу всем существом, обращаясь — наплевать к кому,

к небу, к Заброшью или к ещё чему-то: мне нужно, слышишь, нужно туда, я должна знать, что там делается, я должна быть там прямо сейчас!!

В правую ладонь будто вгоняют раскалённую иглу толщиной с коготь альфина. И я понимаю, что на мой крик отозвался Дар, и останавливать его поздно.

Потом я падаю — лечу и лечу в снег, и одновременно лечу куда-то над снегом, скольжу, будто выскочив из собственной шкуры, и кажется — вижу это... окровавленная, смятая простынь в серебристых телах, выедающий глаза блеск лезвия дарта...

Кажется, ещё захожусь в другом крике: «Сто-о-о-ой!» — прежде чем нырнуть головой вперёд в холодную черноту.

— Очнитесь! Пожалуйста, очнитесь! Госпожа... Лиор, мы же не знаем её имени!

— Халлен? Это правда ты? Но как ты выжил?

Мне трут щёки снегом, надо мной причитают и пытаются неумело в меня залить какое-то зелье с моей же поясной сумки. Судя по запаху — кроветвор. Смыкаю губы и пытаюсь отмахнуться, пока младший Жёлудь мне зубы склянкой не высадил.

— О! Она приходит в себя!

— Где ты был? Ночью... ты куда уехал? И откуда тут эти твари? Ты знаешь?

Старший Жёлудь хрипит и кашляет. Но важно не это, а третий голос, который бубнит в ответ... что-то про «онневиноват».

Меня не было долго — вот что я выясняю, когда открываю глаза. Уже не жарко: лежу в снегу. Щёки горят — по ним меня лупили. Во рту вкус снега — им меня пытались накормить, потому что не было воды. Под головой куртка Грызи. Этот, как его, Хлоу, некисло готовил наследничков Ройдэка.

— Проблемы с Даром, — шиплю и пытаюсь приподняться. Мелкий Ройдэк помогает. — Этот тут откуда?

«Этот» подходит в сопровождении старшего Жёлудя.

— Я услышал голоса... Я тут... я заблудился, бродил всю ночь... я ни в чём не виноват, понимаете, всё просто так вышло...

Рожа исцарапанная и перекошенная от ужаса, руки трясутся, одежда подрана. С трудом переводит дух и весь горбится. Он мелкий и жалкий, этот сынуля Аграста. Только вот в повадке у него — что-то от испуганного зверя, который отползает и прижимает ушки, а на самом деле у него на уме одно.

Как тебе глотку перегрызть.

— Ты Агрост? Твой папаша нас за тобой послал. Меня и ещё кое-кого. Не встречался с ними?

— Н-нет, — Дрызга правдоподобнее врёт, когда оправдывается — почему опять напилась. — Я тут... по лесу... я бродил всё время. Пожалуйста, отвезите меня домой!

Сейчас на колени кинется, а уж извивается — как червяк. А приполз он как раз с той стороны, откуда Морковка ломился. И поглядывает на лошадушку. Чуть ли не облизывается.

А Жёлуди так на коня и не влезли. Младший стоит, пялится, отряхивает куртку Грызи. Старший слишком близко к Аграсту. Подхожу, оттесняю его к лошади.

— Отвезём. Только сначала встретимся с остальной частью группы. Они где-то там. Где йоссы.

В глазах у Червяка плавают безумие, поза меняется. И без Дара можно учуять, что у него на умишке. Выжить любой ценой, отвлечь на нас йосс, самому — на лошадь и к пристани.

— Т-туда? З-зачем? — и подползает поближе. — Пожалуйста, просто... домой,

пожалуйста... я ни в чём не виноват, это они там все...

По братьям видно, что они чуть стоят. Так что ему бы только через меня переступить, а он уж попытается.

— Халлен, откуда здесь йоссы? — спрашивает старший Жёлудь. — Куда ты уехал ночью? И как они оказались на свободе?

Оборачиваюсь к Ройдэку, кидаю небрежно:

— Не слышал, что моя подруга сказала? Они в клетках сидели. Только их ночью кто-то выпустил. И кто бы это мог сделать, как ты думаешь?

Бросок Червяка отслеживаю по старшему Жёлудю. По ужасу на физиономии. Не оборачиваясь, ныряю вбок, выбиваю из руки Аграста нож, которым он мне метит между лопаток. Атархэ давно в ладони, но лить кровь — не вариант. Разворачиваю Резец рукояткой вперёд и как следует даю мрази по зубам. Коленом добавляю пониже пупка.

Агрост теперь соответствует прозвищу. Извивается в снегу, пытается уползти. И отплёвывает зубы.

Брезгливо вытираю рукоятку атархэ. Обхлопываю Червяка — ещё два ножа, кухонный и метательный. Где-то успел вооружиться.

— Надо б его связать покрепче. Потом пойдём дальше.

Лучше бы бросить мразь здесь. Только мы всё равно задержались.

Я не слышу ни рычания, ни даже осколков любых песней. Что бы там не было — оно закончилось.

И я безнадёжно опоздала.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Воздух стал магией, он — Дар Мечника, взрезает мою грудь изнутри, и Дар Стрелка — пронзает лёгкие и сердце, и Огонь — потому что полыхает лицо, и грудь, но нужно, нужно бежать и не останавливаться, чтобы там, у тех — остался призрачный шанс...

Сбереги их, Единый.

Воздух — Вода, и я тону в нём, загибаю руками и толкаюсь, толкаюсь от него, чтобы меня не утянуло вниз, на снежное дно. И ни глотка я не могу потратить на мольбу, пока бегу, и отвлекаться нельзя: не утратить направление и не влететь в кусты кровяницы — вот самое важное. Но я прошу мысленно — сберечь их... двоих, потому что один — мой сосед по комнате, хороший человек. А второго я ненавижу, но не желаю ему такой смерти. Никто не заслужил быть разорванным опьяневшими от крови йоссами, которые заходятся в безумном вопле радости там, за спиной.

Они уже... близко, а может — они уже нашли их, и часть меня отчаянно рвётся — назад, помочь, но я вцепляюсь пальцами в кору деревьев — и отталкиваюсь, и заставляю себя — вперёд и вперёд, и пусть сердце и грудь разорвутся сейчас — мне нужно идти, нужно...

Воздух — Холод. Но это почти не ощущается, только в горле застывает что-то колючими льдинками, и слёзы выступают на глазах — я их смахиваю, а эти вестницы холода лезут и мешают различать путь.

Нэйш указал мне направление — какое? Откуда он мог знать, где сейчас Арделл? Потому что видел, куда ушли йоссы от клеток, от частокола, там был плотный след. А Мелони и Арделл ушли по следу охотников, йоссы же явно бросились туда, где была охота.

Значит, лучше всего мне сперва выйти на след стаи, а потом уже просто бежать по нему.

Проще было бы по тропе вернуться к частоколу и оттуда начать путь, но теперь — нет времени, и я держу направление мысленно. Просто треугольник, как на уроках, и я черчу подошву этого треугольника, задыхаясь и проваливаясь в снег, стараясь избегать оврагов и россыпей кровавых ягод на кустах.

Я — прилежный ученик, и я — шанс, если он не отослал меня просто чтобы я жил, но нет, если бы шансов совсем не было — он бы ушёл со мной, Нэйш же безумен не настолько, чтобы вот так рискнуть драгоценной жизнью, но... тогда — на что он рассчитывает? Разве сможет выдержать бой с десятком йосс?

Мне не доводилось встречаться с этими тварями в дикой среде, я видел их только мирных, в зверинцах и питомнике. Но слышал рассказы. И даже господин Драккант говорил, что если йосс больше двух и они учуяли кровь — лучше бы бежать, потому что они смелые и хитрые, а когти и клыки у них... нет, не надо об этом.

Ноги вязнут в непротоптанном снегу: белое море в штормовых волнах, с рифами-деревьями, причудливо-алыми острыми кораллами; несколько раз я спотыкаюсь и проваливаюсь в снег руками, чувствую его на щеках, почти захлёбываюсь снегом и воздухом — но выплываю, поднимаюсь и бегу. Словно я — Глубинница из детских сказок.

Сколько раз я просил тебя о чём-то, Единый? Никогда — так, до разъедающей боли в груди, без единого слова, только всей душой моей... Защити и направь, сделай так, чтобы я не потерял дорогу — и чтобы те, за кем я иду, тоже были бы... чтобы они были целы.

Крупные следы бегущей стаи под моими ногами — убегают на восток, два десятка йоссов, разбегаются между деревьями, но все движутся в одну сторону. Я нашёл, и теперь всё проще — только идти по следу.

— Ме-е-е-елони-и-и-и!

Тишина, и ели насмешливо покачивают сединами снегов — нет, нет, не слышали о такой. Перехожу на быстрый шаг, пытаюсь выровнять дыхание, лью в горло на ходу укрепляющее. Проясняется в глазах, и я опять выкрикиваю имя наречённой, и опять, и опять... На бегу или в момент короткой передышки.

Бесстыдно лгу самому себе — потому что не Мелони я должен привести к Гроски и йоссам, но то имя — запретно, как она сама, и во мне что-то тонет при мысли о том, чтобы звать её. Но сейчас не время — и я зову.

— Госпожа А-а-а-арде-е-е-ел! — нет, это совсем глупо, длинно... — Гри-и-и-изе-е-ельда! Гри-и-из!

Голос забирается ввысь, срывается: нужно опять бежать, может, они далеко, может, не слышат.

По тропе стаи бежать легче. Укрепляющее действует и гонит вперёд, и может — у меня открывается второе дыхание, а может — я просто стараюсь сбежать от неотвязной мысли. Преследующей хуже голодного йоссы: что это моя вина.

Ведь это я так увлёкся, что тащил их по той тропе. И настаивал продолжать поиск. Лайл меня предупредил, но мне казалось таким важным открыть — что может скрывать Аграст, да ещё обнаружить его сына... Ангелы Единого — мы же даже его не обыскали. А он ведь безумец, это ясно, он убьёт кого угодно на пути, если посчитает, что это отвлечёт от него йосс.

И он тоже бежал в этом направлении. Он может встретиться с Мелони или Арделл раньше, а тогда...

Перестаю отсчитывать вдохи и выдохи и бегу, бегу, наплевав на горящую огнём грудь, стук сердца, пятна перед глазами. Влетаю с размаху в кусты и замираю — но это не колючий кустарник, просто голые заросли, я проламываюсь через них и кричу опять: «Мелони, Мелони!» — и постепенно с отчаянием понимаю, что я едва ли успею вовремя, а если успею — сколько времени пройдёт, пока мы проделаем обратный путь? И даже если проделаем — зачем Нэйш приказал позвать её, у неё же всё равно нет способа остановить столько зверей, если только чудо...

— Гри-и-и-из! — зов опалает губы, и вдалеке, между будущих кораблей — огромных сосен — смеётся и поддразнивает эхо, подначивает — давай же, давай, позови ещё...

Но это не эхо, а отклик. Быстро нарастающий, раскатывающийся с каждой секундой: «Я-а-а-анист!»

Сбиваюсь с шага, и внутри — вяжутся морские узлы, потому что это не голос Мелони, это тот голос, который я хочу и боюсь услышать, голос невыносимой (кто проклял меня сунуться в её питомник?!).

— Здесь! Я здесь!

Голос и дыхание подводят, наваливается ознобная слабость — да, я же, кажется, снял куртку... зачем? Она была в крови, и руки тоже, я пытался зажать рану Лайла, но на руках крови не осталось, это мне мерещится. Просто руки покраснели от холода и дрожат.

— Я здесь! — опираюсь на сосну и протираю снегом лицо — нельзя поддаваться и останавливаться. — Здесь!

Уже можно не кричать, не звать: это стук копыт там, на краю слуха. Чёрная точка мельтешит между деревьями, разрастается в жеребца — шерстистый крайтосец, мой отец пытался разводить таких и прогорел.

А через миг я замираю, не в силах поверить, что я не во сне: раскрасневшаяся наездница на чёрном коне, растрепавшиеся по плечам волосы, словно старинная гравюра или иллюстрация к древней сказке о охотнице, духе леса...

— В седло! — рывкает «дух», не тратя времени на приветствия. — Живо запрыгивайте!

Она освобождает ногу из стремени и направляет коня к поваленному дереву, и я повинуюсь как замороженный. Мышцы кричат от боли во время толчка, но это не самое худшее: Арделл так и не отпустила поводья, и получается, что я сижу за ней, а держаться мне не за что, кроме как...

— Нормально держитесь! — вздрагиваю и обхватываю её за талию, и каштанововолосая макушка едва не вышибает мне зубы, когда варгиня шепчет «Давай, хороший, давай, недолго уже» — и конь рвётся с места между деревьями.

«Снежный бег» — особая пробежка этой породы. Не поймёшь, рысь, галоп или скольжение — выносливый, упорный бег. И я стараюсь думать о нём, а не о запахе её волос — будто осенние листья, когда они уже чуть-чуть пропитаны дымом, — или о том, что она, наверное, слышит биение моего сердца — и хорошо, что можно всё списать на долгий бег...

— Что там?

Хорошо, когда можно говорить. По возможности сухо, кратко. Описать встречу с Аграстом, наш путь. Ранение Лайла и то, что последовало. И добавить:

— Он сказал передать... чем быстрее вы будете там — тем больше колонии останется в живых.

Невыносимая молчит, но деревья вокруг начинают мелькать быстрее.

— А Мелони...

— Жива, в порядке, идёт за мной с двумя выжившими.

Прикрываю глаза и выдыхаю, благодаря небо. С Мелони всё хорошо. И двое выживших... всего двое! А ведь там, помимо охотников, были слуги. И нужно думать об этом, об этом и пути — ветер налетает и охлаждает щёки, тут всё-таки слишком жарко, удивительно, почему так, я же без куртки. Благо, поверх рубашки — шерстяной жилет.

А Арделл — вовсе в рубашке, правда, в тёплой и толстой, но всё равно...

— Вы можете простудиться, вы... без куртки?

— Оставила охотникам. А вы свою где?

— Там... на ней была кровь.

Спина Арделл слишком тесно прижимается к моей груди — напряжённая и слишком горячая, и от этого меня самого затапливает жаром, так что все силы уходят на то, чтобы не прижиматься слишком тесно, не вдыхать запах волос, думать о Лайле и о Мелони, и о том, что там, впереди — оттуда уже доносится скулёрж, рычание и взвизгивание. Значит, кто-то ещё жив, и мы можем успеть, только вот — как их остановить?

Не выпуская поводьев из одной руки, Арделл поправляет кнут на бедре. Шипит что-то сквозь зубы — разбираю только о лёгком пути — и что-то ещё поправляет на поясе. Сумку с зельями? Если Гроски ещё... нет, конечно, он ещё жив, и ему понадобится помощь.

Звуки разрастаются, идут навстречу и бьют в лицо — кровожадный визг, и страх, и стоны боли, и внезапное недоумение...

Лошадь сбивается с шага — и вот уже она сворачивает с моего следа, устремляется не туда, где мельтешат между деревьями неясные точки, а левее, где меньше кустарника. Меньше минуты — и вот та самая тропа, по которой мы шли к озеру, здесь лошадь останавливается, храпя.

Моё сердце тоже останавливается, потому что я вижу.

Скомканые снежные страницы, на которых кровью написана жуткая история. Прорванная книга Заброшья с серебристыми шкурами-гравюрами — тела в снегу, агонизирующие, и неподвижные, и разорванные собственными же собратями. Более мелкими йоссами, которые раздирают сородичей и огрызаются, и зализывают раны. Самки и щенки, не достойные стать иллюстрацией в книге о смерти.

Не решившие посягнуть на белую фигуру, запятнанную кровью. Словно выросшую из осквернённого снега. Хищную фигуру с двумя клыками: длинный кинжал в правой руке и смертоносное сияние дарта — в левой. У фигуры — растрепавшиеся волосы и пустое лицо вестника смерти.

Рихард Нэйш, чуть согнувшись, стоит на маленьком островке земли перед сосной, к которой прислонён Лайл Гроски. Вокруг островка в смертном молчании смыкаются йоссы-самцы: семь или шесть, с окровавленными шкурами, ощеренными чёрными пастями, дыхание пара переплетается в воздухе...

Короткая передышка в выматывающем, смертельном танце. Который не остановить, потому что йоссы уже идут не за кровью, а за мстостью и смертью... Я понимаю это в тот же миг, в который охватываю глазами жуткое зрелище — а ещё через миг картина оживает: один из йосс бросается вперёд, и в воздухе виснет дарт, лунным лучом взблескивает цепочка, но почти одновременно слева кидается второй зверь...

Я едва не пропускаю, как мне в лицо летят поводья.

Миг — и Гризельда Арделл соскакивает с храпящей лошади снег. Второй — и мчится по тропе туда, где вокруг островка с сосной валяются тела и кипит вихрь смерти.

Третий миг — и сумка летит в снег, а в руке варгини мелькает короткий охотничий нож.

Резким движением Гризельда Арделл испаривает себе ладонь.

И кровь варга чертит по снегу полосу — алую на белом.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Мир осыпается искрами.

Занимается голодным кровавым пламенем.

Заходится алым смехом безумия, и из смеха выплавляются сотни, тысячи дрожащих огненных нитей, пронизывающих мир и её саму, и каждая нить взывает: коснись, поддайся, шагни! *Ты больше — не-вместе, ты нынче — на лёгких путях, так подними руку и будь с нами, повелевай низкими тварями, смейся над ними, они просто жертвы, разве они не жалки?*

Огненные линии чертят вывернутое нутро мира, рисуют сущность йоссов, тех, кто припал к снегу, или бросился в атаку, или замер, подгадывая момент: каждая вена и каждая слабая точка, каждое сердце, слабые сосуды, в глубине каждого спит бездумная, душная ярость хищника: крови, крови, терзать, убивать, крови...

Отвернуться и не видеть, отойти и не приказывать — сосуды в сердцах расколются, и йоссы кинутся вперёд, обуянные десятикратной яростью, рядом с которой их обычная жажда крови — ничто. Сметут всех, кроме того-кто-над-ними, кто пролил свою кровь на снег — и потому имеет высшее право приказа.

Но она протягивает разрезанную ладонь, из которой вырастают одна за другой горячие огненные нити, нити распускаются, разветвляются, будто вены, и становятся диковинной паутиной, которая оплетает одного йосса за другим — сковывает приказом воли не Пастуха, но Хозяина, и они останавливаются, ибо ничто не говорит для зверей громче голоса крови, а Гриз теперь говорит её голосом:

— Замрите.

Нити растут и растут, и паутина превращает зверей в коконы, неподвижные жертвы, внимающие воле варга. Жаждающие приказа так же сильно, как крови, тоскующие по нему сильнее, чем по пище и сну.

Огонь течёт по венам, занимается пламенем снег под ногами, и остаётся она да лёгкий путь под ногами: шаг за шагом — в огненную бездну. Бешенство алых нитей налетает и глушит хохотом: *давай же, рвани как следует, поведи их за собой или закончи всё единым словом. Ты сейчас — их кровь и их сердце, и ты стоишь на белой площади, испачканной алым, и ты знаешь слово, одно слово, закончи всё сразу, они только жертвы...*

Пламя пожирает небеса и по крупице выпаливает мысли, и чувства, и память, и даже боль. Огонь вздымается торжествующим вихрем, хлопает в ладошки и вот-вот поглотит мир совсем, обратит его в пустошь...

Но среди огненной пустоши воздвиглась крепость. Город с крепкими, обожжёнными за годы стенами — пламя опалает их, но не в силах перехлестнуть. Отскакивает и обиженно скребёт по стенам старушечьими когтистыми пальцами, всхлипывает жалобно, точно мальчишка-нищий: открой мне, открой же мне, шагни же в меня, погрузись...

Мы будем — вместе, нашёптывает пламя — прими меня, растворишь во мне — и я перестану обжигать тебя, я буду в тебе, о мой сосуд, так иди же, иди ко мне, иди по

лёгкому пути, ты увидишь — как славно быть Хозяйкой, обретёшь невиданную мощь над всеми низкими тварями, только шагни в меня, отдай истинный приказ — и позволь огненным нитям окутать и тебя тоже...

И сгори, чтобы восстать из пепла — иной, прекраснее любых фениксов.

Но опалённые губы складываются в усмешку: *лишь чистые ходят в пламени.* И я не тот, на Площади Энкера, а потому — «Замрите», не «Умрите», и теперь вот ещё — «Усните...»

Огненные нити вопят и рвутся из рук, но она тянет за них — осторожно, чтобы не причинить боли. Шепчет каждой: спать, спать, не слушайте, на самом деле крови нет, успокойтесь, всё сейчас кончится, а сейчас вы просто ляжете и уснёте, и будете спать крепко-крепко и видеть во сне вольные снега...

Наша, наша, наша — торжествуют нити на ладони и прорастают внутрь неё, вглубь неё, пытаются оплести и стиснуть сердце, опоясать хищным сознанием: *смотри, звери уснули, смотри, они покорны, а значит, ты — наша теперь, так шагни же на лёгкие пути, уйди совсем и будь что будет, потому что важно — только кто жертва и кто хищник, кто раб и кто господин, и ты же знаешь — что из этого ты?*

Знаю, кивает она, стоя в огненном вихре, с протянутой рукой, из которой тянутся пылающие нити. Я знаю, я помню.

Шерсть зверей под пальцами и весенние призывные песни, хлопоты питомника и свой Ковчег. Стены крепости обожжены, но сама она стоит — наполненная дорогими жильцами, и в бесконечных галереях памяти — молодая варгиня в общине терраантов, и юная ученица-варг с хлыстом скортокса, и девочка, кружащаяся в танце на льду.

Я Гриз. Гриз Арделл. И мне пора.

Стиснуть пальцы, обрывая огненные, наполненные хохотом и зовом нити.

И отсечь воззвание к крови, вернувшись в свой мир.

В лучший из миров, лишь слегка окрашенный багрянцем.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

— Замрите, — сказала она. Не голосом невыносимой варгини, главы питомника.

Резким и жёстким, вспарывающим, как кинжал — зловещим голосом крови. Она раскрыла пальцы навстречу йоссам, повела ладонью с алым знаком на ней — и они замерли мгновенно, все. Даже тот, который пытался броситься на Нэйша слева и почти встретился с кинжалом устранителя. Перекувыркнулся в воздухе, упал в снег, и остался лежать без движения, и я так и не понял, что его остановило — клинок или приказ.

— *Варг крови, — презрительно кривя губы, сказал Петэйр, и я отмахнулся мысленно: кто угодно, но не она, это уж точно не про неё...*

Среди белого и алого плавала теперь тишина: они все смолкли, будто хозяйская рука рванула за ошейник. И смотрели на неё, опускаясь в снег, и на миг мне показалось: сейчас они поползут. Прижимаясь брюхами, пачкая шубы — поползут ей навстречу, чтобы лечь у её ног и показать, что она их божество.

Но она не стала ждать этого. Потому они просто осели в снег. Послушными, одинаковыми движениями, будто их разом охватил невиданный мор. И в разрытой снежной постели, усеянной алыми пятнами — остались неподвижными. Такими же, как их собратья, проигравшие в схватке с устранителем.

Конь подо мной всхрапывал и пятился — я натягивал поводья, чтобы его удержать, и в

мыслях шелестели страницы, и скрипучий голос Филора Крайторианца словно процарапывал в памяти: «Что же касается варгов крови — сие есть наиболее зловещие и опасные из порочного племени, ибо даже иные варги изгоняют их и полагают проклятыми...»

— Олкест, — позвала Арделл. Не оборачиваясь, так что я не мог видеть её лица — но в её фигуре и голосе больше не было прежней властности и непоколебимости. Сила словно утекла вместе с кровью: варгиня перетягивала ладонь бинтом, и плечи у неё были опущены, и лицо тоже.

— Олкест... там, в сумке у меня снотворное — толстая синяя бутылка. Пройдите по тем, кто жив, по семь капель в угол пасти или на веки. Справитесь?

Варг крови. Единый, она варг крови...

— Что? Д-да...

Она уже направлялась к Лайлу Гроски — всё так же, даже не взглянув. Шагая между телами йоссов... мёртвых? Спящих?

«Морковка, ты идиот, — вклинился в мысли отрезвляющий голос Мел. — Трупам-то снотворное на что?!»

Голос подействовал как пощёчина.

Коня пришлось отвести по тропе подальше и надёжно привязать. После я занялся сумкой варгини: мотки бинта и склянки, сахар и сухари, два или три артефакта, огонь, воздух, вода... вот и синяя бутылка. Пальцы двигались медленно — оказывается, они застыли, даже в перчатках. И уже потом, когда я поковылял давать снотворное йоссам — я понял, что мне холодно. И ещё колет в груди и кружится голова.

Двигался я словно во сне: подойти, пощупать... живой? Пипетка, синяя жидкость. Семь капель. И ещё я считал йосс — живых, раненых и мёртвых, и всё сбивался. А холод всё креп, но был совсем неважным, только голос Филора Крайторианца не удавалось отогнать: «Зловещие... опасные... порочное племя... прокляты...»

— Олкест, дайте бинты! А лучше прямо мою сумку.

«Варг крови», — я мотнул головой, отгоняя приставучий голос. Подошёл, протянул сумку и посмотрел в лицо Лайла: бледное, неподвижное, неживое.

— Он...

— Жив, плох, есть время, об остальном потом, — Арделл говорила, сжав зубы, а пальцы проворно вынимали из сумки — бинт, и одну бутылочку, вторую, третью... — Закончите с йоссами. И набросьте что-нибудь. Простудитесь.

Я попытался перехватить хотя бы её взгляд — как будто взгляд бы всё объяснил бы, но она уже опять занялась Гроски, сооружала компресс, поливая его какими-то зельями. Лицо у неё заострилось, и там было неуловимое какое-то выражение, отголосок, словно отзвук чего-то — за упрямством и тревогой.

«Варг крови, — твердил голос, пока я плыл по обжигающе холодному, плотному воздуху к тому месту, где бросил куртку. — Она варг крови».

Куртка была разорвана на шесть частей — я бездумно поднял голубой кристалл сквозника, выпавший из кармана, повертел в пальцах...

— Алое на белом.

Я забыл об устранителе, а может, не хотел помнить. Нэйш стоял совсем рядом, за стволом дерева: брызги чужой крови прочертили дорожки по щекам, костюм похож на здешний снег. Серебристая бабочка тускло посвёркивала с ворота рубахи. Разорванный рукав

костюма — и всё, не считая этого, «клык» был совершенно невредим, разве что дышал чаще обычного и выглядел задумчивым.

Он протирает платком кинжал и не мог оторваться от россыпи ярких капель на снегу, у своих ног.

— С чем бы вы сравнили это, господин Олкест? Ягоды кровяницы? Алые чернила или что-то другое? Мне почему-то кажется похожим на коралловые бусы. Снег — и рассыпанные бусины...

У него тоже было непривычное выражение лица — то ли узнавание, то ли попытка вспомнить. И он вёл пальцами по коре сосны, к которой прислонился — но не лаская дерево, а словно пытаюсь найти знакомые зарубки или открыть тайник.

— Я думал, вы коллекционер, а не поэт.

Нэйш моргнул, словно очнувшись. Послал мне усмешку, вдвойне безумно выглядящую на лице, забрызганном кровью.

— Смерть тоже своего рода поэзия. Просто рассмотреть её бывает несколько сложнее: не всем удаётся уйти с грани. Лайл вот, например, может и не оценить, когда выберется.

Теперь он увлечённо следил за тем, как хлопочет над раной Лайла Гроски Гриз Арделл. А мне нужно было идти к оставшимся йоссам — но будто корни сосны заплели ноги.

— Думаете, он выживет?

— Буду очень удивлён, если случится иначе. Это то, что он умеет лучше всего. Талант, основное качество, как для меня устранение.

Он вернул кинжал в ножны, оглядел платок, набрал горсть снега и протёр лицо.

— Не сказал бы я, что у вас плохо получается выживать.

Не понимаю — как у Нэйша получилось выстоять положенное время. Если он был в кольце, и они бросались на него одновременно — неужели он вёл и вёл с ними бой, не останавливаясь, и не попал ни под один удар?

Устранитель пожал плечами и будто ненарочно продемонстрировал щит на ладони.

— Маленькое преимущество Дара... и повезло, что это были йоссы, а не игольчатники или морозные гиены. Медленно думают и бросаются поодиночке. Внезапные и точные атаки их очень сбивают, так что это достаточно лёгкий противник: неповоротливый, глупый... Пожалуй, лишь с двумя раздражающими качествами: бесстрашность и настойчивость.

В последних фразах таилась насмешка, но я не успел спросить, что «клык» имел в виду на самом деле. Нэйш прибавил размеренно:

— Хотя они обучаемы, надо признать. Уже почти перестали отвлекаться на трупы сородичей и начали действовать сообща, — он ухмыльнулся так, будто успехи йоссов его чрезвычайно радовали. — Вы с госпожой Арделл успели вовремя.

Теперь он смотрел на Гриз, и во взгляде появилась мечтательность — словно смакование необычного зрелища, которое видел недавно и ещё долго будешь вспоминать.

Она варг крови, — и пришло вслед за этим: он знал. Поэтому отправил меня за ней.

Арделл обернулась прежде, чем я успел ответить. Махнула, подзывая ближе.

— Лайла нужно доставить в «Ковчежец» сейчас же. Пристань далеко, так что, господин Олкест, берите лошадь и — к Тёплому Озеру. Через сквозник вызовите Фрезу, пусть подводит туда «поплавок». Я и Нэйш сейчас развернём артефакт-носилки и будем вслед за вами, пешком, а то Лайла нельзя сильно трясти. Да, а потом вызовите Аманду, ей всё расскажите, пусть нас встретит. Справитесь? — я кивнул, мучительно пытаюсь понять — что за выражение отпечаталось в её чертах, застыло в глазах. Но она уже опять отвернулась. —

Нэйш, плащ у тебя цел? Укутай пока Лайла, я артефакт разверну. Господин Олкест, вы без куртки? Ладно, в «поплавке» согреетесь, давайте живо! Йоссами займётся Мел.

Мелони, — вспомнилось будто бы даже с изумлением, пока я шёл к лошади. — Скоро будет здесь. Займётся йоссами. Наверное, будет обрабатывать раны. И давать снотворное тем, с кем не успел я. И плакать над мёртвыми.

А ещё есть выжившие, и где-то здесь ведь Аграст... о Единый, и нужно будет сообщить родне тех охотников, которые погибли, связаться с законниками или с сыскарями Крайтоса, а Лайл ранен, и я виноват в этом, и что же со всем этим делать...

Змеёй вилась под ногами тропа, мелькали мимо сосны, и между ними — зловещими знаками — кусты кровяницы. Теплое озеро вывернулось навстречу слишком скоро, приветливо поманило дымками над водой.

Когда я спешивался — позади отдался, ввинтился в небо короткий вопль. Оборвался и утих, но я узнал голос Мелони. Представил, какую картину ей довелось увидеть — и в глазах помутнело.

Тогда я склонился к ласковой тёплой воде, зачерпнул её и омыл лицо. По губам скользнули струйки — я думал напиться, но вода почему-то показалась горько-солёной...

И в тот миг я понял — что за выражение застыло на лице Гризельды Арделл, варга крови.

Боль.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Кошмар был старым — до медной оскомины во рту, до зверской скукотищи. В нём трещали и ломались доски, и утробно ухала «костоломка» впереди, и шипели безумные волны, смешиваясь с дождём.

В нем я метался по палубе тонущего корабля — и не решался спрыгнуть за борт.

А по самой качающейся палубе разгуливали мертвецы. Голосили и вздымали руки, захлебывались ругательствами и проклинали меня. И повторяли, что здесь не пройти, не пройти, не пройти...

— Нужно повернуть! — надсадно орал кто-то. — Назад, к Рифам!

И крик его заглушался медленным, зловещим треском перемалываемых, перегрызаемых зачарованными зубцами металла досок.

Двое валялись на палубе — вцепившись друг другу в глотки, перекатываясь и время от времени ударяясь о борт. Я перескочил их — привычно, в сотый раз зная, что вот сейчас мне нужно бежать на нос, слушая злобный скрежет «костоломки», которой на время заткнули рот, которая нетерпеливо впивается в дно судна снизу.

Потому что там, на носу, есть верёвка.

«Из-за тебя, крыса, — прошипел в ухо голос мертвеца, и костяные пальцы стиснули плечо. — Из-за тебя...»

Может, стоило побарахтаться в ледяных объятиях рыжебородого Твилла, только я-то пробовал — и знал, что сон тогда не закончится. Потому привычно двинул его в челюсть и понесся дальше.

Полыхали паруса. Чей-то голос — уж и не поймёшь, чей, слишком искажен страхом — требовал отыскать меня — чтобы я всем сказал, что сделать дальше...

Вот только когда это крысы рулили кораблями? Я уже стоял на носу — и знал, что нипочём не спрыгну, потому что и во всех прошлых снах я не прыгал. Так и буду перебегать туда-сюда, бестолково ища то ли веревку, то ли якорную цепь, а они не будут попадаться под руки. И я буду в бессилии, замирая, смотреть, как приближается шипящая клубком гадюк вода. И осознавать, что внизу, всё ближе, рокочет «костоломка»: чавк, чавк, чавк. И что у меня не хватит смелости прыгнуть с пылающего корабля.

«Из-за тебя, крыса, — выдохнул в ухо полный ненависти голос. — Крыссссссса...»

И внутри оказалась сталь.

На самом-то деле обычно во сне я тонул — или меня поглощала чавкающая пасть «костоломки». Или я сгорал с кораблём.

Но тут, видно, так уж просто совпало.

Я повалился вперёд, на скользкую палубу, зажимая рану — и стал терпеливо ждать, пока нудный сон кончится. Внутри пекло болью, рокотала «костоломка», и слышались вопли других рифцев, и бесилось море, и я знал, что потом веки отяжелеют, и выход из сна — через смерть...

Только вот шороха юбок в моих снах обычно не было. И теплых рук, и успокаивающего шёпота: «Тише, пряничный, тише, всё у тебя будет хорошо». И еще резких команд — какие-то названия трав, проявилка, «кровохлёбка», бинты...

И не веяло на скользкой палубе теплом, и ванилью, и травами.

Второй сон мне определённо нравился больше. Хотя бы потому, что был ни разу не сном.

— Знаешь, пряничный, — сказала нойя, приподнимая мне голову, — когда я приглашала тебя заходить почаще, я совсем не это имела в виду.

Голова шла кругом — то ли от запаха ее кожи, то ли оттого, что не так давно меня пырнули кинжалом, так что мне полагалось быть мертвым, по хорошему-то. Неплохо было бы разжиться хоть какой-то информацией — где я, сколько тут пробыл, что с остальными, только вот мысли ползли вялые, неохотные, голову к подушке как гвоздями прибили, а язык так и вовсе не желает поворачиваться.

— Спи, сладенький, тебе нужно набраться сил.

Да уж, кукукнутый тоже сказал насчёт «поспать» — неудивительно, что у меня после этого кошмары. Я глотнул из чашки, которую нойя прижимала к моим губам — что-то терпкое и кислое — и уснул заново, и снов больше не видел.

А когда очнулся во второй раз — Аманда, напевая что-то утреннее, раздвигала шторы в лекарской и постукивала окнами, впуская в комнату свежий воздух. Голове полегчало, только тело чувствовалось тяжёлым и неверным. Главное — язык поворачивался на заглядение.

— Если в Водной Бездони для меня определили эту форму посмертия — так и передайте Девятерым, что я не против.

Нойя отвернулась от окна — сменила один потрясающий вид на другой, не менее выразительный. Обогрела теплейшей улыбкой.

— Как славно, что ты очнулся, сладенький! Что это тебе вздумалось — угодить в мою лекарскую?

— Так ведь соскучился же — мочи нет, — она подошла и коснулась лба мягкой, пахнувшей травами ладонью. — Вот и выбрал самый короткий путь. Да и вообще — это можно считать одним из моих особенно коварных способов привлечения женского внимания. Как только мне не дают покоя чьи-нибудь жгучие глаза — так и лезу ловить кинжальчики в живот! Нет лучшего способа сблизиться, чем если ты лежишь раненый, а кому-то приходится сидеть у твоего изголовья.

— До чего же это изобретательно, — пропела Аманда и сунула мне под руку что-то холодное. При попытке посмотреть — что там такое, меня начал лупить кашель — густой, из груди. Внутри опять резануло болью. — До чего же изобретательно, пряничный... И сколько раз ты пользовался этим способом? Получал кинжальные раны?

— С кинжалом — впервые, — грудь так и раздирало изнутри, да еще ломило шею. — Видать, до такой степени меня еще никто не очаровывал.

Нойя рассмеялась — зазвонили полные колокольцы — и принялась деятельно выдвигать вперед какие-то баночки-склянки-пузырьки — из того, что в избытке скопилось на столике рядом с моим скорбным одром.

— О, твой способ безупречен, пряничный. Ты хорошо привлек моё внимание. Так хорошо, что должен мне ночь — ту, которую я и впрямь провела у твоего изголовья. Но на будущее — вспомни другие способы. Беседа. Прогулка. Подарок. Может, они не так удивительны — зато и не могут кончиться так печально.

Я уж было совсем расплылся в счастливой улыбочке и собирался пообещать, что могу отдать не только ночь, но и вообще все ночи — скопом, сколько угодно, забирай,

красавица... И тут пискнул грызун. Слабо, по-большому.

Край был близко — вот, что обозначал писк.

— А что, этот портняжкин сын пырнул меня слишком серьезно, и теперь мир женщин и пива для меня потерян? Тогда уж лучше на месте меня отравить, что ли...

Аманда улыбалась ласково, и речь у нее журчала — весенними ручьями, пока она приподнимала на мне одеяло, снимала повязку, накладывала на рану что-то пахучее, потом опять перевязывала...

Нет, сладенький, дела не настолько плохи. Да и рана не настолько опасная — глубокая, да, но если бы Олкест вылил на нее только заживляющее — было бы все в порядке. Не нужно было пить кроветвор: при ранах в живот вообще пить не слишком-то надо. А еще больше ты навредил себе сам, золотенький, когда пытался себя заморозить («Я сложу об этом песни — нойя любят геройства... даже если это глупые геройства»). От внутреннего холода заживляющее частично сошло на нет, да и выброс магии очень тебя ослабил. А потом еще пришлось повалиться в снегу...

Всё это я впитывал, пока пытался помочь в собственной перевязке. Не слишком толково, но нойя отказываться не стала: «Держи бинты, сладенький», «Теперь на другой бок», «Тут прижми». Попутно досадовал, что вряд ли представляю собой что-то, подобное статуе Стрелка, и поражать объект своей страсти рельефными мускулами не могу. Так что, как мог, пытался кутаться в одеяло, пока нойя не повела бровями со значительным: «Ох, мой медовый, не пытайся скрываться, я всё уже оценила».

После перевязки пришлось выкушать ещё пару мерных стаканчиков с лекарствами. Аманда щебетала и показывала: вот от кашля, солоденький, а вот восполняющее кровь, их пить можно, сами всасываются. Это надо принимать постоянно, вот тебе дозировка, вот тебе схема приема, буду следить! А в обед и вечером будут еще другие зелья, этим займусь сама. Судно под кроватью, сегодня вставать еще нельзя, а завтра будет можно, но тихонько, не унывай, медовый!

Получалось, что провалялся я без сознания меньше суток, а на ноги Аманда меня обещала поднять дней за пять. Не так плохо — учитывая, чем могло кончиться. С долей наивности я еще полагал, что мне положен душевный покой — и тут сокрушительно просчитался.

Аманда, промурлыкала:

— Мне нужно лечить оставшихся йосс, так что нам придется пережить разлуку. Это же ничего? Остальные, конечно, навещат тебя и постараются развеять ожидание.

Меня в пот бросило при мысли о посетителях типа Лортена или Мел, но я только и успел отшутиться: «Ну, говорят, что разлука подогревает чувства»... как хлопнула дверь, и мы остались на двоих с внутренним грызуном (судно под кроватью я не включал в нашу маленькую компанию).

Пора было готовиться к королевским визитам.

Визит Арделл на таковой и не тянул: она заявила усталая, с кнутом на поясе, и первым делом плюхнула мне на живот лёгкий клоч светло-серого меха.

— Уип, — заявил мех и поморгал на меня парой золотистых глаз.

— Пурра, — пояснила Арделл и придвинула стул поближе. — Снимают боль. Редкие и нежные существа: их в южных землях используют для медицины, вот почти всех и истребили.

— Только не говори мне, как его назвала Мел — сам догадаюсь. Что-нибудь вроде

Тергерн Храбрый?

— Уип, — воспротивился мех и переполз туда, где болело сильнее. Боль и впрямь начала понемногу утихать, и поплыло приятное тепло. Арделл слегка улыбнулась.

— Промах. Зовут его...

— Уип, — сообщил мех на случай, если до тупого меня не дошло.

— Очень приятно, — я осторожно скосился на начальство и припомнил: — Аманда говорила — ей нужно лечить оставшихся йосс...

Варгиня кивнула. Потерла красные с недосыпу глаза — странно, повязка на руке... поцарапалась, что ли, о какого йосса?

— Да, раненых нам позволили забрать. Пришлось сдать Аргаста сыскарям, они на животных и наложили конфискацию. Что будет дальше — решат чиновники Природного ведомства Крайтоса, но с ними... — она поморщилась и показала, что с этими общаться бесполезно. — Может быть, хотя бы несколько пар распределят по питомникам, но какие-то попадут в королевский зверинец, а какие-то...

А какие-то — на воротнички к женам чиновников из этого самого Природного ведомства. Или в частные зверинцы.

— Будем надеяться, нам позволят оставить у себя хотя бы тех, кого мы выходим, — продолжила Арделл мягко. — Я сейчас пытаюсь договориться. С учетом того, что Аргаст, конечно, наотрез отказался нам выплачивать остаток денег...

Я издал приглушённый стон и закатил глаза.

— Он что же, и договориться не попытался?

— Ну, я пообещала, что переговоры будет вести Мел. Почему-то ему не захотелось продолжать, — Арделл тихонько вздохнула. — Даже если бы он согласился расстаться с прибыльным делом и передать нам всех йосс — люди ведь погибли, а он в первую очередь хотел это замять. Договариваться нам с ним было не о чем.

— Так. Что его сыночек?

— Похоже, не в своём уме. И ещё ему нужны новые зубы: он пытался ударить Мел ножом.

Я попытался было заржать, но только раскашлялся. Пурра тут же пополз на грудь, поудобнее обосновался там, где изнутри особенно рьяно царапался кашель. И добавил к беседе светское «уип».

— За его шутку с йоссами Аграсту-младшему придется отвечать. Может, он и вывернется: скажет, к примеру, что дверь открыл не он, что вышло всё случайно...

А отцовские денежки помогут господам из Сыскного Ведомства забыть о том, что существует такая вещь, как «Истина на ладони». Кивнул — понятное дело.

— ... но с учетом того, что среди погибших есть сыновья достаточно важных персон — всякое может произойти. Да еще и твоё ранение.

Я сморщил нос. Последнее, чего бы мне хотелось — так это оказываться замешанным в судебный процесс, где обвиняемый — магнатский сынок, да и жертвы — тоже какие-то шишки, как на подбор. Это я и изложил начальству, дополнив своими соображениями:

— Поспорить могу, что если бы изложить Аграсту: так и так, откажемся от претензий, если вы нам дадите право на этих самых раненных йосс... сколько их там?

— Три самца и самка, — отозвалась Гриз, пристально рассматривая повязку на сжавшейся руке. — Во всяком случае, столько раз он... не успел довести дело до конца.

А сколько раз успел? Я вдруг понял, что не особенно хочу это знать. Куда интереснее

было — каким способом они остановили оставшихся йосс. Понятно, что не нэйшевским — тогда бы некого было конфисковывать. А каким?!

— ...стало быть, откажемся от претензий взамен на четырех раненых йосс, — подытожил я. — Можно было бы, конечно, еще и денег с него стрясти — первым делом займусь, как на ноги встану, обещаю.

Кажется, мне все-таки удалось ее малость ободрить. Мы еще чутка поболтали — в основном я выпытывал о том, что там с Аграстом и его сынулей.

Почему-то казалось — ей не особенно хочется живописать мне ту картину, которую они увидели, когда подоспели. Да и у меня в глазах при одном воспоминании начинало сплошь моросить белое с алым, и передергивало (пурра тут же издавал возмущенное «Уип»).

Напоследок я еще попытался повиниться.

— Всё-таки ошибкой было лезть к клеткам в составе неполной группы. Надо было бы получше поосмотреться...

Арделл пожала плечами.

— Мел говорит — Аргаст-младший время от времени выходил из клетки и шатался в окрестностях. Вы в любом случае могли на него наткнуться. Или на кого-то из йосс. И это уж точно была не твоя ошибка. Ты отлично держался, Лайл. И... хорошо, что выжил.

Да не усталая она, — запоздало дошло до моей персоны. Просто измучилась переживаниями — и за мою тушку тоже. Могу вообразить, что на нее свалилось: тут тебе йоссы, раненые и дохлые, истерика Мел при виде убитых зверушек, а на закуску еще и я — почиваю с дыркой в животе. Не вызов, а сказка.

— Хвала местной Премилосердной Целительнице — скоро на ноги встану. Помирать после боевого крещения кинжалом в пузико — не в моих, знаешь ли, правилах. Ну и, само собой, спасибо тебе, что успела. И быстрым ногам Яниста.

И тому, что я не успел довести начатое до конца. Скопился на Печать — покалывает. Нэйш вырубил меня вовремя.

Если я верно понял — он еще и спас мне жизнь в наипрямейшем и наипаскуднейшем смысле этого слова. Но у Арделл я этого спрашивать не буду — потому что слишком, слишком хочу понять неверно.

Долго задерживаться она не стала — пообещала зайти еще. Пурру прихватила с собой — тот на прощание одарил меня печальным «Уип» прямо из коридора.

Минут через десять, когда я уже начал было подумывать — а не стоит ли свести плотное знакомство с местным судном — появился Янист. Его фальшивая бодрость убилась о его же собственную растерянность минуты через три, когда он просто замолк на полуфразе и принялся пялиться в пространство. Потом выдохнул:

— Это было мое предложение — пойти к клеткам.

— Мне прописали вон те два зелья, — сказал я на это. — Чужих самобичеваний Аманда мне не назначала. Может, конечно, они у нее запланированы на второй или третий день, но...

— Мое предложение, — упрямо повторил парень. — Из-за которого...

— Арделл что, тебе закатила из-за этого выговор?

Ясное дело, нет, а лучше б закатила. Ещё лучше — сняла бы с пояса кнут и как следует отходила кожей скортоса. Парень же прямо жаждет, чтобы его выпороли — сволочь этакую, осмелившуюся высказать свои догадки.

— Она... сказала, что это не моя ошибка.

И сказала, конечно, на бегу, пока ее мысли занимали йоссы, мое ранение, разборки с Аргастом и дела питомника. А парень уже нарисовал себе в уме картину «Она считает меня безмозглым сосунком и осознанно игнорирует». И собирается излить чувство вины на того, кто не может сбежать.

— Ну, может, она сказала это, потому что так оно и есть? Лучше расскажи мне, как она остановила этих тварей — вот что я хотел бы знать!

— Она... взрезала руку, — лицо у Яниста перекосило гримасой боли. — Когда мы успели туда... они уже начали брать вас в кольцо. Семь или восемь были мертвы, несколько раненых. Она достала нож... крикнула что-то... И они просто замерли. Все.

Я попытался присвистнуть, но получилось только позорное «Ф-фу». «Но варгам же нельзя», — чуть не добавил я, совершенно по-идиотски. Стало быть, когда-то да можно.

— Варг на крови, — загробным голосом добавил Олкест. — Я должен был догадаться.

Интересно бы знать — каким это образом. И что такое «варг на крови»? И чем эти варги отличаются от всех прочих? Снова недостаток информации. Жаль, из Яниста не удалось вытащить ничего путного: он на пару минут замкнулся в угрюмом молчании. А потом пришла Фреза и сообщила ему, чтобы он нашел себе дело, «потому что сейчас тут одного придурка будут кормить через клизму, ты же не хочешь это видеть?»

— Мы оба не хотим, — от души заверил я и приготовился дорого продать свою жизнь.

Фреза хрипло расхохоталась, поглядывая на закрывающуюся за Янистом дверь.

— Да это я так шуткую. Приободрить его малеха под хвост. Что-то квёлый он в последнее время. Чахнет и не жрёт, ходит, как трезвый Лортен — шатало неприкаянное! Небось, по Гриз теперь сохнет, а? Лови! Нойя сказала — тебе можно.

Кружку с бульоном я удержать худо-бедно сумел. Бульон был теплый, ароматный и пряный, каждый глоток отдавал в груди теплом, а пониже — тянущей болью, так что я потягивал его неторопливо, то и дело откидываясь на подушку.

— Я-то уж думала — с ложки кормить буду! — бодро гаркнула Фреза и ложку мне продемонстрировала. — Нет, молодцом. Крепкая порода — жаль, мозгов недовыдали. А правда, что ты, придурок, себя заморозить до смерти решил? Дурачина — ты с какого льда жертвовать полез, кого спасал-то? Эхх, продать бы тебя, что ль, в цирк к Эрнсау — десяток золотых бы точно отвалили!

— А и дело бы. Прибыль пополам. Если правда то, что рассказывают об цирке Эрнсау — там животинки получше меня живут. Спокойнее — уж точно.

Фреза довольно ухнула, отбирая у меня кружку. Потом еще пообещала притащить бальзама, «каким на море лечились, проверено, а то что тебе тут эта нойя наварит». Я выразил на физиономии доступный мне экстаз.

Потом меня ненадолго оставили в покое, следом явилась пугающаяся каждого звука Уна — напомнить о приеме зелий, которые я должен был поглощать в таком количестве, что это наверняка доконало бы меня на следующий же день...

От зелий мне плохо не стало.

Плохо мне стало от следующего визитёра.

— Боженьки, — выдохнул я, — только не говори, что ты до боли соскучился, изглодал себя зверской тревогой, а вот пришел пожелать мне скорейшего выздоровления.

Нэйш не обратил внимания. Ни на слова, ни на меня в принципе. Он неторопливо проплыл через лекарскую, изучил оба стула, выбрал один, тщательно установил его, исходя из каких-то ведомых лишь ему параметров, уселся (безупречный белый костюм, бабочка на

лацкане, до неприличия официальный вид) и адресовал куда-то в потолок:

— Привет, Лайл.

— И тебе тоже здравствуй, — от титулов типа «великодушный мой спаситель» или «король заноз пониже пояса» удалось удержаться волевым усилием. — Дай-ка я угадаю, чего тебе вздумалось посетить лекарскую. Ты наконец осознал, что с тобой не все в порядке, и пришел получить свой курс лечения? Арделл махнула на тебя рукой и сдала Аманде на компоненты? Скрываешься от Мел, которая объявила тебе кровную месть до конца жизни и теперь подстерегает по темным углам?

Я ещё малость поизвращался в догадках — лишь бы не играть по его правилам. Сидеть в жутковатой тишине и кожей чувствовать, как длится и длится пауза — слуга покорный, всегда проигрывал в «кто кого перемолчит».

Нэйш терпеливо подождал, пока варианты во мне закончатся, а начнётся кашель. И когда умолкнет и кашель.

— Арделл считает, я должен извиниться.

На сей раз ему пришлось подождать подольше.

Отличная вещь всё же кашель. Очень помогает скрыть, когда ты внезапно давишься одновременно воздухом и истерическим смешком. Поскольку картина «Нэйш извиняющийся» никак не может уместиться в твоём усталом разуме — и непонятно, как она могла прийти на ум Гриз.

— Лучше бы она прислала мне ещё одну пурру. Ладно. За что будешь извиняться для начала? И поосторожнее с земными поклонами — можно нахватать заноз на полу.

Теперь Нэйш обращался к пузырькам на столике у моего изголовья. Судя по чуть приподнятым бровям — при этом крайне удивлялся их тупости.

— Я шёл старшим группы. Как наиболее опытный. После того, как мы нашли тело — должен был отвернуть группу от клеток и пресечь попытки углубиться на опасную территорию.

— А ты не этого не сделал, потому что тебе на группу глубоко наплевать. Черти водные, да ты поразил меня в самое сердце.

Не надо забывать, что он был ещё и самым защищённым из нас. И опытный боец, в отличие от меня или Яниста. Так что ему-то прогулка ничем особенным не грозила — пока он сам не влез в бой с колонией йосс. Нам с парнем неплохо было бы думать своими головами, кто бы ни шёл старшим группы.

— Госпожа Арделл... выказала мне своё недовольство, — уклончивая ухмылочка. Чхал он на любое недовольство, само собой. — Можно сказать, что я... получил выговор. И я приношу извинения. Надеюсь, ты удовлетворён?

— Сказал тоже — да ты осчастливил меня до конца дней моих. Лет в восемьдесят девять, когда на меня нахлынет хандра, вспомню этот момент — и жизнь вновь засияет красками.

Жаль только — он не принёс мне извинения в письменном виде — чтобы можно было закатать в рамочку под стекло и отправить в невозмутимую физиономию «клыка». Которому, к слову, пора бы уже восвояси — что ещё он забыл в лекарской?

— Аманда говорила, что переохлаждение было слишком сильным. А значит, ты пытался воззвать к Печати. Так? Я впечатлён. Такая жертвенность.

— Так это мой дурной пример тебя вдохновил на самоубийство? — к чёрту, я не спросил его об этом во владениях Аргаста, так теперь есть шанс. — Зачем?

«Клык» наконец почтил меня взглядом — замечательно стеклянным. Посильнее приподнял брови.

— «Зачем?»

— С чего тебе вздумалось поиграть с этими тварями в «вершину пищевой цепи»? Нравится рисковать своей шкуркой? Или у тебя были ещё причины — помимо внезапно всплывшей ко мне нежности? Ну там... «Я взбешу Арделл, я взбешу Мел, я смогу грохнуть пару-тройку йосс, пока четвертая не перегрызёт мне горло...»

— Шесть.

— Что?

— Устранить пришлось шесть. Не считая нескольких ударов вскользь. Повезло, что они слегка растерялись: им явно не приходилось встречаться с серьёзным противником до этого. Но всё же некоторые моменты были... захватывающими.

Представилось: белый снег, красные брызги, и серебристое лезвие летит, выбирает новую жертву, и клубы пара изо ртов, и серебряный мех, на котором тоже кровь...

Прикрыл глаза, сглотнул тягучую, горькую слюну.

— Зачем?

— Ты был в моей группе.

Изнутри поднимался жар, а голова тяжелела — наверное, время принимать зелье.

— Что?

— В моей группе. Ах да, ты же не знаешь. Видишь ли, это что-то вроде привычки. Если я иду с группой на выезд — группа возвращается в полном составе. Могут быть ранения, но, — смешок, — все выживают. В паре мест, где я работал до «Ковчезца», меня особенно ценили за это моё правило. Даже считали чем-то вроде талисмана. Это своего рода коллекция, если хочешь.

Боженьки, да он весь увешан коллекциями, будто старая нойя — украшениями. Бабочки, смерти, теперь вот еще эти самые группы в полном составе, и не хочется воображать, какие коллекции он у себя в башке таскает.

— Так. Коллекция, — добро пожаловать на стеночку, Гроски. «Грызунус вреднус», отборный экземпляр, содержать серую шкурку с особой осторожностью, коснёшься — в труху, чего доброго, превратит... — Надеюсь, ты не собираешься тыкать в меня иглками и искать в моем организме что-нибудь неожиданное, типа благодарности.

— А у меня есть шанс найти что-нибудь неожиданное? — «Клык» наклонил голову, и прошёлся по мне внимательным взглядом. — Впрочем, может и есть. Некоторые экземпляры при подробном изучении оказываются интереснее, чем могло показаться.

— Полон сюрпризов. Да, — сказал я и поморгал, чтобы Нэйш перестал расплываться перед глазами. Внутри чувствовался уже серьёзный жар, и дышать стало тяжелее, и в груди выясняли между собой отношения бешеные кошки. — Надеюсь, ты явился сюда не для подробного изучения: я, видишь, малость не в форме, и вообще, меня лучше изучать в естественных условиях: с кружкой пива, например.

«Клык» никак не показал, что слышал этот прозрачный намёк пойти и потрепать нервы кому другому. Я потянулся к столику, к первому из двух оставленных Амандой пузырьков (как она там называла это зелье? Заживляющее и жаропонижающее, налить до первого деления, долить водой до края).

Стакан оказался пуст — я выхлестал всё в прошлый прием зелья, а кувшин мне в руках не удержать. Мысленно выругался, глотнул неразбавленного.

Нэйш наблюдал за моими манипуляциями с умеренным интересом. Осведомился даже — с тщательно выверенными нотками фальшивой заботы:

— Позвать Аманду?

— Лучше скажи, какого чёрта водного ты тут делаешь, — отозвался я, ставя стакан на столик. Просто удивительно, до чего ж рука потяжелела — еще и мушки перед глазами разлетались... алые с белым, будь они неладны. — Арделл приставила тебя ко мне сиделкой в наказание за грехи? За мои грехи, конечно. Кончились бабочки? Никто не сдох из животных, так что и вскрывать тоже некого?

Я почти даже вообразил эту мину — приподнятые брови и слегка оскорбленное выражение. Мол, я тут пришел свой экземпляр проверить и попутно принести извинения по распоряжению начальства. Постигаю азы трудовой дисциплины.

Но Нэйш смотрел неожиданно прямо, и об ухмылочке напоминали только полукруги у губ.

— Один вопрос, Лайл. Как это было?

— Как было что?

— Умирать. Осознавать, что перестаёшь существовать. Ощущать, что превращаешься в ничто, что твоя личность... всё, чем ты стал за годы... пропадает, изглаживается. Как это — знать, что еще немного — и тебя не будет. Совсем не будет.

Паскудно. На миг дёрнулась, взвилась в вопле крыса внутри, обдало волной запоздалого, грызуньего страха — жить, жить, жить, во что бы то ни стало... Вспомнился отчаянно жуткий миг, когда понял: иного выхода нет, нужно взывать к Печати, и от обиды захотелось в голос заорать, и потом — навалившаяся ознобная темнота...

— Тебе, стало быть, интересно — как оно там на том свете? Встречают ли слуги Перекрестницы, куда ведут за ручку, есть ли свет в конце омута?

«Клык» был задумчив. Нехорошо, почти фанатично задумчив.

— Скорее уж, миг перед этим. Неуловимая грань, за которой бытие переходит в небытие, как... — он слегка повел рукой, — бабочка, когда она вспыхивает от лампы: за секунду до — жива, через секунду — пепел, и в настоящем — огонь и грань. Мгновение, когда ты стоишь на пороге, за которым тебя самого уже не существует. Знаешь, я столько раз видел смерть — больше, чем приносил её, но приносил тоже довольно часто... Столько вариантов — агония, угасание, мгновенный уход... И каждый раз эта грань представляет собой нечто непостижимое. Неуловимое. Было бы слишком расточительно ничего не спросить у того, кто смог с неё вернуться. Так что там было, Лайл? Как это — ощущать, что ещё вот-вот, и тебя не станет?

«Знаешь, Лайл, думаю, тебе лучше поспать»...

И теплые пальцы смыкаются на шее, и миг отвратительного удушья, и истошный вопль крысы, и ужас и обида переплелись в темноте: я же не успел! Не додумал! Недовспомнил! Алое и белое смыкаются в водоворот и стирают и топят Лайла Гроски, и остается только немо вопящий грызун, а скоро и его не станет...

— Как это? До черта это погано, вот это как, — кажись, я всё-таки принял зелье неправильно, потому что в груди опять разрезвились бешеные кошки, и слова выпихивались тяжело — со свистящим дыханием. — Не пробовал тонуть в ледяной воде, красавчик, а? Тебе заливают глотку и нос, а ты всё пытаешься вцепиться в дерево, обламываешь ногти, скользишь и захлебываешься и готов душу продать за кусок веревки, который хотя бы позволит поднять голову над водой. Только вот ты понимаешь, что никто ее тебе не бросит.

Ну? Полегчало тебе от моих откровений, пополнил коллекцию?

— Довольно... познавательного, во всяком случае.

От светлой улыбочки местного коллекционера меня едва не вывернуло наизнанку.

— Да, увлекательный опыт. Почему бы тебе самому не попробовать, а? Выбери что-нибудь такое... на что твой Дар не действует. Пожри отравленных пирожков или скажи Фрезе, что её муж был слабаком. Окупись в исключительные ощущения — глядишь, незачем у других спрашивать будет.

— Мы все однажды станем на эту грань, Лайл, — философски отозвался «клык». — Просто иным отмерено много, а иным... Но готовым нужно быть в любой момент, не находишь?

Смех у меня получился порядком похожим на скрип несмазанных петель.

— Похоже, что ты дойдёшь до этой самой грани с таким багажом знаний, что тебе прямо у входа выдадут орден «За лучшую подготовку».

Понятия не имею, собирался он отвечать или решил вконец заморить меня жутковатым молчанием, но тут дверь решительно протаранила собой Аманда со словами:

— Сладенький, кажется, кто-то забыл принять лекарство, да-да-да?

— У меня были причины, — сказал я, принимая помирающий вид. Вид принялся подозрительно легко. — Кое-кто два часа валялся у меня в ногах, умоляя простить.

После чего ухмыльнулся в лицо Нэйшу и преспокойно отплыл в мир лихорадки и смутных снов.

Маленьким утешением перед тем, как я отчалил, был ядовитый голос Аманды: «Медовый... ты что, решил уморить моего больного?!»

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

«Нужно извиниться», — твержу я себе, пока поднимаюсь по певучей лестнице бывшей таверны. Это ведь моя неосмотрительность привела к таким ужасным последствиям, пусть даже Мелони не думает так.

Она... наверное, в порядке — Мелони. Аманда тоже отпаивала её зельями, и она переживает из-за погибших йосс, но теперь она уже воркует над ранеными и ни разу не пригрозила метнуть в меня атархэ или дать по зубам. «Да что ты разнылся, будто ты их убивал, это всё Мясник. Чего? Ты куда-то там предложил пойти? Ну так он шёл за старшего, должен был включить мозги и завернуть вас от опасной местности, ос-с-столопы, куда попёрлись. Всё, сюда Конфетка идёт, не мельтеши».

Потом она надавала мне поручений: проведать грифонят, поторопить вольерных с кормежкой, посмотреть, как там яприли Хоррот и Пьянчужка... И я окунулся в бурный омут дел, вот только так и не мог забыть: книга о боли и смерти, написанная алым на белых страницах снега, и серебристые твари с перепачканными в кровь тяжелыми шкурами поворачиваются, словно на зов, покорно пригибаются, валятся одна за другой... А она стоит там, по колено в снегу, с алым знаком на ладони и властным приказом на устах.

И лицо её выражает боль, я уверен.

Отпечаток этой боли не сошёл, пока мы забирали Гроски и йосс в питомник, и пока она раздавала распоряжения вольерным, а потом объяснялась с сыскарями Крайтоса, с Аграсом, с родителями погибших и спасённых.

Прошли уже сутки — а он там есть, этот отпечаток, и мне жутко при мысли, что она

никогда не избавится от него. Так и будет ходить с запечатлённым тайным страданием на лице и даже делается менее невыносимой. А потому я скажу, что мне нужно извиниться. И извинюсь. Но ещё мне нужно сказать что-то такое, что сделало бы её боль меньше.

Я понятия не имею, что это может быть, и только мучительно боюсь сказать и сделать что-нибудь не то — пока отсчитываю ступеньки, а потом шаги по коридору. И стою напротив двери её спальни, не решаясь постучать. Может, лучше дождаться, пока она спустится в общую каминную? Она же часто там ночует. А если не спустится?

— Господин Олкест, входите, — усталый голос из-за двери.

Она сидит за столом, придвинутым к стене. На столе — Водная Чаша и дневник. Лёгкая тканевая ширма — огораживает кровать — светильник из желчи мантикоры, таз для воды... я ловлю себя на том, что рассматриваю чужую комнату, и вжимаюсь в дверь. Упираюсь глазами в носки новых сапог: в комнате слишком тесно, и мне кажется, что если я еще и посмотрю на неё, мы будем совсем уж лицом к лицу.

— Думала, вы раньше заглянете по поводу всего этого, — краем глаза замечаю, как она поворачивает перевязанную ладонь. — Прошу прощения, что держала вас в неведении. Мне показалось, что вы были самую малость предубеждены на мой счёт — когда вы только попали в питомник. Вы что-то узнали о моём прошлом, верно? Ездили в общину?

Киваю, сам не свой от стыда. Будто меня поймали за чем-то ужасным, неправильным. Арделл молчит, и в этом молчании, как соль в морской воде, растворен вопрос: почему же я сразу не обвинил её, если говорил с её родичами.

— Ваш отец... он отказался говорить о вас. И... остальные тоже. Сказали только, что вы изгнаны, но за что — не уточнили.

— Понятно.

Во мне поднимается злость. На варгов, с которыми я разговаривал — совсем непохожих на неё. На Джода Арделл — с его седеющей бородой и величественными манерами пророка. На остальных — которые кривили лица в отвращении, как только я назвал им её имя.

Так что я поднимаю глаза и выпаливаю то, что хотел сказать по-настоящему, уже не один день:

— Я хотел извиниться. Сначала за то, что я... ну, вы знаете, этот выезд. Но не только. Я хотел извиниться за всё. За своё поведение и за... если я был груб с вами. Вот. Я считал вас... я думал о вас неверно, и я обвинял вас в дурных умыслах и в делах тоже, и я надеюсь, что вы однажды сможете мне это простить. Не сегодня, а вообще когда-нибудь.

Лицо у меня горит, и хочется приложить ладони к щекам. Гриз Арделл смотрит на меня от стола, и усталость на её лице мешается с удивлением.

— Вот сейчас? Вы пришли извиниться? После того, как вы узнали...

— Я не знаю, что такое — варг крови. Я читал об этом, но всюду упоминалось только мельком... и я слышал все эти намёки Петэйра на площади — о крови и варгах. И вы сказали, что они изгои. Но ещё я видел, что как вы спасли вчера их всех — Лайла, йосс... Нэйша, наверное, тоже. Поэтому, наверное, я знаю не всё. И книги и ваши родичи ошибаются, верно?

— Нет, — говорит она совсем тихо, — они не ошибаются.

Хорошо, что за спиной у меня — дверь. Такая твёрдая и надёжная. Прислоняюсь к ней, и она удерживает меня — от паденья в её голос, как в бездну боли.

— Варги не должны убивать — иначе они становятся «хищными пастырями». Варги не должны проливать кровь. Иначе возникает искушение пойти по лёгкому пути. Контроль на

крови одновременно и проще, и сложнее: проще тем, что ты можешь контролировать многих животных, и тебе не нужно уговаривать их, чувствовать их боль, страх, неуверенность, сливаться разумом — ты просто подчиняешь их своей воле. Обращаешь в марионеток, забываешь об их чувствах, отсекаешь себя от них. Из равных и друзей делаешь — рабов. И в этом сложность. Потому что за это нужно платить. Не только тем, что ты испытываешь, когда применяешь Дар на крови — а это... сложно описать. Посмотрев единожды на живое сверху, как на раба — ты неминуемо переходишь в иное качество. Раньше или позже, но ты становишься тем же «хищным пастырем». Это слишком близко — смотреть на них как на жертвы или смотреть на них как на рабов. Ощущать себя убийцей или лишаться сочувствия, ощущая себя высшим. Слишком близко, понимаете?

Шёпот у неё торопливый и горячечный. Сухие губы и потускневшие глаза, и я почти не вижу зелени в них, словно то — алое на белом — забрало травы из её взгляда. Я стою, прижавшийся к двери, а она прибывает меня к древнему дереву колкими истинами из своего шёпота.

— Поэтому нам нельзя проливать крови. Мы вот с вами говорили о Постулатах Телесной Нечистоты... у варгов есть свои инструкции. Если случайно поранился — немедленно перевяжи с эликсиром, отбивающим запах. Если крови много — заглуши запах всеми способами. Если поранился рядом с животным, и оно потеряло рассудок — отвернись от зова крови и воззови к зверю, но как Пастырь, а не на крови. Если зверей рядом много — просто перетерпи их бешенство, потому что тебя они не тронут, они не могут переступить через запрет, даже когда рядом с ними пролита кровь варга. Вы сами видите, это не охватывает все случаи. Но этого хватает, чтобы оградить большинство. Потому что те, кто взывает к крови...

Я вдруг понимаю, что ей нужно выплеснуть это. Словно кровь из своих вен. Что она может быть, не говорила об этом так с остальными. Конечно, Мелони знает, и Аманда, и проклятый господин Нэйш, и Фреза тоже — но они относятся к этому как к чему-то нормальному, и наверное — она им объясняла как-то иначе...

— Их изгоняют из общин, верно?

— Некоторые умирают. Когда у них не хватает сил справиться с контролем, — Откидывает со лба растрепавшиеся волосы. Перевязанная рука едва заметно подрагивает. — А тех, кто сумел справиться... да. Потому что рано или поздно — они перерождаются всё равно. Дар меняется, сочувствие к живому утрачивается — и они теряют настоящее единение с животными. Остаётся лишь Дар на крови ... — она чуть морщится, машет рукой, как бы показывая, что конец одинаково печален, и дальше можно не продолжать.

Я торопливо киваю: мне совсем не интересно — что бывает со всякими там варгами крови. Которые — всё равно не она.

— Но от этого же можно как-то защититься? Да?

Тонкие пальцы рассеянно перебирают страницы дневника в кожаной оплётке.

— Каждый ищет свои способы. Кто-то уходит в отшельники. Кто-то сторонится бестий, чтобы не было искушений. Знаете, в нашей общине до меня была пара случаев. И мне всё казалось — если бы мы не изгоняли их, если бы остались рядом, помогли хоть чем-то, показали бы, что они не одни — может, это помогло бы отдалить полное перерождение. Наверное, в этом я неисправимая идеалистка. Потому что пока что исключений нет. Как и лечения. В истории варгов не значатся случаи, когда кто-то использовал бы Дар на крови и остался собой.

Теперь мы молчим долго, и Гриз Арделл глядит на меня, словно обвиняемая на суде. Она, кажется, даже с радостью протягивает мне на ладонях возможность обвинить её.

Только вот я не желаю брать на себя роль судьи.

— Вы это сделали, чтобы спасти человека. В первый раз. Да?

— Верно.

— Сколько вам было тогда?

— Семнадцать.

Она не говорит о том — с каким животным этим было, кого она спасала... Откуда-то я знаю — она ответит, если я спрошу. Но я не спрошу, потому что ей и так очень больно, а то воспоминание сделает ей ещё больнее, хотя куда уж. Быть оторванным от родных, от животных и общины, с которыми прожила с детства, и уйти в неведомый мир — словно маленький корабль в бурю, это...

— Я и так собиралась уходить. Отец надеялся, что я стану новой наставницей варгов при общине. Но выхаживать раненых зверей и приглядывать за территорией на день пути вокруг... мне всегда казалось, что мы не для этого рождаемся. Глупо провозглашать, что ты — мост между людьми и животными, когда почти не видишь тех и других, а сидишь вместе с общиной в лесах. И я выбрала это, — она усмехается хрупкой, болезненной усмешкой. — Сначала пару лет поскиталась — была у терраантов, потом работала у других ковчезников. И потом вот этот питомник и моя группа. Здесь приходится чаще рисковать — вы же видели.

Взмах левой ладонью, туго замотанной белоснежным бинтом. Алое под белым там, на ладони... таится до времени, пока его не придётся выпустить в следующий раз.

— За последние годы я была на «лёгких путях» девятнадцать раз, и с каждым годом это происходит всё чаще. Может быть, возрастает искушение, а может, просто становится больше опасных вызовов. В любом случае, я не смогу отсиживаться в глуши. Если уж я такая — принесу как можно больше пользы, пока окончательно не уйду в перерождение. А может быть, те, кто здесь... может, они помогут мне продержаться подольше.

«Те, кто здесь...» — это Мелони, и Аманда, и Йолла, Фреза, конечно, тоже. Наверное, животные. Точно уж не проклятый господин устранитель. Может быть, ещё Лайл. И...

Ловлю своё отражение в оконном стекле.

— Я рада, что наконец рассказала вам, господин Олкест. Теперь вы наконец знаете, что я из себя представляю, — она захлопывает дневник и невесело улыбается — вязаная зеленая кофта накинута на плечи, каштановые волосы растрепались, и под темной медью ресниц — печаль. — Свои меня называют отступницей и изгоем, прогрессисты полагают, что мы до одного — преступники и предатели рода человеческого, а другие варги крови — чего уж там, чокнутой считают за мои убеждения. Потому что идти в ковчезники, будучи при этом варгом крови — это как-то... несовместимо, как считается. Или позорит общее дело — тут я еще не разобралась.

Да. Теперь я понимаю. Что она представляет из себя. И от этого больно в груди, потому что в ней теснится море, столько слов, что можно исписать сотни книг, они толкутся, и сцепляются буквами, эти слова, комкаются в горле и не дают вам заговорить.

— Знаете, если... какой-нибудь прогрессист, или ваши родичи... или, к примеру, законник обвинит вас в том, что вы преступница, отступница и изгой...

— Что тогда, господин Олкест?

— Ну... они все будут иметь дело со мной, — я краснею и жду, что вот сейчас она рассмеётся.

Но она и не думает — и когда я осмеливаюсь поднять на неё глаза, то вижу, что боль медленно уходит из черт её лица. И в глубине её глаз, там, где таится зелень, просыпается что-то тёплое и прекрасное — словно улыбка или весна.

КОРАБЛИ ПЛЫВУТ. Ч. 1

«Можно ли назвать Перекрёстки мистическим временем? В деревенских поверьях Вольной Тильвии, Даматы, Вейгорда, Хартрата и прочих стран время Перекрестков предстаёт как некая расселина между годами, час неожиданных решений и случайных встреч...»

Тэртан Эвек, «Религии, поверья, традиции»

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Женщина стоит на прихваченной инеем траве. Трава — новая поросль, которая обманулась тёплой осенью. Тёмно-зелёная с инеистой проседью. И она пахнет водой и ранним утром, и подступающей зимой, и шлёт женщине едва заметные блики-знаки. Давай же, нашёптывает скованная инеем трава, давай, вдохни полной грудью, распрямись и поведи по мне ладонью, и простись с тяжкой памятью, потому что нынче мы отпускаем её по воде...

Но в руке у женщины — кнут, и она не слышит.

Женщина стоит на тёмной, предрассветной траве, чуть согнув колени и отведя руку с кнутом.

Перед двумя хищниками.

Алапард скользит и дразнится в сиянии инея, красуется медовой шкурой, и наслаждается тем, как под шерстью перекатываются мускулы, и вздергивает верхнюю губу в лукавой усмешке.

Рихард Нэйш тихо перетекает с места на место, движения вкрадчивы и осторожны, ладонь вытянута вперед, и на ладони — предостерегающий серебряный блик.

Они все трое слишком увлечены своей непонятной игрой — а потому не замечают меня, прислонившегося к стволу верного дуба-старика, неподалеку от густых зарослей ивняка. Дуб и заросли уже оголились перед зимой, но всё равно скрывают надежно, и я не так близко, чтобы слышать, но достаточно близко — чтобы видеть...

Кнутовище в пальцах Арделл тихо подрагивает — заставляя кожу скортокса струиться и рисовать фигуры в воздухе. Морвил, кружащий на полусогнутых лапах по поляне, тоже чертит в воздухе хвостом. На лице Рихарда Нэйша цветет неизменная безмятежная улыбочка.

Свист кнута и дарта сливаются в одно. Серебристое лезвие быстрее арбалетного болта срывается с ладони своего господина, но там, где была Гриз — теперь уже пустое место, только чёрная петля летит, грозясь захлестнуть устранителя за талию.

Нэйш уклоняется — и, проскальзывая под самым кончиком кнута, выбрасывает вперед ладонь с серебристой стрелкой — и теперь уже варгиня ныряет вниз. Уходит в траву, будто в воду, из лежачего положения делая попытку захлестнуть лодыжки противника парализующим хлыстом. Молниеносно перекатывается — и выныривает в другом месте, в искрах инея, уклоняясь от серебристого лезвия.

Волосы у неё собраны в плотный пучок, и мне жаль, что они несвободны.

А щёки горят, и губы приоткрыты, и эта безумная, безукоризненная грация движений, когда она в очередной раз пропускает палладарт мимо себя, и краткие передышки, когда они

идут по кругу, по кругу, не теряя контакта взгляда, и музыка утра — первые робкие приветствия птиц в птичьих вольерах...

И я не знаю, зачем смотрю на это — может, затем, чтобы представить её в танце. Лёгкую и воздушную, взлетающую не над травой — над безупречным зеркальным паркетом, и не в клетчатой рубашке с подвернутыми рукавами — в платье цвета весны, которое так пошло бы ее глазам. И... не с ним.

На Нэйше костюм вроде тех, в которых он совершает пробежки по закрытой зоне питомника. Непритязательная рубаша и штаны, которые делают его ещё более хищным — потому что очевидно не идут к зачёсанным назад волосам, к холодной улыбочке коллекционера, к лезвию палладарта, на котором теперь пляшут рассветные отблески.

Он развлекается, и кажется, что движения его лениво-плавны, даже небрежны — в противоположность собранной и серьёзной Гриз. Но дарт устрашающе точен, и он не пропускает ни одной оплошности противницы, не даёт ей даже отдышаться. Свист лезвия, свист кнута, и откаты, и переходы, и по губам можно прочесть насмешливое: «Неплохо, аталия», и я знаю этот взгляд, от него утра вокруг меня вскипает алым.

Потому что он смеет смотреть на неё так. Как на собственность. На часть коллекции.

Может быть, я слежу отсюда, от зарослей, только чтобы увидеть, как его захлестнет наконец черная чешуйчатая петля из кожи скортокса.

С замиранием дыхания наблюдаю — как легко отпрыгивает в сторону Арделл, как кнутовище в её руках выписывает круги и восьмёрки, и гибкое тело кнута змеёй рассекает воздух, делается легче ленточки, вытягивается и взлетает — и как будто живёт...

Но в ответ — взвивается неумолимое серебристое легкое лезвие, в рассветных брызгах как в брызгах крови, и белая цепочка кромсает и режет предзимний день. Нэйш, рисуясь, ускользает от ударов кнута и сокращает дистанцию, и вот наконец Гриз оказывается прижатой к краю поляны, делает неудачный уклон, и лезвие мгновенно взвивается и стремится — ужалить...

Ноги делают короткий рывок — оттолкнуть, заслонить...

Поздно?

Не нужно.

Глаза полулежащей на земле Арделл наливаются зеленью — будто впитав в себя травы. И Нэйшу приходится в перекате уходить от Морвила.

Гризельда поднимается, отряхиваясь от росы — и смотрит на новый танец: алапарт против человека. Морвил морщит нос и обворожительно, радостно улыбается — наверное, это не в первый раз. Улыбочка Нэйша становится напряженной и застывшей.

Атархэ в ладони сосредоточенно замирает.

А я слышу тихий вздох из кустов — и понимаю, что не один.

Уна спряталась куда лучше меня — её почти совсем не видно за ивняком. Она была там всё время — и я не заметил?! Единый в небесах... она могла подумать, что я пялюсь на главу «ковчезников», а между тем у меня, разумеется, есть причины здесь быть.

— Красиво, да?

Кажется, я раньше даже не слышал ее голоса: в лекарской она тут же пряталась под волосами, зыркала пугливо, кивала или мотала головой.

— Что?

— Я иногда хожу сюда смотреть, — голосок у нее — будто песня тенны, которая только-только подала голос. Трепетный и прерывистый. — Они тут... бывает, что

тренируются. По утрам. Когда у неё есть время и если Рихард в питомнике. И я иногда тоже хожу. Просто это красиво, да?

Красиво — и жутко. Человек против алапарда. Грация прыжков, и скорости, и мягких лап — против стремительности и быстроты полета дарта. Захватывающе, и каждую секунду кажется — вот, сейчас всё... он коснётся лапой... Нет, дарт же был нацелен ему прямо в горло... вот, алапард упадет на Нэйша в прыжке... Нет, лезвие почти же горла коснулось!

Пока ты понимаешь, что это происходит не в первый раз, и человек и зверь только обозначают удары, не доводя их до конца. Намечают атаки — и проводят их не полностью. Игра? Тренировка? Небольшая схватка двух хищников?

И быстрота, и гибкость, и немигающие скрестившиеся взгляды, и Морвил делает вид, что разъярён, а губы Нэйша сошлись в узкую полоску, и ему приходится напрягаться — чтобы избежать взмахов немаленьких лап и опасных длинных прыжков.

А Гриз Арделл смотрит на этот непонятный танец внимательно и серьёзно — то ли прикидывая что-то, то ли оценивая, и рассветные лучи просачиваются через ветви ив и коронуют ее солнечными бликами...

— Да. Красиво.

Уна выступает из зарослей и немного приближается, не отрывая взгляда от поляны. Наконец-то могу рассмотреть её лицо — бледное, тонкое, с огромными голубыми глазами, нервными губами и сеточкой вен на висках. Взгляд наполнен болезненной жадностью, и смотрит она неотрывно...

Не на Морвила, конечно. На Нэйша, который ныряет под прыжок огромной кошки, перекачивается и встаёт, направив дарт алапарду в бок.

Единый в небесах... ну, вот что она в нём нашла. Что они в нём все нашли?

— Никто так не может, — тихонько говорит Уна, не отводя взгляда от зрелища. — Против алапарда один на один. Это никто и никогда так не мог.

Не разочаровываю ее тем, что были Мечники, которые в одиночку выходили на алапарда, тоже с атархэ. И даже маги Воды.

И что если бы Морвил ударил бы в полную силу — Рихард Нэйш был бы уже минут пять как мёртв.

Эта пляска с алапардом — выматывающая, жестокая, но всё-таки тренировка, на грани напряжения всех сил и всей быстроты, но закончиться она может только одним.

Морвил ускоряется — и на миг я перестаю понимать, что происходит. Вижу только растянувшегося на траве Нэйша и алапарда, который на нем разлегся. Клыки Морвила нежно сжимают запястье устранителя. Предупредительно.

Вечерней печальной птицей вскрикивает Уна рядом.

А мне становится холодно. Не потому, что я только что воочию видел скорость алапарда.

Возле виска зверя вкрадчиво маячит неизменный серебристый блик.

Все силы неба — он все-таки успел.

Звонко поет кнут — и поперек палладарта ложится черная кожа скортокса. Рука у Арделл прямая и напряженная — готова рвануть кнотовище на себя.

— Так... нечестно, — шепчет Уна. — Она это... нечестно. Двое на одного! Она иногда бывает такой подлой!

Она готова заплакать. А я не могу оторваться от сцены на выбеленной инеем лужайке. Где Гризельда Арделл замерла и чего-то ждет. Хо́да противника?

Спутанный кнутом дарт падает на землю — атархэ услышал волю хозяина. Хозяин лежит на траве, под придавившим его обширным гладким телом. Внушительная пасть — и предплечье в ней, между желтоватых клыков.

Дрожащее дыхание Уны. Пристальный взгляд Арделл. Весёлое, озорное подрагивание кончика хвоста алапарда.

...и тонкая стальная игла охотничьего ножа, которая прижимается к шее зверя. Откуда нож? И главное — в какой момент он успел его достать?

Арделл машет рукой — кажется, разочарованно. Морвил освобождает руку Нэйша и отходит — тот прячет нож и встаёт. Подбирает дарт из травы и что-то насмешливо говорит Гриз.

— Нечестно, — упрямо шепчет Уна.

— М-м-м, — вспоминаю, что так и не ответил. — Весьма... несуразное создание.

Морвил, изнывая от свободы и игры, валяется по хрусткой траве. Арделл что-то доказывает Нэйшу, сворачивая скользкие от воды кольца кнута. Устранитель отвечает, стоя чересчур близко от неё. Потом оборачивается в нашу сторону и делает приветственный жест.

Уна с испуганным пискom кидается поглубже в заросли, а я осознаю, что торчу чуть ли не на виду — слишком увлекся зрелищем.

— На что уставился? — голос Мелони позади окончательно рушит очарование утра. — Грызи выгуливает своих питомцев. Монстра и алапарда. Ха. Эй, Грызи! Эй! Там вызов!

Машет Арделл и бормочет под нос:

— Ну надо ж, Морвил ему опять ничего не откусил. Морковка, а тебе тут чего? Про эту не спрашиваю, — указывает в заросли, откуда звучит новый испуганный писк, — ее дом целебня, это все знают. А ты чего тут хотел узреть?

— Как Морвил ему что-нибудь да откусит, — даю я почти что честный ответ.

Мелони удовлетворенно кивает. Говорит: «Да, тебе там письмо. У Фрезы заберёшь». И направляется к вольерам, и я гляжу ей вслед, пытаюсь выкорчевать из себя чувство вины. Потому что ведь даже мысленно теперь я не имею права звать её наречённой или невестой — после того, как позволил себе поколебаться в чувствах. Как ей сказать об этом? И на какой корабль, уходящий в Незримые Дали, возложить этот груз?

— Янист, Тодд приехал, Тодд приехал!

Маленькая Йолла — оживлённый вихрь с белым корабликом в руках. Кораблик к вечерней церемонии Провожания ей делала Фреза (а я помогал с мачтами и парусами) — но у торговца Тодда девочка разжилась маленьким медным фонариком на мачту.

— Глянь, как горит, как настоящий, а? Тодд мне уже и приделать помог. А на палубу я во, сластей у него купила — это для братьев, а батя сладкого не любил, так Тодд сказал, что вот табачок этот прямо вот про каждого мужика делан, пусть даже и для мёртвого, да! А ты ещё не запас? Совсем не запас?! Так беги, а то ж уедет совсем, а как ты вечером?!

Киваю и спешу к воротам питомника, где уже мило щебечет со старым Тоддом Аманда. Перебирает корабли, рядами выложенные в его тележке, цокает языком: «О, тропы Перекрестницы, груз чьих вин потащит на себе эта шхуна? Эвальда Шеннетского? Впрочем, у меня есть тут на примете один устранитель...»

В присутствии светозарной нойя сморщенный Тодд самую малость разглаживается, жмурится и кивает мне даже с какой-то долей благосклонности. Показывает на корабли — я качаю головой. Мне не нужен корабль для Провожания: мёртвые там, с Единым, предстают перед Справедливейшим Судией, который определит каждому Лучший из Миров. Хотя и

велико искушение — провести пальцами по гладкоструганным палубам, перебрать медные и бронзовые фонарики в коробке... вернуться памятью в детство, когда традиция ещё что-то значила.

Но я роюсь в коробах Старого Тодда в поисках подарков: я давно запас защитный артефакт для Мелони, нитки для вышивания с серебром для нойя, новый водный амулет — для Лайла... А что может понравиться Арделл? Я всё тянул и тянул, заказал вот для Йоллы отличный атлас с картами Кайетты — девочка очень хочет учиться... А тут не решился.

Так что я перебираю ленты, гребни, артефакты — мелкий подарочный хлам, в котором нет-нет да попадётся сокровище. И не могу отвязаться от старой песни, слышанной ещё в детстве:

*Корабли плывут, корабли плывут —
На себе они что несут?
Это тем дары, это тем дары,
У кого под водой пиры.*

*Корабли плывут по ночной воде,
Где их пристань, скажи мне, где?
Где бурлит вода, где бурлит вода,
Где ушедшие навсегда.*

День Памяти на то так и называется, чтобы тебя одолевала память.

Откладываю со вздохом какую-то женскую надушенную шляпку — откуда она у Тодда?

Перчатки — тонкие, прочные, искусно выделанные из кожи. Пропитаны огнестойким составом — коричневая кожа чуть-чуть отликает бирюзой. А у неё иногда краснеют и замерзают пальцы, и перчатки скроют шрамы поперёк ладони...

Аманда цокает языком, поглядывает лукаво:

— Ай-яй-яй, сладенький, какая вещица. Только вот Мел они будут велики, а мне маловаты. Ну, разве что Гриз — в самый раз, представляешь? Тодд, дорогуша, скидочку в честь праздника?

Они торгуются за корабль, взхлёб, с красочными оскорблениями и перечислением достоинств и недостатков товара — пока я прячу перчатки и тихонько сую старому Тодду две золотницы — без торга.

И память не оставляет, купает в своих волнах. Вспоминается отец — он не любил Корабельные Дни, даже храмы не посещал. И мой опекун — господин Драккант учил нас с Мелони делать кораблики и украшать их, водил вечером к речке и хохотал: ну вот, устроили году проводы, расплевались с прошлым? Завтра будем встречать новое?

Аманда идёт рядом, прижав к груди резную шхуну с красными бортами. Понимающе кивает в ответ на мой взгляд.

— Память, сладенький?

Память... о девочке, с сосредоточенно нахмуренными бровями опускающей свой кораблик в воду. Подталкивающей меня локтем: эй, эй, валяй, Морковка, давай уже свой корабль-проводящий. О девочке, которая никогда не окажется в трюме — где груз боли и памяти, и никогда — я клянусь! — не будет забыта и мною оставлена, но что мне делать и как сказать ей о том, что я забыл о своём слове?

Аманда мурлычет песню — на своём языке, но мотив тот же:

Корабли плывут, свет в ночи дрожит —

*Что же в трюмах у них лежит?
Это прошлый год, это груз невзгод,
Груз обид, боли и забот.*

*Корабли плывут, корабли плывут —
За собой они год зовут.
Корабли плывут и уходят вдаль —
Ты прими их к себе, вода.*

Машет от общей кухни Фреза, показывает жестом: зайди. Киваю — и слышу, как откликается под утренним небом серебристый зов колокольчика-артефакта.

— Общая встряска, — мурлычет Аманда, — сегодня рано, но это понятно — первый день Перекрёстков... Ты будешь праздновать в питомнике, пряничный? Здесь бывает хлопотно, но уютно, и я пеку свой фирменный пирог со сливками.

Праздновать в питомнике Перекрёстки? Провожать старый год и становиться на порог нового? Звучит как зловещая шутка. Но Мелони останется — а значит, мне придётся тоже.

— Церемонию Провожания мы проводим прямо тут, у пристани, да-да-да. И вечером поём и рассказываем истории — не могу дождаться, что же в этот раз вспомнит Фреза? И у нас ещё новички — о, это будут самые интересные Перекрёстки за последние годы! Конечно, встреча года немного задерживается — ты же понимаешь, животные, их Мел и Гриз тоже угощают. Но потом обязательно случается что-нибудь захватывающее: один раз Фреза подралась с грабителями, а как-то раз компания Лортена подожгла его особняк... И ещё один раз они почти утопили самого Лортена, когда решили омыть его от прошлого года — ах, Гриз пришлось прыгать за ним в речку! Просто восхитительно, уверяю тебя, есть, что вспомнить, взять хоть того «клыка», который посреди праздничного ужина забыл что-то в вольере у виверния...

Я резко останавливаюсь, и нойя уточняет со смехом:

— Не Рихард, конечно, тот, что был до него. Нэйш здесь не празднует. Может, он считает, что его истории принесут слишком мало радости, а может, его не забавляют игры — но он проходит Перекрёстки неведомо где и как, в его стиле, да-да-да?

Вот уж точно, — киваю я с некоторым облегчением. Вслед за Амандой поднимаюсь на крыльцо бывшей таверны и спешу на утреннюю «встряску»-совет. Внутри какое-то странное ощущение.

Словно бы Поминальный День (Вспоминальный, как мы шутя называли его с Мелони в детстве) начинается для меня с чего-то важного, о чём я забыл.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Вдохновенная рука того, кто создавал календарь Кайетты, покромсала год на одиннадцать месяцев по тридцать три дня. Каждый месяц получил посвящение в честь божества — а поскольку Девятеро это вам не Одиннадцатеро (про Керрента-Первоварга, вечно забывают) — то ещё два месяца ушли на Предвечного Дикта и Всесозидательницу-Аканту. После такого разделения остался куцый хвостик, не принадлежащий ни старому году, ни новому. Перекрёстки — промежуток в два дня, когда нужно как следует отчиститься от того, что было и подготовиться к тому, что на тебя неизменно свалится.

Проводы и Встреча, Очищение и Обновление, Корабельный день и День свежих вод.

Поминание и Веселье — словом, так и так получается, что два дня Перекрёстков содержат в себе противоположное.

В Поминальный день полагается поминать и вспоминать. Ходить по храмам и просить прощения, у кого попросится. Помогать сирым разной степени убогости и печаловаться о своём несовершенстве. Заканчивается день Корабельными проводами, когда все от мала до велика идут к ближайшему водоёму и нагружают его маленькими кораблями — покупными и самодельными, с белыми парусами, исписанными именами, с изукрашенными бортами — в общем, в меру фантазии. На палубу кладут небольшие передачи тем, кто ушёл в Водную Бездну — приветы и память от живых. На мачту вешают фонарики — чтобы все нашли верный путь во тьме.

Трюм положено нагружать всем тяжким, что случилось в прошлом году: расставаниями, болезнями, нуждой, склоками.

На Встречальный день всюду царствуют радость и надежда — следующий год уже на пороге и вдруг он каким-то чудом да будет хорошим. Народ выходит гадать и увеселяться, идет обмен подарками и сладостями, обливание водой, которая уже обновилась, и теперь нужно смыть с себя год и породниться со следующим. Фейерверки в городах, песни, пляски, ярмарки.

После этого приходит первое число Луны Дикта, а Предвечный — парень суровый, так что чаще всего этот день носит горькое название Похмельный. Я бы мог назвать его ещё и Склочным — помнится, мы здорово зашивались в Корпусе из-за количества преступлений.

Нынче Склочным мне хотелось наименовать себя — причём, решительно непонятно, почему. Следы от пыряния кинжалом уже с девятницу как совсем затянулись, на нас неудержимо наступал год под номером тысяча пятьсот девяносто восьмой от Прихода Вод, Гильдия помалкивала во все свои несомненно чистые тряпочки, а я с чего-то вступил на Перекрёстки в настроении, которое примерно можно было выразить формулой «моя бывшая плюс Тербенно помножить на маразм королевы Ракканта».

Грызун — и тот не стал точить мою печень дурными предчувствиями. Разнообразия ради — он просто ныл, но делал это с утра и постоянно.

«Ы-ы-ы-ы, собрание, рано-то как, — отдавалось едко и желчно. — Небось, сейчас нас оповестят о том, как развешивать гирлянды по яприлям и кормить пудингом алапардов. У-у-у, Мел в хорошем настроении. Наверняка проломила своим корабликом голову какому-нибудь провинившемуся вольерному, хорошо б не Дерку — он мне две серебряных должен. Фу, а вот Нэйш».

Источающий бодрость Нэйш инстинкту не понравился настолько, что тот аж захлебнулся на пять минут: «В костюююююмчике, зараза. С улыыыыбочкой, зараза. С блокноооотиком, скотина, ща сядет, рисовать будет, убил бы, нетсилсмотреть!»

— Солоденький, что-то не так? — справилась Аманда, которая принесла в каминную легкий корабельный дух (шхуна в её руках была почти так же изумительна, как грудь, к которой она была притиснута). Я махнул рукой и заверил, что теперь-то всё так, раз она здесь.

Арделл сбежала по лестнице и с размаху запрыгнула в кресло за столом.

— Сегодня особая «встряска». Попытаемся обуздать тот идиотизм, в который обычно превращаются праздники в питомнике.

Внутренний грызун поражённо смолк, встретив кого-то с еще более непраздничным настроением.

— До новичков доношу, если ещё не знаете: все семейные вольерные празднуют с семьёй и уходят после полудня, так что у нас прибавляется работы. Если у кого-то есть уважительные причины, вроде похода в храм, посещения близких и прочего — говорите сразу и обозначайте время отсутствия. Нэйш, с тобой всё ясно, нужно будет — вызову.

Устранитель благодушно отсалютовал карандашом. Начальство подождало отпросов, не дождалось и продолжило:

— Церемония Проводов — как всегда, на пристани, по времени — как звери позволят. Дальше посиделки у камина под пироги с историями и песнями. Костры не жжём, поединков не устраиваем, если кто-нибудь склонен к утренним розыгрышам в день Вторых Перекрестков — советую передумать, и без того работы хватит.

«А на Рифах-то повеселее было», — вздумал высунуться внутренний голос.

— Закрываем питомник для посетителей — дня на три, всё равно трезвых не будет. Вход — через калитку, артефакты на засовах не забываем обновлять. Будут ломиться пьяные из деревни — просьба не калечить. Мел. Это. Касается. Тебя.

Последнее колено Драккантов фыркнуло носом и тоже отсалютовало. Ножом. Гриз пригвоздила её взглядом наподобие «Я за тобой слежу!» и продолжила расклад:

— Браконьеры в открытую часть питомника на праздник не сунутся, но деревенские вечно забредают. В патруле ночью я, Хаата, Нэйш, возражения? Возражений нет, хорошо, остальные — смотрите за Лортенем и его гостями, чуть что — вызывайте меня. И да, Мел...

— Не калечить, угу.

На этот раз Гриз посмотрела на Яниста. Взглядом, который напутствовал: «И ты за ней тоже следи!»

— Ко второй ночи Перекрестков они там все перепьются. Пожары тушим, пьяниц усыпляем, из вольеров идиотов достаём. Вяжем или отрезвляем, рассовываем подальше друг от друга — хоть в подсобки, хоть в сарай, главное — не к Лортену. Нэйш, и если ты ещё раз начнёшь вскрытие, когда из угла три аристократа глазами лупают...

— Насколько я помню, работа была срочной. И не я их туда поместил.

— И скажи спасибо, что он вскрывал не их, сладенькая, — ласково подхватила Аманда.

«Сладенькая» сверкнула гневной зеленью из взгляда и продолжила:

— Первое число как-нибудь переживём, разве что если какие-нибудь банды заявятся за подвигами...

— Мяснику своему говори, чтобы он их не калечил!! Можешь вон Конфетку попросить — пусть им печенек отсыплет!

— На самом деле, отличная идея. Немного яда — или хотя бы слабительного...

Арделл помассировала виски, явно приходя к мысли, что в «теле» нужен какой-нибудь новый орган. Например, отвечающий за затыкание ртов.

— Хватит. Дальше начинается самое паскудное, — Мел и Аманда поддержали дружным сочувственным стоном.

— Визиты благотворительниц, — пояснила красотка нойя и потрясла своей шхуной. — О, эта память может наполнить несколько таких трюмов. Клянусь тропами Перекрестницы: на этих дам нападает безумие, словно они грифонихи во время гона...

— Пвфхаа-а-а!!

— Лезут как шнырки в горох, — отчеканила Мелони и отоварила закашлявшегося женишка кулаком по спине. — Одна за другой, вир знает, куда засунутся. Всё им расскажи-покажи, бедные зверушки, а можно погладить, сю-сю-сю, вскую ли вы не в платье, ой,

единорог навалил кучу, ой, у них из-под хвоста не радуга льётся... Морковка, завязывай кашлять, кулак отбила.

— А насчет них... тоже действуют предупреждения «не калечить»? — осведомился бедолага Янист, кое-как разогнувшись.

— А ты собирался? — хмыкнула Мел. — Грызи, кстати, он за «витрину» сойдёт.

— Ч-что?!

— Пожалуй, — отозвалась варгиня задумчиво. — Господин Олкест, нужен тот, кто бы встретил благотворительниц, побеседовал с ними, провёл по питомнику. Словом, кто-то с хорошими манерами. И желательно бы мужчина...

— Потому что эти курицы сплошь старые девы.

Янист под взглядом Арделл заалел и забормотал, что, конечно, любую помощь...

— Замечательно, а то в прошлый год Рихарда на всех не хватало, — после такого вердикта Янист стремительно спал с лица. — А у нас есть дела и без поединков между благотворительницами. Нэйш, Олкест, рассчитываю на вас, главное — не подпускайте их к опасным животным...

— Или ко мне.

— Или к Мел. И Фрезе. И к Изе. Нэйш, объяснишь человеку тонкости.

Янист продолжил спадать с лица. Гриз передохнула и опять оседлала начальственного конька:

— Вольерные к этому времени вернутся — Аманда, нужно отрезвляющее. Будем следить за чистотой клеток и вообще, территории. Мел, на нас с тобой — животные и их поведение, Лайл, если вдруг выжмешь из кого дополнительные средства — я не расстроюсь. Насчёт средств: если карманы пустые или какие-то сложности — говорите сразу, после праздников поджаться придётся. Да, и если приедет матушка Лортена...

— ...то я спускаю с привязи мантикору!!

На этой реплике Мел предпраздничный совет можно было бы даже считать и законченным. Дальше пошла рутина, унылая до того, что крыса внутри начала позёвывать. Сирил-Сквор в клетке задумчиво поскрипывал, переваривая услышанное. Словом, всё шло очень даже заурядно — если бы в конце «встряски» в меня не прилетело заданием.

— Вызов не то чтобы срочный, — сказала Арделл, задумчиво комкая листок блокнота. — От знакомых нойя. Триграничье, бывший замок Шеу, возле городка Трестейя...

Ёкнуло внутри — и откликнулся тихий смешок из угла.

— В чем дело, Нэйш? Знакомые места?

— Для меня? Нет. Но может быть, для кого-нибудь...

Взгляда в мою сторону так и не последовало, но от улыбочки устранителя по коже пошёл холодок.

Он же читал моё дело. Помнит через столько лет или всё-таки опять справки наводил?

— ... у замка дурная репутация: во время войны Айлора и Вейгорда переходил из рук в руки, да и потом там кто только не ютился. Сейчас нойя хотели переждать в замке холода, но новые хозяева дали им отпор, очень жёсткий. Натравили керберов, игольчатников и гарпий. Но главное — люди из лейра успели заметить животных на территории. Покалеченных и изголодавшихся, в клетках. Вряд ли владелец сходу решил сотворить зверинец, да и вообще — вопрос, кто купил замок с такой репутацией. Вызов не оформлен, и нам за него не заплатят. К тому же, еще и праздник... Но там животные, и в лейре утверждают, что с новыми владельцами замка нечисто.

Нечисто на Триграничье. В местечке, где прижимаются друг к другу Вейгорд, Айлор и Дамата, где под землёй — бесконечные перехлёсты Кошачьих Ходов, извилистые лабиринты, обвалившиеся ходы, слепые тупики. И тайные метки, которые не каждый прочтёт...

— Хорошо бы присмотреться, — говорила Гриз. — Не в смысле — лезть напрямик в замок, конечно, а в смысле поспрашивать в окрестностях. Нэйш, если ты свободен...

Устранитель прикрыл блокнотик и поднял глаза на меня.

— Разумеется. Мне только хочется узнать, не возражает ли Лайл против твоего решения. Как думаешь, Лайл? Не стоит ли туда послать кого-то менее заметного, более свойского... лучше знающего местность?

Под вопросительным взглядом Арделл я выжал на физиономию максимум безмятежности:

— Само-то собой, возражаю — нынче праздник, а преумножать скорби местных как-то даже и немилосердно. И да, бывал я в этом городишке. Триграничье — местечко, где контрабанда цветет пышным цветом, так что могу месячное жалование поставить — дельце связано с этим. Думаю, пара-тройка знакомых у меня там осталась, можно управиться быстро — если, конечно, ты не навяжешь мне в напарники кого-нибудь в белом костюмчике, кем можно отряд морильщиков испугать.

«Кто-нибудь в белом костюмчике» поощрил улыбочкой — мол, неплохо Лайл, очень даже неплохо. Может, я даже не стану оглашать то, что помню о твоих делах в Триграничье.

Хотелось бы верить, что в моём ответном взгляде было предупреждение.

— Свидание с прошлым в Корабельный день? — осведомилась Арделл, которая поглядывала то на меня, то на Нэйша, и явственно пыталась понять, какие насекомые покусали нас разом. — Раз уж ты вызываешься сам — отправляйся, только не суй голову в пасть к мантикоре: расспросишь знакомых — и возвращайся, в питомнике и без того тысяча дел. Да, и раз уж ты идёшь на выезд... Сквор?

В последние пару девятиц «тело» ковчезников обзавелось новой традицией. Поскольку наш ручной горевестник в прошлый мой выезд уж слишком ко времени начал выкрикивать моё имя — Гриз сделала выводы, что с дрессурой она и Мел хоть как-то продвинулись. И Сквор-Сирил то ли уже может предвидеть — за кем скоро наведаются Провожатые — то ли вскоре это сможет. Потому теперь каждый, кто отправлялся на вызов, проходил нехитрую церемонию.

Я поднялся, прогулялся до клетки Сквора и сдёрнул с неё синий чехол с морскими волнами — работа Фрезы.

— Эй, дружище. Не сообщишь ли, кто нынче помрёт?

Дремавший горевестник встряхнул головой и неохотно приоткрыл черный глаз. С достоинством обозрел компанию: задумчивую Арделл, Нэйша с ухмылкой, мрачно глядящего на Нэйша Яниста, Аманду со шхуной и Мел с ножом. На закуску Сирил пристально изучил мою физиономию — полную, надо подумать, невыразимого счастья от предстоящего свидания с прошлым.

Горевестник поперхнулся. Издал пару звуков вроде «Ыхыхы, ыхыхы». После чего голову поднял и ёмко приложил:

— Праздник к нам приходит.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Городок Трестейя принял меня как родного. В общем-то, он и был мне родным, и даже походил на меня: слегка бесформенный и когда-то знавший лучшую жизнь, щетинистый от кустарников, мусорный и наполненный крысами. Невезучий такой дядька со сложной историей, взглянешь — и ведь были же шансы взлететь, да вот, не вышло.

Город возник четыре века назад, в благословенные времена Таррахоры Сияющей, общей вотчины Целительницы и Мечника. На границе с восточным соседом, Даматой, Трестейя процветала меньше века. Потом грянули Братские Войны: короли-братья Айл и Вейгор устроили потасовочку за правление — больше тридцати лет, с небольшими передышками. Город переходил из рук в руки, а когда возвестилось перемирие с Хартией Непримируемости, остался всё-таки за Вейгордом. Может, у Трестейи ещё был шанс, но тут подлянку решили подкинуть восточные соседи. Оказывается, тем здорово надоели многолетние разборки на границах с морями-гладами-дезертными-разбойниками. По этому поводу юный и горячий король растряс сокровищницу, знать скинулась и возопила к Мастерграду — и по сухопутной границе Даматы пролёг Заградительный Барьер — мощнейший артефакторный щит. Торговля прекратилась, и Трестейя вознамерилась было совсем уж помереть от таких непорядков — но спасение подкинула мать-природа да смекалка констрабандистов.

С ближней таверны мутно подмигнул кошачий зелёный глаз. Я поправил подранный шарф, замотанный «с шиком, по-морскому». Из-под полей обтрёпанной шляпы покосился на восток, где смутно виднелись Кошкины Горы — невысокие, капризно и плавно выгибающие спинки. Показалось — в ответ знаку на таверне в горах подмигнули, разбегались голубые и зелёные огонёчки.

И потянуло серой — из прошлого.

— Дядька, вы морской? Из Велейсы Пиратской? А у нас вона, корабли! А дайте монетку за-ради праздничка! Медну рыбёшку в детскую ладошку! Серебряный плавничок — в малый кулачок! Или золотницу — в храм на помолиться!

Чумазая ребятня — с кособокими самодельными корабликами и в драных куртках... Визг, и хохот, и брызги грязью — грязи на улицах завались, вязнут грубые ботинки. В луже возле Храма Круга можно пару флотилий потерять, и прихрамовые кошки выглядят так мрачно, будто они только и делают, что кого-то в этой луже топят.

Помнится, когда меня впервые направили в этот город (сколько ж мне было? двадцать семь?) — меня это поразило. Стены храма, все в поросли дикого винограда. И обилие кошек — не меньше пары дюжин разного цвета, и все с мордами, на которых написано: «Я тут кое-что повидала, поклонись мне, ничтожное ты создание».

— *Местные талисманы, — ухмылялся Нирв, хитроватый и суетливый. В свои пятьдесят он выглядел на семь десятков — потому что вечно горбился, шамкал и хватался за сердце. — Ты, парень, иди, мясца, мясца им купи в прихрамовой лавке! И повкуснее, пожирнее бери, щедрым себя покажи, раз такое дело! Попроси, значит... пусть благословят, раз такое дело. Родственничкам пусть скажут про щедрость твою, а родственнички... В долгу не останутся, а?*

И хихикал, и пихал в бок, и показывал в сторону Кошкиных Гор, и подмигивал: с

родственниками встретишься, а может и не встретишься, если повезёт, ага...

Земляные кошки — очаровательные твари, как полагает Мел. Просто миляги, которые способны прогуливаться под землёй. Разрывая почву и камень ударными дозами магии. Временами кошатам надоедает мыкаться на глубине — тогда они гуляют поближе к поверхности, выставляя то огненные уши, то горб головы. Иногда показываются сами, особенно когда есть желание поохотиться на кабанов, оленей или другую дичь. В их тоннелях человек в полный рост пройти может: земляные кошки любят, чтобы попросторнее...

Прихрамовые родственнички местных кормильцев снисходительно принимают подношения от горожан. Вид у кошек порядком обожравшийся. Народ семьями ломится в храм, чтобы поклониться Девятерым, вспомнить покойников и очиститься от грешков прошлогодних.

Нищих побирушек у храма толчётся чуть ли не больше, чем кошек — раньше не было столько. Это выдавало истинное лицо города — отсутствие нищих да наряды граждан, да ещё кое-какие детали в лавках и внутреннем убранстве домов. Слишком много дорогих восточных вещичек. И запах специй и сладостей — чересчур уж густой для захолустья на Триграничье. Он намекал на тайну. На то, что под ветхими обносками города — скрывается зажиточное брюшко, затянутое в золотую парчу.

Не знаю точно — в какие времена, но одного предприимчивого молодчика осенило: «Эй, да ведь местность у Кошкиных Гор так и пронизана ходами земляных кошек. И наверняка эти твари гуляют и в сторону Даматы, и наплевать им при этом на все артефакторные барьеры в мире». Молодчик потому что полез разведывать ходы, проделанные земляными кошатами. И всё-таки вышел по ту сторону, в Дамате.

Имя героя история не сохранила — но сохранила каналы контрабанды, которые организовались по ту и по другую сторону. Как-никак, близёхонько от Кошкиных Гор лежал Тавентатум с его заманчивыми ярмарками. Так что местные живо начали изучать ходы и таскать в Дамату на продажу всё, чем богата земляца Вейгорда, в том числе дурманящие зелья, животных и артефакты. Из Даматы, кроме сладостей, специй и украшений, тащили зелья взрывчатые, табачок и оружие.

Само-то собой, налоги никто тоже не собирался платить — хватало и взятки. Корпус Закона несколько десятков лет вёл с контрабандой Трестей войну — с переменным успехом. Отправляли на Рифы проводников, накрывали склады с товаром, взрывали входы в кошачьи лабиринты — а результатов было не видеть, а барыши становились всё крупнее, так что делом времени было — когда в Корпусе появятся те, кто решит сполна навариться на таком жирненьком кусочке.

Знакомые дома поглядывают полуслепыми окнами — а за домами имена, имена и лица, колючая память, и моряцкая прокуренная трубка (взял у Фрезы запасную, для образа) скрипит на зубах. Вон там жил Жадный Ларр, виден угол дома Весельчака-Дерка, вот рябой Илли со своей неразлучной сварливой жёнушкой...

И словно алая полоса поперек каждого лица и имени — будто пометка в папке, личном деле законника: «Убит», «Арестован», «Осуждён»...

В «Кошачьей лапке» меня не узнали — может быть, просто не осталось тех, кто мог бы узнать. Многих закрыли в восемьдесят четвертом, после того как я... ну, словом, после. В остальном же харчевня не изменилась: добряк Храпек за стойкой, кошки на столах и лавках, отличное имбирное пиво.

Мой небольшой маскарад тут же расположил публику: встретить на Корабельный день «человека моря» — хорошая примета, а в Трестейе моряков набраться неоткуда. Я опрокинул пару кружечек с местными, обозначил, что да — из Велейсы Пиратской, откуда ещё. Не просто так, а от серьёзных людей. Есть товар, который уж очень не хочется перекидывать морем, на даматских досмотрщиков никаких золотниц не напасёшься. Так что мне, как бы это выразиться, интересно, как в городе дела?

В пиве загорчила дружная тоска окружающих, а Храпек уронил пару слезинок на жареные свиные колбаски.

— Какие дела? Как в восемьдесят четвёртом псы-законники повязали Нирва и остальных ребят... с той поры жизни и не стало. Ты из чертогов Глубинницы, что ль, вынырнул, морской?

— Долго морем гулял, — я сдул пену со второй кружки. — Да подумалось: когда был тот восемьдесят четвёртый? Неужто за четырнадцать лет опять каналы не наладили — не может быть такого. Вот и решил наведаться, проверить...

Местные окунули трактир в дружные вздохи. Пояснили неразумному бывшему пирату: чего тут проверять, когда входы в лабиринты взорваны псами-законниками. Что взорвано, что завалено, в других Хозяева опять объявились — пошаливают, отпугивать надо. А самое поганое — нет проводников.

— Ведь по проводникам-то они, скоты, в первую очередь били! Каких не забрали в восемьдесят четвертом — тех потом потихоньку извели. А водить по тоннелям — это, понимаешь ли, не каждый может. Особую хватку надобно иметь, вон оно как!

Темные тоннели смыкались над нами, дышали серой, и Старикан Нирв перестал суесться и горбиться: поднял ладонь с Печатью Холода: «Смотри, парень, смотри и запоминай, я тебе скажу — толк из тебя выйдет...»

Ага, ага, — поясняли мне. Карты тоннелей не существует: всё время прокладываются новые. Нужно уметь читать направление, да разбираться в тайных контрабандных знаках. Тайных — потому что мало кто полезет, из того же Корпуса... А ещё можно нарваться на Хозяев (тут все зашикали и оглянулись на кошек). А чтобы не нарваться...

«Надо бы иметь Дар Огня или Холода, — вот оно как».

Эхо разносило звук, но своды тут же его душили, и стены казались оплавленными и ровными, будто выкатанными. Значок глаза на стене, рядом значок ладони: впереди логово-провал, налево тупик. Нирв сказал: туши фонарь и послушай-ка Дар, слышишь? Он подскажет — откуда тянет теплом, так вот, таких мест нужно опасаться, чтобы не столкнуться с Хозяевами. Кабанов и оленей в этих местах стало сильно поменьше, так что теперь некоторым и контрабандист сойдёт. Земляные кошки, правда, пугливые: легко шугануть шумом, блеском, особенно — светом в глаза... Но зато и бесшумные. Предпочитают бить быстро и сзади. И нет, ходить по тоннелям с грохотом и светом — тоже не слишком-то умная затея, у нас тут два проводника так пару лет водили караваны... водили-водили, а потом как бахнуло — ни их, ни тоннеля, обход месяц искать пришлось. Напугали мамку с котятами, та вдарила магией. Так что лучше сторониться Хозяев, потому держи наготове Печать и чуйку...

— Проводников этих... нормальных нет! — выдохнул мутный верзила с глазами, позеленевшими от дурманных зелий. Которые лезут — и не возвращаются. А которые наутек — и товар теряют. Кто зелёный еще совсем, а обучать и некому, так по шажочку. У кого Дар слабый...

«...а у кого нет чуйки, а это — смерть. Понял? В нашем деле — смерть это. Гляди это Проныр».

Нирв вынул и посадил на плечо солидного серого грызуна. Голохвостого и упитанного.

«Помогатый в нашем деле... обвалы чует, логова Хозяев, ловушки конкурентов, если какие случаются — тоже различает. Да всякое бывает, говорю тебе. Так что вот — в самый раз. Разве что отобрать такого вот разумного трудно — с Проныром мне повезло, а он уже старик... Раз в пару лет менять — не самое лучшее, так что это так — это помогатый. А чуйка — она вот тут. Внутри! Вот тут такой же Проныр сидеть должен, понятно тебе?»

Жёсткий тычок чуть ниже середины груди — отдаётся под ложечкой. Выдавливается на лицо недоверчивая усмешка: крысу внутри себя завести? Ага, сейчас...

— ...так что тут тебе искать нечего, парень. Лучше б заплатил кому надо в порту. Тут-то только товар угробишь.

Добряк Храпек завздыхал, поглаживая здоровенного смоляного котяру.

— Не один ты приходил-то... Тут знаешь, ходят, ищут разные. Только нет проводников — и всё тут!

Общество заглянуло в пивные кружки и разошлось не хуже кумушек на базаре: точно, ходят, спрашивают, вон, компания, которая в замке засела, сколько раз уже наведывалась — говорят, будто бы, даже нашли какого-то проводника, только если нашли — то неудачно: проводник-то ушёл с концами!

Про эту самую компанию в замке Шеу местные почитатели свиных колбасок отзывались с иронией и знали мало. Мол — кто их знает, что за народ, раз вперлись в такую глушь. Сидят... давно сидят, с полгодика уж будет. Чем занимаются — не рассказывают, а деньжата у них водятся: еды закупают изрядно, да и выпивку телегами приходится поставлять. Народ ходит туда спрашивать, не нужно ли работников — гонят. Кто пытался глянуть, нельзя ли чего стащить у пришлых — на тех зверюг натравили, зверюг у них много. А вообще, не понять, что за они — десятка два их там точно есть, вполне себе разбойничьи рожи. Шныряют вот и ищут проводников, неплохие даже деньги предлагали, только вот — откуда этого добра набраться?

— Да чего там, если они даже к Сэймону пошли, сыночку старого Нирва! На проводничество его уговорить пытались! Это Сэйми-то!

Колыхнулось мутное болото памяти — всплыл белобрысый улыбчивый паренёк с большеватыми руками. «Да я уж четыре каравана в этом году перевёл, сам, а раньше только с отцом... Ты ему не говори: я уехать хочу. Может, в Вейгорд-тэн. А караваны — это на пару лет, заработать на свадьбу, на переезд...»

Взяли его вместе с отцом и остальными, в восемьдесят четвёртом.

— Местная знаменитость? — спросил я, задумчиво покачивая пивом в кружке. Добряк-Храпек цыкнул на развеселившихся завсегдаев: чего ржёте? Грех! Еще в такой день!

Сам сделал могучий глоток, обтёр усы фартуком.

— Старина Нирв у нас тут лучшим проводником ходил. За самые, значит, серьезные грузы брался. Только вот связался с псами из Корпуса, через это и сгинул. Сдал их кто-то всех. И законников, которые за делом тут присматривали, и наших, которые торговали, да и проводников. В восемьдесят четвертом тут ужас что было. Кто полез отбиваться — тех положили на месте... А забрали с полсотни. Нирва с сыном вот тоже. У старика кровь была на руках, да и контабанду он водил чуть ли не сорок лет — так что ему дали пожизненное на

Рифах. А сынку ему, Сэймону, четыре года, значит, насчитали...

Четыре года — за четыре каравана, стало быть?

Я убрался поглубже в тень — вдруг Храпек рассмотрит под моей щетиной тени былого. По столешнице прогулялась серая кошка, вопросительно боднула в плечо: как насчёт поделиться колбаской?

— Так он, этот Сэймон, что... вернулся? С Рифов?

— Вернулся, ага... — хозяин таверны махнул широченной ладонью. — Парню девятнадцать лет было, чуешь? Жениться собирался. А его на Рифы, как матёрых, значит... Невеста его так уж плакала, — общество притихло и настроилось на лирику. Кто-то сердобольно вздыхал в ножку запечённого гуся. — Голосила, когда уводили, в ноги кидалась. Потом осталась ждать. Дождалась себе на беду.

Я пробыл на Рифах полтора года. Чуть больше, чем полтора года — и я был законником тридцати с лишним лет, по уши увязшем в тёмных делишках. Но всё-таки я знал — чего стоит один день на тюремных скалах. Так что я мог представить, что Рифы могли сотворить за четыре года. С неопытным мальчишкой вроде Сэймона.

— Пьёт он, в общем, — выдохнул Храпек. — Сперва ещё пытался как-то — женился, сына родили, работать пытался, а заливался от случая к случаю. Теперь вот вообще пропащий. Эти, из замка, спрашивали — где он тут живет, но точно не от большого ума к нему сунулись... ты, что ли, тоже хочешь?

Меня ещё малость поотговаривали. Пояснили мне, что вместо Сэймона мне бы лучше проводником взять вот этого жареного гуся, потому что сынок Нирва и в своём доме на углы натывается. Потом всё-таки снабдили информацией — где кого искать и сколько бутылок с собой брать (не меньше четырёх и закусь тоже, там вечно жрать нечего в доме).

Напоследок я отжалел золотницу и махнул Храпеку: в честь Корабельного дня. Выпейте, мол, за восемьдесят четвёртый и за тех, кому не вернуться.

— Правильный мужик, — прилетело в спину. — Не то, что эти, из замка...

Внутри, бесшумно скаля жёлтые резцы, расхохоталась крыса.

Дороги в Трестейе точно стали хуже: покрутишь головой — и либо вступишь в лужу, либо запнёшься и вывалиешься в грязи, смешанной с навозом. Так что я старался не глазеть по сторонам — всё равно увидел бы всё то же.

Умерший город с укоризненными окнами, за каждым вторым — память.

«Больше туда некого посылать, — развёл руками Эрли. — Нужно присмотреть за контрабандными путями: защитить наших, убрать конкурентов. Только вот местные не жалуют ребят из Корпуса, братец. А у наших идиотов слишком много гонору. Рано или поздно начинают хвост распушать — ну, и нарываються. Там нужен кто-то, кто умеет сходиться с людьми, не задирает нос и не сдаст при случае».

Горчит во рту, и сумка с бутылками и снедью кажется совсем уж неподъёмной — Эрли, ты только раз ошибся, когда называл нужные для работы качества... только раз.

«Официально будешь числиться, как всегда, на задании с внедрёнкой — бумаги наши ребята тебе состряпают. Съездим вместе — сведу тебя с Нирвом. Он в авторитете у проводников. Смотри, чтобы эти хмыри грузы не скидывали и не утаивали, ладно, братишка? Если что — связывайся, прикроем. Ну, и... сам понимаешь, смотри в оба».

Кто да с кем, да... Нирв знал, что я из Корпуса Законников, знал его сынок и ещё с дюжина контрабандистов — те, которые переплыли под покровительство к нашей шайке продажных законничков. Для остальных была легенда — мол, вот, дальний родственничек

Нирва, извольте видеть, учится караваны водить. Это позволяло не только шастать по лабиринтам, но и вникать в дела торговые. И сдавать Службе Закона конкурентов: честные коллеги в Корпусе не нарадовались нашей плодотворной работе.

Больше они радовались, только когда старик Архас Жейлор выдернул у меня признание на допросе — и я сдал всех, кого знал, назвал все имена, лишь бы спасти себя...

Все имена, кроме одного.

Ноги разъезжались, а ботинки задорно почавкивали, и я смотрел вниз — на жирную, зловонную грязь. Похожую на ту, что плескалась внутри.

Старикашка Жейлор всё равно узнал бы. Ему уже было известно немало. Нас прихватили вчетвером, с нехилым грузом золотниц от гильдейских — за услуги... так что старина Архас мог бы расколоть любого из нас или даже всех. Но выбрал меня и сходу получил первый приз. Всю кассу.

Я не назвал *одного* имени. А мог назвать *ни одного*. И не задаваться сейчас вопросом — какого чёрта они всегда выбирали меня. Неподкупный законник Жейлор. И неугомонный Крысолов-Тербенно И красавчик Шев Сакрист, надсмотрщик на Рифах, который так хорошо вербовал предателей...

Что они вообще знали обо мне, что во мне видели?!

«Что ты предашь, — нежненько шепнула крыса, и шёпот у нее здорово был похож на шепот одного «ската». — Кого угодно, как угодно. Лишь бы спасти серую шкурку. А, Лайл? Если вдруг выбор будет между тобой и кем-то другим... всё равно сколько их и какие они... ты всегда выберешь себя».

Чавк. Чавк. Чавк. Звуки «костоломки» на Рифах... да нет, просто грязь под ногами.

— Мне бы Сэйми, — сказал я в лицо костлявой женщине, открывшей дверь. — Я, понимаете ли, старый друг Нирва, папашки его. Пришёл вот... поговорить.

Женщина взглянула брезгливо. Бросила пару словечек про пьянчуг, которые являются с выпивкой, твари. Но свёрток с едой взяла, махнула в глубь коридора. Крикнула визгливо:

— К тебе какое-то отребье опять!

И ещё минут пять я не мог понять, что за скрюченный старик притаился в тёмной комнатухе за ободранным столом.

Потом старик растянулся в бессмысленной и беззубой улыбке — и я понял, что смотрю на Сэйми. Того, который младше меня на двенадцать лет — а выглядит старше на столько же.

— Чего сразу отребье... вечно так... разойдётся. А вы, господин хороший, не слушайте её, это она так... бабское дело, бесится...

Опухшие от беспробудного пьянства щёточки глаз, прорезь улыбки в щетине, лысина и клочки волос — не светлых, пепельно-седых. Трясущиеся пальцы хватаются за выставленную бутылку: «С праздничком, с праздничком! Жена там... закуски нам принеси, папашу поминать будем. Вы папашу знали, да?»

В комнатёнке нет воздуха, только вонь чего-то давно прокисшего да застарелый трактирный дух. Слезятся глаза. Ребёнок за стеной надрывается, надсадно и остро, в комнатёнку щемится мальчик в отрепьях — несёт сыр и хлеб, на ходу торопливо впивается в кусок сыра...

— Света больше нам с гостем, Нирв... в честь папки назвал, вот... А тебя я узнал. Узнал... ты к нам от Корпуса тогда приходил, как же тебя... эх, нет, никак! Вот всех не помню, тебя помню — караван ещё вместе вести должны были... да! Точно! Тебя ж со всеми

повязали, когда какая-то падла...

Язык у Сэйми заплетается, и он запомнил имена ещё пары-тройки поделщиков, путается в датах, часто повторяет одно и то же. Зато с упоением и ненавистью говорит о падле, которая всех сдала: «Пошел бы... ножиком по горлу... нет, сначала Печать вырезать...»

На месте Печати у Сэйми — кривой лиловый шрам: то ли развлекались «скаты» на Рифах, то ли кто из заключённых. Снежинка на ладони — такая же, как у меня — кажется рассечённой надвое. Расколотой.

— Да как тебя зовут-то, а? А правду говорят, что ты сбежал с Рифов? Слухи ходили, помню. А как ты сбежал-то?

— Да вот... год тренировался задерживать дыхание, потом проплыл под «костемолкой»...

Привычная шуточка встаёт поперёк горла и отдаётся оскоминой. Сэйми крутит головой, бормочет что-то одобрительное — мол, жаль, не сидели вместе, а то бы... может, вместе бы тогда...

И приходится делать ещё глоток, чтобы заглушить то, что это у варгов бывает — вместе. А у рифских крыс бывает — порознь. Потому что не всем удаётся сигануть с корабля вовремя.

— Чего, из замка? Да, приходили из замка. Только я уж не помню, кто там... хотя рожа тоже знакомая, вроде...

Кто-то из знакомых того же Нирва? Или торговцы по старым связям вышли? По всему видно, компания в замке собралась непростая. Пожалуй, пора возвращаться в питомник. Хватит, нахлебался прошлого, подробнее можно и потом поглядеть.

— Искали проводника, ага. Ну, я уже давно не вожу... А у тебя с этим делом как?

— С каким делом?

— Ну, по Кошачьим ходам. Папка тебя учил... помню, учил, — Сэймон ухмылялся над загаженной кружкой хитровато. — Я потому и запомнил, что он в пример тебя ставил. Говорил — во как схватываешь. Я ж с ним по тоннелям с семи лет, а ты у нас сколько был... три?

Четыре года — если по времени от первого прибытия до ареста. С перерывами на отъезды — то к семье, то по другим делам. Словом, наездами.

— Папаша говорил, что ты уж куда круче меня. Скоро, говорил, сможешь и его подменять, а я радовался тогда ещё... думал, уеду... так ты ж наниматься приехал? Да?

По спине прошёл холодок — противный, скользкий. Будто встопорщилась мокрая шерсть.

— Ходы повзрывали, — твердил Сэйми и подтаскивал к себе третью бутылку, а наливал из второй. — Ходы повзрывали, так что поразведать бы, где там входы. Тут пару-тройку знаю... знал... я бы тебе сказал, да. А что этим, из замка надо? Говорили — товар непростой... что-то не помню я...

Когда я встал — он вряд ли это заметил. Был слишком увлечён компанией бутылок и бессвязными воспоминаниями. В основном о караванах, подземных знаках и отце.

Ребёнок в дальней комнате надрывался пуще прежнего.

— Наслушались? Что, славно выпили, а?

Теперь я узнал в ней знакомые черты — за постаревшим иссушенным лицом, измученностью и озлобленностью, как за маской.

Мы с Нирвом собираемся на переговоры, Сэйми машет рукой: «Ну... я... того...» — выскакивает из дома навстречу к тоненькой девочке с кокетливыми локончиками из-под шляпки...

Кошелёк лёг в руку сам. Слишком лёгкий, нечувствительный — и странно, что ладонь женщины дрогнула и прогнулась.

— Вы чего?

— Отдаю долг, — получилось слишком высоко и сипло. — Брал у его отца... давно.

Она медленно открыла кошелёк — засветив костлявую ладонь с печатью Воды. Прачка — у них от частой работы и перенапряжения магии такие ладони и будто стертая Печать.

Недоверчиво посмотрела в кошелёк — с таким видом, будто золото видит впервые.

— Тут же, — приглушила шепот, чтобы муж не слышал, — золотниц двадцать.

— Я... взял не всё сегодня. С собой. Я остальное потом...

— Честный, тоже, — хмыкнула женщина. Прищурилась, вгляделась получше. — Ты не друг старому Нирву. Я тебя помню, говорили, ты его родич. Дальний, из Вольной Тильвии. Ты к Нирву ходил ещё... с этим рыжим, который к мужу приходил недавно.

Поперёк груди легли обручи — словно чьи-то чересчур жёсткие объятия.

— Что?

— Эти... из замка, — жена Сэймона пожала плечами. — Мужа спрашивали, хотя какой с него толк в тоннелях... Четверо приходили, а этот рыжий у них был за главного. Повыше тебя, с бородой. Шрам поперёк брови — не помнишь, что ли?

— Помню...

«Бате не скажем, — заявил он, залепляя рассечённую бровь подорожником. — Слышь, Лайли, а ты не знаешь, как сделать так, чтобы шрам остался? Чтобы зелья-целилки не взяли? Мож, рану какой дрянью надо помазать, ты как считаешь?»

«Да на кой тебе шрам?» — сплюнул я — и он ухмыльнулся во всю белозубую улыбку. Ничуть не стесняясь щербинки в зубах.

«Потому что я с ним буду выглядеть круче».

Внутренний голос твердил, что не может быть. Я шёл (куда там, нёсся!) к окраине города, грязь брызгала из-под ботинок весёлыми фонтанчиками, и крыса пораженно попискивала где-то в районе печёнки. А внутренний голос твердил, что не может быть — здесь и сейчас.

Через столько лет.

Его не было на суде, и среди осуждённых ходили слухи — один невероятнее другого. Что дядька Текр выкрал сына. Что убит при задержании. Что его будут судить особым порядком. Или что его отмазали откуда-то сверху — те высокие чины, имен которых я не знал — Большие Шишки. На Рифах я утешался только тем, что его здесь нет, что может быть — его нет среди нас именно потому, что это его имя было единственным, которое я не назвал.

После побега пробовал наводить справки — но узнал только, что он был под следствием, а потом уволился и куда-то пропал.

До замка от города было две с половиной мили, я отмахал их единым духом — пробираясь по заросшей дороге, между руин и остатков укреплений. Замок Шеу когда-то был недалеко от городской стены — но с той поры город скукожился, стену построили новую, а сам крепостенный замок с бойницами переходил от хозяина к хозяину, пока не захирел совсем. Ров зарос, артефакты почернели и повывадали из стен, да и сами стены

поискрошились, хоть и были ещё высокими.

Ворота замка были закрыты наглухо и всем своим видом сообщали, что мне здесь не рады. Будь я из нойя — я бы пролез поверх стены, но жизнь не радовала меня подобными упражнениями. Так что я забарабанил в ворота и смиренно дождался, пока на меня ругательно пообещают спустить керберов.

— К главному вашему! — крикнул после этого. — Говорят, проводников ищете?

Калиточка в воротах помедлила, но открылась. Хмурый детинушка со Знаком Стрелка на ладони мерил меня взглядом и арбалетом.

— Ты, что ль, проводник?

— А по мне не видно? — отрезал я, придавая своей физиономии максимально возможную проводниковость. — Или хочешь мне испытание устроить, а, парень? Ну так полезли в Кошачьи Ходы, познакомлю тебя с парой симпатичных Хозяев, они без мясца затосковали в последнее время. Я, знаешь ли, ваших условий не слыхал и работать ли мне с вами — ещё не решил. Так что если вам тут проводников не надобно...

Молодчик зачесался, сплюнул, но арбалет и часть подозрительности с физиономии изволил убрать. Задрал голову, свистнул и предупредил: «Провожу этого внутрь» — сверху донесся ответный свист. Ребятунки-то организованные.

— А неплохо у вас тут всё схвачено, — признал я, когда мы вошли на внутренний двор. Двор и впрямь был заставлен клетками — и звери в них всеми силами приглашали подойти, попробовать, как оно — жить с перегрызенным горлом. Некоторые ещё и гуляли снаружи — не совались к тропинке, зато бдительно просматривали периметр. Четыре кербера на цепи, покалеченные, хромые игольчатники, в клетке — гарпии...

— Меньше глазей, — предупредил детинушка позади.

— С чего бы это? Если уж я с вами в опасную работёнку суюсь — я должен вас знать лучше, чем король Крайтоса — свои мозоли. И вас, и товар... бойцовых, что ли, в Дамату возить решили? Или шкурки поставляете?

Охранник буркнул что-то невнятное — всё равно понятно, что эти звери у них — для охраны. Брали по дешёвке, потому некоторые истощённые, некоторые — искалеченные, а то и просто старые.

В зале, который требовал то ли ремонта, то ли сноса, меня сдали с рук на руки молодчику постарше рангом. Молодчик был сухощав, деловит, цыкал зубом и обладал благородной лопаухостью. И подозрительностью Крысолова.

— Проводник? Цык. Одет как моряк. Цык. Глянь-ка его карманы. Ты, как тебя. Чего к нам только сейчас? Цык, цык. Проводника давно ищем. Кто тебя в городе знает? С кем работал? Поручители есть?

— Говорить буду только с главным, — вот и самый скользкий момент. — Передайте наверх: за меня поручится Лайл Гроски.

Моё имя произвело эффект: молодчик уважительно цыкнул зубом и тут же пропал. Судя по грохоту шагов — кинулся бегом, сперва по коридорам потом по лестнице.

Вызов сквозника обжёг бедро. Наверняка из питомника — я задержался в Трестейе. И извини, Гриз, — задержусь ещё самую малость, потому что если он жив и здесь...

Гул отдалённых переговоров, эхо голосов и торопливые шаги — многие, грузные, и не узнать — есть ли из них та самая походка, тот самый...

— ...видишь ли, идиот ты этакий, единственный, за кого поручится Лайл Гроски — это Лайл Гроски, ты уж мне поверь, это наша старая шуточка...

Голос ударил внезапно, и зрение размылось и поплыло внезапно тоже — так что я не сразу смог рассмотреть того, имени которого я когда-то не назвал.

Потом он наконец-то соткался передо мной: не такой стройный, как раньше, зато всё с той же улыбкой — широкой, во всю душу.

— Давно не видались, братишка, — сказал кузен Эрлин.

И распахнул объятия.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Сквор начинает орать в полдень.

У зверей явно какой-то свой Корабельный День, и они развлекаются как могут. Шнырок Кусака свалил через очередной подкоп, и нашли мы его в комоду у Лортена. Единогор-драккайна Вулкан решил, что сырое мясо — не для него, и начал требовать бифштексы средней прожарки. Грифона Ирла одолело желание летать. Ещё у меня палец забинтован. Потому что на нём повис тхиор Маркиз. Посчитал, что я маловато внимания уделяю его милости. Хорошо — вполсилы повис, но вот остальные кинулись на защиту и вцепились ему в ляжки. В общем, пока растащила...

Так что от Сквора я жду чего-нибудь в духе «Кишки!» пополам с песнями нойя. Но горевестник вздрагивает, вытягивается в струнку и начинает как заведенный:

— Гроски! Гроски! Гроски! Гроски!

— Лайлу что-то угрожает? — спрашивает Грызи от двери. — Послушай нити, Сквор. Там угроза? Опасность?

— Гроски! Гроски! Гроски! — твердит горевестник и гневно поглядывает на мою закрытую ладонь. — Гроски — угроза! Опасность! Гроски! Гроски! Кшшш-р... Семки, Драккант!!!

Примерно таким тоном, как аристократ, орущий на официанта: «Подать игристого!»

И принимается чистить перья на груди. Пока я немею от оскорбления. И кто его, спрашивается, научил меня так называть?!

А Грызи серьёзна. Подходит к Сквору, уговаривает его: «Ну, давай, посмотрим... вместе... вот так...» Прогуливается в сознание к горевестнику минут на пять, застывает, потирая подбородок.

— Есть тень опасности, но какая-то неясная. Размытая вероятность. Но да, там что-то нехорошее, и связано оно с Лайлом. Съезжу проверю.

— Семки, семки! — радостно твердит горевестник, пока я таращусь на Грызи: тащиться самой в Трестейю, в Корабельный День, когда вот-вот все вольерные рассосутся?

— Ненадолго, — машет рукой Грызи. — Если что — Нэйша вызову. А вы тут пока... что, господин Олкест?

Рыцарь Морковка слетает по лестнице и машет листом гнусновато-официального вида.

— Мел, я... я сперва забыл, а потом... надо же проверить. Я думал, как это они не вызвали меня через сквозник, а там оказалась такая неразбериха, а теперь вот официальное письмо доставили с опозданием, а я после утреннего собрания...

— Семки, — вставляет Сквор так весомо, что Его Светлость перекрывает поток растерянной болтовни. Подходит, смотрит проникновенно, суёт мне письмо.

— Твоя тётушка, госпожа Венейг. Она скончалась третьего дня. Похороны сегодня. Храм Глубинницы недалеко от Венейге-кастл...

Морковка выглядит растерянным и несчастным — он же давал какие-то там обязательства. Вроде привести меня к тетушкиному одру и погрузить в её крепкие объятия. Теперь его ждут пучины терзаний. Потому что «Нет, ну как я мог так промедлить» и «Как это я так её не уговорил».

Прикусываю губу и удерживаюсь от фразочек типа «В вир болотный!»

— Там... там её последняя просьба... Чтобы ты...

Если присутствовать на похоронах — придется-таки использовать фразочку про вир. Вглядываюсь в официозного вида бумагу. «Перед смертью госпожа Венейг изложила следующее пожелание», ага.

«...если крошка Мелли не успеет прийти, пока я здесь, тогда пусть придёт проститься хотя бы к ограде храма. И тогда я буду знать...»

Они, видно, дословно записывали. Кузина Лэйси, или душеприказчик, или кто там еще — небось, их там куча сидела, пока тетка отдавала концы. Закрываю глаза, и внутрь из письма словно вливается знакомый плаксивый голос:

«Куда вы убрали воду, куда вы её убрали, я скоро буду в воде, она возьмёт меня, а о чём я? Ох, я что-то забыла... о крошке Мелли, ох, ох, она не приехала? Она ещё сердится, да? Ох, и этот наречённый её, он почему её не уговорил, она же не может выйти замуж без моего благословения... но вы запишите там: пусть она придет проститься хотя бы к ограде храма. Не в храм, нет, она же их не любит, Мелли, и белого не любит. Так вы пишете? Пусть придёт проститься к ограде храма.

И тогда я буду знать, что она простила меня. И упокоюсь в Бездони с миром».

Отшвыриваю письмо, будто подержу ещё — и чернила врастают под кожу, и охающий голос поселится там до скончания века.

— Ну. Во сколько там это всё? Давай, пошли.

Плюнуть на последнюю просьбу в Корабельный День — нужно быть кем-то вроде Подонка Оттона. Может, я б и смогла, потому что какая мне разница, что там тетушка почувствует в Водной Бездони, и есть ли эта самая Бездонь вообще. Только вот мне не плевать на Рыцаря Морковку, который загрызет себя из-за того, что и это не выполнил. И там еще кузина Лэйси, которая будет плакать и переживать: как это маменьке будет в Бездони плохо...

Вообще, стоит это сделать, хотя бы чтобы меня в покое оставили.

Морковка таращится так, будто не может поверить, что я так легко сдалась. Видно, он приписывает эту заслугу Грызи. Потому что косится на неё и тихо начинает:

— Это ещё не всё. Понимаешь, там... возникла проблема. Поскольку Лэйси теперь сирота — в роду Драккантов и Венейгов не остаётся вступивших в Право наследников.

— Даже и не думай, я не...

— Нет-нет, я не о том! В общем, получается редчайший случай: Лэйси в этом году исполнится семнадцать, так что...

Его Светлость старается объяснить так, чтобы и до Сквора дошло. Вот смотрите: семнадцать лет — совершеннолетие в Кайетте, так? Могут послать на Рифы, можешь наследовать, вступать в брак и что угодно делать. Но вот полноправно вступить в Право Главы раньше двадцати лет не получится — если, конечно, не провести обряд частичной передачи прав, как Линешенты. Но обряд-то проводит действующий Глава, а тётушка как-то не сподобилась помочь с этим делом Лэйси. То ли так хотела со мной повидаться, то ли вообразила себя форелью. В общем, Лэйси всё равно могла бы возглавить род после своего семнадцатилетия — наполовину официально, опираясь на помощь душеприказчика, какого-то там господина Вирда. Да вот только когда тётушку перед смертью спросили — кому быть формальным главой Рода Драккантов и Венейгов, до принятия Прав Рода...

— ...в общем, она назвала твоё имя.

Открываю рот и говорю только одно слово. Морковка алеет укоризненно, Сквор давится семечкой. Гриз вздыхает.

— Что?! Да мне эта вся дрянь не нужна на... на... на вот столько!!

Демонстрирую зажатую в пальцах семечку. Сквор перестаёт перхать, семечку выхватывает и невнятно сообщает: «Драккант».

— Я так ему и сказал, — внезапно выдаёт Морковка.

— Кому?

— Господину Вирду, душеприказчику. Объяснил, что ты не собираешься принимать Права Рода... во всяком случае — в ближайшее время.

Вид у его Светлости — как будто он только что свершил подвиги и пережил кровавую битву.

— Думаю, он меня понял, потому что предложил вариант. Он соберёт стряпчих, я засвидетельствую. Тебе просто нужно будет подписать бумагу, в которой ты соглашаешься на передачу протекторства рода Венейгов над Драккантами — это лазейка в родовом праве, легкий путь, при котором господин Вирд может не выполнять волю умершей, а Лэйси формально возглавляет оба рода, как до, так и после своего вступления в Право...

Пялюсь на Морковку с полуоткрытым ртом. Потому что мне на секундочку показалось, что Его Светлость своими ручками попытался отвести от меня главенство над Родом Драккантов. К которому он так настойчиво меня пихал.

Вид у меня малость ошалевший, потому что Морковка становится бледен и потлив. И зыркает на Грызи в поисках помощи:

— ...только нужно сделать всё до похорон, ну, до официального объявления завещания. Счастье ещё, господин Вирд написал... ехать надо сейчас, Мелони, но если ты не желаешь...

Поворачиваюсь к Грызи. Всё так же, с приоткрытым ртом.

— Езжайте, — тихо отзывается Грызи. — Договорюсь с Амандой и вольерными, присмотрят.

— А Пухлик? Если с ним там что серьезное — ты ж тоже можешь влипнуть.

Морковка начинает недоуменное: «А что с...» — но Сквор припечатывает его решительным «Гроски!»

— Возьму подстраховку, — говорит Грызи. — Если что — вызову вас. Езжайте.

* * *

Крайтос называют Траурным Краем. Из-за того, что тут снег бывает чаще, чем ещё где в Кайетте. Оно и понятно — вотчина Ледяной Девы и Дарителя Огня, Дайен: Пламеннольдистый в древности.

Знания лезут из меня. Фонтанируют. Напоминанием о клятвом хорошем образовании. И паре часов, которые пришлось провести в доме у этого самого Вирда. Посреди древних карт и прочего антикварного барахла.

Господин Вирд оказался под стать своей коллекции — пыльным реликтом в толстенных очках и с дребезжащим голосом. Могла б я догадаться, что тетушка кого-нибудь ушибленного выберет в поверенные.

Мы с Янистом сидели и пытались делать вежливые рожи. И лакали чай со вкусом древности и цитруса. Пока Реликт распинался о том, как тетушка меня любила и до черта желала мне добра. О том, что молодо-зелено. И что мне стоит поразмыслить о том, чтобы

всё равно принять Право. Он, мол, специально мне оставил для этого путь: когда захочу — тогда и приму, и поместье и «кровная доля» сокровищ всё равно отойдут мне.

— Если только вы, конечно, не напишете отречение от Рода, а потом не умрёте, мхых-мхых-мхых...

«Мхых-мхых» заменяло старикашке смех — мшистый, подвальный звук. Будто некормленный призрак чихает из-за книг.

Нет-нет, мыхал Реликт, и не просите. Нет-нет, он на такое не пойдёт. О полном Отречении и речи быть не может. Нет-нет, он — душеприказчик дражайшей Ималии, он обязан предусмотреть всё... А если что-то случится с Лэйси? Если она — не приведи Девятеро — захворает и не доживет до вступления в Права? Тогда два Рода останутся без возможных наследников, ну уж нет — такого он на себя брать не будет...

Он был даже слишком предусмотрителен — этот старикашка. Крутил тяжелые опаловые перстни на пальцах и тянул в нос: молодо-зелено... ну, подождите три года, потом напишете Отречение. О, в любой форме, лишь бы с кровавым оттиском Печати и фамильного перстня. После передачи протекторства и вступления Лэйси в официальные права — это уже легко... Правда, «кровная доля» всё равно за вами, да-да, что тут можно говорить, вы же знаете историю поместья Лис?

О вейгордском поместье Лис я слышала только, что там жил какой-то Шеннет. Предок нынешнего первого министра Айлора, Шеннета-Хромца. Предок, вроде бы, как раз в Айлор и сбежал, уже после принятия Хартии Непримируемости. Так что замок чуть ли не два века торчит под чарами магической консервации.

— ...кровные сокровища Рода так и сохраняются по сей день: они могут выданы только Главе Рода. Но никто не позволит, чтобы их истребовал министр враждебной страны...

И ещё сорок пудов такой вот поучительной чуши. Под конец я раз восемь поставила подпись. Выслушала, какие права получает кузина Лэйси (управлять землями и финансами рода Драккантов, кроме «доли крови», да еще доступ к родовому поместью). Под взглядом Морковки выдавила «спасибо», от которого сквасило орду стряпчих, что понатащил к себе в дом Реликт. Получила напоминание о том, что надо выполнить тётушкину последнюю волю.

Сижу, выполняю.

Морожу зад о низкую и широкую каменную ограду храма.

Этим самым задом к храму Хозяйки Вод и повернувшись.

Храм за спиной должен бы быть голубоватым, но зима выбелила в траур и его. Смыкаешь веки — под ними тут же скапливается что-то белое. Открываешь — и снова: отяжелевшие от снега кусты, скрючились ивы — старухи в траурных уборах — белая каменная ограда, на которой сижу...

Будто из мира выжрали краски. Обратили в полный ноль, в смерть и саван, как в день, когда я в последний раз была в Храме Глубинницы.

Засовываю руки в рукава, шмыгаю носом.

За лавкой собрались местные. Дюжины три деревенских, которые решили именно в это время наведаться в храм — попросить у Глубинницы, чтобы родичам в Водной Бездне было полегче. Только тут, понимаете ли, похороны Ималии Венейг. Местные не особо расстроились. Нашли темы — Дар доносит даже за сто шагов.

— Помогай ей в Бездони Глубинница и Аканта Всеспасающая... ничего тетка была, да... только уж под конец рехнулась.

— С такой-то племянницей и не рехнуться. Про племянницу её слышали? Пригрели

сиротку, а эта змеища...

— Пираткой, говорят, стала! Аж в Велейсе Пиратской!

— Да не — я слышал, в Тавентатуме её на рынке рабском продали!

— Ты, что ль, покупал?!

— А Ималия-то эта, слышали, с муженьком покойным разговаривала. И в воды кидалась: всё там его видела уже...

— Так... того... говорят — потому и померла! Подошла то ли к ванной, то ль к озеру — да головой туда и сунулась, а слуги не углядели...

— Да в кровати она померла, у меня кузен — садовник у Венейгов!

— Да я доподлинно знаю, что закололась в безумии!

— Серебра-то хоть отсыплет наследница? За-ради Корабельного дня?

Наверное, в храме уже огласили фразу, которую тетушка выбрала для Малой Книги Утекших Вод. И фраза, небось, на дюжину строк. Первого числа Луны Дикта все Малые Книги из храмов Глубинницы привезут в Акантор — а там уж жрецы перепишут всё в Великую Книгу Утекших Вод. Годы, имена-фамилии по алфавиту — и прощальная фраза, с которой остаёшься в вечности, когда тело уходит в воду.

У нас был сборничек прощальных фраз великих людей. Одно время Морковка повадился эту дрянь цитировать. Пока я его не отлупила первым томом энциклопедии Кайетты.

После зачитывания фраз идут песнопения жрецов, потом церемония заворачивания тела в расшитый жемчугом белый саван. И отправления рыбам на корм, в прихрамовый вир. Такими вирами не пользуются для переходов: считается, они ведут прямо в Водную Бездонь.

Всегда было интересно — откуда эта самая Бездонь взялась. С незапамятных времён предков хоронили в земле. В охотничьих владениях Драккантов в Морозном Наделе есть особое место — Усклепище. Древнее кладбище с холмами и плитами, надписи и знаки на которых не прочесть. Я в детстве допытывалась у Морковки: если испокон веков магов брала к себе земля — откуда взялась вера в Бездонь и прочее?

Морковка чесал конопатый нос и принимался за древние сказочки.

По ним выходило, что будто бы раньше люди были лучше нас. Настолько, что особо чистых (или особо безумных) и пламя не брало: они ходили сквозь огонь, потому что виров у них не было, «воды молчали».

Только люди расплодились, выродились в полных мразей, перестали почитать богов и уважать друг друга. Девятерым это пришлось не по вкусу. Время от времени они пинали людей — взять хоть историю с Ледяной Девой, когда она чуть всех не заморозила, так что пришлось народ бабочке спасать. Люди притихали, потом опять плодились и были упорными в своей мразотности.

Под конец Девятерым надоело, и они решили извести «нечистых» вконец. Поручили работку Дарителю Огня — и Йенх Огнетворец сотворил Пламенный Мор. С расчетом, что «чистых» не возьмет, а остальных не жалко.

Морковка рассказывал, что Даритель Огня будто бы наслал на людишек своих подручных — огненных элементарей в виде птиц.

— Фениксов? Они ж не вредят людям.

— Ну... они были огромные, — мялся Морковка. — Может, это были какие-то неправильные фениксы.

В общем, кто бы там ни был: драконы, огромные неправильные фениксы или другие

какие твари — но людей они извели как следует, да и Кайетте досталось. Тогда появились Горелые Пустоши — те, что в Дамате, и Чёрные Льды — на окраине Крайтоса. С прекращении Мора взмолились сразу все: и оставшиеся люди, и Травница, и Ледяная Дева, и Целительница...

Даритель Огня отозвал своих тварей, но земля приняла уже столько пепла от тел и столько горя, что больше вынести не смогла. И тогда-то вмещалась Кормчая Камня (интересно, где она была до того). Кормчая уговорила Хозяйку Вод дать людям новые пути и новое посмертие. И тысяча пятьсот девяносто семь лет назад «воды обрели голос» — возле камня забил родник, а вода в Кайетте наполнилась магией. Появились «водные окна» — порталы-виры. После Мастера обнаружили, что через воду теперь можно ещё и общаться — если туда кинуть нужный артефакт.

А ещё в воде начали хоронить. Тело уходит в воду, магия — обратно к Камню, который дал её... душа — в водную Бездону. Об этой самой Бездони в сказочках говорилось по-разному. Будто бы те, кто при жизни вел себя по божеским заветам, там чувствуют себя неплохо. Его Светлость цитировал всякое — про «вернуться в материнскую утробу», «словно купание в теплой лагуне» ну и так далее.

Я точно огребу, как в книжках для непослушных детей: *крутиться в своих грехах и черноте мыслей, как в чёрном зловонном омуте*. А может, Аканта, которая заведует загробным судилищем, решит, что мне мало полоскаться в моих собственных помоях. Так что меня выдернут и наделят особой жуткой участью.

Быть жёнушкой Морковки, к примеру.

Визг сверлит уши, дробит воздух на мелкие осколки. Деревенские явились с детьми. Теперь этих бестий не унять: носятся, швыряются снежками. Катаются по замёрзшим лужам и скачут вперегонки с прихрамовыми собаками.

«Да что ж опять! — квохчут мамашки. — Илай! Дейрик! Уймись уже! При храме стыдно-то!»

Возня затихает минут на пять — потом опять расходятся. Наверное, их вопли уже и в храме слышно. Там, где белый саван на ледяном помосте отталкивают от «последней пристани». Помост тает, тело уходит под воду. Всякие троюродные голосят, Реликт скорбно мхыкает, Рыцарь Морковка понуривает голову. И Лэйси плачет.

Надеюсь, Морковка не проболтается, что я здесь. Кузина точно захочет «увидеть Мелли» я ни шнырка не знаю — что можно говорить человеку в Белый День, когда у него забирают последнее.

Две дворняги подходят помахать хвостами и поинтересоваться — нет ли у меня чего интересного. Роюсь в наплечной сумке, кормлю дворнях ломтями сушёного мяса.

Теплые слюнявые языки щекочут ладони. Совсем немного потерпеть тут, на границе белизны. Потом будет питомник, где всё живое. Там даже снег трауром не кажется. И не лезут в голову дурацкие воспоминания.

Об охах и вздохах, и огорчениях, и постоянном поминании родителей — ну вот как же так запустили девочку?! И вышивка, тесные корсеты, учителя танцев — «Всё хорошо, дорогая Мелли, ты будешь прекрасно танцевать», и заколки и шпильки в волосах, «Ах, этот ужасный нож, отдай его пока дядюшке, ну как же так, додуматься подарить девочке *атархэ*». И рыдания, и мокрые поцелуи — «Так похожа на отца глазами, ну, обними же меня перед сном», удушающий запах гвоздики. Книксены, обязательное «хорошее образование», и «Не думай об этом своём друге, Олкесте, он всего лишь воспитанник, он теперь на

подобающем ему месте».

Список пишется и пишется: запахи, звуки, пудра на коже, обязательные походы в часовню Круга в замке и раз в девятницу — поездки в храм, и подонок Оттон, и лесничий Олли, которого выгнали, потому что он брал меня с собой на Морозный Надел... Я силюсь остановить внутреннее перо, а оно всё несётся по невидимой бумаге похлеще алапарда.

И мне ещё холоднее. от сознания того, что этот список нужно будет как-то скомкать внутри меня. Раздрать и отпустить по ветру, как снежинки. Потому что она уже мертва. Ималия Венейг, сестра моего отца. Отправилась за обожаемым муженьком, и мне нужно махнуть ей вслед, чтобы шла, куда ей вздумается. Обмануть себя и сказать, что она же мне вроде как добра хотела. Взять каждый пункт в списке, покрутить так и этак, сказать: прими, вода. Только вот я не могу, потому что на каждом пункте меня трясёт от волн мутной дряни, которая может меня отравить хуже варева нойя: «Ох, ох, несчастный Альбрехт... госпожа Оттон, расторжение помолвки, позор, улаживание скандала... ох, ох, Мелли, я же хотела тебе добра, за что ты так со мной? Что станет с Родом, Мелли, почему ты молчишь, Мелли? Я не хотела верить всему дурному, я полагала, что любовь и добро способны исправить твою натуру... но теперь ты наказана, ступай в комнату».

Она слезами заливалась, когда говорила мне это. По горошине слёзы — проедали дорожки в пудре. Она вечно плакала и охала, даже когда дядюшка тем вечером пыхтел про «порченную кровь» и «особые снадобья», «проверенных лекарей»...

— Тебе... м-может, х-холодно?

Овации и поздравления. К Следопыту подкрался деревенский пацан. Мог бы при желании варежками задушить. Которыми он в меня тычет.

— Х-холодно? В-вот, на. А у м-меня ещё есть. А ты м-может есть ч-чего х-хочешь? Т-так вон, п-пошли к моим...

Варежки жуткие. Спят оранжевым и зелёным вперемешку. Но не взять в Корабельный День нельзя. И кругломордый пацан чем-то неуловимо напоминает Морковку двенадцатилетней давности. Может, веснушками. Или тем, как он на меня таращится с приоткрытым ртом.

— У н-нас там есть еда. П-поделятся. Х-хочешь? Н-нет? А т-ты... с-с-т-транник?

Странников положено привечать. Обогревать-кормить-радовать. Особенно в Корабельный День, особенно у храмов или перекрестков. Потому как странники — глаза Перекрестницы Кратейи.

— Я м-мешаю, да? Из-звини, да? Просто... ну... со мной не иг-грают. А ты... г-г-грустный.

Шерстяные варежки жуткой расцветки греют ладони. Пахнут свежим хлебом и немного — имбирём. И тухлый дух поместья Венейгов растворяется в этом запахе.

— День сегодня такой. Чтобы остановиться и подумать. И вспомнить... всякое не самое лучшее.

— И от-тпустить, — уточняет малой. — Э-это не страшно. Скоро же уже... це-це-церемония П-провождения. К-корабли уплывут, а с ними всё злое, что было. У меня корабль, знаешь какой? Во такой, с батей делали! Ни у кого в деревне нету, кого хошь спроси, у меня батя — по дереву мастер...

Надо же, заикаться перестал. Обрадовался, что с ним заговорили.

— На что такой большой корабль? Год не задался?

Ужатая вширь версия Морковки кивает: о-о-о, не задался. За младшей сестрой не

уследил, чуть в лес не ушлёпала, из школы прихрамовой сколько раз сбегал, да пять медниц у отца стащил, да бабка померла, да чуть батину мастерскую не пожёг...

— ...забот — как в Хороводный год, вот! — и лучится рыжиной. — А у тебя корабль большой?

Где-то в порту Крайтоса стоят два торговых судна и два рыбацких — наследство Драккантов. Если не сгнили и не разбились за годы. Взять бы всю эту флотилию — может, хватило бы на поганый список внутри.

— Нету корабля? — удивляется малец. — А как ты... церемонию...

Я перестала блюсти церемонию с побега из Венейге-касла. В питомнике тоже не срослось. Может, я просто не верю, что можно отпустить по воде всю накопленную за год дрянь. А совать в реку кораблики за просто так, ради обычая — не вижу смысла.

Пацан роется в кармане, бормочет: «Ща, вот... точно, тут». Вытаскивает кораблик — мелкий, в половину моей ладони. Но хорошо вырезанный, и даже с парусом — голубым лоскутом.

— Это я сам, без бати. Хозяйке Вод думал... Д-держи, да? Он не оч-чень ровный п-просто... Ну, ты в-возьми. Чтобы... ну... чтобы плохое ушло.

В мокрой красноватой ладони лежит деревянный кораблик. А в храме позади меня больше не поют и рыдания поутихли. Там всё кончилось, и скоро подоспеет Морковка...

И ещё я знаю теперь, что делать.

— В-возьми, да? Это... от сердца.

Стребаю с детской ладони кораблик. Попутно замечаю, что у пацана на руке — Знак Мечника. Вот и отлично.

— Держи, — протягиваю ему один из своих метательных. Дымчатая даматская сталь, отличная балансировка, и всё равно мне больше нечего подарить. — Если спросят, откуда взял — скажешь, что получил от Странницы на Перекрёстки.

— От С-с-с-с-с...

— Ш-ш-ш-ш! — хмурю брови, подпускаю таинственности. — Теперь иди к своим и не оборачивайся!

Моргает, разворачивается, припускает во всю прыть. Может, и не обернётся, но подстраховаться надо. Перебрасываю ноги через ограду, спрыгиваю внутрь, пригибаюсь. Накидываю маск-плащ.

Мне будто снова двенадцать. И я охочусь на Морковку в заснеженном саду. Вот, кстати, и добыча — Его Светлость выскакивает из храма раньше всех. Крутит головой, ищет меня.

Выпрыгиваю из кустов и уволакиваю Яниста в обход здания.

— Молчи! Нас не должны видеть, ясно?

Дар доносит обрывки взволнованных голосов: «Да, сидел тут какой-то... или какая-то... куда подевалась?!» — «Неужто — правда...»

— Мелони, я, конечно... отчасти понимаю твоё состояние и нежелание общаться с роднёй. Но маск-плащ — это как-то уже чересчур, тебе не кажется?!

— А, что? — волоку его между кустами и под прикрытием храма перелезаю через ограду. — Это не поэтому. Просто я сегодня Странница.

Морковка даже начинает заикаться. Как деревенский пацан.

— С-с-с-с-транница? В смысле... Перекрестница? То есть, Кратейя?! Мелони, а... ты хорошо себя чувствуешь? Ничего не болит, или...

Тропа сразу же за храмом ныряет в рощу, так что нас не увидят. Скидываю с плеч маск-

плащ.

— Я хорошо себя чувствую.

Словно не плащ — пару альфинов с плеч скинула. Под ногами — лёгкий снежок на кромке льда. Разбегаюсь и чуток по льду проезжаю. Перед глазами мелькает оранжевое с зелёным. Варежки, от которых тепло рукам.

Янист сейчас перестанет давиться и ляпнет что-нибудь. Надо успеть первой.

— Что теперь будешь делать? Я выполнила последнюю просьбу тётки. Проводила её в Бездонь. Получается, что у тебя теперь нет резонов оставаться в питомнике.

Друг детства косится на меня и тоже проезжает немного по ледку. Сдвигает тёплый капюшон назад, открывает рыжие вихры.

— Всего лишь от одного слова.

— Только не начинай, насчёт женитьбы, Рода Драккантов и прочей этой дряни.

— Не начну.

На рябинах качаются прощальники. С ярко-малиновыми сердцами во всё пузо. Разбрасывают ягоды и купаются в снегу. Под громкое: «О-яй! О-яй! О-о-ощай!»

— Знаешь, за это время... я многое увидел и понял. О питомнике и тех, кто в нём. О том, чем вы занимаетесь. О том, что ты нашла здесь. И я понимаю, почему ты хочешь быть в этом месте — вы делаете благородное и нужное дело... но ты уверена, что хочешь всегда делать это таким способом?

Это он к тому, что я ошиваюсь в питомнике как рядовой Следопыт, а иногда беру работу вольерных. Мотаюсь по вызовам, общаюсь с мразями вроде Нэйша, зашиваю гнойные раны и получаю укусы. Хотя могла бы...

— ...принять Права, помочь Грызи деньгами и спасти куда больше зверей. Ты про это? Быть Великой Устроительницей Приютов или типа того. Может, лет через шестьдесят. Когда колени будут плохо гнуться. Впаду в маразм и приму Права. И завещаю все деньги на нужное дело. Как тебе, а?

«Проща-а-ай! Проща-а-а-ай!» — голоса прощальники над рябиной. И игриво кидаются в нас ягодами. Отмахиваюсь и говорю почти весело:

— Понимаешь, это просто не моё. Наверное, я могла бы кучу всего переделать. Что-то там исправить, принести пользу, сидя в поместье и ворочая денежками. Только это была бы не я. Я выбрала быть в питомнике не потому, что тут нужное дело делают. Выбрала то, что мне нравится. То, где я могу быть счастлива.

Морковка напряжённо и как-то тускло улыбается.

— Понимаю. Это — твоё. И ты можешь о себе позаботиться. Я же видел.

— Точно. Так что тебе нет никакого смысла меня опекать.

— Хочешь, чтобы я уехал?

Высовываю руку из варежки и ощупываю в кармане резной бочок корабля.

— Да не то чтобы. Персонала недобор, ты уже почти обучился. И ты точно не хуже Мясника, или Дрызги, или Плаксы. Просто давай начистоту — тебе же нет дела до зверей. И у тебя же были какие-то планы — вроде... возглавить общину чокнутых адептов Единого в Алчнодоле?

— Я не...

— Да помню я, что ты хотел плавать, — достаю и показываю кораблик. — Ты ж мне весь мозг вынес морем в своё время.

Когда мы выезжали к морю — он наглядеться не мог. Бредил этим делом, особенно

землями за пределами Рифов. Перечислял мне поимённо всех стукнутых, которые решили поплавать и полетать за Рифской Чертой: «Ну и что, что никто не вернулся? Не может же быть, чтобы там была сплошь вода! Может, они доплыли куда-то, нашли что-то такое, что... ну, не Благословенные Земли из легенд, конечно, а просто что-то такое, из-за чего не захотели возвращаться!»

Вот только Его Светлость поглядывает на кораблик в моей ладони без «морского» блеска в глазах. И что-то не рвётся чемоданы паковать.

— Не настаиваю я, чтобы ты отчаливал, — говорю ему. — Но это — не твоё. И твоим не станет. Ты один чёрт будешь здесь как в клетке. И гробить свою жизнь на то, что тебе не слишком-то по душе — думаю, тут нужен какой-то дополнительный веский резон. Что-то получше этого твоего «благородного дела».

Морковка останавливается и пристально пялится на прощальников. Выдыхает едва слышно:

— Или кто-то.

Наклоняюсь, чтобы сгрести побольше снега. И запечатать суженому пасть, прежде он начнёт загибать про долг, род и «да я от своего слова не отступлюсь».

Но Его Всерыжейшество втягивает в себя воздух, зажмуривается и выпаливает единой строкой:

— Мелони-мне-нужно-тебе-сказать-боюсь-я-нарушил-своё-слово-и-у-меня-чувства-к-другому-человеку.

Слова падают, как облетающая на снег рябина. Дальше идёт невнятно, но очень виновато. Что-то вроде «простияпонимаюэтонедопустимо». Стою, смотрю, как Морковка равняется цветом с рябиновыми ягодами. Жду, пока в женишке кончится воздух.

— Грызи? — уточняю потом и закидываю снежок в кусты.

Симфония звуков. Насыщеннее, чем у прощальников. Морковка делает жесты утопающего. Ещё немного — и его нужно будет охлаждать в снежке.

— Серьёзно — «откуда узнала»? Тоже мне, тайна для Следопыта. Окстись! Ты на неё с Энкера пялишься, как Дрызга — на выпивку! Небось, Конфетка с Пираткой уже ставки делают!

«Проща-а-а-ай!», — издеваются прощальники над Морковкой. Того сейчас хватит карачун. И мне придётся сплавлять по воде не кораблик, а его.

— Ты... ты думаешь... все знают?!

— Кроме Грызи, это точно. Тут будь спокоен — она твой секрет разгадает, когда ты её в храм брачеваться потащишь. И то — большой вопрос!

Видок у Яниста настолько оглоушенный, что я не выдерживаю и начинаю хохотать. Над ним, его секретом, над Грызи, которой такое вот счастье подвалило, а она и не догадывается. Я хохочу и не помню — сколько лет назад смеялась вот так же, без причины и до слёз.

И вообще — смеялась ли.

Морковка стоит и пучит глаза. Потом отмирает и оттаивает, улыбается несмело:

— Совсем забыл, как ты смеёшься. Но... ты точно не сердишься?

— С чего б? Ты же в кои-то веки от меня отстанешь с этой дурью насчет пожениться. Да, и для Грызи ты уж точно будешь получше Мясника.

Размотай его кишки мантикора. Позволяю себе помечтать насчёт Грызи, которая с грозным видом отвечает Нэйшу пинка от ворот питомника. Со словами: «Ты мне тут теперь никто!»

Морковке явно видится что-то менее радостное.

— То есть, постой... ты думаешь, что я собираюсь... Мелони, ты не так меня поняла! При всех моих чувствах к госпоже Арделл — я не думаю, что какие-то ухаживания с моей стороны будут уместными, и... я едва ли в её вкусе, и я точно не думаю, что я ей симпатичен, и я уж точно не собираюсь ставить её в известность... То есть, конечно, я полагаю, что она заслуживает счастья, но...

Останавливаюсь и сгребая больше снега. Так, чтобы с одного удара вышибить из Морковки романтическую дурь.

— Поправь меня. Ты собираешься остаться при питомнике, на который тебе плевать. Страдать по морю, кораблям и Зарифью. И при этом просто вздыхать по Грызи издалека?! Портреты её рисовать, вызывать на дуэль Нэйша, жрать её глазами и обеспечивать ей счастье с кем-то другим?!

Морковка открывает рот, меряет лицо глазами и рот закрывает. Видать, в его мыслях это звучало немного более возвышенно.

— Думаешь, насчёт дуэли — хорошая идея? Я хотел сказать — мой Дар, его Дар, да ещё боевые навыки...

Молча залепляю в физиономию бывшего женишка снежком. Янист пригибается и снежок провожает взглядом.

— ... и если ты не поняла — это была шутка, — и чуть не встречает челюстью второй снежок. — Эй, а этот за что? Ау! В приличном обществе туда не целятся!

За приличное общество награждаю его четвёртым и пятым. Олкест — мишень трудная, уворачивается, пригибается и прячется за деревьями. Но руки-то с детства помнят.

— А ну иди сюда! Я из тебя твою книжную премудрость ща как вылуплю!

Морковка носится между деревьями и прикрывает рыжую шевелюру. Распугивает прощальников и верещит: «Это нечестно! Я не могу тебе ответить! Мне нельзя швыряться снежками в мою нареченную и вообще, в Даму!»

Отправляю в ответ снежки пополам с фразочками: «За Даму отдельно огребёшь! Сидеть он в питомнике решил! Вздыхать по уголочкам! С Пухликом квасить!»

Бах! Особо меткий снежок прилетает Морковке в лоб, и Его Светлость растягивается на снегу. Машет шапкой, сдаваясь: всё, ранила-убила-перемирие.

— Меня очень трогает такая твоя забота, — поднимает палец, нажимает на лоб, куда прилетел снежок. — О-о-чень трогает, да. Но можно спросить — с чего ты так...

В горле ещё прыгают искристые пузырьки смеха, а может, детства. Машу рукой: сам как думаешь?

— Видал сегодня церемонию? Мы не знаем, когда нас возьмёт вода. И где мы будем после этого. И будем ли где-то. Так что какой смысл тратить своё время на лишнее или чужое? Найди своё. Не трать время.

Мы с Морковкой идём по лесной дороге бок о бок — ступаем не спеша, и прощальники поют нам в спины. Я отряхиваю от снега оранжево-зелёные варежки.

Рыцарь Морковка пытается отряхнуть всего себя и косится — готовит речь.

— Я решу, — выжимает наконец из себя. — Может, правда уйду в море. Или вернусь в общину к учителю Найго. Или... другое. Наверное, даже скоро. Хочешь — могу тебе пообещать, что решу.

Но думает он явно не об этом. И в голосе у него улыбка. И ухмыляется он как-то странно, когда смотрит на меня.

— Чего?

— Ничего. Рад, что нашёл тебя, — будто он не полирует мне мозги уже пару лун. — Не пропадай опять, ладно?

Из-под ног выпархивает целая стая прощальников, облопавшихся рябиной. Пожимаю плечами и сообщаю Его Светлости, что я вообще-то и не собиралась никуда.

Разве что Грызи на какую-нибудь оказию с Пухликом вызовет.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— После познакомьтесь, мантикорьи дети! Сидр куда сныкали?! Быстро тащите что есть, у нас тут Корабельный день. А сами валите хоть к Дикту с Акантой!

Эрли распорядился совсем по-старому — задорно, от души награждая помощничков лёгкими пинками, помощнички похмыкивали, уворачивались и тащили на стол съестное. Попутно подмигивая мне как дорогому гостю.

— Сурово ты с ними, — посетовал я.

— Так не из Корпуса же народ. Поверишь, нет — я уже по муштре соскучился. Там раз сказал — и поняли, а тут — пока вобьёшь...

— Так ты, похоже, не в то место вбиваешь.

— В сидяче-думательное, — Кузен наподдал под зад последнему подчинённому: здоровенный парень торчал на пороге и с разинутым ртом на меня пялился. — Ладно, сойдёт. Небогато, но уж как есть.

Эрли прибеднялся. Коридоры замка обжитыми не выглядели, а вот комнатка, где мы сидели, была обставлена с шиком и любовью к красоте. Пара даматских ковров по стенам, отменная коллекция оружия мечей, ножей, кинжалов, пол — сплошь в пушистых шкурах... Мел удар бы хватил.

Несомненный почерк кузена: всегда любил принарядиться и прикупить что-нибудь невиданное — хоть бы и пришлось потом на месяц пояс затянуть. Вот и сейчас щеголял в куртке из чёрного виверния, штаны небрежно напозадают на сапоги с искрой — из драккайны, я эти чешуйки теперь за милую различу. Посеребрённый пояс раккантской работы — как ты там говорил, Эрли? «Настоящий мужик должен выглядеть опасным хищником, тогда красотки сами в объятия валиться будут?». Спорим, и сейчас всю валяться: тебе возраст к лицу. И не скажешь, что ты на два года меня старше: выглядишь от силы на сорок, тёмно-рыжая грива и не думает сесть, разворот плеч, прищур глаз...

— Лайли, все виры Кайетты! Ты на меня смотришь, будто сейчас в храм потащишь брачеваться. Мне можно бояться уже?

— Я смотрю так на всех, кто меня кормит. Боженьки, немедленно отдай мне эту ветчину. Вот с ней бы я побрачевался...

— Будто ты сам её не утащишь... да куда ж ты так-то... во оголодал. Кузен, ты что, мимо таверны, что ли, прошёл?

— Ну-у-у, не то чтобы забыл... но заходил я туда не за питанием.

— Так ты хоть запивай, запивай, а?

Меня утаскивало в вир памяти — пьяноватый и развесёлый, а в кружке всё прибывало яблочного сидра — любимого напитка кузена, и внутри становилось тепло. Тепло и запах яблок, как дома. Вечер, лето, тебя опять спихнул к нам в деревню отец-законник, мой старик ворчит — мол, мало своих охламонов, братец-выскачка еще этого на три луны подкидывает, что ж там, в Аканторе девать некуда? А мать вздыхает и суёт нам пирожки с яблоками, а ты подмигиваешь — спокойно, кузен, разберемся — и киваешь: да что там папаша с мачехой думают, ух-х, аканторские заразы, вот приеду и ка-а-ак выскажу, от всей крайтосско-деревенской души! И старик прыскает — я даже не могу припомнить — мог ли его ещё кто-

то рассмешить. Кроме столичного племянника, искренне полагавшего, что он местный, крайтосский и деревенский, а какой-то там Акантор — пфе, понимаешь ли.

— Огненные войны... нет, что нам тогда взбрело?

— Братские войны. Ты ещё был Вейгордом Аловолосым.

— Ага, а за войско Айлора было стадо коз. И этот козёл. Он мне, кстати, знаешь ли, снится. Ребята вот спрашивают — чего я с криком вскакиваю...

— Ну-у, можно сказать, что Вейгорд тогда потерпел разрушительное поражение. Ты, помнится, хотел шугануть его Даром.

— Не я один об этом подумал, заметь.

— Ну, я же должен был тебя прикрыть. И вообще, эта тварь даже простуду не подхватила. Порождение болотных чертей... По-моему, деревенские так рады были.

— Ага. «Только у нас и только сегодня — статуя ледяного козла!»

За столом мы втроём — Эрли, я и память, память благоухает яблоками, сеном, жареным мясом, дымками — деревенскими запахами. Из вира всплывает одно за другим: на спор лазали в старый колодец, раз как-то удрали поисследовать руины замка, ночью. А лодки и плоты? Это вообще было — без счёта: ты же хотел в Велейсу Пиратскую податься, на вольные хлеба. Стоять на капитанском мостике, захватывать трофеи — шикарная жизнь!

Что я буду твоим ближайшим помощником — это разумелось само собой.

«Э-э-эй, Лайли! — босоногий парнишка болтает загорелыми ногами в воде. — А если я в этот вир старый сигану — за мной прыгнешь?»

Я расчёсываю укус на ноге, поглядываю на заросший вир с опаской: «Зачем?»

«Ну, а я за тобой сигану. Не думая. Вот».

«Можно же сразу не лезть, чтобы никто никуда не сигал».

Вир издалика ощеривается неровными зубами камышин: готов сигануть в неведомое?

Крутится тёмная вода, закручивается спиралькой сидр в кружке. Отдаёт весёлым запахом попоек в учебке, беззаботным: «Да завтра вызубрим», и всё отлично, всё по плечу...

— Мой старик? О, старик мне все мозги выжрал нравоучениями — ну, про мачеху не будем, это печальное. «Усилия, ум, дисциплина!» — папаша всю жизнь нос драл, что пробился до Аканторского корпуса своими силами. Знаешь, что он сказал, когда я уже уволился? Что он к вам в деревню меня подкидывал — чтобы я как следует испугался. Ну. Посмотрел, стало быть, кем я могу стать, если не буду вкалывать как следует.

— Признавайся, пугал мной или всё-таки моим папашей?

Что-то среднее, видимо — младший брат-неудачник, промотавший папино состояние и осевший в деревушке Крайтоса. Или его младший сынок — обалдуй с Даром Холода, чтобы не учиться — ладонь с Печатью заложит...

— Вот насчёт тебя не надо, — поднимает палец Эрли. — Старикан говорил, из всех его племянников — ты самый способный. В пример мне тебя ставил...

Я давлюсь — потому что не помню такого благоволения от дядьки Текра: вечно затянутого в законническую форму, зыркающего из-под бровей: «Остолопы!»

— Что? Ты пей давай. Когда мы бодались насчёт Корпуса... я собирался уходить после первого года... ляпнул ему это условие, насчёт тебя. А он обрадовался. Сказал, я буду под присмотром.

Кашель мешается со смехом, я хватаюсь за сердце. Эрли тоже хохочет и заботливо лупит меня по спинке кулаком. Обдавая запахом дорогой кожи и цитруса.

— Ага, ага... в общем, он прямо от души надеялся, что ты будешь за мной шпионить. И

ему докладывать каждое словечко. За его-то великое благодеяние... а ты что тогда — так и не понял?!

Да скорее уж — и не думал. Знатно обалдев от такого выверта судьбы: сперва учебка сыскарей, потом Аканторский Корпус. Потомственные законнички, снобы из Ирмелея, заучки типа Крысолова — и всё это на мою деревенскую голову.

И Эрли — уже второгодка, который словно протягивает руку тонущему с берега. Блестящий, сияющий Эрли, которому некоторые четверокурсники в рот заглядывают. Душа школярской компании.

«Лайли, слушай... ребятам надо подсобить, ты в деле?»

— Вообще, он был прав. Старик. Что, скажешь — нет? Он бы меня убил, если б ты не отвирался так усердно. Тебе он верил уж куда побольше. Чуть ли не до конца учебки считал, что на меня клеветают. Так что ты, выходит, за мной присматривал, Лайли. Так?

— Ха. Без тебя меня сожрали бы ещё на первом курсе. У многих, знаешь ли, были нехорошие вопросы — что я делаю в сыскарском с моими данными...

— Да ладно, на второй год они уже все...

— А я сейчас и не про второй год.

К концу первого я выбился в середняки по учёбе — не хуже и не лучше других, может, поэтому на меня так окрысились некоторые из «потомственных». И тут уже спасибо Эрли и компании.

— Ой, только не надо этих вот влюблённых глаз, я ж сейчас слезу пушу, — кузен рассеянно усмехается, подливая сидра. — Мы все друг за другом присматривали — нет, что ли? Весь Круг. Если бы не так — мы бы и не досидели до конца учебки, с нашими-то делами. Мне это даже на выпускном выдал наш старший по группе...

В последний год Эрли мы раскрутились так, что учиться стало малость некогда. Дела торговые (кто сказал, что в учебке нельзя разжиться спиртным или ещё чем интересным?), решение проблем за звонкие монетки (первогодки платили особенно щедро за покровительство), я подчищал хвосты и убалтывал тех наставничков, кого больше интересовало золото, чем знания. В мой последний год было уже потише, но мне это сыграло только на руку — выторговал себе приличную характеристику и пришёл на место, уже имея кое-какие связи.

— ...нет, погоди, я вспомню... как же оно... «Клянусь жизнью служить Закону и Кормчей Акантора, Стражу Камня... что-то там ещё... и магии...» Сотня вонючих шнырков — не сплевать бы. Клятый пафос, высокие словечки, из папаши так и сочился весь этот гной. Он всерьёз полагал, что это вроде как священное призвание: носиться по ночам, вынюхивать тайники контрабандистов, хватать уродов вроде Душителя, разбираться с пиратами... глядишь, лет через пятнадцать — следующий ранг дадут или медальку добавят. Можно будет продать на старости лет, когда в карманах засвищет. Ты вот понял правила игры ещё в учебке — а он до старости не осознал...

Понять было просто, даже если бы мне и не пояснили наглядно. Всё поделено и выстроено. Сыночки знатных законников отсилятся в кабинетах и пойдут в верха. Те, у кого поперёк лица клеймо «Честный служака» — будут тянуть лямку и помирать на работе. А кто сумеет ухватиться, поднакопить связей и держать по ветру нос — тем везёт. Простая игра: не отвечивать, смотреть в оба, выполнять приказы тех, кто знает расклад.

— Принципы, — сидр загорчил — прямо-таки как пиво в таверне у Злобной Берты. — Знаю одного такого... из молодых. Не думаю, что хорошо закончит.

С учетом того, что у Тербенно ещё и поведение в духе «Пришибите меня, пожалуйста, кто-нибудь» — он ещё и не продержится долго.

— Думаешь — как старина Жейлор? — усмешка у кузена — короткая и злая. — Как он суетился-то, как рыл... принципиальный. Выслуживал себе Алмазный Знак — а вот посыпался-таки, сперва он с его репутацией, потом и остальные из Тайных и Внутренних. Тот клятый год...

Вир памяти качнул, поманил темной, сырой глубиной. Сидр отдался пряным запахом бирюзовой жидкости — «Истины на ладони», померещился брезгливый взгляд старикашки Жейлора в комнате дознания.

— Хороводный год, Лайли. Почему так? Почему вся дрянь копится одиннадцать лет, а на двенадцатый вылезает? Дело в этих трёх дополнительных днях, которые на него налипают? Длинные Перекрёстки?

— Слышал от одной нойя — мол, Девятеро и их дорогие родители завершают круг покровительства над Кайеттой. Одиннадцать лет... Хоровод. А двенадцатый свободный. Вроде как, никто особо не приглядывает. Ну, и случается всякое. Да ещё эти три дополнительных дня...

Хотя если вспомнить рассказы Лу — то там же где-то шатается этот самый Десятый, Керрент-Первоварг, любимец матушки и покровитель зверушек. Может от этого каждый двенадцатый год в Кайетте считается годом хлопот и неудач?

Эрли решительно отставил бутылку. Помотал головой, отбросил со лба длинные волосы.

— Не спрашиваешь, братишка. Мог бы и разболтать меня по старой памяти. Слово за слово — чтобы я рассказал, почему не попал на Рифы...

— Просто вспомнил присказку про молодчика, который сунул нос в коробку, полную шнырков. Там, вроде, были какие-то печальные последствия. И не для шнырков.

И потом — а вдруг ты захочешь ответной любезности, Эрли, а врать тебе я не умел никогда, а мне не хочется рассказывать — почему я попал на Рифы. И не только я.

— Старик меня отмазал. Уж и не знаю — какой ценой, но вскоре после этого он ушел в отставку. Законопатил меня в дальнее имение подальше, велел не высовываться. Я просил его насчёт тебя... но он не смог, а наши контакты в верхах...

Наши контакты в верхах помалкивали: пусть себе хватают шелупонь, отмажем тех, кто имел выход на нас, кого-то притопим с концами. Что ты, Эрли, будто я в Корпусе не работал.

— Расклад всегда один, а?

— Один, братишка, ага... Когда я узнал насчёт Рифов — думал тебя вытаскивать. Поругался со стариком — он настаивал, чтобы я не высовывался. Деньги почти все ушли, чтобы уволиться без последствий, пришлось лезть в Велейсу — ха, мечты сбываются. Ввязался в серьёзные дела, опять пришлось отсиживаться. Там, куда не слишком-то хорошо новости доходят. Сперва и внимания не обратил — ну да, беглец с Рифов, потом уже имя назвали. Кстати, а как ты...

— Копили объедки, приманили на них гигантский косяк трески... — начал я, потом вспомнил — с кем говорю, но было поздно: Эрли уже хохотал, красиво встряхивая волосами. И уверял, что за это надо выпить, особенно — за то, чтобы потом услышать всё в подробностях.

— Ты как вообще додумался до такого финта, в суде? Обратить эти их буквы закона против них?

— Ну-у-у-у, я же всегда был образцовым законником...

Сидр пошёл у моего кузена носом. Продолжить он смог далеко не сразу:

— А потом куда рванул? Приношусь в Акантор через три вира, чтобы не засекали.

Подметки стираю... и ты уже смылся непонятно куда. Пытаюсь найти — шиш без масла. Кидаюсь в нашу деревню, получаю от твоего старшего братана в нос...

— Мергельд у нас всегда был характером в батюшку...

— ...узнаю, что ты и у родни не светился...

— Потому что Мергельд-то характером в батюшку!

— Я по старым знакомствам... и ни шнырка! Лайли, ты что, к своим и не навевывался?

Ты хоть знаешь, что твои...

— В курсе.

Мать — два года назад, тоже был Хороводный год, вот они с папашей и опрокинулись в лодке — с ярмарки, что ли, плыли. Папаша ещё год покашлял, немилосердно гоня невесток и отказываясь принимать зелья из чистого упрямства. Братья, вроде, здравствуют, хотя кто там знает.

Эрли вглядывался пристально — будто искал за потрёпанной шкуркой кого-то. То ли мальчишку из деревни, то ли парня из учебки. Может, не особо-то честного законника, кто там знает. Сейчас поинтересуется — где меня носило. Да так, Эрли, много где, и всё под чужими именами, это всё длинная история, которая включает одну визгучую, голохвостую тварь. Та всё повторяла, что мне нельзя останавливаться, потому что кто там знает — вдруг Жейлор проболтался кому-то, а в восемьдесят четвертом ведь взяли не всех...

— А... наши? Знаешь что-нибудь о них?

Эрли потянулся за обжигающим сливовым соусом, кивнул понуро: узнавал. Большинство с концами: бывшие законники на Рифах...

— Навидался.

Сколько способов выжить на Рифах у законника? В перевальной тюрячке утверждали, что три: сбиться в компанию и держать оборону; сбежать на скалы и примкнуть к обществу «крабов»; пойти в прислугу к стражникам — может, срок скостят... А я вот выбрал четвёртый: стать своим. Везёт, что нам присваивали номера — и оставалось только молиться, что тебя не узнают в лицо те, кого ты сам на Рифы и отправил. Везёт незаметным, да, Гроски?

— Строуби вон и года не протянул, помнишь Строуби, братишка? На Северных Рифах все смертники, на Восточных четверо живы, но у них ещё сроки не кончились...

Слышу, слышу кивал я и досадовал на то, что в кружке сидр, а не коктейль, который я не так давно сварганил для одной пьющей свиночки. На месте юного Строуби (два года из учебки, перспективный был паренёк, с выдумкой) мог быть я. Просто его прирезали в бараче ночью. А тот, кто узнал меня, позлорадствовать решил.

«Я тебя узнал, — придушенный сип, дух рыбы и немытого тела. — Узнал... видал у контрабандистов. Ты из ищеек. Из Корпуса.»

Мир был окрашен алым: закатное небо, и бескрайнее водное поле терпенеи, и немного — морская вода, которая доходила нам до середины бедра. И этот — безымянный и тощий с оловянными глазками безумными глазками — тоже казался слишком уж красным, он сделал взмах — короткий, резкий выпад остро заточенной ракушкой, я вывернул ему кисть, опутал руку с заточкой колючими путами терпенеи — и толкнул вниз, в воду, бережно придавив корзинкой — чтобы не барахтался...

Уже после Рифов он пару раз гостил в моих снах — мой первый. Обмотанный алыми водорослями, с выпученными глазами и безумным прозрением на лице».

«Сколько на твоей совести Лайл? — шелестит память голосом напарничка. — Пять? Больше?». А Эрли вскакивает и суетится: что, Лайли? Память? Быстро пей, всё, не будем с Рифах, в вир их совсем. Я тебе про остальных наших потом расскажу — кто вернулся, кто детишек настрогал... может, ещё к кому наведаемся.

По делам.

— По делам?

— И по делам тоже. Слышал про чистку рядов после восемьдесят четвёртого? Старый маразматик Холл Аржетт испугался за свою шкуру и наворотил такого...

Сомневаюсь насчёт «испугался». Глава Аканторского Корпуса Закона, может, и начал скатываться к маразму, но до конца оставался эталонным Мечником: кристально-принципиальным, честно-суровым, бескомпромиссно-недальновидным. Думаю, у Крысолова Тербенно на стене висит портрет старины Хола Аржетта. В минималистичной серой рамочке.

— Так вот, наших покровителей это тоже затронуло. Кто-то усидел, но затихарился кто-то ушёл на понижение, а кто решил тихо уйти и работать без присмотра нюхачей вроде Жейлора. А поскольку своих они помнят...

И лукавый наклон головы, и намёк на подмигивание: ты ж догадливый, братишка. Эрли всегда любил эффекты. И поиграть в «давай, угадай» — тоже.

— Так ты связей-то не терял?

— Ты ж сам говорил: связи — это наше всё, ну так вот, я тебя очень внимательно слушал. Думаешь, почему я так много о наших знаю? Предпочитаю работать с проверенными людьми. Меньше риска. Хотя бывают проколы. В этой местности мы встряли, конечно — но тут Девятеро услышали мои молитвы, и ты свалился точнёхонько мне на голову, вовремя как всегда...

Воображение ни к селу ни к городу явило мне Арделл, со скептическим видом влезавшую на пьедестал. В девяти экземплярах.

— ...так что, раз уж ты с нами — успех предприятию обеспечен, а?

Камин потрескивал и изо всех сил лучился. Эрли тоже лучился — прежней улыбкой, обворожительной, со щербинкой.

Я всё ещё полоскался в вире, где было слишком много всего: деревня с яблочными пирогами, учебка с похождениями, Рифы...

— Какому... предприятию?

Кузен поморгал за компанию. С опаской подтянул к себе мою кружку — проверил: точно сидр? Вперился в меня почти что с испугом.

— Лайли, братишка... а ты что — не помнишь, кем пришёл сюда наниматься?!

* * *

Я смотрел на дверь.

Дверь взирала в ответ, в общем, довольно благодушно. Она напоминала старомодную матрону в пышных металлических оборочках и завитушках. Немаленького роста и изрядную в обхвате.

Матрона-дверь зачем-то схоронилась в подвалах замка Шеу.

Сюрприз нам с дверью слегка портили помощнички кузена. Им что-то срочно от него понадобилось, когда мы были уже в подземельях — так что теперь худой и подозрительный молодчик отчитывался в коридоре шепотом. Доносилось громкое «цык, цык, цык» и похмыкивания Эрли: «Да неужто...»

Ещё с полдюжины торчали у меня за плечами, нежно ощупывали взорами, дышали в ухо и, подозреваю, хотели ангажировать меня на ужин. Из-за плеч донесся вопрос: «А вы правда сбежали с Рифов?» — с неприличным прямо придыханием.

— А то как же, — рассеянно отозвался я. — Притворились мы утопленничками во время работ, схоронились среди зарослей терпенеи — дышали, ясное дело, через соломинки. А как ночь наступила — рванули к пристани...

Дверь поглядывала на меня — зелёными глазками запирающего артефакта в вычурной ковке. Я болтал и болтал, голова была на диво лёгкой, и от странного ощущения покалывало кончики пальцев: будто подхватило и уносит вдаль. Блаженное, забытое ощущение: всё уже решено, отдайся течению, теперь всё будет как нужно...

— Готов? — спросил Эрли, который закончил разборки в коридоре. Выпроводил из комнаты лишних, привычно наподдал коленом последнему.

«Не подглядывай, Лайли, сюрприз...» Губы невольно поползли в улыбку.

Кузен повернул артефакт, рванул дверь на себя — улыбка пропала, в лицо остро дохнуло прошлым. Земляным и серным духом с приправой из пламени.

— ...понимаешь, Лайли? Они запечатали не все проходы! Сейчас из Велейсы перекрыты морские пути, в Ярмарочный город не добраться. А я таки нашёл ход, о котором никто не знает. Так и думал, что он тут будет. Триграничье, Братские Войны... Замок военной крепостью. Здесь должен быть выход, но не просто куда-то подальше. К ним!

Рукотворный тоннель, укреплённый камнем, шёл шагов на двадцать вперёд — а дальше начинались они. Оплавленные, ровные стены, своды смыкаются над головой, десять шагов — и первая развилка, пальцы привычно потянулись, нащупали едва заметную стрелку, черточки рядом, птичку...

— По этому мы прошлись, — махнул Эрли на левый тоннель, — он ведёт за пределы замка, путь отступления. Выход в лесу, в овраге — отменная маскировка. А вот правый...

— Четыре ветви, — шепнул я. Пальцы не отрывались от стены, поглаживали и ощупывали её, и я взглянул удивлённо — вы чего? Не забыли? Через столько-то лет...

Эрли улыбался в полутьме — как тот, кто нашёл пещеру с сокровищем.

— Потом идут другие ответвления. Понимаешь, Лайли? Какие дела тут можно делать! Если, конечно, у тебя есть проводник.

Проводник с Даром Холода или Огня, да... И чуйкой, в точности по заветам старого Нирва.

— Мы пытались сами. Не без головы лезли — с артефактами, осторожно. Прощупали мили на две каждый. Потом потеряли двоих.

— Как?

Тоннели сказали сами. Слабый серный запах — и далёкое дыхание тепла, которое ощутила Печать. И внутренняя чуйка, которая так удачно засела внутри в правильном, хвостато-клыкастом виде.

«Они ещё там, — шептали тоннели. — Может, их стало меньше, но они не ушли».

— Хозяева. Сюда они подходят, а там уже встречаются.

Эрли махнул рукой: пошли назад, успеешь набродиться.

— Чёртовы твари, нет чтобы передохнуть за годы. Кинулась из бокового ответвления, без звука. Одного сразу, ребята ударили магией... ломанула в ответ так, что чуть тоннель не осыпался. Ещё одного насмерть, целым из отряда вообще никто не ушёл. Значит, у них там и логова есть.

Выжженные, оплавленные стены впитывали голос, он падал и не взлетал — эхо зазвучало только когда мы вышли в каменный тоннель.

— В общем, мы быстро поняли, что не справимся, прочесали Трестейю — ни шнырка... Поставщик ещё спихнул партию товара — хоть на стену лезь, а переведи. Я уже готов был сам туда нырять с караваном — авось, и пронесёт.

Эрлин безошибочно увернулся от моего холодового подзатыльника. Хмыкнул.

— Тебя я все годы искал... Обратился даже к своим знакомым в Гильдии Чистых Рук. Был один мой поставщик оттуда — Джерк, так вот, он уверял, что знает кого-то похожего на тебя — «делец», сидел на Рифах... Обещался тебя найти — и с концами, ни выхода на связь, ни...

— Джерк... погоди... Джерк Лапочка?!

Эрли остановился у самой двери. Поднял светильник повыше — полюбоваться моей физиономией.

— Он самый. Знаешь, смешной говорок и здоровая орясина — дружок с арбалетом. Вот же труселя Мечника — не вспомню его имя. Баки, Бетси, Боунси...

— Берти, — подсказал я, вконец ошалев.

— Правда знакомые, что ли?

— Что-то вроде этого.

В последний раз мы с Лапочкой и его дружком виделись в болотах в Вольной Тильвии. Где они исполнили неподражаемую роль — сначала идиотов, которые пытаются повязать Нэйша из засады с арбалетом (связав ему руки спереди, что б им по десять шнырков в тыл каждому!), а потом — приманки для кровожадной гидры.

— А я-то уж думал, Джерк попросту болтал. Не знаешь куда они делись с дружком? Мои контакты в Гильдии выдали что-то невнятное — мол, оба рехнулись вчистую.

Я соорудил на физиономии конструкцию из недоумения и удивления. Не объяснять же кузену, что у Джерка и Берти состоялась приятная встреча с замечательными цветочками — беспмятниками. За которую нужно в основном благодарить меня.

А ведь если припомнить тот выезд как следует — Лапочка же упоминал тогда, что меня ищут. Ещё и разговорчик мне пообещал.

Только разговорчик припозднился на три месяца.

— Погоди-ка... — Эрлин добрёл до стола в углу и пристроил светильник-мантикорку в компанию дюжины таких же. — Так ты что, правда в Гильдии? Да как тебя туда-то угораздило?

— Если вкратце — лет пять назад один «сводник» из гильдейских сделал мне предложение, и я не смог отказаться.

Может, я просто устал бежать и отыскивать себе новые убежища. Тогда это казалось простым: ты снова часть единого целого, выполняешь приказы, а если вдруг случайно кого отправишь в Водную Бездонь — рука руку моет, всё схвачено, неотразимый девиз.

А может, Старый Лис Флористан просто напомнил мне кое-кого давнего — искорками в глазах и заразительным смехом: «Да ладно тебе, ты создан для Гильдии, ты чего?»

— Вот уж кем-кем тебя представлял... Думал даже: небось, ты сменил имя, купил доходный дом где-нибудь в Тильвии, детей штук восемь нарожал.

Кузен весело тряхнул головой, уселся на стул, привычно развернув его — так, чтобы опираться подбородком на спинку.

— Рехнуться можно... И кто ты? Нет, дай угадаю — «делец», да? А ранг? Лайли, чег молчишь, я сейчас лопну от любопытства! Дай-ка глянуть бляху, а?

Рука дёрнулась к внутреннему тайному карману в куртке. Остановилась.

— Не могу, Эрли. Тут дело такое — я сейчас на контракте. Контракт с залогом — это когда...

— Я знаю, что это.

Эрли выдернул из кармана огненный артефакт — усыпанный мелкими рубинами медальон. Принялся им нервно играть — и в глазах мельтешили огненные искры.

— Длань Целительницы, во что влип, Лайли? Что-то серьёзное?!

Сейчас бы пожаловаться братцу на хулиганов из злобной, ужасной Гильдии, которые навязали такое вот бедному мне. А он их пойдёт и отлупит. Непременно же отлупит.

— Ты не поверишь, но... в общем, я теперь обретаюсь в королевском питомнике. Со зверушками, ага. И ещё... кой-какими занимательными личностями из ковчежников.

— Этих ковчежников случаем не возглавляет какая-то Гриз Арделл?

Степень моего изумления можно было приблизительно обозначить в «восемь внезапных пьяных яприлей из десяти».

Эрли полюбовался моим лицом. Откинул волосы и выдал тоном, каким сообщают о сюрпризе на день рождения:

— Эта самая Арделл сидит сейчас наверху. Под присмотром моих ребят.

Степень изумления взлетела до десяти яприлей.

— Парни забрали её во дворе, возле клеток. Раз уж она вроде как твоё начальство — может, ты обозначишь, что ей было нужно, а?

Что это Гриз дёрнуло сорваться в канун Корабельного дня, когда в питомнике столько дел? Был вызов по сквознику, а я не отозвался, да. Но это же не повод, чтобы так вот нестись в замок Шеу.

Невовремя-то как.

— Ты сейчас мне предложил ответить за варга, который каждый день в мозгах у бестий полоскается. Как ты там сказал? Страбастали у клеток. Припоминаю — ей было интересно, что у тебя тут с животинками творят. А у тебя во дворе занимательная такая коллекция. Один мой знакомый всецело одобрил бы.

Эрли задумчиво барабанил пальцами по столешнице. Что-то весёлое, плясовое.

— Там у меня списанные бойцовые, сторожевых малость, цирковые... Позлее, подешевле. Выпускаем на патрулирование, чтобы не сунулись местные или кочевники.

— Я-то уж думал, ты такими зверушками и торгуешь.

Эрлин усмехнулся ускользящей кузенской улыбкой — мол, почти угадал, но это потом, дополнительный сюрприз...

— Хм. И как только эта ваша варгиня через стенку перелезла. А делать мне с ней что?

Я хрустнул пальцами и изобразил на физиономии: «Лайл Гроски, решение ваших проблем».

— За это не волнуйся: я её как-нибудь уж да уболтаю. Объясню насчёт зверей... может, она у вас кого купить решит — и только. Ей дела нет до контрабанды или Кошачьих Ходов, у

неё самой-то с законом не то чтобы тёплые отношения.

Особенно с одним его представителем — неким Крысоловом.

— ...так что мы с ней потихоньку вернёмся в питомник, к распрекрасным зверюшкам.

А как только я рассчитаюсь с Гильдией — сразу к вам, ясное дело.

Даже как-то и заманчиво: сдать бляху совсем. Милка вон говорила — «Уходил бы ты» — почему б не уйти? Заняться привычным делом, искупить проклятый восемьдесят четвертый, наконец за Эрли присмотреть — я ж его знаю, увлекается и перегибает, словом, у меня тут отличный подарочек на Корабельный день в виде наконец-то ясного пути...

Где же твоя радость, Гроски, — тихонько осведомился внутренний голосок.

— И когда это примерно будет?

— Что?

— Когда ты собираешься с этим развязаться? С питомником и Гильдией? — кузен фыркнул, тряхнул темно-рыжей гривой. — Сколько ты уже на этом задании?

— Да как-то... — посчитал мысленно, обомлел, подумал: быстро соврать! — С Луны Стрелка.

Нужно всё-таки язык изредка узлом завязывать.

— Ты там полгода?! Да что ж у тебя там за заказ такой?

Будто я об этом не думал. Планировал даже пойти в «Честную вдовушку» да поинтересоваться: эй, не забыли? Или вызвать кого из связных Гильдии по сквознику. А потом как-то завертелось: питомник-выезды-кинжал в пузико, и я махнул рукой и подумал: да какого чёрта. Не стану я хватать таясту за хвост, пусть идёт как идёт.

Эрлин внимал моим объяснениям с обескураженным и слегка огорчённым видом. Тут я его понимал: нашёл потерянного кузена — а он тащит за собой ворох проблем, отыскивал надёжного проводника — снова провал...

— Ты не знаешь, когда с тобой свяжутся, — наконец выговорил он. Рассыпал мелкую дробь по столу пальцами. — Может, что и вообще никогда не свяжутся.

— Ну, это вряд ли уж чтобы так...

— А может, про тебя просто забыли. Но в любом случае ты собираешься сидеть в клятом питомнике до смены Кормчей или чуть подольше, я верно понял? Лайли, слушай, у меня же тут пожар. В Дамате какой-то идиот вздумал поссориться с шишками из Велейсы. Морские пути наполовину перекрыты, а на каналах, которые остались — такие суммы нужно отваливать, что... — он провел ребром ладонью по горлу. — Все сроки проходят, поставщики давят, скупщики требуют...

Дверь от каменной стенки усмехалась ласково и призывно — сюда, сюда, Лайл Гроски, ты тут кое-кому очень нужен, тут без тебя — вот просто никак, тебя-то и ждали...

— Понимаешь, братишка? Наверху сидят не те люди, которых можно вводить в убытки. Нужно вести караван как можно быстрее.

— Быстро не получится: разведка ходов...

— Да понимаю я!

Кузен досадливо отбросил прядь со лба.

— Хоть бы девятницы в две вложиться. Иначе товар сдохнет, припасы на исходе.

Внутри тоненько зазвенел колокольчик. Наверное, замена крысе — та так и не явилась, её время ещё не пришло, оно ждало там, за дверью, в тоннелях...

Джерк Лапочка упоминал, да. Когда они повязали Нэйша — они же не убить его собирались. Он упоминал...

— Во что ты влез, Эрли?

Получилось слишком тихо, да и Эрли как раз поднялся и принялся шагать по залу: высокий, чуть-чуть только погрузневший. Чёрная куртка, тёмно-зелёные чешуйчатые сапоги.

— С другой стороны — контракт с залогом. Это серьезно, Лайли, очень серьезно, а вешать нам на хвост Гильдию — тоже не дело. А чем бы делу помочь? Как ты говорил — сорвать одно задание, именно вот это, на которое укажут, так? А методы? Так, слегка или как угодно, лишь бы чисто?

Помнится, в наставлениях Стольфси было что-то насчёт: «Можешь развалить хоть весь питомник» — но это точно не то, что нужно озвучивать вот прямо сейчас. Хотя Эрли ещё не разучился читать у меня по физиономии.

— Тогда в чём вопросы, Лайли? Для тебя же будет лучше, если эта варгиня отсюда не выйдет. Ты сам руки пачкать не любишь, я помню, но я скажу ребятам — они сделают. А дальше — по старой схеме, а?

По старой схеме: замести следы, построить правдоподобную байку, чтобы и концов не нашли, прикрыть хвосты — старое ремесло, памятное по Корпусу и Гильдии...

— Пожалуйста, скажи мне сейчас, что ты пошутил.

Эрли слегка пожал плечами и выразил движением брови, что нет, он серьёзен, он очень серьёзен, потому что — какие проблемы вообще?

— Думаешь, там кто-то встанет на её место, и тот самый заказ они всё равно возьмут?

— Нет, но...

— Ого, Лайли — у тебя что, что-то есть с этой варгиней?

— Нет. Вернее... Чёрт, Эрли, это — в любом случае не выход, и для нас с тобой уж — прежде всего, потому что вслед за ней сюда явятся её сотрудницы, и как бы это поточнее выразиться — по местной речке вместо кораблей поплывут кусочки от нас, а кусочки от всех твоих ребят поплывут следом.

Эрлин почесал шрам на брови и уважительно крикнул.

— Проблемка, н-да-а-а. Сколько их?

— Чего сколько?

— Ужасных сотрудников Арделл. Которые разнесут это место в случае чего.

— Я не... Эрли, сюда их явится пятеро — но уж поверь ты мне, они будут брать качеством, а не количеством.

Кузен взирал на мою горячность, малость оторопев. И делал искренние попытки не расхохотаться.

— Пятеро? — повторил наконец и для точности показал растопыренную пятерню. — Лайли, на тебя что — так Рифы подействовали... Ты серьезно считаешь, что здесь решают пятеро ковчежников? Притом, что у меня — тридцать парней, местность за нами...

Я открыл было рот, чтобы снова спорить, но тут Эрлин добавил небрежно:

— И главное — с нами ведь ты. Что? Ты ж наверняка знаешь — какие у них слабости, кто самый опасный, кого как отвлечь ну и так далее. Дашь расклад как в старые времена — а мы подтянемся, не волнуемся. Всё будет чисто.

Чисто будет... Мел сверхчувствительна, у неё из оружия атархэ да отравленные трубки, Янист вообще почти без магии, как и Хаата... Дар Нэйша явно поддаётся истощению, да и зачем истощать — просто заманить, запереть, а Аманда...

Вир болотный, о чём думаю вообще?!

— Слушай, Эрли. Правда в том, что я не хочу их убивать. А Арделл — меньше всех. Она,

знаешь ли, хороший человек. Так что это не выход. Изначально — не выход.

Кузен шумно выдохнул. Взъерошил шевелюру.

— Ладно. Понял. Но и ты меня пойми: мне до зарезу нужен этот ход. Вот что... Сможешь уболтать эту Арделл — давай. Отправь её хоть в питомник, хоть куда угодно — лишь бы здесь больше не появлялась. Пусть уходит, но без тебя, Лайли, ты мне слишком нужен, у меня тут уже не просто дело на кону, понимаешь? Давай... хотя бы попробуй разведать ходы. Хотя бы девятницу побудь тут с нами. Мне бы хоть направление знать — вдруг там всё обвалилось, или клятые кошки всё перегородили, или я ошибся, а они вообще ведут не туда. Обучишь хоть немного моих ребят — и можешь опять в питомник. А если тебя вызовут из Гильдии до этого — все мои парни в твоём распоряжении. Сорвём какое угодно задание — ну?

Когда Эрли просил — глаза у него становились бездонными. В глубине шальной зелени появлялись золотистые искорки, к которым вас будто мотылька тянуло. Со мной было ещё проще — всегда плоховато умел ему отказывать.

Забытая шкурка поднялась, прильнула, обволокла. Здравствуй, старый-добрый Лайл Гроски, немножко законник, немножко — обстрипыватель делишек, чуть-чуть — проводник по Кошачьимходам. Эх ты раздобрел за годы-то — тесновато...

— Ну, и хвала всему Хороводу, — выдохнул Эрли. — Пошли, увидимся с твоей варгиной. Уже знаешь, что ты ей наплетёшь?

Мы шли по подвальному коридору — и позади оставалась дверь, и серное дыхание опалённых тоннелей. Рука Эрли лежала на моём плече, и всё было по-прежнему, а значит — просто отлично.

— Ты ж меня знаешь: я страшен своей импровизацией. Соображу что-нибудь в своём духе — если, конечно, ты не станешь неуместно ржать у меня над ухом. Вообще-то, лучше бы уж совсем наедине...

— А если ты ей что-нибудь не так скажешь, и она решит тебя пришибить — мне это как потом пережить? Нет уж, я уж лучше на всякий случай подежурю с ребятами...

— Но ты хоть в беседу-то не лезь, а то я тебя знаю: увидишь симпатичную женщину, перебежишь мне дорогу, начнёшь завлекать — мне потом что делать?

— О, ещё и симпатичная? Так я тебя туда вообще не пущу — может, у меня ещё и шанс есть...

— Ну-у-у, я бы так сказал — там уже... хватает претендентов. Да.

Мы перебрасывались шуточками, перекидывались жестами и взглядами. И вир прошлого отступил. Прошлым стал я сам. Четырнадцать лет развеялись где-то — по пути между лестницами и коридорами, и всё было просто и закономерно: договориться, разведать, обучить, и Гильдия и её задание перестало казаться чем-то давящим и тяжелым, даже восемьдесят четвёртый отступил, и Рифы уплыли в глубину.

Разговор с Гриз Арделл и вовсе казался пустяком — мне всегда удавались разговоры...

Поднялись на второй этаж, и Эрли кивком указал на дверь.

— Ладно, братишка, я тебя прикрою. Главное — донеси до неё, что это в её интересах. Не стоять у нас на пути.

Колокольчик внутри вкрадчиво звякнул во второй раз.

Я предпочёл не слышать звона.

ГРИЗ АРДЕЛЛ

— Боженьки, ну и дыра. Серьёзно, не могли местечко получше выбрать?! Ребятунки — а ну отвалите, нам тут надо бы побеседовать в приятных условиях, а это никак невозможно в силу ваших удивительно неинтеллектуальных рож.

Гриз пожимает плечами: ей кажется, что это всё подходит для беседы. Пыльная комната с витражным окном, полная зелёных бликов, смотрится даже уютно: в ней есть столик, и два светильника, и пара кресел. И два дюжих молодца-охранника, Дар Огня и Дар Ветра, оба приросли к стульям и бубнят, что их тут, считай, и нет...

— Да это просто мебель, не извольте волноваться, — усмехается тот, что у Лайла за плечами. Главный — прописано в усмешке, в прищуре, в небрежном, едва заметном жесте, который посылает охране. Пожалуй, это хорошо. Так даже доходчивее.

— Гриз, неловко-то как, черти водные... понимаю, что не откликнулся на вызов, но... ты из-за этого сорвалась так, что ли? Или в питомнике что стряслось?

Гриз молчит — стоя у витражного окна, в котором сотня зелёных оттенков спеклась и сплавилась в один бесконечный затягивающий круговорот.

Лайл Гроски слишком торопится. Проявить заботу. Показать, что она тут в безопасности. И что он здесь в безопасности. И оттого в каждой ноте его голоса ясно слышится тревога... и вина.

Сквор был прав, Лайл не уйдёт отсюда добровольно. Власть этого, у двери, велика... *«Так уж получилось, я тут старых знакомых встретил...»* Ты не называешь его имени, Лайл... это старый друг? Кто-то из того прошлого, о котором ты не любишь вспоминать, кто-то из бывших законников?

— ... так вот, знакомые парни, никаких проблем. На самом-то деле — сплошное решение проблем. Со зверями всё просто: договоримся, кого-то подлечим, кого-то в питомник перевезём. И можно считать, что местные обитатели дают мне персональный контракт на небольшую работёнку. Если бы ты согласилась обсудить... Эй, Гриз? Гриз? С тобой как — всё в норме?

Старинный витраж — безумие неизвестного творца — окрашивает лицо Лайла в травянистый цвет. Накладывает маску страха.

— Нет, Лайл. С тобой мы ничего обсуждать не будем. Говорить я буду с тем, кто здесь заправляет. Спасибо за попытки выдворить меня из замка — очень мило, что ты обо мне заботишься. Но у меня тут дела, и я так просто не уйду.

«Уходи! Прощу, уходи!» — вопят глаза Лайла, но Гриз уже смотрит в другие глаза: ярко-зелёные, чуть прищуренные, насмешливые. Такие бывают у людоедов, которые точно знают — как заманить добычу в логово.

Такие бывают у авантюристов и игроков.

Человек у двери делает пару шагов вперёд, теперь стоит рядом с Лайлом, положив ему руку на плечо.

— А у вас весело там, в питомнике, а? Никогда не думал, что познакомлюсь с варгом, да ещё с таким симпатичным. Гриз Арделл, да? Можете звать меня Эрлином, а можете — Эрли, это для друзей.

— Вы — Эрлин Троади?

Лайл мимоходом обмолвился про «кузена Эрли», а про Эрлина Троади она слышала от Тербенно, когда спрашивала законника о семье Лайла Гроски.

И это плохо.

— Вообще-то, папаша у меня — урождённый Гроски. Да вот, нашёл мамашу из аристократического семейства, так что... вошёл в род, так сказать! Каково? Это я так, пояснить хоть что-то, а то смотрите вы на меня так, будто всё обо мне знаете... Кузен, что ли, делился воспоминаниями?

— Лайл о вас не говорил. Но вышло так, что знаю я о вас немало. Знаю, что вы были в рядах законников, которые промышляли тёмными делишками. Знаю, что втянули в эти дела брата. Знаю, что вышли сухим из воды благодаря отцу.

Тербенно бросался только подозрениями, но... посмотреть на Лайла и его кузена — сразу ясно становится, кто ведущий. Лайл вон в глаза не смотрит, выглядит как мальчишка, о котором вот-вот закричат: «Ябеда, ябеда!» В росте будто меньше стал — затерялся в тени Эрлина, сделался безмолвным подголоском...

А Эрлин смеётся — отбрасывая не только гриву волос, но и лет тридцать, потому что у него жестокий прищур подростка и подростковая, абсолютная уверенность в своей власти.

— Сеть Глубинницы, приплыли. Лайли, я тебя, невинного, оказывается, втянул. И каково тебе на месте королевишны в хрустальной башне? Может, ещё чего интересного про меня расскажете, госпожа Арделл?

Например, что вы не собираетесь отсюда выпускать. Меня — потому что я свидетель, просто вам неизвестно, сколько я знаю. И Лайла... почему?

— Ещё вам что-то нужно от вашего кузена. Настолько, что вы даже не убили меня втихомолку, а дали ему попытку меня уболтать. И это первое моё дело здесь. Насколько вам нужен Лайл?

Подросток в теле взрослого мужчины приобнимает Лайла Гроски за плечи.

— Если я скажу — позарез, это будет нехилым таким преуменьшением. Понимаю, он вам в питомнике тоже необходим, раз уж вы так за ним примчались... Но вот в чём проблема: в моём деле мне без моего кузена вот совсем некуда. Подробностей, понятно, рассказать не могу — извините...

Они похожи, думает Гриз, рассматривая братьев. Несмотря на разный рост, возраст, фигуры. Что-то неуловимое в глазах, в посадке головы, в жестах и манерах речи... Родственное? Или это Лайл так старался во всём подражать кузену?

Торговаться Эрлин точно умеет. Благожелательно поглядывая на брата, обрисовывает: всё просто. Это на пару девятниц... может, на пару лун. Можно даже заключить официальный контракт. Лайл Гроски остаётся в замке Шеу, «Ковчежец» получает вознаграждение... Если вдруг срочный вызов — конечно, ковчезник Гроски возвращается к обязанностям. Всё честно.

Каждую фразу Эрлин заканчивает обращением к кузену: «Верно, братишка?» «Так ведь, Лайли?» «Правда, да?»

Лайл Гроски кивает, словно замороженный.

Лайл так легко превращается, думает Гриз (которая и сама иногда превращается — в ветер, кнут, трепещущую бабочку, крепость). Так легко переходит из одного — в другое, я же видела... видела ещё в зверинце Гэтланда. Как он принял чужую форму — словно свою. И теперь вот он невольно перекинулся в того, кого хочет видеть Эрли — Лайла Гроски

четырёхнадцатилетней давности, до Рифов...

— ...и, честное слово, Лайлу тут ничего не грозит, чем хотите поклянусь, госпожа Арделл. А если вы не верите мне — может, спросите у Лайла?

— Нет. Его я спрашивать не буду.

С этим Лайлом Гроски мы незнакомы. Я пришла сюда за другим.

Хорошо, конечно, что Лайл так нужен этому Эрлину... тот, кажется, даже заботится о кузене. Хорошо — потому что Лайл ведь сейчас словно на поводке у своего прошлого, он уверен, что обязан остаться, а значит — он останется в замке, когда... будет то, что будет.

— Я рада, что вам дорог ваш брат, Эрлин. Может, вы хотя бы в этом не утратили человеческого облика, — мгновенная рябь на приветливом лице местного вожака — и на секунду Гриз видит за улыбкой его — настоящего. — Так вот, это моё первое дело, слушайте внимательно. В ваших интересах, чтобы с Лайлом ничего не случилось. Потому что если мой сотрудник пострадает — слышите, как угодно пострадает... для вас всё обернётся очень, очень плохо.

«Не умеешь ты играть в карты, золотенькая, — цокает Аманда языком каждый раз, уговаривает Гриз скоротать за игрой вечеров. — Ну, кто же сразу выкидывает всё, что у тебя есть?»

С Эрлином Троади Аманде понравилось бы играть. Потому что, мысленно уже сотню раз подписав Гриз смертный приговор, — он добродушно смеётся. Кроит слегка обиженную мину: «Ну, за что же так-то, я же теперь и ночью не засну».

— Я же уже сказал: Лайла пальцем никто не тронет. Ну так как? Мы договорились, а? Вам — контракт, деньги... зверей вот сторожевых, если хотите. Плюс вы, само собой, не распространяетесь о том, что у нас с Лайлом и моими ребятами маленькие дела в этой местности. Не то чтобы это было так уж и незаконно, но все эти взятки, поборы, крючкотворства... не поверите, торговлю невозможно вести. Извиняюсь, конечно, что я так туманно — вы же понимаете, каждый имеет право на свои секреты.

Эрлину Троуди зелёные блики к лицу. Подходят к куртке из виверния, к амулету с изумрудом на шее. Делают лицо чем-то чешуйчатым, хищным.

Каким и должно быть лицо того, кто манит ложной надеждой, выкидывает краплёные карты, одну за другой: «Как тебе такой блеф, деточка? Скушаешь? А хочешь — тоже сблефуй, притворно согласись на контракт — давай же, попробуй меня провести! Ну же, стань любезной, попытайся уйти отсюда живой и вызвать законников... а мои ребята постараются, чтобы до вира ты не дошла, а Лайл не узнал о твоей участи».

Гриз Арделл не любит крапа. И не умеет блефовать.

— Да. То, чем вы занимаетесь. Понимаете, это моё второе дело.

Она успела опросить животных в клетках. Их там много, несчастных, забитых калек, злых и тоскующих, и они наперебой хотели пожаловаться варгу на этих — живущих в каменном логове.

Показать то, что видели сами.

— Мне не нравится, когда живых существ лишают свободы. Поэтому — только потому, что вы дороги Лайлу — я дам вам сутки. Убраться из окрестностей Трестейи — а лучше и из Вейгорда тоже, и если вы этого не выполните — я узнаю.

Она говорит быстро и ровно, потому что нет смысла тянуть дальше: она увидела и услышала всё, что хотела, сделала тоже почти всё что нужно, осталось одно...

— Товар вам придётся оставить, животных во дворе тоже. Насчёт Лайла уже всё

сказано, но он же вам не нужен при таком раскладе? Так что лучше будет, если вы позволите нам просто вернуться в питомник.

Хорошо, что её повели наверх. В подвалах было бы сложнее. Здесь можно представить, что ты — в чаще, среди густых зарослей... Встретила вот на ровной дорожке разбойников: двое простых парней руки растопырили, не знают, что делать. Один оцепенел — эй, проснись, Лайл, нам ещё уходить отсюда придётся! И главный — который забывает, что рядом с ним стоит его кузен, и подаётся вперёд, будто готовясь к прыжку, и голос у него начинает оковываться в металл:

— Даже и так? Я и не знал, что варги такие занятные. Стало быть, сутки на то, чтобы убраться — и это лучший вариант. Я верно понимаю? Да, Лайли? Любезная барышня, а не просветите ли вы нас, как в вашей прекрасной головке выглядит тот вариант, что похуже? Чтобы, так сказать, совсем уж проникнуться серьёзностью ситуации.

Это хорошо, так и надо продолжать. Можно ещё выиграть чуть-чуть времени. И, может быть, увидеться со знакомым.

Проснись, Лайл Гроски.

— При плохом варианте вы не получите от меня даже часа. Я повяжу вашу шайку и сдам службе Закона, будете сопротивляться — получите кучу травм разной степени тяжести, а подземные ходы вам вряд ли помогут.

Лайл выглядит забавно с приоткрытым ртом. Он, кажется, даже искренне верил, что сможет договориться. Может быть, Лайл-из-прошлого даже полагает, что она немного сошла с ума: пришла в разбойничье логово и бросается пустыми угрозами...

— Она у вас малость юродивая, а? — Эрлин полагает так же. — Как король Илай, что ли? А, Лайли? Парни, а вас там тоже прохватило от тона — так, что коленки ослабли? И где это мой запас штанов, а... Ну так как, вы там готовы собираться, бросать товар, рвать когти подальше от Вейгорда?

Охранник с Даром Воздуха — хватается за живот, другой пучит глаза в притворном ужасе. Но притворной любезности в голосе Эрлина всё меньше, и глаза у него теперь сужены недобро.

— А то как вы думаете, парни... вдруг она, скажем, уже успела связаться с Корпусом Закона? Или вызвала сюда этих своих ковчезников из питомника — жуть! Или вдруг она сейчас как применит какие-нибудь варжеские тайные силы — ну, скажем, зверей на нас напустит, или что она может?

— Такого, пожалуй, не могу, — Гриз слышит за тоном — мягкие шлепки шулерских карт, попытку прощупать опасность. — И я не связывалась с Корпусом Закона — пока что. Из питомника я тоже никого не вызывала. Но кое-какая страховка у меня имеется.

Лайл Гроски выцветает до нежно-салатового — услышал оговорку: не вызывала никого из питомника. Но могла вызвать кого-то, кого в питомнике не было.

— Ну тогда вы ничего не путаете, а, дражайшая варгиня? Ни о чём не забываете?

Эрлину не нравится, что она глядит на Лайла. Не нравится, что всё внимание не безраздельно — его. И он делает ещё шаг вперёд — вкрадчивый, угрожающий. Показывает клыки в улыбке:

— Это ведь вы у нас в гостях, а не наоборот. А при таких малость недальновидных угрозах — вы же у меня последний выбор отнимаете.

Вздрагивает Лайл-из-прошлого — не очнувшийся, но передёрнувшийся от тона.

— Эрли, погоди... нам бы поговорить...

— А, Лайли? Поговорим, конечно. Только не здесь — видишь, переговоры-то у нас не задались, гостье придется задержаться. Ты уж за неё не переживай: устроим со всеми удобствами. Просто мне нужны гарантии, что сюда не сунутся законники или ковчезники, так что... Отдохнёт малость, может, остынет, мнение своё поменяет...

Насмешка и угроза смешиваются в голосе, и он больше не скрывает азарт на лице: запереть девку-варга, поставить охрану, потом посмотрим — убрать якобы при побеге или как следует с ней побеседовать...

И Лайл-из-прошлого, законник Лайл тоже слышит этот тон и тоже шагает вперёд:

— Эрли!

— Что — «Эрли»? Места у меня тут завались, ребята обходительные, — и подмигивает ей — поняла, варгиня? — Интерьеры, конечно, не то чтобы очень, мы тут строимся пока, но что-нибудь уж сообразим. Видите — я с вами вежливо, а вы тут праведно негодуете, законниками пугаете, угрожаете вот. За дурачка принимаете, что ли?

Гриз смотрит ему в глаза. Облекаясь в стены, на которых давно притаились — ждут лучники. Бойницы готовы. И значит — можно.

— Я принимаю вас за того, кем вы являетесь: за самоуверенного подонка, который ради золота и острых ощущений пойдёт на всё. Допускаю, что сами себя вы считаете кем-то вроде шикарного хищника — умником, настоящим воротилой, отчаянным парнем. Только вот через вашу показную натуру слишком хорошо проступает настоящая: отребье низшей категории. Дешёвка, Эрлин. Неудачник и слабак. Вот кем я вас считаю по-настоящему.

Она роняет слова негромко, без нажима — кожей ощущая тишину, которая прокрадывается в комнату. Белая, траурная тишина — в которой с лица Эрлина Троади смывается маска любезности. Пропадают остатки шулерского азарта из глаз — и в яркой зелени вскипает ярость.

— Вот как? — у него нехороший, принуждённый смех. — Ух ты, дерзкая какая. Думаю, вот тут нам придётся познакомиться поближе — вдруг да и найдём общий язык. А если не найдём... Вы, парни, как? Присоединитесь? Ну, а там...

Из кармана он несмешно извлекает что-то вроде артефакторного кастета: чернь и серебро, витая роспись: корчи тел, раскрытые рты. Один из запретных пыточных артефактов, из тех, что в ходу в Велейсе Пиратской. Лайл дёргается вперёд:

— Какого чёрта, Эрли?!

Кузен нетерпеливо стряхивает его ладонь со своего локтя и цедит:

— Не дёргайся, Лайли, этой варжеской шлюхе только на пользу. Маленький урок — кому и с каким тоном говорить, глядишь, ума наберётся. А не наберётся — у меня есть свободные места в караване... Чему радуешься, дрянь?

Он всё-таки не делает попыток схватить её — может, не знает, каковы способности варгов... Может, ему мешает Лайл Гроски, вцепившийся в руку кузену.

Или стены. Стены и бойницы, и подвесной мост, и накрепко запертые двери, за которыми живет — смех.

— Просто я выполнила моё третье дело здесь.

— Да ну? Какое же?

Он стряхивает с себя Гроски, кивает подручным: скрутить, прижать — и охранники с Даром Огня и Ветра шагают к ней, как раз когда она отвечает:

— Показать ваше истинное лицо.

Потом она ловит взгляд Лайла Гроски, улыбается ему — проснись, Лайл!

И подмигивает.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Эрли, стой, стой, чёрт возьми!

Шансов у меня не было никаких.

Кузен был взбешён настолько, что съехал на тон для должников и торговцев, которых нужно запугать до дрожи в коленях. Он и раньше-то не выносил, если сомневались в его способностях, тут же...

Я вцепился ему в руку, в плечо, не давая сделать шаг, как в старые времена, когда у меня на руках ещё не было крови. И уже наперед знал, что будет: сейчас Эрли стряхнёт меня (одним движением — он выше и сильнее), выпихнет в коридор, даст знак своим молодчикам...

Кузен проделал оба действия единым жестом: отряхнул с себя мою тушку и одновременно кивнул своим парнишкам — и в этот момент я, пошатнувшись, поймал взгляд Арделл.

Ободряющий взгляд — *всё в порядке, Лайл, я тут за тобой.*

Потом она подмигнула.

И, крутанувшись на месте, вышвырнула в воздух из-за спины шипящую петлю кнута из кожи скортокса. Мимоходом полоснула по лицу одного охранника, захлестнула второго за пояс и преспокойно сиганула в витражное окно.

Словно в вир. Даже с брызгами — грязно-зелёными, разных оттенков, мелкие и крупные... стеклянные брызги рассыпались по ковру, забарабанили по полу и подоконнику, заорал охранник, которого потащило к окну и уложило поперек подоконника животом, второй орал с пола, где он хватался за онемевшую физиономию.

Эрли подскочил к окну в аккурат тогда, когда с талии охранничка уползло щупальце скортокса.

Парень, который проехался пузом по стеклу, заверещал только громче, когда Эрлин отшвырнул его с дороги. Кузен высунулся из окна, послал вдогонку Гриз удар магии с опасно блеснувшего огненного артефакта, завернул отменно непечатную комбинацию — промазал.

Хлопнула дверь — это на крики и звон стекла прибыла кавалерия из коридора.

— Общую тревогу! — гаркнул кузен, разворачиваясь к подручным. Ткнул пальцем вниз. — Догнать девку, убрать. Главное — не дать ей уйти и со своими связаться, ж-ж-живо, мать вашу в душу!!

Общество за дверью разнородно икнуло и организованно затопотало по коридорам. Загремели тревожные голоса: «Тревога! В поиск по двору! На выход!» И грохот сапог — вниз, вниз, на первый этаж...

Я подошёл к окну, выглянул — и обнаружил Гриз Арделл, которая неторопливой рысцой направлялась по внутреннему двору подальше от замка.

— К стене бежит, — выщедил сквозь зубы Эрли над моим плечом. — Бестолочи, вы её что, не обыскивали, что ли? Да заткнитесь там уже.

Парни заткнулись. Судя по шебуршанию — ещё и торопливо подались вон из комнаты. Надо же, как Эрли их тут надрессировал.

— Рахи! — от двери донеслось вопросительное цыканье. — Оповести Стрелков — пусть лупят по ней с дистанции. От зверей подальше держите — там варг.

Варгиня теперь перешла на шаг — и направлялась явно к самой стене, а не к воротам или к какому-нибудь укрытию. Которое позволит пережить поиски — вон, крики из-за угла, это её заметили...

— Во что ты втянул меня, братишка, — выдохнул кузен над плечом. — Ну, и что теперь со всем этим делать?

Я отвёл глаза от Арделл. Взглянул в лицо кузена.

— Уходить.

Эрли закономерно воззрился на меня с выражением: «Да ты что вообще несёшь?!»

— Она не блефовала, — кивнул вниз, где Гриз всё замедляла и замедляла шаг. — Она это всё всерьёз, Эрли, надо уходить, как можно скорее...

— Вон она!! — заревели во дворе, и Эрли отёр меня плечом от окна, пробормотал:

— Да ты шутишь, что ли, Лайли, мои молодцы сейчас её так отделают... Что она может-то против них? С кнутом?

Местных обитателей высыпало во двор семь... уже восемь, ещё двое бежали со стороны ворот. Арделл же просто стояла — в одиночестве, с кнутом в руке, повернувшись к противникам лицом.

Только вот с того момента, как я заглянул в зелёные глаза — в этой пропахшей пылью комнатухе — я уже знал, что за Арделл можно не переживать.

— Она же сказала — у неё есть страховка.

Короткий свист.

Огромная золотистая кошка с маху вылетела из кустов и остановилась рядом с варгиней, приготовившись к прыжку.

Морвил!

Пальцы Гриз Арделл легли на холку алапарда, и на секунду картина словно остановилась, превратившись в творение сумасшедшего художника: маги ещё бегут, скидывают печати, какой-то запоздавший Стрелок поднимает арбалет, и напротив них — одинокая фигура варгини, в одной руке кнут, вторая касается гладкой медовой шерсти зверя...

И — я знал это, хотя и не мог видеть — в глазах варга медленно, зловеще медленно прорастает, расходится волнами властная зелень.

— Какого? — прошептал Эрли.

Арделл чуть стиснула пальцы на холке зверя, и Морвила вышвырнуло вперёд. Будто тетиву со стрелы спустили навстречу преследователям. Трое, что шли первыми, попадали сходу, хотя алапард их едва задел, мимоходом и вскользь... Стрелок выпустил-таки арбалетный болт, но промазал по мишени, которая шла с такой скоростью, а потом и его подкинуло в воздух и шмякнуло оземь. Алапард грациозным прыжком развернулся и рванул обратно — подшибая тех, которые оказались ближе к нему.

Вот, значит, что такое скорость алапарда. Охотничья, Мел рассказывала. Не «кровная месть», при которой эти твари несутся на полной выкладке — а ускорение, на котором алапарды охотятся... всё равно для человека слишком быстро.

Те, которые упали, лежали, постанывая, держась за бока и переломанные конечности. Двоих алапард вырубил вчистую — хотя и не пользовался ни когтями, ни клыками, так, просто сшибал мимоходом, как ребятишки — чурки мячом в игре.

Морвил грациозно увернулся от воздушного удара, маг пламени хотел было выдать веер огня — и тут его руку захлестнул кнут: Арделл тоже превратилась в стрелу, только не такую

быструю, как алапард. Но двигалась с поразительной скоростью — ну да, Йолла мне ещё рассказывала про тренировки то ли с алапардом, то ли с Нэйшем, то ли с обоими. Чёрное щупальце скортокса легло поперёк шеи тому парню, который замахнулся мечом, Морвил пока что понёсся за двумя, которые бежали от ворот: теперь они бежали к воротам...

Похоже, алапард и варг действовали в каком-то полуединении: Гриз не отдавала приказов, даже жестом не обозначала мишень, а двигались они с бестией настолько слаженно, что... ну да, вот и противников-то почти не осталось.

— Что это... — прохрипел Эрли, пялясь на побоище внизу. — Ч-что это...

— Два процента, — обозначил я, глядя как Морвил уделывает двоих пареньков, которые попытались сбежать.

— Чего?!

— Энкера.

Жаль, тут Аманды нет — она бы мою шуточку оценила получше. Кузен, например, вообще не оценил: отвернулся от окна, сгреб за грудки и как следует потряс:

— Какого чёрта?! Ты... во что меня втянул, что это за тварь?!

— Бывший боевой алапард, — хотя, кажется, он всё-таки не Морвила имел в виду. — Я тебе потом расскажу его историю, а пока что тебе надо уходить — а то Арделл держит обещания, а баланда на Рифах невкусная.

Гриз Арделл теперь быстрым шагом направлялась к тому углу, за которым скрывался главный вход. Позади оставались бессознательные тела и стонущие тушки разной степени травмированности. Алапард в три прыжка нагнал хозяйку и радостно танцевал вокруг — ни дать ни взять, котенок, которому размяться разрешили.

— Дверь, — дёрнулся кузен в коридор. — Эй, кто там есть! Посты как при штурме!!

— Поздно! — зашипел я, догнал его и как следует встряхнул — откуда и сила в руках взялась. — Они даже дверь не успеют задраить — там алапард, Эрли! Да Арделл с ним и одну калитку всех твоих ребят вынесет, а она не одна... заткнись и слушай! Ну! Слушай!!

Ага, вот и крики, уже в самом здании. Как раз от входа. Что-то про «магия не берёт», и можно даже не спрашивать — кто там орудует. Значит, они даже дверь задраить не смогут.

— Бегом!

Бегом, бегом, — напевал внутренний голос. Всё закончится в полчаса: пока Арделл с двумя своими хищными питомцами будет зачищать коридоры... ребятушки Эрлина, ясное дело, не такие уж идиоты — кто-то вон явно занял оборону, сел в засаду... Да, кое-какое время можно отыграть. Шмыгнуть вниз — по старой крысиной повадке, благо, Эрли заткнулся и не сопротивляется. Пробежаться по памяtnому маршруту туда, откуда мы с кузеном недавно пришли. К двери, за которой — точно помню, он говорил — не только Кошачьи норы, но и тайный выход из замка в лес.

Дел и мыслей было слишком много — что-то не так насчёт этого товара, и со словами Арделл куча непонятного, и чего-то словно бы недостаёт мне самому, но главное — надо бы донести до Эрли, что лучше бежать, я найду его, потом, сейчас надо вернуться в питомник. Найду и как-нибудь да восполню потерянное — вот же черти водные, вечно я несчастья приношу, лучше б нам было не встречаться в Корабельный день.

Кованая дверь, ведущая в Кошачьи Норы, была нараспашку. Посвёркивали зелёными кошачьими глазами камешки в запирающем артефакте. Тощий помощничек — лопаухий Рахи — как раз примерялся взять со стола один из фонарей. Малость перекосившись при этом на левую сторону — из-за солидной кожаной сумки на боку.

Своему начальству Рахи не обрадовался. Цыкнул озадаченно и почти мгновенно вскинул ладонь с Печатью Огня.

— Эрли, берегись!

Прикрывающий щит я выполнил единым толчком — пламя ударилось в холодовую завесу, а в следующий миг Эрли выхватил из кармана какой-то артефакт, взмахнул — и пламя пропало.

Рахи стоял, покачиваясь, слепо нащупывая что-то ладонью, грудь словно вспорота ударом лапы огромной кошки — только вот борозды слишком ровные. Удар прорезал и сумку тоже, и из неё, радуясь свободе, хлынули золотые рыбёшки. Косяком поплыли на пол, к ближайшему водоёму — озерцу крови. Озерцо становилось всё больше — особенно когда Рахи уже упал.

— Спасибо, что прикрыл, — буркнул Эрли, шагнул к двери в коридор, захлопнул и запер. — Т-тварь сучья, воровать вздумал, мразь. Так. Надо выбираться из этого дерьма.

Он подкидывал на ладони артефакт — что-то вроде кошачьей лапы с когтями и вмурованными камешками. А ведь ещё есть «Касание боли» — кузен надевал его в комнате, и огненный в другом кармане, на поясе — кинжал... отменная экипировка, братишка.

— Легче не бывает. Набиваешь карманы, — я покосился на золотых рыбешек, которые резвились в крови. — И в тоннель, из тоннеля можно в Трестейю, там есть лодки, да и в Айлор можно проводников найти. Или к виру. Дверь я за тобой задраю, Арделл и её работничков задержу. Ты сбежал, я тебя не видел, всё будет чисто-гладко, Эрли.

Проникновенность на моей физиономии оставила кузена равнодушным.

— Чисто? Гладко? Ты в своём уме, вообще? Потерял товар, потерял команду — да меня в порошок за такое сотрут. Решат, что я всех сдал законникам. А ребята, с которыми я работаю, знаешь ли, не любят «крыс».

Что у меня с детства отменно получалось — так это соорудить рожу простака и в упор не замечать намёков.

— А что, у тебя есть другие планы? Эрли, вир побери, да ты сам в это влез! Какого черта меня не слушал? Отпустил бы в питомник, я выполнил бы Гильдейское задание, потом к тебе сюда... нет, ты полез угрожать Арделл — хотя я же тебя предупреждал... И она предупреждала.

Всё снова складывалось до омерзения неправильно: Эрли не торопился кидаться подбирать золотишко из крови. И вовсе не поглядывал на соблазнительный тоннель за приоткрытой дверкой. Ходил, прищёлкивал пальцами, мотал головой, будто в детстве, когда продумывал очередную проказу. Вот-вот откинёт волосы со лба, ухмыльнётся, скажет: «Ну что, Лайли, в прошлый раз по твоей вине засыпались, а? Вот ты теперь пойдёшь и отвлечёшь деда Джорта от яблок...»

Он откинул волосы. Вздохнул, ухмыльнулся.

— Выходит, что ты кое-что должен мне, Лайли. Раз уж эта тварь пришла сюда из-за тебя. И раз уж это ты не дал мне её убрать сразу. Так что тебе придётся исправить кое-что, а, братишка? Она же тебе доверяет, да? И я думаю, тебя-то её зверь не тронет. И кто там ещё — устранитель? Тут тоже придётся как-то решить — так что ты уж пошевели мозгами, что у него там за Дар, как прихлопнуть...

— Э-э-эрли...

— Знаю, что ты не по этому делу, но уж что тут сделаешь, а? Клинок Мечника, не хочу я бежать, Лайли. Товар, проход... ребята мои. Так что сам видишь — единственный выход.

Когда так говорил Эрли — все остальные выходы начинали казаться жуткой глупостью. Оставался один: *убрать чёртову варгиню, отравить её кошку или спустить на неё сторожевых, с этим устранителем потом тоже что-нибудь придумаем...*

— Артефакты у меня тут есть — неплохой тайничок, пара-тройка и на алапардов сгодится, так что...

Я опёрся ладонью о косяк, зажмурился: нужно было подобрать слова, пояснить, что не выйдет, что безопаснее и проще — уйти, что я помогу ему потом: выкрутиться, договориться с кем угодно или скрыться от кого угодно, только бы сейчас...

И тут он добавил — невинным тоном, каким иногда отвечал на упрёки и нотации дядьки Текра:

— Я, кстати, не говорил тебе насчёт твоей дочки?

Ладонь дрогнула — и на дереве распустились морозные узоры.

— Моей дочки?

— Ага, у меня-то как-то не сложилось — детишек завести. Малышка Дебби. Ты же по-прежнему считаешь её своей дочкой? Только ты же к ним не навевывался, а я, когда тебя искал — приглядывал за ними, всё думал — ты объявишься. А я не говорил, да?

Я помотал головой — не говорил. Развернулся от двери вполоборота — непременно нужно было посмотреть ему в глаза, просто удивительно — сколько времени я этого не делал как следует... Что у тебя там в глазах, Эрли? Там есть что-то от того самого мальчишки, которого я столько раз вспоминал сегодня? От парня, который защищал меня в учебке? Законника, который всегда был «за своих»?

— ...выросла — просто не узнаешь. Красотка, я бы сказал — огонь-девчонка. В самом расцвете. Ты же понимаешь — если вдруг до меня доберутся из-за срыва этой сделки... и с ней может всякое случиться. Выйдут на мои родственные связи... племянница всё-таки... что такое, Лайли? Взгрустнул?

— Нет, — шепотом сказал я. — Не-а, мне... вполне себе весело.

Смех царапает меня изнутри. Выходит колючками из груди, поднимается к горлу. Обращиваясь истошным, неистовым крысиным визгом — раздирающим и безумным, который я должен был слышать давно, да вот — оглох, наверное.

— Ты... прав, Эрли, — имя осело блевотной дрянью на губах, пришлось подсластить улыбочкой. — Хорошо, что ты напомнил. Как это я забыл про Дебби. Ты прав. К чёрту Арделл, в расход её. Вместе с кошаком... а этого устранителя я сам грохнуть хочу, уже с полгода. Ничего нет важнее, чем родная кровь, а?

Он кивал, впившись в меня глазами — а я улыбался и давал расклад как в старые времена: нужно непременно поглядеть артефакты. Где тайник? Что там есть? Алапарда можно попробовать взять снотворным, у меня с собой, но маловато, и нужен узкий коридор, заманить туда алапарда; с Нэйшем сложнее, там Дар Щита, так что пока просто запереть, потом прикончить, берусь заманить, ты знаешь, у меня получится, особенно если ты меня прикроешь...

Эрли так нравилось это. В прежние времена. Задавать направление, ставить задачу. Бросать в меня исходными и наблюдать — как я протягиваю ниточки от «Дано» к «Решено». Им всем это нравилось — всем, кто знал, как легко у меня сгибается хребет перед сильными, и они все этим пользовались с радостью...

— ...в общем, с Нэйшем точно нужна будет твоя помощь...

Наверное, я после задуманного не смогу спать. Хорошо, что у меня ещё остались ночные

дежурства. А наша прелестница-ноя варит на изумление хорошее снотворное.

— Лук Стрелка, надо же, Лайли...

Эрлин смеялся — не раскатисто, как обычно, а бесшумно, обнажая зубы в оскале. Соединил пару раз ладони в аплодисментах.

— Расписал это всё... Задумал меня сдать, да? Что там — по затылку стукнуть или просто подсунуть вашим работничкам? Только вот я же тебя знаю как облупленного.

Грызун внутри зашёлся в визгливом хохоте, отмахиваясь лапкой. Мол, ой, уморил — кого ты знаешь? Ты был на Рифах? Бежал с них? Был где-то неподалёку, когда вечный страх гнал меня — от одной помойки к другой?

— Это же ты нас сдал, — вдруг сказал кузен почти ласково, и жирная тварь внутри охнула и присела на окорочка. — Ладно тебе, братишка... я никогда в этом и не сомневался. Ты же всегда прогибался перед сильными. Спасибо, что не назвал меня — но ты что же, решил это исправить вот сейчас, а? Закинуть меня на Рифы, чтобы я там сгнил и не мешал тебе преспокойно обтяпывать дела в питомничке?

— Тебе не нужно было угрожать моей дочери.

Я отвратительный отец. Худший из отцов. Не видел дочь тринадцать лет — с того момента, как она мелькнула в Водной Чаше за девятницу до суда...

— О как, — подменыш, который нацепил облик кузена, покачал головой. — Из-за паршивого намёка вот так, сдать на Рифы... кто ты там в Гильдии, Лайли? Ты же так и не ответил, когда я спросил? А я вот думаю — ты не «делец», я так думаю, там совсем другое... «крыса», верно?

Грызун с пообтрепанной шкуркой, который лихорадочно выискивает: что же делать.

— Хотя мог бы и догадаться — у тебя ж так хорошо это всегда получалось. Подставлять, уползать в тени... выплывать, а? Ну, так давай малость сыгранём, Лайли. В старую такую игру, помнишь, в деревне-то ещё... крыс загоняли.

«Айда в ”загони крысу “! — звенит голос рыжего мальчишки в памяти. — Гляньте, жирная такая!»

Да уж, жирновата, старовата, прыть не та... куда деться крысе, когда её всеми силами загоняют в угол?

Не палками. Усмешкой и колким шепотом:

— Вот и посмотрим, как ты справишься, братишка. Давай я тебе обрисую, что будет, если ты таки сдашь меня этой своей варгине. Угадай, что она услышит о твоей работе на Гильдию? И о твоём задании с закладом? Ну как, стены сдвигаются, Лайли?

Стены сдвигаются. И всюду закрытые двери, я мечусь, уворачиваясь от ударов, и несусь вдоль стен, обдираю кожу с носа в поисках укрытия, и уже знаю, что впереди...

Тупик. Угол, к которому гонит меня палка-шёпот.

— Так погоди-ка и послушай меня ещё. Ты думаешь, где я окажусь? На Рифах, конечно, а до того — под судом. Уж будь спокоен, у ребят, на которых я работаю, везде найдутся свои люди. Вытащить — не вытащат, но перемолвиться словом мы успеем. Сколько ты проживёшь после этого, а? А твоя дочурка? Ты б хоть её пожалел, Лайли, девчонке ж ещё восемнадцати нет. Так что, понимаешь ли, в твоих интересах, чтобы на Рифы я не попал. Ну, что скажешь, Лайли? Я не разучился играть?

Жалкая серая тварь корчилась в углу. Рыжий мальчишка с палкой стоял над ней, торжествующий. Держал грызуною жизнь в руках: сейчас ударить? Или погодить?

Мальчишка наивно полагал, что играет так же, как в детстве. В той же комнате, с той

же палкой...

С той же крысой.

— Знаешь, что делают крысы, когда их загоняют в угол?

Что-то прозвучало в моём тоне, а может, изменилось в лице, потому что он перестал усмехаться. Сузил глаза в прищуре:

— Подымают, надо думать. Брось, Лайли... ты не по этой части, а и был бы по этой — что ты со своей снежинкой на ладошке сделаешь? Ты по боёвке чуть проходные набирал.

И небрежный взмах очередным амулетом; серебристый щит посвёркивает с правой ладони. Мол, не трепыхайся, кузен, у меня, конечно, Дар Воды, но уж этим артемагическим щитом я заслонюсь от твоего среднего Дара Холода с лёгкостью. А пока ты будешь пытаться щит пробить — воспользуюсь вторым артефактом, видал его действие на моём помощнике? Вот у меня этот артефакт, в левой руке.

Только вот ты ошибся во второй раз, чужак с лицом кузена. Крысы не владеют холодовой магией.

Крысы перегрызают глотки.

Глаза у него остановились и расширились — никак, стукнуло в виски другое воспоминание о юности. Дружеская попойка будущих законников, кто-то лениво метает ножички в нарисованную мишень, «Лайли, не хочешь подключиться и показать класс?» — и я подключаюсь, и всегда...

— Л-лайли... — поздно, левая кисть, в которую давно сполз верный друг из воровского кармашка в рукаве, повернулась, нагретое лезвие скользнуло по пальцам, со свистом прошло воздух.

Я всегда метая с левой.

Выпустив нож, я нырнул вниз — на случай, если он успеет активировать артефакт на левой руке.

Но он успел только закрыться артемагическим щитом — едва заметной серебристой плёнкой. Беспольной — потому что абсолютное большинство таких вот щитов-амулетов предохраняют от магии или действия артефактов.

Не от обычных ударов или ножей.

Чужак, смутно похожий на моего кузена, рухнул на колени, глядя на меня как-то обиженно. Недоуменно взялся за лезвие, торчащее у него в горле, и уже потом повалился набок с прощальным хрипом.

— Да, Эрли, — сказал я, поднимаясь. — Ты не разучился играть.

Чистая победа, припёр меня к стенке как следует. Только вот мы с тобой оба слегка ошиблись друг в друге. Я, например, думал, что как следует тебя знаю.

Ты думал, что знаешь меня. Наверное, из нас двоих ты просто ошибся сильнее.

Голохвостый инстинкт повизгивал внутри: напоминал, что у нас маловато времени. Скоро тут будут законники, а может, Мел или Арделл — так что всё должно быть убедительно. И вообще, мы же сошлись на том, что эта обманка уж никак не твой кузен. Уж настоящий Эрлин Троади не забыл бы такую деталь, как твоя склонность метать ножичек с левой руки. Так что быстро — открой глаза и приведи тут всё в порядок, чтобы шнырок нос не подкопался. Ты же помнишь, что в законнические годы у тебя к этому делу был нехилый такой талант?

Грызун был прав, как всегда. Но я всё же выкроил минуту — постоять с закрытыми глазами. Окунуться напоследок в кружащийся всё медленнее вир памяти.

В пьяный запах перепревших яблок, в звон комарья, в пирожковые дымки родной деревни. Взглянуть напоследок в глаза загорелому мальчишке, который небрежно откидывает волосы, поглядывая на неровные камыши:

— Э-э-эй, Лайли! А если я в этот вир старый сигану — за мной прыгнешь?

— Да, дружище, — шепнул я тому, из прошлого. — Нырну с головой если потребуется.

Вот только...

Прости, пожалуйста, но вир поглотит только тебя.

Крысы выплывают при любом раскладе.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Уймись, — говорю. — Герой-любовник.

Морковка бубнит что-то насчёт того, что и его тревога вообще-то естественна. И вовсе он это не из-за Гриз Арделл. Просто там же ещё Пухлик!

— Ты ещё Мясника вспомни, ага.

Обижается, умолкает до замка Шеу. Куда нас выдернула Грызи через «сквозник». В своей обычной манере: «О, привет, тут окопалась шайка разбойников, человек тридцать, Лайл у них, я вызвала Нэйша, собираюсь пойти и поговорить с их главным».

От таких новостей Морковка чуть крылья себе не отрастил. Его бы воля — он бы в воду нырнул и толкал гиппокампов сзади.

— Да она страховку взяла, — говорю, чтобы он перестал нервно сигать туда-сюда в «поплавке». Морковка косится подозрительно — видать, решил, что я про Живодёра.

Когда я пришла в питомник — Морвил там был уже больше года. Грызи приволокла его с Псовых Боёв, где знатные подонки зверей между собой стравливают. Сначала один магнат организовал у себя в угодах поединки керберов и болотных сторожевых, потом подтянулись другие породы псовых и куча знати и магнатов, дальше пошли в ход вообще все звери в Кайетте, набежали торговцы... в последние годы вот и охотнички свою удаль показывают против зверей — кто кому первый отворит кровь. Захватывающее зрелище для полудурков.

Чуть ли не самое мерзкое, что там есть — кровавые бега алапардов. Выпихивают их на огороженную беговую полосу после трёх дней голода — по шесть штук сразу. Впереди свешивают окровавленный шмат мяса — голодные звери рвутся к нему со всей своей скорости. Их ещё и тренируют особым способом: кто подшибёт по пути всех противников — тот победил.

Морвил был алапардом молодым и неопытным, потому его подшибли очень серьёзно — ещё и клыками от собратьев досталось. Хозяин — недоумок из Ирмелея, — понятия не имел, что делать с раненым зверем. Он в первый раз решил показать себя на Псовых боях — влиться в интересное общество.

Алапарда недоумок сдал Грызи бесплатно, как только она пригрозила сообщить в ирмелейскую Службу Закона.

— ...в общем, недоумок вернулся к себе в поместье напуганным, а Грызи привезла Морвила в питомник. Подлечила. А он так к ней привязался, что отдать или продать был совсем не вариант — затосковал бы. Отпустить — тем более никак, он рождён в неволе, не умеет ни охотиться ни территорию защищать. Повезло ему, что Грызи каждый год на Псовые бои мотается.

И вечно оттуда притаскивает кого-нибудь — правда, не всегда такого милого, как Морвил. Пару лет назад притащила чёртова Мясника Нэйша — лучше б полдюжины гарпий пополам с драккайнами.

Морковка, посапывая, глядит в воду за окном «поплавка». Я рассказываю о тренировках Морвила. И о том, как они с Грызи иногда отправляются на выезды — у них это наработанное дело, хоть и нечасто поразмяться приходится. Волноваться можно разве что за разбойников, которые окопались на Триграничье.

Когда прибываем на место, Морковка сигает из «поплавка» первым. Несёмся к замку втроём: он, я, и ещё Пиратка — потому что она знает дорогу и потому что «Замок штурмом брать без меня, оболтусы?! Да вы там, как слепые кутята, угробитесь! Сколько у вас абордажных схваток за плечами, а?!»

Понятно, не успеваем к самому интересному. Когда подходим — за стеной слышны сплошные стоны.

Ворота закрыты, Фреза подкидывает нас через стену магией воздуха. Потом перебирается сама и фыркает в ответ на обалдевшие глазки Яниста:

— Небось, сколько парусов надула за годы!

Во дворе куча клеток с bestиями. Игольчатники и керберы на цепи. Славные ребята, только слишком уж костлявые и в шрамах. Грызи им сумела кой-что растолковать, потому нам машут хвостами, приветственно погавкивают и подвывают. Гарпии возбуждённо подскакивают в клетках, заводят вопросительное: «Уррра-оу?» Голодные.

Мысленно обещаю им сразу же и вернуться и всех-всех с собой забрать.

Стоны слышатся из-за угла, а перед входом раскинулись три тела. Разной степени покоцанности после встречи с боевым алапардом. Поломанные конечности и отшибленные внутренности. Один пытается трепыхаться и влечь по нам огнём, но Пиратка его тут же и припечатывает ударом воздуха.

— Тьфу ты, и не размяться! Во со своим кошаком наворотила!

В холле валяются двое скрюченные от боли. Тут прошёлся Мясник. Потом они с Грызи разошлись на зачистку здания: она с Морвиллом — туда, где коридоры пошире, Нэйш — туда, где алапарду сложнее развернуться.

Судя по воплям и грохоту наверху — дело как раз заканчивается. Где-то на втором этаже.

Шепчу Дару — веди, давай, и иду по следам Грызи и Морвила. Кое-где попадаются тела. В основном разлеглись после парализации кнутом. Алапарду в помещении не разогнаться, так что Грызи не рисковала: пользовалась чутьём зверя, смотрела его глазами. Отслеживала противников, ныряла под магические удары и лупила кнутом. Если противников было двое — вступал Морвил.

— Кто ж так бьёт, — брюзжит Пиратка. — Милосердие, так через косяк! Да они ж через полчаса глазами лупать будут, а-а-а-а, чтоб её... Идите вперёд уже!

И принимается вязать тех, кто только парализован. Их же ремнями.

Рыцарь Морковка прямо рвётся вперёд. Но коридоры тёмные, узкие. Могут быть засады, которые Грызи не «сняла». Тут бывшая военная крепость, пропасть тайников. Наверняка ещё и кто-то из уродов решил по комнатам отсидеться, чтобы при случае сбежать. Дар ведёт хорошо, и парочку местных мы таки находим — по пыхтению. Усыплю их «Бирюзовым сном» — как раз хватит на человека, если подкинуть поближе к тайникам, где они схоронились.

Морвил соскальзывает к нам навстречу, когда начинаем подниматься по лестнице. Усы у него подпалены, по морде прошла царапина, будто с сородичем дрался. Но вид гордый невообразимо. Бодает моё бедро золотистой башкой.

— Мряк!

— Ага, молодец. Как ты их всех тут, а? Давай, показывай дорогу.

Сверху слышны голоса — Грызи с Мясником привычно выясняют отношения.

— ...думала, у тебя это в правилах — приводить всех с выездов живыми.

— Чисто теоретически, Лайл сейчас не на моём выезде — он же вызвался поехать в Трестейю один?

— Это причина, по которой ты наплевал на мою просьбу?

— Ну, мне показалось, тебе здесь не помешает помощь. Лайл Гроски не пропадёт, будь уверена. Скорее всего, он в какой-нибудь уютной норке.

Отвратный смешок сквозь зубы. Даю отбой Дару, только мы же и так уже близко, слышу, как Мясник договаривает:

— Если, конечно, он ещё здесь, а не на пути к виру.

— Прекрати. И затяни потуже.

Обнаруживаем парочку в зале средней запущенности. Столы, ковры, карты, кружки. То ли местная столовая, то ли место досуга. Три тела за перевёрнутыми столами. Грызи присела на стол, который ещё не перевёрнут, и Нэйш бинтует ей предплечье.

— О, Единый, госпожа Арделл, вы ранены?!

Увидев нас, Грызи с чего-то заливается краской:

— Чепуха. Вылетел балбес с огненным амулетом, а Морвилу как раз слишком быстрый Стрелок попался. Благо, первую дюжину мы ещё во дворе вырубали, дальше уже проще было...

— Едва ли их здесь больше сорока, — Нэйш бинтовать перестал, но так и торчит рядом с Грызи и вызывает этим у Морковки тихий тик. — И после тревоги многие спустились на первый этаж. Кажется, растерялись без чёткого руководства. В любом случае, где-то здесь могут быть затаившиеся крысы — присоединишься к охоте, Мелони?

На самом Мяснике ни царапинки — клятый Дар Щита, когда уже этот урод огребет за всё хорошее... Открываю рот, чтобы услатить Палача так далеко, как могу.

— Тише.

Грызи, поморщившись, поднимается со стола. У неё здоровенный синяк на щеке, и ещё она прихрамывает.

— Нужно найти Лайла, зафиксировать всех, кого мы повязали, и поискать сбежавших, особенно главаря. Скорее всего, в подвале подземный ход. Мел, они живым грузом торговали — нужно поискать, где держали... товар. Вызвать сюда законников. Но главное — найти Лайла.

Рассказывать, каким боком Пухлик ко всей этой круговерти, Грызи явно не собирается. Мясник выскальзывает через другую дверь — шариться по подвалам. А нам остаётся искать Пухлика, так что идём обратно: я и Морвил, Грызи и Морковка, который нарезает вокруг неё круги («Вы точно не ранены? Может, вам лучше опереться...»).

— Мешаешь, — цыкаю на него.

Опять зываю к Дару — разрастаются, приближаются стоны, завывания ветра в трубах, ругательства и топот где-то в правой башне — там точно кто-то засел.

Пухлика искать уже не надо: он на первом этаже. За компанию с Пираткой пакует молодчиков, которых вырубали Грызи и Морвил. И всюю разливается о чём-то, чему был свидетелем: «А потом, чесслово, не вру — она достаёт кнут... эти олухи её не обыскали... и преспокойно выходит себе в окно!»

— В порядке, Лайл? — спрашивает Грыз, когда спускаемся.

— Лучше не бывает — разве что мне теперь годик придётся успокоительного попить. Боженьки — что это было вообще? И часто ты возишь с собой эту вот котеньку?

— Ым-м-рым, — веско вставляет Морвил и облизывает царапину на морде.

— ...потому что это выглядело так, будто ты собралась устроить тут день памяти Энкера и вырезать весь замок и немножко меня тоже.

— Извини, что так резко, — мягко отзывается Грызи. — Но я говорила — не люблю, когда запирают живых существ... и кто знает — успела бы я вызвать законников или нет. Пришлось прибегать к страховке. Ты не пострадал?

Видок у Гроски малость встрёпанный и перепуганный будто. Но мотает головой он вполне себе энергично.

— Когда Эрлин рванул распорядиться своими ребятами — я благоразумно отошёл в стороночку. Откуда, кстати, взялся Нэйш? Ты, значит, разведала территорию, вызвала подмогу, а уже потом дала себя повязать?

Грызи кивает: верно, сначала добралась до замка, обошла стену, под маск-плащом перелезла. Дальше посмотрела внутренний двор, опросила животных в клетках. Пришлось вернуться, вызвать подмогу, дожидаться Нэйша, дать указания ему, Фрезе, Морвилу.

— Ты был внутри, но я же не знала — что с тобой. Вот и позволила себя повязать — риск, конечно, но...

Морковка вздыхает прерывисто — наверное, прикидывает, как Грызи рисковала (он просто не видел питомник Гэтланда с бешеными зверушками). Машу рукой: примолкнуть всем! Дар наконец поймал направление: из глубины замка и будто бы из-под земли.

— Так и знал, что в местные подвалы не один спуск, — бормочет Пухлик, когда возле кухни находим дверь, а за дверью лестницу. Спускаемся, обнаруживаем тёмные проходы с дверями, проходы тянутся не пойми-куда. Но звуки, которые я слышала — неслись из-за ближней двери. Дёргаю ручку — заперто.

Из-за двери уже явно несутся испуганные вскрики и перешёптывания.

— А ну, посвети, — просит Пухлик Морковку. — Сейчас поглядим, как с этой дверкой договориться...

Что-то делает возле замочной скважины — дверь поддаётся мягко, даже без скрипа.

Я уже знаю — что будет за дверью.

Только всё равно мерзко.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Всё складывалось даже слишком гладко. В подвале я обустроил всё так, будто местный главарь и его помощничек сошлись в поединке и оба проиграли. Поменял положение тела кузена. Посильнее разрядил его защитный артефакт на случай, если будут шерстить. Прозрачная картина: первый удар наносит Рахи — с Печати, огнём, Эрли отражает удар артефактом, после этого активирует второй артефакт, а Рахи с левой метает нож.

Нож вот только пришлось оставить в ране. Но я не занимался тайным ножеметанием перед членами ковчежного «тела», а Следопыт едва ли унюхает след моей ладони там, где всё забито запахами крови и несёт серой из тоннелей.

Я ухитрился даже не перемазаться в кровь, поднялся из подвала, пробежался по лестницам и ещё успел перебаламутить пару-тройку парней Эрли, которые не успели попасть под раздачу: «А-а-а-а!!! Это алапарт! Скорее, нужно забраться повыше! Приказ Эрлина!»

Заботливо препроводил парнишек в башню и уже там запер покрепче. Потом отправился на поиски своих и отыскал Фрезу за связыванием пленников.

Фреза отнеслась к моей версии событий благодушно. Арделл тоже. Ей я описал в общих чертах — мол, Эрли рванулся вон из комнаты командовать, а я остался на втором этаже, как мог, спутал местным обитателям карты, а некоторые так даже запер. И она коротко кивнула на ходу, осведомилась только:

— Думаешь, Эрлин Троади попытается сбежать?

— Пожалуй. Он упоминал, что тут есть подземный выход. Правда, не показывал, где.

Больше она не стала ничего спрашивать — то ли и так понимала слишком хорошо, то ли её занимало другое. Покосилась только с тревогой — мол, ты как, Лайл?

Ничего, — отмахнулся я устало. Видишь, цел... вполне в своём уме. Потом поблагодарю тебя за то, что пришла. Не бойся, хуже не будет.

Хуже всё-таки стало — в подвале, перед дверью, из-за которой слышались всхлипывания. Во-первых, я засветил один из отпирающих артефактов, которые отыскились в кармане у Эрли — но ладно, мало ли где и у кого я мог его свистнуть, вряд ли такая штука была одна на замок.

Во-вторых...

Они почти не обрадовались нам. Те, о которых мне так не хотелось догадываться во время нашего с Эрли разговора.

Девушки и парни. Рассованные по четырём широким камерам. Лет от четырнадцати до двадцати, наверное, а есть парнишки около двенадцати или младше.

Живой товар, предназначенный на продажу в Тавентатуме.

Оковы, блокирующие Дар, — на тех, у кого есть Дар. Много «пустых элементов». Худые лица, перепуганные взгляды. Грубые тьюфяки на полу. Вёдра с гнусным содержимым. Синяки и стёртые следы на запястьях.

Рифы в миниатюре. На полсотни человек.

И слабые, неверящие всхлипывания в ответ на заверения Гриз Арделл в том, что всё, уже всё, всё будет в порядке...

Мел ругалась. Сплетая ругательства из Велейсы Пиратской во что-то воистину аристократическое. Олжест свою суженую не одёргивал и только поминал Единого поминутно. Алапард рвался знакомиться, Арделл его отпихивала от камер.

— Оковы сейчас попытаемся снять... вы голодные? А вода у вас есть? Фреза, нужно припасов тут поискать, потом ещё бы укрепляющих зелий... Янист, вызовите законников, без них опасно выводить людей, вдруг кто ещё здесь ошивается. Спокойно, спокойно, не бойтесь, всё сейчас решим...

Я стоял в коридоре на подхвате. Готовый засуетиться и понестись, куда прикажут — лишь бы не видеть их глаз. Крыса внутри шипела что-то зловерное — что-то насчёт того, что Арделл-то была права, когда говорила про истинное лицо моего кузена. Так что, вроде как, я и не должен жалеть.

Появление устранивателя из темноты я проморгал: обернулся на голос Гриз, а когда повернул голову обратно, вынырнувший из тоннелей Нэйш уже стоял в двух шагах. Глядя на меня с неподдельным интересом.

— Ну надо же, Лайл. Надо же... Кто бы мог подумать.

Как это я не сообразил, что один из присутствующих всё-таки может опознать нож. Просто потому, что я этот самый нож ему как-то раз в карман сунул. Он же его ещё потом мне на ладони протягивал, говорил — отличная балансировка...

А теперь посмеивается так, будто того и гляди аплодировать начнёт. Умница, хороший

мальчик, Лайл. Превышаешь ожидания.

— Кровь на руках — да, но это... Кажется, я тебя недооценивал, а? Так что... может, мне стоит об этом помнить?

Откуда он узнал про Эрли — настолько тщательно копался в моём деле? Или расколол по старой памяти кого-нибудь из здешних ребят, прежде чем вырубить? А, какая разница. Устал. Я поманил «клыка» поближе, и он слегка наклонился.

Тогда я прихватил за лацкан сюртук из таллеи и дёрнул так, чтобы холодные глаза убийцы оказались прямо напротив моих. Прошипел в лицо:

— Так помни — и не поворачивайся ко мне спиной!

— Или? — поверх запястья легли цепкие пальцы, «клык» наотмашь полоснул улыбочкой, и я знал, что ещё секунда — и придёт боль, и я пожалею о сказанном, только было глубоко наплевать.

— Что происходит? — осведомилась Арделл, которая как раз вынырнула из камеры. — Лайл, нужно с оковами разобраться, поищешь кристаллы, которые их отмыкают. Нэйш, встречай законников, и для тебя будет потом ещё одно поручение — надо съездить кое-куда.

Пальцы с запястья убрались. Я тоже перестал сжимать таллею в горсти. Арделл окинула нас рассеянным взглядом, качнула головой — мол, нашли когда... Потрепала за ухо Морвила, который приветственно ткнулся ей в бедро.

И выдала в пространство:

— Надеюсь, сюда хотя бы явится не Тербенно. И без него тысяча, тысяча дел.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

— Эй! Чего квёлые, как трёхдневная сельдь на рынке? Тудуть-растудуть, про церемонию Корабельную забыли?

Я всё жду, пока сосед по комнате скажет что-нибудь выразительное, однако со стороны Лайла Гроски летит только выразительное молчание. Тогда говорю:

— Она же это пошутила, да?

Какие могут быть церемонии после такого дня.

Наплывает, накатывает волнами: рычащие калеки в клетках, стонущие тела в коридорах, сдавленные рыдания, и полудетские ладошки тянутся — чистые, без Печати... И всюду расхаживают законники, сквозь зубы сетуют: «Корабельный день, да какого ж!» — осматривают комнаты, сковывают преступников, выводят или допрашивают на месте. И посреди всего этого — разумеется, Тербенно в сером плаще, швыряет распоряжения: «Отчитайтесь мне по состоянию раненых!» «Осмотрите дальние комнаты!» «Организуйте поиски главаря!». Законник ухитрялся быть сразу всюду — по большей части, создавая хаос и неразбериху, и непонятно — что было бы с несчастными пленниками, если бы не мы... не Гриз Арделл.

«У нас тысяча дел, господин Олкест!» — Морвил жмётся к её ногам, мурлычет, и летят мгновенные распоряжения: Гроски, найди тёплые вещи, Олкест, вы хорошо готовите, займитесь (она помнит!). Запах травянистых притираний и успокаивающих зелий, «Аманда, мне тут укрепляющее нужно, через Мел передай!» (это в Водную Чашу), ещё четверых девушек привели сверху — мерзавцы их держали «для развлечений».

Пустые взгляды, немая покорность судьбе, синяки на скулах, порванные одежды. Короткие и жуткие истории от «Меня из сиротского дома продали» до «Да папка задолжал,

пришли ночью». Поварешка дрожит в руке, кто-то срывается в истерику, я кому-то обещаю, что всё совсем-совсем скоро будет хорошо, все вернутся по домам — «А у меня нету дома», Единый, помоги мне не опустить рук и не расплакаться вместе с ними.

Серое лицо Гроски — его, кажется, допрашивают. Взвинченный и раздосадованный Тербенно в коридоре: «Я хотел взять его живым!» Тонко ноет висок, Арделл спорит с седоусым законником, тот качает головой: «Триграничье, межотчётный период... разве что на перевалочную базу. Кого-то к лекарям, кому есть куда идти — допрос, потом домой...» Является с улыбочкой Нэйш: «Высокородные попечительницы королевского питомника готовы оказать посильную помощь в размещении».

Виры, дворы, холлы, приторные улыбки: «Ах, в Корабельный день мы особенно рады приютить!» Липкие взгляды и жеманные жесты, хочется вернуться в пропитанный рыданиями замок Шеу — «Вы же нам расскажете, как всё было... ох, господин Олкест, не так ли, не имела чести». Вкрадчивый шепоток над ухом: «Расслабьтесь, господин Олкест. Вы легко их очаруете — а вы же хотите получше выполнить распоряжение Гриз? Жаль, конечно, что вы не смогли составить нам с ней компанию... в момент кульминации. Но общество Мелони это окупило, так ведь?»

Сам удивляюсь, что не сказал и не сделал чего-нибудь опрометчивого — наверное, был слишком ошеломлён. А страницы дня неумолимо листались, потом был питомник, и недовольные физиономии вольерных, лишенных праздника в семьях, и суета возле клеток — промедлили с вечерним кормлением, нужно нарубить, нарезать, отнести, подать зелья и бинты, помочь Арделл собрать разборную клетку, проверить грифона Ирла, не столкнуться с испуганной Уной посреди дорожки...

А сейчас ноги ноют и на мою несчастную голову словно водрузили все тома «Энциклопедии Кайетты», и перед глазами плещется немолчное море — всё из этого бесконечного, выматывающего дня. И если я встану с кровати — то только чтобы лечь на воду, и поплыть по ней куда-то вместо корабля — в море или в Бездонь, всё равно, только бы с меня смыло всё, что было сегодня.

Дверь распаивается, и за ней теперь Мелони.

— Морковка, подъем! Ты там в своей общине не забыл, как кораблики пускать?

Это почти прежняя Мелони — и её зову нельзя противостоять: встаю, сдерживаю стоны (ноги! поясница!), выхожу в коридор, потом только вспоминаю: у меня же нет корабля, я не собирался...

Кораблик мне даёт Фреза: «Специально резала, для таких вот остолопов забывчивых, растудыть!»

Потом мы все идём к пристани и нас окружает прохладная ночь. Чуть подмораживает, и в небе пропали тяжёлые волны облаков — рассеялись, оставив лёгкую пену на искристом покрывале. И бледный парус месяца.

От коттеджа Лортена доносятся разудалые песни, и яприли в загонах подпевают. Ворчат и взрыкивают ночные хищники — песнь питомника, ставшая привычной... Я несущий лёгкий кораблик из яблоневого дерева, пальцы чувствуют резные завитушки, и мне почему-то очень важно быть здесь и сейчас у воды, со всеми. Словно один из причудливой, разношерстной стаи, место обитания которой — питомник.

Мы не смеёмся и почти не разговариваем, даже маленькая Йолла шествует чинно и помогает освещать путь. У каждого — светильник, от изящного бронзового изделия в руке Аманды до простого фонаря, у Мел. Все вместе мы спускаемся к тёмной воде — и по реке

неспешно плывут желтые, оранжевые, красноватые пятна света...

Ставим фонари на дощатый настил. Аманда поправляет на своей шхуне ленты, Йолла укладывает сласти в коробочке на палубе, тихонько выкликает имена своих братьев и отца. Арделл расправляет парус своего корабля — он у неё лёгкий, чуть серебрится, наверное, тоже мастерила Фреза... Чьи имена на парусах? И что она собирается уложить в трюм — так, чтобы ушло на дно мёртвым грузом? Лицо у неё печальное, и взгляд уходит в тёмную воду, по которой разбегаются искры — отражения звёзд...

— Полночь скоро, — говорит Фреза. — Гаси-зажигай.

Мы прикрываем в своих фонарях заслонки — и ночь становится гуще и будто бы свежее, с реки налетает ветерок и поёт свою песню речным ивнякам. Тогда загораются фонарики по мачтам — бронзовые и медные, маленькие маячки, в которых — кусочки желчи мантикоры или осколки ракушек флектусов, или капли светящихся зелий из панцирей светляков-гроздевиков.

— Пой, Аманда, — тихо говорит Арделл из темноты. Песня нойя взлетает, будто яркая лента — и перевивается с песней ветра и песней питомника. Аманда поёт на родном наречии медленную провожальную песнь — и я не знаю слов, но знаю — о чём...

Прими, вода, — говорит песня. Год подошёл к концу, и он был сладок, и он был горек. Так пусть же сладость останется, а горечь уйдёт. Мы складываем её в трюмы наших кораблей и пускаем их плыть. Пусть плывут, пока ты не возьмёшь их, и вымоешь из трюмов горечь, и возьмёшь, и растворишь в себе.

Корабли один за другим ложатся на гостеприимную грудь воды: большая шхуна с алыми резными бортами, и неприметный кораблик-тень, и пиратский барк, и приземистый шлюп — один за другим, пока во флотилии не становится восемь кораблей. Они покачиваются, будто пробуя воду — но песня подгоняет их, и они начинают путь.

Плывите, — говорит песня. Идите в Водную Бездонь, к тем, которые ждут от нас весточки и памяти — и принесите им весть и память. А то, что лежит в ваших трюмах — пусть упокоится на дне и никогда не всплывёт. Этот год прошёл — пусть уйдёт горе, и тревога, и дурные мысли. Прими, вода.

Корабли, колыхаясь, начинают уходить: лёгкий серебристый силуэт с голубоватым светом фонарика, и ясеневый бриг со сладостями, и детский, неумело выструганный кораблик, и мой, яблоневый тоже: фонарики на мачтах бросают блики в речную воду, разбрызгивают огоньки — серебристые, и бирюзовые, и охристые, и лимонные, — и тихо покачиваются борта. И я вдруг осознаю, что больше такой ночи не будет — стремлюсь захватить, зацепить побольше всего, чтобы вспоминать после.

Арделл строгим взглядом провожает флотилию (о ком думает?), приподнялась на цыпочки Йолла, Мел стоит рядом — и я вижу её усмешку, задумчивую и чуть-чуть горькую... А Аманда откинула голову и поглядывает то на свой фонарик, то на луну, и поёт.

Провожайте, — говорит песня, — провожайте обиды и горести, и сомнения, и потери. Взгляните на огни ваших кораблей — и освободитесь от груза. Как борта корабля омывает вода — омойтесь и вы и станьте чище, потому что корабли уже уплывают, и с ними — год, и всё дурное уходит и не вернётся больше. Прими, вода.

Запоздало я вспоминаю — что так и не подумал, что должно быть там, в трюме моего корабля. И я понимаю, что это лишь старая традиция, но мысли долетают и ложатся — то ли внутрь бортов моего корабля, то ли просто в тёмную воду.

Об Ималии Венейг, которую вода взяла нынче. И о своих тревогах — пусть канут

глубже. О моих заблуждениях и несправедливости. О сомнениях.

Я наблюдаю, как ночь проглатывает уходящий от меня корабль, со странным чувством — будто это значит многое. «Прими, вода», — шепчу я, и часть меня словно уходит в холодную воду — то, что связано с кораблями и волнами, и дальними берегами. И остаётся лишь маленькая пристань на берегу реки, и печальный профиль, чуть подсвеченный луной с неба, да песня нойя о том, что нам всем нужно надеяться на лучшее — потому что ночь проходит, и будет утро, и придут чистые воды.

А огоньки там, в ночи, на чёрной искристой воде мельтешат и уходят дальше, и дальше, и дальше... И ночь глотает их один за одним — растворяются в ней, как горе в воде...

Последней в ночи тонет песня.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Над водой догорели корабельные огоньки, погасла песня нойя. И я отступил от пристани. Прокрался на мягких лапках, не скрипнув ни единой доской. Пошёл вдоль берега — не спеша, стараясь слиться с зарослями ивняка, стволами, кустами, ошмётками листьев. В конце-то концов, я так хорошо, так умело смешивался с тенями, что мне даже ни одной улыбки Аманды не перепало, а уж она-то их разбрасывала в разные стороны.

Арделл, правда, всё равно посмотрела из темноты — напоминанием о разговоре ещё в замке Шеу.

Она вывернулась из хаоса, в который обратился замок. Положила на плечо руку. Выдохнула:

— Эрлин Троади...

— Знаю, — буркнул я, стараясь поглядывать на грудь одеял. В одеяла предполагалось кутать пленников. — Нэйш уже... сообщил.

Нужно же было как-то объяснить премилую сценку с «клыком», которую Гриз застала.

— Слушай, насчёт того, что... тогда, в комнате. Того, что я говорил...

Арделл махнула рукой — забудь. Ну да, как там говорит про неё нойя? Карменниэ — лучшая из людей?

— Я не знал, чем он занимается. Он не говорил. Вернее, как-то странно обмолвился, но я, наверное, даже допускать не хотел. Идиот я, верно?

— Ты не видел его четырнадцать лет, — напомнила Гриз тихо. Великодушно обошла вопрос: а если бы ты узнал — что бы делал?

— Да. Тогда, знаешь ли, всё было иначе. А может, не иначе, а я так видел. Мы с ним с восьми моих лет вместе были, так что я не мог посмотреть со стороны.

Или не хотел.

Тёплая рука на плече казалась непомерно тяжёлой.

— Сердишься, что я вмешалась?

Грызун верещит что-то такое насчёт «да я бы сам разрулил» — только вот клятвой крысе здорово затыкает рот здравый смысл. Который твердит, что ни черта не разрулил бы. Слишком привык подчиняться кузену. И то, куда меня это могло утащить...

И не надо забывать, кто нанёс удар.

— Всегда знал, что с ним что-нибудь такое случится. Особенно когда меня рядом не будет. Может, если бы я пошёл с ним...

Закопался взглядом в одеяла под завывания крысиной сущности. Бедный, несчастный, скорбящий, пожалейте...

— Тебе что-нибудь нужно? Пара дней отойти, или там... напиться с Лортенем. Хотя я, как ты помнишь, не поощряю. Лайл? Побывать рядом с тобой?

Вот уж что мне нужно в последнюю очередь — я ведь могу, чего доброго, и разговориться, и сказать слишком много. Засвербело где-то там, где должна была находиться совесть.

— Прикрой меня перед Амандой, если несложно. Я вроде как торжественно обещал попробовать её чудо-пирог со сливками и травить байки до утра. Только вот ты сама видишь. Поминальный день.

— Конечно. И если не хочешь приходить на церемонию Провожания...

Я с какого-то лиха попёрся именно на церемонию Провожания. Так, будто это что-то значило: тёмная вода и кораблики на ней.

Словно в трюме игрушечного корабля можно было спрятать хотя бы сегодняшний день.

Впрочем, в тёмную воду смотреть приятно. Я бреду вдоль реки, поглядываю на холодную, ночную водную гладь. С косо лежащим в ней полузатопленным корабликом месяца.

Если представить себе, что топишь лишнее, груз за грузом опускаешь в холодные волны... будет полегче, верно ведь?

Вот разговор с Крысоловом. Это легко: Тербенно не успел вцепиться в меня с положенной ему страстью. Законнику помешал груз ответственности: Олкест связался именно с ним («Да какого тухлого шнырка?!» — орала незабвенная Мел, а парень огрызался: «Так праздник же, мне нужен был ушибленный, который принесётся сюда быстрее алапарда»), так что Тербенно оказался старшим в группе законников. Морвил, освобождённые рабы, засевшие в башнях ребятушки и попытка не лопнуть от собственной важности — всё это капитально отвлекло законника Тербенно от моей персоны. Так что он скушал мою версию событий. Разве что, когда обнаружили трупы в подвале — попытался учинить повторный допрос, с «Нерушимой истиной».

— Насколько я помню — зелье применяют с согласия подозреваемого. Или если есть хотя бы одна серьёзная улика.

На этом моменте я выразил на физиономии живейший вопрос, а Крысолов на своей — величайшее презрение.

— Кто бы мог подумать — какие глубокие знания процедур у преступника!

Я не стал напоминать бравому законнику о том, что в восемьдесят четвертом прогнул именно на добровольные показания под зельем.

— Выглядишь расстроенным, Гроски.

— Это всё-таки был мой кузен.

Кажется, поверил и даже малость проникся, потому что отпустил — только буркнул, что мы-де вернёмся к этому разговору. Законничку и без того светила какая-нибудь награда: прикрыли целую шайку, работоторговля, да ещё открытый путь в Кошачьи Ходы в подвале... Вот разве что главаря взять не удалось.

Воспоминания не желают тонуть, растекаются маслянистой плёнкой на воде, вода колышется и закручивается в памятный водоворот: сейчас повеет яблоками, унесёт к сегодняшнему виру... Что за чушь, я не пьян, так, фляжка в кармане, уже вторая за вечер, вот только меня же ни черта ни берёт. Кожа чувствует речной холодок, в голове толпится

полсотни интересных вопросов.

Интересно бы знать, сколько дряни душевной может вместиться в трюм одного поминального корабля? Если уж кто-то всерьёз считал, что в Корабельный день мы можем потопить грехи и невзгоды в Водной Бездони — стоило бы рассмотреть соотношение внутренней помойки и корабельных размеров. Вел себя как мразь — покупаешь судно не размером с крысу, а размером с кошку. Начинает проседать — увеличиваешь грузоподъёмность, ставишь дополнительный такелаж... не помогает и это — закупаешься флотилией. Отправляешь по течению парусный флот с доверху забитыми трюмами — интересно, вся эта чертовщина бы толкалась на входе в Водную Бездну? А крысы — они успели бы сигануть и выплыть?

Внутренний грызун раздувался для безнадежного вздоха. Ай, что с тобой делать, Гроски. Вот сейчас ты дойдёшь до простейшей мысли: если уж человек такая мразь, что ему нужна флотилия для Корабельного дня — почему не закончить без посредников? Самому стать для себя кораблём, который понесёт твою дрянь в Водную Бездну. Смотри, какая чёрная, какая холодная вода, а вот и берег повышается и нависает над речкой удобным таким козырьчком. Шаг — и водица понесёт вслед за кораблями, конечности онемеют быстро, чёрная вода вольётся в горло, смоем мерзкий комок, который там поселился, вымоет иглу из сердца, можно будет не бежать...

Только ты же выплывешь, Гроски. Вцепишься в ветки, заорёшь, будешь грести, выползешь на берег. Хватит уже притворяться. Если ты откуда и сигаешь — так это с кораблей, которые тонут.

Впрочем, тонут они тоже из-за тебя.

Под козырьком лежала солидная коряга, а около неё закручивался маленький водоворот. В лунном пятне, среди длинных обглоданных стеблей трав билось опрокинутое набок судёнышко с погасшим фонарём.

Я-то думал, ещё у пристани потонет. Руки подрагивали, когда отпускал, и парус я тоже приладил криво, а то, что там было...

Лицо Эрли, и его прощальный хрип, и то, как я разворачивал его тело и разыскивал ключи в карманах — всё вытекло теперь в воду, и Эрли ухмыляется оттуда: поговорим, кузен? Поговорим — киваю я. Мы с тобой удивительно многое недоговорили. Вот, например, насчёт разбитых кораблей и тех, кто с них успел сигануть.

— У меня вот с кораблями не ладится. Совсем прямо не ладится. С детства.

Хотя это тебе лучше меня известно, а? Ты строил флотилии из листьев... потом деревянный флот. А у меня если что получалось — тонуло непременно, как вот...

Эрли в воде колыхается невозмутимо. И прорастает в ночь, тихо подходит за спиной, с левого плеча. Высокий, рыжеволосый, смотрит вниз с обрыва, на погибший корабль.

— Это просто традиция. Не больше.

— Ага. Ты хотел быть капитаном, верно? Земли новые разведывать, всякое такое... Всегда поражался этому делу, знаешь. Правилу. Мол, если уж ты взялся рулить кораблём — покидаешь его последним. Почему так, а?

Он колеблется там, за спиной, и качается сзади светлое пятно... он что же, пришёл в огне? В ореоле света? Но если оглянусь — спугну.

— Мне всегда казалось — потому что корабль становится частью тебя. Корабль — и те, кто на нём...

— Даже крысы?

Молчание, взволнованное дыхание, и ветерок морщит чёрную воду.

— Почему ты говоришь об этом? О кораблях и крысах? Это из-за...

Голос из-за плеч осекается. Тонет в ветре, а может — в визге крысы: нет! Не надо о замке Шеу, мне же и так с этим... дальше...

Корабельная ночь — время для более дальних плаваний.

— Я рассказывал тебе, как бежал с Рифов?

— Конечно.

Что я ему там ляпнул? Насчёт того, как мы разучили древнее заклинание терраантов, а потом пели его хором, двумя бараками, так и усыпили охрану? Или как мы копали подземный ход из барака вилками?

— А, ну да. Но это же ничего, а? Лови ещё рассказец. Про корабли. И крыс.

— Но ведь бежать с Рифов на корабле...

Смех лезет из горла трескучий, будто морозы в Крайтосе. Чёрная вода манит: давай же, шажочек в бездну памяти... как там в твоих внутренних трюмах? Ещё можно отыскать нужное? Ты же так старался завалить это рухлядью разноцветных баек...

— ...попасть на Рифы и не думать о побеге — отличная шуточка. Кто думает, кто мечтает, кто даже планирует — это такой вариант рифского досуга. Я, понятное дело, прикидывал кое-что, но риски были велики.

А мне не очень-то нравится иметь дело с высокими рисками, ты же за это меня и ценил, а, Эрли? За это и за умение выбрать варианты. С вариантами было не очень. Можно попробовать спрятаться на одном из уходящих кораблей — порт у барачников вечно забит приходящими-уходящими. Привозят заключённых, охрану, вещи, провиант, увозят товары, которые добываются на Рифах. Только вот корабли обыскивают на выходе, и артефакты там реагируют на сковывающие магию браслеты. А такие браслетики просто так не снимешь. Нужен ключ. Или Мастер.

Ещё можно сбежать с работ и присоединиться к умеренно дружному братству «крабов» — бывших заключённых, которых, бывает, на Рифах немало набирается. Коротать дни на скалах, делать набег на бараки, вынашивать планы побега. И прятаться от облав — а если не удастся спрятаться, проживёшь недолго.

Говорят, были те, кто прошёл артефакторные заграждения при помощи лошадок-гиппокампов — мол, им «костоломка» не помеха... Вот только верить судьбу водной лошади мне тоже не хотелось.

— ...в общем, даже если бы меня пригласили в побег в компанию — я бы и за сотню золотниц в это дело не вляпался. Так что я всё прикидывал варианты, но тут судьба решила взять меня покрепче за шкирняк, да и шваркнуть как следует. Как всегда, в общем-то.

Лунный профиль презрительно морщится сверху. Безучастно слушает, как в тёмную воду падают имена: Эрни, Пит, Ноттар, Зарден... разбуди с закрытыми глазами — и перечислю все восемь имён, да. Заговорщиков, которые планировали побег. О котором случайно узнал некий Лайл Гроски.

— Верховодил у них Твилл — в бараке прозвали Рыжевлаской. Серьёзный товарищ, из тех, которые гнут подковы взглядом. Он как раз и понял, что я прислушиваюсь к их милой воркотне по углам. Нет, мне правда было любопытно — слухи, знаешь ли, ходили, насчёт того, что подбивают народ на бунт, что хотят захватить комнату с горными зельями и взорвать охрану... Так вот, Твилл понял, что я интересуюсь делом. И отнёсся ко мне... скажем — без особенного доверия, а?

«Сдать хочешь?» — полетело через рыжую бороду — и выбора не осталось. Под пристальными взглядами восьмерых, в углу барака — не осталось. Зашевелился внутренний грызун, панически заметался между «умирать» и «бежать».

«Что, крыса, небось, разнюхал? Сдать хочешь?»

Ноттар бормотал: «Да он нормальный парень», двое заламывали мне руки, а Твилл развалился на нарах и сверлил взглядом — мутноватым, из-под нависших бровей...

«Ага, с утра побегу к Стрелку! Вы что тут, поехавшие все?! У меня двадцатка без амнистии, какой мне расклад шестерить? А? Чтобы меня рано или поздно пришли?!»

Крыса внутри одобрительно кивает. Шепчет: так их, так. Они не могут знать о твоих беседах с молодым «скатом».

Иначе уже убили бы.

— Открою тебе секрет: когда тебе хотят всадить шильце в печень — ты приобретаешь безумную убедительность.

Темная вода колышется между ивами, и кусты рисуют тенями и остатками листьев силуэты: восемь фигур, вот девятая... взмахивает руками, убеждает остальных: да какое там, я только и мечтал отсюда убраться. И к вам неспроста присматривался — ищу, стало быть, надёжных ребят. С которыми можно повернуть побег.

Не «крыс» каких-нибудь — чтобы не сдали.

И месяц плавает — ухмылкой Твилла-Рыжевласки: «Компанию ищешь? Будет тебе компания на дне» — и острое тычется в печень, дышит в ухо Карн-южанин, стены сдвигаются, крыса корчится внутри, льстиво изгибает хребет: «Да стойте вы, я знаю, я вам скажу... я знаю, как её пройти».

Ветки шлёпают по воде. Нужно совсем немного воображения, чтобы превратить это в вечное «чавк-чавк-чавк» вечного сторожа Рифов — «костоломки».

«А он с Рифов бежал, в "костоломку" попал, не дождутся товарища дома», — очень, очень распространённый в рифских песнях сюжет.

Древнее урочище за полмили до Рифов пролегло вскоре после строительства корпусов. Какому-то строителю стукнуло в голову, что огромная тюрьма самую малость не защищена с моря — а ну как навестят пираты-грабители-родственники заключённых. Строители воззвали к фантазии Мастерграда, не знаю, к чему взывали древние Мастера... знаю результат.

Скрюченные стальные пальцы. Жадно сгребаящие воду и втаскивающие всё, что оказывается поближе, внутрь, в валы, в безжалостные челюсти. Неспешное, натужное вращение: бух-бух-ух-чавк, и шипение воды, водная пыль, насытый оскал изъеденных временем зубцов...

— «Костоломку» не пройти сверху: она выпирает из воды. Снизу тем более: втянет и сожрёт. Её пробовали заклинивать, но, если она не может перемолоть что-то — отплёвывает, да и всё. Взорвать, кстати, тоже пытались. Зубцы малость изогнулись, а вращалась она так же. Что эти Мастера там состряпали — ума не приложу, но лет сто назад её даже хотели внести в список Чудес Кайетты — вместе с Камнем, Кормчей, вирами и прочим... меня эта тема ещё в учебке интересовала, не поверишь, даже пару дополнительных книг одолел. Как знал, а? В общем, корабль может пройти только через «ворота» — оставленный напротив каждого порта проход. Вот только как раз на выходе из «ворот» корабли повторно обыскивают.

Мне приходилось работать на полях терпенеи, откуда «костоломка» видна — и я

вслушивался в её вздохи и почавкивания, мысленно считал — как часто лопасти ударяют по воде. Слышал треск — когда в ограду влетала ветка или кость. И припоминал всё, что успел зачерпнуть в «учебке», особенно случаи, когда к «костоломке» приближались неосторожные суда. Суда-то терпели крушение, а вот экипажи в половине случаев выживали — вот что мне помнилось.

Может, тогда мне и пришло это в голову. Если бы я ещё успел обдумать как следует...

— В общем, я им изложил, и они хором решили, что я рехнулся. Только вот их планы были не лучше. Всё это... знаешь «Пит был подрывником, взбунтуем барак, подорвем охрану, а потом поищем — у них же тут должен быть вир!» или «Захватим резиденцию дедули Детраска!» Да такое и раньше пытались провернуть, так что даже Рыжевласка понимал — насколько это тухлое дело. Может, он как следует чокнулся, если решил делать, как я сказал. Может, рассчитывал на фактор неожиданности — потому что такого-то уж точно никто не делал. А может, я его просто убедил. Я же говорил тебе — на пороге смерти становишься диво убедительным, а?

А может, он понимал меня лучше меня самого.

— Ну и что, что суда в порту не особо охраняют! — шепчет Нарден, показывая прогнившие зубы. — Да только чокнутый... с Рифов... морем...

— А вот мы посмотрим, — ухмыляется Твилл и ввинчивает в меня буроватое свёрлышко взгляда. — Непохож он на чокнутого, а. И на самоубийцу не тянет. Я так скажу — он тянет на того, кто очень хочет жить. А расклад у него теперь один: бежать с нами и нас за собой вытащить. Слышишь, Гроски? Надумаешь донести... если с нами вдруг что не так — шенну кой-кому на будущее, тебя всё равно прирежут.

— Выбора он мне не дал, да и времени... Могли донести барачные «крысы». Да и дружки Твилла хотели подаваться в «крабы», у них с местными были договорённости, они-то и начали заваруху в бараке. Пришлось идти. До пристани дошли нормально, под прикрытием ливня. Выбрали шлюп. Одномачтовый, зато с хорошим ускоряющим кристаллом. У Твилла с подельничками получилось тихо убрать сторожей. Капитан был в каюте — непонятно, что его занесло, ночью... с этого и началось.

Чёрная вода оборачивается солёными волнами, и внутри заново переплетаются страх и безнадёжность, из каюты доносится короткий вскрик, звук борьбы: «О, вяжи с-с-скотину, вот и заложничек!» Палуба скользкая от дождя, Твилл, ухмыляясь, раскочегаривает ускоряющий кристалл, его помощнички торопливо пробегают по палубе: штурвал-канат-паруса...

Паруса хлопают над головой, и завывает грызун внутри, и я отбрасываю его раз за разом, пока передаю через Твилла команды: кто из бывших морских, по местам, надо развернуться, положить корабль на курс...

— Мы пошли не к ближним «воротам» — на то и был расчёт. Повернули, будто собрались пройти вдоль берега — к следующему порту, а может, к другим «воротам». Команда где-то отмечала разгрузку — в общем, тревога поднялась с большим опозданием, когда мы прошли мили две и повернули.

— К берегу? — спрашивает рыжий из-за плеч.

— К «костоломке».

Сзади давятя воздухом. Ничего, Твилл ещё и не так давился, когда я ему излагал свой план. Давился, тряс меня в ручищах, будто куклу. Хрипел:

— Ты что... снятил? Снял, да?

— Не больше, чем вы, — шипел я в ответ. — Я просчитал! Мы успеем. Слышишь. Успеем!

Грызун изнутри больно впивался в печень: слишком много переменных...

— Нужно было всего только разогнаться как следует. На полную. На всю мощь кристалла. И посадить клятую посудину дном на «костоломку». Наискосок. Я же читал, в учебке... Скорость оборотов, всю эту дрянь. Бывали случаи, когда команда успевала: «костоломка» работает постоянно, но не быстро. Пока «костоломка» будет жрать корабль снизу — мы спустим шлюпку по ту сторону. Поставим на шлюпку ускоряющий кристалл, а там... Пока они связались бы с портом, выпустили бы погоню вовне из «ворот»... мы затерялись бы в море, искали бы нас долго.

Долго и искали, Нэйш мог бы рассказать. Пока собрали, что могли...

Темная вода с чего-то кажется разбавленной кровью.

А позади — тишина. Поражённое молчание, только свет не ушёл, дрожит и прыгает по речной воде...

— Сперва всё шло неплохо, а потом как... Капитана скрутили не до конца, а может, прозевали, что он огненный маг. Освободился, выскочил на палубу, решил, видно, сигнал дать, бахнул огнём — попал по парусу. Больше не успел ничего.

Здоровяк Ноттар навалился сзади, хрустнули кости, тело капитана перевалилось через борт, исчезло там, где смешались вода и дождь.

— Урод! Это был заложник!

— Да какие, в вир, заложники теперь!!

Паруса полыхали магическим пламенем, и на палубе плясали демонические тени: махали руками, визжали, орали...

— Вперёд! На полной мощи кристалла! Сейчас!

— Там подняли тревогу! Тревогу!

— Надо поворачивать! Поворачивать!!

Плачущие ругательства, перемешанные с молитвами. Гулкий, бездумный топот по палубе, перекошенное в свете огня лицо Твилла, змеиное шипение дождя, который борется с пламенем...

Эй, Эрли, ты там как — пытаешься вообразить себе это? Корабль с горящими парусами на полной скорости мчит к «костоломке» наискосок. Дождь и огонь. Голубоватое свечение ускоряющего кристалла — на носу, возле штурвала...

И вопли: ругательства и молитвы, призывы заткнуться, визг...

— Не проскочим мы! Не проскочим!!

— Там погоня! Погоня! Всё!!

— А-а-а-а, мамочка моя... а-а-а-а, Девятеро...

— Заткнуться, плаксы. По местам, кому сказано!

— Я лучше выпрыгну! Шлюпку дайте спустить!

Ноттар пытается отпихнуть южанина Карна от шлюпок, тот вцепляется ему в глотку, кто-то бежит по корме и всхлипывает, ещё трое сцепились за вторую шлюпку, кто-то рванул штурвал...

— Кто-то рванул штурвал, рулевой наш не удержался... потеряли угол. Скорость тоже: Эрни, то ли ещё кто... дёрнул кристалл, тот вывалился из паза. А «костоломка» уже была близко.

Я устоял на ногах — потому что слышал, как приближается неутомимый, жадный

хохот проклятых лопастей, хохот перешёл сперва в грохот, потом в оглушительный треск, судно накренилось, проклятия переплелись с визгами, и тогда я понял...

— Мы не успели бы спустить шлюпку. Одну потеряли при столкновении, вторая была слишком далеко. Да и угол, на котором врезались, был не тот. Началась паника. Они кричали. Дрались между собой: сцепились за ускоряющий кристалл.

Ты только не уходи, Эрли, мне обязательно нужно тебе это рассказать. Хоть кому-то за годы рассказать — как было по-настоящему. Одно время мне казалось — я уже и сам это забыл.

Оказалось, помню.

— На судах, которые делают рейсы на Рифы, обязательно есть «непотопляйки». По сути, те же ускоряющие кристаллы, только мелкие. Страховка — если вдруг кораблекрушение и что-то не так со шлюпками. Таскать такое на себе — магию портить, да и примета дурная, а морские все верят в приметы. Ну, ты знаешь, ты ходил по морям. Так вот, мы обшаривали каюту капитана, искали — чем отомкнуть «браслеты»... И там были такие штуки, в шкатулке. Твилл, понятное дело, загрёб её себе.

«"Непотопляйки"! — в голосе режется крысиный визг, голосу не перебороть шипение полыхающих парусов, вопли, треск досок и сиплое рычание железной твари, которая перемалывает корабль. — У Твилла артефакты в шкатулке!»

Рыжевласка рычит что-то, чего не разберёшь за пеленой дождя, пытается заслонить от остальных шкатулку... поздно, к нему кидаются разом трое:

— Отдай, сволочь!

— Мне первому! Мне!!

Ругательства и треск накренившейся палубы. Мимо, подпрыгивая, пробегает шкатулка. Распахивается — и оплетённые в медь кристаллики скачут на волю, по мокрым доскам. Вслед за кристаллами прокатывается клубок тел.

— Мрази! Скоты!

— Пусти!

— Шкатулку вывернули прямо на палубу. Кто кинулся собирать, кто... не знаю, они дрались там ещё. Я уже знал, что шансов нет. До того, как крикнул. Уже знал, что сделаю. Я просто...

Закоченевший голос тонет в чёрной воде с искринками звёзд. Налетает сквозняк — морщит воду, доносит из-за плеч продолжение:

— Прыгнул.

Я кивнул. Точно. Извини, что вслух никак, братишка. Не смогу описать. Мокрая палуба и тела на ней. Обратившиеся в факел паруса. Позади из пелены ночи прорезаются корабли погони. И проклятия — они все проклинали меня, все как один. Собирая кристаллы или перегрызая глотки друг другу.

Палуба вздыбливается под ногами, опять оскальзываюсь, хватаюсь за фальшборт, соскальзывают пальцы. Трещат и ломаются кости корабля на зубах «костоломки», перекатываются два тела — мертвы? Живы? Уже наплевать, нужно быстрее. Яркий ускоряющий кристалл, из-за которого они дрались, выскользнул на свободу — мгновенное движение ладонью...

«Крыс-с-с-са... — борода у Твилла была окровавлена, взгляд — безумный, мертвая хватка на плече. — Из-за тебя, крыс-с-са...»

Молча двинуть в челюсть, отработанным законническим приёмом выставить

подножку. Нос, верёвка, в ней уже нет смысла: корабль кренился, он всё ниже, так и так затянет в челюсти «костоломки»...

Внутри заходится от предсмертного визга грызун, а чёрная, солёная шипящая вода внизу кипит, летят щепки и обломки досок, и всё заслоняется единственным инстинктом: скорее вон с корабля!

— Кры-ы-ы-ыса-а-а-а!

В кулаке горит ускоряющий кристалл, я разбегаюсь, толкаюсь о фальшборт и лечу в чёрные, солёные буруны, в треск и шипение, соль обжигает горло, какая-то доска прикладывает по затылку, главное — вытянуть руку правильно, чтобы артефакт тащил дальше от рокота и плеска, от воплей на палубе...

Опомнился, стёр брызги соли со щеки — надо же, долетело через годы.

— Кристалл оттащил меня от «костоломки» хоть на сколько-то. Прихватил какой-то обломок... дальше уже артефакт тратил, чтобы дольше протянуть в воде. Не знаю, сколько прошло... подобрали меня браконьеры. Шли с ночного лова рыбы, а выловили такой вот подарочек. Мы с теми ребятами живо сошлись, они потом отвезли меня в Тильвию, там нашёлся Мастер — снять браслет, блокирующий магию...

Мастер тоже потом спрашивал — как я ухитрился сбежать. Как и ребята, которые достали меня из тёплых восточных вод. Не помню — что я им скормил. Но, наверное, выглядело правдоподобно.

— Лайл Гроски, беглец с Рифов. Уцелел единственный из девяти — как звучит-то, а? А на деле что... Это было везение чистой воды.

Рыжий там, за плечами, кажется, хочет спорить, но я встряхиваю головой — молчи!

— Меня могло затянуть в «костоломку» после прыжка. Могла заметить погоня и не заметить — те самые браконьеры. Я мог угодить в холодное течение и помереть о переохладения. Пристать к островкам сирен или попасться какой-нибудь хищной зверюге. В этом побеге нет ничего выдающегося — вот в чём правда. Я оказался не самым сильным, умным или быстрым. Просто более везучим, чем они все. Может ещё — более подлым.

Лежащий на боку деревянный кораблик бьётся о корягу — опрокинутый и беспомощный. Позади молчат — и я знаю, что нужно будет обернуться, закончить Поминальную ночь — и выдохнуть, и пойти дальше, грызть и обращать в труху. Только что-то вот в груди тяжело, будто вечный грызун там раздулся наподобие утопленника...

— Так что, как видишь, я не лажу с кораблями. Неизменно пускаю их ко дну. Каждый раз. И знаешь, почему?

Лицо Эрли в чёрной воде медленно растворяется — и я оборачиваюсь, чтобы встретить взгляд того, за моей спиной. Кто отвечал мне. Говорил со мной.

Свет ударяет по глазам: он стоит с фонарём в руке. На ладони, которой он держит фонарь, Печать Воды. А за светом от фонаря угадывается рыжина волос.

Вот только это не Эрли.

ЯНИСТ ОЛКЕСТ

Я ещё стоял, замороженный песней нойя, а голос Аманды налился мёдом, загорелся специями, перелился в медовое воркование: посиделки у камина, да-да-да, непременно, будем рассказывать истории и петь песни... ах, дивные песни. Никаких возражений, сладенькие мои, если кто устал — у меня есть зелья, а ещё — чудные пироги, имбирный

взвар — не оторвётесь, да-да-да, всем нужно согреться!

Фреза что-то пропыхтела коротенькой трубочкой, и народ начал убывать: Йолла убежала поглядеть, как плывут корабли, Мел направилась к вольерам, Уну поманила из темноты Аманда: «Всё надо подготовить, да-да-да!»

Чья-то рука легла на плечо. В глазах у Гриз Арделл отражались два лунных паруса.

— Янист, я вот всё думаю... среди этих ребят в замке, было много «пустых элементов». Некоторым некуда идти. В вашей общине, в Алчнодоле их могли бы принять? Хотя бы временно?

Вот значит, о чём она размышляет в Корабельную ночь. И зачем я начал краснеть? Хотя в темноте не видно.

— Я напишу учителю Найго — но я уверен, что он только обрадуется. Детей в общине всегда встречали радушно. Там хорошие учителя в школе, даже если ребята не захотят остаться — у них будет потом шанс.

Она коротко хлопнула меня по плечу, кивнула в сторону «Ковчезца» — приглашение присоединиться — и зашагала за Мел в сторону загонов.

Невыносимая, от которой меня едва ли увезёт хоть один корабль в этом мире.

Нужно отдать ей перчатки, — вспомнил я. А подарки в моей комнате все — и атлас для Йоллы, нитки для Аманды... Нужно достать — наверняка ведь подарками будем обмениваться как раз внизу, у камина. И я подхватил фонарь и приготовился шагнуть вслед за Амандой и Уной — за праздником...

Остановился, зацепившись взглядом за лишний фонарь.

Мы были ввосьмером на дощатом настиле. Хааты не было — она терраант, не празднует Корабельный день. И не было Нэйша (хвала Единому!). А Лортен развлекается с друзьями.

Но Лайл Гроски был. В замке Шеу, и в питомнике, и в нашей комнате, и здесь на пристани — тоже. Он мелькал, отвечал на вопросы, выполнял распоряжения. Только он словно сливался: со стенами, с клетками, с кроватью и ночью — странное полуприсутствие, а теперь вот... может, он ушёл вместе с Амандой и остальными?

Я подхватил фонарь Гроски во вторую руку, приоткрыл заслонку. Куда мог деться сосед по комнате? Не следовало выпускать его из виду: ему пришлось тяжелее остальных там, в замке на допросах. Говорят даже, что главарь этих мерзавцев был родичем Лайла — и кто знает, что Лайл чувствует по этому поводу.

Лайл отыскался через сотню шагов от пристани. Он стоял на берегу, прислонившись к старой корявой иве, почти незаметный у её ствола. И, кажется, не услышал моего оклика. Весь был поглощён зрелищем — своим несчастным корабликом, попавшим в водоворот.

— Это традиция, — сказал я. — Только традиция.

И хотел прибавить, что не каждый кораблик проплывает даже сотню шагов: они сталкиваются, сцепляются парусами, выбрасываются на берег, тонут... Но тут он снова заговорил — сперва о кораблях и крысах, потом о Рифах.

«Нужно привести Арделл», — мелькнула паническая мысль, потом я понял, что вряд ли Лайл захочет, чтобы Гриз это слышала. Он даже вряд ли хотел, чтобы я это слышал: говорил словно с давним знакомым.

Один фонарь светил с земли, второй был у меня в руке — но Гроски оставался в тени дерева, и дрожащий луч выхватывал по временам — опущенную голову, то сжатые пальцы. И казалось: пошарь в серой, высохшей траве — увидишь ещё сброшенную кожу.

Наверное, нужно было прервать его — но я не мог. Слово приоткрыл знакомую книгу

— а под обложкой оказалось нечто непривычное, жуткое, и теперь ты, как замороженный, скользишь пальцами по строкам: бараки, «костоломка», горящие паруса — и летит в чёрную воду фигура человека, прыгнувшего с тонущего корабля.

— *Я оказался не самым сильным, умным или быстрым. Просто... более везучим, чем они. Может ещё — более подлым. Как что, как видишь, я не лажу с кораблями. Неизменно пускаю их ко дну. Каждый раз. И знаешь, почему?*

Он обернулся и взглянул на меня так, будто не узнавал. Потом прикрыл глаза и мотнул головой, словно отгоняя морок. У него был до странности весёлый вид — у моего безобидного соседа по комнате, только вот глаза запали и казались наполненными чёрной водой, в которую он только что всматривался.

— Потому что каждый раз я выбираю себя. Каждый чёртов раз... когда на весы ложится моя жизнь и чья-то еще или чьи-то ещё — я выбираю себя. Нэйш вот притаскивает группы в полном составе, чего бы это ни стоило. Псих и устранитель. Боженьки...

— Ты сравниваешь себя с Нэйшем?!

Лайл засмеялся. Смех его пронизывал, как Дар холода.

— Нет, ты что, он же у нас... несравнимый. Просто Корабельный день, знаешь... Тянет на размышления. Ты веришь в судьбу, парень? Ах нет, ты же веришь в Единого... и как выходит по твоей вере? Меня что, действительно вытащили для этого? Чтобы я постоянно топил корабли, сигал и опять... на следующий? Опять и опять, пока для меня не хватит в этот день никаких флотилий, и я не пойду на дно сам, как корабль в поминальный день?

Он вновь смотрел теперь туда, на корягу. Где бессильно бился в маленьком водовороте приземистый кораблик. Я встал рядом с ним и смотрел тоже — на полоску лунной воды, на обвисшие, промокшие паруса...

Сердце ныло от этого зрелища, и пасс с Печати пришёл сам по себе — словно волна толкнулась изнутри. Водоворот на миг разомкнул объятия, волна приподнялась — и опустила кораблик дном на воду. Он покачнулся, растерянно взмахнул тряпицами парусов — и, подталкиваемый магией воды, неспешно скользнул во тьму, к дальнему плаванию.

— Для Единого нет утонувших кораблей. Мой учитель говорил, что надежда есть для всех.

Он обернулся и глядел теперь с кривой ухмылкой.

— Надежда на прощение, я так понимаю? В Водной Бездони? Или как в вашей религии обозначается вечное «по-ту-сторону»?

— На изменение. По эту сторону. Учение Единого в том, что... в каждом выборе может быть надежда для тебя. Нужно только откликнуться ей. Единый, или судьба, или что-то, во что ты веришь, — что-то же привело тебя сюда. Как и меня. Остаётся только решить, как быть дальше.

Он странно засмеялся, когда я сказал о том, что привело его в питомник. Горьким смехом, словно прорастающим морозными узорами. Но я не остановился, потому что это было единственное, что я мог сказать — в Поминальную ночь Перекрёстков.

— Сегодня я услышал от одного человека, что нужно выбрать своё и держаться за это. Я... наверное, выбрал, Лайл. Я остаюсь здесь — и будь что будет. Может, тебе тоже нужно найти что-нибудь дорогое, чтобы не захотелось уходить. Или прыгать. Или...

Мне не хотелось говорить о потопленных кораблях сейчас — когда он стоит в свете моего фонаря, изможденный и с недобрый смехом на лице.

— А знаешь, что я ещё услышал? Нельзя тратить время. Говорят, на Перекрёстки время

очень дорогое — потому его проводят с теми, кто тебе дорог. Мы тут с тобой недолго, Лайл, но всё равно, негоже оставлять женщин одних в Корабельную ночь. Пойдём. Посидим у камина... послушаем песни нойя. Может, тебе станет полегче. Сегодня был дурной день. Тёмный день. Поминальный. Но скоро уже придёт рассвет, и с ним...

«...тысяча, тысяча дел», — едва не попросилось в мысли, так что я опять покраснел.

— ...с ним придёт новое. Лучшее. Если мы захотим этого. Пойдём?

Какая-то часть меня была уверена, что он не откликнется. Вновь отвернётся, начнёт вглядываться в тёмную воду. Но он только кивнул коротко, спрятав глаза. Взял из моих рук свой фонарь и шагнул к «Ковчежку».

Я пошёл вслед за ним — молча, приоткрывая заслонку своего собственного фонаря. И пока шёл — дыша холодным воздухом Поминальной Ночи — вспоминал слова учителя Найго:

«Наверное, даже отчаявшись, даже приговорив себя, даже решив, что лучше уже не станем — мы всё равно глубоко внутри продолжаем надеяться.

Даже стоя на своих Перекрёстках».

Больше книг на сайте - Knigoed.net